ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCVIII.

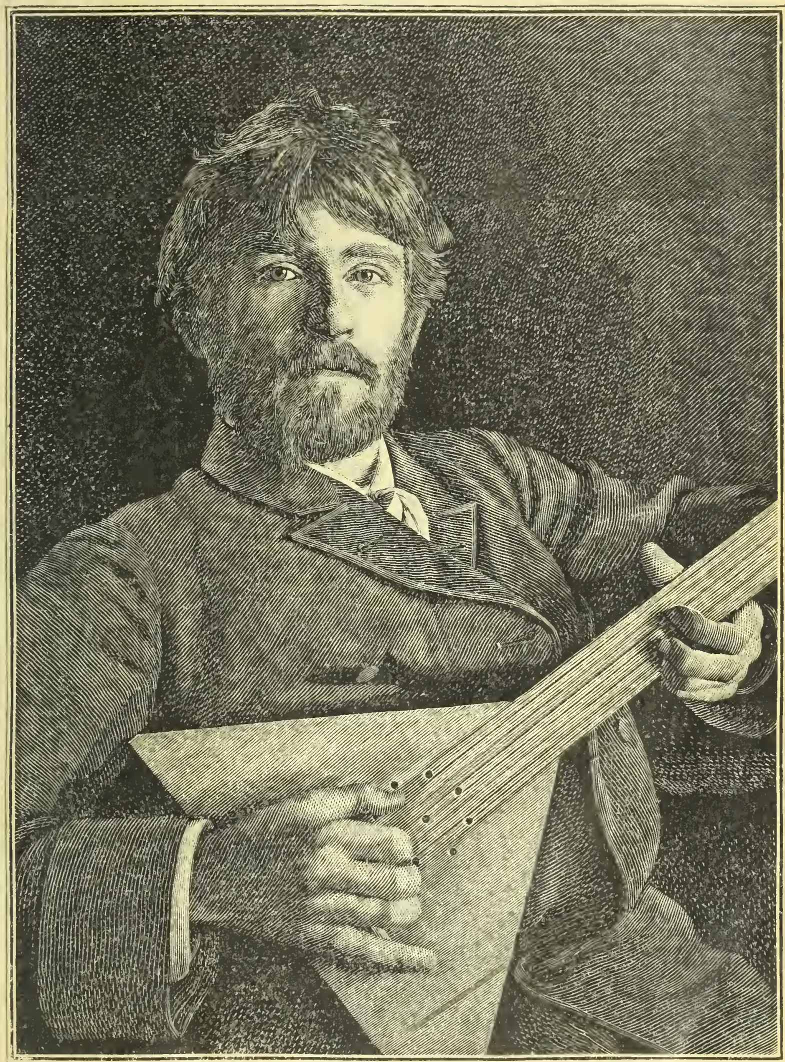
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XCVIII

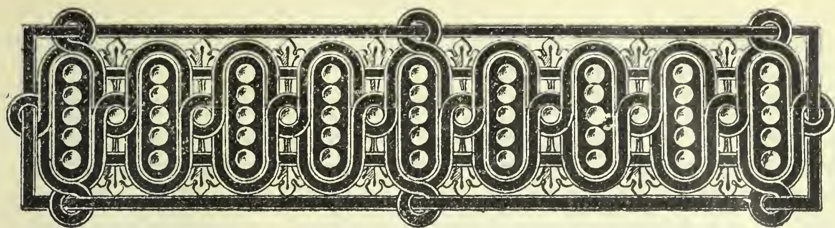
1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1904



АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ РЯБУШКИНЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 СЕНТ. 1904 Г. СПБ.



ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ [1].

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XXVIII.

РОШЛО нѣсколько дней, но за это короткое время случилось въ городѣ столько новаго, что одному человѣку не хватило бы и недѣли, чтобъ разсказать подробно эти происшествія, съ изложеніемъ ихъ причинъ и послѣдствій.

Изъ особенно выдающихся событій, совершившихся въявь, но по побужденіямъ, остававшимся тайной даже и для самихъ актеровъ великой трагикомедіи, разыгрывавшейся въ Рѣчи Посполитой, весьма волновало общественное мнѣніе сближеніе Карла Радзивилла съ королемъ, а еще болѣе примиреніе этого послѣдняго съ Чарторижскими. Король съ ними ужиналъ у пана коханко, а князь Адамъ сдѣлалъ визитъ своему коронованному племяннику. Ясновельможная же его супруга приняла приглашеніе на праздникъ, которымъ счастливый вѣнценосецъ рѣшилъ отпраздновать такое счастливое событіе, какъ примиреніе съ вождями враждебной ему партіи.

Обѣщала украсить этотъ праздникъ своимъ присутствіемъ и красавица Изабелла, а мужъ ея прокутилъ всю ночь въ Лазенкахъ и такъ напился пьянъ за ужиномъ, что его въ безчувственномъ состояніи доставили во дворецъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCVII, стр. 721.

Однимъ словомъ, по всѣмъ признакамъ, примиреніе можно было считать состоявшимся.

Ближе посвященные въ тайныя пружины сложной и хитрой машины чужеземнаго происхожденія, приводившей въ движеніе страсти руководителей польской политики, передавали другъ другу въ интимныхъ кружкахъ о возрастающемъ вліяніи прелата Фаста, объ огромной услугѣ, оказанной имъ королю открытіемъ во-время намѣреній русскаго двора для поддержанія его на престолѣ, о томъ, что графиня Анна Потоцкая выбрала его руководителемъ своей совѣсти, и что онъ теперь такой же частый гость во дворцѣ кіевскаго воеводы, какимъ былъ и остался во дворцѣ княгини Изабеллы. Ко всему этому, съ изумленіемъ прибавляли подробности о визитѣ прелату Фасту референдарія Подосскаго, о встрѣчѣ, во дворцѣ этого послѣдняго, агента римской куріи, съ русскимъ посломъ и о продолжительномъ разговорѣ, происшедшемъ между этими двумя представителями враждебныхъ другъ другу лагерей католичества и православія.

Да и мало ли что говорили! Увѣряли, напримѣръ, будто король ужъ успѣлъ воспользоваться благодушнымъ настроеніемъ своихъ бывшихъ недруговъ, чтобы замолвить словечко пани Аннѣ за своего фаворита, Аратова, и такъ краснорѣчиво доказывалъ ей всѣ выгоды для страны отъ брака умнаго и ловкаго москаля съ пани Розальской, что графиня, будто бы, стала подаваться на эти резоны и просила только дать ей время убѣдиться, что не Аратовъ заставитъ Розальскую измѣнить католической вѣрѣ, а Розальская заставитъ его отказаться отъ схизмы и перейти въ лоно католичества. Къ этому прибавляли, что король нашелъ требованіе это вполнѣ основательнымъ и обѣщалъ супругѣ кіевскаго воеводы пристальнѣе ознакомиться съ духовными воззрѣніями своего забавнаго собутыльника.

Но самой животрепещущей злобой дня все же оставалась таинственная красавица, заинтересовавшая короля на прошлой недѣлѣ въ Лазенковскомъ паркѣ. Теперь она, неизвѣстно какими судьбами, попала во дворецъ князя Казимира-Адама Чарторижскаго и продолжала такъ страстно занимать общество, что всѣ прочія новости и сплетни блѣднѣли передъ желаніемъ узнать: кто она такая, и увѣнчается ли успѣхомъ желаніе его величества познакомиться съ нею поближе?

Что побуждаетъ бывшую возлюбленную короля покровительствовать этой личности и окружать ее заманчивою таинственностью и какого рода выгоду надѣется она извлечь изъ этой хитро сплетенной интриги,—никто даже и представить себѣ не могъ, но это не мѣшало предаваться предположеніямъ самаго фантастическаго свойства во всѣхъ домахъ и дворцахъ Варшавы. Немалая доля этихъ предположеній выпадала на счетъ русскаго посла, которому

досужіе умы не прочь были приписывать всюду, гдѣ только можно было, таинственное и коварное вліяніе на судьбы страны. Находились и такіе, которые усматривали въ таинственной незнакомкѣ орудіе берлинскаго или вѣнскаго двора и даже Рима. Такъ или иначе, но всѣ сходились на одномъ: что ей суждено замѣнить всѣхъ женщинъ, царившихъ въ Лазенковскомъ дворцѣ, и можно себѣ представить, въ какомъ волненіи находились эти красавицы и ихъ семьи, строившія блестящіе планы на ихъ фаворѣ, какъ для себя лично, такъ и для политическихъ переворотовъ въ странѣ!

Когда разнесся слухъ, что княгиня Изабелла, уступая настойчивымъ просьбамъ короля, обѣщала привезти свою гостью на праздникъ въ Лазенки, всеобщее желаніе быть на этомъ праздникѣ возросло до апогея, и на него стали сбираться такія древнія старушки, которыя уже нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ замковъ своихъ не выѣзжали. Отъ страстнаго любопытства убѣдиться собственными глазами, не преувеличены ли толки о красотѣ незнакомки, почтенныя бабушки и прабабушки помолодѣли и стали заказывать себѣ къ торжественному дню, наряды одинъ пышнѣе другого.

— А вы что скажете про эту незнакомку?—обратился король къ Аратову.

День клонился къ вечеру, солнце закатилось за деревья, и въ прощальныхъ его лучахъ цвѣты въ клумбахъ, млѣя въ багровомъ золотистомъ блескѣ, дышали ароматами, подставляя пестрыя головки подъ легкій вѣтерокъ, качавшій верхушками кудрявыхъ липъ и каштановъ.

Вѣтерокъ пріятно освѣжалъ не одни только цвѣты въ Лазенковскомъ паркѣ, а также и разгоряченныя виномъ головы блестящей компаніи, расположившейся на одной изъ террасъ лѣтней резиденціи короля. Въ числѣ этихъ интимныхъ друзей его величества находился и Аратовъ, но онъ въ общей бесѣдѣ участія не принималъ и, удалившись въ противоположный конецъ террасы, сидя на ступенькахъ мраморной широкой лѣстницы, спускавшейся въ цвѣтникъ, разсѣянно слушалъ щебетаніе двухъ фей изъ сонма тѣхъ, что ютились въ роскошныхъ гнѣздышкахъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ лѣтнюю резиденцію монарха.

Чтобъ отвѣтить на вопросъ, предложенный ему королемъ, Дмитрій Степановичъ не безъ сожалѣнія оставилъ своихъ собесѣдницъ и, лѣниво поднявшись съ мѣста, подошелъ къ группѣ, окружавшей Станислава-Августа.

— Я думаю то, что всѣ думаютъ, ваше величество,—небрежно произнесъ онъ, мелькомъ глянувъ на молодыхъ магнатовъ, отступившихъ на шагъ при его приближеніи, окидывая его съ ногъ до головы взглядомъ, выражавшимъ не столько доброжелательство, сколько плохо скрываемое презрѣніе.

— Что же именно?—спросилъ король.

— Это мистификація,—отвѣчалъ Аратовъ.

— Почему мистификація?

И, съ улыбкой похлопывая по столу рядомъ со своимъ кресломъ, его величество пригласилъ Дмитрія Степановича занять мѣсто поближе къ нему.

— И кто же осмѣливается мистифицировать его величество?—подхватилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— О, особа, придумавшая эту мистификацію, очень смѣла и такъ мало боится короля, что самъ король ея боится!

Его величество звонко расхохотался.—Ну, называть ее вамъ нечего, мы знаемъ, на кого вы намекаете,—замѣтилъ онъ весело.—Дѣйствительно въ нашемъ государствѣ есть дама, которой я боюсь гораздо больше, чѣмъ она меня... Но въ чемъ же состоитъ ея мистификація, и почему вы полагаете, что она направлена именно противъ насъ?

— Потому что ваше величество не дали себѣ труда скрывать своего восхищенія таинственной незнакомкой, встрѣченной въ этомъ паркѣ.

— Вы, значитъ, все еще держитесь того мнѣнія, что незнакомка эта и пріятельница княгини Изабеллы,—одна и та же личность?

— Кто же въ этомъ сомнѣвается, ваше величество?

— Однако княгиня Изабелла въ этомъ не сознается.

— А развѣ ваше величество ее объ этомъ спрашивали?

— Нѣтъ, но... я тутъ еще не вижу мистификаціи.

— Какъ же назвать таинственность, которою она ее окружаетъ, чтобъ возбудить всеобщее любопытство, а въ особенности любопытство вашего величества? Я называю это мистификаціей и нахожу, что она удалась ей, какъ нельзя лучше. Навѣрное ваше величество давно забыли бы про эту женщину, если бъ встрѣча съ нею не была обставлена такъ загадочно, и если бъ она вдругъ не перелетѣла изъ дома жидовки въ Уяздовѣ въ роскошный чертогъ князя Чарторижскаго...

— Какъ вѣдьма на помелѣ,—подхватилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Графъ предвосхитилъ мою мысль, я именно и хотѣлъ это сказать,—продолжалъ Аратовъ.—И въ данномъ случаѣ княгиня Изабелла, надо ей отдать справедливость, очень искусно сыграла роль вѣдьмы... Какое самоотверженіе!—прибавилъ онъ насмѣшливо.—Правда, что ей не въ первый разъ представляться не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ; за границей она разъѣзжала въ мужскомъ платьѣ и кружила головы всѣмъ, встрѣчавшимся ей на пути, женщинамъ... Кто знаетъ, намъ, можетъ быть, суждено ее видѣть и въ другихъ еще роляхъ, актриса она геніальная, этого у нея отнять нельзя.

— Однако сейчасъ видно, что вы не успѣли въ томъ, что ей удалось, любезный другъ,—замѣтилъ король,—и что вы не можете ей этого простить.

— Трудно тягаться съ вѣдьмами, ваше величество.

— Особенно, когда онѣ молоды и обаятельны.

— Именно такъ. Вашему величеству лучше, чѣмъ кому либо, это извѣстно.

— Не всѣ женщины вѣдьмы, Аратовъ.

— Всѣ, ваше величество, точно такъ же, какъ всѣ вѣдьмы женщины,—съ комичною серьезностью заявилъ Дмитрій Степановичъ.

— Вы сегодня къ дамамъ очень не благосклонны. Хорошо, что пани Розальская васъ не слышитъ!

— О, ваше величество, она не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя не любятъ правды!

— Ну, вы въ такомъ упорномъ настроеніи, что васъ ничѣмъ не убѣдишь. Лучше съ вами не разговаривать... Пойдемте играть, господа,—продолжалъ король, поднимаясь съ мѣста и указывая на освѣщенныя окна въ тѣхъ покояхъ дворца, гдѣ лакеи зажигали свѣчи на раскрытыхъ карточныхъ столахъ.—Чѣмъ теряться въ догадкахъ насчетъ незнакомки, подождемъ дозавтра, когда намъ можно будетъ воочію убѣдиться, такъ ли она хороша, какъ показалась мнѣ при первомъ свиданіи. А пока, за мною реваншъ, Браницкій, и если вы думаете, что есть такая красавица на земномъ шарѣ, которая можетъ заставить меня забыть, что я вамъ вчера проигралъ двадцать тысячъ злотыхъ, то вы очень ошибаетесь... А вы что же, Аратовъ, вѣдь и вамъ тоже не мѣшаетъ отыграться,—повернулся онъ къ Дмитрію Степановичу, который вмѣсто того, чтобъ присоединиться къ обществу, направлявшемуся въ покои, засматривался на черныя тѣни, постепенно сгущавшіяся въ паркѣ.

— Попрошу у вашего величества позволенія прійти минутъ черезъ двадцать. У меня пріѣзжій изъ деревни человѣкъ ѣдетъ сегодня ночью обратно, и я долженъ отправить съ нимъ письмо прабабкѣ,—отвѣчалъ Аратовъ.

— Хорошо, хорошо, справляйте ваши дѣла и приходите къ намъ скорѣе, безъ васъ скучно.

Король скрылся со своими пріятелями за широко растворенной дверью въ ярко освѣщенныя комнаты, и вскорѣ изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, раздался оживленный говоръ, веселый громкій смѣхъ и страстные споры усѣвшагося за карты общества, а Дмитрій Степановичъ торопливо прошелъ къ маленькому павильону, отданному въ его распоряженіе на лѣтніе мѣсяцы королемъ, который такъ къ нему привязался, что дня не могъ безъ него прожить и повѣрялъ ему всѣ свои сердечныя тайны.

Помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, спальни, кабинета и покойчика для Езебіуша, продолжавшаго и здѣсь такъ же вѣрно и усердно охранять интересы своего господина, какъ и раньше, когда мы видѣли его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Малявинѣ слѣпо и безпрекословно исполнявшимъ приказанія господина самаго щекотливаго свойства, и не задумывавшимся ни передъ опасностью, которой онъ подвергался, ни передъ затрудненіями.

У Дмитрія Степановича было свое хозяйство въ домѣ, нанятомъ имъ въ лучшей части города, держалъ онъ и лошадей, и экипажи, и приличный штатъ прислуги, а также прекраснаго повара. Король не разъ у него ужиналъ послѣ ночныхъ экскурсій къ продажнымъ прелестницамъ, до которыхъ его величество былъ такъ же падокъ, какъ и до красавицъ княгинь и графинь лучшихъ фамилій и до авантюристокъ иностранокъ, наѣзжавшихъ сюда изъ-за границы, чтобъ попользоваться щедротами коронованнаго Донъ-Жуана, прославившагося по всей Европѣ своею слабостью къ женскому полу. Станиславъ-Августъ не могъ не понимать, что Аратовъ приноситъ для него немалую жертву, тѣснясь въ скромномъ павильонѣ, чтобъ доставить ему удовольствіе, и онъ былъ ему за это благодаренъ тѣмъ болѣе, что не подозрѣвалъ, какою цѣною намѣреваются заставить его заплатить за эту жертву. Дмитрій Степановичъ былъ такого мнѣнія, что лучше рискнуть ничего не получить, чѣмъ получить мало, и такъ упорно отказывался отъ богатыхъ подарковъ, на которые король былъ чрезвычайно щедръ со своими приближенными обоего пола, что съ каждымъ днемъ его долгъ москалю увеличивался.

— Я у васъ въ неоплатномъ долгу, Аратовъ,—сказалъ онъ ему однажды со смѣхомъ.

— Правда, ваше величество, и я, можетъ быть, скоро предъявлю вамъ счетъ къ уплатѣ, —замѣтилъ на эту шутку далеко не шутливо Дмитрій Степановичъ.

Онъ зналъ, какъ нельзя лучше, что король ни въ чемъ ему отказать не можетъ, и, повидимому, увѣренность эта должна была бы дѣйствовать на него успокоительно, а между тѣмъ тревога его со дня на день усиливалась. Почему? Отвѣта на вопросъ этотъ, который онъ за послѣднее время все чаще и чаще себѣ предлагалъ, не находилось.

А между тѣмъ дѣла его устраивались, какъ нельзя лучше, и даже процесса съ кіевскимъ воеводой изъ-за состоянія Юльяніи не предвидѣлось съ тѣхъ поръ, какъ король вызвался быть сватомъ своего любимца. Не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ показывалъ Аратову письмо графа Салезія съ обѣщаніемъ повліять на свою супругу для скорѣйшей развязки любовнаго романа между ихъ воспитанницей и фаворитомъ его величества.

Въ тотъ же самый день, когда Дмитрій Степановичъ зашелъ къ себѣ переодѣться къ обѣду, Езебіушъ сообщилъ ему о намѣреніи

пани Розальской навѣстить его вечеромъ, когда стемнѣетъ. Съ извѣстіемъ этимъ приходила Сесилія и разсказывала между прочимъ, что госпожа ея въ большомъ разстройствѣ, и что ей крайне нужно какъ можно скорѣе повидаться со своимъ женихомъ.

Не въ первый разъ видѣлись влюбленные въ Лазенкахъ, съ тѣхъ поръ, какъ, уступая настойчивымъ просьбамъ короля, Аратовъ переселился сюда на нѣсколько недѣль изъ своей городской квартиры. Новое мѣсто свиданій оказалось несравненно удобнѣе и безопаснѣе прежнихъ: здѣсь никто не могъ ихъ прослѣдить, настичь и выдать. Въ королевскій дворецъ, зорко охраняемый военной стражей и переодѣтыми въ придворныя ливреи агентами тайной полиціи, постороннимъ очень трудно было проникнуть, но слуга Аратова пользовался здѣсь такими же привилегіями, какъ и его господинъ, и ему было достаточно сказать смотрителю дворца, что къ нему будутъ, время отъ времени, приходить сестра съ дочерью, чтобъ одѣтыя простолюдинками Розальская съ Сесиліей могли безпрепятственно проходить въ ворота сада, въ глубинѣ котораго находился павильонъ, предоставленный въ распоряженіе новаго любимца короля, и проводить въ этомъ павильонѣ столько времени, сколько имъ хотѣлось. Назадъ къ воротамъ ихъ всегда провожалъ Езебушъ, одно присутствіе котораго ограждало ихъ отъ черезчуръ любопытныхъ глазъ.

Впрочемъ, какъ въ зимнемъ, такъ и лѣтнемъ мѣстопребываніи короля Станислава-Августа, за чистотою нравовъ обитателей присматривали плохо, и всѣ, отъ мала до велика, съ трогательною снисходительностью относились къ шалостямъ амура.

Дмитрій Степановичъ нашелъ свою возлюбленную въ печали и отчаяніи. Кинувшись къ нему на шею и прерывая свою рѣчь поцѣлуями, она упрекала его въ томъ, что онъ заставляетъ ее по цѣлымъ днямъ ждать мимолетныхъ свиданій съ нимъ, оставляя ее въ тяжелой неизвѣстности, и что у нея нѣтъ больше силъ переносить неопредѣленное положеніе, въ которое онъ ее ставитъ своею нерѣшительностью.

— Да, да, отъ тебя зависитъ наше счастье, ни отъ кого больше,— повторяла она, въ волненіи своемъ не замѣчая зловѣщаго блеска, которымъ началъ загораться его взглядъ. — Чего ты медлишь? Чѣмъ бы пользоваться благопріятными обстоятельствами, обвѣнчаться со мною, пока ты королю нуженъ, и пока всѣмъ нужно быть съ нимъ въ ладу и согласіи, ты откладываешь со дня на день блаженную минуту, когда я буду тебѣ принадлежать вполнѣ, и когда тебѣ можно будетъ явно меня защищать отъ нападокъ, отъ обидъ, отъ мукъ!.. Чего ты ждешь? Чтобъ король влюбился въ ту женщину, которую подставляютъ ему Чарторижскіе, чтобъ подорвать твое вліяніе на него?

— Откуда у тебя такія свѣдѣнія про эту женщину? — спросилъ онъ, угрюмо и подозрительно на нее глядя.

— Всѣмъ это извѣстно, одинъ только ты не хочешь видѣть то, что всѣмъ кидается въ глаза... Комедія, придуманная Изабеллой, такъ груба, что никого не можетъ обмануть... А Чарторижскіе безъ цѣли безпокоиться и тратиться не станутъ. Имъ нужна личность изъ ихъ лагеря, которая держала бы короля въ своихъ рукахъ, и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависѣла бы отъ нихъ...

— Кто это говоритъ?

— Всѣ. Сегодня я слышала это отъ Оссолинской, вчера отъ Мнишекъ, а теперь, пока я съ тобой, у насъ княгиня Любомирская, и я готова, чѣмъ угодно поручиться, что разговоръ идетъ про эту женщину и про то, что, пока при королѣ ближайшимъ человѣкомъ москаль Аратовъ, патріотамъ на полезныя реформы въ странѣ надѣяться нечего. Они все на тебя сваливаютъ! Всѣ свои ошибки, всѣ неудачи! Тебя ужъ смѣшиваютъ съ русскимъ посломъ и приписываютъ тебѣ то, что, кромѣ него, никто не можетъ сдѣлать...

— Весьма польщенъ такою великою честью, — сквозь зубы и съ злой усмѣшкой замѣтилъ онъ.

— Ахъ, не шути ты этимъ, ради Бога! — вскричала она съ раздраженіемъ. — Меня убиваетъ мысль, что ты окруженъ врагами, что жизнь твоя въ опасности, и что я не только ничего не могу для тебя сдѣлать, но еще усиливаю опасность моею любовью! Я просто съ ума схожу отъ отчаянія! Какъ мнѣ тебя убѣдить, что намъ надо бѣжать отсюда, какъ можно скорѣе, что за каждую потерянную минуту мы можемъ поплатиться страшными бѣдами! Какъ мнѣ тебя убѣдить, что, когда мы будемъ обвѣнчаны, нашему графу ничего больше не останется, какъ помириться съ совершившимся фактомъ... Что же ты молчишь? Развѣ я не права, развѣ это не правда, что въ настоящее время никто не пойдетъ противъ короля, съ которымъ только что примирились, и которому всѣ наперерывъ стараются доказать преданность, чтобъ изгладить изъ его сердца подозрѣніе? И развѣ тебѣ самому не тяжело жить далеко отъ меня, видѣться со мною только украдкой, какъ съ любовницей, которой ты стыдишься... Скажи же хоть слово! Ты видишь, какъ я жду этого слова!

Не выпуская его изъ своихъ объятій, она любовно заглядывала ему въ глаза, съ замирающимъ сердцемъ ища въ нихъ отвѣта на свои мольбы, но, кромѣ мрачной думы, такой глубокой и сосредоточенной, что ей стало казаться, что онъ ея не слышитъ, она ничего не могла прочесть на его лицѣ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать? На что мнѣ надѣяться? Чего ждать? Знаешь ли, какія страшныя мысли начинаютъ меня осаждать... мнѣ иногда кажется, что ты меня разлюбилъ, что я тебѣ въ тягость... мнѣ иногда кажется, что ты раскаиваешься въ жертвахъ, которыя ты для меня принесъ, — продолжала она съ возра-

стающимъ изступленіемъ, — мнѣ кажется, что тебя мучитъ преступленіе, на которое ты для меня рѣшился...

При этихъ словахъ глаза его сверкнули такимъ страшнымъ блескомъ, что голосъ ея оборвался на полусловѣ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его только беззвучно зашевелились, ни единаго звука съ нихъ не сорвалось, и онъ былъ такъ ужасенъ въ своемъ безсиліи выразить смертельную муку, наполнявшую его душу, что она закрыла лицо руками, чтобъ не видѣть его лица.

— Я безъ тебя жить не могу, — вымолвилъ онъ наконецъ съ усиліемъ. — И докажу тебѣ это, — прибавилъ онъ, помолчавъ и поднимаясь съ мѣста.

Молча послѣдовала она его примѣру, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали видѣться наединѣ, не просила она продолжить свиданіе. Безропотно принявъ его прощальный поцѣлуй, вернулась она одна въ комнату, проводивъ его до входной двери, чтобъ черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ скроется изъ виду въ темной аллеѣ, ведущей ко дворцу, пуститься въ обратный путь со своей вѣрной Сесиліей.

У графини были гости, и отъ людей, попадавшихся ей навстрѣчу, когда она проходила въ свои комнаты, Юльянія узнала, что про нее не спрашивали, и что отсутствіе ея не было замѣчено, а отъ ближайшихъ резидентокъ, выходившихъ изъ гостиной, гдѣ пани Анна бесѣдовала съ гостями, она услышала, что тамъ только и рѣчи, что о завтрашнемъ праздникѣ въ Лазенкахъ...

Послѣднее слово оживило жгучую боль ея сердца, и она поспѣшила запереться въ своей спальнѣ, чтобъ не разрыдаться при свидѣтеляхъ.

Зачѣмъ приходила она къ нему? Давно ужъ не слышитъ она отъ него ни единаго слова утѣшенія, давно ужъ послѣ каждаго свиданія возвращается она домой въ еще болѣе удрученномъ настроеніи, чѣмъ тогда, когда она къ нему шла, и все-таки ее тянетъ къ нему, и вдали отъ него она только о томъ и думаетъ, чтобъ опять съ нимъ увидѣться. Опасность и неизвѣстность только усиливаютъ ея любовь, и чувство это со дня на день становится требовательнѣе. Увѣренность въ его любви ужъ больше не удовлетворяетъ ея; она жаждетъ не однѣхъ только его ласкъ: ей нужно знать его мысли, его надежды и опасенія. Ей кажется, что принадлежать другъ другу вполнѣ они тогда только будутъ, когда у него не будетъ ничего отъ нея скрытнаго, а между тѣмъ все въ немъ для нея тайна... Почему онъ такъ измѣнился за послѣднее время? Что его мучитъ? О чемъ задумывается онъ такъ глубоко даже въ ея присутствіи, что забываетъ все на свѣтѣ, не видитъ и не слышитъ ея, точно ея тутъ нѣтъ? Въ эти минуты она не можетъ не сознавать, что она ему въ тягость, и что она ничѣмъ не можетъ облегчить его страданій... И тогда она не можетъ не вспо-

мнить про страшную тайну, подъ впечатлѣніемъ которой она пріѣхала изъ деревни въ Варшаву, и которое такъ быстро разсѣялось при первомъ свиданіи съ нимъ. Недолго была она счастлива, недолго съ восторгомъ мечтала о будущемъ, не успѣла она еще привыкнуть къ своему новому положенію невѣсты любимаго человѣка, какъ сомнѣнія стали омрачать ея душу, какъ зловѣщія тучи, предвѣщающія грозу и бурю, ясное небо. Разумѣется, подалъ поводъ къ сомнѣніямъ и злымъ предчувствіямъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она его полюбила, все для нея, и радость, и горе, и счастье, и отчаянье, исходило отъ него одного. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, разсѣянъ, придирчивъ, несправедливъ и жестокъ, но долго еще пересиливалъ себя и порывами страстной нѣжности заставлялъ ее забывать причиненныя ей страданія. Послѣднее же время она даже и такихъ краткихъ минутъ счастья съ нимъ не имѣла, и ему съ каждымъ разомъ все труднѣе и труднѣе сдерживать досаду и раздраженіе въ ея присутствіи. Самыя слова любви принимали въ его устахъ такой странный загадочный смыслъ, что ей жутко было ихъ вспоминать.

Что хотѣлъ онъ ей сегодня сказать словами: «я не могу безъ тебя жить и докажу тебѣ это?»

Неужели онъ рѣшился на новое преступленіе?

Игра была въ полномъ разгарѣ, когда Аратовъ вошелъ въ залу, гдѣ шла обычная забава, часто стоящая цѣлаго состоянія страстно предававшимся ей игрокамъ. На столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, кучи золота сверкали въ огняхъ зажженныхъ свѣчей, и на всѣхъ лицахъ отражалось напряженное ожиданіе: страхъ потерять выигранное и надежда вернуть проигранное. Одинъ только король естественно и добродушно улыбался болѣе или менѣе шумнымъ проявленіямъ разгоряченныхъ страстей и, по временамъ позѣвывая, оглядывался на дверь, точно кого-то поджидая.

— Ни минуты не можетъ прожить безъ москаля,—замѣтилъ своему сосѣду вполголоса Браницкій, пользуясь шумнымъ споромъ, поднявшимся между партнерами.

— Да, этотъ чортъ будетъ поопаснѣе десяти женщинъ изъ самыхъ заядлыхъ интриганокъ.

— Хороши и мы! Жалуемся на этого проходимца, какъ дѣвчонки на злую гувернантку, и до сихъ поръ никто ему физіономіи не попортилъ.

— Все въ свое время, все въ свое время. Я слышалъ, что...

— Тссс! Идетъ!

Въ дверяхъ появилась изящная фигура Дмитрія Степановича, и скучающее лицо короля оживилось. Стремительно повернувшись къ вошедшему, онъ привѣтствовалъ его веселымъ возгласомъ:

— Аратовъ! Наконецъ-то! Долго же вы писали письмо вашей прабабкѣ! Я ужъ собирался послать посмотрѣть, что вы дѣлаете, и напомнить вамъ, что мы васъ ждемъ.

— Жаль, что ваше величество не прибѣгли къ этому способу, чтобъ узнать тайну г. Аратова,—замѣтилъ Сапѣга.

— Пари держу, что тутъ женщина!—вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Вы не ошиблись, графъ, меня задержала женщина,—спокойно объявилъ Аратовъ, опускаясь на мѣсто, оставленное для него возлѣ короля.

Всѣ переглянулись, но никто не проронилъ ни слова, и среди воцарившагося молчанія снова раздался рѣзкій, нервный голосъ Дмитрія Степановича.

— Имени ея я не скажу,—произнесъ онъ, вызывающе глянувъ на Браницкаго. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и выражало утомленіе, а глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ.

— Никто васъ объ этомъ и не спрашиваетъ,—задорно возразилъ за своего пріятеля Сапѣга.

— Да если бы вы и спросили, то я бы вамъ не сказалъ.

И, повернувшись къ королю, онъ внезапно измѣнившимся тономъ, почтительно попросилъ позволенія поставить карту.

Обрадованный диверсіей король поспѣшно придвинулъ къ нему карты, и игра долго продолжалась молча, прерываемая только возгласами, къ ней относящимися.

Аратовъ выигрывалъ. Но угрюмость его отъ этого не разсѣивалась, ни на кого не поднималъ онъ глазъ, и по временамъ странная улыбка кривила его губы. Всѣмъ было не по себѣ, и ожиданіе непріятности мало-по-малу начинало овладѣвать умами.

Чтобъ нарушить натянутое настроеніе, король велѣлъ подать вина и, поднявъ кубокъ, предложилъ выпить за царицу завтрашняго праздника.

Кубки дружно опустошились, и языки развязались. Полились шутки и веселые разсказы, вертѣвшіеся, впрочемъ, все на одномъ и томъ же предметѣ: на таинственной красавицѣ, которая должна была выступить въ свѣтъ подъ эгидой княгини Изабеллы. Молчалъ одинъ Аратовъ. И вдругъ онъ поднялся съ мѣста и, поднявъ кубокъ, торжественно провозгласилъ:

— Предлагаю выпить за здоровье ея мужа!

— Какого мужа?—спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Откуда вы знаете, что у нея есть мужъ?—подхватилъ другой.

— За здоровье ея мужа!—громче прежняго повторилъ Аратовъ, не обращая вниманія на возгласы, встрѣтившіе неожиданный тостъ. И, наливъ себѣ еще вина, онъ снова осушилъ кубокъ однимъ залпомъ до дна, а затѣмъ обратился къ королю:—я пью за то, чтобъ этотъ мужъ не испортилъ нашего завтрашняго праздника своимъ

появленіемъ! Развѣ вашему величеству не угодно присоединиться къ моему тосту?

— Я всегда готовъ вамъ составить компанію, Аратовъ, но не тогда, когда вы выдумываете нелѣпости,—отвѣчалъ король, съ любопытствомъ глядя на своего любимца.—Согласитесь, что вы совершенно некстати вызываете этотъ призракъ изъ таинственной тьмы, въ которой онъ, къ величайшему нашему удовольствію, скрывается и, надо надѣяться, вѣчно будетъ скрываться.

— Вѣчнаго на землѣ ничего нѣтъ, ваше величество. Давно ли онъ былъ здѣсь, въ вашемъ паркѣ? Почему ему опять не явиться? Вы, государь, про него забыли, и это понятно, вы не искали его по всему городу и по окрестностямъ, какъ я, не досадовали, что не можете напасть на его слѣдъ и встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ, но увѣряю васъ, что на моемъ мѣстѣ вы не забыли бы его и ждали бы его появленія каждую минуту... Впрочемъ,—продолжалъ онъ, наливая себѣ вина,—очень можетъ быть, что особенно опасаться его появленія нечего; онъ, можетъ быть, покладистый мужъ, его можно будетъ подкупить деньгами, почестями или напугать тюрьмой, пыткой, казнью... Мужья бываютъ разные,—небрежно прибавилъ онъ, протягивая пустой кубокъ стоявшему за его стуломъ дворскому юношѣ, который поспѣшилъ его наполнить виномъ.

Никогда еще Аратовъ не пилъ такъ много, и ни разу не видѣли его въ такомъ возбужденномъ настроеніи. Вино дѣйствовало на него не такъ, какъ на другихъ, говорилъ онъ рѣзко и внятно, взглядъ не затуманивался, а прояснялся подъ вліяніемъ воскресающихъ въ памяти впечатлѣній. Все меньше и меньше обращалъ онъ вниманіе на окружающихъ и наконецъ погрузился въ глубокую думу.

А между тѣмъ затронутая имъ тема объ обманутыхъ мужьяхъ возбудила споры и разсказы. Каждому изъ присутствующихъ навертывались на память и просились на языкъ смѣшные, печальные и страшные эпизоды изъ скандальной хроники Польши.

— Есть такіе мужья, которые сами привозятъ своихъ женъ къ любовникамъ...

— Еще бы! За примѣрами ходить не далеко...

— Господа! господа! Помните, что nomina sunt odiosa!—прервалъ король увлекшагося разсказчика, который, благодаря этому предостереженію, окончилъ свое повѣствованіе, не назвавъ извѣстнаго всѣмъ имени.

Посыпались наперерывъ анекдоты въ этомъ направленіи.

— Но не всѣ мужья философы, есть и такіе, которые убиваютъ на мѣстѣ преступленія и невѣрную жену, и ея друга,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И это называется дѣйствовать по-польски!—вскричалъ другой.

— Такъ поступали наши дѣды. Они цѣнили честь не по-нашему,—замѣтилъ третій.

— Да и женщины были тогда другія, и съ ними было несравненно легче справляться, чѣмъ теперь. Жили дома, скромно, въ чужіе края не ѣздили, денегъ у всѣхъ было много...

— А монастыри поддерживали родительскую и мужнину власть...

— Засади-ка теперь которую нибудь изъ нашихъ пани или паннъ въ монастырь, княгиню Изабеллу или Любомирскую...

Предположеніе это такъ всѣхъ разсмѣшило, что нѣсколько минутъ, кромѣ громкаго раскатистаго хохота да звона кубковъ, ничего не было слышно подъ высокими сводами разрисованнаго фресками изъ миѳологіи потолка.

Всѣ перепились и, не слушая другъ друга, прерывали смѣхъ, чтобъ болтать кому, что взбредетъ въ отуманенную голову. По знаку дворцоваго маршала, не перестававшаго, время отъ времени, заглядывать въ дверь, вся прислуга покинула комнату, за исключеніемъ ближайшаго къ королю камердинера француза, сидѣвшаго за высокимъ буфетомъ, уставленнымъ тяжелымъ серебромъ, чтобъ быть готовымъ явиться на первый зовъ господина.

Про Дмитрія Степановича всѣ забыли, кромѣ короля, который, не взирая на начинавшій и его разбирать хмель, съ любопытствомъ слѣдилъ за своимъ другомъ, въ ожиданіи какой нибудь забавной выходки, на которыя москаль былъ такой искусникъ. Но казалось, что на этотъ разъ Аратовъ не расположенъ къ остроумію; его блѣдное лицо было сурово, черты вытянуты и неподвижны, какъ у мертвеца, и одни только глаза жили сосредоточенною, глубокою, внутреннею жизнью. Облокотившись на столъ среди кубковъ, бутылокъ, валявшихся въ безпорядкѣ картъ и высокихъ бронзовыхъ канделябровъ, съ догоравшими восковыми свѣчами, упершись подбородкомъ на вывернутыя ладони, онъ глядѣлъ передъ собою пристальнымъ взглядомъ, ничего не видя и, повидимому, совершенно потерявъ сознаніе времени и пространства.

«Напился до столбняка, точно мертвый!»—подумалъ король.

И вдругъ мертвецъ ожилъ при словѣ «монастырь», произнесенномъ заплетающимся языкомъ пьянаго сосѣда, и, вздрогнувъ, произнесъ съ обычной саркастической усмѣшкой, ни къ кому не обращаясь и какъ бы про себя:

— Убить... запереть въ монастырь... только и знаютъ! Какъ все это старо и пошло!

— Вы знаете средство оригинальнѣе и умнѣе?—спросилъ король, обрадованный пробужденію любимаго собесѣдника.

— Разумѣется. Похоронить обоихъ, вотъ и все, очень просто,—отвѣчалъ Аратовъ, обводя окружающихъ вызывающимъ взглядомъ, но всѣ были такъ пьяны, что для нихъ не стоило тратить словъ, и, презрительно усмѣхнувшись, онъ повернулся къ королю, какъ къ единственному достойному поддерживать съ нимъ бесѣду.

— Но, чтобъ похоронить, надо сначала убить,—замѣтилъ его величество.

— Можно похоронить и живыхъ людей,—лукаво прищуриваясь, объявилъ Аратовъ.

— Какъ же это? Я васъ не понимаю.

Дмитрій Степановичъ хихикнулъ.

— А вашему величеству интересно было бы это знать? Извольте, я, пожалуй, удовлетворю любопытство вашего величества... До сегодняшняго дня мнѣ казалось невозможнымъ выдать мою тайну кому бы то ни было, но вышло иначе... Почему—не спрашивайте лучше, я самъ этого не знаю... Мы многаго не знаемъ, ваше величество, а всего меньше самихъ себя... Какую я, однако, сказалъ пошлость! Нѣтъ философа изъ древнихъ и новыхъ, который, такъ или иначе, не высказалъ бы этой мысли, а мнѣ все кажется, что открылъ эту избитую истину—я! Очень глупо.

Онъ смолкъ, задумался и машинальнымъ движеніемъ протянулъ руку къ стоявшему передъ нимъ кубку. Но кубокъ былъ пустъ, и, прикоснувшись къ нему губами, онъ поставилъ его на мѣсто. Затѣмъ, поднявъ голову и встрѣтившись глазами съ глазами короля, снова заговорилъ;

— Вы ждете продолженія моего разсказа, государь? Хорошо, я вамъ все скажу. Сегодня мнѣ это легко, мнѣ даже хочется, чтобы вы знали... Слушайте же... Не бойтесь, они всѣ пьяны и ничего не поймутъ... Къ тому же, у каждаго изъ нихъ своя тайна и пострашнѣе моей,—продолжалъ онъ, подмѣтивъ тревожный взглядъ, брошенный королемъ на остальную компанію, изъ которой дѣйствительно никто не былъ въ состояніи понимать то, что происходило кругомъ: одни уже свалились подъ столъ и храпѣли, другіе, безсмысленно уставившись другъ на друга посоловѣвшими глазами, силились что-то выразить невнятнымъ мычаніемъ.

— Да, есть тайны ужаснѣе моей,—продолжалъ между тѣмъ Аратовъ.—То, что я сдѣлалъ, даже и преступленіемъ нельзя назвать, и мнѣ кажется, что, когда меня будутъ судить... судьи мои будутъ въ затрудненіи...

— Судить? Вы думаете, что васъ будутъ судить? Но вы, разумѣется, шутите?—прервалъ его измѣнившимся отъ ужаса голосомъ король. Отъ страха онъ даже протрезвѣлъ и, глядя на своего собесѣдника умоляющимъ взглядомъ, произнесъ чуть слышно и тревожно оглядываясь по сторонамъ:

— Перестаньте такъ неприлично шутить, мнѣ это не нравится.

— Я не шучу, ваше величество. Выбора у меня не было, мнѣ надо было ихъ обоихъ убить или... или сдѣлать то, что я сдѣлалъ... А что я имѣлъ право ихъ убить, съ этимъ даже и моя прабабка согласна... Вы Серафиму Даниловну не знаете, ваше величество,—продолжалъ онъ, не замѣчая волненія своего слушателя,—это жаль. Не

для нея, а для васъ жаль. Ея ваше присутствіе не смутило бы, ея и настоящій король не заставилъ бы сказать то, чего она не думаетъ, а васъ она за настоящаго короля не считаетъ... Хотите знать, какъ она васъ называетъ? Нѣтъ? Ну, хорошо, я вамъ этого не скажу, я вѣдь хоть и пьянъ, но понимаю, что правды королямъ говорить нельзя... Оставимъ это, я хотѣлъ только сказать, что моей прабабкѣ девяносто девять лѣтъ, и что одной только ей я не лгу. Ей я все сказалъ, и она назвала мой поступокъ кощунствомъ... Пусть такъ, кощунство такъ кощунство, мнѣ все равно... я могу уѣхать за границу... во Франціи у меня есть друзья... Вы ихъ знаете такъ же хорошо, какъ и я, ваше величество,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ.—Какъ вы думаете, назоветъ ли меня преступникомъ мсьё Вольтеръ или Даламберъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое кощунство? Оскорбленіе того, что существуетъ только въ воображеніи! Развѣ можно за это карать? Но Россія страна еще дикая, некультурная, и большинство думаетъ, какъ Серафима Даниловна Аратова... Но я вамъ еще не сказалъ, въ чемъ суть...

— Молчите, молчите! Я не могу... я не хочу знать!—вскричалъ король, хватая его за руку.—Въ васъ говоритъ дьяволъ!—прибавилъ онъ блѣднѣя.

— Онъ во всѣхъ насъ сидитъ, ваше величество. Борются съ нимъ разно, кто молитвой, кто постомъ, кто виномъ. Послѣднее самое дѣйствительное, я вамъ это по опыту говорю,—продолжалъ Аратовъ, наливая въ кубокъ вина и подавая его своему слушателю, который, дрожа отъ страха подъ его пристальнымъ взглядомъ, залпомъ его выпилъ.

— Несчастный! Такъ это правда, что вы!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этому вѣрить! Я что-то слышалъ... мнѣ намекали... но я не хочу вѣрить! Не хочу!—безсвязно пролепеталъ король, отмахиваясь дрожащей рукой, точно отъ подступавшаго къ нему страшнаго призрака.

— И не вѣрьте, ваше величество. Никому не вѣрьте. И всего меньше мнѣ. Я всегда лгу... Да и вы всегда лжете, ваше величество, не правда ли?—прошепталъ Аратовъ, приближая свое искаженное злобой и презрѣніемъ лицо къ взволнованному страхомъ и подозрительностью лицу Станислава-Августа.

— Правда, правда!—прошепталъ этотъ послѣдній прерывающимся голосомъ.—Но какъ же мнѣ не лгать, когда меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ измѣнники, предатели, злодѣи, Іуды?

— Что такое моя ложь и мои преступленія передъ вашими?—продолжалъ, не слушая его, развивать свою мысль Дмитрій Степановичъ съ упорствомъ маньяка.—Дѣтская шалость, ничего больше... Вамъ должно быть тяжело вспоминать прошлое и еще непріятнѣе вдумываться въ настоящее, ваше величество, не правда ли? Въ чемъ собственно меня можно упрекнуть? Что я приказалъ вырыть изъ

могилы трупъ, чтобъ похоронить его въ другую? А сколько вы готовите могилъ! Сколько труповъ!..

— Молчите, молчите! Я не хочу ничего знать!—вскричалъ король, закрывая лицо руками.—И какъ вамъ не совѣстно... я считалъ васъ своимъ другомъ... за что вы меня мучите? За что? Развѣ вы не видите, какъ я одинокъ, какъ ненавидимъ всѣми! Когда она сажала меня на престолъ,—продолжалъ онъ со слезами въ голосѣ,—я ее умолялъ о поддержкѣ, я ей говорилъ: мнѣ нужны не одни только ваши солдаты и пушки, ваше величество, мнѣ нужна нравственная поддержка. Обѣщайте мнѣ, что вы меня не покинете, не отнимете у меня вашего довѣрія, дозволите мнѣ обращаться къ вашему величеству за совѣтами, не какъ къ царицѣ только, а такъ же, какъ къ женщинѣ, чувствительное сердце которой мнѣ лучше всѣхъ извѣстно! Вотъ что я ей писалъ, умоляя о свиданіи... Она отвѣтила отказомъ! О, въ какомъ я былъ отчаяніи! Тутъ только понялъ я, что обреченъ на погибель! Да, да, я погибну! Никто не разувѣритъ меня въ противномъ! Къ сожалѣнію, я не дуракъ и все вижу и понимаю, всѣ козни ихъ я вижу насквозь и ласкаю ихъ, лгу имъ, притворяюсь, что вѣрю имъ, заискиваю въ нихъ! Вотъ эти самые, что валяются подъ моимъ столомъ, упившись моимъ виномъ, какъ проспятся, такъ разбѣгутся отсюда по всему городу, ругая меня и клевеща на меня каждому встрѣчному и поперечному! Хотите, я вамъ скажу, къ какой партіи каждый изъ нихъ принадлежитъ, и которымъ изъ враговъ моихъ онъ сочувствуетъ... Тѣмъ ли, которые стремятся меня низвергнуть, чтобъ самимъ занять мое мѣсто, или тѣмъ, которые интригуютъ съ нѣмцами за иностраннаго принца? Всѣ, всѣ хотятъ моей гибели! Расходятся только въ средствахъ для этой цѣли: одинъ предлагаетъ ссылку, другой смерть, третій заточеніе... Ни на кого не могу я положиться. Ни на кого! Въ каждой изъ моихъ любовницъ я вижу шпіонку и предательницу, и, обнимая ее, я знаю навѣрное, что она побѣжитъ изъ моихъ объятій туда, гдѣ ждутъ ея доносовъ на меня! Есть ли человѣкъ несчастнѣе меня, Аратовъ? Есть ли положеніе безвыходнѣе? Все у меня ускользаетъ изъ рукъ, все рушится, за что бы я ни пытался ухватиться! Да, да, почва колеблется у меня подъ ногами, я не могу этого не видѣть, не сознавать... стоитъ мнѣ только привязаться къ человѣку, чтобъ его потерять... Вотъ и вы хотите меня покинуть, Аратовъ! Я это ужъ давно замѣчаю... Не стали бы вы мнѣ разсказывать про себя такіе ужасы, если бы дорожили моей дружбой, моимъ довѣріемъ... Что мнѣ за дѣло до вашего прошлаго?—продолжалъ онъ со слезами, тономъ капризнаго избалованнаго ребенка.—Пока я вашего прошлаго не знаю, оно для меня не существуетъ, и я могу васъ считать человѣкомъ, достойнымъ моей дружбы, а когда я его узнаю, между нами воздвигнется преграда, я долженъ буду вамъ запретить входъ во дворецъ, дол-

женъ буду донести на васъ русскому послу, выдать васъ, способствовать вашей гибели! Вотъ какимъ непріятностямъ вы меня подвергаете! Это ужасно! Я не ожидалъ отъ васъ такой жестокости!..

Аратовъ слушалъ его молча, и по мѣрѣ того, какъ хмель испарялся изъ его головы, на его стиснутыхъ блѣдныхъ губахъ выдавливалась улыбка глубочайшаго презрѣнія. Какъ могъ онъ разсчитывать на поддержку такого человѣка, который въ чудовищномъ своемъ себялюбіи ни передъ чѣмъ не остановится, не пожертвуетъ даже и минутнымъ удовольствіемъ для спасенія жизни того самаго, который доставлялъ ему эти удовольствія!

Надо было окончательно потерять сознаніе отъ угрызеній совѣсти и отъ вина, чтобы искать въ немъ заступничества и поддержки!

Занималась заря. Огнямъ въ канделябрахъ все труднѣе и труднѣе было бороться съ дневнымъ свѣтомъ, бѣлесоватой мглой пробивавшимся въ окна.

Обыкновенно, когда утренняя заря заставала пирующихъ во дворцѣ, прислуга спѣшила продлить искусственнымъ образомъ ночь, запирая внутренніе ставни, но въ то утро камердинеръ не рѣшился войти въ покой, гдѣ его величество плакалъ горькими слезами на плечѣ москаля, а прочимъ было все равно: свѣтитъ ли луна или солнце: подъ столомъ, гдѣ они валялись мертвецки пьяные, и днемъ было такъ же темно, какъ и ночью.

XXIX.

Солнце было высоко, когда Аратовъ проснулся съ ноющей болью во всѣхъ членахъ отъ тщетныхъ усилій освободиться отъ страшнаго кошмара, давившаго ему грудь.

Послѣ выпитаго безъ мѣры вина и непріятнаго объясненія съ Юльяніей, подъ впечатлѣніемъ котораго онъ наболталъ королю столько лишняго, онъ заснулъ крѣпкимъ тяжелымъ сномъ, полнымъ страшныхъ видѣній. Грезилось ему именно то, что онъ такъ старательно силился забыть—похороны мнимой покойницы подъ деревенскимъ храмомъ въ Малявинѣ, въ фамильномъ склепѣ. Грезилось ему, что онъ вторично хоронитъ Елену, и не трупъ неизвѣстной вмѣсто нея, а ее самоё закапываетъ собственноручно въ землю. Она мертва, холодна и неподвижна, не дышитъ, глаза ея закрыты, это трупъ, но трупъ этотъ оказываетъ ему странное сопротивленіе. Сколько земли ни насыпаетъ онъ на него, она разсыпается, и невидимая таинственная сила выталкиваетъ трупъ наружу. Лежитъ передъ нимъ замученная имъ жертва, блѣдная и холодная, съ опущенными длинными золотистыми рѣсницами, въ бѣломъ вѣнчальномъ нарядѣ, съ распущенными волосами и загадочной улыбкой на губахъ, между которыми сверкаетъ бѣлая полоска зубовъ.

Долго и отчаянно боролся онъ съ этимъ трупомъ, не одолѣвъ его: Елена такъ и осталась не похороненной, когда онъ наконецъ открылъ глаза и увидалъ себя не въ темномъ склепѣ съ мертвецомъ, а въ уютной спальнѣ, на широкой кровати, сквозь пологъ которой пробивались яркіе лучи солнца.

Подъ окнами слышалась шумная возня, оживленные голоса, а издалека долетали топотъ коней, звонъ шпоръ и оружія, звонкій смѣхъ, возгласы и даже какъ будто музыка...

— Десятый часъ, сударь,—объявилъ Езебіушъ, поспѣшно входя въ комнату и отдергивая пологъ у кровати, на которой господинъ его лежалъ съ открытыми глазами, тщетно пытаясь отдѣлить впечатлѣнія сонныхъ видѣній отъ дѣйствительности, съ раздраженіемъ спрашивая себя: почему преслѣдуетъ его такъ упорно образъ Елены? Почему вспоминаетъ онъ ее теперь при каждомъ удобномъ случаѣ, когда говорятъ про женскую красоту и про женскую невѣрность?.. Вчера образъ ея всталъ передъ нимъ, когда на террасѣ рѣчь зашла о незнакомкѣ, избранной княгиней Изабеллой для какихъ-то таинственныхъ цѣлей... Видѣніе не переставало его преслѣдовать и во время свиданія съ Розальской. Въ то время, какъ она изливала передъ нимъ въ страстныхъ выраженіяхъ свою тоску и любовь, онъ сравнивалъ ее мысленно съ Еленой... Потомъ за карточнымъ столомъ потребность заговорить про нее сдѣлалась такъ сильна, что онъ чуть было не выдалъ своей тайны... Хорошо, что король не далъ ему договорить!..

Однако пора кончить затѣянную любовную канитель съ Розальской. Она права, увѣряя, что медлить дальше опасно. Надо жениться, сдать ея имѣнія на аренду вѣрнымъ людямъ, оставить старшимъ управителемъ Езебіуша, забрать капиталы Розальской и уѣхать. Надоѣла ему Польша со своимъ слюняемъ королемъ и безмозглыми магнатами. Французы много интереснѣе. Тамъ тоже готовится политическій и общественный переворотъ, при которомъ человѣку съ здравымъ смысломъ и съ энергіей многаго можно достигнуть. Лучше тамъ попытать счастья, чѣмъ здѣсь.

Вспомнились пьяныя рѣчи короля, и стало тошно. Какъ онъ струсилъ, услышавъ намекъ на преступленіе, совершенное его любимцемъ!

Ждать помощи отъ Станислава-Августа, разсчитывать на поддержку такого нравственнаго ничтожества! Да онъ далъ бы родной матери живой сгорѣть на кострѣ, чтобъ не обжечь себѣ пальцы, снимая ее съ него.

Пока мысли эти безпорядочными отрывками навертывались Аратову на умъ, Езебіушъ помогалъ ему наряжаться въ парадный праздничный костюмъ и убиралъ ему голову, не переставая разсказывать о томъ, что происходитъ въ королевской резиденціи.

— Торопятся окончить убранство парка къ завтраку. Гостей ждутъ рано. Приказано сѣдлать верховыхъ лошадей для дамъ.

Его величество уже часа два какъ изволили встать и прогуливаются по саду, любуются работой живописцевъ и архитекторовъ. Лѣтній театръ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ будетъ горѣть, а бесѣдки цвѣтами и коврами разубраны. Въ гротѣ спрятаны музыканты. Въ ронпуантѣ приготовлена колляція изъ сластей и винъ. Какъ только гости сядутъ кушать — музыка заиграетъ. Слышите, ужъ сыгрываются?—прибавилъ онъ, кивая по направленію того мѣста въ паркѣ, гдѣ готовилось одно изъ многочисленныхъ развлеченій для ожидаемаго блестящаго общества.

Прибѣжалъ пажъ узнать отъ имени короля, скоро ли придетъ г. Аратовъ. Его величество не желаетъ садиться за столъ безъ него.

Дмитрій Степеновичъ поспѣшилъ во дворецъ.

Отъ попадавшихся ему навстрѣчу придворныхъ онъ узналъ, что праздникъ обѣщалъ быть блестящѣе, чѣмъ предполагали. Каждую минуту приходили сюда изъ города вѣсти наипріятнѣйшаго свойства: знатнѣйшія пани одна за другой присылали своихъ дворскихъ юношей и дворскихъ маршаловъ объявить королю, что онѣ будутъ участвовать въ готовящейся карусели. Пане коханьку изъявилъ желаніе привезти къ балу цѣлое общество масокъ. Князь Репнинъ прислалъ письмо, должно быть, очень пріятнаго содержажанія, если судить по тому, какъ обрадовался ему король и какъ щедро одарилъ посланца...

Веселая суматоха во дворцѣ съ минуты на минуту усиливалась; во всѣхъ покояхъ, по которымъ проходилъ Аратовъ, видѣлъ онъ вокругъ столовъ, уставленныхъ золотою и серебряною утварью, богемскимъ хрусталемъ и саксонскимъ фарфоромъ, гайдуковъ и пажей въ блестящихъ костюмахъ, съ охапками душистыхъ цвѣтовъ для украшенія столовъ, каминовъ, вездѣ, гдѣ только можно было поставить вазу съ красивымъ букетомъ. Садовники вносили апельсинныя и лимонныя деревья въ цвѣту, мирты, олеандры. Паркетъ во многихъ мѣстахъ, по указанію короля, усыпали цвѣтами. Однимъ словомъ, дворецъ, съ растворенными настежь окнами и дверями на цвѣтникъ, разбитый передъ нимъ, казался продолженіемъ этого цвѣтника.

— Мы въ жилищѣ фей, ваше величество,—замѣтилъ съ улыбкой Аратовъ, проникая въ маленькую столовую во внутреннихъ покояхъ короля, гдѣ его величество прохаживался взадъ и впередъ въ радостномъ возбужденіи мимо стола съ сервированнымъ на два прибора завтракомъ, за который онъ не хотѣлъ садиться безъ Дмитрія Степановича.

— Феи всѣ пожалуютъ, всѣ до единой! Такого блестящаго собранія красавицъ Лазенки еще не видывали, — сказалъ король, весело потирая руки, и, указавъ на мѣсто за столомъ Аратову, самъ сѣлъ и съ большимъ аппетитомъ началъ кушать, приговари-

вая, что необходимо запастись силами на то, что имъ предстоитъ вынести въ этотъ день.

— Черезъ часъ начнутъ съѣзжаться... Карусель начнется ровно въ двѣнадцать. Потомъ легкій завтракъ, за который дамы сядутъ уже переодѣтыми для прогулки по парку. Для желающихъ будутъ готовы коляски. Передъ обѣдомъ отдыхъ въ покояхъ, приготовленныхъ для фей, какъ вы ихъ назвали... Совѣтую вамъ взглянуть на убранство этихъ покоевъ, останетесь довольны. Однихъ духовъ и косметиковъ наставлено во всѣхъ уборныхъ на тысячу червонцевъ! Наши пани любятъ духи. Камеристки ихъ уже прибыли и все готовятъ... Чьимъ кавалеромъ желаете вы быть за столомъ, Аратовъ? Предупреждаю васъ, что дама вашего сердца пріѣдетъ съ пани Анной только къ балу... а также всѣ пани изъ «фамиліи». Желаютъ отличиться отъ прочихъ, понимаете?

— Мы, значитъ, и таинственную незнакомку увидимъ только вечеромъ?

— Только вечеромъ... Но я вамъ самаго главнаго не сказалъ,— продолжалъ король, вынимая изъ бокового кармана своего бѣлаго атласнаго, расшитаго драгоцѣнными каменьями камзола, сложенное письмо, которое онъ подалъ Дмитрію Степановичу. — Прочтите-ка это, и вы согласитесь, что я не могу не назвать счастливымъ сегодняшній день!

Тотъ, кто видѣлъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Станислава-Августа плачущимъ за карточнымъ столомъ, уставленнымъ кубками и бутылками, при свѣтѣ занимавшейся зари, не узналъ бы его теперь, такъ былъ онъ веселъ, свѣжъ и красивъ въ бархатномъ, вышитомъ серебромъ, голубомъ французскомъ кафтанѣ, бѣломъ атласномъ кюлотѣ и башмакахъ съ брильянтовыми пряжками на бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Пышное жабо изъ драгоцѣнныхъ кружевъ самымъ выгоднымъ образомъ оттѣняло свѣжій цвѣтъ лица и ласковый блескъ его красивыхъ, женскихъ глазъ.

— Ну, что вы на это скажете? — спросилъ онъ, когда, окончивъ чтеніе письма, Аратовъ протянулъ ему его обратно. — Не правда ли, это доказываетъ, что я не напрасно разсчитывалъ на ея доброе ко мнѣ расположеніе?

— Кто же въ этомъ сомнѣвается, ваше величество?

— Въ томъ-то и дѣло, что многіе сомнѣваются! Но эта новая милость докажетъ, что я знаю русскую императрицу лучше всѣхъ на свѣтѣ и ужъ, конечно, лучше Потемкина, который такъ хвастается ея довѣріемъ и дружбой! Нѣтъ, Аратовъ, что тамъ ни говорятъ, а полура великая вещь, и никогда женщина съ тонкимъ вкусомъ не удовольствуется одною только грубою физическою красотою въ человѣкѣ, котораго она къ себѣ приблизитъ! Нужна деликатность сердца, нѣжность, надо умѣть любить, — продолжалъ онъ, въ увлеченіи своимъ любимымъ предметомъ, не ожидая отвѣ-

товъ на предложенные вопросы и не замѣчая саркастической улыбки, съ которой его слушали. — И, чтобъ просить, нуженъ талантъ. Нужно, во-первыхъ, знать личность, къ которой обращаешься съ просьбой, затѣмъ надо умѣть находить такія слова, которыя идутъ прямо къ сердцу, и тщательно избѣгать всего, что можетъ нарушить гармонію того чувства, которое желательно возбудить... На это не всякій способенъ, не правда ли?

— Да и вообще просить не всякій способенъ, — угрюмо замѣтилъ Аратовъ.

— Не правда ли? — весело повторилъ король, понимая по-своему смыслъ даннаго отвѣта на его вопросъ.—И вѣдь какіе странные! не умѣютъ даже и приступить къ дѣлу, а потомъ, при неудачѣ, жалуются на несправедливость судьбы!...

— Кого изъ вашихъ кредиторовъ намѣрены вы теперь раньше всѣхъ удовлетворить, ваше величество? — довольно таки безцеремонно прервалъ эти разсужденія Аратовъ. — Деньги вы просили для уплаты вашихъ долговъ, и выйдетъ довольно неловко, если послѣ того, какъ вы ихъ получите, на васъ будутъ продолжать жаловаться въ Петербургъ.

— Послушайте, Аратовъ, долговъ у меня такъ много, что дарованной мнѣ суммой все равно всѣхъ не удовлетворишь, и чѣмъ обижать людей несправедливостью, не лучше ли со всѣми обойтись поровну?

— То-есть никому не платить?

— Вотъ именно. Ну, развѣ я не правъ? А если вы, къ тому же, возьмете въ соображеніе,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,— что я обѣщалъ княжнѣ Гедвигѣ брильянтовый парюръ, точно такой, какъ у Коссиковской, а графинѣ Юліи заграничную коляску и пару сѣрыхъ лошадей, не говоря ужъ о проигранномъ пани Розаліи загородномъ домикѣ на пари...

— А знакомство съ таинственной красавицей? Не мѣшаетъ вашему величеству и на этотъ предметъ отложить нѣсколько десятковъ тысячъ,—со смѣхомъ подсказалъ Аратовъ.

— Правда, надо и объ этомъ заранѣе озаботиться.

— Нечего, значитъ, и думать объ уплатѣ долговъ?

— Очень радъ, что вы теперь и сами въ этомъ убѣдились... Впрочемъ, мы про это еще успѣемъ поговорить, а сегодня намъ предстоитъ еще столько дѣла до пріѣзда гостей, что ни минуты нельзя терять.. Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе насчетъ вечерняго представленія. Вы знаете, какъ хорошо изучилъ я роль Париса въ интермедіи, которая должна была быть представлена на несостоявшемся спектаклѣ у Любомирскихъ? Я для этой роли выписалъ костюмъ изъ Парижа... Не найдете ли вы возможнымъ предложить Браницкому уступить мнѣ эту роль?

— Попробую. Но кому же, ваше величество, намѣреваетесь предложить яблоко? Богинь готовятся изображать такія красавицы, что выборъ между ними довольно затруднителенъ.

— Это мой секретъ.

Они обошли весь паркъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ передъ работающими надъ его украшеніемъ, чтобъ, выслушивать ихъ объясненія о готовящихся эффектахъ при вечернемъ освѣщеніи, и, наконецъ, король, загадочно ухмыляясь, привелъ своего спутника къ скамейкѣ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ парка, подъ развѣсистымъ каштаномъ. Скамейка эта, довольно грубо сдѣланная изъ простого дерева, была особенно красиво разубрана зеленью и цвѣтами, и надъ нею спускался пунцовый шелковый шатеръ съ золотой бахромой, на которомъ золотыми буквами красовалась надпись: «Въ память перваго свиданія».

— Догадываетесь вы, для кого я приготовилъ этотъ сюрпризъ?— спросилъ король, самодовольно усмѣхаясь.

При первомъ взглядѣ на эту претенціозную выдумку лицо Аратова исказилось досадой.

— Какъ не догадаться!—отвѣчалъ онъ угрюмо.—Да и всѣ догадаются. Впрочемъ, вашему величеству, можетъ быть, это и угодно?— прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ презрѣнія.

Король смутился.

— Вы думаете, что ей это будетъ непріятно? — нерѣшительно спросилъ онъ.

— Я думаю, что надо быть совсѣмъ потерянной женщиной, чтобы обрадоваться такому афишированію...

— Вамъ какъ будто за нее обидно? Точно вы ее знаете!—процѣдилъ сердито сквозь зубы король, отвертываясь, чтобы не встрѣчаться взглядомъ съ насмѣшливыми глазами Аратова, и направляя свой путь дальше по тѣнистой аллеѣ къ фонтану, гдѣ нѣсколько рабочихъ подъ наблюденіемъ декоратора оканчивали устройство иллюминаціи. Тутъ онъ остановился и приказалъ декоратору снять шатеръ съ надписью надъ скамейкой.

— Вы мнѣ, можетъ быть, и цвѣты прикажете убрать?—съ усмѣшкой обратился онъ къ Аратову, который, пожимая плечами, холодно отвѣтилъ, что здѣсь никто ничего не можетъ приказывать его величеству.

Дмитрій Степановичъ не могъ не видѣть, въ какое раздраженіе приводитъ его величество перемѣна его обращенія съ нимъ, но враждебное настроеніе его ко всему окружающему, начиная отъ цвѣтовъ, на каждомъ шагу лѣзущихъ ему въ глаза, и кончая самодовольной красивой фигурой его коронованнаго друга, съ каждой минутой усиливалось, и язвить его замѣчаніями, тѣмъ болѣе непріятными, что въ справедливости ихъ онъ не могъ не сознаваться, доставляло Аратову наслажденіе. Великіе міра сего правды не пе-

реносятъ и жестоко мстятъ за нее,—онъ это зналъ, какъ нельзя лучше,—но сегодня онъ какъ будто задался цѣлью навсегда поссориться съ первымъ человѣкомъ въ королевствѣ, и ему бы это непремѣнно удалось, если бы появленіе гостей не заставило короля поспѣшно отъ него удалиться.

Начался праздникъ. Шумной веселой толпой разсыпались приглашенные по аллеямъ парка и по покоямъ дворца; всюду запестрѣли красивые наряды дамъ, въ расшитыхъ золотомъ и шелками французскихъ матеріяхъ, муслинахъ и крепахъ, въ высокихъ напудренныхъ прическахъ, надъ которыми много часовъ сряду изощрялись искусные волосочесы, стройныя маленькія ножки на высокихъ каблучкахъ въ атласныхъ башмачкахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, топтали мягкую, усѣянную цвѣтами мураву на лужайкахъ и мелькали подъ сводами столѣтнихъ деревьевъ, осыпанныя золотымъ дождемъ солнечныхъ лучей, пронизывающихъ зеленую листву. Веселый смѣхъ и оживленный говоръ не смолкали ни на минуту, сливаясь съ звуками оркестровъ, игравшихъ во всѣхъ концахъ парка. Программа увеселеній исполнялась съ удивительнымъ ансамблемъ и одушевленіемъ. Всѣ точно сговорились способствовать торжеству. Дамы другъ передъ другомъ соперничали въ красотѣ, свѣжести, граціи, веселости и любезности. Наряды ихъ были восхитительны, и Станиславъ-Августъ порхалъ между ними, какъ мотылекъ промежъ цвѣтовъ, расточая изысканнѣйшіе комплименты и страстные, полные краснорѣчивѣйшихъ любовныхъ признаній, взгляды на всѣ стороны. Каждая женщина, къ которой онъ обращался, могла думать, что онъ съ радостью отдастъ за нее жизнь, такими влюбленными глазами онъ на нее смотрѣлъ, предлагая ей цвѣтокъ, чашку бульона или бисквитъ.

Сама природа благопріятствовала устроителю праздника. Яснѣе дня трудно было желать. На синемъ небѣ не замѣтно было ни единаго облачка, а воздухъ былъ мягокъ, тепелъ и душистъ.

Карусель удалась, какъ нельзя лучше. Даже старики и старушки, принимавшіе участіе въ блестящихъ каруселяхъ, устраиваемыхъ въ Дрезденѣ покойнымъ королемъ для несчастной графини Козель, не могли не согласиться, что ничего лучшаго они не видывали.

Прекрасно выдрессированная прислуга въ красивыхъ ливреяхъ, расшитыхъ по всѣмъ швамъ галунами, ловко лавировала промежъ публики, съ тяжелыми серебряными подносами, уставленными прохладительными напитками, фруктами, мороженымъ, предугадывая желаніе полакомиться и освѣжиться, а ожиданіе предстоящихъ вечеромъ наслажденій усиливало всеобщее удовольствіе.

Одному только Аратову было тоскливо и скучно среди всеобщаго веселья. Все это ему пріѣлось, казалось пошло и глупо безцѣльно! Фальшь улыбокъ накрашенныхъ губъ, бѣлила и ру-

мяна на щекахъ, искусственный блескъ подмалеванныхъ глазъ невыразимо раздражали его. Противны были ему расфранченныя куклы съ кокетливыми взглядами и разсчитанными на эффектъ движеніями, но еще гаже и смѣшнѣе казались ему мужчины, ихъ подражаніе французамъ, кривлянье, стараніе замаскировать мысли, чувства и стремленія подъ заученными фразами и взглядами. Всѣхъ онъ ихъ зналъ хорошо, такъ же хорошо, какъ и сами они знали другъ друга, и карикатурная комедія, разыгрываемая ими, казалось ему отвратительной.

Вотъ съ превеликой помпой подъѣхали къ воротамъ парка Черторижскіе, знаменитый князь Адамъ съ сыномъ, супругомъ очаровательной Изабеллы, въ золоченной коляскѣ, окруженные блестящей свитой всадниковъ, предшествуемые скороходами. Всѣ глаза устремляются на короля, который съ худо скрываемымъ волненіемъ и торжествующей улыбкой, спѣшитъ навстрѣчу заядлѣйшихъ своихъ враговъ, радушно протягивая имъ руки, привѣтствуя ихъ напыщенной фразой, которую онъ съ умысломъ произноситъ такъ внятно и громко, что сотни людей могутъ ее слышать и съ прикрасами разнести по всему городу. Многіе сюда пріѣхали единственно для того, чтобы быть свидѣтелями этой знаменательной встрѣчи, значеніе которой всѣмъ извѣстно. Она происходитъ у мраморной лѣстницы большой террасы, съ которой его величество сошелъ въ ту самую минуту, когда изъ сосѣдней аллеи появилось блестящее шествіе. Объятіямъ и поцѣлуямъ нѣтъ конца. Изъ присутствующихъ многіе не въ силахъ скрыть ехидной усмѣшки. Кому же не извѣстно, что «фамилія» отказалась отъ своихъ замысловъ противъ Понятовскаго только на время, и что при первомъ удобномъ случаѣ король не преминетъ попытаться ихъ утопить, чтобы не погибнуть отъ нихъ?

Его величество ведетъ почетныхъ гостей во дворецъ, гдѣ при ихъ появленіи раздается музыка. Чтобы сѣсть за столъ, ожидаютъ только одну почетную гостью да князя Карла Радзивилла. И всѣ находили это въ порядкѣ вещей: важнѣе, вліятельнѣе и богаче пане коханку въ Рѣчи Посполитой нѣтъ магната, и нѣтъ также болѣе уважаемой женщины той, что пріѣхала вскорѣ послѣ Черторижскихъ, и къ которой также съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и безграничной преданности вышелъ навстрѣчу король.

Про эту женщину, хотя она была еще жива, не удалилась въ монастырь и жила въ своемъ варшавскомъ дворцѣ, окруженная дѣтьми и вѣрными друзьями, уже успѣла составиться легенда, вѣнчавшая ее ореоломъ мученицы, почти святой. Злѣйшіе враги ея, а такими были всѣ развратники и развратницы—страны, не говорили про нее дурно. Потому, можетъ быть, что никто бы имъ не повѣрилъ?

Во всѣ времена и во всѣхъ обществахъ всегда были и будутъ личности, олицетворяющія собою идеалъ добра и правды, и такія

сверкаютъ яркими звѣздами, среди глубочайшей и безотраднѣйшей тьмы заблужденія и порока. И чѣмъ растленнѣе общество, чѣмъ гнуснѣе его вкусы и стремленія, тѣмъ чище и свѣтлѣе горятъ эти свѣточи христіанскихъ добродѣтелей.

Въ польскомъ обществѣ того времени эта женщина была именно такимъ свѣточемъ. Безъ словъ, однимъ своимъ примѣромъ, говорила она несчастнымъ жертвамъ сластолюбія короля, барахтающимся во лжи, развратѣ и отчаяніи: «Дѣлайте, какъ я, искупите вашъ грѣхъ покорностью и терпѣніемъ, откажитесь отъ удовлетворенія уязвленнаго самолюбія и мести за обиду, отвернитесь отъ зла и сотворите благо, и вы успокоитесь. Счастья я вамъ не обѣщаю, но за душевный миръ вамъ ручаюсь».

Сама она была бы даже счастлива, если бы душевный покой, купленный ею цѣною мучительной душевной борьбы, слѣды которой можно было прочесть на ея раньше времени поблѣднѣвшемъ и увядшемъ лицѣ, не нарушался по временамъ жестокими требованіями свѣта, которымъ она подчинялась, какъ справедливому возмездію за минутное заблужденіе. Одно изъ этихъ требованій, и самое для нея мучительное, была необходимость принимать у себя въ домѣ, раза два въ годъ, виновника ея несчастій, короля, и показываться въ его дворцѣ, на торжественныхъ праздникахъ въ родѣ описывамаего нами. Проводить нѣсколько часовъ сряду, въ средѣ любовницъ вѣтренаго Станислава-Автуста, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ онъ ей клялся въ вѣчной любви, было для нея мучительной пыткой, но она принадлежала къ высшей аристократіи, имѣла знатное и вліятельное родство, и лишать дѣтей своихъ покровительства этого родства она не считала себя въ правѣ, и послѣ постигшаго ее, какъ любящую женщину, горя она безропотно заняла въ обществѣ положеніе, приличествующее ея рожденію и состоянію, не унижаясь и не выставляясь, никого не презирая и ни въ комъ не заискивая, не вызываясь на услуги, но никому въ помощи и поддержкѣ не отказывая, и пользуясь своимъ вліяніемъ на невѣрнаго, чтобъ именемъ его дѣлать какъ можно больше добра. Полюбила она Станислава-Августа первою любовью, и любовь эта была послѣдней. Съ лѣтами чувство ея къ нему не измѣнялось, и если бы нужно было отдать за него жизнь, она ни на минуту не задумалась бы передъ такой жертвой. Недавно еще она была одна изъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ въ странѣ и до сихъ поръ была еще прекрасна, но теперь красота ея ни въ комъ не возбуждала иныхъ чувствъ, кромѣ благоговѣйнаго восхищенія, и, продолжая вращаться между людьми, знавшими ее раньше жизнерадостной счастливицей, она душой отошла отъ нихъ такъ далеко, что ни зависть, ни злословіе, ни клевета не могли до нея коснуться.

Говорили, что король былъ на ней тайно обвѣнчанъ. Но справедлива ли была эта молва, до сихъ поръ остается неразгаданной

тайной. Очень можетъ быть, что возникло это убѣжденіе въ умахъ отъ желанія чѣмъ бы то ни было объяснить необъяснимое духовное обаяніе этой замѣчательной женщины.

Не успѣлъ король подать ей руку, чтобъ вести ее во дворецъ, какъ прибѣжалъ пажъ съ извѣстіемъ о прибытіи князя Радзивилла. Съ улыбкой освободивъ руку изъ руки его величества, она приказала ему поспѣшить навстрѣчу гостю и, не дождавшись отвѣта своего смутившагося кавалера, обратилась къ стоявшему по близости Аратову, съ предложеніемъ занять мѣсто короля и повести ее къ обѣденному столу.

Съ низкимъ поклономъ поблагодаривъ за оказанную ему честь, Дмитрій Степановичъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе и не только сѣлъ возлѣ нея за столомъ, но и провелъ съ нею съ часъ времени послѣ обѣда, когда все общество разсыпалось по парку, размѣстилось на террасахъ или удалилось въ уборныя, приготовленныя съ цѣлью отдохнуть и приготовиться къ вечернимъ удовольствіямъ. Она не нуждалась ни въ отдыхѣ, ни въ новомъ туалетѣ, такъ какъ давно уже не принимала участія въ танцахъ и пріѣхала такъ поздно, что устать не успѣла, и, повидимому, общество Аратова ее заняло, потому что она не выражала желанія прекращать съ нимъ разговора. Она разспрашивала его про Россію, которую знала очень поверхностно, желала узнать больше и, точно угадывая душевное настроеніе своего собесѣдника, наводила его на воспоминанія о раннемъ его дѣтствѣ, о его родителяхъ и о его прабабкѣ, знаменитой ненавистницѣ поляковъ и католиковъ, Серафимѣ Даниловнѣ Аратовой.

Личность эта ее интересовала. Она слышала про нее отъ кіевскаго воеводы и отъ его супруги, а также и отъ русскаго посла. Затѣянный ею разговоръ пришелся по душѣ Дмитрію Степановичу. Вспоминая про Россію и про русскихъ, онъ забывалъ про Польшу и въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ попалъ въ водоворотъ политическихъ интригъ въ этой странѣ, почувствовалъ себя русскимъ. Слушательницу же его такъ заняли описаніе старой малявинской усадьбы на рубежѣ Польши и разсказы о старой помѣщицѣ, около полстолѣтія не выѣзжавшей изъ своей усадьбы, переживая въ полномъ одиночествѣ впечатлѣнія минувшей молодости, шумно и бурно проведенной при дворахъ Петра Великаго и его преемницъ, что она съ возрастающимъ любопытствомъ закидывала повѣствователя вопросами.

— Вы говорите, что прабабкѣ вашей скоро минетъ сто лѣтъ! Она, значитъ, можетъ помнить царя Петра и его сподвижниковъ?

— Эту эпоху она помнитъ гораздо лучше послѣдующихъ, и разсказы ея про царя Петра неистощимы. Но почему интересуетесь вы этой эпохой, сударыня?

— О, причинъ у меня на то много! Вѣдь Ягужинскіе намъ сродни.

— Моя прабабка знала и его. Она жила при дворѣ и, должно быть, была въ молодости довольно интересна. Царь любилъ ее за остроуміе и смѣлость. Онъ желалъ отдать ее замужъ за Репнина, дѣда нашего посла, но она предпочла менѣе блестящую партію и вышла за человѣка, котораго любила. Однако, про князя Аникиту Иваныча она вспоминаетъ съ удовольствіемъ и при послѣднемъ нашемъ свиданіи много разспрашивала про его внука.

— Вамъ теперь будетъ что про него разсказать. Князь Репнинъ съ изумительною настойчивостью приводитъ въ исполненіе жестокую политику своего правительства, — замѣтила она съ горечью.

— Но это не мѣшаетъ ему любить поляковъ...

— Не поляковъ, а польку, и такую, которая ужъ, конечно, возбудить въ немъ жалость къ своимъ соотечественникамъ не въ состояніи,—съ живостью поправила она его, и въ страхѣ, чтобъ онъ не придрался къ нечаянно сорвавшемуся съ ея губъ намеку, чтобъ заговорить про женщину, о которой ей было особенно непріятно вспоминать, она поспѣшила свернуть разговоръ на другой предметъ.

Солнце сѣло. Но въ этотъ день въ Лазенкахъ наступавшимъ сумеркамъ не суждено было превратиться въ ночь. Паркъ загорѣлся разноцвѣтными огнями, а дворецъ освѣтился съ низу до верху тысячами свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ.

Начался вечерній съѣздъ гостей, и навстрѣчу имъ грянула музыка скрытаго въ гротѣ оркестра. Изъ уборныхъ выпархивали, одна за другой, переодѣтыя въ бальныя платья красавицы и, встрѣчаясь съ расфранченными кавалерами, обмѣнивались съ ними жеманными комплиментами и веселыми шутками. Въ лѣтнемъ театрѣ готовилось представленіе, и въ группахъ, спѣшившихъ туда черезъ паркъ, разговоры шли о роли Париса, уступленной королю Ржевусскимъ, о новомъ костюмѣ его величества, о томъ, будутъ ли ждать къ представленію княгиню Изабеллу, которая всегда опаздываетъ для приданія себѣ интересу, или начнутъ безъ нея...

Собесѣдница Аратова поднялась съ мѣста и, думая, что ей хочется пройтись по парку, чтобъ полюбоваться иллюминаціей, онъ поспѣшилъ предложить ей руку. Но онъ ошибся въ своемъ предположеніи, она пошла не туда, куда всѣ стремились, а свернула въ боковую аллею, къ выходу изъ сада.

— Спѣшу домой, дѣти безъ меня спать не лягутъ... къ разлукѣ со мною они не привыкли, и я навѣрное найду революцію въ моемъ маленькомъ царствѣ, которую моимъ намѣстницамъ ни за что не усмирить,—шутливо объявила она съ худо скрытымъ волненіемъ, пробираясь со своимъ кавалеромъ по хорошо ей знакомымъ тропинкамъ.—Люди мои дожидаются у калитки, и вы окажете мнѣ большую услугу, если доведете меня до кареты,—продолжала она,

тревожно озираясь по сторонамъ, въ страхѣ быть узнанной и задержанной.

— Никого не желаю я безпокоить... Король, безъ сомнѣнія, занятъ своею ролью... Если самой не до веселья, то вѣдь это еще не причина мѣшать другимъ веселиться, не правда ли?—прибавила она, вскидывая на своего спутника взглядъ, въ которомъ улыбка, не покидавшая ея губъ, отражалась далеко не радостнымъ блескомъ.

Но улыбка эта казалась ему очаровательной, и ему было грустно разставаться съ этой женщиной, на которую онъ до сихъ поръ обращалъ такъ мало вниманія. Казалось, что, когда она отсюда уѣдетъ, онъ будетъ еще болѣе одинокъ въ шумной блестящей толпѣ, съ которой у него такъ мало общаго въ мысляхъ и чувствахъ. Вдругъ какъ-то сблизился онъ съ нею, понялъ ея душу, ея страданія и мучительныя усилія ихъ скрыть подъ видомъ спокойнаго равнодушія. Ему хотѣлось крѣпко пожать маленькую нѣжную ручку, слегка опиравшуюся на его руку, и сказать: «Не притворяйтесь со мною, не сдерживайте слезъ, отъ которыхъ вы задыхаетесь, я вамъ не чужой, я тоже несчастливъ, не могу себѣ найти ни покоя, ни утѣшенія, моя жизнь тоже кончилась, и впереди у меня ничего нѣтъ... Я васъ понимаю, сочувствую вамъ, и мнѣ было легче видѣть васъ плачущей, чѣмъ смѣющейся».

Но онъ ничего подобнаго ей не сказалъ, и она уѣхала, не догадавшись, какого рода чувства пробудила она въ его сердцѣ случайнымъ вниманіемъ и разговоромъ, которымъ она его подарила, благодаря стеченію обстоятельствъ, ничего общаго съ преднамѣренностью не имѣющихъ.

Чтобъ дольше оставаться подъ ея обаяніемъ, онъ долго бродилъ по тѣмъ аллеямъ парка, которыя не сочли нужнымъ освѣщать, такъ далеки онѣ были отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ безпечная толпа предавалась веселью. Его туда не тянуло, къ раскрашеннымъ гримасницамъ, на которыхъ Станиславъ-Августъ промѣнялъ чудную женщину, любившую его безъ ума, и, не переставая размышлять о покинутой Аріаднѣ, съ такимъ достоинствомъ переносившей измѣну пустоголоваго своего соблазнителя, онъ спрашивалъ себя: какъ повернулась бы его судьба, если бы онъ ее встрѣтилъ раньше и добился бы ея любви? Безъ сомнѣнія, жизнь его сложилась бы совершенно иначе. Она заставила бы его полюбить добродѣтель, пробудила бы въ немъ угасшую вѣру въ Бога, въ безсмертіе души, во все, чему ему теперь такъ хотѣлось бы вѣрить! Онъ нашелъ бы въ ней то, чего Елена, не взирая на свою чистоту и непорочность и желаніе быть ему хорошей женой, не могла, не сумѣла ему дать...

Сопоставленіе этихъ двухъ женщинъ смутило его своею неожиданностью. Съ нимъ дѣлается что-то неладное, онъ какъ будто

утрачиваетъ способность управлять своими мыслями и чувствами, и отъ всякихъ пустяковъ теряетъ не только душевное равновѣсіе, но и находчивость, которою всегда отличался. Не можетъ до сихъ поръ оправиться отъ разочарованія въ королѣ, который оказался эгоистичнѣе и трусливѣе, чѣмъ онъ воображалъ, и, чѣмъ бы изыскивать другой какой нибудь способъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, онъ забавляется безсмысленными представленіями, вытаскиваетъ изъ могилъ мертвецовъ и разыгрываетъ съ ними любовныя комедіи, такія же нелѣпыя и неестественныя, какъ тѣ, что разыгрываются теперь въ двухъ шагахъ отъ него, на разукрашенной цвѣтами сценѣ лѣтняго театра.

Чортъ знаетъ, что такое! Елену онъ похоронилъ, а морганатическая супруга Станислава-Августа сама себя похоронила, и никогда ей больше не воскреснуть ни для какого земного чувства... Стоитъ ли думать о томъ, что было бы, если бы онъ встрѣтился съ нею раньше, когда она была еще жива?

Онъ такъ долго прохаживался по отдаленнымъ аллеямъ парка, что наконецъ усталъ, въ изнеможеніи опустился на старый пень и, облокотившись на колѣни, опустилъ голову на руки. Какое-то странное оцѣпенѣніе начало постепенно имъ овладѣвать. По парку раздавались веселые звуки музыки, между листьями сверкали огоньки иллюминаціи, долеталъ сюда смѣхъ и громкій говоръ, но онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ изъ того, что происходило вокругъ него; передъ его духовными очами проходили картины иного рода. Онъ видѣлъ себя въ бѣдной деревенской церкви, передъ образомъ Спасителя съ потемнѣвшимъ ликомъ. Кругомъ было темно, и съ трудомъ можно было различить царскія врата и старичка священника въ худенькой ряскѣ передъ ними. Толпа молящихся съ тяжелыми воздыханіями крестьянъ, изъ уваженія къ незнакомому барину, тѣснилась въ углахъ. Шла всенощная. Вдругъ ликъ Спасителя, на который онъ машинально уставился разсѣяннымъ взглядомъ, оживился отъ приблизившейся къ нему нѣжной бѣлой ручки съ зажженной грошевой свѣчкой, которую старательно прикрѣпляли къ поставцу тонкіе дрожащіе пальчики, и на темномъ фонѣ, съ копошащимися грубыми тѣнями, вырѣзался профиль нѣжнаго женскаго личика, съ опущенными золотистыми рѣсницами на розовыя щечки. Обрамленное, точно золотымъ сіяньемъ, вьющимися кудрями, лицо дышало такой неземной красотой, что казалось видѣніемъ изъ другого міра. Очарованный, онъ не спускалъ съ него глазъ, и смущенная этимъ пристальнымъ взглядомъ дѣвушка въ простенькомъ платьѣ, привлекшая его вниманіе, торопливо перекрестилась и, не поднимая на него глазъ, прошла къ клиросу, гдѣ стояла старая женщина, возлѣ которой она и оставалась неподвижно до конца службы.

Недѣли черезъ три, онъ въ этой же самой церкви вѣнчался съ нею.

Какъ она была тогда хороша! Да и позже, когда она приводила его въ ярость своимъ отвращеніемъ къ нему, когда ему хотѣлось ее убить за это отвращеніе, не могъ онъ ею налюбоваться. Да, да, такой красавицы онъ не встрѣчалъ и никогда не встрѣтитъ. Юльянію онъ любитъ и находитъ ее хорошенькой тогда только, когда ему удается забыть про Елену... Какъ ему смѣшно слышать разговоры короля съ его приближенными о варшавскихъ красавицахъ! Сколько разъ ему хотѣлось ихъ диѳирамбы Юліи Потоцкой, Изабеллѣ Любомирской, Масальской и прочимъ прервать замѣчаніемъ, что одинъ взглядъ на его жену охладилъ бы ихъ восторгъ...

Видѣніе скрылось. Онъ поднялъ голову и увидалъ огни иллюминаціи, горѣвшей въ сосѣднихъ аллеяхъ, услышалъ музыку и оживленный гулъ голосовъ, прерываемый звонкимъ смѣхомъ. Онъ поднялся съ мѣста и вышелъ на разукрашенную гирляндами площадку, передъ лѣтнимъ театромъ, изъ котораго выходила публика.

Интермедія кончилась. За нею по программѣ слѣдовали живыя картины на импровизированной сценѣ у фонтана, фономъ которой служили окружающія деревья. Часть публики спѣшила туда, чтобъ занять мѣста, въ то время какъ другіе оставались передъ театромъ, чтобъ взглянуть на короля. Онъ былъ такъ интересенъ въ костюмѣ аркадскаго пастуха, въ которомъ по просьбѣ дамъ обѣщалъ остаться до конца вечера!

Аратовъ присоединился къ группѣ придворныхъ, весело болтавшихъ о представленіи, о томъ, какъ его величество прекрасно справился со своею ролью, и какъ къ нему идетъ костюмъ Париса.

— Его величество окончательно затмилъ Венеру...

— Да, сегодня княжна Сапѣга не въ авантажѣ...

— Во всѣхъ отношеніяхъ.

Замѣчаніе это заставило всѣхъ расхохотаться. Должно быть, попало въ цѣль.

— Вотъ онъ!—возвѣстилъ чей-то голосъ, и всѣ глаза устремились на театръ, изъ котораго выходилъ король въ розовомъ съ голубымъ костюмѣ буколическаго пастушка, съ посохомъ, увитымъ цвѣтами, въ рукѣ и съ гирляндой изъ розъ на напудренномъ парикѣ, помолодѣвшій, веселый, жизнерадостный и такой красивый, что онъ не казался даже особенно смѣшнымъ.

Въ нарядной толпѣ дамъ, окружавшей его, Аратовъ узналъ княгиню Любомирскую и жену кіевскаго воеводы съ Розальской, за которой тѣнью слѣдовалъ длинный Длусскій, но Дмитрію Степановичу даже и въ голову не пришло остановиться на нихъ взглядомъ, онъ продолжалъ искать глазами кого-то въ толпѣ, а кого именно—этого онъ и самъ не зналъ, но отъ ожиданія волне-

ніе его съ минуты на минуту усиливалось, и сердце билось такъ сильно, что ему казалось, что онъ слышитъ это біеніе.

И вдругъ въ группѣ, тѣснившейся вокругъ короля, что-то произошло, всѣ разступились, а его величество съ пріятнѣйшей улыбкой на губахъ поспѣшилъ навстрѣчу двумъ женщинамъ, выходившимъ изъ сосѣдней аллеи. Одна, въ розовомъ платьѣ, усыпанномъ брильянтами и жемчугами, была княгиня Изабелла, а въ другой, въ бѣломъ, Аратовъ узналъ свою жену...

Король съ почтительнымъ поклономъ къ нимъ подошелъ. Княгиня что-то такое сказала, указывая на свою спутницу, которая отвѣчала на привѣтствіе его величества низкимъ реверансомъ. Онъ съ нею заговорилъ, и она отвѣчала ему, не поднимая глазъ, въ большомъ смущеніи, краснѣя подъ восхищенными взглядами, устремленными на нее со всѣхъ сторонъ.

У княгини Изабеллы былъ торжествующій видъ, и она съ самодовольной усмѣшкой озиралась по сторонамъ, точно желая сказать: «вотъ какую красавицу я вамъ привезла!»

Аратовъ стоялъ, какъ очарованный. Онъ даже не спрашивалъ себя: какъ попала сюда Елена, и что произойдетъ для него отъ этой встрѣчи? Онъ жадно всматривался въ знакомныя черты, прислушивался къ звуку ея голоса и ждалъ съ замирающимъ сердцемъ, когда же наконецъ онъ проснется, и видѣніе исчезнетъ.

Но оно не исчезало, и ему становилось жутко. Онъ почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ, обернулся и встрѣтился глазами съ пристально смотрѣвшимъ на него княземъ Репнинымъ.

Таинственная завѣса, застилавшая передъ нимъ дѣйствительность, разорвалась, и ему все стало ясно...

А праздникъ продолжался. Послѣ живыхъ картинъ — фейерверкъ, представлявшій храмъ любви въ огнѣ, послѣ фейерверка — танцы на лужайкѣ, съ масками, привезенными княземъ Радзивилломъ, подъ открытымъ небомъ, съ мигающими ласково звѣздами. Потомъ опять фейерверкъ, но ужъ на водѣ, съ изображеніемъ корабля въ пламени, а тамъ опять танцы, ужъ въ залахъ дворца. Веселое оживленіе не прекращалось; удовольствіе смѣнялось удовольствіемъ, и въ пылу любовныхъ признаній подъ звуки оркестровъ и гастрономическихъ наслажденій лакомствами и винами, подъ которыми ломились столы, мало кто обратилъ вниманіе на ухаживаніе русскаго посла за супругой кіевскаго воеводы и на ея довольный видъ послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды. Прошелъ почти незамѣтно и другой инцидентъ: обморокъ хорошенькой пани Розальской... отъ жары и ароматовъ цвѣтовъ. Совсѣмъ больная пріѣхала на праздникъ, блѣдная, съ растеряннымъ взглядомъ.

Когда она лишилась чувствъ, ее хотѣли унести въ уборную, но пани Анна объявила, что она уѣдетъ съ нею домой, и хорошенькую вдовушку, все еще въ обморокѣ, понесли въ карету, въ ту самую минуту, когда король начиналъ танцовать менуетъ съ таинственной красавицей, которую привезла княгиня Изабелла.

Про Аратова всѣ забыли. Король вспомнилъ про него только за ужиномъ, когда всѣ дамы разъѣхались, и за столомъ остались одни мужчины. На вопросъ его: куда дѣлся нашъ москаль?—кто-то отвѣтилъ, что Аратовъ скрылся еще до перваго фейерверка.

Отвѣтомъ этимъ его величество удовлетворился и больше не упоминалъ про него въ ту ночь, а когда на слѣдующій день ему доложили, что Дмитрій Степановичъ еще во время праздника уѣхалъ въ городъ со своимъ вѣрнымъ Езебіушемъ, и по собраннымъ справкамъ оказалось, что онъ въ ту же ночь покинулъ и городъ, въ дорожной каретѣ и неизвѣстно куда, король даже обрадовался такой неожиданной развязкѣ своей дружбы съ москалемъ, всегда казавшимся ему человѣкомъ подозрительнымъ и ненадежнымъ, хотя онъ и забавлялъ его оригинальными выходками, неистощимымъ остроуміемъ и отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Послѣднее время Аратовъ, все больше и больше утрачивая беззаботную веселость, такъ досаждалъ его величеству непріятными замѣчаніями и безтактными выходками, что общество его становилось со дня на день невыносимѣе. Къ тому же и примиреніе короля съ могущественными врагами обязывало его къ извѣстнымъ уступкамъ общественному мнѣнію, враждебно настроенному противъ москалей и всегда косо смотрѣвшему на его близость къ Аратову. Однимъ словомъ, исчезновеніе этого послѣдняго съ варшавскаго горизонта произошло, какъ нельзя болѣе кстати, и оставалось только желать, чтобъ онъ никогда больше сюда не возвращался.

Возликовали и во дворцѣ кіевскаго воеводы, когда извѣстіе о бѣгствѣ москаля сюда проникло. Правыми оказались тѣ, которые относились недовѣрчиво къ этому человѣку, подозрѣвая его способнымъ на всевозможныя преступленія, даже на убійство. Торжествовалъ особенно аббатикъ. Развѣ не онъ первый догадался о злодѣйствѣ проклятаго схизматика? Развѣ онъ не стоялъ на своемъ даже и тогда, когда за недостаткомъ уликъ противъ него никто не осмѣливался выражать подозрѣній насчетъ таинственной смерти его жены? Развѣ онъ всегда не повторялъ, что человѣкъ этотъ способенъ на всякое злодѣяніе?

Когда всѣ узнали, какъ равнодушно отнесся король къ исчезновенію своего любимца, и что русскій посолъ сказалъ: «надо надѣяться, что мы этого господина здѣсь больше не увидимъ», всѣ спрашивали другъ друга: неужели Розальская и теперь, когда

всѣ отъ него отвернулись, будетъ продолжать упрямиться въ своей любви къ нему? Это было бы сумасшествіе, бѣсовское навожденіе, противъ котораго позволительны самыя крайнія мѣры...

Отъ печали и смущенія бѣдная Юльянія не выходила изъ своихъ комнатъ, и, кромѣ пани Анны и Сесиліи, никто ея не видѣлъ. Говорили, что она заболѣла и, къ величайшему огорченію ясновельможной, упорно отказывается видѣть доктора. Разсказывали, будто она съ отчаянія покушалась на самоубійство, да и мало ли что болтали во дворцѣ кіевскаго воеводы, гдѣ всѣ были заинтересованы романомъ хорошенькой вдовушки съ ненавистнымъ москалемъ.

Сестра Фелицата дажа помолодѣла отъ предвкушенія пріятныхъ перспективъ въ ближайшемъ будущемъ. Она убѣдила старшихъ резидентокъ и ближайшихъ къ ясновельможной компаньонокъ, панну Джевецкую и панну Недзелковскую, въ необходимости обратиться за помощью къ извѣстному заклинателю злыхъ духовъ, бенедиктинцу отцу Моисею, и эти панны ожидали только удобнаго случая, чтобъ умолить госпожу послѣдовать благому совѣту такой компетентной личности, какъ сестра Фелицата, а тѣмъ временемъ бесѣды съ дворскими дѣвицами въ сумеркахъ, передъ растворенной дверью въ садъ, о чортѣ и чертенятахъ возобновились, и къ обычной аудиторіи профессорши мракобѣсія присоединилось такое множество слушательницъ и слушателей, что лекторша должна была возвышать голосъ до крика, чтобъ быть услышанной всѣми жаждущими просвѣтиться насчетъ такого интереснаго предмета.

— Пора, пора пригласить въ этотъ домъ отца Моисея! Пора окропить здѣсь всѣ углы святой водой и прочесть во всеуслышаніе молитвы и заклинанія, отъ которыхъ бѣсы разсыпаются прахомъ! Пора очистить воздухъ!—повторяла она, грозно потрясая кулаками по направленію невидимаго врага.—А какъ это сдѣлать, я вамъ могу сказать, я была свидѣтельницей, больше того, я помогала отцу Моисею въ борьбѣ съ нечистой силой. Мы изгнали изъ матери Клеопатры пять бѣсовъ, изъ сестры Анжелики восемь! Вы должны знать,—продолжала она, устремляя страшные глаза съ изступленнымъ взглядомъ на дрожащихъ отъ ужаса слушательницъ,—когда бѣсы овладѣваютъ человѣкомъ, онъ ужъ самъ себѣ не принадлежитъ, и сердцемъ, и умомъ его, и волей владѣетъ сатана. За него думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ дьяволъ. Тотъ, кто хоть разъ видѣлъ бѣсноватаго, въ ту минуту, когда изъ него изгоняютъ бѣсовъ, тотъ сомнѣваться въ этомъ не можетъ, потому что онъ видитъ чертей такъ, какъ я васъ теперь вижу! Они вылѣзаютъ у него изъ глазъ, изъ ноздрей, изъ ушей, изо рта! О, это страшное зрѣлище! Не всякій его можетъ вынести!

Это была сущая правда. Отъ одного его описанія со многими слушательницами дѣлалось дурно, имъ казалось, что онѣ видятъ

бѣсовъ, и бесѣда прерывалась истерическими припадками и обмороками.

А затворничество Юльяніи между тѣмъ продолжалось. На всѣ просьбы выйти изъ спальни, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ въ саду или на балконѣ, она отвѣчала слезными мольбами оставить ее въ покоѣ и одну. Про Аратова она не спрашивала, и пани Анна запретила упоминать его имя въ ея присутствіи.

Прошло съ недѣлю, больная начала поправляться, явился сонъ и аппетитъ; она поднялась съ постели и просидѣла съ часъ времени на креслѣ передъ окномъ въ садъ. Можно было надѣяться на скорое выздоровленіе, и пани Анна рѣшилась ее покинуть на цѣлый вечеръ, чтобъ ѣхать на концертъ къ графинѣ Ржевусской, гдѣ она должна была встрѣтить все высшее варшавское общество, а также и русскаго посла, съ которымъ ей было особенно интересно повидаться послѣ внезапнаго и загадочнаго исчезновенія Аратова.

Къ ея величайшему удовольствію, князь Репнинъ первый заговорилъ съ нею про ненавистнаго москаля, какъ про личность, которой покровителямъ пани Розальской опасаться нечего.

— Я вамъ обѣщалъ, что избавлю васъ отъ этого человѣка, графиня, и, какъ видите, сдержалъ слово,—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Но намъ хотѣлось бы знать, надолго ли мы избавлены отъ опасности?—спросила она.

— Навсегда, графиня. Пѣсенка г. Аратова спѣта, и въ Варшаву онъ, во всякомъ случаѣ, не вернется.

— Извините, князь, но мнѣ хотѣлось бы знать, насколько я была права въ тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя я позволила себѣ вамъ высказать на его счетъ. Помните, въ тотъ вечеръ, когда вы удостоили меня вашимъ посѣщеніемъ?

— Насчетъ смерти его жены? Ничего вѣрнаго не могу вамъ еще сказать. Слѣдствіе производится, но самое секретное, и я долженъ васъ предупредить, что малѣйшая неосторожность можетъ все испортить, — прибавилъ онъ, устремляя на нее выразительный взглядъ, значеніе котораго она поняла, какъ нельзя лучше.

Явилась на этотъ концертъ и княгиня Изабелла, но безъ красавицы, возбудившей такое любопытство на послѣднемъ праздникѣ въ Лазенкахъ. На вопросы о ней она отвѣчала, что къ ея пріятельницѣ пріѣхалъ мужъ, и что она собирается уѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Она здѣсь проѣздомъ, и ей нѣтъ цѣли знакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Если она приняла приглашеніе короля, то это для того, чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ мы веселимся у его величества,—прибавила она съ иронической усмѣшкой, всегда появлявшейся на ея губахъ, когда она говорила про своего эксъ-любовника.

Впрочемъ разспросами о таинственной незнакомкѣ ей много не докучали, за послѣдніе дни про нее успѣли забыть. Всеобщее вниманіе было теперь обращено на князя Карла Радзивилла, у котораго начинали собираться тѣ самые недовольные настоящимъ положеніемъ страны, которые еще такъ недавно собирались у краковскаго кастеляна... Предвидѣлись новые смуты и раздоры, на этотъ разъ съ поддержкой Пруссіи и Австріи, обѣщавшихъ будто бы свое содѣйствіе возстанію противъ Россіи.

Занимала также общественное мнѣніе ссора короля съ княжной Сапѣгой и возвратъ нѣжности, проявляемый имъ къ княгинѣ Любомирской, а также вызывающій тонъ, проявляемый княгиней Изабеллой Чарторижской, каждый разъ, когда имъ случалось встрѣчаться въ публикѣ. Она такъ подчеркивала свое къ нему презрѣніе и ненависть, что во избѣжаніе скандала король, чувствовавшій себя всегда безсильнымъ передъ женщинами, къ которымъ былъ раньше не равнодушенъ, принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ избѣгать этихъ встрѣчъ.

Съ концерта Ржевусской пани Анна вернулась домой въ наилучшемъ настроеніи, нимало не подозрѣвая ожидавшаго ее непріятнаго сюрприза, а между тѣмъ не успѣла она переступить порогъ своей уборной, какъ ей объявили, что пани Розальской во дворцѣ уже нѣтъ.

Юльянія воспользовалась отсутствіемъ ясновельможной, чтобъ бѣжать, и бѣгство это было задумано такъ искусно, что сомнѣваться въ томъ, что оно было подготовлено заранѣе, не было никакой возможности.

До глубокой ночи никто во дворцѣ ничего не подозрѣвалъ. Какъ всегда, горѣлъ огонь въ ея комнатахъ часовъ до одиннадцати, и всѣ оставались бы до утра въ убѣжденіи, что пани Розальская преспокойно почиваетъ въ своей спальнѣ, если бы одинъ изъ сторожей, дѣлая свой обходъ по дворамъ, не замѣтилъ, что калитка въ переулокъ отперта, и что ключъ отъ нея, вмѣсто того, чтобы висѣть съ прочими ключами у изголовья старшаго джонста, торчитъ въ замкѣ. Въ испугѣ онъ всѣхъ перебудилъ, начиная съ дворцоваго маршала, который немедленно обошелъ помѣщенія обитателей дворца, чтобъ убѣдиться, кому понадобилось выйти въ такую позднюю пору изъ калитки. Врядъ ли при этомъ обыскѣ рѣшились бы безпокоить пани Розальскую, если бы не увидали дверь въ ея апартаментъ полуоткрытой. Когда проникли въ ея комнаты, то никого въ нихъ не нашли, всѣ три покоя были пусты, и на каждомъ шагу попадались слѣды бѣгства, какъ госпожи, такъ и служанки: ларцы и ящики были опорожнены, на полу валялись обрывки бумаги и бичевокъ, ни драгоцѣнностей, ни денегъ нигдѣ не оказывалось, и наконецъ на столѣ бросалось въ глаза письмо въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью на имя пани Анны.

Въ письмѣ этомъ Юльянія умоляла свою благодѣтельницу простить ей огорченіе, которое она ей причиняетъ, и забыть про нее. Не въ силахъ она жить безъ любимаго человѣка и рѣшила слѣдовать за нимъ всюду.

XXX.

Въ селѣ Воробьевкѣ шла уборка хлѣба.

И въ такую-то горячую пору Андрею понадобилось ѣхать въ городъ.

На обратномъ пути онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не свернуть въ поле, гдѣ жали пшеницу, и увидавъ, что дѣло не идетъ такъ споро, какъ бы ему хотѣлось, отослалъ телѣжку съ лошадью домой, а самъ принялся подгонять народъ, чтобъ до ночи ни одного не сжатаго колоса не оставалось.

Вернулся онъ домой, такъ притомившись, что насилу, насилу уговорила его жена поѣсть хоть горячихъ щей передъ сномъ. Ему было не до ѣды, и, просидѣвъ за столомъ минутъ пять, онъ поднялся съ мѣста, чтобъ скорѣе раздѣться и завалиться спать.

Поспѣшно легла и Маланья, прекративъ разспросы, на которые онъ отвѣчалъ неохотно,—такъ клонило его ко сну, а между тѣмъ онъ не засыпалъ и, проворочавшись съ боку на бокъ съ часъ времени въ темнотѣ, самъ сердито возобновилъ прерванный разговоръ о гнилыхъ слухахъ, распускаемыхъ лихими людьми, чтобъ мутить народъ.

Вѣсти изъ Варшавы доходили сюда поздно, случайно и всегда въ извращенномъ видѣ, но Андрей не даромъ здѣсь выросъ, онъ зналъ, что самые нелѣпые слухи никогда даромъ не появляются и всегда предшествуютъ какимъ нибудь смутамъ. Чуяло его сердце бѣду, но не зналъ онъ, откуда ее ждать, и это его раздражало. Присмирѣли въ ожиданіи и хохлы, и казаки, притаились жиды, молчали и русскіе, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ обычной заносчивости, не проявляли себя и поляки, но это было только затишье передъ бурей, и за смутными, глухими слухами начинали уже проявляться признаки зловѣщаго свойства: по дорогамъ большимъ и проселочнымъ все чаще и чаще попадались личности изъ того неблагонадежнаго элемента, что̀ всегда всплываетъ на поверхность взбаломученнаго житейскаго моря. Гдѣ скрывались до сихъ поръ эти люди, и для чего они являлись,—не стоило и спрашивать, никто этого не зналъ.

Андрей столкнулся съ такимъ человѣкомъ на постояломъ дворѣ въ Кіевѣ. Сидя за столомъ передъ миской жирныхъ галушекъ и запивая ихъ старой водкой, незнакомецъ разсказывалъ какіе-то турусы на колесахъ о томъ, кого да кого надо выбирать въ послы на конфедерацію, и подробно объяснялъ, что̀ будетъ, если выберутъ людей изъ партіи Чарторижскихъ, чего ждать отъ Радзивилла, за

сколько мильоновъ продалъ кіевскій воевода съ графомъ Браницкимъ москалямъ отчизну, и какая ихъ ждетъ казнь за измѣну, когда патріоты одержатъ верхъ.

Когда Андрей отправился на базаръ, онъ тамъ услышалъ такіе же толки и тоже отъ незнакомыхъ пришлыхъ людей. Вокругъ нихъ собирались толпами, закидывали ихъ вопросами и во всеуслышаніе повторяли ихъ отвѣты: всего больше льготъ надо ждать бѣдному народу отъ свѣтлѣйшаго князя Радзивилла. Онъ всѣхъ хлоповъ выпуститъ на волю и каждаго одѣлитъ землей и грошами. А король вступилъ въ тайный союзъ съ врагами отчизны и далъ подписку русскому послу, что всѣхъ поляковъ, которые откажутся переходить въ греческую вѣру, будутъ топить въ колодцахъ и рѣкахъ. Много тому подобнаго вздора разсказывали смутьяны, и вздоръ этотъ расползался по всему городу и по предмѣстьямъ, чтобъ оттуда распространяться дальше по селамъ и хуторамъ. Андрей самъ слышалъ, какъ враки эти повторялись съ прикрасами всюду. И добро бы одни только хлопы этому вѣрили, это бы еще съ полгоря, но объ этомъ разсуждали и въ приказѣ, куда онъ заходилъ писать купчую на пустошь, купленную у сосѣдняго помѣщика. Въ приказѣ онъ нашелъ всѣхъ служащихъ въ переполохѣ по случаю новаго распоряженія русскаго посла въ Варшавѣ, предлагавшаго начальству пограничныхъ съ Польшей русскихъ поселеній зорко слѣдить за народомъ, чтобъ не увлекался розсказнями смутьяновъ и выдавалъ бы ихъ головой начальству, дабы всѣ они понесли должную кару за подговоръ къ мятежу.

— Легко сказать! А какъ ихъ изловишь, когда ихъ такое множество, и съ каждымъ днемъ все новые проявляются?—прибавилъ въ концѣ своего повѣствованія Андрей.

Жена его тяжело вздохнула.

— Не успѣла я тебѣ еще разсказать, а вѣдь я тутъ безъ тебя двухъ такихъ брехунцевъ изъ нашихъ приказала Лукьянычу розгами отодрать,—объявила она.

— Кто такіе?—спросилъ, съ живостью приподнимая голову съ подушекъ, Андрей.

— Павлушка Тихоновъ да Алешка Рожковъ. Калякала я тутъ съ бабами о льнѣ, что хуже прошлогодняго уродился, и вижу, съ огорода Аксютка бѣжитъ со всѣхъ ногъ и руками мнѣ машетъ, чтобъ я ее подождала. Я бабъ отпустила, а сама пошла къ плетню ей навстрѣчу... «Что случилось?—спрашиваю.—Опять, вѣрно, быка не устерегли, и онъ забодалъ кого?»—«Быкъ въ стадѣ, гритъ, а Павлушка съ Алешкой про тебя съ Андреемъ Иванычемъ гнилыя слова брешутъ». И разсказала она мнѣ тутъ, что какой-то бунтарь изъ дальнихъ бунтуетъ народъ все здѣсь бросить да въ Польшу на вольные хлѣба иттить. Онъ, видишь, какимъ-то своимъ начальствомъ посланъ людей всякихъ вербовать на службу къ новому

польскому королю и всякому, кто за нимъ пойдетъ, сулитъ подпиской за печатью вольную да сто тысячъ злотыхъ. Ну, я какъ это услышала, и распорядилась обоихъ молодцовъ выпороть, и пока тамъ что, а замѣсто польскихъ злотыхъ здорово ихъ отчехвостили. Будутъ помнить польскую волю! Приходили благодарить за науку. «Насъ не учить, дураками бы жили». Крѣпко-накрѣпко наказала имъ и за другими присматривать. Обѣщались.

— Это ты хорошо догадалась и впередъ такъ дѣйствуй,—замѣтилъ позѣвывая Андрей,—а теперь пора спать, надо завтра чуть свѣтъ вставать да жнитво кончать, за рощей еще не начинали.

Но въ ту ночь спать ему не удалось. Не успѣлъ онъ завести глаза, какъ толчокъ въ бокъ заставилъ его проснуться и обернуться къ женѣ, которая сидѣла на постели и съ широко раскрытыми глазами къ чему-то прислушивалась.

— Что тамъ еще?—спросилъ онъ.

— Ѣдетъ къ намъ, какъ будто кто,—прошептала она.

Онъ тоже началъ слушать. Издалека доносился звонъ колокольчика, все ближе и ближе. Залаяли собаки. Кто-то ѣхалъ.

— Можетъ, мимо,—замѣтила Маланья.

— Надо посмотрѣть.

Андрей бросился къ окошку, приподнялъ раму, толкнулъ ставень и, высунувъ голову на дворъ, сталъ вглядываться въ ночныя тѣни, застилавшія заборъ и ворота. Собаки заливались все громче и громче, но сквозь ихъ лай звонъ колокольчика прорѣзывался все ближе и ближе. Ѣхали къ нимъ: грохотъ колесъ замеръ у воротъ, и раздался стукъ.

Накинуть на себя первое попавшееся подъ руку платье и выбѣжать на дворъ было для Воробьевскаго управителя дѣломъ одной минуты. Крикъ жены, умолявшей его не впускать чужихъ, пока не прибѣгутъ работники, долетѣлъ до его ушей, когда онъ уже стоялъ у воротъ, въ которыя не переставали стучать.

— Кто такіе? Что нужно?—спросилъ онъ, возвышая голосъ до крика, чтобъ заглушить собачій лай и визгъ.

— Уйми собакъ! Ничего не слыхать!—отвѣчали ему.

— Цыцъ вы, окаянныя! Вотъ я васъ!

Псы успокоились, и, когда ихъ неистовый лай перешелъ въ злобное рычаніе, пріѣзжій объявилъ, что привезъ Андрею Иванычу письмо изъ города.

— Отъ кого письмо, и кто ты такой?

— Да неужтожъ ты меня не узнаешь? Кузьминскій Лексашка. Отворяй безъ сумлѣнія, свой!

Андрей принялся вынимать тяжелые засовы, которыми были забарикадированы ворота, а Маланья тѣмъ временемъ успѣла разбудить работниковъ и бабъ, такъ что въѣхавшая на дворъ телѣга съ молодымъ парнемъ, оказавшимся племянникомъ того содержа-

теля постоялаго двора въ Кіевѣ, у котораго Андрей всегда останавливался, была встрѣчена толпой народа съ зажженными фонарями.

— Съ опаской живете, Андрей Иванычъ!—сказалъ пріѣзжій, здороваясь съ хозяиномъ и слѣдуя за нимъ въ домъ, гдѣ хозяйка собирала ужинъ нежданному гостю.

— Нельзя безъ опаски, паренекъ. Здѣсь худыхъ людей больше, чѣмъ хорошихъ. Ну, давай письмо. Вѣрно нужно, когда съ нарочнымъ прислали,—прибавилъ онъ, принимая запечатанный гербовою печатью конвертъ, который посланецъ вынулъ изъ-за пазухи.

— А ты прочти, что на конвертѣ-то приписано: «Безъ замедленія Воробьевскому управителю, Андрею Иванову, съ нарочнымъ доставить». Ну, меня той же минутой въ путь и снарядили,—объяснялъ Лексашка въ то время, какъ Андрей распечатывалъ письмо и читалъ его, приблизившись къ свѣчкѣ, которую поспѣшила засвѣтить Маланья.

Письмо было отъ барина, и прочитавши Андрей опустилъ его въ карманъ, ни съ кѣмъ не подѣлившись его содержаніемъ. Но Маланьѣ достаточно было мелькомъ взглянуть на мужа, чтобъ догадаться о важности полученныхъ извѣстій, чтобъ скорѣе узнать, въ чемъ дѣло, она стала торопить Лексашку поужинать и ложиться спать.

— А мнѣ, видно, ужъ сегодня не ложиться,—объявилъ Андрей, пройдя съ женой въ спальню.

— Отчего не ложиться? До утра еще далече.

— Надо собираться въ путь, вотъ что.

— Опять? Только что вернулся! Куда ѣхать-то?

— Далеко, Маланьюшка, въ Варшаву,—отвѣчалъ съ загадочной усмѣшкой Андрей.—Подошло, кажись, къ развязкѣ то дѣло, о которомъ я тебѣ говорилъ, что̀ безпремѣнно, рано ли, поздно ли, да вскроется.

Она поблѣднѣла.

— Это малявинское-то кощунство?—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ вымолвила она, не спуская испуганнаго взгляда съ мужа.

— То самое. Баринъ пишетъ, чтобъ безпремѣнно разузнать имена всѣхъ тѣхъ господъ, которыхъ г. Аратовъ на похороны приглашалъ, а также про тѣхъ поповъ, что отпѣвали, гдѣ ихъ въ случаѣ надобности можно будетъ найтить.

— Дошло, значитъ, дошло!—вскричала она, всплескивая руками.—О Господи! Смилуйся надъ нами, грѣшными! Пронеси мимо бѣду!

— Намъ бояться нечего, наше дѣло сторона.

— А какъ же баринъ-то... съ той... съ живой покойницей?.. Съ нимъ она все или?..

— Должно быть, съ нимъ, гдѣ же больше? Нешто онъ можетъ ее бросить? Не таковскій! Приказываетъ ни минуты не медля въ Варшаву сбираться... «Ты мнѣ нуженъ», гритъ. Ну, и славу Богу! Дай Господи ему послужить за все его добро! А въѣзжать приказываетъ прямо на дворъ къ князю Репнину.

— Это что же за князь такой? Бариновъ пріятель что ли?

— Князь Репнинъ нашимъ рассейскимъ посломъ при королѣ польскомъ состоитъ и, должно быть, съ нашимъ бариномъ знакомъ, когда мнѣ приказано прямо къ нему на дворъ въѣзжать. Поѣду съ Лексашкой до Кіева, чтобъ поменьше тутъ разговоровъ было промежъ нашихъ, а ты тутъ, если что, всѣмъ говори, что съ Аксеновымъ у меня дѣло не сладилось, и что я поѣхалъ другого покупщика на лѣсъ искать. Поняла?

— Это-то я понимаю. Такъ ты, значитъ, сегодня ужъ совсѣмъ спать не ляжешь?

— Не до сна мнѣ, а ты ложись, подъ утро я тебя разбужу,— отвѣчалъ онъ, присаживаясь къ столу между окнами, выдвигая въ немъ ящикъ и вынимая бумагу, чернила въ пузырькѣ и очиненное гусиное перо.—Надо кое-что себѣ записать на память.

— Мнѣ тоже не до сна. Станемъ съ Аксиньей снаряжать тебя въ дальній путь. Прикажу ей затопить печь, будемъ стряпать, курочекъ да уточекъ тебѣ нажаримъ, пирожокъ испечемъ. Изъ одежи-то что тебѣ уложить?

— Одежу надо взять добрую, чтобъ не стыдно было въ большомъ городѣ людямъ показаться. Уложи въ коробъ, чтобъ не смялось.

— А на чемъ ты изъ Кіева-то дальше поѣдешь?

— Куплю въ Кіевѣ и коня и телѣжку. Все равно изъ здѣшнихъ людей никого нельзя съ собой взять, лучше, значитъ, и лошадей отсюда не трогать.

— А въ Малявино не съѣздишь?—спросила, немного помолчавъ, Маланья.—Можетъ, барину любопытно знать про то, что тамъ дѣлается. Намеднись приходила оттуда Домна къ теткѣ, такъ сказывала, что ихъ старая барыня приказала всѣхъ пришлыхъ людей изъ деревни гнать. Такой завела порядокъ противъ поляковъ и жидовъ—страсть! Головлевыхъ всей семьей въ дальній хуторъ выселяютъ за то, что какой-то бернардинецъ монахъ двѣ ночи у нихъ переночевалъ. Стихло у нихъ теперь, о смутѣ, не то что толковать, а даже и помыслить боятся.

— Всѣмъ господамъ съ нея бы примѣръ брать, живо бы тогда весь край успокоился.

— Говорятъ, все пишетъ что-то такое. По цѣлымъ ночамъ пера изъ рукъ не выпускаетъ.

— Къ Митрію Степановичу, вѣрно, въ Варшаву.

— То само собой, тѣ письма она ему съ нарочными отправляетъ, а другое свое писаніе она въ кованный ларецъ, что возлѣ

ея кровати, складываетъ. Какъ испишетъ листъ, такъ туда и сложитъ, да на ключъ запретъ. Ейные ближніе думаютъ, что духовную свою вздумала мѣнять.

— Желаетъ, вѣрно, родовое добро отъ польки оградить. Достаточно онъ всего понатаскалъ изъ Малявина въ Варшаву, надо старухѣ и о дѣткахъ позаботиться. А про ту польку, на которой онъ жениться-то думалъ, ничего у нихъ не говорятъ?

— Какъ не говорить, говорятъ! Въ кажинномъ письмѣ старуха ему про свое желаніе сообщаетъ, чтобъ онъ на ней не женился. Да нешто онъ кого послушаетъ! А про то дѣло совсѣмъ замерло, никто и не вспоминаетъ, точно никогда и не бывало.

— Эхъ, Маланьюшка, какъ грѣха ни заминай, а того, что было, нельзя сдѣлать, чтобъ не было. Все раскроется. И сдается мнѣ, что время къ тому подходитъ. Для чего нибудь да понадобилось нашему Владимиру Михайловичу свидѣтелей собирать.

— Дай-то Богъ! Пора и ему и бѣдной молодой барынѣ успокоиться и по-людски зажить! Какъ подумаешь, что отъ такого богатства да знатности въ бѣглые попали, мѣста себѣ нигдѣ не могутъ найти, подъ чужимъ именемъ, какъ воры какіе, должны хорониться! Безъ слезъ вспомнить про нихъ не могу!

Въ Кіевѣ Андрей очень скоро обзавелся всѣмъ нужнымъ на дальній путь. На постояломъ дворѣ нашлась прочная и легкая продажная телѣжка, которую онъ пріобрѣлъ, а знакомый маклакъ доставилъ ему коня, за силу и выносливость котораго ручался.

Отъ провожатаго онъ отказался. Дорога ему была знакома, и путешествовать одинъ онъ не боялся, но чѣмъ больше размышлялъ онъ о порученіи барина, тѣмъ больше убѣждался, что жена его права: не мѣшало бы явиться въ Варшаву, пособравши побольше свѣдѣній о томъ дѣлѣ, для котораго его выписали. А нигдѣ, даже въ Малявинѣ, не знаютъ такъ много про Дмитрія Степановича, какъ въ замкѣ кіевскаго воеводы, отъ котораго до мызы Розальской рукой подать. Тамъ всѣ на него смотрятъ, какъ на жениха молодой вдовушки. Не заѣхать ли переночевать въ Тульчинъ? Крюкъ не великъ, а если удастся привезти барину побольше свѣдѣній о его злодѣѣ и узнать отъ людей Розальской, скоро ли у нихъ готовятся играть свадьбу, тогда жалѣть о потерянномъ времени не придется...

Размышляя такимъ образомъ, онъ свернулъ съ большой дороги на проселочную и къ вечеру пріѣхалъ въ мѣстечко, принадлежащее графу Салезію Потоцкому, съ замкомъ, окруженнымъ стариннымъ паркомъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ такъ пышно и весело праздновались приготовленія къ выборамъ пословъ на сеймъ.

Мѣстечко это, густо населенное торговымъ людомъ, служило сборнымъ пунктомъ и сосѣднимъ помѣщикамъ и пріѣзжимъ куп-

цамъ, закупавшимъ у нихъ хлѣбъ, овесъ, сѣно, водку, лошадей и проч., и проч. Тутъ было нѣсколько корчемъ для проѣзжающихъ, и Андрей остановился у воротъ одной изъ нихъ, съ хозяиномъ которой былъ знакомъ. Время было позднее, и его немало удивилъ гулъ голосовъ и оживленіе, царившее на дворѣ, среди котораго стоялъ отпряженный барскій экипажъ, окруженный толпой народа.

Экипажъ, должно быть, нуждался въ починкѣ, надъ нимъ хлопотали слесарь съ подмастерьями, съ инструментами въ рукахъ, съ засученными рукавами, при свѣтѣ фонарей, которыми свѣтили имъ другіе люди. Всѣ говорили разомъ, и разобрать словъ было невозможно, точно такъ же, какъ и разглядѣть лица говорящихъ. Надъ ними кто-то командовалъ: когда раздавался рѣзкій повелительный голосъ изъ раскрытаго окна въ корчмѣ, все смолкало. Андрей поднялъ голову къ этому окну и увидѣлъ въ немъ барина, вѣроятно, обладателя попортившагося экипажа. По голосу и по фигурѣ ему показалось, что онъ узналъ Аратова.

Вотъ встрѣча! Неужели судьба столкнула его съ малявинскимъ бариномъ? Бо̀льшей удачи нельзя было и желать...

А между тѣмъ, замѣтивъ телѣжку съ лошадью передъ воротами, хозяинъ корчмы отдѣлился отъ толпы, тѣснившейся у экипажа, и побѣжалъ къ пріѣзжему. Узнавъ Воробьевскаго управителя, онъ сталъ просить его въѣзжать во дворъ, увѣряя, что для него у нихъ всегда найдется мѣсто. Правда, лучшія комнаты онъ долженъ былъ уступить г. Аратову изъ Малявина, у котораго на пути въ Кіевъ сломался экипажъ, но онъ помѣститъ Андрея Иваныча въ своемъ собственномъ покоѣ, въ мезонинѣ, что̀ выходитъ окнами въ садъ.

— А откуда ѣдетъ г. Аратовъ?—спросилъ Андрей.

— Изъ Варшавы. Торопится въ свое имѣніе, да вотъ бѣда съ экипажемъ. Хочетъ, чтобъ непремѣнно къ утру было готово, а рессора-то лопнула, починить ее нельзя, надо новую. Послали попросить въ за̀мокъ. Хорошо, если тамъ есть, и если дадутъ! Имъ тоже безъ запасныхъ рессоръ невозможно. Если тамъ не достанутъ, придется ужъ экипажъ на мызѣ Розальской взять. А пока я приказалъ хорошій ужинъ сготовить да въ лучшей комнатѣ постель приготовить...

— А много съ нимъ людей? — продолжалъ любопытствовать Андрей, слѣзши съ телѣжки, но не отходя отъ воротъ.

— Трое: камердинеръ, Езебіушъ,—чай знаете?—кучеръ да мальчикъ. Вѣнчаться, можетъ, въ наши края пріѣхалъ, кто его знаетъ! На мызѣ тоже госпожу ждутъ. Прислала сказать, чтобъ каждую минуту къ пріѣзду ея домъ былъ готовъ. Вчера ихній садовникъ у насъ останавливался, въ за́мокъ за лимонными деревьями ходилъ. Ну, для Розальской въ за́мкѣ ни въ чемъ нѣтъ отказа, это не то, что для нареченнаго ея жениха,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой

и, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее во дворъ, куда Андрей за нимъ послѣдовалъ.

Чѣмъ больше размышлялъ онъ, тѣмъ удивительнѣе казалась ему непредвидѣнная встрѣча, и тѣмъ знаменательнѣе путешествіе Дмитрія Степановича изъ Варшавы въ деревню, гдѣ никто его не ждалъ и въ самый разгаръ конфедераціи, въ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе.

О фаворѣ малявинскаго барина у короля, о блестящихъ празднествахъ, на которыя его всюду приглашали, о его вліяніи и интригахъ было извѣстно въ Малявинѣ и въ окрестностяхъ, не только изъ его писемъ къ прабабкѣ, но также изъ разсказовъ людей, возившихъ ему изъ деревни вещи, оказывавшіяся для него необходимыми при пышной обстановкѣ, заведенной имъ въ польской столицѣ: серебряную и золотую утварь, фарфоровые сервизы, украшенныя драгоцѣнными каменьями сѣдла и уздечки, хранившіеся въ кладовыхъ родового гнѣзда, не говоря ужъ о деньгахъ, которыми онъ сорилъ безъ счету. Андрей отъ самого Ипатыча слышалъ, что старой барынѣ пришлось почать капиталъ, скопленный ею въ продолженіе многихъ лѣтъ на черный день.

День этотъ наступилъ. Оборотливый и расчетливый Дмитрій Степановичъ, считавшій то время потеряннымъ, когда ему не удавалось пріумножить свое состояніе, совсѣмъ, кажется, обезумѣлъ отъ честолюбія, отъ желанія ни въ чемъ не отставать отъ польскихъ магнатовъ и отъ страсти къ полячкѣ. Какъ мальчишка, ставилъ онъ на карту не только свое состояніе, но и честь свою, и душу, и совѣсть. Какіе у него были виды на будущее, какія блага разсчитывалъ онъ извлечь для себя изъ распрей и смутъ, волнующихъ чужой край, гдѣ онъ всѣмъ былъ чужой и всѣ были ему чужды, никто не зналъ, но всѣ были убѣждены, что безъ расчета на блестящій выигрышъ онъ ни за что не затѣялъ бы такой рискованной игры. Не таковъ былъ человѣкъ. И вдругъ все бросить и скакать, сломя голову, за нѣсколько сотъ верстъ отъ театра междоусобицы, уступая мѣсто соперникамъ!.. Такъ поступить безъ важной причины немыслимо, и Андрей невольно искалъ связь между этой причиной и приказаніемъ Владимира Михайловича немедленно пріѣхать въ Варшаву со спискомъ людей, присутствовавшихъ при похоронахъ живой покойницы... Почуялъ, вѣрно, ихъ злодѣй развязку и торопится принять мѣры, чтобъ спастись отъ бѣды...

Хорошо было бы все это досконально узнать! Да вотъ близокъ локоть, да не укусишь. И подъ одной крышей съ человѣкомъ дышишь, а какъ къ нему влѣзешь въ душу? Какъ заставишь его высказать то, что онъ желаетъ скрыть?

Размышляя такимъ образомъ, сидя у окна и глядя въ садъ, или, лучше сказать, въ пустырь, заросшій сорными травами, оди-

чалыми кустами малины и смородины да нѣсколькими старыми каштанами, Андрей прислушивался къ шуму, долетавшему сюда со двора, гдѣ долго еще люди возились у сломаннаго экипажа. Но мало-по-малу все стихло, и раздался скрипъ ступеней подъ ногами хозяина, поднимавшагося въ мезонинъ, чтобъ спросить у гостя, что принести ему ужинать.

— Ужинъ у насъ на славу, хоть самого воеводу угощать, есть и баранина, и свинина, борщъ, галушки, лапша, что хотите, то и подадимъ. А рессоры-то въ за́мкѣ не дали, самимъ, говорятъ, нужно,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Г-нъ Аратовъ очень разсердились, хотѣли было потребовать къ себѣ управителя изъ за́мка, чтобъ выговоръ ему сдѣлать за невѣжество, но потомъ раздумали и приказали чуть свѣтъ на мызѣ у Розальской экипажъ взять. Ночь проведетъ у насъ. Отъ ужина отказался, и, какъ его спать уложатъ, люди сядутъ за столъ. Вамъ, можетъ, веселѣе съ ними кушать? Или сюда вамъ принести?

Андрей отъ всего отказался. Смутное предчувствіе давило ему грудь, отбивая не только аппетитъ, но и способность о чемъ либо думать. Хотѣлось остаться одному, ничего не слышать, никого не видѣть и ждать... чего именно, онъ и самъ не зналъ. Все существо его томилось непонятнымъ безпокойствомъ, точно передъ грозой, а между тѣмъ небо было ясное, синее, звѣздное, и прохладный вѣтерокъ доносилъ издалека ароматъ скошеннаго сѣна и спѣлыхъ плодовъ.

— Голова у меня разболѣлась. Скорѣе бы лечь да выспаться, чтобъ завтра утромъ чуть свѣтъ выѣхать,—сказалъ онъ.

— Раньше, значитъ, г. Аратова пуститесь въ путь. У васъ все въ порядкѣ, а имъ когда-то еще экипажъ съ мызы доставятъ! Тоже, поди чай, у нихъ безъ хозяйки-то не все въ порядкѣ.

— И для чего это ему понадобилось въ такое веселое время изъ столицы уѣзжать? И для чего имъ поспѣшать въ деревню, когда тамъ всѣмъ хозяйствомъ старая барыня завѣдуетъ, и ничего тамъ особеннаго не случилось?—раздумчиво замѣтилъ Андрей.— Намъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, нельзя не знать, что все въ Малявинѣ благополучно.

— Жениться, можетъ, надумалъ. На мызѣ люди болтаютъ, будто ихъ пани въ дальнюю дорогу сбирается. Прямо отъ вѣнца въ чужіе края будто уѣдетъ, чтобъ назадъ ужъ тогда вернуться, когда графиня съ графомъ перестанутъ на нее серчать за то, что съ схизматикомъ повѣнчалась...

— А люди его что говорятъ?

— Скажутъ что нибудь такіе угрюмые, какъ бы не такъ! Да къ нимъ съ разспросами и подступиться нельзя. А ужъ баринъ ихъ и совсѣмъ лютый. Заглянулъ я было къ нему въ дверь, чтобъ спросить, не надо ли чего, какъ гаркнетъ: «Пошелъ вонъ!» какъ

на собаку, право! А добро бы я ихъ чѣмъ обезпокоилъ, и не спали, и ничѣмъ не были заняты, стояли у окна да на пустой дворъ смотрѣли. А еще женихъ! Души въ немъ, говорятъ, наши пани Розальская не чаетъ. Вотъ ужъ именно можно сказать, что полюбится сатана лучше яснаго сокола!

Андрей ничего не возражалъ. Ему хорошо была извѣстна причина этой угрюмости, и онъ подумалъ, что если бы даже пришлось отсюда уѣхать, ничего больше не увидѣвъ и не услышавъ, то и этого было достаточно, чтобъ убѣдиться, что у господина Аратова явились важныя причины къ подозрительности и къ тревогѣ. Разсѣянно дослушавъ болтовню хозяина, изъ которой ничего новаго нельзя было извлечь, онъ пожелалъ ему доброй ночи и, помолившись Богу, загасилъ свѣчку и легъ спать.

Но заснуть онъ не могъ. Сердце продолжало тоскливо ныть, и мучительная истома во всемъ тѣлѣ съ минуты на минуту усиливалась.

Отъ духоты вѣрно. Не успѣла мысль эта вскочить ему въ голову, какъ онъ сорвался съ постели, чтобъ растворить окно, и, усѣвшись на подоконникъ, сталъ вдыхать въ себя ночную свѣжесть. Стало полегче. Кругомъ было тихо, всѣ спали. Но ему спать не хотѣлось, и долго-долго смотрѣлъ онъ на звѣздное небо, перебирая впечатлѣнія минувшаго дня, постепенно и незамѣтно уходившія все дальше и дальше и сливавшіяся съ прошлыми тревогами и волненіями. Одно за другимъ проходили передъ его духовными очами событія близившагося къ концу лѣта: внезапный пріѣздъ молодого барина въ Воробьевку, поѣздка его въ Малявино, ужасъ пережитыхъ тогда опасеній, свиданіе съ монахомъ, пробужденіе его души и, наконецъ, неожиданная развязка нравственной пытки, чуть было не доведшей его до самоубійства. Переживая чудныя мгновенія сердечнаго порыва, заставившаго его во всемъ повиниться барину, онъ снова ощутилъ приливъ преданности и любви къ благодѣтелю, такъ великодушно заплатившему ему добромъ за зло, и сердце его наполнилось восторженнымъ умиленіемъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія: похищеніе Елены Васильевны, тревога за влюбленныхъ во время ея пребыванія въ старомъ домѣ, проводы ихъ въ лѣсъ къ монаху, разставаніе съ ними и, наконецъ, страшныя похороны въ Малявинѣ,—событія эти такъ живо воскресали въ его памяти, что ему порой казалось, что онъ все это переживаетъ не въ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ. Ему слышалось погребальное пѣніе и пронзительный крикъ ребенка, съ ужасомъ откидывавшагося отъ мертваго тѣла, къ которому его заставляли приложиться...

Что долженъ былъ чувствовать тотъ, кто свершилъ это гнусное кощунство? Раскапыватель могилъ? Похититель мертвеца? Неужели онъ можетъ спокойно спать и наслаждаться жизнью? Неужели его не мучатъ тяжелые сны? Неужели призракъ содѣяннаго не трево-

житъ его совѣсти? И неужели онъ не сознаетъ, что часъ Божьяго суда готовится для него пробить?..

И вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, онъ услышалъ глубокій вздохъ. Во вздохѣ этомъ слышался стонъ наболѣвшей души, въ немъ звучали слезы смертельной тоски и безвыходнаго отчаянія. Въ другое время Андрей, можетъ быть, и не услышалъ бы этого стона, но кругомъ царила такая чудная, торжественная тишина, и душа его была такъ близка къ несчастному страдальцу, изнемогающему подъ гнетомъ нравственной пытки, что онъ въ испугѣ сталъ всматриваться въ ночныя тѣни, сгущавшіяся подъ деревомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна, на которомъ онъ сидѣлъ, и онъ увидѣлъ безпомощно распростертое на землѣ человѣческое тѣло, въ которомъ онъ узналъ, не столько глазами, сколько сердцемъ, малявинскаго барина.

Андрей перекрестился и отошелъ отъ окна.

Солнце было ужъ высоко, а онъ еще спалъ, какъ убитый, когда стукъ въ дверь заставилъ его проснуться и спросить: кто тутъ, и что нужно?

— Отворите скорѣе!—раздался взволнованный голосъ хозяина.

Андрей слѣзъ съ постели и, все еще не отдавая себѣ яснаго отчета, во снѣ или наяву происходило то, что онъ видѣлъ ночью подъ окномъ, онъ откинулъ крючекъ, замыкавшій дверь.

— Бѣда у насъ случилась! Вы тутъ себѣ почиваете, а хотѣли чуть свѣтъ уѣхать...

— Какая бѣда? Съ кѣмъ?

— Господинъ Аратовъ зарѣзался!

Андрей остолбенѣлъ отъ ужаса. Воспоминанія безпорядочнымъ хаосомъ закружились у него въ мозгу, но разобраться въ впечатлѣніяхъ, туманящихъ разумъ и давящихъ грудь, не было силъ, а вопросы, рвущіеся съ губъ, не выговаривались.

— Да, вотъ и вы испугались! И мы тоже въ первую минуту обалдѣли. Долго не хотѣли вѣрить. Чего бы, кажется, человѣку недоставало? — молодъ, богатъ, здоровъ, на первой красавицѣ въ воеводствѣ женится, милліонное приданое за нею беретъ, и вдругъ такое надъ собою сдѣлать, что даже выговорить страшно!—продолжалъ размышлять вслухъ хозяинъ.

— Гдѣ? Когда?—задыхающимся голосомъ прервалъ его Андрей.

— Не здѣсь, слава Богу! Подумайте только, какое бы это для насъ было разореніе, если бы онъ вздумалъ свое страшное дѣло учинить здѣсь! Мертвое тѣло въ корчмѣ! Ужъ одного этого достаточно, чтобъ надолго отпугнуть отъ дома посѣтителей, а слѣдствіе, обыскъ, розыскъ! Волосъ поднимается дыбомъ, когда подумаешь!

— Гдѣ же онъ это надъ собою сдѣлалъ?

— На мызѣ Розальской. Тамъ его нашли ужъ мертвымъ. И кинжалъ возлѣ него... тотъ самый кинжалъ, который мы вчера всѣ

на немъ видѣли! Ушелъ туда пѣшкомъ, одинъ, ночью или чуть свѣтъ, а когда именно—никто не знаетъ!

«Послѣ того, какъ онъ тутъ, подъ моимъ окномъ, стоналъ отъ душевной скорби!»—подумалъ Андрей, невольно оборачиваясь къ окну, въ которое теперь врывался весело сверкающій снопъ солнечныхъ лучей.

— Хватились его только утромъ и довольно поздно. Хотѣлъ, вотъ какъ вы, встать рано и ѣхать, а между тѣмъ ужъ и солнце взошло, и народъ позавтракалъ, а изъ спальни нѣтъ ни слуху ни духу. Дѣлать нечего, камердинеръ ждалъ, ждалъ, да и заглянулъ въ дверь, а на кровати-то никого нѣтъ! Побѣжали искать по дому, въ саду, въ огородѣ—нигдѣ нѣтъ! Между прочимъ ни шляпы, ни плаща, ни трости не оказалось. Ушелъ, значитъ, далеко. Сейчасъ, конечно, вскочило намъ въ голову, что на мызу отправился, чтобъ поторопить кучера, или чтобъ самому экипажъ выбрать, ну, Езебіушъ туда и побѣжалъ. А тамъ никто барина его и не видѣлъ. Кучера засталъ у поссессора, закусываетъ. «Здѣсь баринъ?»—спрашиваетъ. А тѣ даже не понимаютъ, что онъ спрашиваетъ. Однако, пошли искать въ домѣ и нашли—лежитъ бездыханный въ спальнѣ ихъ пани, на коврѣ, кругомъ цѣльная лужа крови натекла... Да вы это куда же? — прервалъ онъ свой разсказъ, увидавъ, что Андрей, который, слушая его, наскоро одѣвался, взялъ свой картузъ и собирался куда-то выйти.—Вчера отъ ужина отказались... Хозяйка вамъ завтракъ готовитъ...

— Спасибо, я ѣсть не хочу,—отвѣчалъ Андрей, поспѣшно выходя изъ дому и направляясь къ конюшнѣ, въ сопровожденіи хозяина, у котораго потребность дѣлиться впечатлѣніями была такъ велика, что онъ продолжалъ говорить даже и тогда, когда видѣлъ, что его не слушаютъ.

— Когда васъ назадъ ждать?—спросилъ онъ, помогая Андрею впрягать лошадь въ телѣжку.

— Не знаю, какъ дѣла, — отрывисто отвѣчалъ этотъ послѣдній, готовясь пуститься въ путь.

— Вы ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, насъ не объѣзжайте. Сами видѣли, что вины нашей нѣтъ въ томъ, что случилось. Мы завсегда стараемся всѣмъ нашимъ гостямъ угодить, чѣмъ можемъ.

Въ отвѣтъ на эти слова Воробьевскій управитель стегнулъ лошадь, и не прошло и минуты, какъ отъ него и слѣдъ простылъ.

Здѣшняя мѣстность ему была хорошо знакома. Свернувъ съ большой дороги въ паркъ, онъ съ часъ времени ѣхалъ подъ тѣнистыми сводами столѣтнихъ деревьевъ, пока не выглянула изъ моря зелени красная крыша дома, съ бѣлыми мраморными колоннами, увитыми плющомъ и каприфоліями. Въ этой части парка, принадлежавшей Розальской, деревья были особенно прекрасны и хорошо содержаны. Наступавшая осень начинала уже кое-гдѣ окра-

4*

шивать листву въ багровые и желтые цвѣта всевозможныхъ оттѣнковъ, нѣжно розоваго, палеваго, ярко пурпуроваго и золотого, и весело сверкали они въ солнечныхъ лучахъ. Воздухъ былъ мягокъ и душистъ, пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ и плодовъ, которыми были наполнены оранжереи и теплицы хорошенькой вдовушки. По мѣрѣ приближенія къ дому, ароматъ этотъ чувствовался все сильнѣе и сильнѣе, а въ искусно прорубленныхъ просѣкахъ начинали все чаще и чаще мелькать живописной архитектуры постройки, съ окнами, перевитыми вьющимися растеніями, и съ зеркальными стеклами, отражавшими въ себѣ окружавшую ихъ зелень. Наконецъ, выглянула и широкая терраса съ мраморными ступенями въ цвѣтникъ, на которыхъ Юльянія такъ любила предаваться любовнымъ мечтаніямъ.

Да, все тутъ было попрежнему. Попрежнему цвѣли и благоухали цвѣты, попрежнему хлопотали съ беззаботнымъ щебетаніемъ птицы у гнѣздъ, одинъ только глухой сдержанный гулъ голосовъ и шаговъ, долетавшій по временамъ изъ этого прелестнаго жилища, нарушалъ иллюзію, навѣвая на душу зловѣщія представленія.

Андрей слѣзъ съ телѣжки у живой изгороди, усыпанной пышно распустившимися бельдежурами, привязалъ къ ней лошадь и прошелъ къ дому черезъ настежь растворенную калитку, по усыпанной пескомъ дорожкѣ, обвивавшей красивыми изгибами цвѣточныя клумбы, не оглядываясь по сторонамъ и не обращая вниманія на людей съ испуганными лицами, попадавшимися ему навстрѣчу. Здѣсь царила смерть, а передъ смертью, особенно когда она является внезапно, въ самый разгаръ жизненныхъ заботъ и наслажденій, все стушевывается, все кажется ничтожно, и нѣтъ мѣста ни любопытству, ни подозрительности.

Безпрепятственно поднялся онъ по ступенямъ террасы и проникъ въ розовое гнѣздышко, съ широкою кроватью, украшенною золотомъ и фарфоровыми медальонами съ живописью, въ глубинѣ. Передъ этимъ разубраннымъ, точно для новобрачныхъ, ложемъ лежалъ уже застывшій трупъ Аратова, съ зіяющей раной на горлѣ, изъ которой продолжала сочиться кровь.

Глаза мертвеца были открыты и какъ будто съ недоумѣніемъ вопрошали каждаго, кто останавливался на нихъ взглядомъ: «Что же вы меня не закроете? Все равно, сколько меня ни вопрошайте, кромѣ того, что вы видите, ничего не узнаете. Не узнаете ни моей борьбы, ни страданій, не узнаете, раскаиваюсь ли я въ содѣянномъ злѣ и въ томъ, что я надъ собою сдѣлалъ. Не узнаете, что именно побудило меня уйти со сцены до конца представленія — отчаянье, угрызенія совѣсти, утомленіе жизнью, страхъ или что другое, человѣческими словами невыразимое, человѣческимъ разумомъ непостижимое, нѣчто не отъ міра сего, а оттуда, куда я ушелъ, когда неуловимая нить, связывавшая мою безсмертную

душу съ землей, порвалась, и земная жизнь утратила для меня всякій вкусъ и смыслъ... Ничего не узнаете вы теперь отъ меня, никогда. Тайнъ своихъ мертвецы не выдаютъ»...

Андрей не могъ оторваться отъ этихъ глазъ. Кругомъ входили и выходили люди, тихо перешептываясь между собою, но онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Стоялъ тутъ съ поникшей головой и съ судорожно стиснутыми губами и Езебіушъ, и люди съ мызы, а также изъ замка кіевскаго воеводы, на всѣхъ лицахъ къ испугу и любопытству примѣшивалось выраженіе тоскливаго ожиданія, всѣхъ тяготилъ страшный взглядъ мертвыхъ глазъ, и всѣ себя спрашивали съ раздраженіемъ: когда же наконецъ явится представитель власти, за которымъ ужъ давно ускакалъ верховой, чтобъ можно было закрыть эти глаза?

И вдругъ, среди тишины и всеобщаго оцѣпенѣнія, пробѣжалъ трепетъ. Кто-то вошелъ, что-то узналось, и всѣ, точно сговорившись, поспѣшно вышли изъ покоя.

Съ мертвецомъ остался одинъ Андрей.

Сотворивъ молитву за душу несчастнаго, свершившаго надъ собою такой страшный и лютый самосудъ, онъ тоже поспѣшилъ выйти изъ дома. Проходя черезъ цвѣтникъ, онъ слышалъ шумъ подъѣзжавшаго экипажа съ противоположной стороны и гулъ толпы, высыпавшей къ нему навстрѣчу, и, сообразивъ, что пріѣзжіе могутъ его задержать, пустился опрометью бѣжать къ выходу...

Отвязавъ отъ ограды лошадь, онъ вскочилъ въ телѣжку и помчался по парку съ такою быстротою, что, когда черезъ нѣсколько минутъ оглянулся, мызы уже не было видно, и можно было безъ опасенія продолжать путь.

Привезти первому вѣсть объ освобожденіи своему благодѣтелю казалось такимъ счастьемъ, при одной мысли о которомъ сердце его усиленно билось.

И ничто не помѣшало ему насладиться этимъ счастьемъ. Путь его свершился удивительно благополучно. Онъ опередилъ всѣхъ вѣстовщиковъ, посланныхъ съ роковою вѣстью о смерти Аратова въ Варшаву: изъ замка къ кіевскому воеводѣ и съ мызы къ пани Розальской. Когда онъ явился къ русскому послу, никто еще не зналъ въ городѣ о самоубійствѣ Дмитрія Степановича, и, благодаря Воробьевскому управляющему, Владиміръ Михайловичъ съ Еленой Васильевной узнали нѣсколькими днями раньше, что имъ никто не можетъ помѣшать обвѣнчаться и передъ лицомъ всего свѣта любить другъ друга.

Радовались и въ замкѣ кіевскаго воеводы, но здѣсь радость была не продолжительна. Изъ извѣстій, полученныхъ съ мызы, оказалось, что пани Розальская пріѣхала туда наканунѣ того дня, когда тѣло самоубійцы должны были отправить по требованію его

прабабки въ Малявино, и что она послѣдовала за этимъ тѣломъ въ Россію. А куда она потомъ дѣлась,—очень долго никто не зналъ, не взирая на то, что самъ русскій посолъ, по просьбѣ кіевскаго воеводы и его супруги, принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ. Вмѣстѣ съ главнымъ участникомъ преступленія Аратова, Езебіушемъ, Юльянія скрылась неизвѣстно куда.

Изъ словъ Сесиліи, за которой послали на мызу, чтобъ узнать подробности исчезновенія ея госпожи, узнали только, что извѣстіе о страшной смерти Аратова Юльянія приняла много спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать; цѣлую ночь она провела одна у трупа, а потомъ, послѣ продолжительнаго разговора наединѣ съ Езебіушемъ, уѣхала съ нимъ въ экипажѣ и на лошадяхъ покойнаго его барина, по дорогѣ въ Кіевъ.

На всѣ разспросы: когда ее ждать назадъ? она не отвѣчала ни слова и вообще такъ себя держала со всѣми, кромѣ камердинера покойника, что приставать къ ней съ вопросами и совѣтами не было никакой возможности. Переждавъ нѣсколько дней, Сесилія отправилась въ Малявино, чтобъ узнать про свою госпожу, но ничего тамъ не могла добиться. На всѣ разспросы ей отвѣчали, что пріѣзжала сюда какая-то польская пани, добивалась свиданія со старой барыней, плакала, предлагала деньги, умоляла, чтобъ о ней доложили, но старая барыня не пожелала пустить ее на глаза и приказала ей сказать, чтобъ немедленно убиралась вонъ изъ Малявина, если не хочетъ быть захваченной и сосланной въ Сибирь.

Такъ и уѣхала, ничего не добившись, не узнавши даже, гдѣ похоронили Дмитрія Степановича.

Пустилась въ обратный путь и Сесилія, ничего не добившись изъ того, для чего сюда пріѣзжала.

Юльянія, какъ въ воду, канула.

На запросы русскаго посла, по просьбѣ пани Анны, Серафима Даниловна отвѣчала, что никакихъ полячекъ у нея въ деревнѣ нѣтъ.

И по другимъ свѣдѣніямъ пришлось убѣдиться, что Розальской ни въ Малявинѣ, ни по сосѣдству нѣтъ, а гдѣ она — такъ и осталась тайной.

Много времени спустя, когда всѣ уже про нее забыли, близкія къ пани Аннѣ резидентки шопотомъ передавали другъ другу, будто ясновельможная отъ кого-то узнала, что Юльянія перешла въ схизматическую вѣру и постриглась въ монастырѣ подъ Москвой.

Откуда явилось это извѣстіе — никто не зналъ, но во всякомъ случаѣ оно было такъ ужасно и позорно для фамиліи Потоцкихъ, что никто не позволялъ себѣ повторять его вслухъ, и расположенные къ графу и графинѣ люди ему не вѣрили, утверждая, что это—ложь, выдуманная врагами фамиліи.

На чьей сторонѣ была правда,—до сихъ поръ неизвѣстно.

Н. И. Мердеръ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ[1].

(1891—1892).

II.

Кидашъ.

Ъ МОСКВѢ я остановился въ номерахъ Могито (на Самотекской площади). Здѣсь я ожидалъ пріѣзда жены, затѣмъ, чтобы отправиться въ Казань и далѣе—въ Уфимскую губернію, на кумысъ: послѣ крупознаго воспаленія (въ 1889 году) мои легкія были очень слабы, и профессоръ Манассеинъ настойчиво заставлялъ меня пить кумысъ. Жена пріѣхала утромъ въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ, и въ тотъ же день мы отправились въ Нижній. На слѣдующій день утромъ мы были уже на самолетскомъ пароходѣ «Лермонтовъ» и плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью»...

Волга была почти еще въ полномъ разливѣ, широка и глубока. Погода стояла дивная. По цѣлымъ часамъ я оставался на палубѣ, любуясь на нашу родную красавицу-Волгу, и не могъ вдоволь надышаться чуднымъ весеннимъ воздухомъ. Вечеромъ съ берега повѣяло запахомъ растительности, нѣжнымъ ароматомъ какихъ-то весеннихъ цвѣтовъ, послышалось пѣніе соловья, заблистали звѣзды въ ясномъ небѣ, на западѣ яркія краски заката еще не погасли, а на востокѣ синеватыя, полупрозрачныя тѣни, какъ тончай-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCVII, стр. 763.

шимъ флеромъ, уже задернули даль... Такую картину вовѣкъ не забудешь!

Рано утромъ мы пришли въ Казань. Мы остановились у моего двоюроднаго брата, Н. А. Засѣцкаго, занимающаго въ Казанскомъ университетѣ каѳедру по внутреннимъ болѣзнямъ. Здѣсь мы пробыли нѣсколько дней, познакомились кое съ кѣмъ изъ казанскихъ обывателей, побывалъ я въ редакціи мѣстной газеты «Волжскій Вѣстникъ», познакомился съ редакторомъ, г. Н. Рейнгардтомъ, съ его женою и съ нѣкоторыми изъ ихъ сотрудниковъ, на крохотномъ пароходѣ съѣздили мы въ Свіяжскъ къ нашимъ добрымъ старымъ знакомымъ, Н. Ф. и С. Н. Бажинымъ, съ половины 80-хъ годовъ уединившимся въ этомъ старинномъ, тихомъ городкѣ, и затѣмъ мы отправились далѣе, въ Самару.

Помню: когда мы взошли на пароходъ и въ ожиданіи отплытія стояли на палубѣ, набѣжала небольшая тучка и прогремѣлъ первый весенній громъ, послѣдовали еще два-три удара, прыснулъ небольшой дождь, и гроза, какъ внезапно налетѣла, такъ же быстро и прошла. Пароходъ только что отчалилъ отъ пристани, какъ изъ-за краевъ темно-лиловой тучки сверкнуло солнце и золотомъ своихъ лучей залило и небесную лазурь, и зеленѣющіе берега, и синія воды великой русской рѣки...

Утромъ проходили передо мной картины Жегулевскихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ и полныхъ преданій и легендъ, въ которыхъ народное поэтическое творчество обезсмертило волжскихъ героевъ. Но теперь тихо на Волгѣ и въ Жегуляхъ...

«Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ»...

Когда солнце поднялось уже высоко и стало припекать, вдали на лѣвомъ берегу Волги показались желтоватыя облака пыли. То была Самара...

Около вечеренъ мы выѣхали далѣе по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ. Въ пятомъ часу утра мы сошли съ поѣзда на станціи Белебей-Аксаково. Въ вокзалѣ, въ залѣ II класса мы увидали надъ диваномъ большой портретъ Сергѣя Аксакова, автора извѣстной «Семейной хроники». Оттуда неподалеку было одно изъ его имѣній.

До нашего кумыснаго мѣстечка, села Верхнетроицкаго, оставалось еще сдѣлать болѣе 40 верстъ въ сторону отъ желѣзной до-

роги. Тройка добрыхъ коней съ тарантасомъ уже ждала насъ на станціи...

Село Верхнетроицкое, или, по-мѣстному, Кидашъ, стоитъ въ долинѣ, съ трехъ сторонъ окруженной горами: Марковой, Сосновой, Кумысной, Вершиной Маріи и др. Эти горы составляютъ послѣдніе отроги горъ Уральскихъ и на западѣ отъ Кидаша переходятъ въ равнину, сливаясь съ самарской степью. Мѣстность живописная. Здѣсь, сравнительно на небольшомъ клочкѣ земли, по волѣ природы, казалось, все соединилось для того, чтобы придать невыразимую, чарующую прелесть этому уголку. Огромный прудъ, похожій на озеро, уходящій изъ виду вонъ; излучистые берега, крутые, обрывистые, песчаные, мѣстами поросшіе травой, съ группами густыхъ деревьевъ, нависшихъ надъ водой; выше поднимаются горы, поросшія лѣсомъ лиственнымъ и хвойнымъ. По скатамъ горъ порою стелются, ползутъ туманы бѣлою, полупрозрачною пеленой, по вершинамъ ихъ проносятся облака.

Вокругъ Кидаша живутъ татары, башкиры, чуваши, мордва, и когда, бывало, всѣ эти народы въ воскресенье съѣдутся и сойдутся въ Кидашъ на базаръ, картина получалась довольно яркая и своеобразная. Чуялась близость Азіи. Въ самомъ же Кидашѣ населеніе русское (преимущественно старообрядцы), около полуторы тысячи человѣкъ. Въ селѣ двѣ церкви—православная и единовѣрческая, и старообрядческая молельня; двѣ школы—мужская и женская; почтовое отдѣленіе, пожарное депо, волостное правленіе, нѣсколько лавокъ и казенный кабакъ. Кружокъ мѣстной интеллигенціи составляли: лѣсничій и два его помощника, земскій врачъ, фельдшерица, акушерка, становой приставъ, два учителя и учительница, начальникъ почтоваго отдѣленія, судебный приставъ, два священника, изъ нихъ Н. М. Красновъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей во время голода; прежде здѣсь жили еще мировые судьи, временно проживалъ судебный слѣдователь и завѣдывавшій казенными работами въ голодные годы; наконецъ, отчасти къ этому кружку примыкали и служащіе на суконной фабрикѣ Алафузовыхъ, отстоящей въ пяти верстахъ отъ Кидаша.

Село Верхнетроицкое и вся мѣстность вокругъ него, почти вплоть до города Белебея, составляли нѣкогда часть обширныхъ владѣній Бенардаки. Здѣсь, въ Кидашѣ, былъ заводъ съ многочисленной администраціей, съ управляющимъ во главѣ. Въ средѣ старожиловъ и до сего дня еще сохранились воспоминанія о тѣхъ почти баснословныхъ, «героическихъ временахъ», когда здѣсь безумствовали «заводскіе господа», задавая пріѣзжавшимъ гостямъ лукулловскіе пиры и для потѣхи швыряя въ прудъ бутылки шампанскаго... Все минуло. Отъ дома, походившаго на дворецъ, съ цѣлой анфиладой комнатъ, роскошно обставленныхъ, гдѣ жилъ—не жилъ, а царствовалъ—управляющій, въ настоящее время лишь уцѣлѣли подвалы,

громадныя ямы, выложенныя кирпичемъ... «Такъ проходитъ слава міра». Отъ сада осталось въ живыхъ лишь нѣсколько жалкихъ акацій да двѣ-три сосны.

Отъ завода осталось побольше воспоминаній. Это—шлакъ, массы шлака. Повсюду, куда ни идешь, шлакъ, сѣрый, рѣжущій обувь. Всѣ улицы села вымощены шлакомъ, шлакъ залегаетъ на днѣ пруда, на днѣ рѣчки, и рѣчные берега изъ шлака, шлакъ на днѣ овраговъ и по скатамъ ихъ, за селеньемъ груды, цѣлые холмы шлака, уже давно поросшіе травой и деревьями.

Въ концѣ 80-хъ годовъ при содѣйствіи лѣсничаго, П. Т. Гарина, въ Кидашѣ былъ устроенъ кумысъ, не кумысолѣчебное заведеніе, не курортъ, но просто питье кумыса — преимущественно для людей небогатыхъ, посылавшихся сюда проф. Манассеинымъ и Засѣцкимъ.

Одинъ добрый человѣкъ изъ мѣстныхъ обывателей снималъ на свое имя казенные луга для пастьбы кобылицъ; для приготовленія кумыса нанимался башкиръ, Ахметъ Мурзокаевъ. Изъ кумысниковъ, мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ, составлялась артель; каждый несъ часть расходовъ, приходившихся на его долю. Артель контролировала Ахмета, наблюдала за приготовленіемъ кумыса, за чистотой посуды и т. д. Артельный староста велъ расчеты съ хозяевами кобылицъ, съ Ахметомъ, со съемщикомъ луговъ. Разъ въ недѣлю ветеринаръ осматривалъ лошадей.

Кумысъ былъ превосходный и обходился дешево. Въ кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ бутылка (довольно плохонькаго) кумыса стоитъ 15—20 копеекъ. Въ Кидашѣ, гдѣ дѣло велось артелью, т.-е. гдѣ никто не наживался на несчастьѣ ближняго, гдѣ никто никого не эксплоатировалъ, но гдѣ каждый получалъ лишь свое, бутылка прекраснаго кумыса стоила 6 копеекъ (30 копеекъ четвертная бутыль). Кумысъ обходился каждому въ мѣсяцъ отъ 9 до 10 рублей. Сюда входили уже всѣ расходы: по съемкѣ луговъ, плата за кобылицъ, ветеринару, Ахмету, на устройство для него хибарки и загороди для жеребятъ.

Въ Верхнетроицкомъ кумысниковъ бывало до 30 человѣкъ. Это, повторяю, былъ не курортъ: деревня оставалась деревней, кумысники жили въ крестьянскихъ избахъ. Сюда наѣзжали учителя, учительницы, писатели, офицеры, студенты, курсистки,—бывали и люди семейные, съ дѣтьми, и «кисейныя барышни», гулявшія подъ розовыми зонтиками по кидашенскимъ горамъ и лѣсамъ. Въ 1891 г. здѣсь лѣтомъ жилъ В. Г Котельниковъ съ сестрою, М. Н. Альбовъ, молодой композиторъ Е. В. Панченко, Л. Урванцевъ и много молодежи.

Кумысники вносили немало оживленія въ монотонную жизнь этого глухого уголка. За годъ передъ тѣмъ, напримѣръ, они устроили безплатный спектакль. Народу набралось видимо-невидимо.

Были исполнены: отрывокъ изъ пушкинскаго «Бориса Годунова» (сцена въ кельѣ между Пименомъ и Григоріемъ), сцена изъ «Скупого рыцаря» (монологъ—въ подвалѣ) и «Женитьба» Гоголя. Въ 1891 году, о которомъ теперь идетъ рѣчь, 15 іюля, въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Лермонтова былъ устроенъ въ школѣ литературно-музыкальный вечеръ въ память поэта, составленный почти исключительно изъ его произведеній.

Этотъ литературно-музыкальный вечеръ, разумѣется, былъ безплатный: изъ публики давалъ для голодающихъ лишь тотъ, кто могъ и кто хотѣлъ. Желающихъ послушать была такая масса, что за неимѣніемъ мѣстъ въ залѣ (т.-е. въ классной комнатѣ) толпы взрослыхъ и ребятъ стояли снаружи подъ окнами, поднимались на цыпочки, взбирались на подоконники. Погода стояла жаркая, и окна и двери были открыты настежь. Публика слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда въ залѣ раздавались аплодисменты, «подоконная» публика, не разумѣвшая смысла рукоплесканій, относилась къ нимъ весьма неодобрительно и ворчала: «И чего шумятъ зря! Не дадутъ послушать»... Публика была очень довольна вечеромъ, да остались не менѣе довольны и исполнители-устроители этихъ литературныхъ поминокъ, ибо сборъ оказался больше, чѣмъ можно было ожидать.

Этотъ вечеръ 15-го іюля устраивался открыто, мѣстная администрація была освѣдомлена о немъ, и изъ города былъ присланъ полицейскій чиновникъ для присутствованія на вечерѣ; при немъ собранныя деньги и были переданы кидашенскому священнику Н. Краснову. Все обстояло и обошлось благополучно, и поэтому я былъ очень удивленъ, когда впослѣдствіи узналъ, что учителю пришлось вынести немало непріятностей отъ начальства за то, что онъ въ помѣщеніи школы (пустовавшей по случаю вакацій) допустилъ устройство лермонтовскаго вечера... Но какъ бы то ни было, цѣль устроителей вечера была достигнута: мѣстное населеніе хотя немного ознакомилось съ Лермонтовымъ, и были собраны деньги. Эти десятки рублей были едва ли не первыми деньгами, собранными въ Россіи въ 1891 году для голодающихъ.

Въ ту пору наше общество и печать (въ особенности столичныя) увлекались встрѣчею французскихъ моряковъ, а мы, жившіе въ глуши, вдали отъ политиканства, уже видѣли воочію, что бѣдствіе надвигается. Насколько мнѣ извѣстно, я первый въ печати заговорилъ о голодѣ. 4-го іюля въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (№ 163) я писалъ: «Голодъ! Голодъ идетъ... Въ духотѣ и зноѣ лѣтняго затишья онъ, какъ лютый звѣрь, крадучись, неслышимо подбирается къ нашимъ бѣднымъ селеньямъ... Голодъ идетъ на насъ со своими ужасными спутниками—съ болѣзнями, съ усиленной смертностью»... Меня услышали, и провинціальныя—а за ними и столичныя—газеты ударили въ набатъ.

Въ Кидашѣ и по сосѣднимъ деревнямъ нищіе ходили толпами, стучали палкой подъ окнами и кричали: «Дай хлѣба!» Нищій у нищаго просилъ, ибо здѣшнія деревни уже съ весны оставались безъ хлѣба, и жители ихъ «ходили въ кусочки». Доведенные до отчаянія крестьяне деревни Константиновки среди бѣла дня разграбили запасный хлѣбный магазинъ... Какъ всегда въ годину народныхъ бѣдствій, невѣдомо откуда и какъ возникали и разносились съ быстротою бури всякіе диковинные слухи.

Такъ, напримѣръ, говорили, что гдѣ-то въ Саратовской губерніи къ одному богатому крестьянину пришелъ его родной братъ-бѣднякъ и попросилъ у него хлѣба. Богачъ не далъ, и послѣ того у него въ амбарѣ весь хлѣбъ превратился въ камень. Этотъ слухъ переходилъ изъ устъ въ уста, изъ деревни въ деревню, повсюду принимался на вѣру, и голытьба съ удовольствіемъ повторяла это сказаніе, какъ бы находя въ немъ для себя нѣкоторое утѣшеніе. Въ деревняхъ, сосѣднихъ съ Кидашомъ, не одинъ богатей отказалъ бѣдняку въ краюшкѣ хлѣба, но хлѣбъ въ ихъ амбарахъ оттого не превратился въ камень: напротивъ богатые крестьяне еще болѣе разжились въ тѣ дни...

Тяжелое, знойное было лѣто. Жары доходили до 40° по Реомюру. Солнце жгло и палило немилосердно. Трава на лугахъ посохла и погорѣла,—сохранилась лишь кое-гдѣ на лѣсныхъ полянахъ. Дождей не было долго, почти до конца августа. Рѣчки обмелѣли, ручьи высохли. Въ народѣ ходилъ слухъ, что скоро будетъ солнечное затменіе, а послѣ него уже окончательно вся вода высохнетъ—въ рѣкахъ, озерахъ, ручьяхъ и колодцахъ, и въ теченіе семи дней люди останутся безъ воды. Запасти воду не оказывалось никакой возможности, такъ какъ вода разомъ высохнетъ также и въ бочкахъ, въ ведрахъ, и во всѣхъ другихъ сосудахъ... Начались пожары, — истинный бичъ нашей деревенской Россіи. Выгорѣли деревни Кармалы-Валитово и Томакъ-Темирово. Гдѣ-то горѣли лѣса; даже горѣла, какъ говорили, «земля» (торфъ). Воздухъ былъ пропитанъ ѣдкимъ запахомъ гари. Гарью пахло въ домахъ, отъ платья, отъ кушаній...

Небо оставалось ясно, безоблачно, но солнце тускло, едва свѣтило какимъ-то зловѣщимъ, оранжевымъ свѣтомъ и изъ-за дымной мглы казалось краснымъ шаромъ безъ лучей. По ночамъ такой же красный мѣсяцъ печально смотрѣлъ на землю. Вѣтерокъ не подувалъ. Лѣса стояли тихо, не шелохнувшись, затканные синеватымъ дымомъ. Посреди дыма и зноя стояли они, словно прислушиваясь, выжидаючи: «Что-то будетъ!».

III.

Въ голодавшихъ мѣстностяхъ.

При раздачѣ пособій голодающимъ, я съ однимъ знакомымъ посѣтилъ нѣсколько деревень. Съ двумя изъ нихъ, съ Константиновкой и Леонидовкой, я познакомился подробнѣе, и онѣ яснѣе запомнились мнѣ. Положеніе ихъ въ ту пору было поистинѣ ужасно.

Въ Константиновкѣ тогда было 152 двора, изъ нихъ 10—богатыхъ, 20—мало-мальски зажиточныхъ, остальные 122 двора—бѣднота. У многихъ печи не топились, ибо варить и жарить было нечего, а за хлѣбомъ ходили по міру. (Мука ржаная здѣсь стоила въ ту пору 1 р. 30 к. пудъ). Иные пекли хлѣбъ изъ новой, недозрѣвшей ржи—черный, дрязглый, съ пескомъ. Я попробовалъ этотъ хлѣбъ, и мнѣ, какъ густымъ клейстеромъ, облѣпило зубы и десны. А люди ѣли такой хлѣбъ, да еще жалѣли, что его было мало. Въ тѣ дни самый невѣрующій Ѳома могъ бы убѣдиться, до чего терпѣливъ, выносливъ и живучъ русскій человѣкъ.

Я заходилъ въ избу къ одной женщинѣ, Пелагеѣ, мужъ которой жилъ въ работникахъ у богатея за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ. Пелагеина изба представляла собой развалины. Половина крыши была снесена вѣтромъ; въ двухъ окнахъ не нашлось бы и двухъ цѣлыхъ стеколъ, а третье окно было кое-какъ заколочено досками. Полъ—земляной, весь изрытый; полати разобраны, должно быть, на какія нибудь подѣлки. Печь повалилась на бокъ и стояла холодная; заслонка исчезла, черезъ зіяющее устье были видны въ печи только груды сѣрой золы. Никакой домашней утвари... Пелагеина семья уже давно не ѣдала никакой похлебки. Ѣли только хлѣбъ съ водой...

Въ сѣнцахъ въ углу на кучѣ стараго тряпья, самъ похожій на кучу старой ветоши, сидѣлъ дѣдъ, высокій 90-лѣтній старикъ. Онъ ничего не говоритъ, смотритъ истуканомъ; мутные, тусклые глаза его глядятъ, словно издалека, изъ другого міра. Когда старику подали рубль, онъ, не моргнувъ глазомъ, не перемѣняя позы, судорожно-крѣпко схватилъ ассигнацію костлявою рукой, крѣпко зажалъ ее въ кулакъ и снова застылъ въ своей нѣмотной полудремотѣ.

— Поработалъ, дѣдушка, на своемъ вѣку!—сказалъ я.

— Поработалъ, батюшка! Потрудился...—отозвалась Пелагея.— Добрый былъ хозяинъ...

Что̀ долженъ былъ чувствовать этотъ «добрый хозяинъ» теперь, когда у нихъ не стало ни телушки, ни полушки, изба стоитъ безъ крыши, а сынъ, самъ хозяинъ, живетъ въ чужихъ людяхъ за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ.

Въ другой избѣ я нашелъ такую же отчаянную бѣдноту: здѣсь жила вдова съ тремя дѣтьми. Съ Пасхи они не ѣдали горячей похлебки. Одинъ добрый человѣкъ далъ ей до осени коровенку, и вдова съ дѣтьми пользовалась ея молокомъ.

Я разговорился съ однимъ обнищавшимъ крестьяниномъ и, наконецъ, спросилъ его:

— Что жъ вы станете теперь дѣлать, когда у васъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ?

— Что станемъ дѣлать?!—повторилъ онъ.—Помирать будемъ... Только, чай, вдругъ-то тоже не помрешь... Человѣкъ-то, говорятъ, съ голоду 12 дёнъ мается...

Какъ быстро въ Константиновкѣ шло обѣднѣніе, можно видѣть изъ того, что у семьи, владѣвшей въ 1888 году нѣсколькими лошадьми, 6 коровами и стадомъ овецъ, въ 1891 году осталась лишь одна корова на семью въ 12 человѣкъ: все остальное распродано.

Въ то прекрасное іюльское утро, когда я посѣтилъ Константиновку, деревня представляла кладбищенски унылый видъ. Многія избы были заколочены; хозяева ихъ или померли, или ушли «въ кусочки». Собаки, такія же худыя, голодныя и злыя, какъ ихъ хозяева, бродили по улицѣ, поджавъ хвостъ, и съ неистовствомъ бросались на прохожихъ. На ребятъ нельзя было смотрѣть безъ содроганія: на нихъ, вмѣсто одежды, болтались грязные лохмотья, а изъ-подъ лохмотьевъ было видно худощавое, истощенное тѣло...

Деревня Леонидовка произвела на меня еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Это—одна изъ самыхъ бѣдныхъ, жалкихъ деревушекъ, затерявшихся среди лѣсовъ, одна изъ тѣхъ несчастныхъ деревушекъ, которыя живутъ, словно забытыя Богомъ и людьми (не забываемыя лишь сборщиками податей).

Леонидовцы — бывшіе крѣпостные. Переселили ихъ сюда въ 1840 году изъ Тульской губерніи и приткнули кое-какъ на берегу ручья, похожаго на грязную, вонючую лужу: водой здѣсь пользуются изъ родника. При переселеніи сюда выбирали людей слабосильныхъ, одержимыхъ хроническими недугами, увѣчныхъ. Вслѣдствіе такого подбора потомство должно было народиться жалкое, слабосильное. Притомъ Леонидовка была поставлена въ такія бѣдственныя экономическія условія, которыя, казалось, были нарочито созданы для того, чтобы лишить леонидовцевъ всякой возможности легальной борьбы за существованіе. Судьба, словно не желая разомъ уничтожить леонидовцевъ, рѣшилась донять ихъ изморомъ и помаленьку-полегоньку стереть ихъ съ лица земли.

Въ 1861 году, при уничтоженіи крѣпостного права, леонидовцы получили даровой надѣлъ. Въ 1891 году ревизскихъ душъ въ Леонидовкѣ считалось 125, а въ дѣйствительности ихъ было вдвое болѣе — 264, и на нихъ приходилось земли 175 десятинъ, т.-е. около $^1/_2$ десятины на душу... По поговоркѣ «гдѣ тонко, тамъ

и рвется», съ леонидовцами при ихъ малоземельѣ приключилась еще весьма прискорбная исторія: казна въ теченіе 20 лѣтъ «по ошибкѣ» владѣла 30-ю десятинами земли, принадлежащей леонидовцамъ, которые въ теченіе 20 лѣтъ арендовали у казны свою собственную землю, уплачивая за нее послѣдніе гроши. Въ концѣ 80-хъ годовъ казна возвратила леонидовцамъ принадлежавшую имъ землю, но деньги, полученныя съ нихъ «по ошибкѣ», казна не нашла возможнымъ возвратить.

По усадебнымъ постройкамъ леонидовца уже можно судить о степени его экономическаго благосостоянія. Напримѣръ, у Адріана Тимоѳеева не было ни избы, ни амбарушки, а жилъ онъ въ землянкѣ, при которой находится плетневый сарай. Василій Григорьевъ хотя жилъ въ избѣ, но зато у него не было ни амбара, ни плетневаго сарая, впрочемъ послѣдній оказывался совершенно излишнею роскошью, ибо у Василія Григорьева никакой скотины нѣтъ. Миронъ Егоровъ со своей семьей, состоявшей изъ 6 человѣкъ, жилъ въ избѣ, но также обходился безъ амбарушки и безъ сарая за неимѣніемъ скота. У Никифора Иванова также только одна изба.

Скота у леонидовцевъ мало. Алексѣй Андреевъ, напримѣръ, со своими 6 домочадцами довольствуется одной козой. У семьи Ивана Ѳедорова, состоящей изъ 7 человѣкъ, скота—только одна свинья... Всего же въ Леонидовкѣ, по тогдашней моей записи, на 264 души приходилось: 56 лошадей, 36 коровъ, 140 овецъ, 28 свиней и 1 коза.

Если въ Константиновкѣ съ грѣхомъ пополамъ можно было насчитать дворовъ 20 — 30 зажиточныхъ, то Леонидовка не въ состояніи доставить и этого жалкаго утѣшенія. Здѣсь повальная бѣднота, полное нищенство; почти всѣ леонидовцы ходятъ по міру. Они бродятъ по Уфимской губерніи, пробираются и въ Самарскую, въ Оренбургскую и Вятскую.

— Въ послѣдніе годы плохо стали подавать, — жаловался мнѣ одинъ старикъ.—Вонъ въ Бирскомъ уѣздѣ, бывало, хорошо собирали, а нынче нѣтъ!.. Вездѣ крестьянство опустилось... Обѣднѣлъ народъ!

Этотъ старикъ былъ въ большомъ горѣ: умирала его единственная внучка. Дѣвочкѣ казалось на видъ лѣтъ 12—13. Больная лежала въ полутемныхъ сѣнцахъ, на полу, на какой-то подстилкѣ, прикрытая тряпьемъ. Больная тяжко страдала, а помощи или хотя бы облегченія ея страданій — ни откуда. Земскій врачъ и фельдшеръ живутъ въ 25 верстахъ отъ Леонидовки; везти къ нимъ больную по малопроѣзжимъ лѣснымъ дорогамъ не представлялось никакой возможности... Больная уже рта не раскрывала и только съ нѣмой мольбой, скорбно смотрѣла на окружающихъ. Этотъ безпомощно умиравшій ребенокъ былъ единственною радостью старика, его послѣднимъ утѣшеніемъ въ жизни.

— Жаль мнѣ ее, больно жаль...—говорилъ старикъ.—Дѣвка-то какая толковая... Привыкъ я къ ней... Придешь иной разъ, поговоришь съ ней,—и веселѣе станетъ...

«Мало словъ, а горя — рѣченька»... Старикъ просилъ насъ прислать къ нимъ фельдшера. Но дѣвочка фельдшера не дождалась, умерла,—старикъ осиротѣлъ...

У леонидовцевъ единственныя средства для существованія — нищенство и кража казеннаго лѣса. Мировой судья былъ положительно заваленъ топорами, какъ вещественными доказательствами, и дѣлами о порубщикахъ-леонидовцахъ. Почти всѣ леонидовцы судились за порубки... Когда — незадолго до нашего посѣщенія Леонидовки—пришлось выбирать старосту (для занятія этой должности нуженъ крестьянинъ, не бывавшій подъ судомъ), то въ Леонидовкѣ едва-едва нашли трехъ такихъ «праведниковъ».

Леонидовцы уже давно мечтаютъ о переселеніи, такъ какъ очень хорошо сознаютъ, что ихъ единственное спасеніе въ томъ, чтобы добыть достаточное количество земли. Пуститься же въ дальнія странствованія—въ поиски «земли обѣтованной»—они не могутъ по своей крайней бѣдности. Въ той же губерніи, даже въ томъ же уѣздѣ, гдѣ Леонидовка, нищенствуя и воруя, влачитъ свое жалкое существованіе, находятся свободныя казенныя земли, прекрасные участки пустопорожней земли, спеціально предназначенной для водворенія поселенцевъ (въ началѣ 90-хъ годовъ они были еще заняты). Леонидовцы же въ силу закона, не дозволяющаго крестьянамъ переселяться съ мѣста на мѣсто въ районѣ ихъ губерніи, могли итти въ Сибирь, въ Закаспійскій и Уссурійскій край, на Амуръ, только не имѣли права перейти на свободные участки казенной земли, находящейся отъ нихъ въ 30 верстахъ...

Говоря о Кидашѣ, не могу безъ волненія вспомнить о томъ, съ какимъ искреннимъ доброжелательствомъ относились ко мнѣ тамошніе крестьяне.

Мнѣ приходилось слыхать и даже читать разсказы о черствости и неблагодарности нашего народа. Это—злая клевета...

Разскажу вкратцѣ, по какому случаю я заслужилъ расположеніе этихъ людей.

Лѣтомъ 1888 года одинъ изъ кидашенцовъ (старообрядецъ), Ермолай, переходя по бревну черезъ запруду, поскользнулся, упалъ въ прудъ и утонулъ. Говорятъ, онъ былъ навеселѣ, что́ весьма возможно, такъ какъ время выдалось праздничное. Трупъ его былъ найденъ и похороненъ на кладбищѣ безъ отпѣванія. Вскорѣ послѣ того пошли продолжительные проливные дожди: невозможно было ни жать, ни убирать хлѣбъ съ полей,— угрожала голодовка. Крестьяне, согласно старинному повѣрью, рѣшили, что дожди посланы

за то, что опоецъ зарытъ выше церковной главы. (Старообрядческое кладбище расположено въ лѣсу на горѣ, въ полуверстѣ отъ селенья и отъ православной церкви, лежащихъ значительно ниже, въ ложбинѣ). Чтобы избавиться отъ дождей, слѣдовательно, надлежало зарыть «опойца» ниже церковной главы. Очень просто...

Девять человѣкъ середи бѣла дня отправились на кладбище, вырыли трупъ злополучнаго Ермолая, унесли его въ болото и тамъ закопали. Крестьяне переносили съ мѣста на мѣсто трупъ своего односельчанина безъ всякаго злого умысла, безъ всякаго желанія надругаться надъ прахомъ человѣка, къ которому при его жизни они не питали ни малѣйшей вражды. Совершенное дѣяніе утрачивало въ понятіи крестьянъ преступный, кощунственный характеръ уже по одному тому, что трупъ «опойца» былъ похороненъ не по христіанскому обряду, «безъ отпѣванія».

Ясное дѣло, что если бы крестьяне знали, что трупъ Ермолая, гдѣ бы онъ ни былъ зарытъ, не могъ быть виновенъ въ томъ, что надъ ихъ полями проходятъ дождевыя облака; если бы они знали, почему надъ лѣсистыми мѣстностями облака спускаются ниже и чаще идетъ дождь, нежели надъ песчаною, раскаленною степью, то они, конечно, не стали бы напрасно безпокоиться и совершать дѣяніе, считаемое преступленіемъ. Темные, невѣжественные люди вырывали трупъ и закапывали его «ниже церковной главы» несомнѣнно изъ добрыхъ побужденій: они имѣли въ виду общественное благо и, рѣшительно, никому не желали причинять зла. Но мѣстная власть посмотрѣла иначе, началось слѣдствіе, и дѣло дошло до суда...

Людей судили за то, что они суевѣрны, т.-е. необразованы. Судъ присяжныхъ, конечно, оправдалъ бы ихъ, ибо присяжные нашли бы несправедливымъ карать людей за чужую вину: вѣдь не ихъ вина въ томъ, что ихъ еще не успѣли просвѣтить по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, вывести ихъ изъ мрака предразсудковъ и заблужденій на Божій свѣтъ.

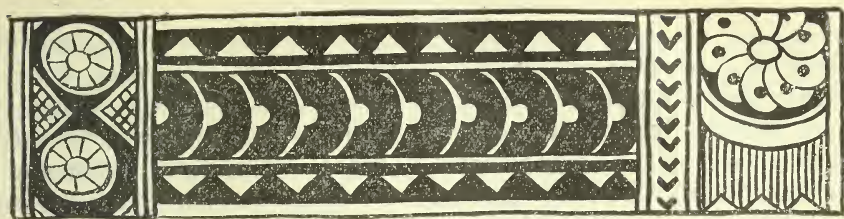
Кидашенцы, преданные суду уфимской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, 23-го января 1889 года уголовнымъ отдѣленіемъ этого суда были приговорены на три года въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Этотъ приговоръ разорялъ девять крестьянскихъ семей, лишая ихъ на три года работниковъ, поильцевъ и кормильцевъ. Положеніе этихъ несчастныхъ семействъ было достойно жалости. Я видѣлъ, какъ они жили, что они ѣли.

Лѣтомъ 1889 года, будучи первый разъ въ Кидашѣ, я узналъ объ этомъ дѣлѣ и написалъ о немъ въ одной изъ южныхъ провинціальныхъ газетъ. Въ то же время матери и жены осужденныхъ пришли ко мнѣ съ своимъ горемъ, — и было составлено прошеніе на имя

покойнаго государя, Александра III. Возвратившись осенью въ Петербургъ, я имѣлъ возможность похлопотать о томъ, чтобы прошеніе этихъ женщинъ поскорѣе дошло по назначенію. Осужденные кидашенцы, уже находившіеся въ ту пору въ арестантскихъ ротахъ въ Ярославлѣ, были освобождены по высочайшему повелѣнію, и притомъ изъ Петербурга телеграммой было дано знать уфимскому губернатору, чтобы онъ немедленно же извѣстилъ родственниковъ осужденныхъ о томъ, что тѣ уже освобождены и возвращаются домой... Своимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ кидашенцы сторицей вознаградили меня за мой ничтожный, малый трудъ.

П. В. Засодимскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ПОДЪ ГНЕТОМЪ СУДЬБЫ [1].

Онъ то ноги ея цѣловалъ,
То стегалъ ее плетью казацкой.

I.

ТО БЫЛО очень давно.

Въ одинъ морозный, зимній вечеръ, послѣ длиннаго и тяжелаго пути въ двухъ чухонскихъ засыпанныхъ снѣгомъ кибиткахъ мы пріѣхали на островъ Скансландъ.

— Вылѣзайте, пріѣхали!—услышала я голосъ моего мужа, ѣхавшаго сзади.

Я подняла рогожу, которой отъ вѣтра, дувшаго на Финскомъ заливѣ, была завѣшена моя кибитка, и выглянула. Надъ головой темное, усѣянное миріадами звѣздъ, небо, передъ глазами широкій снѣжный плацъ, на которомъ подъ бѣлыми снѣжными крышами разбросано нѣсколько низенькихъ темныхъ зданій; въ ихъ окнахъ мерцало много огоньковъ. Передъ однимъ изъ такихъ зданій мы остановились.

Мужъ уже вылѣзъ изъ кибитки и спрашивалъ о чемъ-то стоявшаго на крыльцѣ солдата; а тотъ поспѣшно сбѣжалъ со

---

[1]) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 г. (ноябрь и декабрь) помѣщенъ отрывокъ изъ семейной хроники Витовскихъ, подъ заглавіемъ: «Подъ родительскимъ кровомъ», оканчивающійся выходомъ замужъ Елены Витовской за офицера Никонова. Настоящій второй отрывокъ изъ хроники имѣетъ связь съ первымъ и рисуетъ тяжелую жизнь Елены въ замужествѣ и офицерскій бытъ того времени на одной изъ окраинъ Россіи.

ступенекъ, вытянулся въ струнку и, приложивъ руку къ виску, громко и отчетливо произнесъ: «Такъ точно, къ поручику Никонову». Мужъ приказалъ ему вытаскивать изъ кибитокъ вещи; а я съ няней, Василисой, которая несла моего четырехмѣсячнаго сына Сашу, обѣ заиндивѣвшія и сильно перезябшія, поднялись по чисто выскобленному крыльцу и черезъ темныя сѣни вошли въ огромную и почти пустую кухню.

Сальный огарокъ, воткнутый въ бутылку, горѣлъ на краю стола и скупо бросалъ свѣтъ на голыя стѣны, на большую русскую съ плитой печь и на деревянную кровать, гдѣ прямо на доски была брошена сѣрая солдатская шинель.

Въ кухнѣ было холодно, сыро; пахло махоркой.

Мой маленькій плакалъ. Я взяла со стола огарокъ и вошла въ сосѣднюю комнату; здѣсь, сѣвъ на табуретку, начала его кормить, а няню отослала помогать солдату вносить вещи. Комната, въ которой я находилась, мало отличалась отъ кухни: въ ней только не было русской печи, но она также была велика, сыра и съ однимъ окномъ. Сбоку растворенная дверь вела въ смежную комнату, но такъ какъ отъ темноты мнѣ всегда становилось жутко, то я и избѣгала туда смотрѣть. Мебель состояла изъ двухъ некрашенныхъ деревянныхъ столовъ, такой же длинной скамейки и четырехъ или пяти табуретокъ.

— Не важная у насъ будетъ обстановка,—думала я, оглядываясь по сторонамъ, и уже соображала, какъ бы покрасивѣе убрать эту комнату тѣми вещами, которыя мы привезли съ собой.

Въ это время въ дверь кухни просунулась голова мужа въ башлыкѣ и съ заиндивѣвшими усами.

— Леля,—сказалъ онъ,—я сейчасъ ухожу къ знакомому офицеру, который, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, прислалъ за мной солдата; вѣрно хочетъ вспрыснуть нашъ пріѣздъ.

Сердце у меня заныло, и я подумала: «опять напьется».

Хотя я и знала, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни просьбы, ни увѣщанія, но все-таки сказала:

— Не забудь, Петя, что мы пріѣхали въ новый полкъ, на первыхъ порахъ не зарекомендуй себя дурно.

— Пожалуйста, безъ наставленій!—сердито крикнулъ онъ и ушелъ, сильно хлопнувъ дверью; а я, уложивъ на своемъ салопѣ уснувшаго Сашу, начала съ Василисой распаковывать вещи и на скорую руку устраивать на ночь постели.

Солдатикъ затопилъ печи и усердно намъ помогалъ. Когда дрова въ печкахъ ярко разгорѣлись, и на столѣ, между зажженными сальными свѣчами, закипѣлъ нашъ мѣдный самоваръ, квартира показалась мнѣ уютной, тѣмъ болѣе, что я была полна надеждъ, что въ новомъ мѣстѣ и съ новыми людьми моя жизнь перемѣнится къ лучшему. Сѣвъ отдохнуть передъ топившейся печкой,

я глядѣла на золотые покрывавшіеся пепломъ уголья и мечтала о томъ, какъ познакомлюсь съ интересными интеллигентными людьми, о томъ, какъ мужъ, оторванный отъ дурного товарищества, перестанетъ пить, и я уже не буду бояться, что его выгонятъ въ отставку. Мои мечты прервала Василиса. Она все еще развязывала вещи и вдругъ заговорила:

— Барыня, я васъ хочу спросить: ежели я помру въ этой Чухляндіи, значитъ, эти самые чухны схватятъ меня, какъ рыбицу за хвостъ, и, не отпѣвъ по-христіански, въ море и бултыхъ?

О своихъ похоронахъ Василиса и въ дорогѣ заводила со мной разговоръ; она не вѣрила, что въ Финляндіи есть православныя церкви и кладбища, и что въ случаѣ смерти мы ее похронимъ, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ она сама вызвалась поѣхать съ нами въ Финляндію, и когда ее спрашивали, не соскучится ли она въ чужой странѣ, увѣряла, что ей все равно, гдѣ ни жить, такъ какъ она уже не молода и не имѣетъ близкихъ родныхъ. Но съ половины дороги, когда не стало уже слышно русской рѣчи, когда перестали встрѣчаться православныя церкви, Василиса затосковала и начала раскаиваться, зачѣмъ поѣхала съ нами; въ этомъ она какъ будто винила и меня.

— Это вы все радовались да прыгали, что ѣдете въ Вихляндію,—ворчала она, а въ этотъ вечеръ упрекнула и въ томъ, что мы ей не отдали за прошлый мѣсяцъ жалованья.

Все это меня мучило, тѣмъ болѣе, что я и сама не знала, когда мы будемъ въ состояніи съ нею расплатиться. Пріѣхали безъ денегъ, и до жалованья нужно еще прожить три мѣсяца. Чувствуя себя виноватой передъ Василисой, я старалась ее развеселить и утѣшить, вспомнила, что у меня есть вишневое варенье, до котораго она была большая охотница. Начавъ пить чай съ вареньемъ, она успокоилась, но себя въ этотъ вечеръ я не могла настроить на веселый ладъ: меня безпокоило и наше безденежье, и я боялась, какъ бы мужъ въ гостяхъ не напился; кромѣ того, послѣ дороги чувствовала сильную усталость. Выпивъ чашку чая, я сейчасъ же легла спать.

Ночью внезапно я была разбужена громкими голосами, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ.

— Она у меня бабенка антикъ!—кричалъ мужъ:—я вамъ ее сейчасъ покажу.

Догадавшись, что онъ пьянъ и что разговоръ идетъ обо мнѣ, я съ безпокойствомъ поднялась на постели. Черезъ минуту мужъ со свѣчкой, которая танцовала у него въ рукѣ, вошелъ въ спальню.

— Ты ужъ легла? — заговорилъ онъ тяжелымъ языкомъ. — Живо одѣвайся! я тебя показать хочу.

Замѣтивъ, что въ полуотворенную дверь чьи-то глаза на меня смотрятъ, я мгновенно нырнула подъ одѣяло и закричала Васи-

лисѣ, чтобы та заперла скорѣе дверь. Мужъ, между тѣмъ, все настаивалъ, чтобы я одѣвалась и вышла къ гостямъ; а такъ какъ я не слушалась его, онъ насильно тащилъ съ кровати. Но онъ былъ слишкомъ пьянъ, чтобы со мной справиться, вдругъ бросилъ меня и къ моему ужасу схватилъ соннаго Сашу съ сундука, гдѣ тому была сдѣлана постелька, и шатаясь понесъ къ гостямъ. Ребенокъ проснулся и расплакался.

Теперь и я вскочила съ постели и, второпяхъ набрасывая на себя платье, умоляла Василису взять скорѣе отъ барина ребенка, такъ какъ тотъ можетъ каждую минуту его уронить; но Василиса, стоя спиной у печки, равнодушно повторяла: «не драться же мнѣ съ бариномъ». Къ счастью, плакавшій ребенокъ скоро надоѣлъ, мужъ сейчасъ же его принесъ обратно, но если бы я не поспѣшила навстрѣчу и во время не ухватила изъ его рукъ Сашу, онъ навѣрно уронилъ бы его на полъ. Когда мужъ очень сильно началъ кричать и требовать водки, я вспомнила, что мнѣ всегда въ подобныхъ случаяхъ помогало обращеніе къ благоразумію гостей, и теперь нарочно громко сказала: «твои гости навѣрно порядочные люди и не захотятъ ночью безпокоить семейныхъ людей, они могутъ и днемъ къ намъ притти». Мои слова, какъ я и ожидала, произвели желаемое дѣйствіе: начался шопотъ, и было слышно, что гости собираются уходить, и кто-то изъ нихъ громко сказалъ:

—«Извините, мадамъ, мы не сами пришли, вашъ супругъ насъ пригласилъ».

Мужъ хотѣлъ было бѣжать за ними, но вдругъ раздумалъ и, тяжело упавъ на табуретку, заплакалъ пьяными слезами.

Василиса подошла къ нему и, взявъ подъ руку, ласково сказала:

— «Пойдемте, батюшка-баринъ, я васъ до постельки доведу».

Такимъ образомъ они дошли до кровати; мужъ, не раздѣваясь, упалъ на постель и сейчасъ же заснулъ. Скоро на полу захрапѣла и Василиса; а у меня сонъ совсѣмъ прошелъ, и я еще долго, съ Сашей на рукахъ, сидѣла на постели и смотрѣла сквозь слезы на пламя сильно нагорѣвшей свѣчки.

II.

Я вышла замужъ за Петра Петровича Никонова шестнадцати лѣтъ.

Вначалѣ, мнѣ казалось, я любила его, но, будучи еще его невѣстой и узнавая ближе, начала въ немъ разочаровываться, и только тяжелая жизнь въ родной семьѣ и ложное представленіе о томъ, что, отказавъ жениху, я буду скомпрометирована, помѣшали намъ во время разойтись.

Мужъ съ первыхъ же дней послѣ свадьбы началъ меня перевоспитывать, какъ онъ говорилъ, по своему вкусу; но это воспитаніе еще больше оттолкнуло меня отъ него.

Вскорѣ послѣ свадьбы я заболѣла и пролежала въ постели около двухъ мѣсяцевъ; въ это время мужъ обольстилъ бывшую у насъ въ услуженіи крестьянскую молоденькую дѣвушку, которая потомъ мнѣ сама во всемъ призналась. Съ тѣхъ поръ словно стѣна стала между мною и моимъ мужемъ; я даже къ нему начала чувствовать отвращеніе и съ ненавистью ожидала появленія на свѣтъ нашего ребенка, который долженъ былъ соединить насъ еще крѣпче. Но, когда послѣ долгихъ и страшныхъ страданій я услышала возлѣ себя дѣтскій плачъ, на который какъ-то особенно откликнулось мое сердце, и ко мнѣ поднесли крошечное безпомощное существо, я прижала его къ своей груди и давала себѣ слово ради сына полюбить и его отца.

Помню минуту нашего примиренія: ребенка унесли крестить въ сосѣднюю комнату, а я, хотя еще очень слабая, но по случаю торжества одѣтая въ нарядный бѣлый пеньюаръ и сверху накрытая праздничнымъ шелковымъ одѣяломъ, лежала на кровати. Въ комнатѣ отъ спущенныхъ синихъ шторъ было темно, только въ углу передъ образомъ ярко горѣлъ въ лампадѣ огонекъ; ко мнѣ доносился голосъ священника, читавшаго за стѣной молитвы. Я вслушивалась въ слова и, взглядывая на образъ, молилась. Въ комнату вошелъ мужъ (мы съ нимъ давно не разговаривали); теперь, увидавъ его, я уже не чувствовала къ нему вражды и съ улыбкой навстрѣчу протянула руку. Онъ хотѣлъ меня обнять, но въ эту минуту во мнѣ опять появилось къ нему брезгливое чувство; чтобы скрыть его, я указала на стѣну, за которой крестили нашего сына. Тогда мужъ всталъ на колѣни возлѣ моей кровати, и мы начали вмѣстѣ молиться...

Скоро я поняла, что снова полюбить человѣка, котораго разлюбила, и который самъ не хочетъ мнѣ въ этомъ помочь, не такъ легко, какъ я думала. Разъ, когда мужъ началъ меня упрекать въ холодности, я откровенно призналась, что послѣ поступка съ Аксюшей его разлюбила.

«Я совсѣмъ собиралась уйти отъ тебя,—говорила я,—но ребенокъ удержалъ». Тогда мужъ не понялъ меня: онъ приписалъ мои слова ревности, клялся, что любитъ и не переставалъ меня любить, говорилъ о томъ, что мужъ, и любя жену, иногда ей можетъ измѣнить; но что этимъ не приноситъ столько зла, сколько могла въ подобномъ случаѣ принести жена, такъ какъ она вноситъ въ семью чужого ребенка; просилъ простить его шалость и обѣщалъ, что подобнаго съ нимъ уже никогда больше не повторится. А я готова была и желала его простить, но снова полюбить уже не могла. Больше всего разъединяло насъ несходство вкусовъ и ха-

рактеровъ. Я до страсти любила чтеніе и стремилась образовать себя, обожала поэзію, Пушкина, Лермонтова, Козлова заучивала наизусть и сама писала стихи, а мужъ всѣ книги, кромѣ военнаго устава, называлъ дребеденью, а читающихъ женщинъ, особенно ученыхъ, презиралъ.

Въ то время, когда я желала снова съ нимъ сблизиться, я старалась поддѣлываться подъ его вкусы: почти перестала читать и усердно занималась хозяйствомъ; но скоро безъ книгъ такъ соскучилась, что его же начала просить мнѣ приносить книги изъ полковой библіотеки.

— Хочешь, будемъ вмѣстѣ читать? — предлагала я: — теперь намъ обоимъ нужно развивать себя, чтобы умѣть впослѣдствіи воспитывать нашего сына.

Но это предложеніе, какъ и многія другія въ этомъ же родѣ, возбуждали въ моемъ мужѣ только смѣхъ. Онъ ничего не хотѣлъ сдѣлать такого, что могло бы мнѣ понравиться и сблизить насъ въ то время. Напримѣръ, онъ зналъ, что я боюсь и не люблю пьяныхъ, а онъ, какъ будто еще нарочно, послѣ каждой моей просьбы не напиваться, всегда возвращался домой пьянымъ.

Кончилось тѣмъ, что мнѣ надоѣло притворяться любящей, когда я не любила, потворствовать вкусамъ, которыхъ не раздѣляла, и все пошло попрежнему, опять начались между нами ссоры или молчаніе по недѣлямъ.

Когда же случалось, что мы мирились, то это время для насъ обоихъ было самое тяжелое: мы сидѣли дома вдвоемъ, сказать другъ другу было нечего, и оба страшно скучали.

Въ матеріальномъ отношеніи первый годъ мы не терпѣли нужды, такъ какъ проживали мое маленькое приданое. Мужъ часто приносилъ мнѣ для подписи какія-то бумаги, которыя я, не читая, подписывала. Оба мы были словно младенцы — жили настоящимъ и не думали о будущемъ. Мужъ цѣлые дни, а часто и ночи, проводилъ внѣ дома, разыгрывалъ передъ товарищами богача, раздавалъ взаймы деньги, пилъ и другихъ на свой счетъ поилъ. А я познакомилась довольно близко съ одной дамой нашего полка, особой легкомысленной, поглощенной нарядами и легкими интрижками; иногда съ ней я выѣзжала на семейные вечера; но еще чаще, окруженныя кавалерами, мы по цѣлымъ часамъ гуляли въ городскомъ саду или на бульварѣ.

Общество, которымъ я была тогда окружена, не удовлетворяло меня; въ немъ я скучала. Читая постоянно книги, большей частью журналы, я жаждала подѣлиться почерпнутыми изъ нихъ мыслями и блеснуть своими знаніями; но люди, которыми я была окружена, не интересовались книгами, а моя склонность къ чтенію и, въ особенности, страсть писать стихи имъ даже были смѣшны. Но мнѣ нравилось, что въ этомъ обществѣ мужчины восхищались мною,

говорили, что я хорошенькая, и мужъ мнѣ не пара. Правда, никто изъ этихъ мужчинъ меня особенно не интересовалъ; они, мнѣ казалось, всѣ имѣли много общаго съ моимъ мужемъ, а я мечтала полюбить человѣка развитого, ученаго, отъ котораго и сама могла бы многому научиться; мой герой долженъ былъ быть и великодушенъ и добръ. Я надѣялась, что встрѣча съ подобнымъ человѣкомъ сдѣлаетъ переворотъ въ моей жизни и навсегда разлучитъ съ мужемъ. Не любя мужа, я жаждала любви, ласки; часто плакала о своемъ одиночествѣ и только въ стихахъ изливала тоску наболѣвшаго сердца. Мы жили такимъ образомъ года полтора, когда мой мужъ въ нетрезвомъ видѣ попался на глаза начальству, нагрубилъ и за это былъ посаженъ на гауптвахту.

Кругомъ говорили, что дѣла мужа плохи, и ему, вѣроятно, придется выйти въ отставку, а я больше всего боялась его отставки; тогда я еще не знала, что мое имѣнье почти все продано на основанiи мною же подписанныхъ бумагъ, и думала, что въ случаѣ отставки намъ придется поѣхать въ это имѣнье, гдѣ я буду съ мужемъ жить одна и въ глуши. Подобная жизнь меня сильно пугала, и я металась, не зная, что предпринять. Мнѣ посовѣтовали поѣхать къ полковому командиру и лично попросить за мужа. Я сейчасъ же поѣхала и такъ передъ нимъ плакала, такъ просила войти въ мое положенiе и не выгонять мужа въ отставку, что тотъ наконецъ сжалился; но сказалъ, что щадитъ его ради жены и сына, и даже обѣщалъ посодѣйствовать переводу въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Финляндiи. Мужъ, просидѣвъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ, замѣтно присмирѣлъ и былъ очень доволенъ своимъ переводомъ въ Финляндiю, увѣрялъ всѣхъ, что въ новомъ полку перестанетъ совсѣмъ пить, и хвасталъ, что мы въ Финляндiи разбогатѣемъ, получая жалованье финскими деньгами.

Только теперь, собираясь въ дорогу, я узнала, какъ мы бѣдны: чтобы добраться до мѣста нашего назначенiя, намъ, во-первыхъ, пришлось продать еще кусокъ моей земли, а такъ какъ крестьяне, купившiе его, по бѣдности не могли сейчасъ внести всѣхъ денегъ то и лучшiя наши вещи пошли въ продажу. Но я не очень огор-, чалась нашей бѣдностью, даже о ней мало думала, и только радовалась, что мы далеко уѣзжаемъ, и я скоро увижу новыхъ людей и новыя мѣста.

III.

Проснулась я рано. Въ окно смотрѣло сумрачное зимнее утро. Въ комнатѣ всѣ еще спали, но я поспѣшила встать и одѣться, чтобы при дневномъ свѣтѣ скорѣе ознакомиться со всѣми уголками нашего новаго жилища, а черезъ окно съ мѣстностью Скансланда. И въ первую же минуту была сильно разочарована. Окна обѣихъ нашихъ комнатъ упирались въ крѣпостной валъ, который

такъ тѣснилъ взглядъ, что не было видно не только дали, но и кусочка неба. Даже, когда я встала на подоконникъ, то, какъ ни ворочала голову, кромѣ покрытой снѣгомъ стѣны отъ вала, а на немъ черной пушки, которая мнѣ сначала показалась притаившимся чудовищемъ, ничего не увидѣла.

— Тюрьма, тюрьма!—повторяла я и готова была уже расплакаться, но вспомнила, что въ кухнѣ еще есть окно. Изъ него открывался совсѣмъ другой видъ: оно выходило на широкій плацъ, на которомъ сиротливо безъ садовъ и огородовъ стояло нѣсколько домиковъ, выкрашенныхъ въ желтый цвѣтъ, и въ окно свободно можно было видѣть даль и небо. Въ эту минуту съ горизонта поднималось лучистое солнце, его лучами уже были облиты виднѣвшіяся вдали и не совсѣмъ еще засыпанныя снѣгомъ розовыя скалы, а желтые домики на плацу казались золотыми. Подъ лучами солнца брилліантами искрился снѣгъ. Солнце заглянуло и въ мою душу—мнѣ вдругъ стало весело.

Придвинувъ къ окну табуретку, я начала смотрѣть на солдатъ, которые на плацу разгребали лопатами снѣгъ, а между работой шалили. Въ это солнечное утро мнѣ какъ-то особенно было пріятно видѣть молодыя, оживленныя лица. Одинъ солдатикъ сорвалъ со смѣхомъ у другого съ головы кепи, а самъ побѣжалъ, тотъ догналъ и тоже со смѣхомъ далъ въ спину тумака. Нѣкоторые бросались снѣжками, а возлѣ нашего крыльца двое боролись. Въ одномъ изъ нихъ я узнала солдатика, помогавшаго вчера намъ развязывать вещи. И только я заинтересовалась, останется ли онъ въ борьбѣ побѣдителемъ, какъ тотъ, замѣтивъ меня въ окнѣ, бросилъ бороться, схватилъ стоявшее въ сторонѣ ведро съ водой и черезъ минуту съ испуганнымъ лицомъ появился въ кухнѣ.

— Здравствуй!—сказала я.

Онъ такъ былъ смущенъ, что ничего не отвѣтилъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой солдатикъ, съ широкимъ некрасивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ лицомъ и смышлеными сѣрыми глазами. Черезъ нѣсколько минутъ, наливая воду въ самоваръ, онъ уже съ любопытствомъ на меня посматривалъ. Когда я спросила, какъ его зовутъ, онъ поставилъ ведро на полъ и, вытянувшись во фронтъ, громко произнесъ:

— Ѳома Ивановъ!

Я съ улыбкой замѣтила, чтобы онъ говорилъ тише, такъ какъ можетъ разбудить большого и маленькаго барина, и прибавила:

— Когда ты со мной, Ѳома, разговариваешь, не становись во фронтъ.

Въ моихъ словахъ ему показалось что-то смѣшнымъ; щепая ножемъ лучину, онъ все улыбался, а на мои вопросы о его деревнѣ и о томъ, не соскучился ли онъ на службѣ, отвѣчалъ: «такъ точно» или «никакъ нѣтъ».

— Можетъ быть, дома невѣсту оставилъ?

— Никакъ нѣтъ.

Мнѣ надоѣло получать подобные отвѣты, и я замолчала. Но Ѳома самъ теперь заговорилъ:

— Невѣста-то развѣ ждать тебя будетъ, что ей нашъ братъ, солдатъ?... Мнѣ до безсрочнаго безъ мала четыре года.

— Ты, кажется, сказалъ, что у тебя нѣтъ невѣсты?

— У меня и мать есть,—оскаливая бѣлые зубы, похвасталъ онъ.

Немного погодя, я уже знала, что у него дома и хорошая гармоника у сестры на сохраненіе оставлена. Однимъ словомъ, Ѳома разговорился, даже кое-что разсказалъ и о дамахъ нашего батальона.

— Командирша,—говорилъ онъ,—у насъ горячая: какъ разсердится, чѣмъ ни попало, такъ въ тебя и пырнетъ; опять же и солдаты на нее обижаются, что она на нихъ майора навозыкиваетъ. А вотъ барышня у нихъ, командиршина родная сестра, ту денщики одобряютъ.

Узнала я также, что штабсъ-капитанша Блинова на барыню не похожа: по улицамъ, платкомъ покрывшись, ходитъ и сама въ квартирѣ полы моетъ, но добрая: къ чаю вѣстовымъ всегда большой ломоть булки даетъ, а когда пирогъ печетъ, безъ дольки не отпуститъ. Барыня Паукова жадная — никогда ничего вѣстовымъ не даетъ, и эта барыня—пронзительная.

На мой вопросъ, хороши ли въ нашемъ батальонѣ офицеры, Ѳома отвѣтилъ:

— Всякіе есть, только противъ штабсъ-капитана Желткова ни одному не быть: такого хорошаго ротнаго не только въ полку, но и во всей дивизіи съ огнемъ не найдешь.

Разговаривая такимъ образомъ, я не сразу замѣтила стоявшаго на порогѣ мужа. Съ лохматой, нечесанной головой, безъ сюртука, въ однихъ носкахъ (сапоги держалъ въ рукѣ), онъ сердито и исподлобья смотрѣлъ на насъ.

Зная, какъ онъ всегда порицалъ меня за разговоры съ денщиками, я сначала нѣсколько смутилась, но сейчасъ же оправилась и вызывающимъ голосомъ спросила:

— Что тебѣ нужно?

— Вычистить!—крикнулъ онъ, и сапоги полетѣли въ Ѳому.

Тотъ въ эту минуту сидѣлъ на корточкахъ и раздувалъ самоваръ. Каблукъ отъ сапога задѣлъ его по плечу. Меня всегда раздражало грубое обращеніе мужа съ солдатами, и теперь я вспылила:

— Ты съ ума сошелъ!—вскочила я съ табурета: — за что ты его ударилъ?

Но онъ даже и не взглянулъ на меня, вложилъ руки въ карманы и, сгорбивъ еще болѣе сутуловатую спину, пошелъ назадъ. Черезъ минуту поманилъ меня въ другую комнату:

— Поздравляю съ новымъ знакомствомъ!—ѣдко началъ онъ:—ужъ и здѣсь началась дружба съ денщикомъ... Удивительно хорошо! Съ солдатомъ... хи, хи, а больной сынъ плачетъ.

А я стала упрекать его за то, что онъ не сдержалъ слова: только что пріѣхалъ въ новый полкъ и напился и вчера не только меня, но и Сашу напугалъ.

— Вѣроятно, вы хотите, чтобы васъ изъ этого полка, какъ изъ прежняго, попросили уйти?—не безъ ѣдкости сказала и я.

— Молчи!—стиснувъ зубы и кулаки, крикнулъ мужъ.

Посмотрѣвъ съ ненавистью другъ на друга, мы разошлись.

У меня вдругъ явилось подозрѣніе, не прокутилъ ли онъ вчера оставшіяся отъ дороги деньги. Въ такомъ стучаѣ намъ пришлось бы сидѣть безъ обѣда. Мое подозрѣніе оправдалось. Черезъ нѣкоторое время онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ со мной посовѣтоваться, которую изъ вещей снести въ закладъ.

— А гдѣ же деньги, которыя остались отъ дороги?

— Вотъ хватилась-то! Тѣ деньги вчера же тю-тю!—свистнулъ онъ, и, прогуливаясь по комнатѣ, безпечно продолжалъ:—и здѣсь есть человѣчекъ, который подъ небольшіе проценты даетъ деньги. Вотъ и за эту дрянь,—указалъ онъ на мою тоненькую на рукѣ браслетку,—дадутъ что нибудь, и за твое визитное платье можно достать нѣсколько рублей!

Браслетъ я отдала безъ сожалѣнья, но моего лучшаго платья, которое, всѣ находили, ко мнѣ такъ шло, было очень жаль, и, завязывая его въ салфетку, я даже заплакала. Мужъ спряталъ узелъ подъ шинель и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, ушелъ.

Василиса прибѣжала и съ любопытствомъ остановила глаза на открытомъ сундукѣ.

— Баринъ опять понесли что-то подъ шинелькой закладывать?

Я ничего не отвѣтила; она же заговорила съ Сашей:

— Какъ бы, Сашенька, нашъ папенька теперь съ деньгами куда нибудь не закатился!..

Василиса во всѣхъ моихъ ссорахъ съ мужемъ всегда принимала его сторону, хотя онъ очень часто и на нее покрикивалъ. Я подозрѣвала, что она была къ нему неравнодушна, особенно послѣ того, какъ сама мнѣ разъ призналась, что мой мужъ лицомъ ей напоминаетъ одного извозчика—ея первую любовь.

— Что на патретъ его гляжу,—говорила она.

Быть можетъ, по этой причинѣ Василиса всегда была на его сторонѣ, а меня, видимо, не любила. Я же, сердясь на мужа, часто злобу переносила на его сторонницу и теперь не могла ея не уколоть.

— И по дѣломъ, если онъ безъ обѣда васъ оставитъ, вы вѣдь всегда вашего барина расхваливаете.

Василиса не потерялась:

— Извѣстно, ихъ дѣло мужчинское, хочется съ пріятелями выпить и закусить, а только нашъ баринъ потому и выпиваетъ, что вы-то, барыня,--хоть сердитесь, хоть нѣтъ, а я скажу—не хозяйка, и никакого у васъ пристрастія къ дому нѣтъ, только бы книжки читать, либо въ уголкѣ сидѣть и карандашикомъ чиркъ да чиркъ. Баринъ все это видятъ, съ горя и кутятъ.

Мнѣ было досадно, что Василиса — единственное теперь возлѣ меня существо, съ которымъ я могла бы откровенно поговорить,—и та враждебно ко мнѣ относится, а мнѣ въ эту минуту такъ хотѣлось кому нибудь пожаловаться и поплакать.

IV.

Цѣлую недѣлю мы устраивались.

Табуретки и столы намъ выкрасили въ красный цвѣтъ, и сами мы, чѣмъ только могли, украсили нашу новую гостиную: на окно повѣсили кружевную занавѣску, въ углу—образа, на стѣну прибили небольшой бархатный коврикъ. Длинная скамейка, съ помощью тюфяка и стараго ковра, превращена въ кушетку, а столъ, за неимѣніемъ хорошей салфетки, покрытъ моимъ коричневымъ платкомъ.

Когда все было готово, мужъ, оглядѣвъ комнату, сказалъ:

— Право, не дурно, и во всякомъ случаѣ прилично; не у каждаго офицера, какъ у насъ, найдется два бархатныхъ ковра.

И при этомъ разсказалъ, какъ бѣдно офицеры живутъ на островѣ.

— Мягкая мебель только и есть, что у майора Сверчкова и капитана Аѳанасьева, остальные же офицеры, въ томъ числѣ и женатые, не только не имѣютъ приличной обстановки, но многіе и обѣда дома не готовятъ, а ѣдятъ изъ ротныхъ котловъ.

Я спросила, есть ли на островѣ интересные офицеры.

— Почемъ я знаю, какихъ ты называешь интересными?—сказалъ мужъ:—по-моему всѣ тѣ интересны, кто пьетъ водку и въ карты играетъ.

Я начала серьезно опасаться, чтобы мужъ и здѣсь не окружилъ меня такими же людьми, какъ онъ самъ, и съ грустью поглядывала на полочку съ книгами. Я нарочно положила книги на виду, чтобы въ новомъ мѣстѣ скорѣе себя зарекомендовать, какъ читающую особу; хотѣла между ними положить и тетрадку съ своими стихами, но такъ какъ въ нихъ говорилось, большею частью, о нелюбимомъ мужѣ и несчастномъ супружествѣ, то и побоялась, какъ бы мужъ ея не увидалъ и, по обыкновенію, не разорвалъ. Я уже говорила, что мужъ презиралъ читающихъ женщинъ, тѣмъ болѣе онъ не сочувствовалъ моей страсти писать стихи, хотя одно время вскорѣ послѣ нашей свадьбы и разсчитывалъ получать

деньги за мои литературные труды, но, разочаровавшись въ этомъ, уже не могъ видѣть безъ раздраженія, когда я бралась за перо.

Попытка моя быть напечатанной тогда и мнѣ принесла немало огорченій, и я не пройду ея молчаніемъ. Писала я стихи съ дѣтства, сначала читала ихъ горничнымъ, по выходѣ же замужъ начала читать свои стихи офицерамъ и полковымъ дамамъ. Впослѣдствіи я узнала, что многіе изъ нашихъ знакомыхъ смѣялись надо мной за глаза, но зато въ глаза рѣшительно всѣ хвалили и даже находили во мнѣ талантъ; удивлялись, зачѣмъ не посылаю стиховъ печатать, и увѣряли, что могу получить за нихъ хорошія деньги.

Мужъ, слыша, какъ меня кругомъ расхваливаютъ, началъ относиться снисходительнѣе къ моему стихотворству; когда же его увѣрили, что я могу получать еще деньги, онъ самъ началъ меня уговаривать продолжать писать, а написанное, какъ можно скорѣе, отослать въ какую нибудь изъ редакцій. Но я трусила и все не рѣшалась, хотя увидѣть себя напечатанной было моей давнишней мечтой. Но кончила тѣмъ, что все-таки отослала стихи по секрету въ одинъ изъ небольшихъ журналовъ. Вмѣстѣ со стихами я написала и письмо къ редактору. Пояснила, что мнѣ шестнадцать лѣтъ, и умоляла, если онъ найдетъ мои стихи никуда негодными, сказать мнѣ это прямо.

«Тогда,—писала я,—прощусь навсегда съ надеждой быть писательницею!»

Какъ только я отправила свои произведенія на почту, начались мои авторскія страданія: я лишилась сна и аппетита и безпрестанно перечитывала свои стихи. Иногда они мнѣ нравились, и я уже предвкушала блаженство быть напечатанной, но, большею частью, все, что я написала, казалось и бездарнымъ и шероховатымъ; тогда я приходила въ отчаянье и стыдилась своей рѣшимости.

Мужъ не могъ не замѣтить моего волненія, а я не могла до конца сохранить отъ него тайны. Скоро ее узнали и всѣ наши знакомые. Начались разспросы, когда мои произведенія появятся въ печати; многіе уже поздравляли. Кто-то сказалъ мужу, что Пушкинъ за каждую строку получалъ по золотому, и онъ рѣшилъ, что мнѣ должны заплатить по рублю, потребовалъ мою черновую тетрадь, насчиталъ шестьсотъ строчекъ и на шестьсотъ рублей строилъ уже планы. Все это только увеличивало мои страданія. О неудачѣ я безъ содроганія не могла и подумать, и въ то время, когда обыкновенно приходилъ почтальонъ, я металась, какъ въ агоніи. То бросалась передъ образомъ на колѣна, моля лучше послать мнѣ смерть, чѣмъ отказъ изъ редакціи, то подбѣгала къ окну, то прислушивалась къ шагамъ въ коридорѣ.

Увидѣвъ въ рукахъ мужа возвращенную тетрадку, я лишилась чувствъ.

Когда я пришла въ себя, то увидѣла, что лежу на кровати; мужъ съ испуганнымъ лицомъ суетился: прыскалъ на меня водой, давалъ нюхать спиртъ, и его первыя слова были:

— Плюнь, Леля, на твое стихоплетство, кажется, теперь должна убѣдиться, что твои стихи никуда не годятся.

Я только рыдала и искренно сожалѣла, зачѣмъ не умерла.

Черезъ нѣсколько времени онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ и говорилъ:

— Теперь по твоей милости стыдно и въ люди показаться: спросятъ, что ваша поэтесса, скоро ли въ свѣтъ появятся ея сочиненія, а я что отвѣчу?.. эхъ, дуракъ! разсчитывалъ за твои стишонки шестьсотъ рублей получить, собирался себѣ шинель на шелковой подкладкѣ заказать...

Не знаю, что тогда побудило мужа скрыть отъ меня отвѣтъ редактора, но только онъ отдалъ мнѣ письмо ровно черезъ мѣсяцъ; я думаю, что это была месть за неосуществившіяся надежды относительно моихъ литературныхъ заработковъ; онъ же увѣрялъ, что это сдѣлалъ изъ желанія отучить меня отъ писательства. Во всякомъ случаѣ это было жестоко. Онъ видѣлъ, какъ я убивалась, плакала, стыдилась показаться на глаза знакомымъ. Отвѣтъ же редактора былъ слѣдующаго содержанія:

«Къ сожалѣнію, ваши стихи не могу напечатать: въ нихъ не соблюденъ размѣръ. Бросать писать вамъ не совѣтую, думаю, что если вы будете работать, то ваши стихи со временемъ будутъ печататься».

Послѣ того отчаянія, въ которомъ я находилась, а главное послѣ разочарованія въ своихъ способностяхъ, это письмо меня воскресило—снова появилась энергія писать, а письмо редактора я долго, какъ святыню, носила на своей груди.

V.

Разъ, вернувшись изъ казармъ, мужъ сказалъ, что къ намъ завтра собираются офицеры съ визитами.

Это извѣстіе меня взволновало; хотя все, что я до сихъ поръ слышала отъ мужа о его новыхъ товарищахъ, мнѣ и не нравилось, но все-таки я не теряла надежды и между ними встрѣтить интересныхъ людей. Мое любопытство было уже возбуждено разсказами Ѳомы о штабсъ-капитанѣ Желтковѣ, котораго тотъ очень расхваливалъ.

Мужъ заботился не меньше меня, чтобы я при гостяхъ была интересна, совѣтовалъ, какое мнѣ надѣть платье, и помогъ завить голову въ папильотки.

— Я тобой шикнуть хочу,—говорилъ онъ.

Желая быть красивой, я не роптала, что всю ночь моя голова въ папильоткахъ лежала все равно, какъ на каменьяхъ; зато на другой день, къ двѣнадцати часамъ, въ локонахъ и въ праздничномъ платьѣ, я сидѣла въ гостиной и ждала гостей.

Мужъ ушелъ въ роту; а Саша, пока еще никто не пришелъ, тутъ же, возлѣ меня, на разостланномъ по полу одѣялѣ, учился ползать.

Наконецъ изъ кухни Ѳома закричалъ:

— Барыня, къ намъ командиръ 12-й роты идетъ.

Я схватила съ полу Сашу; Василиса подняла одѣяло, и мы обѣ бѣгомъ бросились въ спальню. Тутъ поправивъ передъ зеркаломъ волосы, я вышла.

Первый гость оказался некрасивъ и не молодъ, и его еврейскій акцентъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Шаркнувъ передо мной ногой, онъ безъ остановки проговорилъ:

— Имѣю честь рекомендоваться, командиръ 12-й роты, штабсъ-капитанъ Лисицынъ.

Указавъ гостю на табуретъ, я сѣла на кушетку.

— Гдѣ же вашъ мужъ, Петръ Петровичъ?—тихимъ голосомъ спросилъ Лисицынъ.

— Онъ скоро придетъ.

Дальше мы оба не знали, о чемъ говорить. Гость глазами обводилъ стѣны и всю нашу обстановку, а я смотрѣла на его тупой носъ и толстыя губы.

— Вотъ вы какъ устроились,—опять заговорилъ Лисицынъ,—но это вѣрно на время: настоящую мебель потомъ заведете?

Вопросъ мнѣ не понравился; онъ доказывалъ, что наша обстановка не производитъ желаемаго впечатлѣнія.

— Образа эти у васъ серебряные?—продолжалъ онъ разспрашивать.

Я отлично знала, что ризы на образахъ изъ фольги, но посовѣстилась въ томъ признаться и отвѣтила: «серебряные».

— Неужели и каменья настоящіе?

Тутъ я, уже опустивъ глаза, съ замѣшательствомъ произнесла:

— Не знаю, этими образами насъ благословили, когда мы ѣхали къ вѣнцу.

Наконецъ Лисицынъ, положивъ локти на столъ, началъ и меня разсматривать.

— Какая вы хорошенькая!—при этомъ комплиментѣ онъ оскалилъ остатки испорченныхъ зубовъ.—Экое счастье вашему мужу: взялъ хорошенькую и съ приданымъ; а вотъ я никакъ не могу найти подходящей невѣсты... Вашъ мужъ говорилъ, что вы еще отъ бабушки должны наслѣдство получить?

Разговоръ принималъ такой оборотъ, что мнѣ опять приходилось лгать. Чтобы не запутаться во лжи, я перевела его на другой

предметъ. Начала разспрашивать, какъ на островѣ веселятся офицеры и ихъ жены.

Лисицынъ пожалъ плечами.

— Какое веселье! недавно только жалованье получили, а у многихъ его уже и нѣтъ, другимъ офицерамъ въ полученіи только пришлось расписаться: кому по книжкамъ въ лавки, кому портному, а у кого и въ офицерскій капиталъ еще вычитаютъ, посмотришь, ничего не осталось. У всѣхъ долги, мало кто изъ офицеровъ не долженъ,—и, подумавъ немного, онъ продолжалъ:—я многихъ выручаю—сердце у меня доброе, придутъ, просятъ, другой, вотъ хоть бы Чумаковъ вчера, плачетъ, жена, говоритъ, больна, а въ домѣ ни копейки, какъ не дать!.. Тоже вашего мужа выручилъ: онъ браслетъ вашъ приносилъ, да что въ немъ! дутый, тоненькій, цѣны никакой.

При послѣднихъ его словахъ я сконфузилась, но, къ счастью, наше tête-à-tête въ эту минуту было прервано.

Вошли мужъ и съ нимъ два офицера въ парадной формѣ. Одинъ кудрявый, полный блондинъ, лѣтъ сорока, съ круглымъ, рябоватымъ, но симпатичнымъ лицомъ. Мужъ назвалъ его капитаномъ Аѳанасьевымъ, а другого штабсъ-капитаномъ Желтковымъ.

Въ первую минуту я даже повѣрить не хотѣла, что этотъ лысый офицеръ, съ длиннымъ въ веснушкахъ лицомъ, былъ Желтковъ. Отъ Ѳомы я слышала, что Желтковъ умный, добрый, смѣлый, и воображала его съ красивымъ энергичнымъ лицомъ.

Мужъ, представляя его мнѣ, прибавилъ:

— Такой же книгоѣдъ, какъ и ты.

При этомъ Желтковъ улыбнулся, и улыбка на минуту скрасила его некрасивое лицо.

— А вотъ этотъ,—продолжалъ мужъ, тряся за рукавъ Аѳанасьева,—отличный хозяинъ: какой я сейчасъ пирогъ у него съ лаховиной ѣлъ!—при этомъ онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Ты зубы-то не заговаривай,—съ акцентомъ на «о» началъ Аѳанасьевъ.—Вотъ я сяду возлѣ молоденькой-то барыньки, да ей все про тебя и донесу.

И, сѣвъ на край кушетки, продолжалъ:

— Плохо вы, сударыня, держите въ рукахъ вашего мужа: пошаливаетъ онъ у васъ.

Но разговориться съ нимъ мнѣ мужъ не давалъ—торопилъ, чтобы я пошла распорядиться насчетъ закуски. Но когда я быстро поднялась съ кушетки, произошло нѣчто неожиданное: кушетка, какъ я уже говорила, была у насъ устроена изъ простой скамейки, и когда я встала, одинъ ея конецъ поднялся вверхъ, и Аѳанасьевъ, сидѣвшій на другомъ концѣ, полетѣлъ на полъ. Хотя онъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и вмѣстѣ со всѣми смѣялся надъ своимъ комич-

нымъ приключеніемъ, но видимо былъ сильно сконфуженъ и началъ предлагать мужу взять у него диванъ на подержанье.

Я отъ стыда горѣла, но мужъ не сконфузился, хвасталъ, что мы скоро получимъ съ имѣнья деньги и заведемъ себѣ бархатную мебель, и такой, какъ у насъ, мебели ни у кого въ полку не будетъ.

Мое же смущеніе все увеличивалось: я видѣла, что Лисицынъ стоитъ въ углу и разсматриваетъ образа.

«Сейчасъ увидитъ, что ризы на образахъ изъ фольги, и я солгала», но вспомнивъ, что подъ предлогомъ хозяйства могу уйти,— сейчасъ же убѣжала въ другую комнату. Пока я здѣсь съ Василисой устанавливала на подносъ водку и закуску, которая состояла изъ селедки и нѣсколькихъ, только что сжаренныхъ котлетъ, въ гостиной прибавился еще гость, нашъ батальонный адъютантъ Кировъ.

Это былъ красивый офицеръ съ темными вьющимися волосами и тонкимъ южнаго типа лицомъ. Одѣтъ онъ былъ во все новое и до того надушенъ какими-то крѣпкими духами, что, когда близко подходилъ, мнѣ дѣлалось дурно.

Несмотря на красивое лицо, Кировъ мнѣ сразу не понравился. Черты лица и небольшіе черные глаза имѣли жесткое выраженіе. Меня также обидѣло, что онъ не только съ нескрываемой насмѣшкой осматривалъ нашу мебель, но, описывая бальный костюмъ Варвары Львовны (жены нашего батальоннаго командира), замѣтилъ, что фасонъ надѣтаго на мнѣ платья носили два года тому назадъ.

Жену нашего майора онъ очень расхваливалъ и вообще хвасталъ своею близостью съ семействомъ майора Сверчкова, почти къ каждой фразѣ приплетая «мы съ майоромъ», «мы съ Варварой Львовной», и все интересовался узнать, когда я ей сдѣлаю визитъ, но съ другими дамами въ нашемъ батальонѣ знакомиться не совѣтовалъ.

— Здѣсь, кромѣ Варвары Львовны, ни одной дамы образованной нѣтъ,—говорилъ онъ,—а какъ одѣваются! Когда встрѣчаешься— стыдно поклониться.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался и Аѳанасьевъ.

— Да ужъ у насъ въ полку и дамы! Одна Аграфена Ивановна Блинова чего стоитъ! Сама мнѣ разсказывала, что когда новый командиръ прибылъ въ нашъ полкъ и дѣлалъ всѣмъ женатымъ офицерамъ визиты, въ томъ числѣ пріѣхалъ и къ Блиновымъ; къ ней, Аграфенѣ Ивановнѣ, какъ къ пожилой дамѣ, къ рукѣ подошелъ, «а я то,—разсказываетъ она,—хотѣла ему рученьку взадъ поцѣловать, да не далъ».

— Неужели это правда?—со смѣхомъ спрашивала я.

— Правда, правда!—со страдальческимъ выраженіемъ и качая головой, подтвердилъ Кировъ. Но тутъ заговорилъ все время молчавшій Желтковъ.

— Ничего тутъ нѣтъ особеннаго, если простая, какъ Аграфена Ивановна, женщина не знаетъ свѣтскихъ обычаевъ. Она разсудила такъ: если мужчина можетъ поцѣловать руку у женщины, то почему и ей у него не поцѣловать? А вы, Матвѣй Матвѣевичъ,—обернулся онъ къ Аѳанасьеву,—напрасно нападаете на Аграфену Ивановну, она хоть и не воспитанная, а лучше многихъ воспитанныхъ, главное, доброй души женщина.

— Она въ валенкахъ на вечера пріѣзжаетъ!—сказалъ Кировъ.

— Ну, такъ что же, если у нея въ ногахъ ревматизмъ?—улыбнулся Желтковъ.—Во всякомъ случаѣ она пара своему мужу: вѣдь и онъ изъ фельдфебелей—было бы даже странно, если бы у Блинова была другая жена.

— Вы вѣчно носитесь съ либерализмомъ,—замѣтилъ Кировъ.

— Не понимаю, при чемъ тутъ либерализмъ!—пожалъ плечами Желтковъ.—Безъ смысла изволите произносить слова.

— А вы будьте повѣжливѣе!—уже вызывающимъ тономъ сказалъ Кировъ.

Я испугалась, какъ бы они не поссорились. Мужъ сейчасъ же началъ ихъ обоихъ упрашивать итти къ столу закусывать. Къ счастью, дѣло обошлось безъ ссоры; только Аѳанасьевъ, но и то добродушнымъ тономъ, замѣтилъ Желткову.

— За что на меня ты взъѣлся? Я къ тому разсказалъ про Аграфену Ивановну, что она вовсе не компанія для Елены Вячеславовны: ей вотъ кто подруга—Марья Львовна, сестра нашей командирши, чудесная барышня! Только жаль, что жизнь ея у родственниковъ не сладка,—при Кировѣ скажу (хоть знаю, что онъ всѣ мои слова, да еще и съ прибавленіемъ, передастъ Варварѣ Львовнѣ): не хорошо съ нею обращаются Сверчковы, про майора ужъ я и не говорю, но и Варвара Львовна не лучше; хоть бы когда сестрѣ сдѣлала новое платье, а то молодую дѣвушку въ свои обноски одѣваетъ.

— Мы всѣ въ полку знаемъ, какъ ея сестра наравнѣ съ горничными и денщиками у нихъ чуть ли не съ дѣтства работаетъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, о Марьѣ Львовнѣ: она скоро за нашего аристократа замужъ выйдетъ,—съ какой-то особенной улыбкой, глядя на Аѳанасьева, сказалъ Кировъ.

У того при этихъ словахъ лицо побагровѣло и сдѣлалось злымъ.

— Экій языкъ-то у тебя проклятый!—произнесъ онъ со злобой:—и здѣсь хочется насплетничать.

А Кировъ, точно поддразнивая, продолжалъ:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Матвѣй Матвѣичъ, отбилъ у аристократа Марью Львовну, взялъ бы, да и женился на ней.

Аѳанасьевъ что-то хотѣлъ сказать въ отвѣтъ, но раздумалъ: только погрозилъ ему пальцемъ и пошелъ закусывать.

Но тутъ изъ угла раздался тихій голосъ Лисицына.

— Марьѣ Львовнѣ въ нашемъ полку замужъ не выйти—на ней нельзя жениться.

— Это отчего?—съ испуганнымъ уже лицомъ обернулся къ нему Аѳанасьевъ.

— Обезпеченья нѣтъ,—развелъ тотъ руками:—вотъ и я подходящей невѣсты не могу себѣ найти. Нѣтъ ли у васъ, Елена Вячеславовна, сестры, похожей на васъ?—и онъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила я сухо,—моей сестрѣ всего пять лѣтъ.

— Какъ разъ тебѣ подходящая по возрасту невѣста!—воскликнули въ одинъ голосъ Аѳанасьевъ и Кировъ и начали надъ нимъ трунить; а я уже не слушала ихъ—разговаривала съ Желтковымъ, жаловалась, что въ Финляндіи скучно.

— Не скучно, а тяжело въ настоящее время въ Финляндіи,—сказалъ тотъ.—Я думаю, вамъ извѣстно, что въ этомъ году здѣсь страшный голодъ. У насъ на островѣ онъ еще мало замѣтенъ; но зато въ Гельсингфорсѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете людей, съ истощенными отъ голоду лицами; они безъ словъ, только съ мольбой въ глазахъ, протягиваютъ вамъ руку. Между ними попадаются и интеллигентные,—тѣ не просятъ, но только на васъ смотрятъ, и какъ смотрятъ!.. Ужасно!—и Желтковъ при одномъ воспоминаніи вздрогнулъ плечами.

— Да, голодъ не тетка,—закусывая у стола, говорилъ Аѳанасьевъ:—сегодня, напримѣръ, прихожу въ казармы, а тамъ двѣ голодныя дѣвочки-чухонки готовы за кусокъ хлѣба...

— Капитанъ!—съ ужасомъ въ голосѣ прервалъ его Кировъ:—здѣсь дама!

Аѳанасьевъ съ испугу поперхнулся и, не будучи въ состояніи произнести ни слова, долго кашлялъ и махалъ по воздуху руками. Когда жеересталъ кашлять, подошелъ ко мнѣ и началъ извиняться:

— Простите, барынька, чуть-чуть при васъ не ляпнулъ.

Меня это извиненіе только сконфузило; кромѣ того, онъ мнѣ мѣшалъ слушать Желткова, который съ воодушевленнымъ лицомъ въ эту минуту говорилъ:

— Знаете ли, кто еще откликнулся на горе финляндцевъ? Это—наши русскіе, сердечные солдатики. Они сами предложили не доѣдать своихъ порцій и остатками кормить голодающихъ. Въ Гельсингфорсѣ въ каждой ротѣ ежедневно кормятся отъ тридцати до сорока человѣкъ финляндцевъ.

Желтковъ долго говорилъ о добротѣ нашихъ солдатъ. Не знаю, отъ его ли словъ или отъ звука его голоса, какого-то особеннаго, но мое сердце затрепетало и отъ гордости, а вмѣстѣ и отъ радости,

что я русская, и что у насъ такіе солдаты. Въ эту минуту я такъ была воодушевлена, что, казалось, и сама готова на всѣ жертвы и лишенія. И Аоанасьевъ видимо расчувствовался: подошелъ къ Желткову и, ласково потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— Ахъ, ты, Софья, Софья! по всѣмъ-то ты сохнешь, обо всѣхъ печалишься, смотри, братъ, только, чтобъ здоровья твоего хватило. Что же касается до финляндцевъ, то пусть и ко мнѣ въ роту сколько угодно ихъ приходитъ; безъ ѣды никого не отпустимъ. Мы ужъ и такъ имъ давно корзины кусковъ и крошекъ собираемъ.

— И я, ей-Богу, и я,—говорилъ и Лисицынъ,—сердце у меня доброе. Я не только чухонъ, но и своихъ офицеровъ выручаю, спросите у нихъ,—приставалъ онъ ко мнѣ, указывая на присутствующихъ.

У одного Кирова брезгливая улыбка не сходила все время съ губъ, и онъ уже нѣсколько разъ старался перемѣнить разговоръ. Наконецъ, всталъ и началъ прощаться.

— Обращаюсь въ бѣгство, какъ только услышу разговоръ о голодающихъ. Надоѣло, куда ни придешь, только о нихъ и говорятъ. Я же изъ тѣхъ, кто для голодныхъ танцуетъ и ѣстъ. А теперь это очень легко—въ Гельсингфорсѣ постоянно устраиваются обѣды и вечера въ пользу голодающихъ.

— А мы, давайте, за нихъ выпьемъ!—воскликнулъ мужъ.

VI.

Нигдѣ мнѣ не жилось такъ тоскливо, какъ первый мѣсяцъ на Скансландѣ. Не было ни книгъ, ни подходящихъ знакомыхъ, къ тому же и салопъ мой находился въ закладѣ, такъ что я и гулять не выходила.

Немногіе изъ товарищей мужа у насъ тогда бывали: забѣгалъ изрѣдка Аѳанасьевъ, еще рѣже Лисицынъ; Желтковъ послѣ перваго визита ни разу не былъ. Чаще всѣхъ приходили Смѣлковъ и Крюковъ. Послѣдній былъ старый товарищъ мужа (они еще юнкерами вмѣстѣ служили), а съ прапорщикомъ Смѣлковымъ мужъ познакомился и подружился уже на Скансландѣ. Этихъ обоихъ товарищей мужъ называлъ «славными ребятами», а я этихъ славныхъ ребятъ терпѣть не могла: они очень дурно вліяли на мужа; онъ отъ нихъ всегда приходилъ пьянымъ. Когда они къ намъ являлись, я избѣгала къ нимъ выходить, только высылала на подносѣ селедку и графинъ съ водкой. По мѣрѣ того, какъ изъ графина исчезала водка, бесѣда товарищей становилась все болѣе шумной.

Темою для разговора почти всегда была служба и критика полковыхъ порядковъ. Иногда у пьянаго мужа являлась фантазія требовать, чтобы и я сидѣла вмѣстѣ съ ними, забавляла ихъ и пила

водку. Иногда доходило до того, что они хотѣли меня насильно напоить. Въ подобныхъ случаяхъ я отъ нихъ спасалась бѣгствомъ изъ квартиры: бродила кругомъ дома или пряталась въ холодныхъ сѣняхъ.

Разъ, когда я тамъ стояла въ слезахъ и дрожала отъ холода, мимо меня прошла наша сосѣдка по квартирѣ, Ида Карловна Мальгренъ. Хотя было очень темно, но она меня все-таки замѣтила, подошла и, молча обнявъ, увела въ свою квартиру. Съ тѣхъ поръ я всегда въ тяжелыя минуты находила пристанище у Иды Карловны.

Къ сожалѣнію, я не могла съ ней по душѣ разговориться — она была шведка и совсѣмъ плохо говорила по-русски; но я никогда не забуду, какъ она старалась всегда меня обласкать, утѣшить и угостить, чѣмъ могла. Если я плакала, то и у Иды Карловны на глазахъ навертывались слезы, и, хлопая меня дружески по плечу, она говорила:

— Ахъ, бѣдный молёдой, зачѣмъ молёдой такъ рано жениться?

Мужа моего она называла «сатана пергала» [1]) и, не желая съ нимъ встрѣчаться, ни за что не хотѣла войти къ намъ въ квартиру.

Какъ теперь, помню чистенькую комнатку съ такими же, какъ у насъ (только не выкрашенными), табуретками, но зато у Мальгреновъ стоялъ и старинный комодъ и шведская качалка, на которой я очень любила качаться; мнѣ нравилось, что у нихъ полъ, по финляндскому обычаю, всегда былъ усыпанъ зеленымъ, мелко нарубленнымъ ельникомъ.

Ида Карловна такъ меня прятала, что сначала не хотѣла пускать въ ту комнату, гдѣ я у нея сидѣла, даже своего добродушнаго мужа, котораго всѣ наши офицеры звали «папкой», а Ида Карловна, несмотря на его пятьдесятъ лѣтъ, называла «пойкой» [2]).

Мальгрены очень дружно жили между собою, никогда я не слышала, чтобы они ссорились или даже кричали на денщика: характеръ у обоихъ былъ спокойный и молчаливый; только любили говорить объ умершей, еще въ дѣтствѣ, дочери и считали большимъ несчастьемъ, что у нихъ не было больше дѣтей.

Постоянно жить съ Мальгренами, конечно, было бы тоскливо, но прибѣжать къ нимъ на нѣсколько минутъ послѣ шума пьяной компаніи я находила большимъ удовольствіемъ. У насъ же въ квартирѣ, если мы сами не ссорились, то Василиса за что нибудь грызла Ѳому. Она очень тосковала и по родинѣ и по своей кошкѣ, которую, уѣзжая, оставила у кумы, вслѣдствіе этого сердилась не только на меня (главную, какъ она думала, виновницу своей

[1]) Чортъ проклятый.

[2]) Мальчикъ.

поѣздки въ Финляндію), но и на Ѳому, котораго съ первыхъ же дней не взлюбила за то, что я съ нимъ больше, чѣмъ съ ней, разговаривала и учила того писать. Даже не разъ подводила она его подъ побои, особенно тогда, когда я убѣгала отъ пьянаго мужа къ Идѣ Карловнѣ, а тотъ начиналъ ее разспрашивать, гдѣ я спряталась. Василиса въ этомъ случаѣ говорила:

— Спросите Ѳому, ему барыня все говоритъ.

Но Ѳома и подъ побоями ни разу меня не выдалъ, все повторялъ одно:

— Мимо барыня пробѣжали, а куда—не могимъ знать.

Часто Ѳома мнѣ на нее жаловался:

— Житья, сударыня, нѣтъ отъ Василисы Дементьевны,—поѣдомъ заѣла.

Но что я могла сдѣлать, когда и сама ея боялась, особенно когда она прибѣгала съ озлобленнымъ лицомъ и требовала немедленно ее разсчитать и на нашъ счетъ отправить на родину. Денегъ же у насъ въ то время хватало развѣ только на одну водку (на водку у мужа всегда оказывались деньги), жили же мы, большею частью, впроголодь.

Такимъ образомъ шла наша жизнь на Скансландѣ.

Иногда я думала, что отъ тоски съ ума сойду, приходила въ отчаянье и громко жаловалась на судьбу. Мужъ въ этихъ случаяхъ читалъ правоученія, которыя меня еще больше раздражали. Онъ совѣтовалъ развлекать себя хозяйствомъ, помогать Ѳомѣ готовить кушанья, приводилъ въ примѣръ другихъ женъ, которыя находятъ удовольствіе въ хозяйствѣ и заботахъ о мужѣ, и, указывая на Сашу, говорилъ:

— Вотъ тебѣ и развлеченіе!

Я обижалась больше всего, когда онъ начиналъ увѣрять, что сынъ мнѣ уже надоѣлъ, и я рада воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ спихнуть его на руки Василисѣ или Ѳомѣ. Это было больное мое мѣсто, такъ какъ въ словахъ мужа была нѣкоторая доля и правды. Хотя я и очень любила своего мальчика, и только ради его жила съ нелюбимымъ мужемъ, но должна сознаться, что въ одномъ материнствѣ не находила счастья, нянчить же и забавлять ребенка не умѣла и не любила. Между тѣмъ, пока Ѳома не привыкъ готовить кушанья, и Василиса почти все время находилась въ кухнѣ, Саша былъ предоставленъ однимъ моимъ попеченіямъ. Не часы, а цѣлые дни ходила я съ нимъ по нашимъ вѣчно сумрачнымъ комнатамъ, смѣялась, стучала въ окно, подпрыгивала, а въ это время меня ѣла такая тоска, что каждую минуту я готова была расплакаться. Утомляло меня больше всего то, что я должна была всѣ свои мысли сосредоточивать только на одномъ ребенкѣ; ни для чтенія, ни даже для другихъ мыслей не было времени. А я только въ чтеніи и мечтахъ находила тогда жизнь.

Когда Саша засыпалъ, я уже чувствовала себя такъ утомленной, что сейчасъ же и сама ложилась спать. Одно время на меня напала такая спячка, что я, кажется, больше ни о чемъ не думала, какъ только спать и спать.

VII.

Но я совершенно ожила съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Никандровичъ Желтковъ началъ у насъ часто бывать. Гость онъ былъ исключительно мой: мужъ, находя его скучнымъ, при немъ никогда не оставался дома.

— Что съ нимъ дѣлать?—говорилъ онъ:—не пьетъ, въ карты не играетъ—одна тощища.

Тѣмъ, что Желтковъ началъ бывать у насъ, я была обязана Ѳомѣ, который столько наговорилъ ему обо мнѣ, что тотъ захотѣлъ ближе меня узнать и зашелъ запросто.

Помню, это было въ раннія зимнія сумерки. Мужа не было дома. Саша уснулъ, я тоже собиралась послѣдовать его примѣру. Вдругъ вбѣгаетъ Василиса съ вѣстью, что къ намъ пришелъ въ гости Желтковъ. Привычка много спать была уже у меня такъ сильна, что въ первую минуту приходъ Желткова мнѣ даже былъ непріятенъ. Но зато, когда я съ нимъ провела нѣсколько часовъ, я уже не могла и нарадоваться, что онъ къ намъ зашелъ. И о чемъ только мы въ тотъ вечеръ не поговорили! Я была поражена его начитанностью, ученостью и сразу произвела его чуть не въ геніи. Моя давнишняя мечта познакомиться съ образованнымъ человѣкомъ наконецъ исполнилась.

Правда, Желтковъ не былъ серьезно-образованнымъ человѣкомъ—не кончилъ даже гимназіи,—но любилъ читать и стремился къ самообразованію. Замѣчательно было въ немъ его доброе сердце, отзывчивое на всякое горе. Когда нужно было помочь чѣмъ нибудь или похлопотать за кого, тутъ ужъ Сергѣй Никандровичъ не разсуждалъ—пострадаетъ ли онъ самъ при этомъ, тактично ли будетъ его вмѣшательство и т. д. Онъ не только не допускалъ въ своей ротѣ какихъ либо злоупотребленій, но волновался и страдалъ, если ихъ замѣчалъ даже и въ чужихъ; при этомъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, даже дерзокъ. Зная все это за собой, Желтковъ на свою военную службу смотрѣлъ, какъ на нѣчто шаткое, и на всякій случай, чтобы не остаться безъ средствъ къ существованію, всегда что нибудь изучалъ. Въ полку онъ слылъ за неспокойнаго офицера и слабаго ротнаго командира, который распускаетъ солдатъ. Послѣ же одного случая, который я сейчасъ разскажу, иные говорили, что онъ не нормаленъ.

Разъ, уѣзжая въ Гельсингфорсъ, Желтковъ оставилъ при своей квартирѣ только что зачисленнаго къ нему молодого солдатика. За стѣной съ Желтковымъ жилъ другой офицеръ. Тотъ въ

этотъ вечеръ сидѣлъ дома, и къ нему пришелъ товарищъ. Пьютъ чай, разговариваютъ. Вдругъ, слышатъ, за стѣной, въ спальнѣ Желткова со звономъ щелкнулъ замокъ.

— Кто это можетъ быть?—прислушиваясь, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Желтковъ въ Гельсингфорсѣ, а въ его спальнѣ кто-то сундукъ отпираетъ.

Заподозрѣвъ воровство, офицеры немедленно отправились въ квартиру Желткова и вошли такъ тихо, что солдатъ не успѣлъ даже отскочить отъ открытаго сундука. Захваченный врасплохъ, онъ не сталъ и запираться: упалъ офицерамъ въ ноги и слезно упрашивалъ не губить—простить на первый разъ.

Офицеры остались неумолимы и сдѣлали распоряженіе объ арестѣ, но солдата еще не увели изъ квартиры, когда вернулся Желтковъ. Увидавъ своего барина, онъ и ему со слезами повалился въ ноги. Между тѣмъ офицеры разсказали, какъ они на мѣстѣ преступленія застали вора. Но Желтковъ вмѣсто того, чтобы обвинить денщика, набрасывается на нихъ, зачѣмъ такъ напугали солдата, что тотъ съ испугу даже клевещетъ на себя; и тутъ же заявилъ, что ключи денщику онъ самъ передалъ, и что тотъ получилъ отъ него право запирать и отпирать всѣ замки, находящіеся въ его квартирѣ. Всѣ были увѣрены, что Желтковъ покрылъ вора, чтобы спасти того отъ наказанія; вслѣдствіе его заявленія солдатъ не былъ арестованъ и остался попрежнему у него денщикомъ. Изъ разсказовъ Ѳомы я знала, что солдатъ съ тѣхъ поръ такъ привязался къ своему барину, что готовъ положить за него свою душу. Впослѣдствіи, когда мы съ Сергѣемъ Никандровичемъ сдѣлались друзьями, и моя семейная жизнь для него не стала уже тайной, онъ и мнѣ совѣтовалъ примѣнять въ жизни эту же теорію—исправлять людей только кротостью и любовью къ нимъ.

— Если бы вы истинно любили вашего мужа,—говорилъ онъ,— вы имѣли бы на него большое вліяніе; онъ тогда пересталъ бы пить и могъ бы сдѣлаться совсѣмъ другимъ человѣкомъ: не только такихъ людей, какъ вашъ мужъ, но даже злодѣевъ исправляла любовь.

За подобныя слова я сердилась, спорила, но были минуты, когда я сознавала, что онъ правъ... Я вообще дорожила знакомствомъ Сергѣя Никандровича, но больше всего дорожила тѣмъ, что могла отъ него позаимствоваться знаніями. Я такъ хотѣла все знать, всему выучиться! Благодаря ему, у меня завелись разные учебники, я перестала скучать и даже какъ будто примирилась со своей грустной семейной обстановкой. Теперь, даже няньча Сашу, я всегда что нибудь зубрила; если нельзя было заниматься днемъ— училась ночью. Конечно, въ этомъ случаѣ не обходилось безъ ссоръ съ мужемъ.

Въ первый разъ, когда я ночью ушла изъ спальни въ гостиную и начала при свѣчкѣ читать, мужъ разсердился, вскочилъ съ

постели и, потушивъ свѣчку, приказалъ мнѣ итти спать. Другой разъ, вырвалъ книгу изъ моихъ рукъ, зажогъ и держалъ, пока она вся не покрылась пламенемъ. Но въ этомъ случаѣ моя воля оказалась сильнѣе, чѣмъ его: несмотря ни на что, я все-таки, какъ онъ выражался, корпѣла надъ книгами. Мужъ перенесъ злобу на Желткова и, встрѣчаясь съ нимъ, такъ иногда былъ не любезенъ, что я опасалась, какъ бы тотъ не обидѣлся и не пересталъ у насъ бывать, а я всегда ожидала его прихода, какъ праздника.

Изъ окна кухни Ѳома первый его увидитъ и сейчасъ же закричитъ:

— Барыня, нашъ гость къ тобѣ идетъ!

И, не ожидая моихъ распоряженій, ставитъ самоваръ, бѣжитъ въ казармы за булками, которыя онъ умудрялся доставать у кого-то въ долгъ. Василиса неохотно, ворча что-то себѣ подъ носъ, поднимается съ мѣста, чтобы зажечь вторую сальную свѣчку и поставить въ гостиной на столъ.

А я, хотя и увѣрена, что вовсе не кокетничаю съ Сергѣемъ Никандровичемъ, все же бѣгу къ зеркалу поправить волосы и перемѣнить свѣжій воротничекъ и рукавчики.

— Неужели опять спите?—спрашиваетъ за дверями мягкій мужской голосъ.

— Съ чего вы это взяли? Вовсе не сплю,—и я радостная выбѣгаю въ гостиную и протягиваю ему обѣ руки.

Сергѣй Никандровичъ долго не выпускаетъ моихъ рукъ; по его лицу мнѣ кажется иногда, что онъ мною любуется, хотя никогда не скажетъ ни одного комплимента. Разъ, желая его вывести на откровенность, я спросила:

— Неужели вы никогда не были влюблены?

Онъ ужасно смутился и только черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ:

— Развѣ можетъ меня женщина полюбить? Вѣдь я уродъ.

По его лицу было видно, что онъ ждалъ отвѣта, но я не нашлась отвѣтить и только упрекала себя, затѣмъ такъ нетактично затронула его больное мѣсто. Но, и кромѣ любви, у насъ много о чемъ было поговорить. Больше всего онъ любилъ мнѣ разсказывать о своихъ солдатахъ, онъ особенно няньчился съ новобранцами. Помню, къ нему прислали двухъ литвиновъ, не знавшихъ ни слова по-русски... И какъ онъ былъ счастливъ, что знаетъ хотя немножко по-литовски и можетъ съ ними поговорить.

— Если бы вы знали,—разсказывалъ Желтковъ,—какъ ихъ лица всегда просіяютъ, когда они слышатъ родную рѣчь... приду въ роту; они, какъ дѣти, ко мнѣ бѣгутъ. Ужъ у меня-то фельдфебель не обидитъ новобранца!—прибавлялъ онъ съ гордостью.

VIII.

Прожили мы на Скансландѣ три мѣсяца, а мой лисій салопъ и визитное платье все еще находились въ закладѣ. Вслѣдствіе этого я не только никому изъ дамъ, но даже женѣ нашего батальоннаго командира, Варварѣ Львовнѣ, не могла сдѣлать визита. А она, между тѣмъ, уже не разъ освѣдомлялась у нашихъ общихъ знакомыхъ, почему я до сихъ поръ у нея не была. Что же касается моего мужа, то онъ былъ увѣренъ, что изъ-за этого же визита майоръ началъ на ученьяхъ къ нему придираться.

Наконецъ, крестьяне выслали намъ остальные за лужокъ сто рублей, и мы, что называется, воспрянули духомъ: заплатили долги, выкупили изъ залога нѣкоторыя вещи и теперь уже могли сдѣлать визитъ и Сверчковымъ. По случаю этого визита я нѣсколько дней была поглощена обновленіемъ своего визитнаго костюма. Чтобы размѣнять русскія деньги на финскія, мужу пришлось съѣздить въ Гельсингфорсъ, откуда онъ мнѣ привезъ новую шляпку, а себѣ купилъ перстень, дутый, съ дешевымъ камнемъ и увѣрялъ всѣхъ, что это—фамильная драгоцѣнность.

По дорогѣ къ Сверчковымъ мы опять поспорили: мужъ началъ меня учить, какъ я должна себя держать въ гостяхъ.

— Все больше помалкивай,—говорилъ онъ,—что увидишь, ничему не удивляйся, какъ будто ты все уже видѣла, и тебѣ все — наплевать. Если будутъ спрашивать, была ли ты въ оперѣ въ Петербургѣ, говори—была. Я буду хвалить Лукку; а ты со мной спорь, доказывай, что Патти лучше поетъ... Эхъ, жаль, что въ бытность нашу въ Петербургѣ я съ собой афишъ не захватилъ, теперь ими можно было бы и шикнуть.

Я не соглашалась лгать и говорила, что онъ ставитъ меня въ глупое положеніе, заставляя спорить о пѣвицахъ, когда я ни одной изъ нихъ не видѣла и не слышала и сама никогда въ театрѣ не была.

Мужъ обидѣлся и замолчалъ; только, когда мы уже подошли къ квартирѣ Сверчковыхъ, искоса взглянувъ на меня, колко замѣтилъ:

— Хоть шляпку поправьте, она у васъ на боку.

Дверь намъ отворилъ денщикъ; онъ былъ безъ сюртука и, вѣроятно, оторванный отъ плиты, красенъ, какъ изъ бани. Въ это же время изъ комнатъ къ намъ донесся сердитый женскій голосъ:

— Не могъ, скотина, сюртука надѣть!

Въ передней сильно пахло жаренымъ мясомъ, и возлѣ вѣшалки для верхнихъ платьевъ стояла прилично одѣтая въ бѣломъ каленкоровомъ передникѣ и черномъ платьѣ горничная-чухонка. Она намъ съ привѣтливой улыбкой присѣла и сняла съ меня салопъ.

Въ гостиной никого не было. Пришлось стоять нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ изъ боковыхъ дверей къ намъ выбѣжалъ Кировъ. Онъ здѣсь видимо былъ, какъ дома: просилъ садиться, курить и объявилъ, что Варвара Львовна переодѣвается и сейчасъ выйдетъ.

— Я,—говорилъ Кировъ,—только-что со стекла рисунокъ для Варвары Львовны снималъ. Хотите, покажу? — и, не дожидаясь отвѣта, побѣжалъ въ другую комнату, а я начала разсматривать гостиную.

Въ сравненіи съ нашей она была великолѣпна: мягкая мебель, обитая синимъ шерстянымъ рипсомъ, въ простѣнкѣ трюмо, на полу передъ диваномъ бархатный коверъ, у стѣны рояль...

— Какая роскошь!—невольно вырвалось у меня.

— Я, кажется, васъ предупреждалъ,—ѣдко и шопотомъ началъ мужъ:—что только деревенщина всему удивляется, а вы...

Но онъ вдругъ замолчалъ—на порогѣ въ красномъ пеньюарѣ, съ сильно напудреннымъ лицомъ, стояла величественная фигура Варвары Львовны.

Съ любезной улыбкой и грозя пальцемъ, она говорила:

— Пора, давно пора—изволили съ визитомъ запоздать къ начальству.

Мужъ началъ что-то говорить въ наше оправданье, но та прервала его.

— Знаю,—значительно произнесла она и такъ взглянула на мое платье, что я подумала, не сказалъ ли ей кто нибудь, что оно было въ закладѣ.

Подойдя ко мнѣ ближе, она замѣтила:

— Да она у васъ совсѣмъ дѣвочка! Я не дала бы ей и пятнадцати лѣтъ.

— Старуха, скоро восемнадцать стукнетъ! — съ самодовольной улыбкой произнесъ мужъ, почтительно подходя къ рукѣ командирши.

— Николай Петровичъ,—обратилась та къ вошедшему, съ рисункомъ въ рукахъ, Кирову,—скажите Машѣ, чтобы она выслала шведскаго пунша и бисквитовъ, потомъ можетъ и сама къ намъ притти.

Я догадалась, что она говоритъ о своей младшей сестрѣ, о которой я уже много слышала, въ особенности отъ Аѳанасьева, и съ любопытствомъ начала ожидать ея появленія въ гостиной. Между тѣмъ Варвара Львовна лѣниво опустилась въ кресло и сентиментально произнесла:

— Я тоже, какъ и вы, рано замужъ вышла, а вотъ теперь и раскаиваюсь,—помолчавъ немного, продолжала:— и вамъ, молодая барынька, не совѣтую баловать вашего мужа, главное, сначала заберите его покрѣпче въ руки.

При этомъ совѣтѣ мужъ даже со стула приподнялся.

— Позвольте, атанде,—съ улыбкой началъ онъ,—вы такъ, чего добраго, мою половину испортите. Развѣ забыли: «жена да боится своего мужа»?

— Ну, мало ли что!—засмѣялась Варвара Львовна:—мы, жены, понимаемъ это наоборотъ... Кромѣ шутокъ, господа, не хорошо, когда мужья не слушаютъ совѣтовъ умныхъ женъ. Вотъ, хотя бы и мой мужъ: всѣ знаютъ, что онъ добрый, честный человѣкъ, а никогда не умѣлъ, гдѣ нужно, за себя постоять. Подумайте, его товарищи уже давно произведены въ полковники, командуютъ полками, ихъ жены не то, что я здѣсь, живутъ настоящими барынями. А мой мужъ до сихъ поръ майоръ и сюда на островъ, словно въ ссылку, сосланъ...

Въ это время изъ передней раздался звонъ шпоръ и нѣжный мужской голосъ:

— Варенька, не нападать на меня! — и тщедушная фигура майора Сверчкова черезъ минуту появилась въ гостиной.

Раньше я слышала, что майоръ—человѣкъ въ высшей степени нервный и капризный и своими капризами больше всѣхъ изводитъ сестру Варвары Львовны, которую Сверчковы уже давно взяли вмѣсто дочери. Но теперь, когда я смотрѣла на него, всѣ эти слухи казались невѣроятными: до того онъ былъ веселъ, милъ и любезенъ. Мнѣ наговорилъ кучу любезностей, а своей женѣ поминутно цѣловалъ руки и всѣ ея обидныя для него слова обращалъ въ шутку. Какъ нѣкоторые старички, онъ любилъ прихвастнуть своими бывшими побѣдами надъ женскими сердцами и только что началъ мнѣ разсказывать, какъ одна молоденькая барынька предлагала ему увезти ее отъ мужа, какъ Варвара Львовна перебила разсказъ:

— Андрей, надѣта ли на тебѣ теплая фуфайка? Вѣдь это онъ только при васъ такъ храбрится, — обратилась она ко мнѣ, — а уйдете—сейчасъ же заноетъ: «и то болитъ и другое болитъ. Варя, посмотри у меня языкъ». А желудокъ у него, дѣйствительно, совсѣмъ не варитъ.

Разсказъ жены о его нездоровьѣ видимо не нравился майору: онъ нѣсколько разъ пытался ее остановить и, выбравъ удобную минуту, когда та на насъ не смотрѣла, успѣлъ шепнуть:

— Варенька до сихъ поръ ревнива и при молоденькихъ всегда меня хоронитъ.

Мнѣ же казалось, что ее интересовало совсѣмъ другое: теперь она спросила, не забылъ ли онъ опять справиться, какимъ стоитъ по списку майоромъ.

— Не дождусь, когда буду подполковницей!—не то шутя, не то серьезно говорила она, а майоръ подбѣгалъ къ ней, опять цѣловалъ ей руку и увѣрялъ, что теперь онъ ужъ изъ вѣрныхъ источниковъ знаетъ, что въ это производство будетъ произведенъ, но та въ отвѣтъ грустно качала головой:

— Боюсь за тебя, Андрей, мнѣ давно доктора говорятъ, что у тебя чахотка... Чего добраго, поднесешь сюрпризъ: умрешь, не выслуживъ полной пенсіи.

Майоръ началъ высчитывать, сколько въ случаѣ его смерти жена получитъ пенсіи.

Приходъ двухъ ротныхъ командировъ прекратилъ похоронный разговоръ. Увидавъ ихъ, Варвара Львовна оживилась и весело закричала:

— Распекать васъ будетъ командирша, распекать! Штабсъ-капитанъ Лисицынъ, почему у васъ въ крупѣ оказался песокъ? А у васъ, капитанъ Аѳанасьевъ, вчера былъ совсѣмъ сырой хлѣбъ.

— Ручку-то прежде позвольте поцѣловать,—басилъ Аѳанасьевъ.

— Ужъ и мнѣ позвольте!—тоненькимъ голоскомъ вторилъ Лисицынъ, и оба въ одно время ловили ея руку.

Черезъ нѣсколько времени Варвара Львовна отвела Аѳанасьева къ окну и начала съ нимъ о чемъ-то по секрету разговаривать. Къ намъ донеслась одна громко произнесенная фраза:

— Да, если бъ у меня былъ другой мужъ.

— А я-то чѣмъ худъ?—брякнувъ шпорами, удивился майоръ.

— Дуракъ,—послѣдовалъ спокойный отвѣтъ.

— Шутница она у меня, а въ молодости красавица была.

Видя, какъ Варвара Львовна третируетъ своего мужа, мнѣ стало жаль бѣднаго майора, но не надолго: я скоро въ немъ разочаровалась.

Горничная внесла на подносѣ, въ вычурномъ графинѣ, пуншъ и въ высокой стеклянной вазѣ кондитерское печенье. Вслѣдъ за нею робко вошла невысокаго роста, въ синемъ полинявшемъ шерстяномъ платьѣ молодая барышня, лѣтъ двадцати. Мнѣ сразу понравилось ея милое лицо, русскаго типа, съ кроткимъ выраженіемъ. Особенно были красивы большіе, голубые глаза и пушистые бѣлокурые волосы, заплетенные въ толстую, но не длинную косу. Тутъ и произошла та маленькая сценка, послѣ которой я перестала считать майора добрымъ человѣкомъ.

Входя въ гостиную, Марья Львовна не заперла за собою дверь, и Сверчковъ раздраженнымъ тономъ приказалъ ей запереть; та вернулась и притворила дверь.

— Не такъ!—опять закричалъ майоръ:—на ручку запри.

Марья Львовна снова вернулась и заперла, какъ онъ приказалъ.

— Не можешь не стукнуть! — со злобой въ лицѣ произнесъ тотъ:—зачѣмъ послѣ этого васъ, дармоѣдовъ, въ домѣ держать?

И, обращаясь ко мнѣ, началъ жаловаться, какъ непріятно имѣть въ домѣ взрослыхъ дѣвицъ.

— Возьмешь, чтобы въ хозяйствѣ помощницей была, а она только думаетъ о выѣздахъ и нарядахъ.

На эту сценку никто, казалось, не обращалъ вниманія, но, когда меня знакомили съ Марьей Львовной, у той въ глазахъ еще блестѣли слезы.

Не понравилось мнѣ и обращеніе Варвары Львовны съ сестрой: она какъ будто хвалила ее, но было замѣтно, что не прочь спихнуть съ своихъ рукъ.

— Вотъ,—начала она,—и хорошая дѣвушка моя Маша, а замужъ не выходитъ, и все оттого, что обезпеченья нѣтъ.

Начался общій разговоръ, можно ли офицеру, хотя и въ двадцать восемь лѣтъ, жениться безъ приданаго; всѣ присутствующіе мужчины (исключая Аѳанасьева, который молчалъ) сказали «нельзя». Громче всѣхъ говорилъ Кировъ, объясняя, что если станетъ давиться, то только на золотой петлѣ: «меньше двухсотъ тысячъ не женюсь».

— Значитъ, моя Маша не выйдетъ замужъ,—со вздохомъ произнесла Варвара Львовна.

Тутъ ея сестра тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ замѣтила:

— Неужели, Варя, у тебя нѣтъ другихъ разговоровъ, какъ только о моемъ замужествѣ?

Та съ удивленіемъ взглянула на сестру.

— Что жъ опять обидѣлась? Хотя ты намъ и порядочно стоишь, но я, кажется, никому тебя не навязываю и за кого нибудь еще и не отдамъ: во-первыхъ, ты столбовая дворянка. Впрочемъ (тутъ Варвара Львовна обернулась въ сторону, гдѣ сидѣли Аѳанасьевъ съ Лисицынымъ), вы, господа офицеры, не очень-то обращаете вниманіе на происхожденіе жены, вамъ только бы за ней деньги взять. Теперь въ обществѣ я не всякой еще нашей дамѣ и руку подамъ...

Варвара Львовна, кажется, еще многое хотѣла сказать, но ее прервалъ Лисицынъ, онъ сидѣлъ у окна и объявилъ, что Бобровъ на извозчикѣ подъѣхалъ.

Въ эту минуту я случайно взглянула на Марью Львовну и не могла не замѣтить, что это извѣстіе сильно на нее подѣйствовало: она сначала поблѣднѣла, какъ полотно, потомъ все ея лицо покрылось красными нервными пятнами. Она подбѣжала къ окну, заглянула въ него и сейчасъ же бѣгомъ бросилась изъ гостиной.

— Не безпокойтесь, не для васъ этотъ женихъ,—довольно громко и съ насмѣшкой проговорилъ ей вслѣдъ майоръ.

— Андрей!—раздался властный голосъ его жены, и при этомъ она даже ударила кулакомъ по столу.

Майоръ опять заговорилъ со мною.

— Если вы понравитесь Боброву, то недолго останетесь на островѣ, какъ разъ вашего мужа переведутъ въ Гельсингфорсъ.

Мнѣ его тонъ и слова не понравились. Я встала и начала прощаться, но Варвара Львовна ни за что не хотѣла отпустить насъ, не показавъ мнѣ ихъ полкового аристократа:

— Вы только посмотрите на него, какой красивый, умный, воспитанный, въ него всѣ дамы влюбляются, даже говорятъ, что жена нашего полкового командира къ нему не равнодушна, а у нея вся голова сѣдая.

Мужъ дернулъ меня за платье, чтобы я сѣла. Въ гостиную, между тѣмъ, уже вошелъ молодой, изящный офицеръ. Варвара Львовна съ любезными словами пошла навстрѣчу гостю, и все общество сейчасъ же его окружило. Одна Марья Львовна стояла въ сторонѣ и, видимо, ждала, чтобы гость къ ней самъ подошелъ. Она уже успѣла напудрить себѣ лицо, и у нея на шеѣ появился розовый галстучекъ. По всему было видно, что Бобровъ здѣсь пользуется большимъ почетомъ. И у меня, не знаю почему, забилось сердце, когда я увидѣла, что Варвара Львовна направляется съ нимъ въ мою сторону.

— Владимиръ Александровичъ Бобровъ,—наша новая полковая дама Елена Вячеславовна Никонова,—представила она насъ другъ другу и продолжала:—не правда ли, не похожа на даму? совсѣмъ дѣвочка!

— Какова барынька-то въ моемъ батальонѣ!—говорилъ возлѣ меня и майоръ...

Большіе, черные глаза Боброва встрѣтились съ моими; свои глаза я сейчасъ же опустила, но все-таки успѣла замѣтить, что у него замѣчательно красивое и выразительное лицо. Не могла я также не замѣтить, что онъ, разговаривая съ другими, поминутно посматривалъ на меня; эти взгляды доставляли мнѣ какое-то особенное, жгучее удовольствіе. Чарующимъ образомъ дѣйствовалъ на меня и его голосъ и та изящная, свѣтская простота манеръ, которая для меня была нова и выдѣляла его изъ остального общества.

Когда Бобровъ на чей-то вопросъ: «весело ли онъ проводитъ время?» произнесъ уставшимъ голосомъ: «мнѣ все и всѣ надоѣли», я сейчасъ же сравнила его съ Печоринымъ и Онѣгинымъ.

Только разъ я вмѣшалась въ разговоръ, когда Варвара Львовна жаловалась, что начала читать въ одномъ изъ новыхъ журналовъ романъ и никакъ не можетъ достать продолженія.

Едва справляясь съ волненіемъ, я сказала:

— И я не могу на островѣ достать ни одного новаго журнала, хотя г. Желтковъ очень для меня хлопоталъ объ этомъ.

— Да, у насъ въ полку еще нѣтъ настоящаго порядка въ раздачѣ книгъ,—уже исключительно ко мнѣ обратился Бобровъ:—новые журналы всегда захватываютъ штабные, а главное, многіе и не читаютъ ихъ, а только любятъ, чтобы книги лежали у нихъ на столахъ.—Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—если позволите, я пришлю вамъ послѣднюю книжку «Русскаго Вѣстника».

Я вспыхнула и еще не успѣла его поблагодарить, какъ Аѳанасьевъ вмѣшался въ нашъ разговоръ:

— Хоть бы вы, Владимиръ Александровичъ, въ нашей библіотекѣ порядокъ завели, а то я навѣрно знаю, что книжки у насъ зачитываются. Вотъ, хоть бы Степановъ откуда-то набралъ цѣлый шкафъ книгъ, говоритъ—на аукціонахъ скупаетъ; а я думаю, что между покупными есть и наши... онъ собирается скоро въ отставку выходить и библіотеку въ какомъ-то уѣздномъ городѣ откроетъ—говоритъ: «хоть съ рыла двадцать копеекъ буду брать,—все же дѣтишкамъ на молочишко».

Тонкая улыбка пробѣжала по губамъ Боброва...

— А вы, Матвѣй Матвѣевичъ, — обратился онъ къ Аѳанасьеву,—читаете что нибудь, кромѣ приказа?

— Нѣтъ,—откровенно признался тотъ,—я всякое чтеніе до отставки оставляю. Когда выйду, дѣлать нечего будетъ, вотъ тогда за книги отъ скуки и примусь, а теперь, какъ услышу про интересную книжку, сейчасъ ее и покупаю. Ужъ очень Желтковъ какого-то Бокля хвалилъ,—непремѣнно куплю.

— И прочтете его только черезъ пятнадцать лѣтъ?

— Да, тогда и прочту,—не замѣтивъ насмѣшки, повторилъ Аѳанасьевъ.

Мои глаза опять встрѣтились съ глазами Боброва, и, понимая другъ друга, мы оба улыбнулись.

Мужъ нѣсколько разъ дергалъ меня за платье, давая знать, что пора уходить; но мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что, даже рискуя получить дома нотацію, я все сидѣла и сидѣла...

Кто-то изъ присутствующихъ обратилъ вниманіе майора на кучку солдатъ, собравшихся на плацу, и все общество подошло къ окнамъ.

Только я и Бобровъ остались на своихъ мѣстахъ. Онъ сейчасъ же со своего стула наклонился въ мою сторону и вполголоса произнесъ:

— Когда я еще не имѣлъ счастья быть вамъ представленнымъ, я уже много слышалъ о васъ отъ Сергѣя Никандровича и даже читалъ одно изъ вашихъ стихотвореній «Обручальное кольцо». Прекрасная вещь!

Не могу описать того блаженства, которое я испытывала при этихъ словахъ. Лицо мое пылало, губы разъѣзжались въ улыбку, а глаза, чтобы скрыть свой восторгъ, я догадалась опустить.

Когда же я ихъ подняла, то они встрѣтились съ устремленными на насъ глазами Марьи Львовны, а въ нихъ было столько горя, отчаянія, что мнѣ стало не ловко и даже тяжело. Вѣроятно, и Бобровъ испыталъ эту же неловкость, потому что сейчасъ же всталъ со стула и, подойдя къ ней, началъ тихо что-то говорить. Черезъ

минуту они вдвоемъ удалились въ сосѣднюю комнату, а я начала прощаться.

Въ передней я опять увидѣла Боброва; онъ выбѣжалъ проститься и, взявъ отъ горничной мой салопъ, накинулъ мнѣ на плечи. На прощанье онъ долго трясъ руку моего мужа и упрашивалъ заходить къ нему, когда тотъ будетъ въ Гельсингфорсѣ.

— Я ему нравлюсь, все это для меня,—повторяла я мысленно и, какъ въ чаду, вышла изъ квартиры Сверчковыхъ.

IX.

Сашу ли я укачивала, оставалась ли одна,—мои мысли были заняты Бобровымъ. Пылкое воображеніе успѣло украсить его всѣми достоинствами; я не только была увѣрена, что онъ красивъ, уменъ, но также и добръ, и великодушенъ, и что онъ именно есть тотъ человѣкъ, котораго мнѣ суждено на всю жизнь полюбить, и который разлучитъ меня съ мужемъ.

Теперь на всѣхъ клочкахъ бумаги я писала стихи съ заглавіемъ «Къ нему». Помню только одно изъ нихъ. Оно начиналось такъ:

«Тебѣ хотѣла бъ я открыть
Печаль души моей младой.
О, если бъ могъ ты полюбить
Меня, какъ другъ иль братъ родной,—
Тебѣ съ открытою душой
Я все бъ безъ лжи передала,
И сердцу, полному тоской,
Участье и совѣтъ нашла» и т. д.

Теперь, занятая своею любовью, я уже не такъ интересовалась книгами, а когда приходилъ Желтковъ, разговаривала съ нимъ не о нихъ, а о Бобровѣ. Мнѣ было досадно, что Сергѣй Никандровичъ нѣсколько сухо о немъ отзывался, но все-таки онъ сказалъ, что Боброва считаетъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и воспитанныхъ офицеровъ въ полку.

Но кто огорчалъ меня, это Аѳанасьевъ. Вскорѣ послѣ нашего визита къ Сверчковымъ онъ зашелъ къ намъ, чтобы пригласить меня и мужа къ себѣ на чай. Нужно сказать, что Аѳанасьевъ всегда мнѣ выказывалъ большое расположеніе и любилъ выдавать себя, особенно, при другихъ, за моего поклонника.

Но я скоро поняла, что онъ расположенъ ко мнѣ за то, что можетъ, не опасаясь сплетенъ, поговорить о Марьѣ Львовнѣ, которая ему, видимо, серьезно нравилась, и теперь онъ прежде всего спросилъ, понравилась ли она мнѣ.

Между прочимъ, онъ разсказалъ, что, когда мы ушли отъ Сверчковыхъ, Бобровъ мною очень восхищался и сказалъ: «она пре-

хорошенькая». Слыша это, я такъ была счастлива, что моя радость, вѣроятно, отразилась и на моемъ лицѣ, потому что Аѳанасьевъ, печально покачавъ головой, сказалъ:

— Сами-то вы, барынька, смотрите, въ него не влюбитесь: рожа дѣйствительно у Боброва красивая, и онъ умѣетъ передъ женщинами мелкимъ бѣсомъ разсыпаться, но что касается до его души, если судить о ней по его поступку со свояченицей Сверчкова, то она неважная!

Сердце мое тревожно забилось. Мнѣ вдругъ припомнилось страдальческое выраженіе на лицѣ Марьи Львовны, когда она смотрѣла на меня и на Боброва. Чувствуя, что блѣднѣю, я спросила:

— Какой поступокъ?

Аѳанасьевъ удивился, что до меня не дошли еще слухи, что Марью Львовну въ полку считаютъ скомпрометированной барышней, потому что Бобровъ въ продолженіе двухъ лѣтъ каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Сверчковымъ, и всѣ считали его за жениха Марьи Львовны; а вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ сталъ очень рѣдко пріѣзжать, и жениться на ней, видимо, и совсѣмъ раздумалъ.

— А кто знаетъ, что онъ думалъ на ней жениться?—вступилась я за Боброва.

— Если не думалъ,—продолжалъ Аѳанасьевъ,—такъ незачѣмъ ему было съ ней ходить гулять, и все больше при лунѣ, да по такимъ мѣстамъ, гдѣ и люди не встрѣчаются... Знаетъ ли онъ, свинья,—уже повышая голосъ, заговорилъ Аѳанасьевъ:—что онъ людямъ получше себя дорогу загородилъ? Теперь каждый подумаетъ, какъ на ней жениться.

Я старалась доказать, какъ нелѣпо думать, что молодой человѣкъ, бывая часто въ семейномъ домѣ, гдѣ есть взрослая дѣвица, долженъ непремѣнно на ней жениться: или молодымъ людямъ нельзя вдвоемъ гулять, чтобы изъ этого не вывели какого либо заключенія?

— Я сама въ Т.,—говорила я—очень часто съ однимъ знакомымъ офицеромъ одна гуляла, между тѣмъ мы не были влюблены другъ въ друга.

Кажется, мои слова нѣсколько успокоили Аѳанасьева.

— Матушка вы моя,—началъ онъ задушевнымъ голосомъ,—никто, кажется, какъ я, не былъ бы такъ радъ, если бы ваши предположенія оказались вѣрными, а сплетни въ полку вздоромъ! Самъ бы тогда пошелъ съ повинной головой къ Боброву.

Когда Аѳанасьевъ ушелъ, я хотя и убѣждала себя, что Бобровъ низко оклеветанъ, но лицо Марьи Львовны не выходило изъ головы. Кромѣ того, я никакъ не могла разобраться въ своихъ чувствахъ: то мнѣ до боли было жаль бѣдную дѣвушку, то, какъ будто, я на нее сердилась, а когда думала, что Бобровъ уже ея

не любитъ,—на сердцѣ дѣлалось радостно. Во всякомъ случаѣ мои мечты уже были нѣсколько отравлены. Нося на рукахъ Сашу, я громко импровизировала:

Мелькнуло мнѣ на мигъ блаженство,
И ужъ отравлено оно:
Онъ, мой кумиръ,—онъ, совершенство,
Забрызганъ грязью!...

На слово «оно» риѳма не давалась, и я начинала опять сначала.

Мужъ прервалъ импровизацію.

— Довольно тебѣ завывать сегодня!—крикнулъ онъ изъ другой комнаты,—одѣвайся лучше скорѣй; я боюсь, чтобы у Аѳанасьева не сѣли въ карты безъ меня играть!

Когда мы оба были готовы отправиться въ гости, Ѳома вошелъ въ комнату съ пакетомъ въ рукахъ и подалъ его мнѣ.

— Отъ командира четвертой роты,—пояснилъ онъ,—солдатъ принесъ. Приказано самой барынѣ передать.

— Это отъ Боброва,—сказалъ мужъ и, взявъ отъ меня пакетъ, распечаталъ; тамъ оказалась послѣдняя книжка «Русскаго Вѣстника».

Сколько эта книжка принесла мнѣ радости! Онъ думаетъ обо мнѣ, не забылъ, что обѣщалъ, а мужъ, глядя на меня, со смѣхомъ спрашивалъ:

— Что ты вдругъ стала такая, красная, словно ошпаренная? Деревенщина ты моя, деревенщина! Обыкновенная свѣтская любезность и тебя уже такъ взволновала! Ты лучше, при свиданіи, попроси Боброва, чтобы онъ похлопоталъ о моемъ переводѣ въ Гельсингфорсъ. А то книжку прислалъ—эка невидаль!

X.

У Аѳанасьева мы уже застали гостей. Въ одной комнатѣ мужчины играли въ карты, а въ другой сидѣли двѣ дамы, съ которыми хозяинъ тотчасъ же меня познакомилъ. Сначала подвелъ къ молодой, но очень худенькой, съ болѣзненнымъ лицомъ и бѣдно одѣтой.

— Моя кумушка, Настасья Степановна Чумакова, четырехъ сыновей у нея крестилъ—жду пятаго.

Чумакова начала со смѣхомъ отмахиваться отъ него руками.

— Что вы, кумъ, и такъ шесть человѣкъ дѣтей, а онъ седьмого каркаетъ. Дайте хоть этихъ-то поднять на ноги. Лучше похлопочите, чтобы мужу роту скорѣй дали.

И Чумакова умоляющими глазами взглянула на Аѳанасьева.

— Что жъ я, кума, могу сдѣлать?—развелъ тотъ руками:—подождите, пока Дмитрій Петровичъ штабсъ-капитана получитъ.

— Бобровъ—поручикъ, а ротой командуетъ,—въ одинъ голосъ сказали обѣ дамы.

— Онъ намъ не примѣръ—красавецъ и съ жены полкового командира портретъ нарисовалъ,—со смѣхомъ, но шопотомъ произнесъ Аѳанасьевъ.

Потомъ онъ подвелъ меня къ другой дамѣ, которую назвалъ мадамъ Пауковой. Эта была одѣта съ претензіей на щегольство и моду. Возрастъ ея трудно было опредѣлить: лицо безъ морщинъ, но засохшее и пергаментнаго цвѣта, узенькіе глазки блестѣли и впивались въ лицо того человѣка, съ которымъ она начинала разговаривать.

— Хоть здѣсь позвольте съ вами познакомиться,—съ жеманствомъ, протягивая мнѣ руку, сказала Паукова.—Въ воскресенье, когда вы шли съ визитомъ къ Сверчковымъ, я васъ два часа съ кофейникомъ ждала, думала, что и насъ удостоите своимъ посѣщеніемъ. Да гдѣ ужъ намъ!—мы люди маленькіе и по сту рублей съ имѣнья не получаемъ.

Въ свое оправданіе я сказала, что кормлю ребенка, къ которому спѣшила. Паукова сейчасъ же заговорила со мной любезнѣе: начала разспрашивать, сколько времени моему сыну, идутъ ли у него зубки и т. д. Про себя сказала, что она по профессіи акушерка, но такъ какъ живетъ на островѣ, то у нея здѣсь вовсе нѣтъ практики.

— Одна Настасья Степановна,—указала она на Чумакову.

— Моя практика дешевая,—вздохнула та и начала разспрашивать Аѳанасьева, дадутъ ли имъ въ этомъ году пособіе.

— Вы бы къ женѣ полкового командира поѣхали,—совѣтовалъ тотъ:—она хоть баба взбалмошная, а добрая.

— Я тоже слышала, что добрая—сказала, Чумакова:—она Андреевымъ два костюмчика для дѣтей прислала.

Обѣ дамы мнѣ показались скучными, и я обрадовалась, когда хозяинъ повелъ насъ по своей квартирѣ показывать недавно купленную мебель.

— Вотъ, посмотрите, — говорилъ онъ:—я вовсе не вралъ, что моя мебель лучше, чѣмъ у Сверчковыхъ — ихъ вся вотъ этого дивана не стоитъ: накладной орѣхъ, чистый волосъ и за обивку по полтора рубля аршинъ платилъ.

Потомъ Аѳанасьевъ подходилъ къ слѣдующей вещи и опять начиналъ объяснять ея достоинства и цѣну. Послѣ мебели показалъ новый фаянсовый столовый сервизъ и купленныя на аукціонѣ старыя, серебряныя ложки. Каждую изъ насъ онъ просилъ подержать ложки въ рукѣ, чтобы убѣдиться въ ихъ тяжести, и въ заключеніе показалъ кусокъ таммерфорсскаго полотна, который предназначался для его рубашекъ. Обѣ дамы съ завистью смотрѣли на богатство Аѳанасьева и все о чемъ-то между собою шеп-

тались. Когда же хозяинъ усадилъ насъ на диванъ, придвинулъ къ нему столъ, на которомъ стояли сладости, и, попросивъ насъ кушать, какъ можно больше, ушелъ въ другую комнату, тогда только я поняла, почему Ѳома называетъ Паукову «пронзительной барыней». Она не только перемывала косточки нашего добродушнаго хозяина, но не пощадила и другихъ ротныхъ командировъ за то, что они имѣли, по ея мнѣнію, побочные доходы. Впрочемъ она не столько ихъ осуждала, сколько завидовала тому, что сама не находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ жены этихъ офицеровъ.

Чумакова же говорила, что, когда ея мужу дадутъ роту,—крупа и мясо будутъ у нея не купленныя, и тогда всѣ ея дѣти, вслѣдствіе хорошаго питанія, поправятся. Паукова добралась и до полковыхъ дамъ: увѣряла, что нашъ полковой командиръ больше благоволитъ къ тѣмъ офицерамъ, у которыхъ жены хорошенькія и хорошо одѣваются.

— А насъ, старухъ, которыя ему мозолятъ глаза старыми салопами, сюда на островъ прячетъ.

— Вотъ, васъ,—обратилась она ко мнѣ,—навѣрно отсюда скоро переведутъ: во-первыхъ, вы молоденькая, и у вашего мужа не перелицовано пальто и погоны не линючіе. Увы!—уже съ ироніей продолжала она:—ни у меня, ни у Настасьи Степановны нѣтъ такихъ друзей, какъ у многихъ нашихъ дамъ, которыя помогали бы нашимъ мужьямъ одѣвать насъ шикарно.

Когда Чумакова ушла домой, Паукова начала мнѣ разсказывать объ ихъ страшной бѣдности.

— Самъ-то еще въ ротѣ можетъ изъ котла наѣсться, а жена и дѣти съ голоду хвораютъ.

Я попросила указать мнѣ между играющими офицерами Чумакова, который, я знала, не ушелъ съ женой, а остался доигрывать робберъ. И его лицо произвело на меня тяжелое впечатлѣніе: худое, словно обглоданное, и такое несчастное, озабоченное, что мнѣ дѣлалось страшно при мысли, что онъ можетъ проиграть.

— Скажите,—обратилась я къ Пауковой:—можетъ быть, онъ пьетъ, или сильно въ карты играетъ?

Но та увѣряла, что онъ очень скромный офицеръ, и, какъ мужъ и отецъ,—примѣрный; самъ по ночамъ дѣтей няньчитъ, а за больной женой ухаживаетъ, какъ сидѣлка, бѣдность же у нихъ оттого, что шесть человѣкъ дѣтей, и, кромѣ поручичьяго жалованья, нѣтъ ничего.

— Если бы еще ротой командовалъ,—говорила Паукова,—то, все-таки, и жалованья побольше, и были бы доходишки; но ему роты, вѣроятно, до полученія чина штабсъ-капитана не дадутъ. Правда, у насъ Бобровъ-поручикъ командуетъ, но тому, вы, вѣроятно, слышали, наша полковница протежируетъ. — Послѣднюю фразу Паукова произнесла съ гадкой улыбкой.

Я отъ негодованія вспыхнула. «Еще другая гнусная сплетня!»—подумала я и, чтобы не услышать еще чего нибудь дурного о Бобровѣ, поспѣшила встать и отойти отъ Пауковой. А ко мнѣ уже шелъ Аѳанасьевъ просить быть у него за хозяйку и разлить чай. Я пошла съ нимъ въ столовую, гдѣ на столѣ, покрытомъ новой пеньковой скатертью, кипѣлъ блестящій самоваръ. Черненькій солдатикъ, похожій лицомъ на ястреба, вынималъ изъ шкафа стаканы и ставилъ ихъ прямо на скатерть. Аѳанасьевъ это увидѣлъ и накинулся на него:

— Зачѣмъ, болванъ, не на подносъ стаканы ставишь? Барыня, пожалуй, подумаетъ, что у насъ съ тобой подноса нѣтъ,—и, схвативъ со шкафа старый мельхіоровый подносъ, принесъ ко мнѣ.

— Оцѣните, недавно по случаю купилъ!

Меня вовсе не интересовали его вещи, и мнѣ хотѣлось опять завести разговоръ о Марьѣ Львовнѣ.

— Вижу, Матвѣй Матвѣичъ,—начала я,—что у васъ всего много, только одного не хватаетъ—молодой хозяйки.

— Правда ваша,—поникъ онъ головой и, выславъ солдата изъ столовой, сѣлъ возлѣ меня и началъ теперь уже прямо говорить о своей любви къ Марьѣ Львовнѣ.

— Я передъ вами, какъ передъ Богомъ, откроюсь: нравится она мнѣ, и жалко мнѣ ее. Если бы вы только знали, сколько эта бѣдная барышня видитъ горя, живя у родныхъ. Помните, какъ майоръ заставилъ ее нѣсколько разъ дверь запереть. Чужихъ людей не посовѣстился: кускомъ хлѣба упрекнулъ. Да это что въ сравненіи съ тѣмъ, что я знаю? Дня у нея не проходитъ безъ слезъ: сѣла, прошла, сказала—все не такъ. Я слышалъ, будто майоръ ей мститъ за отвергнутую любовь, другіе же говорятъ, что онъ не любитъ ея потому, что она взята въ семью, помимо его воли: онъ хотѣлъ взять свою племянницу, а Варвара Львовна настояла взять свою сестру. Работаетъ она у нихъ наравнѣ со служанкой, они одѣваютъ ее въ обноски, никуда не вывозятъ, сестра безъ стыда всѣмъ офицерамъ ее въ жены навязываетъ...

Аѳанасьевъ всталъ и въ волненіи началъ ходить по комнатѣ.

— Отчего вы на ней не женитесь?—спросила я.

— Какъ же я на ней женюсь, если она любитъ другого?

— Ахъ, вы все къ Боброву ревнуете!—и я принужденно засмѣялась.—Увѣряю васъ, насколько я замѣтила, онъ не увлеченъ ею.

Черезъ минуту я уже допытывалась, какія у него есть доказательства взаимной любви между Бобровымъ и Марьей Львовной.

— По совѣсти сказать, кромѣ нашихъ сплетенъ, ничего не знаю.

У меня снова отлегло отъ сердца.

— Вотъ видите!—воскликнула я,—вы даже навѣрно не знаете, дѣйствительно ли она его любитъ или только кокетничаетъ, чтобы

выйти замужъ. Даже допустимъ, что Бобровъ ей дѣйствительно нравится, но онъ не думаетъ на ней жениться. А вы предложите ей руку. Сначала она выйдетъ за васъ только изъ благодарности, потомъ, узнавъ, какой вы хорошій, сердечный человѣкъ, полюбитъ васъ.

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо Аѳанасьева дѣлалось веселѣе, а я, видя это, уже настаивала, чтобы онъ скорѣе дѣлалъ предложеніе.

— Неужели вы правду говорите,—прервалъ онъ меня:—что она молодая, красивая, а главное, послѣ такого красавца, какъ Бобровъ, можетъ меня, такого урода, полюбить?

А я, чтобы онъ только женился на Марьѣ Львовнѣ, готова была хоть двадцать разъ поклясться, что онъ красивъ, и она его полюбитъ.

Аѳанасьевъ ушелъ изъ столовой сіяющій, я же, наливая чай, мысленно уже повѣнчала его съ Марьей Львовной и, успокоенная, стала думать о книжкѣ, присланной мнѣ Бобровымъ: «какъ приду домой, сейчасъ разсмотрю, нѣтъ ли фразъ, написанныхъ на поляхъ, не подчеркнуто ли какое слово», а передъ глазами стоялъ онъ, красивый, изящный, съ грустью въ чудныхъ глазахъ.

Изъ гостиной въ это время до меня донесся громкій голосъ мужа:

— Ты играешь, какъ сапожникъ, тебѣ бы свиней пасти, а не въ карты играть.

— Развѣ такого грубаго человѣка можно любить, развѣ я виновата?—оправдывалась я сама передъ собой.

Денщикъ, принесшій на подносѣ пустые стаканы, отвлекъ меня отъ моихъ мыслей. Моя стаканы, я спросила чайное полотенце. Денщикъ бросился къ комоду, выдвинулъ нижній ящикъ и подалъ мнѣ цѣлую кучу полотенецъ.

— Мнѣ только нужно одно,—замѣтила я.

— У насъ съ бариномъ всего много,—заговорилъ денщикъ,—не то, что у другихъ офицеровъ, самъ видѣлъ, половыми тряпками да дѣтскими пеленками посуду вытираютъ.

— Кажется, ты своимъ бариномъ доволенъ?—спросила я, только для того, чтобы что нибудь отвѣтить.

— Мой баринъ,—продолжалъ денщикъ,—хорошій: паёкъ мнѣ цѣлостью отдаетъ. Теперь, какъ въ безсрочный пойду, рублей пятьдесятъ домой понесу. Мнѣ всего три мѣсяца служить осталось... я мѣтки на подоконникѣ дѣлаю, день прошелъ, я мѣтку карандашемъ и поставлю.

— Видно, радъ, что домой идешь?

При моемъ вопросѣ солдатикъ исподлобья кинулъ на меня взглядъ, и изъ его глубоко-впалыхъ глазъ сверкнули искорки.

— Ажно, барыня, сна лишился, вотъ что... боюсь, не помереть бы раньше... Охъ, ты, Господи!—тяжело вздохнулъ онъ и отошелъ къ шкафу, облокотясь о который задумался.

— Болванъ!—вдругъ раздался изъ гостиной голосъ Аѳанасьева,—что же чай не несешь?

Солдатикъ сильно испугался.

— Ахъ, ты, Господи, заговорился, и вы-то, барыня, не напомнили.

И, схвативъ подносъ съ налитыми стаканами, онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ гостиную. Въ это время ко мнѣ пришла Паукова и сообщила, что Чумаковъ проигралъ пять марокъ, а мой мужъ всѣхъ обыгралъ.

— Я увѣрена,—говорила она,—что Чумаковъ чьи нибудь чужія деньги проигралъ: утромъ у нихъ въ домѣ не было ни копейки. Теперь бѣдная Настасья Степановна, узнавъ, что мужъ проигралъ, не заснетъ всю ночь, и ея грудной ребенокъ навѣрно заболѣетъ.

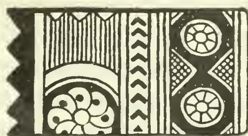
Мнѣ особенно было непріятно, что выигралъ мой мужъ. За ужиномъ у Чумакова лицо было убитое, разстроенное, и я избѣгала на него смотрѣть.

Когда дома я начала выговаривать мужу, зачѣмъ онъ, зная, какъ бѣденъ Чумаковъ, сѣлъ съ нимъ играть, тотъ отвѣтилъ, что хотя при другихъ онъ и взялъ отъ Чумакова выигранныя деньги, но послѣ ужина отвелъ того въ сторону и всунулъ въ руку, говоря: отдадите, когда разбогатѣете.

Я знала, что мужъ въ этомъ случаѣ не лгалъ: онъ не былъ жаденъ на деньги и, когда ихъ имѣлъ, легко раздавалъ, а своихъ товарищей всегда съ охотой выручалъ. Прежде эта черта въ его характерѣ мнѣ всегда нравилась, но теперь, при моемъ душевномъ настроеніи, его поступокъ съ Чумаковымъ укололъ меня: было досадно, зачѣмъ у моего мужа есть все-таки и хорошія стороны.

М. Е. Васильева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



Асовское смятенье.

(1880 г.).

...«Аще же кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко нѣсть свѣта въ немъ».
(Евангеліе отъ Іоанна, гл. XI, ст. 10).

РОИСШЕСТВІЕ, о которомъ я хочу разсказать, случилось не настолько давно, чтобы всѣ лица, принимавшія въ немъ непосредственное участіе, успѣли уже сойти съ житейской сцены. Напротивъ, большинство дѣйствовавшихъ лицъ, насколько мнѣ извѣстно, здравствуютъ и понынѣ, и, разумѣется, хорошо помнятъ всѣ подробности этой странной и досадной трагикомедіи, мѣстомъ дѣйствія которой были глухія селенія, затерянныя въ дебряхъ древней Біарміи, то-есть Пермской губерніи.

По счастью, трагикомедія длилась не долго и не имѣла особо печальныхъ послѣдствій. Несомнѣнно, однако, что въ теченіе почти мѣсяца жизнь нѣсколькихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и, главнымъ образомъ, пишущаго эти строки висѣла, какъ говорится, на волоскѣ, и вырвись, быть можетъ, только одно неосторожное слово,— Асовское смятенье, пожалуй, разыгралось бы такой бурей, которая не скоро бы улеглась, и Богъ вѣсть сколько жертвъ унесла бы съ собою.

Повторивъ затѣмъ, что разсказываю я быль и буду далекъ отъ какихъ либо прикрасъ и измышленій, оговорюсь, что измѣню только

имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, и что разсказываю я не по привычкѣ къ болтовнѣ, а потому, что быль эта достаточно характерна сама по себѣ, не лишена интереса хотя бы для людей, не брезгающихъ отечествовѣдѣніемъ, и, думается, вообще наводитъ на нѣкоторыя размышленія.

I.

Прямо со школьной скамьи я поступилъ на службу въ непреобразованное еще тогда министерство государственныхъ имуществъ, во «временной отдѣлъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ», а черезъ два года назначенъ былъ производителемъ работъ въ Пермскій землеустроительный отрядъ.

Петербургъ, въ которомъ я родился и выросъ, и гдѣ оставлялъ всѣхъ дорогихъ и близкихъ моему сердцу, я покидалъ почти безъ сожалѣнія. Мнѣ было всего 22 года, а ранняя молодость всегда беззаботна и эгоистична.

Манила полная самостоятельность, смѣна впечатлѣній и живое, интересное дѣло, которое ждало меня впереди.

Крестьянъ я любилъ съ дѣтства. У родителей моихъ были помѣстья и на Волгѣ, и въ Малороссіи, и, проводя каникулы то въ той, то въ другой деревнѣ, я съ дѣтства научился не скучать въ сельскомъ затишьѣ, любить природу и неустанныхъ тружениковъ—земледѣльцевъ, среди которыхъ у меня были даже закадычные пріятели. Особенно, бывало, нравилось мнѣ бесѣдовать съ домовитыми стариками, которые не стѣснялись откровенно разсуждать съ «барчукомъ» о своихъ мірскихъ дѣлахъ, иногда съ любопытствомъ разспрашивали, чему меня учатъ въ «лицею», а порою и сами поучали меня тому, чего, пожалуй, не зналъ ни одинъ лицейскій профессоръ. Немало узналъ я отъ нихъ старинныхъ примѣтъ и повѣрій, немало пріобрѣлъ знаній въ области крестьянскаго сельскаго хозяйства, основаннаго на стародавнемъ опытѣ.

Весь обиходъ крестьянскій давно мнѣ былъ знакомъ, и я ничуть не боялся «мужицкой службы», отъ которой пытались было отговорить меня нѣкоторые петербургскіе пріятели. Весь первый годъ моей службы въ Пермской губерніи я и не имѣлъ причинъ слишкомъ раскаиваться въ томъ, что, быть можетъ, надолго оставилъ родной Петербургъ. Жилось сносно и работалось отлично.

Для дѣятельности моей мѣстное начальство въ образѣ добродушнаго Р—вича, который былъ въ то время старшимъ чиновникомъ по выдачѣ владѣнныхъ записей въ Пермской губерніи, отвело небольшой районъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, гдѣ я и скороталъ все лѣто до заморозковъ. Землеустроительныя работы подъ моимъ руководствомъ шли безъ помѣхи, полнымъ ходомъ. Въ распоряженіи

моемъ было около десятка межевщиковъ, которые оказались техниками искусными, опытными и трудолюбивыми. Сотрудникъ мой, лѣсной таксаторъ, тоже оказался отличнымъ работникомъ и премилымъ человѣкомъ; съ нимъ я быстро подружился. Населеніе—частью русскіе, частью зыряне и пермяки — относилось къ нашимъ работамъ если не съ полнымъ сознаніемъ ихъ надобности и пользы, то всегда съ полною покорностью судьбѣ. Дескать, приказано отъ начальства межеваться, и ничего тутъ не подѣлаешь!

Во всякомъ случаѣ крестьяне безпрекословно выставляли потребное число рабочихъ для постановки граничныхъ вѣхъ и копанія ямъ, не отказывали землемѣрамъ въ лошадяхъ для проѣзда на мѣста работъ и старались выбирать уполномоченныхъ отъ общества изъ наиболѣе толковыхъ стариковъ, хорошо знающихъ «старыя грани», то-есть умѣющихъ быстро и вѣрно указывать границы владѣнія даннаго селенія отъ владѣній сосѣднихъ деревень.

Никакихъ недоразумѣній не было.

Конечно, неудобства кочевой жизни по захолустнымъ бѣднымъ деревушкамъ и выселкамъ давали себя знать, и порою мнѣ, изнѣженному петербуржцу, приходилось нелегко, такъ какъ ночевать случалось въ курныхъ избахъ, питаться всухомятку, чѣмъ Богъ пошлетъ, страшно уставать отъ длинныхъ переѣздовъ въ тряскихъ телѣгахъ или верхомъ, на жесткихъ крестьянскихъ сѣдлахъ.

Угнетало и одиночество. Нерѣдко по недѣлямъ я не видѣлъ интеллигентнаго человѣка, съ которымъ можно было бы перекинуться словомъ и отвести душу. Межевщики работали по селеніямъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ другъ отъ друга, таксаторъ уѣзжалъ въ лѣсъ надолго, и сидѣлъ я въ нашей штабъ-квартирѣ, селѣ Уролкѣ, одинъ, какъ сычъ, ибо ближайшій лѣсничій проживалъ на кордонѣ, что-то въ шестидесяти верстахъ, а мировой посредникъ и еще того дальше. Правда, кромѣ меня, въ селѣ были еще три грамотея; но одинъ изъ нихъ—священникъ, отецъ Аристархъ—былъ старый угрюмый вдовецъ, крайне несообщительный, а съ другими двумя — мѣстнымъ кабатчикомъ и богатеемъ Блиновымъ и волостнымъ писаремъ Морковкинымъ, всегда безнадежно пьянымъ, компанію водить мнѣ, разумѣется, не приходилось. Поэтому, когда уѣзжалъ таксаторъ, скучалъ я и тосковалъ особенно по вечерамъ изрядно.

Читать, разумѣется, было нечего.

Толкнулся я какъ-то къ о. Аристарху, но онъ ничего мнѣ не могъ предложить, кромѣ нѣсколькихъ истрепанныхъ номеровъ «Церковнаго Вѣстника» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей», угрюмо замѣтивъ при этомъ, что «романовъ» у него нѣтъ, и читать подобнаго рода легкомысленныя произведенія онъ находитъ предосудительнымъ. Отнюдь не пытаясь защищать отечественныхъ романистовъ, я осмѣлился только указать почтенному пастырю, что слово «ро-

манъ» произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. И тутъ, однако, я потерпѣлъ фіаско, ибо о. Аристархъ ошибки своей не призналъ, и внушительно объяснилъ мнѣ, что «мученикъ Романъ есть угодникъ Божій, его же память православная церковь празднуетъ генваря 29-го и ноября 18-го, а сочиненія свѣтскихъ писателей о разныхъ шурахъ-мурахъ и грѣховныхъ амурахъ должны именоваться, въ отличіе отъ сего, ро̀манами, а не рома̀нами»... Нечего было читать, зато въ дремучихъ чердынскихъ лѣсахъ и на окрестныхъ болотинахъ можно было вволю охотиться за рябчиками, утками и прочей дичью. Кромѣ охоты, своеобразное развлеченіе ожидало меня по воскресеньямъ и праздникамъ, когда въ село собиралось къ обѣднѣ немало крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, починковъ и выселковъ, и около церкви устраивалось нѣчто въ родѣ ярмарки.

Такъ какъ двери моей избы открыты были для каждаго, и я терпѣливо выслушивалъ всякаго, имѣющаго во мнѣ нужду, то въ эти дни валила ко мнѣ гурьба народа по всевозможнаго рода дѣламъ, порою къ службѣ моей совсѣмъ не относящимся, а то и просто покалякать съ «чиновникомъ» отъ бездѣлья.

И, Боже мой, какая открывалась передо мной бездна тьмы, дикости и бѣдноты, поистинѣ легендарной!

— Ваше скородіе!—взываетъ рыжій парень въ какихъ-то лохмотьяхъ вмѣсто рубахи:—какъ ты теперича земельный чиновникъ, разсуди: могу я безъ земли существовать? Полагается мнѣ околѣвать съ голоду?

— Въ чемъ дѣло, говори толкомъ.

— А и весь толкъ, что родитель мой на запрошлой недѣлѣ всю свою землю Блинову пропилъ. Извѣстно, слабый старикъ; ему покажи косушку—онъ не то, что землю, а крестъ натѣльный пропьетъ... Да нешто онъ пашню-то нашу обиходилъ? Я ее десять годовъ обряжалъ, по̀томъ-кровью моей она полита... Анъ прихожу овесъ косить, а Блиновъ своихъ работниковъ выслалъ; наклали мнѣ по шеѣ, послѣднюю рубаху въ клочья изодрали... Пошелъ, говорятъ, щучій сынъ, пропита эта земля...

— Это точно, что пропита,—подтверждаетъ толпа.

— Ну, пришелъ я домой,—продолжаетъ парень,—а родитель на лавкѣ пьяный лежитъ... Сгребъ я его за бороду, и ну возить... а опосля возжами... Теперича на меня въ волостной судъ пожалился за непочтеніе, значитъ...

— Ну, и что же?

— Отстегали!—угрюмо заявляетъ парень.

Я молча раздумываю, чѣмъ бы помочь злосчастному сыну не менѣе злосчастнаго пьяницы, но толпа ужъ оттѣснила его, и выдвинулся знакомый пермякъ, Тарасъ Осинкинъ, живущій въ выселкѣ Черные Зайцы и промышляющій больше охотой за бѣлкой и рябчиками, чѣмъ хлѣбопашествомъ.

— Какъ хошь, Миколай Кастинкиныч, а я мельника нашего убью!—заявляетъ онъ возбужденнымъ тономъ:—пропадать черезъ него, нечистаго духа, я не согласенъ.

— Чѣмъ же тебѣ не угодилъ мельникъ?

— Глазъ мнѣ заговорилъ колдунъ проклятущій. Поспорилъ я тутотка съ нимъ за помолъ, три лопаты съ мѣшка взять хотѣлъ, ненасытная утроба, а я ему двѣ отдалъ... Погоди-жъ, гритъ, Тарасъ, попомнишь ты насъ! Вотъ и заговорилъ мнѣ глазъ-атъ...

— Какъ заговорилъ? Что ты вздоръ разсказываешь?

— А такъ что я почитай полфунта порошку задарма извелъ: какъ ни выстрѣлю—мимо, хошь на охоту совсѣмъ не ходи... Что-жъ я теперича съ купцомъ буду дѣлать? У меня съ купцомъ Алинымъ бумага написана, чтобы я ему безпремѣнно триста паръ рябцовъ предоставилъ. Алинъ въ заграницу рябцовъ отсылаетъ...

— Знаю, но только мельникъ тутъ не причемъ, — пытаюсь я вразумить чердынскаго Нимврода:—просто у тебя или ружье испортилось, или глаза ты себѣ въ курной избѣ придымилъ. Вотъ я тебѣ дамъ чаю; завари, остуди и примачивай глаза отваромъ на чистой тряпочкѣ...

— Благодаримъ покорно, а только это пустое. Ружье у меня на отличку и очи не болятъ, а что мельникъ глазъ заговорилъ, это вѣрно. Убью его, и дѣлу конецъ. Ты, ваше благородіе, такъ и начальству скажи, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ, — неожиданно доканчиваетъ Тарасъ.

— Убьешь его тоже, мельника-то! — иронизируетъ кто-то въ толпѣ:—запрошлымъ годомъ Митька Рябой сулился убить, ружье три раза потайно въ церковь носилъ, чтобъ, значитъ, освятить противъ нечистаго... три заряда въ дуло забилъ и залегъ въ кусты около Старой Гари, гдѣ поворотъ на плотину. Ну, выходитъ мельникъ колесо осмотрѣть, а Митька перекрестился, да ка-акъ ахнетъ— ружье пополамъ, скулу Митькѣ на сторону, а мельнику хоть бы что... онъ и вниманія не обратилъ.

— Я его не пулей, а руками возьму,—говоритъ мрачно Тарасъ: — сгребу за волосья да подъ мельничное колесо и сброшу; пущай идетъ раковъ ловить.

— А онъ щукой обернется, да только зубами на тебя защелкаетъ.

— Не обернется—допрежь того я крестъ на него, проклятаго, положу.

Видимо, Тарасъ все обдумалъ до мельчайшихъ подробностей, и жизнь мельника, тщедушнаго и, въ сущности, совсѣмъ безобиднаго старика, находится въ серьезной опасности. Много труда стоитъ мнѣ уговорить упрямца оставить свой планъ. Спасаю жизнь злосчастнаго мельника только тѣмъ, что даю Тарасу обѣщаніе начальнически приказать мельнику, чтобы онъ снялъ заговоръ съ глазъ охотника.

— Ты ему бумагу отъ себя напиши, и чтобы съ печатью... — поучаетъ меня Тарасъ.

— Хорошо, хорошо, — бормочу я и обращаюсь къ новому просителю.

— Изъ Буренокъ я, ваше скобродіе, изъ выселка Буренокъ, — шамкаетъ беззубый, сѣдой, какъ лунь, старикъ.

— Что скажешь, дѣдушка?

— Къ твоей милости... Обществò, значитъ, выбрало меня полномоченнымъ; кажи, гритъ, старый, межевому грани... Чѣмъ тебѣ безъ пути на печкѣ лежать, послужи міру въ останный разъ... Ну, поставили мнѣ полштофа, дай имъ Богъ здоровья, а я что жъ, я міру послужить завсегда согласенъ...

— Въ чемъ же дѣло?

— Не примаетъ меня твой межевой, сурьёзный человѣкъ. Гдѣ, гритъ, тебѣ, старцу, по межамъ ходить? ты, гритъ, еле ноги волочишь, да небось и всѣ грани запамятовалъ... А что запамятовалъ я, ваше скобродіе, это точно... Кажи, говоритъ мнѣ межевой, гдѣ урочище «Сукъ»? А гдѣ этотъ самый «Сукъ», — мнѣ неизвѣстно. Можетъ, «Сошки»?—допрашиваю, а онъ плюнулъ и разговаривать со мной не сталъ, сурьёзный человѣкъ...

— Да сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка?

— Много, кормилецъ, кто его знаетъ!

— Должно, девятый десятокъ на исходѣ, — отзывается одинъ изъ толпы: — всю семью перехоронилъ, одинъ теперь, какъ сычъ... зимой подъ окнами краюшничаетъ, а лѣтомъ горохъ сторожить нанимается, взамѣсто пугала...

— Хо-хо, полномоченный тоже!

— А и грѣховодный же былъ мужикъ, язви его душу! Озорникъ, снохачъ... Двухъ хозяекъ въ гробъ вколотилъ... Помирать бы ему давно пора, да жилистъ, каторжный...

Нелестная эта характеристика и градъ насмѣшекъ не производятъ на старика никакого дѣйствія. Онъ, высказавъ, что ему было нужно, сразу какъ-то ослабѣлъ, грузно опустился на лавку и притихъ, ко всему безучастный.

— Такъ какъ же мнѣ быть съ тобою? — спрашиваю я.

— Хлѣбушка бы мнѣ, — шамкаетъ онъ безкровными губами:— вчерась съ межевымъ ходилъ не ѣмши, сюды шелъ сколько верстъ... хлѣбушка хочется, подъ сердцемъ сосетъ...

Отправляю старика на кухню и даю моему слугѣ приказъ накормить оригинальнаго «уполномоченнаго».

Слѣдующій проситель крайне сбивчиво и пространно посвящаетъ меня во всѣ подробности тяжбы своей съ сосѣдомъ по поводу загнанной послѣднимъ лошади, которую проситель одолжилъ сосѣду съѣздить за фельдшеромъ, когда умирала сосѣдская хозяйка. Напрасно я стараюсь вразумить, что дѣло это подлежитъ

вѣдѣнію волостного суда и мирового посредника. Мнѣ возражаютъ, что волостныхъ судей можно купить за полведра водки, а «посредственникъ до себя не допущаетъ, чтобы, значитъ, поговорить по душѣ».

— Мы, Миколай Кастинкинычъ, твоего суда желаемъ, потому какъ простой ты господинъ и нами, мужиками, не гнушаешься... Мы много тобою довольны... Теперича вотъ праздникъ Божій, я говорю Ивану, своему, значитъ, сродственнику: пойдемъ въ кабакъ къ Блинову, пропьемъ всѣ мѣдныя! А онъ, гритъ, зачѣмъ къ Блинову, лучше мы къ земляному чиновнику толкнемся, авось онъ по добротѣ своей намъ, ради праздника, по шкалику поднесетъ...

— Кабакъ у меня что ли? — напускаю я на себя строгость.

— Зачѣмъ кабакъ! А только душевный ты человѣкъ, и мы завсегда согласны тебѣ предоставить всякое удовольствіе. Обывательскія лошадки требуются — въ сей секундъ запряжемъ, рабочихъ надо — получай въ плепорцію; а ежели косовица, алибо что́, и мужики заняты — мы тебѣ дѣвокъ и бабъ выставимъ, пущай ямы роютъ и столбы ставятъ безъ замедленія!..

Перспектива работъ «безъ замедленія» меня соблазняетъ, и я приказываю слугѣ поднести моимъ гостямъ по стакану водки.

— Балуете вы ихъ! — ворчитъ мой лакей, онъ же и поваръ Ананій.

II.

Да, я ихъ баловалъ, если считать баловствомъ простое человѣческое отношеніе, которымъ бѣдные, темные «чердаки» отъ начальства не были избалованы. Начальство передъ ними я не умѣлъ, да и не хотѣлъ разыгрывать. При этомъ, живя и работая съ крестьянами въ теченіе цѣлаго полугода, я какъ-то невольно втягивался въ ихъ интересы, незамѣтно сближался съ ними все болѣе и болѣе. Незамѣтно устроилось такъ, что ужъ не только по воскресеньямъ и праздникамъ, а почти каждый день ко мнѣ приходили «старички» попить чайку изъ моего походнаго самовара и побесѣдовать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ. Кто просилъ меня почитать «божественную книжку», кто написать грамотку сыну солдату, «потому какъ писарь сегодня здорово выпивши и совсѣмъ безъ понятіевъ», кто просилъ дать ему «какого ни на есть лѣкарствія» отъ недомоганія. Въ селѣ у меня было ужъ немало крестниковъ. Когда же я одному мужику подарилъ дешевую тульскую двухстволку, а двумъ безлошаднымъ, обѣднѣвшимъ домохозяевамъ купилъ на ярмаркѣ по плохой лошаденкѣ на разживу (и всего-то каждая стоила что-то около 17 рублей), то слава моя, какъ «душевнаго человѣка и, можно сказать, благодѣтеля», окончательно упрочилась. Бѣдные мои, милые «чердаки»!..

Да не подумаетъ читатель, что теперь, спустя слишкомъ двадцать лѣтъ, вспоминаю я обо всемъ этомъ изъ пустого тщеславія — вотъ, дескать, какой я былъ хорошій... Нѣтъ! Во-первыхъ, и тщеславиться тутъ, разумѣется, нечѣмъ, а, во-вторыхъ, это, быть можетъ, нѣсколько длинное, но вполнѣ правдивое предисловіе необходимо мнѣ для уясненія читателю дальнѣйшаго хода событій.

Работы мои въ Чердынскомъ уѣздѣ закончились глубокой осенью предъявленіемъ волостному сходу крестьянъ пространства и границъ надѣльныхъ угодій, по каждому селенію особо.

Пріѣхали мировой посредникъ, почтенный старецъ, страдающій глухотой и ревматизмами, и мѣстный лѣсничій, добродушный хохолъ громаднаго роста и атлетическаго тѣлосложенія.

Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, меня, таксатора и землемѣровъ, въ волостномъ правленіи находилось все волостное и сельское начальство: старшина, писарь, староста и сотскіе. Присутствовали также всѣ уполномоченные отъ крестьянъ, посторонніе добросовѣстные и масса простыхъ крестьянъ-домохозяевъ, явившихся на сходъ. Такъ какъ всѣ они въ волостной избѣ помѣститься, конечно, не могли, то большинство стояло сплошной стѣною на улицѣ. Сотскіе поддерживали порядокъ и вызывали въ волость, по очереди, крестьянъ того селенія, надѣлы котораго предъявлялись въ данное время. Я читалъ заранѣе заготовленные акты предъявленія, указывалъ на планахъ границы владѣній каждаго селенія, затѣмъ акты подписывались уполномоченными отъ крестьянъ и сторонними свидѣтелями, а староста скрѣплялъ подписи, прикладывая свою должностную печать. Мировой посредникъ опрашивалъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо просьбъ и заявленій, а лѣсничій объяснялъ имъ законный порядокъ пользованія отведеннымъ въ надѣлъ лѣсомъ. Все шло, какъ по маслу, спокойно, въ полномъ порядкѣ, никакихъ заявленій и просьбъ никто не возбудилъ.

— Вполнѣ, ваше скородіе, довольны. Грани мы свои знаемъ, и на плантѣ все обозначено вѣрно, какъ есть.

— Это что говорить! Миколай Кастинкинычъ насъ не обидитъ... Сказано—душевный человѣкъ.

— Такъ что-жъ, старички, даете руки, чтобы, значитъ, актъ подписать?—спрашивалъ неграмотныхъ уполномоченныхъ довѣренный грамотный, какой нибудь безсрочный солдатикъ.

— Даемъ, даемъ, пиши, знай! Коли Миколай Кастинкинычъ написалъ, будь безъ сумлѣнія!..

Мнѣ даже совѣстно дѣлалось отъ этого слѣпого ко мнѣ довѣрія. А вдругъ, думалось, землемѣры мои въ чемъ нибудь ошиблись и напутали, а вдругъ самъ я что нибудь навралъ въ актѣ?..

Съ «предъявленіемъ» было покончено быстро, и всего болѣе радовался этому мировой посредникъ.

— Ну, исполать вамъ! — сказалъ онъ мнѣ:—не знаю, какъ вы это устроили, а только земной вамъ отъ меня поклонъ! Утѣшили старика.

— Да вамъ-то что?

— Какъ что! Предмѣстникъ вашъ, производитель работъ Палюстровъ, промучилъ меня въ прошломъ году больше недѣли. Что ни селеніе, то протестъ; заявленій и жалобъ была цѣлая уйма. Изволь сидѣть съ утра до вечера въ волости на сквознякахъ да ночевать въ съѣзжей избѣ съ клопами! А я старъ-дряхлъ человѣкъ, у меня ревматизмы...

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Уролки на зимнія квартиры въ Пермь, напутствуемый самыми лучшими пожеланіями крестьянъ.

— На будущее лѣто гдѣ будешь работать? — спрашивали они меня.

— Не знаю, старички, куда начальство пошлетъ.

— Ежели по сосѣдству съ нами,—не забудь насъ навѣстить... Полюбили мы тебя.

— Спасибо, братцы.

— А когда записи эти самыя будутъ намъ выдавать, ни отъ кого, опричь тебя, ихъ не примемъ. Начальство будемъ просить, ходоковъ въ Пермь пошлемъ, чтобы безпремѣнно тебѣ насъ препоручили...

— Ну, дай тебѣ Богъ всякой утѣхи! Насъ не забывай, а мы тебя поминать завсегда будемъ.

На дворѣ стоялъ уже порядочный морозъ; но закутанный въ теплую оленью доху, въ высокихъ теплыхъ валенкахъ («пимахъ») на ногахъ, я не чувствовалъ холода, тѣмъ болѣе, что и на душѣ было тепло и радостно. Растрогали меня эти проводы, а съ другой стороны и скромная Пермь казалась мнѣ теперь культурнымъ центромъ и манила къ себѣ всѣми прелестями городской жизни, отъ которыхъ я былъ такъ далекъ въ захолустныхъ чердынскихъ дебряхъ.

Въ Перми, однако, ждала меня скорбная вѣсть: начальникъ мой, добродушный Р—вичъ, сильно расхворался и былъ при смерти. Скоро онъ умеръ, и нашъ поземельно-устроительный отрядъ, цѣнившій Р—вича, какъ человѣка, дѣйствительно отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ, осиротѣлъ и впалъ въ какое-то уныніе. Поднялись обычные толки: кого-то назначатъ къ намъ старшимъ чиновникомъ, каковъ-то будетъ новый начальникъ? Особенно волновалось нѣсколько старыхъ служакъ изъ типа дореформенныхъ чиновниковъ, у которыхъ рыльце было, что называется, въ пушку. Что касается меня, то я, конечно, далёкъ былъ отъ этихъ волненій, и со свойственной молодости безпечностью и жаждой всевозможныхъ развлеченій весь отдался разсѣянной жизни среди мѣстныхъ весельчаковъ и жуировъ.

Быстро познакомившись со всѣмъ обществомъ, я не пропускалъ ни одной вечеринки, ревностно танцовалъ на балахъ въ «дворянскомъ клубѣ», часто бывалъ въ театрѣ и самъ игралъ въ любительскихъ спектакляхъ. Зима пролетѣла для меня незамѣтно, а по веснѣ, съ первымъ пароходомъ прiѣхалъ въ Пермь и новый нашъ начальникъ; назову его Григорiемъ Григорьевичемъ Бѣликовымъ. Онъ былъ давно мнѣ знакомъ. Сотоварищъ мой по лицею, старше меня всего лѣтъ на семь, Бѣликовъ былъ красивый, элегантный блондинъ, большой любитель кутнуть, но чиновникъ весьма ретивый. Со мной онъ всталъ сразу на товарищескую ногу и, едва успѣвъ устроиться на квартирѣ, убѣдилъ и меня переѣхать изъ гостиницы, гдѣ я жилъ, въ сосѣднюю съ его помѣщенiемъ квартиру, случайно оказавшуюся свободною. Завтракали и обѣдали мы вмѣстѣ, вмѣстѣ стали ѣздить въ театръ и въ клубъ и вообще почти не разлучались. Однако, дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Весна шла полнымъ ходомъ, и наступила пора опять готовиться къ отъѣзду на полевыя работы. Послѣ одного изъ веселыхъ кутежей я вернулся домой поздно и легъ спать, строго-настрого приказавъ лакею не будить меня раньше полудня; но вдоволь выспаться мнѣ на этотъ разъ не удалось. Не было и девяти часовъ, когда Лепорелло мой, Ананiй, поднялъ меня съ постели, объяснивъ, что уже два раза приходили за мной отъ Григорiя Григорьевича.

— Просятъ поскорѣе пожаловать къ нимъ по служебному дѣлу.

— Что тамъ загорѣлось?—проворчалъ я съ неудовольствiемъ и, наскоро одѣвшись, поспѣшилъ къ Бѣликову. Засталъ я его серьезнымъ и строгимъ, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, планами и дѣлами въ синихъ обложкахъ.

На обыкновенно жизнерадостнаго и довольно таки легкомысленнаго Григорiя Григорьевича нападали иногда часы особаго рвенiя къ службѣ. Тогда онъ вдругъ дѣлался взыскательнымъ, строгимъ начальникомъ, не терпѣлъ никакихъ возраженiй, и настойчиво требовалъ слѣпого подчиненiя своимъ распоряженiямъ.

— Вотъ что, mon très cher Николай Константиновичъ, довольно вы погуляли, пора и за работу! Пора выѣзжать въ уѣздъ,— встрѣтилъ онъ меня.

— Я готовъ. Когда и куда прикажете?

— Вы начнете работы въ Асовской и Тазовской волостяхъ, Кунгурскаго уѣзда, а если позволитъ время, то прихватите и Урминскую волость. Въ вашъ отрядъ я назначилъ таксатора Балдаревскаго, вашего друга, если не ошибаюсь, и десять межевыхъ чиновъ во главѣ съ старшимъ топографомъ Отворницкимъ. Выѣзжайте возможно скорѣе...

— Какъ въ Кунгурскiй уѣздъ? Въ прошломъ году я работалъ въ Чердынскомъ, и мнѣ бы хотѣлось...

— Знаю, но, простите, не могу отмѣнить свое распоряженіе. Дѣло въ томъ, что въ Асовской, Тазовской и Урминской волостяхъ живутъ, по большей части, раскольники, «кержаки», какъ ихъ здѣсь называютъ, народъ невѣжественный, грубый и въ высшей степени упорный. Они не желаютъ размежеванія, хотятъ оставаться въ отношеніи землепользованія «на старыхъ правахъ», и по дѣламъ я вижу, что они уже два раза оказывали противодѣйствіе землеустроительному отряду, начинавшему тамъ работы: первый разъ пять, а второй—три года тому назадъ. По непростительной слабости моего предмѣстника, отрядъ, не успѣвъ приступить къ работамъ, оба раза отзывался и направлялся въ другія мѣстности. Пора положить этому конецъ.

Выслушавъ эту тираду, я призадумался.

— Благодарю покорно! Ѣхать къ какимъ-то «киржакамъ», которые уже два раза успѣшно изгоняли изъ своихъ селеній поземельно-устроительныхъ и межевыхъ чиновниковъ!.. Да за что же такая немилость?—взмолился я.

— Наоборотъ, — усмѣхнулся Бѣликовъ: — вы должны видѣть въ этомъ проявленіе особаго моего къ вамъ довѣрія. Дѣло щекотливое. Тутъ нуженъ тактъ и большое умѣніе ладить съ крестьянами. Только вамъ я и могу поручить это дѣло.

— Но, позвольте, почему вы думаете, что у меня есть и этотъ тактъ, и умѣніе? Я еще совсѣмъ не опытный производитель работъ... Нѣтъ, какъ хотите, Григорій Григорьевичъ, а я въ Кунгуръ не поѣду. Если на то пошло, подамъ рапортъ о болѣзни, возьму у васъ краткосрочный отпускъ, въ которомъ вы не можете мнѣ отказать, и уѣду къ отцу въ Петербургъ...

— Voyons, voyons, cher Николай Константиновичъ; soyons calmes et raisonnables! Никакого насилія употреблять надъ вами я, разумѣется, не хочу; но увѣренъ, что вы сами не откажетесь отъ этой командировки. Кунгуръ—отличный городокъ, а Асовская и Тазовская волости—подгородныя... Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, да къ тому же я до сихъ поръ вообще не считалъ васъ трусомъ... Относительно же вашаго такта и умѣнія ладить съ крестьянами скажу только, что имѣю на это, такъ сказать, документальныя доказательства. Не угодно ли прочесть вотъ эти три довольно безграмотныя, но несомнѣнно лестныя для васъ прошенія?

Съ этими словами Григорій Григорьевичъ вручилъ мнѣ три заномерованныя уже «входящія» бумаги. Одна изъ нихъ оказалась коллективной просьбой моихъ милыхъ урольцевъ, «чтобы, ежели земляныя работы въ нашей волости будутъ продолжаться и наступающимъ лѣтомъ, то безпремѣнно препоручено было отъ начальства производство означенныхъ работъ прошлогоднему нашему милостивцу (имя рекъ), которому во всемъ вѣрить мы всѣмъ

обществомъ завсегда согласны». Другая просьба принадлежала крестьянамъ Косинской, сосѣдней съ Урольскою, волости, и, наконецъ, третья крестьянамъ какого-то селенія Соликамскаго уѣзда. Оба послѣднія ходатайства тоже заключались въ томъ, чтобы на работы былъ присланъ именно я, а не кто либо другой, такъ какъ о моихъ такихъ-то и такихъ-то достоинствахъ просители «много наслышаны» отъ крестьянъ села Уролки и смежныхъ деревень.

— Вотъ эти просьбы и натолкнули меня на мысль поручить работы въ Кунгурскомъ уѣздѣ именно вамъ. Очаровали вы урольцевъ, авось справитесь и съ асовцами.

— Удружили, голубчики!—проворчалъ я, возвращая Бѣликову прошенія.

— Ахъ, mon bon, это надо цѣнить... Читая эти прошенія, я былъ тронутъ. Бумага сѣрая, написано безграмотно, грубо и неумѣло, но надо умѣть читать между строкъ. Мужикъ нашъ теменъ, суевѣренъ, грубъ, но сердце у него чудесное...

«Золото, золото—
Сердце народное!»

— продекламировалъ съ паѳосомъ Григорій Григорьевичъ, наговорилъ еще немало всѣмъ извѣстныхъ аксіомъ, и въ заключеніе, намекнувъ, что успѣшное исполненіе моей командировки повлечетъ за собою и незаурядную награду, обѣщалъ мнѣ широкую помощь въ случаѣ, если кунгурскіе «кержаки» окончательно заупрямятся и будутъ препятствовать моимъ работамъ.

— Во что бы то ни стало, а надо сломить ихъ упорство. Въ крайности я обращусь къ губернатору и попрошу военную команду.

— Ну, это зачѣмъ же? авось, Богъ дастъ, справлюсь и такъ.

— Bonnes chances!—закончилъ Бѣликовъ,—предписаніе и прогоны вы получите на-дняхъ.

Въ тотъ же день вечеромъ зашли ко мнѣ Балдаревскій и Отворницкій.

Первый пріѣхалъ въ Пермь только этою зимою изъ Екатеринбурга, гдѣ работалъ по устройству горнозаводскихъ лѣсныхъ дачъ. Высокій, довольно красивый брюнетъ съ мечтательными, задумчивыми глазами, всегда одѣтый въ форменный сюртукъ съ иголочки, Балдаревскій пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и вѣчно бѣгалъ за какой нибудь юбкой. «Amesimple et bonne, mais toujours torturée d'amour», говорилъ про него Бѣликовъ. Балдаревскаго портили только семинарскій выговоръ на ȯ и привычка пересыпать свою рѣчь словомъ «слюшьте», которое онъ произносилъ съ какимъ-то непріятнымъ сюсюканьемъ.

Старшій топографъ Отворницкій былъ маленькій носатый старичекъ, задавленный огромнымъ семействомъ и безысходной бѣдностью.

Оба мои гостя явились разстроенными и угнетенными.

— Слюшьте, что же это такое? Вѣдь насъ къ бунтовщикамъ посылаютъ! Еще подстрѣлятъ насъ, слюшьте...

— И очень просто!—отозвался Отворницкій:—три года назадъ межевая партія оттуда едва ноги унесла.

— Чуть что, я, слюшьте, заболѣю и уѣду изъ участка... Всякому, слюшьте, своя жизнь дорога̀.

— Вамъ, Ѳедоръ Петровичъ, что̀! Вы человѣкъ одинокій, а у меня семья на шеѣ: жена, свояченица да семеро дѣтей малъ-мала меньше... Тутъ есть о чемъ подумать.

Мнѣ же еще пришлось ихъ ободрять и успокаивать.

— Я, слюшьте, еще одинъ револьверъ куплю, на всякій случай... У меня есть Лефошэ, но плохо, слюшьте, бьетъ. Слюшьте, какъ вы посовѣтуете: бульдогъ купить, или Смитъ-Вессонъ?—приставалъ ко мнѣ Балдаревскій.

— Купите лучше лишній букетъ или бонбоньерку какой нибудь дамѣ вашего сердца, — пошутилъ я: — никакихъ револьверовъ не нужно... Да и не помогутъ они въ случаѣ крайности.

— Гдѣ помочь! Подстрѣлятъ изъ-за куста, какъ рябчика... А они бѣлку въ глазъ бьютъ одной дробинкой безъ промаху, чтобы, значитъ, шкурки не испортить,—сказалъ топографъ.

— Ахъ, слюшьте, не пугайте! Вы хоть въ полѣ работаете, а я въ лѣсу, гдѣ всего опаснѣй. Подстрѣлятъ—и виноватыхъ не найдешь; скажутъ, слюшьте, что какой нибудь бродяга убилъ, ихъ вѣдь много здѣсь, бѣглыхъ каторжниковъ изъ Сибири...

— Бросьте, господа, свои страхи! — сказалъ я: — никого, Богъ дастъ, не подстрѣлятъ и не убьютъ. Я вѣрю въ свою звѣзду, вѣрю въ природный умъ и добродушіе простого русскаго люда. Надо только умненько взяться за дѣло, не раздражать крестьянъ какимъ либо, Боже сохрани, насиліемъ или хотя бы высокомѣрнымъ къ нимъ отношеніемъ, а просто нужно потолковать съ ними по душѣ, терпѣливо разъяснить имъ законность, цѣлесообразность и необходимость поземельно-устроительныхъ работъ, и, повѣрьте, все обойдется благополучно. Не къ звѣрямъ же мы ѣдемъ.

— Вашими бы устами медъ пить!.. А когда же мы, слюшьте, выѣдемъ?

— Да я думаю—въ концѣ недѣли.

— А не помѣшаетъ вамъ вашъ флюсъ?

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ объ этомъ моемъ флюсѣ, которому суждено было стать одною изъ причинъ «Асовскаго смятенія», служащаго главною темой настоящаго правдиваго разсказа.

Простудившись еще зимою на одномъ изъ веселыхъ пикниковъ, я получилъ на лѣвой щекѣ флюсъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Не обративъ на него, по присущей мнѣ безпечности, ни-

какого вниманія, я скоро горько въ этомъ раскаялся: образовался причинявшій мнѣ несносныя мученія нарывъ на внутренней сторонѣ щеки, а затѣмъ, къ ужасу моему, на щекѣ появилось красное зловѣщее пятно, и нарывъ прорвался наружу. Пришлось обратиться къ хирургу, который сбрилъ мнѣ бороду, расширилъ ранку и вставилъ въ нее дренажную трубочку и, обложивъ больное мѣсто карболизированной ватой, залѣпилъ его чернымъ англійскимъ пластыремъ. Вышло не слишкомъ уродливо, и, по крайней мѣрѣ, я освободился отъ стѣснявшей меня повязки во всю щеку. Къ веснѣ ранка затянулась, но остался еще очень замѣтный шрамъ, который я изъ кокетства продолжалъ заклеивать небольшимъ кусочкомъ чернаго пластыря.

— Consolez vous, cher ami; avec cette mouche vous semblez d'être un marquis du XVII siècle,—утѣшалъ меня Бѣликовъ.

III.

Продолжаю изложеніе дальнѣйшихъ событій.

Увѣривъ Балдаревскаго, что щека моя зажила и не помѣшаетъ скорому отъѣзду въ Асово, я пригласилъ моихъ гостей поужинать, чѣмъ Богъ послалъ, и за скромной трапезой мы занялись обсужденіемъ плана предстоящихъ работъ. Рѣшено было, что Отворницкій съ межевыми чинами выѣдутъ впередъ, а черезъ день—два пріѣдемъ и я съ таксаторомъ. Предписанія кунгурскому исправнику и мѣстному мировому посреднику о всяческомъ содѣйствіи нашимъ работамъ были уже отосланы, при чемъ губернаторъ, по просьбѣ Григорія Григорьевича, рекомендовалъ обоимъ этимъ должностнымъ лицамъ по первому моему требованію лично выѣхать на мѣста работъ и принять всѣ мѣры къ поддержанію спокойствія и порядка среди крестьянъ. Я зналъ объ этихъ предписаніяхъ, но, надѣясь обойтись безъ помощи исправника и посредника, не счелъ нужнымъ говорить моимъ сотрудникамъ объ этомъ губернаторскомъ распоряженіи. Пріѣдемъ на мѣсто, тамъ видно будетъ.

— Поѣзжайте прямо въ село Асово и разселите межевыхъ чиновъ по сосѣднимъ деревнямъ, а двухъ-трехъ оставьте въ самомъ селѣ, при моей квартирѣ, но къ работамъ до моего пріѣзда не приступайте,—поучалъ я Отворницкаго,—я раньше хочу поговорить съ крестьянами. Соберу сходъ, потолкую съ ними, и авось все образуется...

На томъ и порѣшили.

Наступилъ день отъѣзда. Уложивъ въ тарантасъ походную кровать въ кожаномъ чехлѣ и небольшой чемоданъ съ пожитками, я усѣлся поудобнѣе, перекрестился и тронулся въ путь. По дорогѣ къ городской заставѣ завернулъ къ Балдаревскому, который, по

условію, долженъ былъ ѣхать со мною вмѣстѣ, но тутъ на первыхъ же порахъ меня ждало разочарованіе.

На мой звонокъ мнѣ долго не отворяли. Въ первой изъ двухъ занимаемыхъ лѣснымъ Донъ-Жуаномъ комнатъ сильно пахло духами, и на столѣ валялась забытая женская перчатка, а изъ второй комнаты черезъ минуту вышелъ ко мнѣ Ѳедоръ Петровичъ сконфуженный, растерянный.

— Простите, слюшьте, ѣхать сегодня я съ вами не могу... Я, слюшьте, завтра пріѣду...

Дѣлать нечего, пришлось одному сѣсть на перекладную. Выѣхали за заставу, ямщикъ развязалъ колокольчикъ подъ дугой, свистнулъ, и тройка помчалась.

Кунгуръ, по сравненію съ Чердынью, оказался довольно чистенькимъ, уютномъ городишкомъ. Нѣсколько красивыхъ церквей и большіе каменные дома мѣстныхъ купцовъ-милліонеровъ, извѣстныхъ чаеторговцевъ Губкина и Кузнецова, выгодно выдѣлялись на общемъ фонѣ одноэтажныхъ деревянныхъ домишекъ. Впрочемъ, въ Кунгурѣ я пробылъ лишь нѣсколько часовъ, интересуясь не осмотромъ города, а знакомствомъ съ исправникомъ, къ квартирѣ котораго прямо и подкатилъ ямщикъ, по моему приказанію.

Полицейскій стражникъ въ полной формѣ открылъ двери и провелъ меня въ гостиную, сообщивъ, что ихъ высокоблагородіе «апосля обѣда, кажись, започивали»; но изъ сосѣдней комнаты немедленно раздался зычный басъ:

— Эй, Вахрамѣевъ, кто тамъ?

— Такъ что чиновникъ изъ Перми, ваше высокоблагородіе! — отозвался стражникъ.

— А-а, хорошо. Попроси подождать, я сейчасъ!

Въ комнатѣ кто-то завозился, послышались два богатырскихъ зѣвка, и черезъ минуту вышелъ ко мнѣ высокій, очень грузный человѣкъ, съ краснымъ лицомъ, черными лохматыми бровями и сѣдыми подстриженными усами. Одѣтъ онъ былъ въ коломянковый китель на распашку, изъ-подъ котораго виднѣлась красная канаусовая рубашка. Я назвалъ себя.

— Исправникъ Турбильонъ, — звякнулъ онъ шпорой, — прошу любить-жаловать. Получилъ предписаніе, и весь — къ вашимъ услугамъ. Вчера уже послалъ въ Асово стражника, чтобы приготовилъ вамъ обывательскую квартиру почище.

— Благодарю васъ, но... но стоило ли безпокоиться... я бы и безъ стражника обошелся.

— Хо-хо, вы думаете?.. Сомнѣваюсь.

— А что? Развѣ асовскіе крестьяне?...

— Анаѳемы! Киржаки, одно слово. Два раза выживали межевыхъ чиновниковъ, дали имъ тогда потачку, такъ ужъ теперь безъ волненій не обойдется... ну, да мы справимся! — басилъ исправ-

никъ: — что жъ мы, однако, стоимъ? — въ ногахъ правды нѣтъ... Прошу покорно садиться, закусить съ дорожки не прикажете ли? Эй, стражникъ, хересу!

Какъ я ни отнѣкивался, но на столѣ скоро появилось нѣсколько бутылокъ и тарелокъ съ закусками. Исправникъ заявилъ, что онъ, хотя и пообѣдалъ, но ради пріятнаго знакомства не прочь снова выпить и закусить со мною. Мы чокнулись и разговорились. При этомъ я узналъ, что отецъ моего гостепріимнаго хозяина былъ обрусѣвшій французъ, а мать — русская, что самъ онъ служилъ въ армейскихъ гусарахъ, давно овдовѣлъ, дѣтей не имѣетъ и доживаетъ вѣкъ одиноко, очень тяготясь одиночествомъ. Узналъ я также, что Турбильонъ любитъ выпить, предпочитая всѣмъ напиткамъ хересъ, несомнѣнно Кашинскаго происхожденія, и ежедневно любитъ повинтить, а иногда и метнуть банчишко. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ опустошилъ почти двѣ бутылки той странной противнаго вкуса микстуры, которую называлъ хересомъ, и усердно приглашалъ меня остаться въ Кунгурѣ до вечера, чтобы составить партію въ картишки.

Но я устоялъ отъ соблазна. и еще до заката солнца былъ уже въ Асовѣ. Село оказалось большимъ, широко разбросаннымъ по обѣимъ сторонамъ узкой маловодной рѣчки. Густой сосновый лѣсъ стѣной подступалъ къ усадьбамъ съ сѣвера и запада, а съ остальныхъ сторонъ тянулись пахотныя и луговыя угодья. Крѣпкія, хорошія избы и обширные дворы, полные всякихъ хозяйскихъ построекъ, краснорѣчиво свидѣтельствовали, что асовцы живутъ просторно и зажиточно. Прошло, возвращаясь съ пастьбы, многоголовое стадо и напылило на всю деревенскую улицу.

Я подъѣхалъ къ волостному правленію, у дверей котораго стояла кучка крестьянъ и о чемъ-то оживленно бесѣдовала. Когда я вылѣзъ изъ тарантаса, крестьяне обернулись въ мою сторону, недружелюбно оглядѣли меня съ ногъ до головы, и никто изъ нихъ шапки не снялъ.

— Дѣло плохо! — подумалъ я, но, не показывая вида, что замѣтилъ ихъ недружелюбіе, приподнялъ свою форменную фуражку и весело поздоровался:

— Здорово, братцы! Какъ бы мнѣ волостного старшину повидать?

Крестьяне сконфузились, мигомъ отдали мнѣ поклонъ, и изъ среды ихъ вышелъ рыжій мужикъ съ черной окладистой бородой и бѣгающими во всѣ стороны, плутоватыми глазами.

— Здравія желаемъ, ваше скородіе! Я самый старшина и есть... Что изволите приказать?

Я назвалъ себя, показалъ ему мой открытый листъ и потребовалъ отвода обывательской квартиры.

— Пожалуйте, ваше скородіе, квартирка вамъ тутотка недалече, вполнѣ готова. Полицейскій стражникъ при ней второй день дежуритъ... мы приказъ начальства завсегда рады исполнить въ аккуратности.

Старшина видимо лебезилъ, и мнѣ это тоже не понравилось.

До квартиры было дѣйствительно не далеко. Меня помѣстили въ довольно чистой и просторной избѣ крестьянской вдовы Матрены Зобовой, приземистой ширококостной женщины, лѣтъ сорока, которая пекла баранки и ежедневно отвозила ихъ въ Кунгуръ на базаръ. Хозяйка, уступивъ мнѣ избу, сама перебралась въ «лѣтничекъ», пристроенный на дворѣ, около амбара.

— А только, касатикъ, какъ хочешь, а баранки я въ избѣ печь буду, потому какъ въ лѣтничкѣ у меня такой настоящей печки нѣтути. Тебѣ, значитъ, чистая свѣтелка будетъ—туда ужъ я ни ногой, а кухня съ печкой моя останется. Дѣло мое вдовье, баранками я только и живу,—затараторила моя хозяйка.

— Да Господь съ тобой, хозяюшка, пеки свои бублики, сколько хочешь. Да, можетъ, и мнѣ стряпать согласишься: тогда кухня будетъ ужъ совсѣмъ въ твоемъ распоряженіи,—сказалъ я.

Лепорелло моего, Ананія, который готовилъ мнѣ кушанья въ Чердыни и въ Перми, я передъ самымъ отъѣздомъ въ Кунгуръ уволилъ за какую-то провинность и рѣшилъ обойтись на полевыхъ работахъ безъ городского слуги. Обходятся же таксаторъ и землемѣры, довольствуясь услугами деревенскихъ стряпухъ и дежурнаго мужичка, такъ называемаго «стойчика», назначаемаго къ нимъ на время работъ сельскимъ начальствомъ...

Хозяйка моя пожеманилась, выразила опасеніе, что, быть можетъ, не угодитъ мнѣ своей немудреной стряпней, но затѣмъ, очевидно, соблазнившись порядочной суммой вознагражденія, которую я предложилъ ей за услуги, согласилась, поставивъ мнѣ только условіемъ, чтобы я купилъ всю необходимую кухонную и столовую посуду.

— Нѣтути у меня, касатикъ, лишней посуды-то... Дѣло мое вдовье, сама-то я мяса почитай никогда не употребляю, посты тоже соблюдаю, грѣшница... Ты моей пищи ѣсть не будешь...

— По старой она вѣрѣ, ваше скородіе,—шепнулъ мнѣ старшина.

Конечно, я изъявилъ полное согласіе купить все, что нужно, и дѣло уладилось. Затѣмъ, я сейчасъ же отпустилъ въ Кунгуръ полицейскаго стражника, при ближайшемъ содѣйствіи котораго (какъ я потомъ узналъ) была отведена мнѣ квартира, а слѣдомъ хотѣлъ отпустить и старшину.

— Ступай пока съ Богомъ!—сказалъ я:—сходъ соберешь дня черезъ два, не раньше; тогда я и поговорю съ крестьянами. До тѣхъ же поръ мнѣ хочется отдохнуть и разобраться.

— Слушаю-съ... А только дозвольте доложить...—старшина забѣгалъ глазами по сторонамъ, выждалъ время, когда хозяйка вышла на кухню, и вдругъ, совершенно для меня неожиданно, опустился на колѣни.

— Что съ тобой? Встань, ради Бога!..

— Не погубите, ваше скородіе! Я, значитъ, всей душой... Начальственный я человѣкъ и все, значитъ, по закону должо̀нъ исполнить, а только съ обществòмъ никакого сладу нѣтъ!..

— Встань, встань и говори толкомъ.

— Вчерась, ваше скородіе,—заговорилъ старшина шопотомъ, грузно поднимаясь съ колѣнъ,—какъ, значитъ, полицейскій стражникъ пріѣхалъ,—большой у насъ шумъ вышелъ. Обществò собралось у волости, кричатъ идолы, что де не пущать чиновниковъ! Не желаемъ де межеваться, и все тутъ! Я ужъ и такъ, и этакъ,—никакихъ резонтовъ слушать не хотятъ. «На старыя правы!» кричатъ, да и только. Не погубите, ваше скородіе, я за обществò въ отвѣтѣ быть не желаю...

— Успокойся, каждый отвѣтитъ самъ за себя. Собери во вторникъ сходъ, я поговорю съ обществомъ, и тамъ посмотримъ...

— Большой шумъ будетъ, ваше скородіе... Народъ несуразный. Ни рабочихъ, ни подводъ не дадутъ.

— Ну, что жъ, наймемъ рабочихъ на казенный счетъ, а затѣмъ деньги взыщутъ съ общества.

— На счетъ пищи выйдетъ затрудненіе... Ни вамъ, ни чиновникамъ вашимъ крестьяне единой курицы не продадутъ ни за какія деньги.

— Что жъ, и себѣ, и моимъ землемѣрамъ буду всю провизію закупать въ Кунгурѣ, и дѣлу конецъ.

Видя, что ничего не подѣлаешь, и у меня на все готовъ отвѣтъ, старшина почесалъ затылокъ, крякнулъ и вздумалъ припугнуть меня иначе.

— Ваше скородіе, дозвольте вамъ еще слово молвить... Пужаюсь я шибко, чтобы чего худого не вышло. Народъ у насъ, можно сказать, отчаянный; не ровенъ часъ, согрубятъ вамъ, а ежели въ задоръ войдутъ—и того можетъ быть хуже... Вамъ бы съ Тазовской волости работать начать не въ примѣръ способнѣе было; тамъ почитай половина татарскихъ селеній, татары—народъ тихій, покорливый... Начнутъ татары межеваться, и наши, глядя на нихъ, можетъ, образумятся... Ей-ей, выѣхали бы въ Тазово, а я бы завтра утречкомъ и лошадокъ вамъ спроворилъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, завтра я никуда не поѣду!—сказалъ я,—какъ тебѣ ни хочется отъ меня избавиться, но удовольствія этого я тебѣ доставить не могу. Въ Тазовѣ работы начнутся своевременно, когда я сочту это нужнымъ, и до другихъ волостей вамъ никакого дѣла нѣтъ. Къ тому же, Асовскому обществу нѣтъ надоб-

ности брать примѣръ съ Тазовскихъ татаръ; крестьяне, я думаю, отлично знаютъ, что поземельно-устроительныя работы производятся во всей губерніи безпрепятственно, и что во многихъ уѣздахъ и нѣкоторыхъ волостяхъ вашего же Кунгурскаго уѣзда съемка крестьянскихъ земель на планы уже закончена.

— Это такъ точно, это что говорить, а только народъ у насъ отчаянный...

— Ну, я вашей отчаянности не боюсь. Пріѣхалъ я къ вамъ на работы по распоряженію высшаго начальства, работы эти должны быть произведены на основаніи закона, въ силу высочайшаго указа государя императора, и разсуждать тутъ не приходится. А за неповиновеніе моимъ законнымъ распоряженіямъ, а тѣмъ паче за оскорбленіе или какое либо насиліе надо мною,—ваше общество жестоко отвѣтитъ. Ты, какъ старшина, обязанъ все это разъяснить крестьянамъ. Они себя же погубятъ.

— Это такъ точно, это что говорить! — повторилъ старшина унылымъ голосомъ.

— Ступай теперь съ Богомъ, да не забудь собрать сходъ во вторникъ, когда пріѣдетъ и мировой посредникъ, которому я уже написалъ объ этомъ изъ Кунгура.

Старшина ушелъ.

Напившись чая съ довольно вкусными бубликами, принесенными хозяйкой, и разложивъ съ помощью прикомандированнаго ко мнѣ «стойчика», добродушнаго, но придурковатаго парня, мою походную кровать, я улегся, потушилъ свѣчу и разсчитывалъ заснуть, какъ всегда, богатырски. Но сонъ не приходилъ. На душѣ было жутко, и невеселыя мысли лѣзли въ голову. Я невольно прислушивался къ малѣйшему шороху, къ тому шопоту ночи, который, если вслушиваться въ него, всегда взвинчиваетъ нервы и сжимаетъ сердце непонятнымъ страхомъ передъ чѣмъ-то таинственнымъ, роковымъ, неизбѣжнымъ... Только когда заалѣлъ востокъ, усталость взяла свое, и я забылся тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ.

На слѣдующій день первый мой визитъ былъ къ мѣстному священнику, отцу Иларію Воздвиженскому, домикъ котораго, напротивъ невзрачной и ветхой церкви, стоялъ недалеко отъ волостного правленія. Отецъ Иларій оказался человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ растрепанной рыжей бороденкой, изможденнымъ лицомъ и какими-то безцвѣтными, но скорбными глазами. Господь благословилъ его очень многочисленнымъ потомствомъ; матушка-попадья подарила ему до полутора десятка ребятъ, при чемъ фигура матушки свидѣтельствовала, что въ скоромъ времени надлежало ожидать еще приращенія семейства.

На это обстоятельство отецъ Иларій и не преминулъ мнѣ пожаловаться сейчасъ же послѣ перваго знакомства.

— Простите, не имѣю возможности угостить васъ, какъ бы слѣдовало. Скудность ощущаю въ предметахъ первой необходимости.

Заѣла семья, а приходъ бѣдный, потому что большинство крестьянъ киржаки, которые съ требами меня не зовутъ...

— Помилуйте, батюшка, какое тамъ угощенье! Я совершенно сытъ, и зашелъ къ вамъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе и поговорить по дѣлу...

— Заѣла, совсѣмъ заѣла семья! — продолжалъ онъ, не слушая меня, — повѣрите ли, шестнадцать ртовъ кормлю, не считая собственнаго. Вы смѣяться, пожалуй, будете, а вѣдь для всѣхъ ребятъ моихъ даже общеупотребительныхъ именъ не хватило, и по сей причинѣ у насъ съ попадьей двѣ Маріи, два Ивана и три Василія. Кличемъ не только по именамъ, но для отличія и по физическимъ или нравственнымъ качествамъ. Одна Марья — рыжая, а другая Марья—косоротая; Ванька—плакса и Ванька—курносый; Васька—свистунъ, Васька—крикунъ и Васька—горбунъ... Ей-Богу!

— Мнѣ, батюшка, хотѣлось бы поговорить съ вами о здѣшнихъ крестьянахъ... Чай, слышали вы о нашихъ дѣлахъ?

— Слыхалъ-съ. Мятутся умомъ, во тьмѣ ходятъ...

— Такъ вотъ, помогите мнѣ. Вы пастырь ихъ духовный, отъ васъ многое зависитъ.

— Да что же я могу?—развелъ руками отецъ Иларій:—паства моя какъ будто обширна, а въ сущности весьма не велика. Большинство закоснѣлые раскольники, а другіе только значатся православными христіанами и въ церковь ходятъ лишь для видимости, но вѣрятъ больше своимъ начетчикамъ и старцамъ, а не мнѣ. Съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что я не имѣю на крестьянъ никакого вліянія.

— Объясните мнѣ, по крайней мѣрѣ, почему они боятся межевыхъ работъ? Вы, быть можетъ, слышали?

— Слыхалъ-съ, и на этотъ счетъ могу удовлетворить ваше любопытство. Боятся они всякаго межеванія потому, что межеваніе знаменуетъ пришествіе Антихриста, а вы и ваши землемѣры суть аггелы его, сирѣчь слуги Антихристовы.

— Какъ слуги Антихриста! Что за чепуха!—воскликнулъ я въ недоумѣніи.

— Конечно, чепуха, — улыбнулся священникъ, — но я самъ читалъ эту чепуху въ одной раскольничьей книгѣ, написанной уставомъ. Было это три года тому назадъ, когда межевая партія, командированная сюда, встрѣтила противодѣйствіе со стороны крестьянъ, и уѣхала изъ нашей волости, даже не приступивъ къ землемѣрнымъ работамъ. Большое тогда было ликованіе! Крестьяне обнимались и поздравляли другъ друга съ побѣдой надъ кознями врага рода человѣческаго. Разговорился я тогда съ однимъ знакомымъ киржакомъ, а онъ и принесъ мнѣ эту самую книгу. И значится въ ней, между прочимъ, среди многихъ признаковъ пришествія Антихриста, что поползетъ въ то время по землѣ сталь-

ная змѣя, то-есть ваша землемѣрная цѣпь, и начнутъ слуги Антихриста землю мѣряти, но другъ другу довѣрять не будутъ... Самъ читалъ.

— Ха-ха-ха! — невольно разсмѣялся я, — а вѣдь это дѣйствительно, что мы другъ другу въ работахъ нашихъ не довѣряемъ. Съемку межевщика провѣряетъ начальникъ партіи, мои дѣйствія ревизуетъ старшій чиновникъ.

— Ну, вотъ видите!.. Да, занятная была книжка,—продолжалъ отецъ Иларій,—хотѣлъ я взять ее у киржака, чтобы хоть выписки сдѣлать для памяти, но не удалось—не далъ онъ мнѣ книги-то и тотчасъ унесъ, какъ нѣкую драгоцѣнность. Киржака-то этого уже нѣтъ въ Асовѣ, ушелъ, говорятъ, въ лѣсъ спасаться, а книжка, быть можетъ, доднесь ходитъ у крестьянъ по рукамъ.

— Такъ, стало быть, я—слуга Антихриста?

— Выходитъ, что такъ... Смятеніе умовъ, ничего не подѣлаешь!

— Ну, какъ не подѣлаешь!—заговорилъ я уже серіозно: — надо постараться разсѣять эти бредни, если это дѣйствительно такъ. Надѣюсь, что мнѣ удастся растолковать крестьянамъ всю нелѣпость такого вымысла; но разсчитываю, батюшка, и на ваше содѣйствіе. Поговорите съ тѣмъ, съ другимъ; васъ крестьяне знаютъ, и вы ихъ знаете—помощь ваша сослужитъ мнѣ огромную службу.

— Да я что жъ, я готовъ... Я, пожалуй, поговорю...

Отецъ Иларій затеребилъ свою растрепанную бороденку, но его безцвѣтные глаза ясно выражали, что его хата съ краю.

Ну, плоха на него надежда!—подумалъ я и поспѣшилъ откланяться, такъ какъ въ это время, должно быть, Васька-крикунъ залился въ сосѣдней комнатѣ отчаяннымъ ревомъ, и матушка-попадья энергично позвала супруга для водворенія домашняго мира и тишины.

IV.

Къ вечеру пріѣхалъ Балдаревскій, весь обвѣшенный оружіемъ. За спиной у него болталось ружье въ чехлѣ, къ поясу привѣшены были охотничій ножъ и два револьвера въ кобурахъ. Совсѣмъ Ринальдо-Ринальдини лѣсного вѣдомства!

— Зачѣмъ вамъ этотъ арсеналъ?—изумился я.

— Все-таки, слюшьте, спокойнѣе. Всѣ стволы у меня заряжены, и я, слюшьте, четырнадцать выстрѣловъ могу сдѣлать.

— Въ кого?! Бросьте вы эти глупости.

— Не нахожу въ этомъ ничего глупаго, — обидѣлся мой таксаторъ,—въ селѣ, слюшьте, неспокойно, по улицамъ бродятъ кучки крестьянъ и галдятъ о чемъ-то... Ямщикъ мнѣ, слюшьте, Богъ знаетъ, что наговорилъ.

— А вы слушайте всякій вздоръ!.. Снимайте лучше ваше оружіе и давайте ужинать. Я поджидалъ васъ и даже чая еще не пилъ.

Едва сѣли мы за столъ, какъ явился Отворницкій съ однимъ межевщикомъ и принесъ вѣсти тоже неуспокоительныя. Квартиру имъ отвели сносную, но хозяинъ избы наотрѣзъ отказался входить съ ними въ какія либо сношенія.

— Жена сама на рѣчку за водой ходила, — разсказывалъ Отворницкій:—искала по всему селу курицу — никто не продаетъ ни за какія деньги. Еле-еле хлѣбъ купили да яицъ десятокъ. Пропадешь тутъ съ голоду!

— Не пропадете!.. Садитесь, почтеннѣйшій, и питайтесь безъ церемоніи! Господинъ Коркинъ, кушайте, пожалуйста! — пригласилъ я Отворницкаго и межевщика раздѣлить нашу трапезу: — а на будущее время, если что понадобится изъ провизіи, обращайтесь къ моей хозяйкѣ. Она каждый день ѣздитъ въ Кунгуръ на базаръ и привезетъ вамъ все, что закажете. Привезете, хозяюшка?—обратился я къ Матренѣ, хлопотавшей около стола.

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ. Нешто возможно людямъ безъ пропитанія быть? Прожертвуете мнѣ за провозъ гривенничекъ — все привезу, что угодно. Болтали тутъ мужики, чтобы чиновникамъ всяческое утѣсненіе дѣлать, а только я на это не согласна. Коли поставили ко мнѣ на фатеру главнаго чиновника, какъ же я его не буду кормить-поить? — резонно разсуждала моя хозяйка.

— А вдругъ какъ тебѣ достанется за это отъ мужиковъ-то?— сказалъ я, улыбаясь.

— И, касатикъ, что съ меня взять! Я бѣдная вдова, живу трудами своими, и мнѣ упускать лишнюю копейку опять же не приходится.

Очевидно, торговая баба смекнула, что отъ насъ она наживетъ неизмѣримо больше, чѣмъ отъ продажи въ Кунгурѣ своихъ бубликовъ, и перешла на нашу сторону.

Что жъ, и это была ужъ побѣда своего рода!

Послѣ сытнаго ужина Отворницкій и Коркинъ ушли къ себѣ, а Балдаревскій, съ которымъ мы порѣшили жить вмѣстѣ, занялся устройствомъ себѣ постели въ другой половинѣ моей свѣтелки, размежеванной нами пополамъ. Онъ прибилъ къ стѣнкѣ мохнатый тюменскій коврикъ, развѣсилъ на немъ свое многочисленное оружіе и бархатный, вышитый золотомъ башмачекъ для часовъ; подъ ковромъ этимъ разложилъ походную кровать и прикрылъ ее шелковымъ одѣяломъ съ вышитой на немъ огромною монограммой.

— Ишь ты, какъ женщины-то васъ балуютъ! — замѣтилъ я, разглядывая башмачекъ и монограмму: — небось, все рукодѣлье вашихъ поклонницъ?

— Не поклонницъ, а скорѣе моихъ былыхъ кумировъ. Ахъ, слюшьте, женщина — это все. Она украшаетъ нашъ житейскій путь... Женщина, слюшьте, это — роза... И какъ подумаешь, что

еще третьяго дня я былъ въ чудномъ цвѣтникѣ, наслаждался благоуханіемъ, а теперь...

— Должны довольствоваться моимъ обществомъ,—закончилъ я.

— Ахъ, слюшьте, я не про то. Я хотѣлъ сказать, что теперь мы вмѣсто милыхъ и симпатичныхъ намъ лицъ видимъ кругомъ какихъ-то враждебныхъ дикарей... И, Богъ вѣсть, что намъ сулитъ будущее!

— Ну, тамъ видно будетъ, а пока давайте спать, и да присиятся вамъ всѣ гуріи Магомета.

Слѣдующій день прошелъ спокойно и ничего не принесъ новаго. До полудня шелъ дождь, и мы не выходили изъ избы, а когда прояснилось, и мы съ Балдаревскимъ рискнули прогуляться по селу, то улицы были безлюдны—всѣ крестьяне работали, вѣроятно, въ полѣ. Бѣлоголовые ребятишки испуганно шмыгали отъ насъ въ подворотни; какая-то старуха выглянула въ окно, но, завидя насъ, безъ церемоніи плюнула и захлопнула раму.

Послѣ обѣда Балдаревскій взялъ двухстволку, револьверъ въ карманъ и куда-то исчезъ, а я въ цѣляхъ «сближенія съ народомъ» завелъ длинный разговоръ съ дежурнымъ «стойчикомъ», который оказался на этотъ разъ мѣстнымъ десятникомъ Никитой, по фамиліи Точилинымъ.

— Ты, что же, тоже по старой вѣрѣ? — допрашивалъ я его.

— Нѣтъ, мы церковные. У насъ, ваше скородіе, киржачатъ больше старцы... Въ которомъ семействѣ старикъ есть, али старуха древняя, то семейство, значитъ, и киржаки. А мой тятька давно померъ, да и матка за нимъ слѣдомъ побывшилась.

— Скажи ты мнѣ, милый человѣкъ, почему же ваше общество, слышно, не желаетъ межеваться?

— Не могу знать, ваше скородіе. Старики гуторили, что на старыя правы ладятъ...

— Да что же это за старыя правы?

— Не могимъ знать.

— Ну, вотъ видишь. И объяснить-то мнѣ не можешь, что за старыя правы такія! Глупость вѣдь это одна.

— Не могимъ знать, про то старики вѣдаютъ, а мы что-жъ, мы, какъ обществò...

— Такъ, значитъ, и ты не желаешь межеваться?

— Такъ точно, ваше скородіе; желаемъ на старыя правы.

— Вотъ такъ штука! — развелъ я руками: — такъ, можетъ быть, и волостной старшина тоже желаетъ на старыя правы?

— Это какъ есть. Старшина, ваше скородіе, передъ вашимъ пріѣздомъ сходъ собралъ и, значитъ, крѣпко наказывалъ міру стоять вкупѣ, какъ единъ человѣкъ, не давать согласу, чтобы въ крѣпостные итти. Воля, говоритъ, двадцать годовъ какъ вышла,

и нѣтъ такого закона, чтобы, значитъ, сызнова вольныхъ людей закрѣпить.

Услышавъ эту вздорную, ни съ чѣмъ несообразную рѣчь моего «стойчика», я сначала какъ-то окаменѣлъ. Мелькнула мысль, не сошелъ ли онъ съ ума. Но нѣтъ, передо мной стоялъ здоровый тридцатилѣтній крестьянинъ, съ ясными, совсѣмъ не глупыми глазами.

— Что ты говоришь? При чемъ тутъ воля? Кто хочетъ вновь обращать васъ въ крѣпостное состояніе?—забросалъ я его вопросами.

— Не могимъ знать, ваше скородіе.

— Вздоръ, отлично знаешь Говори толкомъ, откуда могла появиться эта ложь? Кто могъ сказать вамъ такую нелѣпость?

— Старики наши промежъ себя давно разсуждали... Потому столбы причиной.

— Какіе столбы?

Никита встряхнулъ головою, усмѣхнулся хитрой улыбкой и сказалъ:

— А дозвольте, ваше скородіе, опросить: когда землемѣры ваши грани обходятъ, роютъ они ямы?

— Ну, роютъ.

— А столбы ставятъ?

— Ставятъ.

— А литеры на столбахъ выжигаютъ? Клеймятъ, значитъ, сіи столбы?

— Клеймятъ.

— А какими литерами-то клеймятъ? М. Г. И.!—выходитъ: межа господина Иванова.

Никита побѣдоносно и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня: какъ дескать ты теперь вывернешься? Замѣчу въ скобкахъ, что тайный совѣтникъ Ивановъ былъ въ то время главнымъ начальникомъ уральскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ и, мирно проживая въ Екатеринбургѣ, конечно, и не подозрѣвалъ о нелѣпой выдумкѣ асовскихъ стариковъ, связанной съ его именемъ.

Мнѣ стало и смѣшно и досадно.

— Ахъ, вы, темные, темные!... Да вѣдь литеры эти означаютъ «Министерство Государственныхъ Имуществъ», отъ котораго ведутся межевыя работы для поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. И почему же ваши глупые старики такъ странно истолковали буквы: М. Г. И.? Мало ли что можно подобрать на эти буквы? Напримѣръ, межа горемычныхъ идіотовъ... И какъ тебѣ, сельскому десятнику, не стыдно повторять эти глупости!

Я разозлился на моего «стойчика» и долго еще старался разъяснить ему всю несообразность этой выдумки, но всѣ мои доводы и убѣжденія, кажется, пропали даромъ. Онъ только таращилъ на меня глаза, бормоталъ: «како-тако министерство намъ не извѣстно, а старики у насъ умственные», и, очевидно, не повѣрилъ ни одному моему слову.

Тѣмъ временемъ вернулся Балдаревскій.

— А я, слюшьте, великолѣпно прогулялся. Былъ въ полѣ и смотрѣлъ, какъ сгребаютъ сѣно бабы и дѣвки... Есть, слюшьте, между ними такіе полевые цвѣточки, ну, просто прелесть!

— Э, батенька, не до цвѣточковъ вашихъ теперь! Вы лучше послушайте, что я узналъ. Во-первыхъ, мы съ вами—слуги Антихриста, а, во-вторыхъ, пріѣхали обращать крестьянъ въ крѣпостное состояніе... — и я передалъ Ѳедору Петровичу мой вчерашній разговоръ съ отцомъ Иларіемъ и сегодняшнюю бесѣду съ Никитою. Балдаревскій даже въ лицѣ перемѣнился.

— Что за дичь, что за дичь! — восклицалъ онъ, взволнованно бѣгая по комнатѣ и забывая даже прибавлять къ каждому слову свое неизмѣнное «слюшьте»:—воистину смятеніе умовъ, какъ говоритъ здѣшній попъ! И, очевидно, тутъ ничего не подѣлаешь. Донесите обо всемъ этомъ старшему чиновнику, и уѣдемте отсюда подобру-поздорову. Пусть толкуетъ съ крестьянами мировой посредникъ, это его дѣло. Умиротворитъ онъ крестьянъ, тогда мы и вернемся...

— Ну, нѣтъ!—сказалъ я:—уѣхать теперь отсюда было бы такой ошибкой, печальныя послѣдствія которой отозвались бы и на дѣлѣ, которому мы служимъ, и на крестьянахъ, разумѣется. Нѣтъ, я не уѣду. Посмотримъ, что дастъ намъ завтрашній сходъ.

— Слюшьте, вы рискуете... Какъ хотите, а я завтра въ волостное правленіе не пойду.

— Да ваше присутствіе и не требуется. Говорить съ крестьянами буду я, въ присутствіи мирового посредника, который долженъ пріѣхать завтра утромъ. Кстати, вы съ нимъ знакомы? Кажется, онъ раньше служилъ въ Екатеринбургѣ, и, быть можетъ, вы съ нимъ сталкивались тамъ?

— Съ Хмелевскимъ? Нѣтъ, не приходилось. Слыхалъ, что онъ страстный игрокъ, и ночи на пролетъ способенъ просиживать за картами... Такъ мнѣ можно, слюшьте, не присутствовать завтра въ волостномъ правленіи?

— Конечно.

— Ну, слава Богу... Не подумайте, слюшьте, что я это изъ трусости. Просто, слюшьте, я не выношу шуму, голова сейчасъ начинаетъ болѣть.

— Ничего я не думаю, — успокоилъ я Балдаревскаго, и пораньше легъ спать, чтобы назавтра, во время генеральнаго, такъ сказать, сраженія, быть вполнѣ со свѣжей головою.

Н. Никифоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I) [1]).

XIV.

Оскорбительный слухъ.

I.

ОРУЧИКЪ Гуторовъ справлялъ свои именины. Приглашенія были посланы многимъ офицерамъ, причемъ хозяинъ предупреждалъ гостей, что пирушка будетъ основательная, съ большими возліяніями, поѣздкой на деревенскихъ розвальняхъ за городъ и съ «привѣтствіемъ зари».

Послѣдній обрядъ, неизвѣстный современному обществу, имѣлъ огромное распространеніе въ началѣ XIX столѣтія; этимъ обрядомъ наши веселившіеся предки завершали попойку: за нѣсколько минутъ до восхода солнца гости выходили на воздухъ съ бокалами въ рукахъ, становились на колѣни и при первыхъ лучахъ солнца осушали бокалы; если солнце, благодаря дурной погодѣ, не показывалось, то одинъ изъ гостей, по общему избранію, опредѣлялъ наступленіе зари и первый, съ громкимъ крикомъ, осушалъ бокалъ. Самымъ важнымъ моментомъ этого обряда было

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCVII., стр. 801.

стояніе на колѣнахъ съ обязанностью не дотрогиваться до вина ранѣе наступленія зари; если вино случайно выплескивалось (а въ концѣ пирушки оно выплескивалось у многихъ), то виновный отдавалъ свой бокалъ сосѣду, а ему подносили воду, какъ «пьяницѣ, недостойному встрѣтить свѣтъ по человѣческому образу и подобію».

Такъ веселились наши предки въ доброе старое время, и такъ рѣшилъ справлять свои именины поручикъ Гуторовъ, про котораго говорили, что «онъ товарищей любитъ, начальство презираетъ, женщинъ не переноситъ».

Такъ какъ господа офицеры не имѣли обыкновенія въ тѣ времена утруждать себя службою и обученіемъ солдатъ, то свободнаго времени у нихъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы жить въ свое удовольствіе. Но въ захолустныхъ городишкахъ большихъ удовольствій получать было нельзя, а потому офицерству волей-неволей приходилось часто сталкиваться другъ съ другомъ за большими и малыми попойками, картами и кутежами.

Въ городѣ квартировало два полка: одинъ—гарнизонный, другой—артиллерійскій. Дружные на поляхъ сраженій, полки страннымъ образомъ враждовали другъ съ другомъ во время мирной обстановки. Между офицерами обоихъ полковъ чувствовалась натянутость отношеній, которая, хотя и не переходила въ открытую ненависть, тѣмъ не менѣе сказывалась во всемъ: во взаимныхъ обмѣнахъ привѣтствіями, которыя происходили чинно, по-уставному, въ постоянныхъ соревнованіяхъ на смотрахъ и парадахъ и во всемъ остальномъ, что составляло домашній ежедневный обиходъ тогдашней жизни.

Нечего и говорить о томъ, что «гарниза» не принимала никакого участія въ компаніяхъ артиллеристовъ, которые считали себя образованнѣе «гарнизы» и, хотя не въ меньшей мѣрѣ «предавались игрѣ въ карты, въ зернь и винопитію», тѣмъ не менѣе при каждомъ слухѣ о «чудачествахъ» гарнизонныхъ офицеровъ артиллеристы пожимали плечами и дѣлали презрительныя гримасы.

Гарнизонные, въ свою очередь, считали артиллеристовъ гордыми не по заслугамъ и людьми, не понимающими воинской дисциплины; поэтому они никогда не упускали случая «подтянуть» артиллерійскихъ солдатъ за всякій пустякъ, подтрунить надъ ними на смотрахъ и вообще такъ или иначе дать имъ почувствовать ихъ недисциплинированность.

Гуторовъ являлся счастливымъ исключеніемъ: его любили товарищи—гарнизонные офицеры, и принимали къ себѣ артиллеристы. Его добрый нравъ, пристрастіе къ анекдотамъ, которые онъ мастерски разсказывалъ, всегдашнее незлобіе и миролюбіе, дѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: хорошимъ малымъ, умѣвшимъ насмѣшить, выпить, или «звѣздануть» во всякое время и съ кѣмъ угодно.

Однако, Гуторовъ не рѣшился позвать къ себѣ на именины кого либо изъ артиллеристовъ; отъ этого удержали его «полковыя традиціи», которыя были священны и чтились всѣми, а Гуторовымъ особенно ревностно, по крайней мѣрѣ, среди своихъ сослуживцевъ.

Гарнизонные офицеры толкались на квартирѣ Гуторова цѣлый день. Онъ занималъ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна служила спальней, а другая — столовой. На время именинъ кровать была сложена и убрана, такъ что мѣста было достаточно: повсюду красовались столы съ закусками, бутылками и пирогами. Каждый изъ гостей считалъ своею обязанностью принести съ собою бутылочку, другую, для «увеличенія силъ именинника».

Офицеры приходили, выпивали, закусывали, уходили, возвращались, кричали, пѣли и играли въ карты. Хозяинъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, выпивалъ съ каждымъ изъ нихъ и, несмотря уже на наступленіе вечера, твердо держался на ногахъ и поминутно разсказывалъ анекдоты.

Было уже восемь часовъ. Черезъ часъ должны были явиться дежурные офицеры, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ другими за городъ въ кабачекъ, прославленный въ лѣтописяхъ гарнизоннаго полка многими «боевыми потѣхами и бранями».

Дѣйствительно, послѣ пробитія вечерней зари, въ сѣняхъ послышалось гудѣнье и какіе-то странные звуки.

— Врасковъ пришелъ!—сказали офицеры, услыхавъ эти звуки.

Подпоручикъ Врасковъ, несмотря на свои двадцать четыре года, былъ необыкновенно толстъ и уже страдалъ одышкою, при чемъ это страданіе выражалось въ такой осязательной формѣ, что даже издали можно было слышать, какъ онъ отдувался, кряхтѣлъ и пыхтѣлъ; если же онъ куда либо входилъ, то тотчасъ же вынималъ носовой платокъ и такъ усиленно принимался за него, что всѣ должны были знать о его приходѣ.

Затѣмъ, покончивъ съ носовымъ платкомъ, съ одышкой и усталостью, онъ бокомъ проходилъ въ дверь и, если это была офицерская компанія, начиналъ хохотать.

Такъ случилось и здѣсь. Онъ издали замѣтилъ именинника и привѣтствовалъ его радостнымъ хохотомъ и воздушными поцѣлуями.

— Сашка!—кричалъ онъ ему.—Зачѣмъ ты бываешь именинникомъ только разъ въ годъ? Почему не можешь быть именинникомъ два раза въ мѣсяцъ? Могу же я дежурить два раза въ мѣсяцъ?! А почему ты не можешь почаще именинничать? Мошенникъ ты, мошенникъ! Давай, поцѣлуемся!

Пріятели расцѣловались.

— А я съ дежурства!—продолжалъ Врасковъ, шатаясь всѣмъ тѣломъ отъ душившаго его хохота.—Ушелъ, и большеникакихъ! Знать ничего не хочу. И случиться тамъ ничего не можетъ. Нельзя же Сашкины именины пропустить. Цѣлый годъ ждалъ, и вдругъ пропустить. Сашка, выпьемъ!

И пріятели пили, при чемъ ни тотъ, ни другой не дотрогивались до закусокъ, а Врасковъ, вмѣсто закуски, опускалъ свой толстый носъ въ порожнюю рюмку и вдыхалъ ея запахъ; послѣ такой операціи у него краснѣли глаза, а лицо становилось багровымъ и покрывалось потомъ.

— А я сейчасъ новость узналъ!—проговорилъ онъ, усаживаясь на диванѣ.—Преинтересная, я вамъ скажу, новость! Вотъ, говорятъ, артиллеристы — народъ образованный, тихій, смирный. «Вы, говорятъ, твари гарнизонныя, и больше ничего! Вы, говорятъ, только водку хлестать умѣете—и больше никакихъ»! А пуще всѣхъ мнѣ достается. Врасковъ, говорятъ, на водкѣ, собаку съѣлъ. Онъ по четверти въ день выпиваетъ. И пьяница Врасковъ, и забулдыга, и все, что хотите. Ладно. Пусть я пьяница, но эти артиллеристы-то смирненькіе и тихенькіе. А я вотъ что вамъ скажу... Сашка, выпьемъ!

Гуторовъ выпилъ съ нимъ. Врасковъ понюхалъ рюмку, отдалъ ее Гуторову, крякнулъ и продолжалъ:

— Такъ вотъ! слушайте! Собрались вчера артиллеристы въ загородный кабачекъ. Ну, ладно. Кто тамъ не бываетъ! Оно, конечно, артиллерія не то, что гарниза, куда намъ! Они, натурально, шампанское дуютъ... и надулись. Надулись и уѣхали. А одинъ изъ нихъ, самый что ни на есть тихенькій да смирненькій, надулся и заснулъ въ залѣ. Ладно. Спалъ-спалъ, да вдругъ и проснется. Проснулся, и ну кричать... Сашка, выпьемъ!

Офицеры обступили Враскова и слушали его съ интересомъ.

— Ну, ладно!—продолжалъ Врасковъ, понюхавъ рюмку.—Проснулся и кричитъ: «гдѣ артиллерія? На позицію артиллерію!» Ему и докладываютъ, что, молъ, господа уѣхали и его, вѣроятно, забыли. «Какъ,—кричитъ,—меня забыли?» Да какъ шасть лакея въ зубы. Натурально, лакей свалился, но потомъ всталъ, встряхнулся и опять свалился, ибо и вторая затрещина была не хуже первой. Тогда лакей (смекалистый, видно, человѣкъ) вставать не захотѣлъ, а такъ на четвереньках и поползъ отъ артиллериста. А артиллеристъ за нимъ и тоже на четверенькахъ. Хорошее зрѣлище! Ну, натурально, съ пьяныхъ-то глазъ упустилъ лакея изъ вида, и покажись ему, что лакей подъ столъ залѣзъ. Конечно, и онъ подъ столъ пошелъ. А за столомъ какой-то штатскій съ барынькой сидѣлъ. Почувствовала барынька, что ее кто-то за ногу все хватаетъ, испугалась и въ обморокъ. А артиллеристъ вылѣзъ изъ-подъ стола и со штатскимъ сцѣпился. Артиллеристъ ему слово, а штатскій ему десять. Не стерпѣлъ офицеръ: схватилъ со стола тарелку съ какимъ-то соусомъ, вылилъ его себѣ на ладошку и началъ штатскому личико малевать. На ту пору дамочка въ себя пришла и лататы стала задавать. Штатскій за ней, артиллеристъ за нимъ, да какъ плюхнется на полъ, такъ и встать не могъ: опять заснулъ. Такъ его полусоннаго и въ полкъ отвезли и товарищамъ сдали. Вотъ какая исторія-то... Сашка, выпьемъ!...

— А какъ зовутъ-то этого артиллериста! — поинтересовались офицеры.

— Соковниковъ? Кримскій? Харузувъ?—послышались голоса.

— Нѣтъ!—замоталъ головою Врасковъ.—Не тѣ! Да вы все равно не догадаетесь. Ладно. Я—пьяница, пусть я и пьяница. Я и сейчасъ ужъ пьянъ. А пьянствомъ все-таки не перещеголялъ Беера...

— Беера? Такъ это онъ выкинулъ?

— Онъ самый, вашъ тихій молодой человѣкъ! Даже и я передъ нимъ склоняюсь. Вотъ это я понимаю: и пьянствуетъ, и безобразничаетъ не такъ, какъ мы. Сашка, выпьемъ!...

Случай, разсказанный Враскимъ, вызвалъ среди офицеровъ смѣхъ, и многіе стали передавать болѣе или менѣе забавныя продѣлки офицеровъ.

— Только, братцы, чуръ!—сказалъ Врасковъ.—Я вамъ по секрету разсказалъ, никому не передавайте, а то исторія выйдетъ. Сашка, а за городъ везешь, аль нѣтъ?

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры садились въ деревенскія розвальни, чтобы начать настоящую попойку въ загородномъ кабачкѣ.

— Водка... вездѣ одна водка!—разсуждалъ Врасковъ, пожимаясь отъ холода.—А все-таки въ кабачкѣ выпить ее куда пріятнѣе...

Розвальни мчались, перескакивая черезъ ухабы. Бубенцы перезванивали и придавали чухонскимъ лошаденкамъ особенную бойкость и заносчивость. Вдали уже мелькали знакомые огоньки кабачка.

II.

Въ городскомъ саду играла музыка. Было много гуляющихъ, среди которыхъ толкался и нашъ знакомый Гуторовъ. Онъ то и дѣло снималъ шляпу или отдавалъ честь, раскланиваясь со своими знакомыми, которыхъ у него, кстати сказать, было множество.

Поворотивъ въ одну изъ аллей, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ маленькимъ артиллерійскимъ офицеромъ, котораго въ городѣ въ шутку называли «оловянный солдатикъ». Дѣйствительно, по внѣшнему виду онъ очень напоминалъ собою игрушечнаго офицерика: очень маленькаго роста, чистенькій, гладенькій, одѣтый во все новое, съ лицомъ, безусымъ и румянымъ, онъ производилъ самое «веселое впечатлѣніе». Солдаты его не боялись, а мѣстныя дамы считали его за «мальчика, которому многое можно простить и передъ которымъ нельзя себя было чувствовать неловкой». Одна майорша, жена батальоннаго командира, дама въ лѣтахъ и съ претензіей на моложавость, говаривала обыкновенно при видѣ его:

— Взяла бы этого херувимчика на колѣни и все по конфеточкѣ въ ротикъ ему клала бы! У-у... прелесть!

Дѣвицамъ «оловянный солдатикъ» не нравился, вѣроятно, благодаря своему маленькому росту, но зато дамы его очень любили и баловали.

— Здравствуй, Бееръ!—громко произнесъ Гуторовъ, протягивая руки «оловянному солдатику».

— А-а... Гуторовъ! Здорово!—отвѣтилъ Бееръ.—Ты какъ сюда забрался? Зачѣмъ?

— Скучно дома-то сидѣть. Надоѣло. Дай, думаю, пройдусь. Ты какъ поживаешь?

— Ничего. Все въ караулъ хожу, черезъ два дня въ третій.

— Такъ!.. А я кое-что слышалъ про твои подвиги!..—сказалъ ухмыльнувшись Гуторовъ.

— Про какіе подвиги?—переспросилъ Бееръ.

— Такъ... слухи носятся. Ты на прошлой недѣлѣ въ кабачкѣ-то былъ?

— Былъ... Ну, и что же?

— Говорятъ, здорово кутили, выпили порядочно; а ты зачѣмъ же непьющимъ представляешься? Пьешь, такъ пей, а то все молчкомъ да молчкомъ.

— Я не понимаю, про что ты говоришь!—вскрикнулъ Бееръ, и его красное личико сдѣлалось пунцовымъ.—Это ваши гарнизонные пьютъ, какъ... А мы все дѣлаемъ прилично.

— Ну, ты нашихъ не трогай!—строго замѣтилъ Гуторовъ.—Мы пьемъ, кутимъ, безобразничаемъ и этого не скрываемъ. А вотъ ты, лично ты... Я про вашихъ офицеровъ не говорю!.. Ты тоже попиваешь, и никакого грѣха въ томъ нѣтъ. Но зачѣмъ скрывать-то? Зачѣмъ?

— Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ! Поведеніе вашихъ офицеровъ достаточно извѣстно въ городѣ...

— Я тебѣ говорю: ты нашихъ оставь. Наши пьютъ, да никому соусомъ физіи не мараютъ. А ты вотъ—непьющій, такъ это дѣло смастерить живо можешь. Это, братъ, для офицера даже довольно стыдно.

— Это ложь, ложь!

— Ладно. Врасковъ не такой человѣкъ, чтобы врать. И я тебѣ, какъ пріятелю, говорю: нехорошо, объ насъ всякое понятіе испортится. Не хорошо насъ, офицеровъ, порочить. Я тебѣ, какъ другу, какъ брату, по секрету говорю: нехорошо... Право, нехорошо!..

— Врасковъ? Такъ это Врасковъ про меня такія сплетни распускаетъ?—взвизгнулъ Бееръ.—Ахъ, онъ пьяница этакій! Самъ пьяница горькій, а про другихъ разсказываетъ...

— Замолчи!—вскрикнулъ Гуторовъ.—Врасковъ пьяница, онъ и не скрываетъ этого, и всѣ это знаютъ. А Врасковъ говоритъ, что ты, Бееръ, тоже пьяница и пьянствомъ перещеголялъ его, Враскова... Такъ-то...

— Хорошо! Я этого такъ не оставлю... Я такъ не оставлю.

Беерь съ достоинствомъ отошелъ отъ Гуторова и смѣшался въ толпѣ.

— Языкъ проклятый! — думалъ про себя Гуторовъ, досадливо пощипывая усы.— И дернула меня нелегкая проболтаться... Исторія можетъ выйти... Экое свинство...

И опечаленный Гуторовъ медленно поплелся домой.

III.

Зданіе городского «публичнаго собранія» было ярко освѣщено. Къ подъѣзду поминутно подъѣзжали кареты, сани, подходили пѣшеходы. Оркестръ военной музыки гремѣлъ, и звуки изъ отворявшейся двери вылетали на улицу.

Офицеры играли всегда видную роль на балахъ въ публичномъ собраніи, при чемъ особенно выдѣлялись всегда гарнизонные поручики и прапорщики, завзятые танцоры, никогда не утомлявшіеся и способные танцовать вплоть до восхожденія солнца. Артиллеристы, наоборотъ, рѣдко заходили въ собраніе и въ танцахъ почти участія не принимали.

На балу можно было видѣть весь городской свѣтъ, съ комендантомъ въ главѣ. Почтенные люди занимали карточные столы, молодежь веселилась какъ-то особенно, съ какою-то страстностью и самозабвеніемъ, какъ уже не веселятся въ наше время.

Къ полночи всѣ столики въ буфетѣ уже были заняты. Здѣсь преобладалъ мужской элементъ; тамъ и тутъ чернѣли штатскіе фраки и военные мундиры. Говоръ и шумъ стоялъ въ воздухѣ, и сосѣди по столикамъ не могли слышать происходившаго рядомъ разговора.

Всѣ были такъ заняты своими дѣлами, что никто, разумѣется, не обратилъ сначала вниманія на новаго гостя, извѣстнаго уже намъ «оловяннаго солдатика», подпоручика Беера. Онъ медленно двигался по залу, присматриваясь вдаль; его маленькіе глазки щурились, и около нихъ образовались комичныя складки, прорѣзывавшія верхнюю часть щекъ вплоть до самыхъ ушей. Замѣтивъ издали группу гарнизонныхъ офицеровъ, сидѣвшихъ за столикомъ и весело болтавшихъ, онъ рѣшительно двинулся по направленію къ нимъ.

Сначала его не замѣтили, но когда онъ повышеннымъ голосомъ откашлялся, то нѣкоторые изъ офицеровъ обернулись и съ удивленіемъ поглядѣли на него.

— Что вамъ угодно?—спросилъ одинъ изъ гарнизонныхъ.

— Я—подпоручикъ Беерь!—отвѣтилъ «оловянный солдатикъ».

— Очень рады! Что прикажете?

— Я хотѣлъ бы узнать отъ васъ; что это, принято у васъ такъ, что ли, что, не знаючи человѣка, его ругаютъ?

— Объяснитесь, пожалуйста, яснѣе и... поскорѣе! Видите, ужинъ стынетъ...

— Я—подпоручикъ Бееръ и хочу видѣть того подлеца среди васъ, который позволилъ себѣ назвать меня у Гуторова въ домѣ пьяницею... Его фамилія—Врасковъ, что ли?...

Всѣ офицеры, сидѣвшіе за столомъ, разомъ повскакали со своихъ мѣстъ.

— Здѣсь публичное собраніе!—закричалъ одинъ изъ нихъ.— И вамъ не мѣшало бы знать, что въ обществѣ порядочныхъ людей существуютъ извѣстныя правила приличія...

— Я желаю Враскова, этого пьяницу и подлеца!

— Потрудитесь отзываться лучше о нашихъ товарищахъ... Мы требуемъ!..

— Я желаю подлеца...

— Молчать! — вскрикнулъ высокій гарнизонный офицеръ. — Иначе я за себя не отвѣчаю, равно какъ не могу поручиться, что ваша милость тотчасъ же не вылетитъ вонъ отсюда и черезъ окошко...

— Однако... это слишкомъ... Я желаю Враскова...

— Вонъ отсюда!—повторилъ гарнизонный офицеръ и протянулъ было уже руку къ воротнику «оловяннаго солдатика».

Въ ту же самую минуту, словно изъ земли выросъ плацъ-майоръ, красный, толстый офицеръ, и замогильнымъ голосомъ, отчеканивая каждый слогъ, произнесъ:

— Именемъ господина коменданта приглашаю господъ офицеровъ сейчасъ же прекратить громкій споръ, привлекающій вниманіе публики. Неповинующійся будетъ ослушникомъ закона.

Всѣ смолкли. Подпоручикъ Бееръ сталъ было ему объяснять свою правоту, но тотъ, круто повернувшись къ нему, мотнулъ головою и сказалъ:

— Подпоручикъ, даю вамъ пять минутъ для того, чтобы вы вышли отсюда, одѣлись и благополучно убрались восвояси. Посмотрите, господа гарнизонные офицеры очень возбуждены, и кто знаетъ, что будетъ, если они уйдутъ отсюда раньше васъ? Посмотрите, сколько ихъ тутъ, а вы одинъ. Итакъ, шагомъ маршъ!

Бееръ, ворча что-то себѣ подъ носъ, поглядѣлъ на гарнизонныхъ офицеровъ и рѣшился послѣдовать совѣту плацъ-майора. Онъ быстро вышелъ и также быстро уѣхалъ изъ публичнаго собранія.

— Ну-съ, ну-съ?...—вопросительно сказалъ плацъ-майоръ, обращаясь къ гарнизоннымъ офицерамъ.—Что вы скажете? а? Оскорблены, конечно? да? оскорблены? Но помните, господа, если, да что нибудь, да гдѣ нибудь, да на какомъ бы то ни было оружіи,

да если вы посмѣете, да дуэли задумаете...—всѣ подъ судъ, всѣ! Слышите?

И онъ величественно отошелъ въ сторону.

Офицеры снова усѣлись за столъ, но мирная болтовня уже не возобновлялась.

— Я его вызываю на дуэль!—замѣтилъ высокій гарнизонный офицеръ.—Я ему не прощу! Такихъ господъ учить надо... И Врасковъ тоже долженъ драться... Непремѣнно.

— Да, Барковскій, я съ тобой согласенъ,—отвѣтилъ ему другой офицеръ. — Но вѣдь мы въ сущности всѣ оскорблены, всѣ, сидящіе здѣсь за столомъ. Кромѣ Враскова, который долженъ потребовать удовлетворенія, я думаю, что изо всѣхъ насъ четверыхъ двое должны также потребовать удовлетворенія. А потому и я присоединяюсь къ тебѣ и также вызываю этого «оловяннаго солдатика».

— Отлично!—согласился первый. — Значитъ, я и ты, Леневъ... Мы, господа, отплатимъ за оскорбленіе... А теперь надо пойти предупредить Враскова. Надѣюсь, что онъ не откажется.

— Еще бы!.. Врасковъ непремѣнно долженъ такъ сдѣлать!.. — согласились другіе.

Офицеры поднялись, расплатились и шумно, размахивая руками, направились ко входу въ зало, гдѣ происходили танцы.

Когда Враскову было сообщено о происшедшемъ, онъ прежде всего замѣтилъ:

— Охъ, ужъ этотъ Гуторовъ! У него всегда языкъ не въ мѣру длиненъ!

Разумѣется, онъ согласился съ тѣмъ, что ему необходимо требовать удовлетворенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить мысли, что «на оловяннаго солдатика выступитъ полчище троихъ».

— Господа, ну, право же, онъ этого не стоитъ! Я оскорбленъ, я за все и отвѣчу и, не безпокойтесь, сумѣю постоять за себя и за васъ. А вы, если хотите, будьте моими секундантами.

— Нѣтъ, мы не согласны!—отвѣтили офицеры.—Мы оскорблены не меньше тебя! Намъ публично бросили въ лицо слово «подлецъ», и мы не примиримся съ этимъ.

— Ха-ха-ха! Да вѣдь подлецъ-то это—я, такъ, значитъ, мнѣ и сердиться нужно! А вы ужъ будьте моими секундантами, сдѣлайте милость... А теперь я танцовать пойду. Слышите, мазурку жарятъ... Дозавтра. Завтра поговоримъ.

IV.

На другой день въ квартирѣ Враскова происходило совѣщаніе, на которомъ, кромѣ хозяина, присутствовали Барковскій и Леневъ. Врасковъ никакъ не могъ согласиться съ товарищами и требовать

удовлетворенія наравнѣ съ ними. По его мнѣнію, оскорбленнымъ былъ только одинъ онъ, и никто другой.

— Да вы поймите,—убѣждалъ онъ Ленева и Барковскаго,—что Бееръ—глупъ, и больше ничего. Онъ поступилъ противъ васъ по-дѣтски, какъ мальчишка. Ну, развѣ пошелъ бы взрослый человѣкъ въ публичное собраніе и, завидя нашихъ офицеровъ, сталъ бы ругать меня, одного только меня? Вы сами погорячились и сдѣлали не такъ, какъ слѣдуетъ...

— Именно такъ, какъ надо!—отвѣтилъ Барковскій.—Этотъ «оловянный солдатикъ» прямо-таки сказалъ: «гдѣ среди васъ подлецъ?» и т. д. «Среди васъ», понимаешь? Это значитъ среди насъ есть подлецъ. А это уже оскорбленіе, страшное оскорбленіе, которое нужно смыть.

— Перестань, перестань!—сказалъ Врасковъ.—Охота тебѣ волноваться! Вѣдь, если бы не вы, такъ и я не сталъ бы связываться съ этимъ молодчикомъ. Онъ глуповатъ, а потому и лѣзетъ на рожонъ. А то, ей-Богу, не сталъ бы драться.

— Ты не смѣешь не драться!—въ два голоса воскликнули молодые офицеры.

— Да, къ сожалѣнію, не смѣю, вы мнѣ не позволяете, а то я бы ему съ удовольствіемъ простилъ. Будь я штатскимъ, никогда бы и не подумалъ требовать отъ глупенькаго мальчика сатисфакціи, а взялъ бы и плюнулъ на это дѣло, и все тутъ. А то дуэль еще...

— Можетъ быть, тебѣ этого очень не хочется? Тогда можешь отказаться, мы тебя не принуждаемъ!—насмѣшливо замѣтилъ Барковскій.

— Это уже теперь невозможная вещь!—отвѣтилъ Врасковъ.—Но на пистолетахъ драться я съ нимъ не буду, боюсь—убить. Прицѣлюсь—и кончено, будетъ казаться мнѣ, что не человѣкъ передо мной, а мишень, и убью! Я буду драться на холодномъ оружіи.

Послѣ долгихъ споровъ и увѣщаній офицеры пришли наконецъ къ заключенію, что драться будутъ только Врасковъ и Бееръ; Барковскій и Леневъ будутъ секундантами.

— Ну, вотъ и отлично!—замѣтилъ Врасковъ.—Поѣзжайте къ моему противнику и передайте ему мой картель...

Бееръ какъ будто дожидался гостей. Онъ плохо спалъ ночь, нервничалъ, сердился на денщика и не отходилъ отъ окна. Вчерашнимъ своимъ поведеніемъ онъ не былъ доволенъ и смутно ожидалъ серьезныхъ осложненій.

Ему доложили о пріѣздѣ офицеровъ. Онъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Проси! Очень радъ!

Барковскій и Леневъ вошли и сдѣлали низкій поклонъ. Затѣмъ Барковскій въ двухъ словахъ передалъ претензію Враскова, а Леневъ подтвердилъ ее.

— Хорошо! Хорошо!—произнесъ въ замѣшательствѣ Бееръ, причемъ глазки его испуганно забѣгали, и образовались складки, которыя покрыли переносье, лобъ и щеки.—Хорошо!

— Вы согласны дать удовлетвореніе?

— Конечно... Но я не знаю, чего хочетъ оскорбленный!—проговорилъ Бееръ.—Онъ бранилъ меня заочно, я отвѣтилъ ему такою же заочною бранью! И если мы попросимъ другъ у друга извиненія, то...

— Позвольте!—возразилъ Барковскій. — Вы не забывайте, что имѣете дѣло съ дворяниномъ и офицеромъ русской арміи, для котораго въ дѣлахъ чести нѣтъ никакого другого суда и расправы, какъ оружіе. Пусть подлые, низкіе люди идутъ въ судъ, но мы не можемъ и не должны такъ поступать. Слѣдственно, извиненіе не удовлетворитъ ни васъ, ни Враскова. Не найдете ли вы лучшаго способа удовлетворенія?

— Но я васъ не понимаю, господа!—сказалъ Бееръ.—Неужели требуется что нибудь другое, если я согласенъ извиниться передъ обиженнымъ мною, если только и онъ согласится извиниться передо мною?

— Я передаю вамъ отъ имени Враскова, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ!—гордо и торжественно произнесъ Барковскій.

— И я оскорбленъ! И я!—вскричалъ Бееръ.—Мы въ одинаковыхъ условіяхъ!

— А я заявляю, что Врасковъ извиняться передъ вами не намѣренъ!

— Не намѣренъ?! Въ такомъ случаѣ, что же угодно господину Враскову?

Барковскій не отвѣтилъ ничего и презрительно посмотрѣлъ на Беера.

— А-а! Понимаю!—какъ будто спохватился Бееръ.—Ему угодно дуэли? Извольте, я готовъ. Диктуйте ваши условія. Я готовъ. Когда и гдѣ?

Черезъ четверть часа Барковскій и Леневъ уходили отъ Беера, и каждому изъ нихъ казалось, что онъ выполнилъ самую священную изъ «обязанностей порядочнаго человѣка», а потому легко понять ихъ досаду, когда, возвратясь къ Враскову, они застали его мирно спящимъ и испускающимъ громовые звуки храпа.

— Въ дѣлахъ чести такъ равнодушно нельзя относиться!—разсердился Барковскій.—Мы рѣшаемъ вопросъ о его жизни или смерти, а онъ спитъ... Ужасно!

— Да я только вздремнулъ!—оправдывался Врасковъ.—Пообѣдалъ плотно, ну, меня и потянуло...

И онъ виновато улыбался, ероша своими толстыми пальцами курчавую голову.

V.

Поединокъ былъ назначенъ на слѣдующее утро. По условіямъ, секунданты—со стороны Враскова—Леневъ и Барковскій, а со стороны Беера—поручикъ Саблинъ—должны были присутствовать при самомъ начатіи дуэли, а затѣмъ, удостовѣрясь въ равенствѣ оружія—шпагъ—тотчасъ же, какъ шпаги будутъ скрещены, они уйдутъ изъ перелѣска, гдѣ произойдетъ поединокъ, и будутъ дожидаться приглашенія противниковъ. Такой маневръ былъ нуженъ для того, чтобы секунданты могли избѣжать строгаго наказанія, такъ какъ при такихъ условіяхъ они не были «присутствующими» при поединкѣ, что, по ихъ мнѣнію, должно было повлечь меньшую отвѣтственность.

Рано утромъ Барковскій и Леневъ уже входили въ квартиру Враскова.

Тотъ сидѣлъ за столомъ. Передъ нимъ стояла на три четверти пустая бутылка, а рядомъ съ бутылкой лежалъ разложенный пасьянсъ.

— Боже мой, онъ съ утра пьетъ!—возмутился Барковскій.— Развѣ такъ можно?

— А отчего же нельзя?—вызывающе спросилъ Врасковъ, и по тону его голоса было замѣтно, что онъ выпилъ уже много и чувствуетъ себя не вполнѣ трезвымъ.

— Смотри, онъ пьянъ!—шепнулъ Барковскому Леневъ.

Барковскій кивнулъ головой и сказалъ:

— Ну, пойдемъ, пора! Одѣвайся... Намъ осталось полчаса ждать...

— Успѣемъ!—невозмутимо замѣтилъ Врасковъ.—Ничего и опоздать. Подождутъ, не велика важность! А я, братцы, передъ смертью все пасьянсъ раскладывалъ, и все у меня не сходится... Видно, умирать надо!

— Ну, ладно! Не умрешь. Идемъ!

— Постой, дай, загадаю: ежели черная карта вынется,—убитъ буду, а коли красная, то сегодня вечеромъ такъ налижусь, что всѣмъ чертямъ тошно будетъ.

— Мы опоздаемъ... Одѣвайся же, пожалуйста, поскорѣе!

— Сейчасъ!—отвѣчалъ Врасковъ, невѣрными руками смѣшивая колоду картъ. — А ну... поглядимъ. Тьфу... черная вытащилась! Вотъ свинство. Значитъ, капутъ мнѣ. Ладно, посмотримъ. Идемте!

Они вышли. Врасковъ держалъ себя очень некорректно: пѣлъ пѣсни, бранился и даже пошатывался. Подойдя къ опушкѣ, онъ заявилъ, что усталъ и хочетъ отдохнуть, а затѣмъ сѣлъ прямо на сугробъ снѣга. Барковскій умолялъ его итти, но Врасковъ возражалъ:

— Передъ смертью я и посидѣть не смѣю! Нѣтъ, врешь... Посижу...

Наконецъ, онъ поднялся и проговорилъ въ раздумьѣ, какъ бы про себя:

— И куда меня чортъ несетъ? Ну, кого я обидѣть могу? Не вернуться ли?

Но тѣмъ, не менѣе, онъ пошелъ и, замѣтивъ въ сторонѣ Беера и Саблина, отдалъ имъ честь.

Противники сняли шинели и бросили ихъ на землю. Секунданты осмотрѣли оружіе.

— Господа!—громко провозгласилъ Барковскій.—Не угодно ли вамъ помириться?

— Ну, ладно, ладно! Уходите!—заворчалъ Врасковъ.—Даромъ я что ли сюда пошелъ?!

Онъ полюбовался на свой клинокъ, поигралъ имъ и остановился въ ожидательной позѣ.

Секунданты отошли на нѣсколько шаговъ.

— Можете начинать!

Шпаги скрестились. Нервная судорога искривила лицо Беера. Врасковъ сдѣлалъ выпадъ. Беерь отбилъ ударъ, но не успѣлъ опомниться, какъ новый ударъ со стороны Враскова разорвалъ ему рукавъ мундира. Онъ вспыхнулъ и сдѣлалъ какой-то замысловатый переводъ, который былъ спокойно отбитъ Врасковымъ. Затѣмъ съ той и съ другой стороны одинъ за другимъ стали слѣдовать выпады. Секунданты, стоявшіе вдали, изрѣдка оглядывались. Имъ казалось, что поединокъ тянется слишкомъ долго.

Вдругъ Беерь вскрикнулъ, и въ то же мгновенье что-то блеснуло и упало на землю, а Врасковъ продолжалъ дѣлать выпады.

— Стой, стой!—закричалъ Барковскій, увидавъ, что шпага Беера переломлена, и Врасковъ нападаетъ на безоружнаго.—Стой же!...

Врасковъ понялъ, въ чемъ дѣло, и опустилъ шпагу. Въ рукѣ Беера былъ только одинъ эфесъ, другою онъ держался за правый бокъ.

— Вы ранены?

— Да... у меня... прокололи бокъ... Но не глубоко... Я сейчасъ сдѣлаю перевязку!

VI.

Саблинъ отвелъ Беера на квартиру и тотчасъ же отправился съ докладомъ къ коменданту, генералъ-майору Гавро, которому и разсказалъ все происшедшее.

— На безоружнаго нападеніе?!—воскликнулъ генералъ.—Да вѣдь это покушеніе на убійство. Всѣхъ арестовать, кромѣ донесшаго. Пишите донесеніе на высочайшее имя.

Всѣ, за исключеніемъ Саблина, были отданы подъ судъ, который и приговорилъ Враскова и Беера къ повѣшенію, а Ленева и Барковскаго, «кои, знавъ ихъ поединокъ, не донесли начальству

и не извѣстили стоявшему вблизи ихъ часовому, чѣмъ самымъ допустили ихъ до таковаго законопротивнаго поступка, къ лишенію чиновъ, достоинства, отставленію отъ службы и напередъ за негодныхъ объявленію, а потомъ по имѣнію ихъ денежный штрафъ взять и, по состоянію дѣла, десятую, шестую, а, по крайней мѣрѣ, третью часть имѣнія ихъ описать».

Императоръ Александръ I, конфирмуя приговоръ, повелѣлъ Беера и Враскова, «лиша чиновъ, написать въ рядовые», а секундантовъ—«арестовать на трое сутокъ».

Впослѣдствіи разжалованные Бееръ и Врасковъ были произведены въ чины, «начиная по степенямъ», при чемъ первый остался на военной службѣ, а Врасковъ былъ уволенъ въ отставку «за непорядочное поведеніе», такъ какъ начальство аттестовало его «недостойнымъ».

— За чужую вину терплю!—говаривалъ потомъ Врасковъ.—Я ли не хотѣлъ мира и согласія? Я ли не уговаривалъ оставить все дѣло? Охъ, ужъ эти мнѣ предразсудки...

XV.

Непринятый вызовъ.

I.

Въ 1816 году русскіе офицеры изъ оккупаціоннаго корпуса Воронцова часто посѣщали Парижъ, заводили тамъ самыя разнообразныя знакомства и вдали отъ родины не особенно скучали по ней. Послѣ тяжелыхъ трудовъ, непосильныхъ походовъ, безпрестанной боевой жизни, мирная обстановка изящнаго французскаго города служила для всѣхъ приманкою, и многіе платились своею свободою въ караульняхъ и на гауптвахтахъ за частыя самовольныя отлучки изъ пунктовъ квартированія войскъ.

Прапорщикъ Крымовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ служакъ, которые казенныя командировки предпочитаютъ самовольнымъ отлучкамъ и отпускамъ, а потому онъ удивительно хитро и тонко обдумывалъ свои командировки, чтобы подъ оболочкою служебной надобности отвести свою душу въ пестрой суетѣ парижской жизни.

Въ одну изъ послѣднихъ своихъ командировокъ въ Парижъ онъ познакомился съ очень интереснымъ французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ главы семейства—пожилого господина Ришара, его молоденькой жены—Эльзы и матери Эльзы—сѣдой, благообразной старушки.

У Ришара въ одной изъ улицъ былъ часовой магазинъ; но торговля для него не составляла необходимости, такъ какъ въ

своемъ кварталѣ онъ считался человѣкомъ очень богатымъ, былъ образованъ, уменъ и любилъ знакомства.

Эльза была типичной французской женщиной—изящной, любезной; она отлично пѣла, великолѣпно одѣвалась, съ мужчинами держалась просто, принимала ихъ ухаживанье, а про своего мужа говорила обыкновенно:

— Онъ слишкомъ серьезенъ, чтобы любить меня, я слишкомъ вѣтрена, чтобы любить серьезныхъ!

И тѣмъ не менѣе жизнь супруговъ текла мирно, и надъ супружескимъ счастьемъ не было замѣтно тучъ.

Крымовскій познакомился съ Ришаромъ въ его магазинѣ; прапорщикъ зашелъ купить часы, разговорился съ хозяиномъ, высказалъ нѣсколько взглядовъ, плѣнившихъ Ришара, и съ тѣхъ поръ сталъ часто захаживать въ магазинъ, тѣмъ болѣе, что за конторкой онъ видѣлъ красивые глаза Эльзы, глядѣвшіе на него съ любопытствомъ. Затѣмъ Ришаръ пригласилъ его къ себѣ, и знакомство завелось.

Съ перваго же посѣщенія между Крымовскимъ и Эльзою установились самыя лучшія отношенія: они много разговаривали, смѣялись, гуляли по Парижу, посѣщали театръ. Ришаръ не придавалъ никакого значенія частымъ посѣщеніямъ Крымовскаго; поздно вечеромъ онъ возвращался домой, встрѣчалъ у себя прапорщика, пожималъ ему руку и передавалъ новости изъ политическаго міра, которыя его очень волновали.

Ни въ поведеніи Эльзы, ни въ постоянномъ присутствіи Крымовскаго нельзя было замѣтить ничего такого, что могло бы вызвать у Ришара недовольство; на посѣщеніе прапорщика онъ смотрѣлъ снисходительно, такъ какъ понималъ, что на чужой сторонѣ знакомства завязываются туго, а у офицера въ Парижѣ не было никого изъ близкихъ людей.

Тѣмъ не менѣе за послѣднее время Ришаръ сталъ чувствовать легкое раздраженіе, когда онъ вечеромъ подходилъ къ своему дому; онъ зналъ, что около Эльзы будетъ сидѣть Крымовскій, разсказывая ей про свою Московію, и Эльза будетъ глядѣть на него своими «лукавыми» глазами и улыбаться, и ему было непріятно это, и хотѣлось, чтобы поскорѣе Крымовскій уѣхалъ, и чтобы Франція освободилась вообще отъ присутствія русскихъ войскъ.

Онъ не ревновалъ, но ему было не по себѣ, и онъ не могъ скрыть этого и, боясь казаться нелюбезнымъ, раздражался еще болѣе. Но вотъ однажды вечеромъ Крымовскій объявилъ, что онъ скоро уѣзжаетъ, и на сердцѣ Ришара стало легко.

Онъ проснулся утромъ въ веселомъ настроеніи духа и отправился въ свой магазинъ. Торговля шла бойко, Парижъ наполнялся вновь прибывающими, и Ришаръ сталъ мечтать о томъ, что не

дурно было бы открыть большой торговый домъ и стать во главѣ солиднаго коммерческаго предпріятія.

Вечеромъ, почти передъ самымъ закрытіемъ магазина, къ нему зашелъ его пріятель, также часовщикъ. Онъ посидѣлъ немного и, уходя, сказалъ Ришару:

— А я сейчасъ видѣлъ вашу супругу съ господиномъ Крымовскимъ! Они поѣхали въ коляскѣ по направленію къ Версалю. Какъ вы думаете, господинъ Ришаръ, скоро русскіе оставятъ предѣлы Франціи?

Ришаръ промычалъ что-то и, по уходѣ пріятеля, сталъ запирать магазинъ. На душѣ у него было неспокойно: руки по какой-то странной причинѣ тряслись, и ключъ долго не ладилъ съ замкомъ.

II.

Подходя къ дому, онъ замѣтилъ, что въ квартирѣ было темно. Мать Эльзы сказала, что дочь ея поѣхала на прогулку съ прапорщикомъ и обѣщала скоро вернуться.

Ришаръ сѣлъ въ кресло и сталъ дожидаться возвращенія жены.

Пробило 10 часовъ, но ея все еще не было. Онъ не могъ уже сидѣть на мѣстѣ и молча ходилъ въ потемкахъ изъ угла въ уголъ, часто останавливаясь у окна и поглядывая на улицу.

— Отчего вы не прикажете зажечь огонь?—спросила его мать Эльзы.

— Не надо, такъ хорошо!—отвѣтилъ Ришаръ, нервно потирая руки.—Но гдѣ же ваша дочь?

— Не знаю. Но она скоро вернется.

Ришаръ посмотрѣлъ на часы: было уже около полночи.

— Она не вернется!—воскликнулъ онъ, и вдругъ ему показалось, что все погибло, что онъ оскорбленъ, что Крымовскій отнялъ у него вмѣстѣ съ женою и его незапятнанную честь.

Онъ быстро одѣлся и вышелъ на улицу, твердо рѣшившись итти въ отель, гдѣ остановился Крымовскій.

Черезъ полчаса онъ уже былъ у подъѣзда отеля. На вопросъ Ришара привратникъ отвѣтилъ, что русскій офицеръ дома.

— Противъ обыкновенія!—замѣтилъ привратникъ, усмѣхаясь.

— А у него... никого нѣтъ?—спросилъ Ришаръ и почувствовалъ, что у него похолодѣли ноги.

— Кажется, есть кто-то. Ему туда въ комнату носили вина. Но кто у него,—не знаю!

— А у него... не женщина?

— Право, не знаю: можетъ быть, женщина, а, можетъ быть, и женщины!

— Проведите меня къ нему!

— Виноватъ! Теперь всѣ спятъ. Не угодно ли вамъ подняться въ третій этажъ, № 142-й?

— Хорошо. Я пойду.

Ришаръ съ замираніемъ сердца поднялся по лѣстницѣ и остановился предъ дверью, на которой блестѣлъ указанный номеръ. Онъ остановился и затаилъ дыханье, стараясь прислушаться. Но все было тихо, и только съ улицы доносился стукъ проѣзжавшихъ экипажей.

Онъ постучался, ему не отвѣтили. Онъ постучался еще разъ, и черезъ минуту услыхалъ за дверью голосъ Крымовсеаго.

— Кто тамъ стучитъ? Теперь такъ поздно.

— Это — я, — сказалъ Ришаръ съ дрожью: — отворите, ради Бога!

— Кто вы? Я не знаю вашего голоса!

— Я—Ришаръ!

Послышался звукъ отпираемаго замка, дверь отворилась немного, и Крымовскій тихо произнесъ:

— Извините, Я не могу васъ принять, у меня—женщина!

— Бога ради впустите!

— Я не могу!

Дверь снова затворилась, но Ришаръ уже не могъ владѣть собою.

— Отворите! Мнѣ необходимо васъ видѣть!

— Что вамъ угодно?

Ришаръ, стараясь говорить шопотомъ и еле переводя дыханіе, нагнулся къ замку и сказалъ:

— Я увѣренъ, что моя жена у васъ. Если вы порядочный человѣкъ и желаете меня разубѣдить въ этомъ, то, будьте добры, покажите мнѣ какую либо принадлежность туалета той дамы, которая находится у васъ. Я прошу...

— Какъ странно!—сказалъ за дверью Крымовскій и отошелъ отъ двери.

Ришаръ стоялъ въ коридорѣ и ждалъ; время казалось для него вѣчностью.

— Смотрите! — услышалъ онъ голосъ Крымовскаго, который, отворивъ немного дверь, подалъ ему дамскіе чулки.

Ришаръ быстро оглядѣлъ чулки и вдругъ сконфузился и залепеталъ:

— Извините меня! Я совсѣмъ потерялъ голову. Я поступаю, какъ мальчикъ. Мнѣ очень совѣстно. Но гдѣ же моя жена? Она была съ вами?

— Я ее проводилъ къ господамъ Брюнель и съ тѣхъ поръ не видалъ ея!—отвѣтилъ Крымовскій, запирая дверь.

— Пожалуйста, извините! — произнесъ громко Ришаръ и поспѣшно сталъ спускаться съ лѣстницы.

Свѣжій воздухъ заставилъ его прійти въ себя. Онъ нашелъ, что поступилъ необдуманно, нетактично и оскорбилъ человѣка. Эльза могла остаться у Брюнелей, съ которыми она давно знакома.

— Пойду домой; можетъ быть, Эльза уже дома! — подумалъ онъ и чуть ли не бѣгомъ направился къ дому.

Отъ бѣготни и волненія у него вспотѣла голова. Онъ остановился, снялъ шляпу и обтеръ голову и лицо платкомъ.

— Что это значитъ?—подумалъ онъ, обнюхивая свои пальцы.— Духи, которые такъ любитъ моя жена? Что это значитъ? Мои пальцы отчетливо издаютъ запахъ этихъ духовъ. Я теряю способность понимать.

И вдругъ онъ схватился за голову и, прислонившись къ стѣнѣ, зарыдалъ.

— Чулки?! Но вѣдь чулки у всѣхъ одинаковы... черные, обыкновенные. Но духи... духи ея!..

Онъ бросился къ дому, разбудилъ прислугу, которая сказала, что барыня еще не возвращалась, и, не входя въ квартиру, отправился къ дому, гдѣ жили Брюнели.

Когда разсвѣло, онъ вернулся домой. Эльза спала, и дыханіе ея было ровно.

— Она не была у Брюнелей!—рѣшилъ Ришаръ и вышелъ изъ комнаты Эльзы.

Онъ вошелъ въ свой рабочій кабинетъ, взялъ перо, бумагу и сѣлъ писать. Черезъ часъ письмо было написано, запечатано, и служанкѣ было приказано отнести его въ отель къ Крымовскому.

III.

Крымовскій въ своемъ отвѣтѣ писалъ Ришару:

«Милостивый государь! Вы продолжаете увѣрять себя, что я опозорилъ васъ, что я отнялъ у васъ жену. Разубѣдить васъ въ этомъ значило бы принять на себя непосильный трудъ. Поэтому я ограничусь только слѣдующимъ: дать вамъ удовлетвореніе въ такой формѣ, которую вы мнѣ предлагаете, я не могу, такъ какъ поединокъ является борьбой двухъ лицъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ общества. Между тѣмъ вы отлично понимаете, что существуетъ нѣкоторая разница въ нашихъ отношеніяхъ: я— русскій дворянинъ, офицеръ, вы — гражданинъ, занимающійся часовыхъ дѣлъ мастерствомъ. Разумѣется, если бы не существовало этой границы, отдѣляющей насъ, я съ удовольствіемъ принялъ бы вашъ вызовъ и вашихъ секундантовъ. Но смѣю увѣрить васъ, что при настоящемъ положеніи я не могу согласиться съ вами, такъ какъ противное вызвало бы на меня нареканіе со стороны того общества, къ которому я принадлежу по рожденію, по воспитанію и характеру своей службы. У васъ, французовъ, гра-

жданинъ—это все; у насъ, въ презираемой вами Московіи, вашъ гражданинъ и вашей профессіи есть ремесленникъ, мѣщанинъ. Воображаю, какими насмѣшками осыпали бы меня, если бы я рѣшился принять вашъ вызовъ.

«Зовите меня къ суду, требуйте отъ меня матеріальнаго удовлетворенія,—и я съ наслажденіемъ соглашусь на все, чтобы пострадать за ваши подозрѣнія, ни на чемъ не основанныя. Но, повторяю, драться съ вами мнѣ не позволяютъ общественные предразсудки, которые повинны также и въ созданіи дуэлей.

«Благоволите принять отъ меня выраженіе горячихъ сожалѣній о происшедшемъ и сочувствія вамъ, какъ человѣку, почитающему себя оскорбленнымъ. Помните, что дуэль—право немногихъ счастливчиковъ, къ которымъ вы не принадлежите».

Ришаръ прочелъ это письмо, всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Эльза, читай!—сказалъ онъ, увидя въ дверяхъ жену.

Та взяла письмо и покраснѣла. Ришаръ не отрывалъ своихъ глазъ отъ лица Эльзы.

— Скажи правду, только одну правду, и мнѣ ничего больше не нужно!—сказалъ Ришаръ мягко.—Отвѣть мнѣ открыто и честно, справедливы ли мои подозрѣнія.

— Ты съ ума сошелъ! — вскрикнула Эльза и выбѣжала вонъ изъ комнаты.

IV.

Ришаръ одѣлся и медленно направился къ отелю, гдѣ жилъ Крымовскій.

У подъѣзда стояла карета, привратникъ несъ чемоданы. За нимъ, пожимаясь отъ утренняго холода, спускался прапорщикъ; онъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ каретѣ Ришаръ, какимъ огнемъ горѣли его глаза, и только тогда увидѣлъ его, когда онъ поднялъ дуло пистолета и произнесъ:

— Если въ вашемъ обществѣ позорно драться съ низшими, то низшіе сумѣютъ защищать свою честь другими путями.

Раздался выстрѣлъ. Ришара схватили.

Крымовскій стоялъ неподвижно.

— Жаль, что мнѣ помѣшали. Молите Провидѣніе и благодарите этого полицейскаго, который дернулъ меня за рукавъ и отправилъ пулю не по назначенію. Это спасло васъ для вашего строгаго общества.

Ришара увели, а прапорщикъ Крымовскій поспѣшно сѣлъ въ карету, чтобы затѣмъ никогда уже болѣе не возвращаться въ Парижъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ [1].

V.

«Они».

(Въ родѣ эпилога).

НИ, конечно, организованы. Общее чувство жадности, себялюбія, ненависти ко всему непосредственному, трудовому и честному, будь то интеллигенція или народъ, соединило ихъ, связавъ внутреннею человѣконенавистнической связью.

«Они» составили корпорацію и учредили общество улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ. Такое общество имъ разрѣшили съ уставомъ, предсѣдателемъ, выборами и засѣданіями. Дѣло было не въ названіи, — «они» согласились бы на всякую кличку, лишь бы быть признанными, какъ цѣлое, опредѣленное и «дозволенное». Выражаясь газетнымъ языкомъ, «они» были дозволены цензурой. Прекрасно! Я помню это золотое для «нихъ» время.

Стояло чудное весеннее утро. Былъ праздникъ, и звонили въ колокола. Звонъ былъ такой радостный, небо голубое, чистое, и на немъ ни тучки, ни облачка. Море сливалось совершенно незамѣтно съ горизонтомъ, и даже слабый вѣтеръ не шевелилъ распускающихся вѣтокъ тополей и черешенъ. Птички чирикали, кувыркались

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., декабрь, стр. 804.

въ морѣ дельфины, и тамъ, далеко, тянулась дымная лента парохода.

«Они» шли на первое засѣданіе. Этотъ тихій весенній день былъ днемъ ихъ торжества. Какія же мечты и грезы распускались въ ихъ сердцахъ? Предполагать можно, но съ увѣренностью сказать мудрено, ибо чтеніе въ сердцахъ намъ недоступно. По внѣшнему виду, по тѣмъ пріемамъ, которые «они» обнаруживали при встрѣчахъ другъ съ другомъ, было ясно, что «они» шли съ опредѣленными, сознательными цѣлями, понимая другъ друга совершенно.

Бываетъ согласіе молчаливое,—такъ волки сразу, какъ бы по невидимой командѣ, бросаются на свою жертву,—бываетъ тѣсное, дружное сплоченіе съ одного слова, по одному знаку: до того родственны души, однимъ пульсомъ бьются сердца.

«Они» теперь были членами общества, и приглашенные повѣстками шли выбирать предсѣдателя. «Они» всѣ были кандидаты. Большею частію, случайно, конечно, двигались «они» парами: докторъ шелъ съ торговцемъ, таможенный чиновникъ съ отставнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, акцизный съ старшиной. Шли кавалеры и дамы, послѣднія безъ права голоса, но сильныя своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своей проницательностью. Всѣ одѣты были по-праздничному, со вкусомъ или «по-дешевому», смотря по привычкамъ и по состоянію. На груди нѣкоторыхъ сверкали и блистали на солнцѣ знаки отличія, а также свѣтлыя пуговицы форменныхъ одеждъ.

Итакъ сверкало яркое солнце, была тишина, «они» двигались такъ торжественно и чудно, въ мечтахъ предвкушая близость осуществимаго, возможнаго... Въ самомъ дѣлѣ, взять въ цѣпкія руки всѣ земельныя выгоды, увеличивъ цѣнность скупленныхъ дачныхъ участковъ, «втирать очки» пріѣзжимъ, рекламировать безъ конца курортъ, развивая торговлю и благодѣтельную спекуляцію. «Они» надѣялись вырвать изъ владѣнія крестьянъ общественныя земли, ближнія къ морю, и замѣнить мужицкіе порядки своими «благородными». О, у нихъ была цѣлая программа!

Наконецъ желанный день выбора предсѣдателя и членовъ насталъ, и выбранный глава проведетъ программу въ жизнь, показавъ «ихъ» силу и безстыдство. Нуженъ человѣкъ спокойный и безсовѣстный, но со всѣми аттрибутами внѣшняго приличія и культурнаго представительства.

— Просимъ... просимъ... раздавались голоса изъ открытыхъ оконъ зданія, гдѣ происходило засѣданіе.

Но вотъ все стихло на минуту. Послышался ровный, великолѣпный баритонъ избраннаго предсѣдателя. Да, этотъ будетъ дѣятеленъ, дальновиденъ и эластиченъ, какъ змѣя. Онъ покажетъ, если нужно, жало, вольетъ ядъ или самую сладкую лесть въ душу человѣческую. Онъ убѣдитъ сомнѣвающагося, собьетъ съ толка

слабо увѣреннаго, отмстить или приголубить — онъ все можетъ, ибо его уста лживы, а въ сердцѣ схороненъ одинъ изъ серебренниковъ Іуды.

Но снова послышались голоса, началось движеніе. Люди входили и выходили изъ собранія. Какія все довольныя лица!.. но отчего волчьимъ блескомъ сверкаютъ глаза нѣкоторыхъ?!. Не зависть ли лютая? О, нѣтъ... «Онъ» выбранъ единогласно!

Все это происходило въ тихомъ приморскомъ мѣстечкѣ, гдѣ ранѣе жизнь текла среди покоя горъ, величія моря и трудовъ человѣческихъ. Люди жили дружно, равные по положенію, по заботамъ и надеждамъ, не враждуя особенно, и не было у нихъ стремленія уйти отъ этой простой жизни, отъ непосредственно созданныхъ отношеній.

Къ нимъ пріѣзжали другіе люди, изъ большихъ городовъ, измученные сложной, нервной жизнью, почти безъ свѣта и воздуха, пріѣзжали изъ каменныхъ громадныхъ домовъ, гдѣ они занимали опредѣленныя клѣтки, которыя назывались комнатами, квартирами. Среди камня, дыма и сѣраго хмураго неба эти люди тосковали о просторѣ, солнцѣ и зелени лѣса, тосковали о жизни, настоящей, правдивой природѣ, гдѣ хотѣли дышать полной грудью и отдыхать всѣмъ своимъ изболѣвшимъ существомъ. Для такихъ людей въ мѣстечкѣ все было дорого, потому что было непосредственно и здорово и совершенно не походило на ту обстановку, которая, отнимая столько жизненныхъ силъ и простоты въ душѣ, поселяла смутное безпокойство. Обновленные силами природы, очарованные простыми условіями трудовой жизни, возвращались на свою нервную работу люди, предавались изо дня въ день сложнымъ безпокойнымъ впечатлѣніямъ большого каменнаго города, дышали міазмами, терзались ужасомъ нищеты и наглостью богатства, но переносили эти обычныя явленія культурной, столичной жизни, улыбаясь, ибо думали или говорили: «ничего, еще мѣсяцъ, другой... и мы покинемъ тяжкую суету и отдохнемъ и поживемъ въ знакомыхъ тихихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ культурныхъ удобствъ и комфорта, но гдѣ столько простоты и могучей, роскошной природы... О, такая сила воскреситъ даже умирающаго»...

Такимъ образомъ между жителями и пріѣзжими установились добрыя нормальныя отношенія: одни другими были довольны потому, что другъ отъ друга почти ничего не требовали. Пріѣзжимъ были милы крохотныя турлучныя хаты, простая здоровая пища, ихъ все радовало—и горы, и лѣсъ, и море... Жители тоже были довольны, смотря на людей, иныхъ по внѣшнему виду, но простыхъ и безхитростныхъ по отношенію къ нимъ. И они радовались и

говорили: «пусть пріѣзжаютъ и живутъ... и намъ веселѣй съ такимъ народомъ, который дурного намъ не желаетъ»...

И было хорошо и просто... Еще торговля и промышленность не процвѣтала, потому было все дешево: продавали отъ излишка, а не отъ жадности. «Рынка» еще не существовало, а дѣйствовалъ деревенскій воскресный базаръ.

Однимъ словомъ нѣсколько (и очень немного) лѣтъ тому назадъ въ населенномъ трудовомъ земледѣльческомъ мѣстечкѣ мы могли «по временамъ сезона» наблюдать рѣдкое явленіе простой здоровой жизни городского трудового элемента, который, отдыхая, привязывался къ природѣ, привыкалъ больше уважать простого крестьянина въ его обыденной домашней обстановкѣ.

Совершенно понятно, что разные по положенію люди другъ у друга кое-чему научались и сближались тѣснѣй. Физическій, простой трудъ по его непосредственнымъ результатамъ казался симпатичнымъ, хотя не легкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть привлекательнѣе, справедливѣе такого труда, при условіи его полной свободы? И многіе, увлекаясь работой въ природѣ, среди воли и простора, чувствуя себя лучше, покойнѣе здѣсь, не возвращались туда и устраивались по новому, свободному и земледѣльческому. «Мечтатели!» скажетъ читатель. Ну, что же? Мечтатели или идеалисты—это русскіе люди, по существу, люди способные вѣрить въ далекую свѣтлую правду, способные переносить терпѣливо «зло жизни» и бороться съ нимъ удивительными способами даже пассивнаго душевнаго терпѣнія. Люди огромнаго духовнаго подъема, выносливости и широкаго христіанскаго практическаго пониманія, эти люди—характернѣйшіе представители русскаго народа-идеалиста. Но я уклонился...

И вотъ появились среди крестьянъ новые жители, интеллигентные. И бачили и дивились поселяне и думали: «должно, тамъ, въ городахъ и столицахъ, не очень сладко живется, коли къ намъ пожаловали и нашей работой и простой жизнью не погнушались». И стало поселянамъ отъ такихъ думъ хорошо, и стали они крѣпче считать себя людьми.

Но такая идиллія продолжалась недолго.

О мѣстечкѣ заговорили, кто-то написалъ въ газетахъ о прекрасномъ купаньѣ въ бухтѣ, и число пріѣзжихъ стало расти, увеличиваться. Но это были другіе люди, капризные и богатые, для которыхъ природа была на второмъ планѣ, а удобства и комфортъ на первомъ. За такими людьми поспѣшили спеціалисты по устройству приспособленій къ природѣ, которой можно и не пользоваться au naturel, а изъ стеколъ балкона, изъ удобныхъ помѣщеній безъ столкновенія съ дѣйствительностью, большей частію, грубой... Еще бы!..

Спеціалисты («люди на всѣ руки») остались въ мѣстечкѣ, рѣшивъ бороться съ простотой жизни и людьми, не понимающими,

сколько тысячъ рублей стоитъ кусочекъ морского берега, за сколько тысячъ можно продать лучи южнаго солнца и въ какую цѣну поставить видъ на чудный закатъ въ горахъ.

И вотъ закипѣла «работа». Тѣмъ временемъ возникалъ и началъ дѣйствовать по сосѣдству заводъ. Открылись разные магазины и трактиры. Промышленность пробуждалась, торговля просыпалась. Мѣстечко пестрѣло, становилось люднѣе, даже босяки появились, и на время сезона «эти дамы». «Планы» скупались, продавались для желающихъ пользоваться солнцемъ, моремъ и горными видами. Природа въ своей художественной непосредственности и гордой красотѣ поступила на биржу и, словно акціонерная облигація, стала котироваться, смотря по обстановкѣ и видамъ на море. «Они» играли на плановыхъ цѣнностяхъ. Планъ ближе къ морю стоилъ дороже, дальше—дешевле. Участки въ культурной части дороже, крестьянской—дешевле. Строились дома, гостиницы, санаторіи, дачи, которыя недостроенными продавались по тройной цѣнѣ. Наконецъ, организованные, «они» дружно выступили за право эксплоатаціи не только труда, но и природы въ ея благородномъ, эстетическомъ смыслѣ. «Они», эти борцы и представители культуры, работали «во всю».

Реклама дала плоды. Съѣздъ былъ большой. Пріѣхало нѣсколько генераловъ, хотя не всѣ остались на сезонъ, а одинъ даже уѣхалъ на другой день, уѣхалъ, потрясая маленькой брошюркой, въ которой были расписаны всѣ прелести чуднаго уголка.

— Дайте мнѣ этого автора,—говорилъ на пристани свирѣпый генералъ:—я бы ему показалъ «кузькину мать».

— Qu'est ce que ce «кузькина мать»?—спросила съ перетянутой таліей дѣвица напудренную, подъ кровавымъ зонтикомъ, даму.

— Это наша хозяйка!—отвѣчалъ студентъ, тоже съ таліей и высокимъ воротникомъ.

Генералъ произвелъ впечатлѣніе и уѣхалъ.

Но не одна только бонтонная семья была свидѣтельницей негодованія генерала, слышали про «кузькину мать» и другіе.

Вечеромъ по берегу бухты, на такъ называемомъ бульварѣ, ходили, между собой бесѣдуя, три члена общества улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ. Это были самые дѣятельные и энергичные члены общества. Предметомъ ихъ бесѣды былъ означенный инцидентъ.

— Разумѣется, брошюрка страдаетъ неточностью, но, понимаете, Сигизмундъ Сигизмундовичъ, на первыхъ порахъ она прекрасно исполнила свою задачу. Курортъ обезпеченъ, о немъ узнали, говорятъ,—началъ первый членъ общества.

— Я нисколько не спорю,—отвѣчалъ Сигизмундъ Сигизмундовичъ:—какъ не исполнила, когда въ мою санаторію пріѣхала цѣлая семья изъ Владивостока?...

— Однако откуда!... произнесъ второй дѣятель.

— Дайте срокъ,—продолжалъ Сигизмундъ Сигизмундовичъ,—со всѣхъ концевъ Россіи потянутся курсовые, только деньги собирайте... Но для этого работать надо! О, работы много, сложной работы!... Бульваръ, постройки, кафе-шантанъ — что?... Надо привлечь къ нашему дѣлу прессу... Вы знаете, господа, что въ нынѣшнее время безъ прессы ни шагу... Ни одно мало-мальски солидное предпріятіе не обходится безъ поддержки печати!...

— Что жъ?!—возразилъ первый изъ собесѣдниковъ:—«Безшабашный Край»—органъ прекрасный, онъ насъ поддерживаетъ!... И мѣстная газета насъ тоже...

Наступило небольшое молчаніе. Сигизмундъ Сигизмундовичъ, снявъ шляпу и особенно вѣжливо, почти съ подобострастіемъ (о, онъ умѣлъ такъ сдѣлать, чортъ возьми!) поклонился солидному господину со строгимъ лицомъ.

— Знаете, это кто?...—спросилъ онъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали они трепетно:—кто же такой?

— А-а... не знаете!... Правая рука... N.N.

Предсѣдатель проговорилъ тихо званіе курсового, затѣмъ продолжалъ:—Не знали? А надо знать про такихъ лицъ и принимать мѣры. Намъ такіе люди нужны!... Охъ, какъ нужны! Вотъ хоть бы о посадѣ... Я заводилъ съ нимъ рѣчь...

— Посадъ обѣщалъ губернаторъ,—перебилъ третій членъ.

— Позвольте, любезнѣйшій, какъ вы не можете понять, что губернаторъ хлопочетъ о насъ здѣсь, а «тамъ»? Ну, кто «тамъ» будетъ представлять наши интересы?... Не вы ли, почтеннѣйшій?

— Ну, что вы, Сигизмундъ Сигизмундовичъ, гдѣ же мнѣ «тамъ»? Здѣсь могу проявлять свое содѣйствіе, очень могу!..

— Ну, вотъ то-то!—проговорилъ довольно снисходительно глава общества,—я и говорю: намъ нужны связи съ особами и съ прессой... Да, съ прессой, но только со столичной... Надо найти ходы! Не бойтесь, у меня есть нѣкоторыя соображенія. Долженъ пріѣхать одинъ больной литераторъ, мы его направимъ тогда...

— Направимъ, направимъ, конечно!—говорили, потирая руки, собесѣдники.—У грека Никифофоли такое чудное вино!

— Что вы—вино? Говорю—больной литераторъ!

— Пожалуй, умретъ еще! Намъ бы здороваго, Сигизмундъ Сигизмундовичъ!

— Гдѣ я теперь такого возьму! Со временемъ, конечно, и здоровые писатели будутъ!

На минуту онъ задумался, затѣмъ, посмотрѣвъ въ даль синѣющаго моря и воздѣвъ въ скромномъ благоговѣніи руки, воскликнулъ

не то съ мольбой, не то съ угрозой:—О, все у насъ будетъ: и литераторы, и губернаторы, и посадъ будетъ, и наконецъ...—хихикнувъ, заключилъ:—и дамочки-козочки!... О Господи!...

Всѣ трое пришли въ отличное расположеніе духа. Они шутили и вспоминали то время, когда это самое мѣсто, бульваръ, срамилъ скотъ, и владѣли этимъ берегомъ крестьяне.

— Тоже скоты!...—добавилъ особенно враждебный къ крестьянамъ второй членъ.—А вы не читали, какъ наша газета отдѣлала мужиковъ? Нѣтъ? Что вы?! Великолѣпно! Въ сегодняшнемъ нумерѣ... Сейчасъ!—и онъ полѣзъ въ карманъ, приговаривая:—это имъ досталось за дѣтскій праздникъ... Вотъ не угодно ли?

Они сѣли на скамейку и стали читать корреспонденцію. Авторъ состоялъ тоже членомъ ихъ общества и былъ другомъ директора завода, конечно, иностранца. На югѣ всѣ директора фабрикъ и заводовъ—иностранцы. Почему? Я, право, не знаю, но они представляютъ собой культуру и мужиковъ не одобряютъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Статья-корреспонденція носила заглавіе и грозное и странное, а именно: «Дѣтоненавистники». Въ крайне злорадномъ тонѣ сообщалось, что учитель школы (превосходный человѣкъ!), желая поощрить своихъ учениковъ за ихъ успѣхи, обратился къ родителямъ, чтобы послѣдніе дали денегъ на устройство дѣтскаго праздника, и что жъ?... Что же сдѣлали мужики?—Они отказали!... Отказали дѣтямъ въ радости, своимъ дѣтямъ, понимаете? О дѣтоненавистники!... О грубые эгоисты!... Какъ мнѣ жаль васъ, милыя дѣти! Но Богъ не безъ милости, Богъ послалъ дѣтямъ директора завода, который, пораженный грубостью мужиковъ, вынулъ изъ кармана 75 рублей и сказалъ: «вотъ бѣднымъ дѣтямъ!»

— Кстати легокъ на поминѣ!—вскричалъ предсѣдатель, отвѣшивая великолѣпный, плавный привѣтъ проѣзжающимъ въ экипажѣ двумъ сильнымъ брюнетамъ, штатскому и военному. Одинъ изъ нихъ былъ директоръ завода, другой начальникъ округа.

— Чудные, благородные люди!—проговорилъ первый членъ.

— А ловкая, бѣдовая статейка?—замѣтилъ второй.—Я думаю, наши мужики теперь почесываютъ въ затылкахъ и жалѣютъ, что не дали 25 рублей! Все равно пропьютъ эти деньги!

— О, конечно! Это замѣчательные пьяницы!... дикіе люди!—сказалъ съ презрѣніемъ Казимиръ Казимировичъ.—Сколько они намъ зла принесли своимъ поведеніемъ!... грубостью и наглымъ нахальствомъ! Вотъ недавно, въ прошлый праздникъ, мы, съ нашими дамами гуляя, пошли туда, въ горы... Представьте, и они тамъ, у ручья... Сидятъ, щелкаютъ сѣмечки, и хотя бы всталъ хоть одинъ! А мы съ дамами! Хорошо наше положеніе, положеніе истинныхъ джентльменовъ?! Ну, такъ и ушли, ушли назадъ, не напившись у родника... а жара была страшная!... Не могу забыть этого... Сидятъ проклятые чертоплясы!...

— Корреспондентъ нашъ будетъ теперь систематически держать ихъ подъ своимъ перомъ...

— Развѣ ихъ проймешь... эти крѣпкія шкуры?..

— Время и камень долбитъ,—замѣтилъ глава общества. — Но все-таки намъ нуженъ писатель и непремѣнно съ именемъ, столичный!...

— А господинъ Калина? не къ нему ли намъ обратиться?.. Открылъ свое «дѣло» въ нашемъ мѣстѣ... Могъ бы намъ послужить!..

— Нѣтъ, онъ подозрителенъ, очень въ науку вѣритъ!..

— Это превосходно!..—воскликнулъ главный членъ:—наука и литература намъ нужны!..

Раздался свистокъ парохода. Всѣ трое встрепенулись и глянули на море, изъ котораго въ бухту заворачивалъ легкій катеръ.

— Пойдемъ, господа,—предложилъ предсѣдатель,—посмотримъ, не пришелъ ли «товаръ»...

И господа тронулись къ пристани. Навстрѣчу имъ посрединѣ дороги медленно двигалась кучка поселянъ. Высокій крестьянинъ несъ въ крѣпкихъ, жилистыхъ рукахъ маленькій гробикъ.

Маленькіе гробики въ то время часто препровождались на кладбище, не возбуждая ни толковъ, ни недоумѣній. Умираютъ дѣти, да и только, развѣ важное это дѣло?.. Но отчего же они умираютъ? Говорятъ—оспа!

Въ такомъ радостномъ, по-своему живописномъ мѣстѣ, гдѣ сильная, здоровая природа такъ колоритно блещетъ своими красками, гдѣ и воздухъ и просторъ и жизнь, — тамъ притаилась и свила гнѣздо гнилая зараза.

— Правда, что въ вашемъ селеніи болѣютъ оспой? – спросилъ я знакомаго крестьянина.

— Воспой?..—переспросилъ онъ меня и задумался.—Люди мало болѣютъ... Вотъ дѣти!..

— Что жъ?.. умираютъ?.. и часто?..

— Помираютъ, какъ же!.. Вотъ сейчасъ понесли на кладбище Степаненкина мальца... Вѣрно, видѣли?...

— А какъ же доктора лѣчатъ?... оспу прививаютъ?..

— Зимой фельшаръ прививалъ точно, а съ той поры, право, не знаю...

— А доктора какъ же?.. что же они развѣ не лѣчатъ?.. не совѣтуютъ?..

— Доктора?—переспросилъ собесѣдникъ.—Докторъ рѣдко когда изъ города наѣзжаетъ... у насъ фельшаръ лѣкарство отпущаетъ!..

— Какъ изъ города?.. да у васъ здѣсь живутъ врачи, дачи свои имѣютъ!?..

— Ну, эти доктора насъ не пользуютъ, они пановъ лѣчатъ... къ нимъ мы не могимъ обращаться!..

Я не сталъ разспрашивать больше, мнѣ казалось, что мой собесѣдникъ не правъ по-своему, недовѣрчиво относясь къ докторамъ-панамъ, которые живутъ и дружатъ съ членами непонятнаго для крестьянъ общества «улучшенія». Впрочемъ, послѣ для меня разъяснилось многое.

Большую часть своего времени я проводилъ въ путешествіяхъ, знакомясь съ краемъ и приглядываясь къ мѣстнымъ условіямъ. Эти условія представляли собой мало благопріятнаго для развитія какъ общественной, такъ и экономической жизни побережья. Темнота и отчужденность отъ внѣшняго міра составляли особенность поселянской жизни; спекуляція и интрига характеризовали туземное немногочисленное, но и несимпатичное общество. «Они» вездѣ дѣйствовали, дѣйствовали смѣло, нахально, хотя и безъ организаціи...

Поживешь въ селеніи и насмотришься на такіе порядки, что только «диву даешься».

У сельскаго правленія сидитъ кучка крестьянъ. День праздничный, обѣдня кончилась. Православные пообѣдали, пришли и «балакаютъ». Неподалеку мѣстный сапожникъ поставилъ столъ, скамейки и группами расположилъ бутылки. Нѣкоторые изъ поселянъ, помоложе, двинулись къ столу, старики остались у правленія.

— Выпей, говоритъ, самъ, а продавать не моги!.. — медленно разсказывалъ высокій старикъ въ старомъ бешметѣ.

— Какъ же это самъ выпей, когда этого винища страсть... восемьдесятъ ведеръ?.. Какъ это выпей самъ... когда оно въ продажу назначено?..

— Ну, вотъ!.. Такъ и уряднику наказано, чтобъ никто, кромѣ самого хозяина, вина не пилъ... акцизный строго распорядился...

— Значитъ, виномъ виноградныммъ торговать запрещено?

— Строго... штрафъ сто цѣлковыхъ, а нѣтъ денегъ—въ тюрьму на три мѣсяца, такъ сказывалъ урядникъ. Квасомъ велѣно торговать!.. Видишь, сапожникъ... сколько квасовъ понадѣлалъ!..

— Ну, и дѣла!..—проговорили православные.

— По-моему, — продолжалъ человѣкъ въ бешметѣ, — это не иначе, какъ къ войнѣ...

— Почему такъ? если казенная лавка торговать можетъ, и ты, сколько душѣ угодно, казеннаго выпить можешь...

— Пожалуй,—согласился человѣкъ въ бешметѣ и затѣмъ, радостно улыбнувшись, тихо проговорилъ:—значитъ, теперь и виноградное вино отъ казны пойдетъ... Вотъ что оно!..

Почтенные на минуту смолкли: ихъ точно что осѣнило.

— Въ казну—это вѣрно... по всему видно, что въ казну и налоги на виноградники пошли вонъ какіе!..

— Что и говорить,—вмѣшался старый казакъ,— я свой виноградникъ освобождаю...

— Ишь ты!.. и давить вино нонѣ не будешь?..—съ жалостью спросилъ старика маленькій человѣкъ въ большомъ картузѣ.

— Нонѣ... буду... а тамъ!...—и старый казачина махнулъ рукой и отвернулся въ сторону.

Въ это время къ кучкѣ подбѣжала пожилая женщина въ слезахъ и смятеніи. Она искала мужа, который сидѣлъ за столомъ у сапожника.

— Что Марина?... Чего плачешь?...

— Кончается Петька-то,—съ плачемъ проговорила на ходу женщина. Вздохнули почтенные и замолкли.

Увеличивается, расширяется небольшое поселянское кладбище, уже въ третье мѣсто переносится.

— Много умираетъ что ли?

— Порядочно,—отвѣчаютъ мнѣ:—дѣти!.. они больше мрутъ... кто знаетъ—отчего?... заболѣетъ, горитъ, гаснетъ дите, да и шабашъ!. Лихорадка, должно, а еще воспа... отъ этой воспы, которые не померли, такъ обезображены съ лица!

— Что жъ докторъ былъ? оспу прививали?

— Наѣзжалъ разъ одинъ зимой, акушерка была тоже... серчаетъ оченно!..

— Отчего серчаетъ?

— Отъ характера... не любитъ безпокойства, лѣчитесь, говоритъ, сами!..

— Ну, и что же?

— Ничего, лѣчимся... да плохо!..

Въ самомъ дѣлѣ удивительно! Со стороны посмотришь, точно какія-то варварскія времена: живутъ люди въ какихъ-то особенныхъ условіяхъ, лишенные необходимой медицинской помощи, живутъ въ странѣ винограда, стѣсненные развивать виноградную культуру, и проч. Между тѣмъ кругомъ такихъ селеній и даже по близости возникаютъ и быстро растутъ курорты, культурные люди строятся, хлопочатъ о своихъ удобствахъ, хлопочатъ настойчиво, энергично, съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ поселянъ, которыми пользуются только, какъ производителями. Внутренней связи между пришлымъ культурнымъ элементомъ и мѣстными поселянами нѣтъ. Въ селеніяхъ труды и невзгоды. Въ городахъ и посадахъ (курортахъ) сплетня, спекуляція и ловкій обманъ богатыхъ дачниковъ.

Если и нѣтъ въ какомъ либо курортѣ организованнаго общества съ уставомъ, то все равно кучка отборныхъ мерзавцевъ организована и безъ «дозволенія», и такая организація если не многочисленна, зато крѣпкая, прямо хищная организація.

Пріѣзжаю я въ такой именно курортъ, знакомлюсь съ нѣкоторыми общественными дѣятелями, съ однимъ изъ нихъ вступаю въ интересную бесѣду.

— Что нибудь дѣлать у насъ трудно!.. Я занималъ должность представителя, и чтожъ?.. что ни задумаю полезное, что ни предложу... провалъ!.. «Они» не хотятъ, а «они»—сила, съ которой бороться трудно, почти невозможно, хотя, знаете, у меня протекція не маленькая...

— Развѣ у васъ существуетъ тоже «общество устройства курорта»?

— Нѣтъ, такого общества не имѣется, а есть тріумвиратъ, который всѣмъ ворочаетъ, и отъ котораго лучше «подобру-поздорову» уходить. Я—здѣшній аборигенъ и старожилъ, а посмотрите,—онъ понизилъ тонъ, подводя меня къ окну,—толстые дубовые ставни сдѣлалъ!

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Не понимаете?!—продолжалъ собесѣдникъ.—Страшно!.. чортъ «ихъ» знаетъ, что у «нихъ» на умѣ. Такой народъ на все способенъ... у «нихъ» все въ рукахъ. Наймутъ какого нибудь проходимца, который камнемъ пуститъ, а то и того хуже!..

Все это было сказано тихо, нервно и съ убѣжденіемъ.

— Вы прямо меня удивляете, Иванъ Ивановичъ, мы, кажется, живемъ въ Россіи, подъ охраной законовъ!

— Пожалуйста, не передавайте никому, что слышали отъ меня. «Они» этого не простятъ!.. у «нихъ» вездѣ ходы!.. Читали статьи N.N., который «ихъ» слегка коснулся... «Они» выслать его хотятъ съ побережья...

Я расхохотался.

— Напрасно смѣетесь, совершенно напрасно! Конечно, писатель столичный, но мало ли что бываетъ!?.... Вы съ нимъ незнакомы?.... а то предупредили бы... Я слышалъ, «они» противъ этого писателя что-то замышляютъ!..

— Мнѣ кажется, вы все-таки преувеличиваете.

— Какъ хотите, такъ и думайте,—отвѣчалъ Ивановъ.—Вы сами изволили разсказывать и негодовать на «ихъ» отношенія къ трудовому элементу... что оспа и разныя заразныя болѣзни!.. развѣ «они» этого не знаютъ?! Нѣтъ, батюшка, «имъ» все извѣстно, и на все «они» плюютъ, лишь бы свои дѣлишки справлять, цѣны земельныя поднимать, участками торговать, культуру устраивать. «Они» свою линію ведутъ аккуратно... Вотъ вы вездѣ бываете, а съ деревенскимъ докторомъ Николаевымъ не познакомились? Онъ тамъ же живетъ, недалеко отъ курорта, пашетъ, сѣетъ, жнетъ, содержитъ себя трудами рукъ своихъ и лѣчитъ... Вотъ онъ вамъ разскажетъ и про оспу, и про тифъ, и про докторовъ... Получше Вересаева разскажетъ!.. А я повторяю, что честнымъ людямъ здѣсь годъ отъ года труднѣе становится жить... да-съ! Культуртрегеры разные, аферисты всѣхъ сортовъ господствуютъ, гражданствуютъ!.. Соединены ли «они» въ общество, или нѣтъ,—это все

равно!.. «Они» организованы органически, совершенно, какъ волчьи стаи, и чутье у «нихъ» огромное, по всякому слѣду проберутся!..

Мнѣ оставалось только удивляться тому, что творилось въ этой благородной странѣ, гдѣ красота и гордость въ своей поэтической непосредственности, яркихъ, волшебныхъ краскахъ синяго моря и зеленыхъ горъ должны бы заставить трепетать сердце человѣческое и благословлять дивную природу...

А здѣсь?

Пароходъ медленно удалялся отъ берега съ маленькой бухтой, гдѣ поэтично сверкали огоньки среди темной зелени садовъ въ жилищахъ, въ которыхъ, можетъ быть, теперь «они» обдумывали свои грязные помыслы...

А ночь была тиха и полна свѣжаго морского аромата. Звѣзды особенно грустно глядѣли съ темной выси небесъ.

Съ интереснымъ докторомъ мнѣ пришлось познакомиться впослѣдствіи, но я много слыхалъ объ этой оригинальной личности, поставившей себѣ задачей простую здоровую жизнь, которую ему удалось осуществить.

На клочкѣ арендованной земли онъ работалъ, какъ земледѣлецъ, и помогалъ всякому своими совѣтами и медицинскою помощью. Послѣднее онъ дѣлалъ просто, отъ души, не взимая никакого гонорарія. «Своими знаніями и отношеніями, требующими помощи, я не торгую», говорилъ онъ. Тѣмъ не менѣе странный докторъ имѣлъ враговъ и враговъ довольно многочисленныхъ, къ числу которыхъ принадлежали и мѣстные курортные врачи.

Ѣхалъ я какъ-то на пароходѣ, море было тихое, публика любовалась съ палубы красивыми берегами и горными вершинами. По обыкновенію купилъ я столичную газету, которую почитывалъ не спѣша, сидя въ сторонкѣ. Со мной разговорился приличный, обстоятельный господинъ тоже съ газетой; послѣ оказалось, что онъ курсовой съ того курорта, гдѣ дѣйствовали «они».

— Не угодно ли, какія выдумки печатаютъ!?—говорилъ онъ, показывая мнѣ на письмо въ редакцію, напечатанное за подписью многихъ врачей.—Распространился слухъ, что у насъ эпидемія оспы! Кому, спрашивается, это нужно!? Вѣдь сколько переполоха надѣлали! Нѣкоторыя семьи съ дѣтьми, пріѣхавшія на купанье, устроившіяся, покинули курортъ!

— Позвольте, что это написали доктора? Я еще не прочелъ...

Въ письмѣ врачи категорически опровергали существованія всякихъ заразныхъ болѣзней въ мѣстечкѣ, называя слухи о существованіи оспы и тифа вымышленными.

— Какъ такъ?—проговорилъ я.—Весной, мнѣ помнится, были смертные случаи, именно отъ оспы, при мнѣ хоронили дѣтей!

— Можетъ быть, одинъ только случай и при томъ весной!—возразилъ собесѣдникъ.—Слава Богу, теперь ничего нѣтъ... Не станутъ же доктора врать!.. Что имъ пользы отъ этого!?

— Положимъ,—отвѣчалъ я,—какіе доктора! Вересаева читали?

— Ну, знаете, мало ли что теперь пишутъ! Нѣтъ, слуга покорный, я не поклонникъ современной литературы! грязь какая-то, пошлость.

— Напрасно такого мнѣнія о литературѣ, слишкомъ односторонняго...

Мы начали понемногу горячиться, такъ что нѣкоторые изъ публики стали прислушиваться къ нашему разговору, а худощавый студентъ съ нервнымъ лицомъ, повидимому, намѣревался съ нами вступить въ споръ. Но звонокъ къ обѣду заставилъ прекратить нашу бесѣду, и мы вмѣстѣ съ публикой спустились въ столовую.

По-моему нѣтъ скучнѣе обѣдовъ, какъ за общимъ столомъ въ каютъ-компаніи, даже при условіи хорошей погоды. Какія все недовольныя, надутыя лица! Важно такъ берутъ куски, дѣйствуютъ ножами, словно хирурги, и смотрятъ внимательно на свои тарелки. Фальшь и мало естественности!.. Почему, когда въ общемъ получается тягота и ненужное стѣсненіе? Хорошо, если около веселаго капитана помѣстились интересныя дамы,—тогда живая бесѣда хоть на одномъ концѣ стола обезпечена. А то посмотрите на этихъ двухъ полуорангутанговъ, медленно поднимающихъ стриженыя головы и грозно посматривающихъ кругомъ административными взорами. «Поговорите, молъ, несчастные, обнаружьте свои мысли — мы вамъ тогда покажемъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, какой разнообразный по положенію, по характеру и по культурѣ ѣдетъ народъ на русскихъ пароходахъ! Здѣсь и военные, и штатскіе, и иностранцы, и богомольцы, и туристы, и аферисты, и всякіе «добровольцы»,—однимъ словомъ пестрота совершенная!

Скучно въ такомъ обществѣ, господа!

А вонъ на палубѣ около борта на полу расположилась кучка рабочихъ. Они пьютъ чай; хлѣбъ и сухая копченая рыба вмѣстѣ съ кусками сахара лежатъ на бумагѣ около чайника. Имъ весело, они шумятъ и смѣются, показывая свои блестящіе крѣпкіе зубы, которые такъ и сверкаютъ на загорѣлыхъ лицахъ. У нихъ нѣтъ стѣсненія — они бесѣдуютъ и смѣются отъ души!

Я продолжалъ смотрѣть на палубныхъ пассажировъ. Какая картина живописныхъ кучекъ!.. Сколько жанровыхъ эскизовъ для художника! Цѣлая группа имеретинъ расположилась около канатовъ. Молодыя и старыя, красивыя лица въ башлыкахъ, но почему печаль и уныніе въ ихъ взорахъ, устремленныхъ въ далекое море? Они молчатъ, словно ихъ одолѣла дрема, одинъ только старикъ

перебираетъ въ своемъ мѣшкѣ какія-то вещи. Около нихъ очевидно богомолки, ѣдущія на Новый Аѳонъ. Онѣ по временамъ неприятно посматриваютъ на кавказцевъ, вздыхаютъ и крестятся. Передъ ними скромная трапеза тоже изъ рыбы и хлѣба, которой онѣ угощаются осторожно, не забывая малѣйшей крошки, и крестятся чуть ли не послѣ каждаго куска.

Русскія женщины съ грудными дѣтьми, около которыхъ рѣзвятся трехъ и четырехлѣтнія ребятишки, и матери стараются усадить около себя шалуновъ. Компанія неопредѣленныхъ личностей играетъ въ засаленныя рваныя карты. Молодые солдаты конвойной команды слушаютъ со вниманіемъ отставного съ георгіевскимъ крестомъ браваго ветерана. Вѣрно, разсказываетъ что нибудь изъ своего прошлаго, можетъ быть, изъ боевой, походной жизни.

Всѣ эти разнообразныя группы освѣщаетъ южное яркое солнце, а пароходъ медленно движется по ровной глади лазурнаго моря туда, гдѣ еще ярче блещетъ солнце, и темнѣе зеленыя горы.

— Не правда ли, есть чѣмъ полюбоваться?—сказалъ, подходя ко мнѣ, курсовой.

Онъ показалъ на зеленыя вершины, изъ-за которыхъ выступали въ серебряномъ сіяніи далекія пики снѣговыхъ горъ. Небо было чистое, ни тучки, ни облачка.

— Красота какая и богатство,—продолжалъ онъ,—а безлюдно, пустынно!.. Если бы вся эта природа была въ рукахъ иностранцевъ?..

— Что же?—спросилъ я.

— Не узнали бы побережья, будьте увѣрены!..

— А русскіе не могутъ пользоваться, не способны, вы думаете, культивировать край?..

Мы пошли и сѣли на прежнее мѣсто.

— Положимъ,—продолжалъ онъ,—край все время находился подъ административной опекой, но населеніе развѣ проявило хотя сколько нибудь иниціативы. Посмотрите на колонистовъ, чеховъ, эстонцевъ,—они живутъ куда лучше русскихъ поселенцевъ, которые способны только тормазить всякое развитіе побережья.

— Напримѣръ?

— Да хоть бы въ мѣстечкѣ, гдѣ я живу теперь, есть «общество», которое стремится улучшить условія жизни, ввести всякія удобства для культурнаго человѣка, а жители, я говорю про поселянъ, въ этомъ мѣшаютъ, не понимая своей пользы!.. Что ни говорите, а дикіе люди!

— Насколько мнѣ извѣстно, вы ошибаетесь! Жители напротивъ начинаютъ понимать свою пользу, но эту пользу у нихъ изъ рукъ вырываютъ ловкіе люди подъ всякими хитроумными предлогами. Что такое курортъ, про который мы говоримъ сейчасъ? Крестьянское селеніе и ничего больше!.. Почему стали туда пріѣзжать на лѣто курсовые? Изъ-за прекраснаго купанья, изъ-за здороваго кли-

мата. При чемъ тутъ «общество», разные культурные, предпріимчивые люди?! Зачѣмъ? Что по ихъ иниціативѣ въ мѣстечкѣ такой климатъ и такое купанье?! Что они въ самомъ дѣлѣ за благодѣтели рода человѣческаго? Всѣ свои силы, всѣ знанія отдаютъ для пользы другихъ, пріѣзжихъ?.. Не наивно ли такъ думать?.. По-моему всѣ эти культурные благодѣтели—аферисты, и при томъ самые обыкновенные, которые погубили чудныя мѣста Крыма и желаютъ погубить и побережье, т.-е. сдѣлать начинающіе курорты недоступными для средней, небогатой трудовой публики... Ихъ задача рекламировать всякими способами свои мѣста, возвысить цѣны на квартиры, на обѣды и на все то, изъ чего бы они могли извлекать для себя хорошіе доходы... Я вполнѣ убѣжденъ, что эти гуманисты погубятъ побережье, ибо въ настоящее время даже средній классъ ѣдетъ за границу, гдѣ вдвое дешевле на устроенныхъ курортахъ, чѣмъ на нашихъ еще неблагоустроенныхъ, благодаря исключительно спекуляціи!.. По моему разумѣнію, всѣ доходы отъ пріѣзжихъ должны составлять собственность коренныхъ жителей, т.-е. поселянъ, которые вольны извлекать изъ своей общественной земли пользу тѣмъ или другимъ способомъ: садить ли на ней виноградникъ, или строить гостиницу для курсовыхъ!.. Это ихъ дѣло!.. ихъ доходная общественная статья!.. Зачѣмъ свои доходы и при томъ значительные отдавать въ руки другихъ, совершенно чужихъ людей.

— Ну, это, знаете, фантазія, мужицкіе курорты!..

— Не въ названіи дѣло,—перебилъ я собесѣдника,—а въ дешевизнѣ, въ простотѣ и правильномъ развитіи курорта, безъ искусственнаго повышенія цѣнъ и безъ рекламы!.. За границей почему и дешево и хорошо? Потому что курорты развивались правильно, и мѣстные трудовые жители не гнались за усиленными доходами, а довольствовались малыми, а при томъ, самое главное, имѣли постоянный и хорошій сбытъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ... Тамъ не въ квартирахъ дѣло, не въ томъ, чтобы сорвать съ пріѣзжаго на дурномъ обѣдѣ тройную цѣну, а въ томъ, чтобы сбыть свои продукты по хорошей цѣнѣ изъ рукъ въ руки, безъ посредниковъ-аферистовъ, каковыми я и называю всѣхъ этихъ устроителей и благодѣтелей, которые губятъ наши родные курорты дороговизной и насъ заставляютъ ѣздить за границу.

— Однако,—засмѣялся мой собесѣдникъ,—вы высказываете приблизительно такія же мысли, какъ и писатель, который у насъ поселился и «обществу улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ» объявилъ войну, да еще докторъ какой-то сумасш... странный... тоже такъ думаетъ.

— Вы не знакомы съ этимъ, какъ вы его называете, страннымъ докторомъ?—спросилъ я, улыбаясь.

— Нѣтъ, не имѣю счастія,—отвѣчалъ обиженно или недовольно собесѣдникъ.—Знахарь какой-то!.. Наши доктора мнѣ говорили,

что хотятъ возбудить противъ него процессъ, такъ какъ онъ не имѣетъ диплома и слѣдовательно лѣчить, заниматься врачебной практикой не имѣетъ права.

— А, значитъ, конкурентъ! Но я слышалъ, что онъ за совѣты мзды никакой не беретъ!..

— Право, не знаю,—проговорилъ курсовой и задумался. Пароходъ нашъ въ это время загибалъ въ бухту посада, бѣлые домики котораго такъ ярко и весело блестѣли на солнцѣ. Съ берега спѣшили фелюги съ пассажирами. Скоро загремѣла цѣпь, и пароходъ сталъ на якорь. Мой собесѣдникъ, вѣроятно, сошелъ на берегъ, ибо я его больше не видѣлъ на пароходѣ.

Между культуртрегерами, усѣявшими побережье съ сѣвера до самаго юга, среди личностей, хищныхъ до наживы и ловкихъ для всякой аферы, попадаются иные люди, съ иными задачами и цѣлями пришедшіе на побережье. Такіе люди, преимущественно русскіе идеалисты, въ молодомъ нетронутомъ краѣ хотѣли устроить жизнь исключительно на трудовомъ и независимомъ началѣ. Сильные, полные надежды на свѣтлое будущее и довольные настоящимъ, они дѣйствительно работали, не покладая рукъ, организовались между собою, расходились, снова группировались, пока совсѣмъ не распались на одиночки, изъ которыхъ самую свѣтлую и сильную духомъ личность представлялъ тотъ деревенскій докторъ, о которомъ я много слышалъ и съ которымъ наконецъ познакомился.

Въ одномъ знакомомъ домѣ была очень серьезная больная, которую онъ лѣчилъ. Въ этомъ же домѣ случайно на нѣсколько дней остановился проѣздомъ мой хорошій знакомый, профессоръ Московскаго университета, который тоже принялъ участіе въ судьбѣ больной. Я какъ разъ пришелъ во время консиліума врачей. Долго продолжался осмотръ больной, которой профессоръ предлагалъ разные вопросы. Я слышалъ его рѣзкій, авторитетный голосъ и другой мягкій, какъ бы успокаивающій. Больная тифомъ была такъ слаба, что ея отвѣтовъ не было слышно за легкой перегородкой.

Наконецъ, они вышли, и насъ познакомили. Внѣшность деревенскаго доктора производила съ перваго раза прекрасное впечатлѣніе. Выше средняго роста, брюнетъ, съ открытымъ лицомъ и большими карими глазами, въ которыхъ свѣтилось столько привѣта и внутренняго душевнаго вниманія, что вамъ сразу становилось хорошо съ этимъ человѣкомъ, хотѣлось говорить съ нимъ, не разставаться. Одѣтъ онъ былъ обыкновенно, въ приличномъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ. Живой, деликатный, образованный собесѣдникъ... кто бы могъ подумать, что предъ вами спеціалистъ пахарь и суровый работникъ?!

— Хорошая у васъ практика?—спросилъ профессоръ, когда мы сѣли за чай.

— Поселянская... обращаются часто!—отвѣчалъ докторъ.—Заводскихъ пользую также.

— Вѣдь у нихъ свой врачъ?

Деревенскій докторъ промолчалъ.

Онъ, повидимому, неохотно разговаривалъ о медицинѣ, и когда я коснулся экономическихъ, сельско-хозяйственныхъ условій побережья, онъ оживился и сталъ разсказывать о своемъ хозяйствѣ, о чудномъ горномъ мѣстѣ, которое онъ долженъ покинуть...

—Почему же, если вамъ такъ нравится эта пустыня,—спрашивалъ профессоръ:—почему должны уходить оттуда?

— Это мѣсто, къ сожалѣнію, назначено подъ переселеніе!..

— Скажите, пожалуйста, къ сожалѣнію!—смѣялся профессоръ,—а еще народникъ!.. должны радоваться, что крестьяне будутъ благодушествовать!

— Видите, въ чемъ дѣло,—разсказывалъ докторъ,—на вершинахъ, гдѣ я живу, очень мало воды—эти мѣста скорѣе пастбищныя, нежели пахотныя. И эта вода вполнѣ зависитъ отъ сохраненія буковыхъ, сравнительно небольшихъ, рощъ, которыя если вырубить, то водные источники изсякнутъ, и тогда только бѣжать оттуда!.. Переселенцы же, нуждаясь въ строевомъ лѣсѣ, непремѣнно срубятъ рощи, какъ ихъ ни оберегайте!.. Крайне неудачно выбраны мѣста для переселенія.

— Какъ это такъ? Организаторы объ этомъ не подумали? такъ съ бацу и селить!..

— Они этого ничего не знаютъ!—промолвилъ докторъ, очевидно желая еще нѣчто добавить, но замолчалъ и сталъ собираться.

Я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Между нами завязался незначительный разговоръ, который скоро совсѣмъ прекратился. Мы шагали по тропинкамъ среди кустовъ держи-дерева, приходилось быть осторожными, чтобы сохранить платья.

Наступалъ вечеръ. Бухта еще освѣщалась заходящими лучами солнца, и западъ принималъ на небѣ разнообразные оттѣнки. Съ горъ тянуло прохладой. Мы продолжали осторожно пробираться, какъ вдругъ изъ кустовъ поднялась какая-то фигура и загородила дорогу. Это была женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она назвала доктора по имени.

— Посмотрите на дитё,—проговорила она,—совсѣмъ помираетъ, ни молока, ни хлѣба не принимаетъ...

— Какъ же я здѣсь буду смотрѣть!.. иди ко мнѣ,—проговорилъ докторъ, продолжая дорогу.—Вѣдь у васъ на заводѣ свой врачъ... Отчего къ нему не обращаетесь? Вотъ бы и не довела ребенка до этого...

— Какой врачъ!—недовольно отвѣчала мать,—если бы не вы, плохо бы намъ!.. за васъ только и Богу молимъ! а то врачъ... для видимости, а не для помоги!

Мы вышли изъ колючекъ и пошли рядомъ. Женщина слѣдовала за нами.

— Почти всѣ заводскіе обращаются за помощью ко мнѣ,—говорилъ докторъ,—а тамъ и врачъ и больница!..

— Что же это значитъ?..

— Не довѣряетъ народъ... Вѣроятно, не умѣлъ себя поставить или просто не хочетъ работать. Вѣдь трудно лѣчить ихъ, при обстановкѣ, особенно заводскаго жилья и пищи... Дѣтей много умираетъ!..

— Скажите, пожалуйста, докторъ. Что была здѣсь эпидемія оспы? Кажется, весной была?

— И весной и теперь... У меня въ настоящее время дочь лежитъ въ оспѣ!

— А какъ же въ газетѣ я читалъ опроверженіе за многими подписями врачей?!

Докторъ засмѣялся. Мы подошли къ дому, гдѣ онъ останавливался у товарища.

Пока онъ осматривалъ ребенка, я познакомился съ хозяиномъ и гостемъ, повидимому, поселяниномъ. Простая обстановка хаты съ двумя небольшими комнатами представляла довольно основательный безпорядокъ. Особенный хаосъ былъ на комодѣ, гдѣ вмѣстѣ съ книгами, набросанными кое-какъ, лежали посуда, разбитая рамка отъ фотографіи и еще какія-то мелкія вещи.

— Вы говорили объ опроверженіи, которое я тоже читалъ,—проговорилъ, входя, докторъ.—Но, чтобы привлечь побольше народа со средствами, чтобы двинуть мѣстечко по пути развитія блестящихъ курортовъ,—нужна реклама! А опроверженіе тоже реклама! У насъ на побережьѣ оспа перебрала дѣтей почти во всѣхъ станицахъ; я лѣчилъ сколько, а они пишутъ, что ложные слухи! Хороши слухи, когда сейчасъ у меня дочь въ оспѣ!..

— Отчего же вы не напишете сами?—спросилъ я.

— Довольно. Писалъ тутъ одинъ литераторъ, такъ на него губернатору жаловались, что народъ развращаетъ... Я и такъ на ножахъ съ этими докторами... поперекъ ихъ горла сталъ!.. Въ судъ хотятъ на меня жаловаться, что безъ диплома лѣчу... Я имъ предлагалъ третейскій судъ... Нѣтъ, хотятъ формальный!.. Ну, что жъ!..

Я понималъ «ихъ». «Они» хотѣли выжить, выбить изъ дѣятельности, популярной и полезной, честнаго человѣка, и дѣйствовали, не разбирая средствъ, полные свойственнаго «имъ» нахальства и энергіи.

— Что же мнѣ дѣлать,—продолжалъ симпатичный докторъ,—когда ко мнѣ обращаются больные? Мнѣ некогда, у меня работы по горло, а я лѣчу... Какъ быть?! Не отказать же въ помощи? Очень многихъ посылалъ къ одному изъ докторовъ, принимая его за лучшаго, но этотъ оказался самымъ злѣйшимъ моимъ врагомъ... и за что, спрашивается?!—заключилъ онъ грустно и задумался.

Въ самомъ дѣлѣ, за что? Что «имъ» нужно?—и негодованіе охватывало все мое существо, и такъ хотѣлось выразить это чувство, выразить публично, на весь людской міръ.

А докторъ, поднявъ свою благородную голову, говорилъ:

— Можетъ быть, и я не правъ, не сумѣлъ подойти къ нимъ, разъяснить ихъ ошибки, не былъ деликатенъ... Кто знаетъ?!

О дѣтская простота!.. Съ шакалами быть деликатнымъ!.. Разговоръ мало-по-малу сталъ общій. Между прочимъ говорили объ одномъ интеллигентномъ хуторѣ, который нѣкоторое время занималъ и общество и литературу. Говорили объ упадкѣ этой организаціи, указывая на вышедшаго оттуда солиднаго члена и дѣятеля, на свободѣ проявившаго совершенно волчьи инстинкты. Эта личность, игравшая въ организаціи живую роль представителя, въ настоящее время вошла въ тѣсную связь съ «ними», ознаменовавъ свои самостоятельные подвиги наглой эксплуататаціей мѣстныхъ поселянъ. Его между прочимъ поддерживали, какъ «интеллигента», нѣкоторые земельные чины.

— Чѣмъ объясняете, докторъ, такое явленіе?—спросилъ я.

— Общими условіями и, конечно, развитіемъ на побережьѣ спекулятивной тенденціи... Личность, про которую мы говоримъ, представляетъ собой средняго по уму матеріалиста, ну, а на хуторѣ совсѣмъ иное настроеніе...

— Настроеніе мистически-религіозное,—вмѣшался въ разговоръ хозяинъ.—Прежде работали, организовали хозяйство, вводили всякія сельско-хозяйственныя улучшенія, полезныя для края, въ особенности для крестьянъ, а теперь грѣхи замаливаютъ!..

— Какіе грѣхи?—удивился я.

— Не знаю. Въ полѣ работа, въ виноградникѣ пропасть дѣла, а они псалмы распѣваютъ, каются, молятся...

— Странно!.. Стало быть, общій трудъ, общая жизнь ни къ чему не привели и никакихъ, кромѣ отрицательныхъ, результатовъ не дали... Очень грустно!.. Почему же? Вѣдь хозяйственная сторона дѣла удалась безусловно?

— Потому, что искренность, простота исчезли, а природа и хозяйство этого не любятъ!..—прибавилъ третій собесѣдникъ.

— Что же? Неурядицы между старымъ и новымъ поколѣніями?

— И то и другое,—продолжалъ послѣдній.—А главное, повторяю, неискренность и теорія, такая теорія, которая довела до фарисейства. Усовершенствованіе личности выразилось только въ одной внѣшности, а нутро-то оказалось обыкновенное, даже совсѣмъ невеликодушное... Братья-то братья, а камешки за пазухой держимъ! Эхъ!..

— Разные люди, которымъ трудно соединиться, — вмѣшался докторъ,—въ такомъ дѣлѣ, если два, три эгоиста заведутся, плохо! Строже надо выбирать людей!..

— Вы вѣрите, докторъ, въ общую жизнь и трудъ?

— О, еще бы!—воскликнулъ онъ.—Вся истина въ этомъ! Вся правда въ любви, которой мы должны жить ежечасно, ежеминутно... О, это такая сила, которая можетъ соединить милліоны людей въ несокрушимое, благородное общество, въ которомъ, какъ камни на морѣ, потонутъ антигуманныя, фарисейскія чувства!.. Человѣкъ долженъ возродиться, и это возрожденіе—любовь!..

Да,—думалъ я,—такіе люди могутъ создать крѣпкую общину, но только гдѣ они? Одинъ въ полѣ не воинъ!

Типовъ и характеровъ на побережьѣ множество, они разновидны и опредѣленны. Всѣ эти положительные и отрицательные типы освѣщены яркимъ солнцемъ юга, на зеленомъ фонѣ горъ или изумрудномъ блескѣ моря легко рисуются со всѣми своими признаками. Поставленные лицомъ къ лицу съ мощной и гордой кавказской природой, они скоро сказываются и обозначаются. Положительные типы тѣсно связаны съ этой живой, могучей природой, которая такъ властно охватываетъ человѣка и дѣлится съ нимъ своей непосредственной силой и энергіей.

Не потому ли горцы такъ были храбры и такъ цѣнили свою свободу горъ и ущелій?! Но «они» жалкіе трусы, храбрые скопомъ, изъ-за темнаго угла, не любятъ, не уважаютъ природы, ибо торгуютъ ею, спекулируютъ, укрываясь въ людныхъ мѣстахъ посадахъ. Вмѣсто непосредственности—фарисейство, вмѣсто труда—ложь и деньги! Ни пережитаго, ни прошлаго, ни будущаго не несутъ и не представляютъ собой эти каучуковые манекены «культуры»!

Особенно пріятно, когда среди такого рода «интеллигентовъ» наталкиваешься на простого, умнаго и коренного побережца-черноморца. Нѣкоторая угрюмость, несообщительность, пожалуй, даже рѣзкость — внѣшнія черты впечатлѣнія перваго раза,—тушуются, исчезаютъ совершенно, когда съ такимъ человѣкомъ вы очутитесь въ природѣ, въ горахъ на охотѣ. Тамъ и трудно, и просто и вольно: и мысль вольная, и сердце рвется, рвется далеко за горы и моря! Мы теперь подъ исполинской, кудрявой грушей, у тихо шумящаго ручья на горной вершинѣ.

Что города и посады, даже селенія и хутора съ людской сутолокой, гамомъ и шумомъ, что та жизнь передъ этой чистотой, простором и тишиной, которая окружила насъ на поэтичномъ бугрѣ среди вѣковыхъ буковъ и дубовъ! Мы въ царствѣ оленей и сернъ, на вольной тропѣ медвѣдей и кабановъ!.. Вправо довольно близко кажется вершина зеленой площадки въ синемъ безоблачномъ небѣ, а влѣво, если приподняться и смотрѣть внизъ сквозь вѣтви спускающагося лѣса, блещетъ гордое море... Какой воздухъ и тишина!..

И мы сидимъ, бесѣда льется... Собственно не бесѣда: я слушаю, онъ говоритъ, вспоминаетъ... И картины встаютъ передъ глазами, оживаютъ старыя времена и люди...

Но объ этомъ я разскажу отдѣльно.

Любилъ я проводить время въ горахъ со старымъ товарищемъ, извѣстнымъ по всему побережью охотникомъ, наблюдательнымъ, умнымъ и сердечнымъ человѣкомъ. Его всѣ знаютъ и любятъ, особенно простой народъ, который чувствуетъ хорошихъ людей.

Старый казакъ, съ совершенно хохлацкой фамиліей, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, жилъ въ мѣстечкѣ, которое, говоря военнымъ языкомъ, «они» сдѣлали базисомъ «своихъ» спекулятивныхъ отправленій. Охотникъ владѣлъ двумя большими хатами на самомъ берегу бухты, одну изъ которыхъ занималъ самъ съ женой, а другую сдавалъ во время сезона.

Когда мнѣ случалось бывать въ мѣстечкѣ, я всегда останавливался у стараго охотника. Я любилъ наши встрѣчи, теплыя, душевныя и теперь вспоминаю искреннее радушіе и «добрый» борщъ и горилку.

Была осень и хмурая погода, когда пароходъ заворачивалъ въ бухту, и я въ безпокойствѣ думалъ: дома ли пріятель или на охотѣ? Охотникъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ проживалъ въ горахъ, которыя ему былу знакомы со всѣми тропами и изгибами. На мое счастье Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ дома и благодушествовалъ, собираясь «вечерить». Всегда людное мѣстечко было пустынно и уныло, большая половина торговыхъ заведеній была заколочена; сезонъ давно кончился, и голодныя собаки съ поджатыми боками печально бродили по улицамъ. Хорошо и тепло было въ хатѣ охотника за ярко вычищеннымъ самоваромъ бесѣдовать по душѣ послѣ долгой разлуки. Даже супруга его, болѣзненная, нервная женщина, посмѣивалась надъ мужемъ, разсказывая нѣкоторыя его похожденія, въ которыхъ «чарка» играла видную роль.

— Какъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сезонъ прошелъ? Хорошо ли торговали «планами»?

— Торговали «добре». Московскіе, екатеринодарскіе покупали. Культябкина плана не знаете? За 1500 рублей продалъ!.. Вотъ какое время настало!.. Можно ли было годовъ пять ранѣе подумать, что Культябка такіе гроши получитъ!..

— А главные перекупщики? какъ дѣйствовали?

— Не знаю,—отвѣчалъ охотникъ,—должно, торговали... У «нихъ» плановъ много.

«Знаетъ», подумалъ я, «навѣрно знаетъ» хитрый хохолъ, да говорить не хочетъ—больно не любитъ «ихъ».

— Что же у васъ тутъ новаго?

Хозяинъ махнулъ рукой.

— Случилось что нибудь?

Охотникъ закряхтѣлъ и заёрзалъ на мѣстѣ. Физіономія его выражала недовольство и негодованіе. Но онъ молчалъ и медленно свертывалъ папироску. Я зналъ его привычки и потому ожидалъ терпѣливо.

— Вы не знали,—началъ онъ,—фамилію... ишь ты, опять забылъ!.. ну, писателя, который проживалъ лѣтомъ?.. Въ газетахъ еще описывалъ про «гадюкъ этихъ»...

— Понимаю, понимаю,—отвѣчалъ я,—нѣтъ, съ писателемъ не знакомъ, но читалъ его статьи. Какъ же, читалъ... Ну, что жъ?

— Такого онъ нагналъ холода, такъ на него обозлились, что жаловались начальнику, священнику...

— Почему же священнику? Я не понимаю!..

— Ну, что онъ чертоплясъ.

— Это еще что такое?

— Сектантъ, хлыстунъ...

— А, вотъ оно что!—засмѣялся я.

— Вотъ вы смѣетесь, а намъ было худо!

— Ну, разсказывайте же!

— Когда стали разъѣжаться курсовые, и у меня опросталась одна комната, писатель и говоритъ, что онъ ее займетъ на мѣсяцъ... Надоѣло ему въ гостиницѣ проживать... Ну, что жъ, человѣкъ онъ хорошій, образованный, я радъ былъ такому сосѣдству. У меня оставался только одинъ казачій офицеръ... Жена была рада тоже... лишніе, молъ, гроши перепадутъ!

— Ну, балакай свое... нечего меня трогать!—перебила строгая супруга.—Гроши перепадутъ! а кто гроши на горилку изводе?

— Писатель,—продолжалъ охотникъ,—перевезъ изъ гостиницы свои вещи и уѣхалъ въ городъ. Мы почистили, привели комнату въ порядокъ и ждемъ... Когда пароходъ показался, я пошелъ на пристань, и мы встрѣтились... Идемъ до дома... Только меня останавливаютъ двое: одного я немного знаю, а другой незнакомый. «Писатель, спрашиваютъ, у васъ остановился?» У меня, отвѣчаю. «Если у васъ, то мы предупреждаемъ, что домъ вашъ будетъ разрушенъ, а васъ съ писателемъ перестрѣляемъ». Я усмѣхнулся и думаю: «храбрые хлопцы, да руки коротки! Стараго охотника застрѣлить не шутка!» Прихожу, да объ этомъ диковинномъ дѣлѣ и разсказываю. Жена моя тутъ, самоваръ принесла. Разсказываю, да смѣюсь. А онъ, смотрю, серьезный, задумался. Потомъ и говоритъ: «странное дѣло! Въ городѣ передъ самымъ возвращеніемъ встрѣтилъ я грека торговца... фамилію назвалъ, онъ тоже членъ этого «общества»... Вотъ грекъ и говоритъ: «неужели вы опять назадъ къ намъ поѣдете?» а я отвѣчаю: поѣду, что жъ такое? Грекъ блѣдный такой шопотомъ мнѣ говоритъ: «не ѣзжайте, васъ тамъ убютъ, непремѣнно убьютъ, непремѣнно убьютъ»... Что вы, говорю, шутите, вѣроятно? Онъ отвѣчаетъ: «какъ хотите, вѣрьте,

не вѣрьте, а я васъ предупреждаю!» Я засмѣялся, какъ вы теперь смѣетесь (это онъ мнѣ говоритъ), а теперь вижу: дѣло серьезное! Жена моя слушала, слушала, да какъ ударится въ плачъ. «Пускай, говоритъ, васъ перестрѣляютъ, а меня-то за что жъ?! Уходите, пожалуйста, уходите!». Писатель встревожился, говоритъ ей: «не безпокойтесь, пожалуйста, уйду, непремѣнно уйду!» Да куда уйти-то? ужъ ночь наступаетъ, да, пожалуй, такого опаснаго человѣка и не пустятъ въ другое мѣсто. Я предложилъ ему спать въ саду, а самъ рѣшилъ цѣлую ночь съ заряженнымъ ружьемъ ходить на дозорѣ. «Однако», говоритъ онъ, «пойдемте, надо что нибудь предпринять». Пошли на телеграфъ, далъ онъ депешу въ городъ, позвалъ урядника, которому отдалъ квитанцію отъ депеши, и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Пошли опять домой. Узналъ я, что офицеръ зарядилъ оружіе и рѣшилъ тоже не спать ночь и ждать непріятеля...

Переполохъ настоящій!..

Пришелъ урядникъ съ полицейскими, осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ въ саду была поставлена кровать, да и говоритъ писателю: «а все-таки вамъ опасно здѣсь, кусты густые, вѣтви до земли спускаются, ночью могутъ подползти и кинжаломъ зарѣзать!»...

Что же тутъ дѣлать?...

Вижу я, моему писателю очень все это непріятно, не потому, чтобы онъ боялся, а по непріятностямъ, что безпокойство другимъ доставляетъ. Урядникъ подумалъ, подумалъ, да и предложилъ пойти къ нему: «квартира у меня хорошая, жена уѣхала, отлично переночуете, да и людямъ спокойнѣе будетъ, охранять мою квартиру имъ удобнѣе!»... Такъ и пришлось сдѣлать... уйти изъ моего дома!.. Такъ для меня это было обидно, что и сказать не могу!... съ какимъ бы я удовольствіемъ пристрѣлилъ канальскаго сына!...

— Однако,—перебилъ я,—исторія довольно интересная... И все это изъ-за развитія и благополучія курорта?!.

— Кто ихъ знаетъ!... серчали на него дѣйствительно «богато»!

— Ну, что же потомъ было? переночевалъ у урядника безъ приключеній?..

— Да, переночевалъ, урядникъ такой добродушный, принялъ хорошо, свою постель уступилъ. А самъ легъ у двери съ ружьемъ, къ которому штыкъ привертѣлъ... Полицейскіе всю ночь кругомъ дома ходили, охраняли!..

— Чортъ знаетъ что!.. Жаловался онъ? сообщалъ объ этомъ прокурору?..

— Нѣтъ. На другой день утромъ изъ города пріѣхалъ начальникъ, съ которымъ писатель видѣлся, разсказывалъ ему...

— Ну, и тотъ... начальникъ что жъ?!.

— Начальникъ сказалъ ему, что очень онъ «ихъ» раздражалъ своими статьями... «Это, говоритъ, вѣрно знаю!.. но чтобы убивать—

нѣтъ, до этого «они» не дойдутъ!»... Вотъ и все!.. Прожилъ послѣ этого писатель у меня два, кажется, дня, да и уѣхалъ... Жена не спала, я тоже, съ ружьемъ... Бѣдовое дѣло!.. Около насъ полиція цѣлую ночь!...

Мы замолчали. Въ это время дрогнулъ ставень. Всѣ невольно вздрогнули, а жена охотника поблѣднѣла.

— Ишь, подлая, опять крючокъ срывается... Должно быть, нордъ-остъ начинается!. . сказалъ хозяинъ, выходя изъ хаты.

— И чего это пишутъ!.. замѣтила хозяйка.—Зачѣмъ людей трогаютъ?.. Положимъ, человѣкъ онъ хорошій, деликатный, а если бы слыхалъ, какъ его ругаютъ здѣшніе дачевладѣльцы, такъ ругали, что Боже сохрани!...

— Можетъ быть, еще какія были новости?—спросилъ я возвратившагося хозяина.

— Пріѣзжалъ мировой судья... судилъ мужицкаго доктора, который тамъ, въ горахъ живетъ...

— Судилъ?.. за что?!.

— За сокрытіе оспы... у него дочь оспой больна была!..

— Что же мировой судья?..

— Оправдалъ!.. Не его бы слѣдовало судить за это,—проворчалъ охотникъ,—а «гадюкъ» этихъ. Не пора ли спать?.. съ дороги вѣрно устали?.. Жена постель приготовила,—предложилъ хозяинъ.

Я молча согласился.

Долго я не могъ заснуть, соображая, какія на свѣтѣ совершаются дѣла, и къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ люди изъ-за жадности и себялюбія!...

Нордъ-остъ, повидимому, крѣпчалъ. Ставни равномѣрно скрипѣли; глухой отдаленный гулъ не смолкалъ и не приближался.

С. И. Васюковъ.

ИСТОРІЯ БОРОДЫ И УСОВЪ.

I.

Бородачи древней Руси.

ОЛЬШИНСТВО нашихъ историковъ [1]) склоняются къ тому, что южная славянщина, въ особенности Кіевская временъ Святослава, была бритая, а сѣверная — попреимуществу бородатая. Перунъ кіевлянъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами, но о бородѣ нѣтъ никакихъ указаній въ историческихъ памятникахъ. Забѣлинъ, полагая, что южные славяне, прежде чѣмъ выйти на историческую арену подъ собственнымъ именемъ, задолго до того подвизались подъ именемъ гунновъ, утверждаетъ, что оголеніе головы съ оставленіемъ чуприны и бритье подбородка у южныхъ славянъ было гуннскаго происхожденія; между тѣмъ Иловайскій считаетъ этотъ обычай у южанъ самобытнымъ и указываетъ на то, что гунны были по природѣ безбородыми. «Мы, — говоритъ В. Михневичъ («Исторія русской бороды»),—не беремся рѣшать, который изъ этихъ двухъ

---

[1]) Гедеоновъ: «О варяжскомъ вопросѣ»; Забѣлинъ; «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ»; Иловайскій: «Розысканія о началѣ Руси»; Голубинскій: «Исторія русской церкви»; Н. Костомаровъ: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великоруссовъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; В. Михневичъ: «Историческіе этюды»; А. П. Щаповъ: «Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»; О. Буслаевъ: «Древнерусская борода» («Отечеств. Записки», № 10) и т. д.

взглядовъ вѣрнѣе, такъ какъ оба они представляютъ собою ни что иное, какъ въ равной степени остроумныя гипотезы, имѣющія почти одинаковые шансы правдоподобія».

Во всякомъ случаѣ, если южно-славянская, языческая Русь была безбородой, и представители ея заслуженно названы «хохлами», то славяне сѣверной Руси всегда отращивали себѣ бороды и были «кацапами» (испорченное слово: якъ цапъ, т.-е. козелъ). Изслѣдователь раскола, В. В. Андреевъ, объясняетъ эту разницу между бритыми славянами и бородатыми просто климатически-почвенными условіями нашей страны. Онъ говоритъ: «что есть соотношеніе между лѣсными болотами Бѣлоруссіи и волосяными шапками колтуна, между короткими курчавыми волосами негра и влажною, жаркою мѣстностью, обитаемою имъ,—въ этомъ едва ли кто будетъ сомнѣваться. Такъ точно есть соотношеніе и между бородою и природою русскихъ мѣстностей. Едва инородецъ, какъ, напримѣръ, тунгусъ, начинаетъ жить по-русски, онъ обрастаетъ бородою. Волоса являются, такимъ образомъ, гигіеническимъ предохранительнымъ средствомъ. Велѣть обрить бороду нѣмцу и малороссу вовсе не одно и то же, что великорусскому крестьянину. У тѣхъ на возвышенныхъ или ровныхъ мѣстностяхъ и при другой гигіенической обстановкѣ борода безъ того плохо растетъ; у жителя лѣсистой и часто болотистой Великоруссіи окладистая борода является уже вовсе не одною пустою принадлежностью внѣшности. Хохолъ можетъ смѣяться надъ кацапомъ и кацапъ надъ хохломъ, но борода великоросса и хохолъ малоросса вовсе не случайное явленіе, а результатъ гигіенической обстановки населенія. Понятно, почему нигдѣ приказаніе Петра Великаго брить бороду не вызывало такого сопротивленія, какъ на лѣсистомъ востокѣ Россіи и въ прикаспійскомъ краѣ, гдѣ казакъ до сихъ поръ смотритъ на свою бороду, какъ на святыню. Она, дѣйствительно, для него не только отличіе отъ степного киргиза, но и, очень вѣроятно, гигіеническая охрана въ нездоровой мѣстности».

Весьма возможно, что первоначально такъ и было: малороссъ въ тепломъ климатѣ брилъ бороду по гигіеническимъ соображеніямъ во имя чистоты, а, можетъ быть, первоначально и по военнымъ соображеніямъ [1]), а великороссъ берегъ ее для защиты горла отъ

---

[1]) Въ «Историческихъ этюдахъ» В. Михневича, въ его статьѣ «Исторія русской бороды», указано на существованіе въ наукѣ мнѣнія о томъ, что Александръ Македонскій, предпринимая походъ въ Индію, узналъ, что тактика тамошнихъ воиновъ заключается въ томъ, чтобъ во время боя прежде всего хватать своихъ противниковъ за бороды. Въ предупрежденіе этой «военной хитрости», Александръ приказалъ своимъ воинамъ сбрить бороды, что, какъ извѣстно, вошло въ обычай въ македонскомъ войскѣ, а изъ подражанія ему стали впослѣдствіи бриться въ Греціи и всѣ граждане. Римляне, во всемъ подражавшіе грекамъ, въ свою очередь переняли этотъ обычай. Впослѣдствіи, чрезъ римлянъ, обычай этотъ

холода и т. д. Зимой даже звѣрь обростаетъ болѣе густой шерстью, чѣмъ лѣтомъ. Весьма естественно при этомъ, что на югѣ идеалъ красоты былъ безбородымъ, а на сѣверѣ—бородатымъ. Въ припадкахъ горя и скорби первый запускалъ волосы на головѣ и бородѣ, а второй рвалъ и обрѣзывалъ ихъ. Императоръ Александръ I въ 1812 г., на случай несчастной войны съ французами, клялся: «Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія». До христіанства существовалъ обычай богу плодородія (Волосу) «завивать бороду», то-есть оставлять во время жатвы пукъ не срѣзанныхъ и завитыхъ колосьевъ (закрутъ) «на бороду»; съ принятіемъ христіанства Волосъ замѣнился св. Власіемъ, Ильей Пророкомъ, Николаемъ Чудотворцемъ и Христомъ, которымъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ жалуютъ колосья «на бороду»... Если человѣкъ дорожилъ бородой, то естественно онъ хотѣлъ видѣть и своихъ святыхъ угодниковъ въ томъ же плѣнительномъ образѣ. Открытая коса у женщины—признакъ дѣвственности, а «покрытая голова»—обратно. Волосами своими она прельщаетъ мужчину, но когда выходитъ замужъ, то, чтобы не соблазнять другихъ мужчинъ, она прячетъ волосы подъ «повойникъ» и боится «опростоволоситься»... Волосяной культъ распространялся среди славянщины вполнѣ естественнымъ путемъ долгое время безъ вмѣшательства церковныхъ ученій и преданій.

«Все это заставляетъ насъ предположить,—говоритъ В. Михневичъ,—что сѣверные, великорусскіе славяне, какъ и нынѣ, носили и чтили бороды съ незапамятныхъ временъ, задолго до принятія христіанства. Съ принятіемъ же послѣдняго случилось такъ, что ученіе церкви по этому предмету совпало съ народнымъ обычаемъ и освятило его, вслѣдствіе чего борода еще болѣе утверждается въ правахъ гражданства и дѣлается символомъ одновременно и русской вѣры и русской національности».

Народный обычай носить бороды не имѣлъ у насъ религіознаго культа до X вѣка. Бороду носили и чтили безъ участія церковнаго авторитета. Въ самомъ христіанствѣ первые вѣка не существовало бородоугодничества. Древніе христіанскіе клирики,—говоритъ Голубинскій («Исторія русской церкви»),—«стриглись по той простой причинѣ, что по взглядамъ грековъ подстриженные волосы были признакомъ простоты и скромности, а напротивъ длинные волосы считались у нихъ за весьма предосудительныя, съ хри-

---

сталъ мало-по-малу распространяться и среди «варваровъ», съ которыми греко-римскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе. Христіанская Европа среднихъ вѣковъ носила бороды, хотя въ ношеніи ихъ, стрижкѣ и прическѣ соблюдались прихоти измѣнчивой моды. Бритье бороды и усовъ вводится въ цивилизованной Европѣ одновременно съ возрожденіемъ классицизма—въ эпоху возрожденія.

стіанской нравственной точки зрѣнія, изысканность и щегольство». Въ первые вѣка христіанства всѣ стригли волосы въ кружокъ, а посрединѣ головы оставляли «гуменце», въ уподобленіе вѣнку Христа. Но съ X-го вѣка въ Восточной церкви вводится обычай волосоращенія, и Русь въ это время принимаетъ крещеніе. Между Восточной церковью и Западной возникаетъ схоластическая полемика изъ-за волосъ: греки видятъ іудейство и эллинское язычество въ брадобритіи, а западники—въ отращиваніи волосъ. Грекоправославное духовенство на Руси принимаетъ на себя апологію бороды, начиная съ указанія на древнихъ библейскихъ пророковъ и Христа съ апостолами и кончая отожествленіемъ бороды съ національнымъ достоинствомъ Руси.

Византизмъ не вводилъ къ намъ обычая носить бороду; послѣдній и до христіанства существовалъ, но до христіанства не было догматизаціи бороды и возведенія ея въ признакъ истиннаго православія. Это церковное вліяніе на бородачей чуждо древней Руси. Догматизація бороды предписана была народу духовенствомъ сверху, какъ впослѣдствіи брадобритіе предписано со стороны свѣтской власти, но, тѣмъ не менѣе, первое совпало съ народнымъ обычаемъ волосоращенія и уваженія къ бородѣ. Византизмъ бороды нашелъ вполнѣ пригодную почву въ народныхъ симпатіяхъ и подготовилъ ей горячихъ защитниковъ, какъ снизу въ лицѣ Аввакума, такъ и сверху въ лицѣ Максима Грека, патріарховъ Іоакима, Адріана и т. д. Объясняется это тѣмъ, что «восточно-византійская доктрина имѣла своей задачей, какъ извѣстно, не интеллектуальное развитіе русскаго народа, а одно нравственно-религіозное воспитаніе. Все ея назначеніе состояло въ развитіи греко-восточнаго христіанскаго умонастроенія... Византія начала имѣть интеллектуальное вліяніе на варварскія племена сѣверныхъ славянъ въ то время, когда въ ней самой науки находились въ глубокомъ упадкѣ. Въ это же время она уже не развивала умственно-образовательныхъ идей о человѣкѣ, объ обществѣ и т. п., но выработала твердо догматъ о трехъ ипостасяхъ Божества, о поклоненіи святымъ иконамъ, о почитаніи Богородицы и святыхъ, и разработала въ восточномъ духѣ церковную архитектуру, церковное богослуженіе, церковное пѣніе и церковную обрядность. Все это Византія передала и Россіи. Порабощенная и угнетенная турками Византія не имѣла возможности умственно возродиться и возродить юную умственную жизнь русскаго народа идеями своего классическаго генія и знанія. Всѣ ея древнія рукописи значительно ранѣе достались не Россіи, а Западу» («Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа» А. Щапова). Византизмъ русской исторіи и быта отразился, конечно, и отожествленіемъ бороды съ народностью, православіемъ и стариной. Строй жизни «отъ грековъ», поддерживаемый «варяго-правительственнымъ классомъ», проникаетъ во всю до-

машнюю жизнь нашихъ предковъ, канонизируя ихъ одежду, стрижку волосъ, ношеніе бороды и т. д. Всѣ апостолы съ бородами, и ни одного святого нѣтъ бритаго... «По бородѣ—апостолъ», говорили о человѣкѣ съ лучшей стороны. «Безъ бороды и въ рай не пустятъ»,—увѣряютъ до сихъ поръ раскольники. Въ св. писаніи читаемъ: «Не стригите головы вашей кругомъ, и не порти края бороды твоей» (Левитъ, 19, 27). Тоже: «И взялъ Аннонъ слугъ Давидовыхъ и обрилъ каждому изъ нихъ половину бороды. Когда донесли объ этомъ Давиду, то онъ послалъ къ нимъ навстрѣчу, такъ какъ они были очень обезчещены. И велѣлъ царь сказать имъ: оставайтесь въ Іерихонѣ, пока отростутъ бороды ваши, и тогда возвратитесь» (2 Царствъ, 10, 4 — 5. Ср. 1 Паралипом., 19, 4—5).

II.

Переходное время.

Трудно съ точностью обозначить начало времени русскаго тяготѣнія къ «латиномудренникамъ» и брадобритникамъ. Гораздо легче замѣтить національную горделивость «бородачей» передъ подражателями «блудоноснаго образа» и всеобщее презрѣніе въ старо-русскомъ бытѣ ко всему иноземному. По изслѣдованію Н. И. Костомарова («Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 314), «всѣ западные христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными. По понятію строгаго благочестія, не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобы стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика. Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и армянами и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближеніе съ иностранцами. Въ 1620 г. духовенство просило не допускать нѣмцевъ покупать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ нѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе. Такъ, патріархъ Никонъ, человѣкъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры. Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкахъ ненависть къ католичеству. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклятая, и католики считались погибшими для царствія Божія людьми. Послѣ смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать о нихъ; имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго

государства. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ Западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять всѣхъ уніатовъ и требовалъ, чтобы тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію, а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками. Народъ ненавидѣлъ также, наравнѣ съ католиками, и жидовъ: ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лѣкарствъ. Съ непріязнью къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для русскихъ достояніе чужеземщины. Такимъ образомъ, русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли, какъ на колдовство или навожденіе дьявола. Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ. Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запираться въ свои избы, «какъ будто бы,—говоритъ англичанинъ,—мы были зловѣщія птицы или какія нибудь пугалы; только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы».

Но наиболѣе развитые московскіе цари и бояре невольно задумывались объ европейской жизни послѣ бесѣдъ съ заѣзжими людьми и послѣ постоянныхъ военныхъ пораженій на западной границѣ, въ то время какъ на востокѣ русскіе побѣждали азіатовъ... Невольно бросались въ глаза преимущества иностранцевъ, начиная съ ихъ болѣе опрятнаго вида передъ нашимъ «аввакумовскимъ» и кончая ихъ общимъ развитіемъ. Эти нерасчесанныя бороды и длинные охабни или однорядки доказывали невысокій разумъ народа, въ особенности, если припомнить его пьянство, неопрятность въ ѣдѣ, самодурство и жестокость съ подчиненными. Понятно, что наши реформаторы прежде всего начали борьбу съ наружностью соотечественниковъ, принявшись за ихъ прически и бороды. Но борьба съ національными пристрастіями въ это переходное время велась слабо. Иноземная культура на первыхъ порахъ, по выраженію П. Милюкова, «носила болѣе матеріальный, чѣмъ идейный характеръ». Идеализація національнаго культа торжествовала... Когда Василій Іоанновичъ женился на молоденькой Еленѣ Глинской и, желая казаться моложе своихъ лѣтъ, сбрилъ себѣ бороду, и бояре стали ему подражать, то духовенство ополчилось на бреющихся. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, въ 1551 г., оно

собрало церковный соборъ, выпустившій свои сто постановленій, между которыми имѣется глава 40-я противъ брадобритія. «Безбородому невозможно въ царствіе небесное внити», говоритъ «Стоглавъ». Онъ требуетъ въ этомъ дѣлѣ апостольскаго примѣра и грозитъ: «Аще кто браду брееть и преставится тако, не достоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша». Богоугодность бороды продолжаетъ играть значительную роль въ событіяхъ нашей исторіи еще долгое время... Когда въ войскѣ Іоанна Грознаго подъ стѣнами Казани явились болѣзни, то это объяснили возникшимъ обычаемъ тамъ брить бороды; самъ Іоаннъ Васильевичъ, въ спорѣ съ папскимъ посломъ Поссевиномъ, указываетъ, въ укоръ католицизму, на «подсѣченную бороду» іезуита. Максимъ Грекъ въ посланіи къ царю Іоанну Грозному о богоугодности бороды, разсказываетъ, что кто-то обрѣзалъ у козла «браду зѣло добророднy», и козелъ, не стерпѣвъ досады, убилъ себя до смерти, «бія безъ милости главу свою къ земли». Слѣдовательно,—замѣчаетъ Максимъ,—«коль честно и любезно есть бородное украшеніе и безсловесну животну, азъ же, словесенъ сый, гнушаюся ея».

Русская иконописная живопись всегда руководилась бородатыми всякаго типа изографами изъ «Прологовъ» и «Четьи-Минеи». Точно также москвичи оправдывали свою измѣну Годунову и потомъ «разстригѣ»—Лжедимитрію I—тѣмъ, что послѣдніе брили и стригли свои волосы. Извѣстный въ то время дѣятель Троицко-Сергіевской лавры противъ поляковъ, единомышленникъ Гермогена и Діонисія, Авраамій Палицынъ, объявляетъ также бритье бороды «ересью». Какъ женщина съ мужскимъ голосомъ, такъ и безбородый мужчина, въ родѣ Терсита у Гомера, считался способнымъ на ложь и преступленіе. Бородой клялись! Олеарій говоритъ о московскихъ боярахъ, что «тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ большую бороду и толстое брюхо, пользуются большимъ уваженіемъ. Его царское величество выставляетъ такихъ людей на торжественныхъ аудіенціяхъ, думая этимъ вселить въ иноземцахъ бо̀льшее къ своей особѣ уваженіе». Котошихинъ замѣчаетъ о боярской думѣ, что въ ней «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ».

При Алексѣѣ Михайловичѣ, по иниціативѣ духовенства, въ особенности усилилось гоненіе на бритыхъ мужчинъ, и даже у заслуженныхъ лицъ отнимались чины за подрѣзываніе волосъ. Однихъ усовъ было недостаточно, чтобы спасти себя отъ царской опалы. «Борода въ честь, а усы и у кошки есть», замѣчали сторонники указа 1675 года, гласившаго, чтобы придворные чины (стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы) «иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали

а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ тоже носить не велѣли».

Отстаивая бороду, духовенство невольно ополчалось противъ всякаго тяготѣнія къ Западу и его обрядамъ; но «правительство,— поясняетъ Костомаровъ,—хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину, взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользовалось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови и оправдывалъ передъ ними свои злодѣйства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми. При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правовѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и, наконецъ, при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобы народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянъ, поносными словами, а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще непріязнь къ иноземщинѣ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной непріязни къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ. Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ. Такимъ образомъ, разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностью, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ. Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему польскому, въ смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и офиціальныхъ бумагахъ писать полу-русскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западно-русской рѣчи».

Бояре Морозовъ, Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ и др. заводятъ себѣ иноземныя кареты, картины, часы, нѣмецкое платье, устраиваютъ въ покояхъ «Тишайшаго» театръ съ иноземными актерами и музыкантами. «Вліяніе обстановки высшей культуры и европейскихъ прикладныхъ техническихъ знаній, — замѣчаетъ П. Милюковъ,— безсознательно для русскаго человѣка втягивало его и въ кругъ европейскихъ идей и понятій. И когда онъ очнулся передъ неожи-

данно большимъ итогомъ чуждыхъ привычекъ, усвоенныхъ по мелочамъ, — итти назадъ было уже поздно. Старый бытъ былъ уже фактически разрушенъ. Только и оставалось — сдѣлать его предметомъ націоналистическаго культа и отвлеченной идеализаціи» («Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, стр. 94). Когда при Θеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681 году издается указъ всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, а въ самомъ обществѣ усиливается брадобритіе, то въ старыхъ людяхъ дѣйствительно воскресаетъ идеализація вымирающаго культа. Патріархъ Іоакимъ отлучаетъ брадобрійцевъ отъ церкви и предостерегаетъ общество грозными словами: «Еллинскій, блудническій обычай, древле многащи возбраняемый, во днехъ царя Алексѣя Михайловича всесовершенно искорененный, паки нынѣ юнонеистовніи начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный, губити». Еще грознѣе ополчился на брадобрійцевъ-модниковъ его преемникъ Адріанъ, который въ первые дни своего патріаршества въ «окружномъ посланіи» о бородѣ писалъ:

«Богъ преблагій мудростью своею созда человѣка по образу своему и по подобію, украсивъ его внѣшнею всякою добротою... Мужа и жену сотвори, положивъ разнство видно между ними, яко знаменіе нѣкое: мужу убо благолѣпіе, яко начальнику—браду израсти, женѣ же, яко несовершеннѣй, но подначальнѣй онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчиненна, зряща мужа своего красоту, себя же лишону тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна.

«Воины всякаго чина, начальствующіе и начальствуемые, отриньте отъ себя еретическій обычай брить и подстригать бороды. Богъ возбранилъ то, и святые апостолы воспретили, глаголя: не подобаетъ брады власовъ растлѣвати и образъ мужа изминяти: сіе бо женамъ лѣпо сотвори Богъ. Только Іуліанъ-отступникъ, Ираклій-еретикъ, Константинъ-иконообразецъ, Олгердъ-идолослужитель, Селимъ-Амуратъ-бесерменинъ заставляли своихъ подданныхъ брить и остригать бороды, даже до кожи. Самъ Спаситель нашъ Христосъ былъ съ бородою. Подобно ему святые апостолы, великіе пророки, преподобные отцы, благочестивые цари, Константинъ Великій, Θеодосій Великій, Владимиръ Великій, всѣ имѣли бороду, хранили ее, какъ Богомъ дарованное украшеніе, съ нею до сихъ поръ видимы въ иконномъ писаніи, всѣ при общемъ воскресеніи возстанутъ, какъ создалъ ихъ Господь.

«О пребеззаконники! ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не человѣкъ, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться скотамъ безсмысленнымъ, или смѣшаться съ еретиками, которые въ такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригутъ бороду и усы и отъ того видятся подобно пиθикамъ или обезьянамъ?

Прежде остригали бороду только преступникамъ только въ безчестіе и наказаніе. Взгляните на икону Страшнаго Суда: не видите ли одесную Христа праведныхъ, украшенныхъ брадою, а ошую—бесерменовъ, лютеровъ, поляковъ и другихъ брадобритниковъ, съ одними усами, подобно котамъ и псамъ? Вотъ куда ведетъ васъ мнимая красота ваша!

«Брадобритіе не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертный: проклято бо сіе блудозрѣлищное неистовство отъ прежде бывшихъ святѣйшихъ патріарховъ, которымъ и мы согласуемъ, тоже установляя и подтверждая. Со времени просвѣщенія Россійскаго народа православіемъ у праотцевъ нашихъ ниже слышно было о брадобритіи до самаго Московскаго плѣненія поляками и литовцами, когда младоуміемъ нѣкоторыхъ вмѣстѣ съ иными еретическими обычаями внеслось въ россійскій народъ и сіе чужестранное злобычество, вскорѣ осужденное святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ: онъ проклялъ на соборѣ такое псовидное безобразіе. То же подтвердилъ святѣйшій патріархъ Іосифъ, а царь Алексѣй Михайловичъ, крѣпкій поборникъ по благочестію, прогналъ брадобрійцевъ отъ лица своего, иныхъ же и градскою казнію наказать повелѣлъ. Всѣ они духовною властью отлучены отъ церкви и лишены архіерейскаго благословенія; если же кто послѣ сего запрещенія дерзалъ брить бороду, того святые отцы повелѣли предавать анаѳемѣ.

«Люди православные! не пріемлете сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтесь имъ, какъ нѣкою мерзостью: ибо не раскаявшимся брадобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церкви возбраненъ, и причастія св. тайнъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ, не раскаявся, не подобаетъ надъ тѣмъ быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію. И живъ сый, противляйся закону Божію, гдѣ станетъ онъ на Страшномъ Судѣ: съ праведными, украшенными брадою, или съ еретиками брадобрійцами,—сами разсудите».

Темный народъ съ жадностью читалъ патріаршескія прокламаціи противъ брадобритія и всякой иноземщины. Онъ все еще жилъ по указамъ духовенства, разрѣшавшимъ ему только то, что пошло («пошлина») по старинѣ. Въ своей «Русской исторіи» А. Трачевскій о добромъ старомъ времени говоритъ, что тогда «всякій норовилъ жить по «пошлинѣ» во всемъ, начиная съ кафтана и избы прародителей. «Пошлый» было почетнымъ названіемъ. Все было слито въ общей массѣ: нѣтъ рѣзкихъ чертъ ни въ лицахъ, ни въ жестахъ; всюду «одиночество» (единогласіе), стадность. Безъ всякихъ указовъ всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ». Выдѣлялись изъ этого «единогласія» личности и секты, но тотчасъ же погибали. Боярышня или боярыня, бросившая «бѣльмы выкатывать», бѣлиться, румяниться, сурмить рѣсницы и подводить брови, под-

вергалась заточенію въ монастырь или домашнему истязанію. Она хотѣла жить не по пошлинѣ и должна была пострадать за свое новшество. Съ воцареніемъ Петра I-го люди начинаютъ страдать обратно за старину и за пошлину...

III.

Брадобрійцы временъ Петра I.

Адріанъ былъ десятымъ и послѣднимъ патріархомъ... Епархіальными указами уже нельзя было пріостановить движеніе исторической жизни въ Россіи. Единеніе мысли между интеллигенціей и народомъ существовало болѣе или менѣе до Бориса Годунова, а затѣмъ ко времени Петра I передовые люди рѣзко выдѣлялись изъ массы и стали мыслить критически о домашней и государственной жизни Россіи. Патріархъ Адріанъ сочувствовалъ консервативнымъ силамъ страны и звалъ общество вернуться назадъ; «но,—замѣчаетъ В. И. Водовозовъ, въ «Очеркахъ русской исторіи»,—все это было напрасно: любознательность сильно пробудилась; бояре и дворяне продолжаютъ тайкомъ сноситься съ людьми изъ Нѣмецкой слободы. Само духовенство, отстаивая старину, въ то же время разрушаетъ ее, осуждая Стоглавъ и прежніе церковные соборы, которыхъ постановленія до того времени считались неприкосновенными, вводитъ въ церкви новизны и пр. Все было подготовлено къ перемѣнамъ: нуженъ былъ только энергичный человѣкъ, который бы открыто порвалъ всякую связь со стариной». Такимъ оказался Петръ I. Съ его воцареніемъ прежде всего пострадала борода...

Съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, «бородачи» стоятъ на своемъ: «борода—образъ и подобіе Божіе»... Они же царю грозятъ: «Въ животѣ ты нашемъ воленъ, а бороду не тронь!» Сбрить бороду—все равно, что «растлить образъ Божій на себѣ». Но Петра I нельзя было запугать «московской дурью». Съ его воцареніемъ этой «дури» пришелъ конецъ... «Борода—лишняя тягота и помѣха дѣлу»,—отвѣчалъ Петръ на жалобы бородолюбцевъ и, вмѣстѣ со своимъ шутомъ, срѣзывалъ у нихъ ножницами «символы назаретства» на своихъ пирушкахъ.

Брадобритіе началось на другой день по пріѣздѣ царя изъ-за границы въ Москву. «Рано утромъ,—говоритъ Н. Устряловъ,—вельможи, царедворцы, люди знатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково привѣтствовалъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Многихъ обнималъ, цѣловался, говорилъ о своемъ путешествіи, о дружбѣ съ королемъ Августомъ, между тѣмъ, къ неописанному изумленію предстоявшихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Рамодановскаго, послѣ того и

прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, боярина Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегуковича Черкасскаго: перваго пощадилъ за испытанную преданность, второго—за преклонную старость. Та же сцена повторилась дней черезъ пять на пиру у Шеина, по случаю празднованія новолѣтія, безъ обычнаго, впрочемъ, торжества. Гостей было множество. Бояре, царедворцы, офицеры, даже матросы наполняли обширныя палаты радушнаго хозяина. Многіе явились безъ бороды; но еще немало было и бородачей. Царь ласково разговаривалъ со всѣми, жаловалъ по старому обычаю изъ собственныхъ рукъ яблоками, шутилъ, смѣялся и предлагалъ тостъ за тостомъ, при залпахъ 25-ти орудій. Среди всеобщаго веселья царскій шутъ (вѣроятно, Тургеневъ), съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого и многимъ ее обрѣзывалъ, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшали себя чужимъ горемъ. Черезъ три дня былъ вечеръ у Лефорта, съ музыкою и танцами; гостей собралось еще болѣе, чѣмъ у Шеина. Обыватели Нѣмецкой слободы явились съ женами. Не менѣе 500 человѣкъ пировало въ роскошно убранныхъ залахъ Лефортова дворца, и между ними бородачей замѣтно уже не было: бояре, царедворцы, люди ближніе смотрѣли нѣмцами въ русскихъ кафтанахъ, до которыхъ скоро дойдетъ своя очередь. Этотъ первый шагъ къ перерожденію Россіи былъ самый трудный. Ничѣмъ такъ не гордился русскій народъ передъ нѣмцами и ничѣмъ въ своихъ обычаяхъ такъ не дорожилъ, какъ бородою; брить ее казалось грѣхомъ смертнымъ не только въ понятіяхъ простолюдина, но и въ глазахъ самаго разумнаго вельможи, даже пастырей церковныхъ. Но чѣмъ упорнѣе берегли русскіе свою бороду, тѣмъ ненавистнѣе была она Петру, какъ символъ закоснѣлыхъ предразсудковъ, какъ вывѣска спесиваго невѣжества, какъ вѣчная преграда къ дружелюбному сближенію съ иноземцами, къ заимствованію отъ нихъ всего полезнаго, и пылкій царь не хотѣлъ видѣть бородачей вокругъ себя: ни при дворѣ, ни въ войскѣ, ни на верфяхъ. Бояре, царедворцы, люди ратные, приказные, корабельные плотники должны были немедленно уступить непреклонной волѣ царя». Не довольствуясь частнымъ самоуправствомъ съ украшеніями мужского лица, Петръ издалъ противъ бороды цѣлый рядъ жестокихъ указовъ. Въ 1705 году, отъ 16-го января, повелѣно: «всякаго чина людямъ, кромѣ церковнаго (поповъ и дьяконовъ), брить бороды и усы»; а съ того, кто не хотѣлъ подчиняться этому указу, брали налогъ: «съ царедворцовъ, съ дворовыхъ и городовыхъ и всякихъ чиновъ служилыхъ и приказныхъ людей по 60 р. съ человѣка; съ гостей и гостиной сотни первой статьи по 100 р. съ человѣка; средней и меньшей статей торговыхъ и посадскихъ людей по 60 рублей, съ боярскихъ людей и съ ямщиковъ и съ извозчиковъ и съ церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяко-

новъ, и всякихъ чиновъ съ московскихъ жителей по 30 р. съ человѣка на годъ». Заплатившимъ за бороду выдавали, сообразно уплатѣ, «бородовые знаки», которые они обязаны были носить при себѣ»; «а съ крестьянъ имать вездѣ по воротамъ пошлину, по 2 деньги съ бороды, по вся дни, какъ ни пойдутъ въ городъ и за городъ; а безъ пошлинъ крестьянъ въ воротахъ въ городъ и за городъ отнюдь не пропускать». Затѣмъ послѣдовали указы о наказаніи кнутомъ и каторгой лицъ, безпошлинно носящихъ бороды и торгующихъ русскимъ платьемъ и сапогами (указъ отъ 29-го декабря 1714 г.): о принужденіи «бородачей и раскольщиковъ», кромѣ уплаты за бороду, носить особое старое платье, а именно: «зипунъ со стоячимъ клееным козыремъ, ферези и однорядку съ лежачимъ ожерельемъ. Только раскольщикамъ носить у оныхъ козыри краснаго сукна, чего для платья имъ краснымъ цвѣтомъ не носить. И ежели кто съ бородою придетъ о чемъ бить челомъ не въ томъ платьѣ, то не принимать у нихъ челобитенъ ни о чемъ, и сверхъ того допрашивать вышеписанную дачу, не выпуская изъ приказа, хотя бы оную годовую и платилъ. Также кто увидитъ кого съ бородою безъ такого платья, чтобы приводили къ комендантамъ или воеводамъ и приказнымъ, и тамъ оный штрафъ на нихъ правили, изъ чего половина въ казну, а другая—приводчику, да сверхъ того его платье. Сіе всѣмъ чинамъ мірскимъ безъ выемки, кромѣ крестьянъ подлинныхъ пашенныхъ, а не промышленникамъ» (указъ отъ 6-го апрѣля за 1722 годъ).

На бородачей, не платившихъ за бороду государственнаго налога и не носившихъ указаннаго платья, устраивались полиціей облавныя охоты. «Буде же оберъ-фискалъ или фискалы будутъ требовать для поимки ихъ солдатъ, то давать съ урядниками до 6 человѣкъ съ перемѣнами», говоритъ сенатское распоряженіе о раскольникахъ отъ 12-го іюня 1722 года. У городскихъ воротъ назначены были спеціальные досмотрщики, а другіе—разыскивали бородачей по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ, создавъ изъ правительственныхъ распоряженій источникъ взяточничества, грабежа и кощунства надъ старой вѣрой.

Покончивъ съ бородой и приказавъ замѣнить русское національное платье нѣмецкимъ, Петръ въ 1724 г. повелѣлъ и женамъ «бородачевымъ» носить платья опашни и шапки съ рогами (П. С. З., т. VII, 4596). Можно себѣ представить ожесточеніе простого народа, воспитаннаго на уваженіи къ старинѣ по Кормчей книгѣ, Стоглаву и окружнымъ посланіямъ патріарховъ въ родѣ Іоакима и Адріана? Были попытки къ возстанію противъ брадобритія, разбрасывались у городскихъ заставъ подметные листы, велись повсемѣстно разговоры о томъ, что Петръ старыя книги по церквамъ перемѣнилъ, по всей землѣ разослалъ книги антихристовой печати, и жена его иноземка и живетъ съ нимъ безъ вѣнца... Находились

фанатики старовѣрья, пылавшіе столь великимъ гнѣвомъ на Петра за гоненія на русскую бороду и одежду, что шли на явную смерть въ Преображенскій приказъ съ заявленіемъ «слова и дѣла» на самого государя, обвиняя послѣдняго въ разрушеніи христіанской вѣры черезъ новопечатныя книги, брадобритіе, нѣмецкіе кафтаны и куренье табаку...

Разумѣется, царь-преобразователь могъ бы легко обойтись безъ крутыхъ мѣръ противъ бороды и русскаго платья, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію В. Михневича, при усиливавшемся вліяніи Запада «нетерпимость къ брадобритію постепенно искоренилась бы и, по свойственной русскимъ людямъ страсти къ подражанію, московское общество и безъ понужденій, ради одной моды, поголовно обрило бы бороды». Съ этимъ несомнѣнно придется согласиться... Деспотизмъ Петра нельзя оправдать естественнымъ ходомъ исторіи, какъ пробуетъ это сдѣлать С. М. Соловьевъ. Онъ доказываетъ, что Петръ I не могъ дожидаться естественнаго хода исторіи въ преобразованіи внѣшняго вида русскаго человѣка на европейскій. «Въ одежду,—говоритъ онъ,—человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ, погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразитъ и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды виднѣется его тщеславіе; такимъ образомъ одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа». Широкая русско-азіатская одежда была символомъ отдохновенія, сна и застоя, а короткая и узкая изъ-за границы — свидѣтельствовала кипучую и рабочую жизнь. Петръ не колеблясь выбралъ послѣднее и для себя, и для другихъ... Если даже согласиться съ этимъ толкованіемъ, то все-таки пробужденіе Россіи при Петрѣ могло бы обойтись безъ государственнаго вмѣшательства въ личную и домашнюю жизнь его подданныхъ. Петровскія гоненія на бородачей въ длиннополыхъ платьяхъ сдѣлали простыхъ смертныхъ мучениками, а бороды, охабни и однорядки — регаліями политическаго и религіознаго дѣла на болѣе продолжительное время, чѣмъ при реформѣ домашней жизни подъ вліяніемъ свободы слова и общественнаго мнѣнія. Палка въ этомъ случаѣ всегда ухудшаетъ положеніе дѣла... Человѣчество поступается передъ крутыми мѣрами даже политическими правами, но свой халатъ, туфли и кухонный очагъ отстаиваетъ и реставрируетъ ихъ тотчасъ же при малѣйшемъ ослабленіи надзора. Вотъ почему, по мѣрѣ усиленія битья батожьемъ и ссылки бородачей на работы въ Регервикъ, слава объ антихристѣ въ лицѣ Никона окончательно переходитъ на Петра... Раскольники поютъ:

«Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.
Стали его волю творити:
Усы, бороду стали брити,
Латинскую одежду носити,
Треклятую траву пити»...

«Явилась,—пишетъ В. Андреевъ,—даже цѣлая генеалогія Петра, какъ антихриста. Настоящій Петръ, сынъ Алексѣя Михайловича, исчезъ, какъ увѣряли раскольники, за границей во время извѣстной поѣздки московскаго посольства, а вмѣсто Петра въ Россію явился жидовинъ отъ колѣна Данова. Раскольничья легенда прибавляетъ, что настоящій Петръ былъ заключенъ въ тюрьму какою-то шведской королевой и т. д. Подложный Петръ, явившійся въ Россію, былъ антихристъ». Такому мнѣнію о немъ содѣйствовала, между прочимъ, и борьба Петра съ «бородатой» Русью. Петръ скоро, однако, понялъ, что противъ канонистовъ старины надо бороться не только дубиной, но и идеями. Противъ старовѣровъ выступаютъ съ проповѣдями и сочиненіями митрополитъ ростовскій Димитрій и митрополитъ новгородскій Іовъ. Въ театрѣ осмѣиваютъ предразсудки бородачей... Ровинскій даже разсказываетъ (Русскія народныя картинки), что Петръ I, для осмѣиванія раскольничьяго бородолюбія, приказалъ выпустить лубочныя картинки, на которыхъ цирульникъ пытается обрѣзать бороду раскольнику, а послѣдній сопротивляется и кричитъ: «слушай, цирульникъ, я бороды стричь не хочу, вотъ, гляди, я на тебя скоро караулъ закричу». Тѣмъ не менѣе переубѣдить народъ такими пустяками въ пользу брадобритія и иноземщины было очень трудно... Въ его средѣ постоянно раздавались жалобы.

...«Платье долгое уже перемѣнили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы,
И тое они откуда взяли, ей, недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ,
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
Свои брады наголо желѣзомъ выбриваютъ.
Человѣцы ходятъ, якъ облезьяны».

Бунты Стеньки Разина, Булавина, Пугачева имѣли, между прочими причинами къ возмущенію противъ правительства, и насильственное брадобритіе мужчинъ. Борода дѣлается знаменемъ къ возстанію. Бунтари даютъ возставшимъ, между другими обѣщаніями, «пожаловать ихъ крестомъ и бородой».

IV.

Судьба бороды при императрицахъ и Павлѣ I.

Петровскіе указы противъ бороды мало-по-малу стали ослабѣвать послѣ смерти царя-западника. При Петрѣ II, по почину Миниха, введены были пукли, косы и пудра, которыя въ 1731 году, при Аннѣ Іоанновнѣ, сдѣлались обязательными для офицерскаго и солдатскаго туалета. Тѣмъ не менѣе при императрицахъ, по временамъ, хотя и издаются указы, въ подтвержденіе Петровскихъ о ношеніи бородачами «бородовыхъ знаковъ» и указаннаго платья, но уже преслѣдованіе становится менѣе послѣдовательно. При Елисаветѣ Петровнѣ приняты были вновь мѣры, чтобы эти указы исполнялись, но,—замѣчаетъ изслѣдователь раскола В. В. Андреевъ,—«въ это время на русское платье и бороду смотрѣли уже болѣе, какъ на источникъ дохода: предвидѣлось приращеніе казны въ 50.000 р., если законы Петра о платье и бородѣ будутъ соблюдаться, и изъ-за этихъ 50.000 рублей въ годъ снова тормошили и трепали людъ на всемъ пространствѣ Русскаго государства». Одно бородатое духовенство остается попрежнему вѣрнымъ традиціямъ допетровской Руси. Извѣстно, что когда Ломоносовъ написалъ «Гимнъ бородѣ», осмѣивая въ немъ бытъ духовенства, то копія съ гимна была представлена синодомъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, со ссылкою на узаконенія ея «вседражайшаго родителя», по которымъ «жестокія казни хулителямъ закона и вѣры чинить повелѣвалось, равно и сочинителямъ подобныхъ пасквилей, а пасквильныя письма черезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено». Авторъ сатиры, однако, былъ пощаженъ императрицей (см. «Исторію русской словесности, т. I, стр. 530, П. Н. Полевого).

Тѣмъ не менѣе, даже передъ самымъ царствованіемъ Екатерины II, русское платье и бороды преслѣдовались по провинціямъ. Такъ, напримѣръ, саратовскимъ воеводою княземъ Мильхиседекомъ Баратаевымъ была послана 11-го января 1762 г. въ саратовскій магистратъ слѣдующая «промеморія»: «По именнымъ ея императорскаго величества указамъ, велѣно купечеству бороду брить и платье носить нѣмецкое; а понеже саратовскою воеводскою канцеляріею предусмотрѣно, что здѣшнее купечество ходитъ, яко крестьянство, въ бородахъ и не въ нѣмецкомъ платьѣ; а какъ видно въ томъ саратовскій магистратъ за ними смотрѣніе слабое имѣетъ, того ради, по ея императорскаго величества указу и по резолюціи саратовской воеводской канцеляріи, велѣно въ саратовскій магистратъ сообщить промеморіею, предписавъ въ оной, дабы оной вѣдомства своего купечеству подтвердилъ, чтобы они именное повелѣніе исполняли, бороды брили и платье носили нѣмецкое. Буде же кто изъ нихъ мимо онаго магистрата впредь саратовскою воевод-

скою канцеляріею усмотрѣнъ или кѣмъ въ оную воеводскую канцелярію въ томъ приведенъ будетъ, съ тѣми неотмѣнно поступаемо будетъ по указомъ, а за слабое въ томъ за ними смотрѣніе и саратовскій магистратъ безъ отвѣта оставленъ не будетъ, и саратовскій магистратъ объ ономъ имѣетъ вѣдать и чинить по ея императорскаго величества указомъ». Земскіе бургомистры другихъ городовъ также время отъ времени получали напоминаніе о сборѣ денегъ за неношеніе нѣмецкаго платья и небритіе усовъ и бороды.

Наконецъ, при Екатеринѣ II вышелъ указъ отъ 14-го декабря 1762 года о разрѣшеніи бѣжавшимъ раскольникамъ за границу вернуться въ Россію съ правомъ носить бороду и не ходить въ нѣмецкомъ платьѣ. Охраняя чистоту въ военномъ сословіи, она издаетъ и другой указъ о томъ, чтобы «штабъ и оберъ и унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ, которые отъ полковой службы отставлены и отпущены въ домы вовсе и на время, и кои опредѣлены къ дѣламъ, всѣмъ носить нѣмецкое платье и шпаги, и бороды брить. А ежели гдѣ въ деревняхъ такихъ людей, кто брить умѣетъ, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ кажду недѣлю по дважды, и каждому содержать себя въ чистотѣ такъ, какъ въ полкахъ служили. Буде же кто на платье нѣмецкаго сукна купить за скудостію не можетъ, то бы дѣлали хотя изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другого цвѣта, окрася сѣраго же сукна какою похочетъ краскою. Понеже извѣстно учинилось, что штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые, которые отъ службы вовсе и на время отпущены и къ дѣламъ опредѣлены, ходятъ съ бородами и въ старинномъ русскомъ платьѣ. Того ради, ежели кто изъ нихъ по сему указу исполнять не будутъ, и таковымъ за ослушаніе обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ генералитету и отъ полковъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ, воеводамъ и воинскимъ и земскимъ комиссарамъ и камерирамъ и прочимъ командующимъ (буде кто законной причины не объявитъ) наказывать урядниковъ и рядовыхъ батогами, а съ офицеровъ править штрафъ на госпиталь: за первый разъ—мѣсяцъ жалованья противъ его рангу, за другой — вдвое, за третій — втрое, и тѣ деньги присылать въ военную коллегію. А кто въ такомъ преступленіи явится вчетвертые, то, отнявъ у такого патентъ, поступать съ нимъ, какъ съ раскольникомъ. Законныя же причины разумѣются сіи: 1) если кто, бывъ боленъ, въ той болѣзни запуститъ бороду; 2) если кто гдѣ арестованъ былъ; и чтобъ они впередъ по сему указу исполняли, брать реверсы подъ жестокимъ наказаніемъ. А которые впредь оставляться и отпущаться изъ военной коллегіи и отъ командъ будутъ, у такихъ во исполненіе сего указа брать при отпускѣ сказки съ подкрѣпленіемъ». Этотъ указъ не вошелъ въ «Полное собраніе русскихъ законовъ» и со-

общенъ въ «Русскую Старину» (1883 г. за августъ) профессоромъ Н. И. Барсовымъ.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Екатерины II интересъ къ туалету частныхъ лицъ ослабляется, и вниманіе правительства сосредоточено болѣе на обмундированіи и туалетѣ войскъ. Но и здѣсь реформы Потемкина направлены къ «извлеченію арміи изъ муки»... Понимая, что «регулярство состоитъ не въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, полированіи и лощеніи», Потемкинъ докладывалъ императрицѣ: «Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени... А завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же букли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками и косами». Дѣйствительно, екатерининское обмундированіе солдатъ состояло изъ удобнаго кафтана на подобіе куртки и суконныхъ шароваръ; головной уборъ заключался въ легкой каскѣ, а волосы были острижены въ кружокъ, борода и усы сбриты во имя «чистоты военнаго сословія». Пудра, пукли и косы были отмѣнены по настоянію Потемкина въ 1786 году.

Съ воцареніемъ Павла I введены вновь и косы, и пукли. Не только солдатскій туалетъ временъ Екатерины II, но и частныхъ лицъ тотчасъ же былъ измѣненъ. А. М. Тургеневъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ объ ознаменованіи восшествія на престолъ Павла I слѣдующее: «Человѣкъ двѣсти полицейскихъ солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на 3—4 партіи, бѣгали по улицамъ и, во исполненіе повелѣнія, срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія, у фраковъ обрѣзывали отложные воротнички, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія быстро и побѣдоносно кончила: въ 12 час. утромъ не видали на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несоотвѣтствіе дѣйствовать, и тысячи жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокрытыми главами и въ разодранномъ одѣяніи, полунагіе». Въ войскахъ тоже «все пошло,—замѣчаетъ А. С. Шишковъ въ своихъ «Запискахъ»,—на прусскую стать: мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы (имена доселѣ неизвѣстныя) и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч.; сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III».

Въ трудѣ Н. К. Шильдера о царствованіи Павла I приведенъ разсказъ о мученіяхъ, съ которыми былъ сопряженъ солдатскій туалетъ по гатчинскому образцу. Историкъ приводитъ объ этомъ

безподобное описаніе, оставленное унтеръ-офицеромъ Коннаго полка, назначеннымъ ординарцемъ къ Государю въ одинъ изъ первыхъ дней царствованія Павла Петровича. А именно: «Въ пять часовъ утра я былъ уже на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волосы по утвержденной формѣ и пригонять аммуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха! Меня посадили на скамью посрединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку; потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного менѣе сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ и еще 73 года жить на семъ свѣтѣ, я этой продѣлки не забуду. Минутъ пять и много шесть усерднаго тренія головы моей костюмеромъ привели меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая либо немощь: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все, въ ней находящееся, вертящимися. Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣсколько минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена, и г. профессоръ оболваненія головы по формѣ благоволилъ объявить вахмистру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надо смочить да засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головой моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, меня, вмѣсто пудроманта, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельнаго квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи причесали мнѣ голову гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клейстеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною восемь вершковъ, прутъ для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной натуры, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фальконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ девяти часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла на черепѣ моемъ, какъ изверженная лава вулкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду. Принялись за облаченіе тѣла моего и украсили меня, не яко невѣсту, но яко чучело, поставляемое въ огородахъ для пуганія воронъ. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я не могъ понять, для чего преобразо-

вали меня изъ вида человѣчьяго въ уродливый огороднаго чучелы». По вступленіи новаго караула въ Зимній дворецъ,—замѣчаетъ Шильдеръ,—къ ординарцу подбѣжалъ Аракчеевъ и сказалъ: «Ступай за мною, ракалія, являться къ государю». Павелъ Петровичъ милостиво обошелся съ ординарцемъ и, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша».

Другой современникъ говоритъ объ этомъ же нарядѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Головы наши спереди остригли подъ гребенку, облили вонючимъ саломъ (очевидно, нѣкоторые костюмеры замѣняли мѣлъ и квасъ растопленнымъ саломъ, какъ болѣе дешевымъ или болѣе удобнымъ средствомъ), къ вискамъ привѣсили букли, аршинную косу прикрутили вплоть къ затылку и осыпали мукою... Посмотрѣвъ въ зеркало, я захохоталъ, несмотря на головную боль отъ стянутія волосъ, вонючаго сала и отъ крѣпко стянутой въ два пальца шириною галстукомъ шеи» («Записки Грязева, сподвижника Суворова въ 1799 году». «Русскій Вѣстникъ», 1890 г.).

Бритые въ букляхъ администраторы строго слѣдили за регламентаціей частной жизни и взяточничествомъ своимъ нисколько не уступали фискаламъ Петра I. «Однимъ изъ главныхъ стѣсненій, причиненныхъ императоромъ Павломъ, по словамъ Н. К. Шильдера, была его настойчивость и строгость въ предписаніи старомодныхъ костюмовъ, причесокъ и экипажей и тому подобныхъ, относительно ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ мелочей». Послѣ войны съ круглыми шляпами и торжества уродливой военной формы, которая, по словамъ императора, привѣтствовавшаго вновь обмундированныхъ чиновъ своей арміи,—«и Богу угодна, и вамъ хороша», появляется росписаніе даже числа кушаньевъ за обѣдомъ по сословіямъ, а у служащихъ—по чинамъ. Императоръ не оставляетъ безъ опеки и женскую прическу, запретивъ указомъ въ 1797 году, отъ 23-го октября, убирать дамамъ на головѣ волосы по послѣдней французской модѣ, называемой алягильотинъ.

Павелъ I издалъ цѣлый реестръ словъ, которыя надлежало изъять изъ употребленія въ оффиціальныхъ бумагахъ и замѣнить ихъ другими. Было приказано слово стража замѣнить словомъ караулъ, отрядъ—деташементъ или команда, общество—собраніе, гражданинъ—купецъ или мѣщанинъ и т. д. Не позволялось на улицахъ столицы произносить слово «курносый», а кошку или козу называть «Машкой». При встрѣчѣ съ императоромъ надлежало каждому и даже дамамъ выходить изъ экипажей, несмотря на грязь, и отдавать ему привѣтствіе. Г-жа Демутъ, жена извѣстнаго содержателя гостиницы, желая остаться въ каретѣ и проѣхать мимо императора, была посажена на нѣсколько дней въ смирительный домъ. «Самые значительные люди, изъ опасенія чего либо подобнаго, трепетали, когда ихъ жены, выѣхавши со двора, не

возвращались къ назначенному времени»,—замѣчаетъ историкъ Павла I. Можно себѣ представить, какое открывалось раздолье для злоупотребленій при такомъ господствѣ указовъ и циркуляровъ о формальной сторонѣ русской жизни. Легко вѣрится всякому анекдоту объ этомъ режимѣ...

Нѣкто Ваксель держалъ пари, что на большомъ выходѣ онъ дернетъ Павла за косу. При входѣ Павла Петровича онъ взялъ его за кончикъ косы. Павелъ, не оборачиваясь, говоритъ: «кто тамъ?»

— Коса не по шву лежитъ,—отвѣчалъ Ваксель.

— Благодарю,—сказалъ Павелъ Петровичъ, и Ваксель выигралъ пари.

Вся русская жизнь должна была лежать «по швамъ».

Павелъ I регламентированіемъ и штатскаго, и военнаго сословія даже Суворова вооружилъ противъ себя. Когда было повелѣно перемѣнить прическу и форму военныхъ по прусскому образцу [1]),

---

[1]) Исторія прусской бороды не лишена также строгой регламентаціи, но регламентированная борода на Западѣ имѣла мѣсто только въ войскахъ во имя дисциплинарнаго однообразія и не проникала въ жизнь частныхъ людей. Сдѣлаемъ изъ «Развѣдчика» за 1895 г., изъ № 252, любопытную выписку о регламентаціи бороды въ прусской арміи. «Во времена Фридриха-Вильгельма (1640—1688) въ модѣ были огромные французскіе парики, а острая борода (Henry quatre), господствовавшая еще въ эпоху тридцатилѣтней войны, сводилась къ маленькой «мушкѣ» или вовсе на нѣтъ. Усы также носились небольшіе. Съ теченіемъ времени борода (эспаньолка) исчезаетъ совершенно; усы же, постепенно суживаясь, сохранились до конца XVII столѣтія, приблизительно до смерти Фридриха I. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I офицеры уже были безъ усовъ и безъ бороды. Нижніе чины сохранили еще усы, которые они зачесывали вверхъ, желая этимъ придать лицу воинственный видъ. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось въ продолженіе всего столѣтія.

«Въ эпоху Фридриха Великаго усы дозволялось носить только офицерамъ гусарскихъ полковъ. На портретѣ Зейдлица, написанномъ въ юномъ возрастѣ, мы видимъ его съ длинными усами, поднятыми кверху; при переводѣ въ кирасирскій полкъ ему пришлось ихъ сбрить. Король охотно принималъ въ свои гусарскіе полки венгерскихъ офицеровъ. Они носили особенно воинственные усы. Рядовые гусары носили длинные висячіе усы. Ближайшіе преемники Фридриха II оставили его опредѣленія относительно бороды безъ измѣненія. Въ 1798 году были отмѣнены боковые локоны, и это послужило началомъ для развитія бакенбардъ. Усы все еще отсутствуютъ: они появляются лишь съ отмѣною косички. Это случилось въ декабрѣ 1806 года, и съ этого времени на лицахъ офицеровъ вновь появляются усы. Самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III отпустилъ себѣ таковые, а его примѣру, конечно, послѣдовали многіе. Дальнѣйшее развитіе бакенбардъ, напротивъ, было остановлено введеніемъ высокихъ воротниковъ, доходившихъ до ушей. Большинство старыхъ офицеровъ, однако, не подчинилось новой модѣ и не завело усовъ: на портретахъ Шарнгорста, Гнейзенау, Іорка, Бюлова, Клейста и другихъ мы видимъ лица безъ усовъ, только съ одиѣми небольшими баками. Одинъ Блюхеръ, какъ старый гусаръ, носилъ усы, и прежде ему дозволенные.

«Во время безпрерывныхъ войнъ 1813, 1814 и 1815 гг. правила ношенія бороды соблюдались уже не столь педантично, и въ полѣ можно было видѣть офи-

Суворовъ насмѣшливо произнесъ: «Пудра—не порохъ; букли—не пушки; коса—не тесакъ, а я не нѣмецъ, а русакъ»... Духовенство работаетъ въ духѣ многочисленныхъ регламентацій и остается консервативнымъ попрежнему въ вопросѣ о бородѣ и одеждѣ.

Въ 1810 году, смоленскій епископъ, Серафимъ Глаголевскій, замѣчая, что въ Смоленской семинаріи ученики риторики и студенты философіи и богословія, а также и учителя, остригаютъ головы свои по нынѣшней модѣ, и что такое остриженіе и щегольство удаляетъ ихъ отъ духовнаго, приближаетъ и располагаетъ нечувствительно къ свѣтскому званію, издалъ по епархіи указъ: «кто изъ взрослыхъ учениковъ или студентовъ, которые будутъ послѣ сего запрещенія остригать голову свою по-модному, жалованья (казеннаго денежнаго воспособленія) не выдавать, хотя бы они ученія были и хорошаго; а содержащихся на казенномъ кошту—исключать изъ бурсы. Запрещено было также ученикамъ и студентамъ носить фраки и французскіе кафтаны и пудрить голову подъ таковымъ же штрафомъ; никто изъ остриженныхъ студентовъ не будетъ производиться ни въ діакона, ни въ священники, а равно и изъ носящихъ фраки и французскіе кафтаны и пудрящихъ голову. Кто паче чаянія нарушитъ сіе приказаніе, того, сверхъ вышеписаннаго штрафа, записать имя въ подозрительную книгу, каковую, буде оной нѣтъ, выдать семинарскому правленію изъ консисторіи. Если же учители станутъ послѣ сего запрещенія остригать головы, то они лишены будутъ награды, назначенной въ прибавокъ къ жалованью, и будутъ въ худомъ замѣчаніи. Ректоръ и префектъ семинаріи подлежатъ строгой отвѣтственности за несмотрѣніе о на-

---

церовъ съ сильно запущенными бородами. Нѣкоторые даже нарочно придавали ей дикій видъ, желая возможно болѣе походить на популярныхъ въ то время казаковъ. Такъ, фонъ-Раденъ описываетъ («Wanderungen eines alten Soldaten») артиллерійскаго поручика Гольше, который носилъ большую бороду и постоянно ходилъ съ нагайкою (1814 г.). Особенно культивировалась борода въ отрядѣ волонтеровъ Лютцова. Здѣсь, однако, причиною являлась не одна лишь затруднительность ухода за туалетомъ во время войны. Борода требовалась идеями «стараго германства», проповѣдываемыми Яномъ; сюда же относились и длинные волосы, и большіе воротники рубахъ, и проч. Въ 1814 году понизили и застегнули воротникъ мундира. Бакенбарды получили свободу для дальнѣйшаго развитія. Въ противовѣсъ имъ на вискахъ получились пушистые боковые локоны. Вѣроятно, это послѣднее украшеніе очень вошло во вкусъ, ибо имѣются указанія, что къ чешуѣ парадныхъ киверовъ приклеивались искусственные локоны. Борода оставалась пока безъ перемѣны, даже въ 1843 году, когда введеніе каски и новаго покроя мундира совершенно измѣнило видъ войскъ. Только въ 1848 году особенно въ ландверѣ появилась эспаньолка, но она вскорѣ исчезла. Круглая борода, признанная демократическою, была изгнана изъ войскового обихода Бакенбарды иногда разростались довольно широко, но во всякомъ случаѣ подбородокъ былъ гладко выбритъ. Только войны 1864 и 1866 годовъ разсѣяли предубѣжденіе противъ полной, круглой бороды, въ особенности когда кронпринцъ сталъ носить таковую. Съ этого времени имѣютъ равныя права гражданства какъ одни усы, такъ и усы съ бакенбардами и полная борода».

блюденіи сего предписанія нашего. Студента Капысскаго, который остриженъ по-модному, отрѣшить отъ обученія класса».

Но, презирая душу и уважая форменную одежду и прически, представители закона были безсильны передъ затаенными стремленіями русскаго общества. Послѣднее рвалось изъ-подъ опеки и нарушало ее при каждомъ удобномъ случаѣ.

Къ этому реакціонному періоду весьма приложимы ходившіе въ то время стихи:

«Когда въ столицѣ нѣтъ царя,
То безпорядкамъ нѣтъ и мѣры:
На дрожкахъ ѣздятъ писаря,
Въ фуражкахъ ходятъ офицеры».

(«Историческій очеркъ 23 артиллерійской бригады», стр. 37, В. Апушкинъ).

Дѣйствительно, въ это время постоянно штрафовались офицеры за то, что не въ каскахъ, помѣщики за то, что показывались на Невскомъ съ лакеями въ красной ливреѣ или въ неуказанной запряжкѣ лошадей и т. д.

А когда императоръ Павелъ умеръ, то на другое же утро,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—«столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости. Всѣ готовы причесались à la Titus, косички были уничтожены и букли отрѣзаны; панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами показались на улицахъ. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы; экипажи съ французской и нѣмецкой упряжью исчезли, и появились вновь русская упряжь, кучера и форейторы». А. С. Шишковъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ о себѣ: «я былъ свидѣтелемъ суматохи, внезапно происшедшей въ одно утро въ пріемной графа Палена. Всѣ бросались къ окнамъ; я не могъ понять, по какой причинѣ. На улицѣ появилась первая круглая шляпа». Шишковъ къ этому сообщенію дѣлаетъ назидательное примѣчаніе, одинаково касающееся и карательнаго закона о бородѣ и усахъ: «обыкновенно населеніе придаетъ подобнымъ мелочамъ такую цѣну, что государямъ никогда бы не слѣдовало стѣснять его въ этомъ отношеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной тайной канцеляріи».

V.

Борода въ царствованіе послѣдующихъ императоровъ.

При императорѣ Александрѣ I въ первую половину его царствованія замѣчается болѣе снисходительное отношеніе къ нарушенію подданными унаслѣдованныхъ отъ временъ Павла I Фридриховскихъ распорядковъ о туалетѣ.

Брадобритіе сдѣлалось такъ обычно русскимъ людямъ, что щеголи стали отожествлять его съ благородствомъ и хорошимъ тономъ. Но по существу бритая Русь во множествѣ случаевъ ничѣмъ не возвышалась надъ бородатой... «Бритый подбородокъ,—говоритъ неоднократно цитируемый нами Вл. Михневичъ, — былъ подбородкомъ барина-крѣпостника, умѣвшаго соединять въ своей особѣ салонный лоскъ и вольномысліе французскаго маркиза съ чисто московскимъ самоуправствомъ и жестокостью по отношенію къ «подлому», бородатому сословію; бритый подбородокъ—это была краса приказныхъ піявокъ, бравыхъ Скалозубовъ, расторопныхъ Держимордъ и всей той прожорливой, необузданной въ дѣлахъ кривды саранчи, которая сбривала съ живымъ мясомъ благосостояніе Руси бородатой»...

Съ воцареніемъ Николая Павловича тенденціи «Священнаго Союза» окрѣпли въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ на западѣ, и это не замедлило отразиться, между прочимъ, на форменныхъ прическахъ и бородовыхъ украшеніяхъ русскихъ подданныхъ. Законы о бородѣ и усахъ подтверждаются и дополняются новыми указами. За подписью министра внутреннихъ дѣлъ Д. И. Блудова была сообщена гражданскимъ губернаторомъ бумага слѣдующаго содержанія отъ 18-го марта 1837 года:

«Г. министръ императорскаго двора сообщилъ мнѣ для надлежащаго исполненія, что по случаю дошедшаго до государя императора свѣдѣнія, что многіе изъ г.г. состоящихъ въ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ позволяютъ себѣ носить усы, кои присвоены только военнымъ, и бороды въ видѣ жидовскихъ, его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: строжайше воспретить, дабы никто изъ имѣющихъ придворнаго званія не осмѣливался носить ни усовъ ни бородъ».

По министерству финансовъ циркуляромъ, подписаннымъ директоромъ канцеляріи Княжевичемъ, отъ 22-го марта 1837 года за № 1210, предписано слѣдующее: г. статсъ-секретарь Танѣевъ отъ 16-го сего марта за № 395 сообщилъ г. министру финансовъ, что государь императоръ, сверхъ доходящихъ до его величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды, по образцу жидовъ или подражая французскимъ модамъ. Его императорское величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ, и вслѣдствіе сего высочайше повелѣть соизволилъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру.

Въ томъ же году, отъ 29-го ноября за № 447 появляется отъ начальника главнаго морского штаба его императорскаго величества слѣдующаго рода приказъ:

«Государь императоръ изволилъ замѣтить, что нѣкоторые изъ гг. военнослужащихъ дозволяютъ себѣ имѣть на головѣ весьма длинные волосы, и причесываютъ ихъ или даже завиваютъ, подражая всѣмъ прихотямъ новыхъ, странныхъ обычаевъ, нерѣдко изъ-за границы къ намъ достигающихъ.

«Его императорское величество, находя неприличнымъ допускать это въ войскахъ, высочайше повелѣть соизволилъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ гг. воинскимъ начальникамъ строго наблюдать: дабы ни у кого изъ подчиненныхъ ихъ не было никакой прихотливости въ прическѣ волосъ, чтобы вообще волосы были стрижены единообразно, и непремѣнно такъ, чтобы спереди на лбу и на вискахъ были не длиннѣе вершка, а округъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налѣво.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество изволилъ повелѣть не допускать никакихъ странностей и въ усахъ и въ бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усами, то также не ниже рта, выбривая ихъ на щекахъ противъ онаго.

«О таковой монаршей волѣ объявляется по морскому вѣдомству къ точному и непремѣнному исполненію».

Такимъ образомъ, законъ строго каралъ не только носителей «жидовскихъ бородъ», но и всѣхъ военныхъ, уклоняющихся отъ форменной прически, Николай Павловичъ во всемъ любилъ единообразіе и исключенія допускалъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Напримѣръ, о разрѣшеніи носить усы инженерамъ путей сообщенія ходятъ весьма различныя сказанія. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1890 годъ, № 7, А. Н. Андреевъ разсказываетъ, что когда Николай Павловичъ посѣтилъ одинъ изъ женскихъ петербургскихъ институтовъ, то изъ рядовъ воспитанницъ выдѣлилась хорошенькая институтка и бросилась на колѣни.

— Какая у васъ просьба?—ласково привѣтствовалъ ее императоръ.

— Разрѣшите офицерамъ путей сообщенія носить усы, ваше величество.

Дѣло разобрали, и оказалось, что эта дѣвушка была невѣстой только-что выпущеннаго въ офицеры Стюарта, которому, по мнѣнію барышни, для полнаго его совершенствованія недоставало только усовъ.

Результатомъ такого ходатайства явился приказъ главноуправляющаго путей сообщенія, графа Клейнмихеля, о разрѣшеніи усовъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Но въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» за 1890 годъ, въ № 9, нѣкто Н. П. Палибинъ опровергаетъ

этотъ случай. Онъ говоритъ, что вскорѣ по восшествіи на престолъ Николая Павловича было приказано носить усы всей арміи, и въ то же время тогдашній главноуправляющій путями сообщенія, герцогъ Александръ Виртембергскій, у котораго усы очень дурно росли, выхлопоталъ приказъ о неношеніи усовъ корпусу путей сообщенія.

Палибинъ сообщаетъ другой поводъ къ разрѣшенію усовъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Въ 1848 году, генералъ Дестремъ, одинъ изъ французскихъ инженеровъ, выписанныхъ изъ-за границы при образованіи института путей сообщенія, былъ отпущенъ на четыре мѣсяца въ чужіе края и тамъ отпустилъ себѣ бороду. По возвращеніи онъ ее, конечно, сбрилъ; но, за неимѣніемъ переднихъ зубовъ, затруднялся выбрить усы и, явившись къ графу Клейнмихелю въ усахъ, просилъ разрѣшить ему носить ихъ. При докладѣ объ этомъ Николай Павловичъ повелѣлъ (приказъ 2-го сентября 1848 года, № 154) всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и строительнаго отряда и нижнимъ чинамъ сего корпуса носить усы.

Чиновникамъ прочихъ гражданскихъ вѣдомствъ строго было запрещено носить усы и бакенбарды. Эти украшенія мужского лица были привилегіей исключительно военнаго сословія. Одинъ только профессоръ батальной живописи (недавно умершій), Богданъ Павловичъ Виллевальде, носилъ «высочайше утвержденные усы», какъ онъ выражался на томъ основаніи, что императоръ Николай Павловичъ очень часто посѣщалъ мастерскую художника, очень любилъ послѣдняго и, въ видѣ исключенія, позволилъ ему носить усы. Вообще слѣдуетъ сказать, что если при Николаѣ Павловичѣ татарскій халатъ и византійское облаченіе перестали быть символами святой Руси и вѣрноподданности, то, все-таки, во всѣхъ сферахъ господствовала строгая регламентація жизни, начиная съ усовъ и бороды и кончая направленіемъ умовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, среди которыхъ выстраивается даже такъ называемый «Педагогическій институтъ», призванный вырабатывать въ воспитанникахъ спеціально-русское направленіе съ бюрократическими началами. Болѣе серіозное русское направленіе, выразившееся въ сочувствіи земскимъ началамъ, было достояніемъ одной изъ сектъ литературнаго міра, не встрѣчавшей ни малѣйшаго сочувствія въ бритыхъ администраторахъ дореформенной Россіи, ругавшихъ славянофиловъ «русскими думниками».

Съ началомъ 1860-хъ годовъ, въ царствованіе Александра II, связано нѣкоторое ослабленіе гардеробнаго законодательства... Но случалось, что и въ это время неотмѣненные указы о формальностяхъ бороды и одежды напоминали о своемъ существованіи. Въ воспоминаніяхъ профессора А. Романовича-Славатинскаго, печатавшихся

въ 1903 году въ «Вѣстникѣ Европѣ», говорится, что въ 1857 году нѣкто Цѣхановецкій, защищая диссертацію въ Кіевѣ на степень магистра политической экономіи, представлялъ собою «исхудалое, бритое лицо — вѣдь тогда еще не разрѣшалось носить бороду и усы — въ убогомъ учительскомъ мундирѣ, съ узенькимъ кантикомъ шитья по воротнику—вѣдь тогда и оппоненты должны были быть въ полной парадной формѣ»... А самъ Романовичъ-Славатинскій, прибывъ въ 1861 году въ Бирмингамъ, въ Англію, первымъ долгомъ «купилъ на память о стальномъ Бирмингамѣ пару бритвъ» и, по возвращеніи изъ-за границы въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ возобновить лекціи въ университетѣ, предварительно представленія попечителю учебнаго округа, «разстался съ незаконными бородой и усами». Къ этому времени относится любопытное сообщеніе въ «Русской Старинѣ» за 1887 г., въ № 8, бывшаго офицера лейбъ-гвардіи волынскаго полка П. Агапѣева. Онъ разсказываетъ, что въ началѣ 1860-хъ годовъ въ его полку произошелъ слѣдующій случай. Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Г., донесъ командиру полка, что ефрейторъ его роты, Ѳедоръ Алапатовъ, не хочетъ брить бороду. На вопросъ ротнаго командира, почему онъ не бреется, Алапатовъ отвѣчалъ тихо и съ должнымъ уваженіемъ, но съ твердымъ убѣжденіемъ, что брить бороду запрещаетъ священное писаніе, что онъ не будетъ брить бороду, боясь лишиться царствія небеснаго, что изъ повиновенія онъ не выходитъ и всякую возложенную на него службу онъ готовъ исполнить честно и добросовѣстно, но что борода до службы не касается, и ношеніе ея относится не къ службѣ, а къ религіи. Рапортъ вызвалъ назначеніе слѣдствія, изъ котораго видно, что Алапатовъ прочиталъ Евангеліе и Стоглавъ и убѣдился: 1) что бороды брить не слѣдуетъ; 2) что таинство причащенія совершается неправильно; оно должно совершаться на семи просфорахъ, а не на пяти, и 3) всѣ люди, а тѣмъ болѣе священники, которые совершаютъ таинства, не должны пить вино и курить табакъ, это чортово зелье. Евангеліе и Стоглавъ онъ прочиталъ съ рядовыми Ст. Бахмачевымъ и Мих. Варвариным.

Это побудило слѣдственную комиссію привлечь къ допросу Бахмачева и Варварина. Оба они показали, что Евангеліе и Стоглавъ они, дѣйствительно, прочитали вмѣстѣ съ Ѳ. Алапатовымъ и вполнѣ раздѣляютъ всѣ его мнѣнія.

Во время ихъ допроса, въ слѣдственную комиссію является самъ, безъ вызова, рядовой Гр. Костровъ и показываетъ: «Вѣры я истинно-православной, бритьемъ бороды и таинствомъ причащенія, совершаемымъ неправильно, я давно уже тяготился, но не рѣшался заявить это. Теперь же, узнавъ, что производится слѣдствіе надъ рядовыми за ихъ религіозныя мнѣнія, вполнѣ сходныя съ моими, я присоединяюсь къ нимъ и прошу судить и меня».

Полковникъ К., назначенный производить слѣдствіе, потратилъ много времени на уговоры обвиненныхъ, совѣтуя имъ послушаться начальства и обрить бороды. Онъ далъ имъ понять, что ихъ преслѣдуютъ не за ихъ религіозныя мнѣнія, а за ношеніе бороды, которое не допускается въ военной службѣ. Но обвиненные остались непреклонны. Они были посажены подъ арестъ, а полковому священнику было предложено сдѣлать имъ увѣщаніе.

Въ прежнее время,—продолжаетъ П. Агапѣевъ,—въ семинаріяхъ давали весьма слабое понятіе о расколѣ. Сельскіе священники, которые живутъ среди раскольниковъ и сталкиваются съ ними въ жизни, могутъ, хотя на практикѣ, познакомиться съ характеромъ ихъ ученія и приноровиться, какъ лучше на нихъ дѣйствовать. Но военные священники остаются съ тѣми же понятіями о расколѣ, которыя имъ были даны въ семинаріи. Вотъ почему неудивительно, что священническое увѣщаніе не имѣло успѣха.

Прежде чѣмъ начать форменные допросы, хотѣли еще разъ испробовать подѣйствовать угрозами.

Презусъ обратился къ обвиняемымъ съ вопросомъ:

— Вы не хотите слушаться властей, не бреете бородъ?

— Начальству мы во всемъ послушны, а бородъ мы не хотимъ брить потому, что это запрещаетъ священное писаніе и преданіе святыхъ отцовъ. Всѣ святые носили бороды, и нѣтъ ни одного изображенія святого безъ бороды.

— Но откуда вы взяли, что священное писаніе запрещаетъ брить бороду?

— Изъ Стоглава. Мы жалѣемъ, что не можемъ представить этой книги на судъ.

— Я не читалъ этой книги (нужно замѣтить, что презусъ былъ лютеранинъ), но рѣшительно не понимаю, какую важность можетъ имѣть борода. Для Бога все равно — съ бородой ли мы или безъ бороды, лишь бы мы были хорошими по своимъ дѣламъ.

— Богъ создалъ насъ по своему образу и подобію, и мы не смѣемъ искажать образъ и подобіе Божіе.

— Не забывайте, однако, что вы дѣлаетесь ослушниками власти, вамъ это не пройдетъ даромъ — вы будете строго наказаны.

— Мы не идемъ противъ вашей власти. Вы имѣете законы, и если мы виновны по нимъ — судите, мы примемъ всякое наказаніе. Присудите отрубить намъ головы, и мы съ радостью положимъ ихъ на плаху за вѣру — рубите.

Алапатовъ показываетъ на шею рукою, чтобы рубили.

— Такъ вы не хотите служить?

— Нѣтъ, отъ службы мы не отказываемся, пусть позволятъ намъ остаться съ бородами и жить по своей вѣрѣ, и мы не только не будемъ хуже другихъ, но еще послужимъ примѣромъ. Мы до послѣдней капли крови готовы сражаться съ поляками (1863 г.) и оборонять свое отечество.

Преимущественно говорилъ Алапатовъ, прочіе только изрѣдка вмѣшивались, чтобы заявить, что они вполнѣ раздѣляютъ его мнѣніе. По выраженію ихъ лицъ и тону рѣчи было видно, что они ни за что не отступятъ отъ своихъ убѣжденій, и что слово и дѣло у нихъ не разойдутся на практикѣ.

Дѣло было интересное, и въ комиссію, кромѣ членовъ суда, собралось много офицеровъ. Нужно отдать справедливость, большинство изъ нихъ отнеслось къ дѣлу серіозно и искренно желало убѣдить подсудимыхъ и вывести ихъ изъ заблужденія. Всѣмъ было жаль ихъ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались о нихъ самые лучшіе отзывы. Дальнѣйшій допросъ подсудимыхъ потерялъ общность. Около каждаго солдатика составился кружокъ, и начались отдѣльныя пренія.

— Такъ вы не признаете священниковъ,—слышалось съ одной стороны,—но какъ же можно въ дѣлѣ вѣры обойтись безъ учителей и наставниковъ?

— Мы не отвергаемъ учителей, но только священниковъ, потому что одинъ іерей церкви есть Іисусъ Христосъ, и никто не достоинъ занять его мѣсто на землѣ.

Съ другой кучки доносилось: «вы стрижете волосы, обрѣзываете ногти, отчего же вы не хотите брить бороду?» Но чаще всего приводился текстъ о томъ, что всѣ власти поставлены отъ Бога, и повиноваться имъ самъ Богъ повелѣваетъ.

Меня особенно заинтересовала личность фурштата М. Варварина. Онъ стоялъ въ сторонѣ и съ задумчивымъ лицомъ спокойно прислушивался къ спору; казалось, что для него всѣ эти вопросы, давно уже рѣшенные, о которыхъ и спорить не стоитъ. Я подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ вы сами накликаете на себя бѣду? Я бы совѣтовалъ вамъ послушаться начальства и обрить бороды; можетъ быть, вы бы успѣли еще замять это дѣло. А послѣ, если тебѣ тяжело жить не по своимъ правиламъ, ты бы могъ попроситься къ кому нибудь изъ офицеровъ въ денщики или кучера. Хотя казенная прислуга и не имѣетъ права носить бороды, но офицеру было бы все равно, съ бородой ли ты или безъ бороды, служилъ бы только честно.

— Я бы этого очень желалъ и ручаюсь, что моей службой были бы довольны, только теперь я уже не могу обрить бороды.

— Отчего же не можешь? Вѣдь ты восемь лѣтъ на службѣ и восемь лѣтъ брилъ бороду?

— Прежде я не зналъ, что это дурно, а теперь знаю.

— Но ты знаешь, что власти поставляются отъ Бога (я еще разъ привелъ текстъ о властяхъ), ослушаться ты не можешь. Если власть приказываетъ тебѣ что либо дурное, то грѣхъ будетъ не на твоей душѣ.

— Не такъ думали древніе христіане и мученики.

— Ваше дѣло дойдетъ до государя, и онъ будетъ недоволенъ, что вы не хотите исполнять установленныхъ имъ правилъ.

Я сказалъ это, зная горячую любовь солдатъ къ нынѣшнему государю (1863 г.).

— Эхъ, ваше благородіе! не дойдетъ наше дѣло до государя. Не такъ бы оно было рѣшено, какъ теперь рѣшится. Вы, значитъ, не допросъ съ меня снимаете, а такъ по милости разговариваете, — такъ я вамъ разскажу. Въ прошедшемъ году я ходилъ на побывку домой, такъ мнѣ тамъ разсказывали. Есть у насъ семь старовѣрческихъ деревень, и стоятъ онѣ другъ около дружки на шляху (на большой дорогѣ). Въ 1856 или 1857 году проѣзжаетъ государь. Старосты встрѣтили его хлѣбомъ-солью, а онъ имъ и говоритъ: «На обратномъ пути изъ Москвы хочу помолиться вмѣстѣ съ вами, постройте къ этому времени молельню». Молельню живо построили. На обратномъ пути государь прямо подъѣзжаетъ къ ней. Свиту и всѣхъ генераловъ оставилъ при входѣ, а самъ одинъ съ наслѣдникомъ вошелъ въ молельню. Всю службу простоялъ государь, и когда она окончилась, онъ обратился къ народу и сказалъ: «Я вами доволенъ и ничего дурного не нахожу въ вашихъ обрядахъ. Одно мнѣ не нравится, что нѣтъ у васъ явнаго духовенства; примите отъ святѣйшаго синода священниковъ, а я прикажу имъ служить по вашимъ книгамъ и обрядамъ». Весь народъ сейчасъ же согласился, да одну оплошность сдѣлали: не попросили государя, чтобы самимъ позволилъ выбрать священнниковъ, да и сдѣлать ихъ явными. А то прислали отъ синода, они все и тянутъ на свою сторону, не хотятъ служить по нашему обряду. Какъ я ходилъ домой, такъ ужъ была разладица между ними и народомъ.

Аудиторъ прервалъ насъ. Онъ давно уже тяготился безпорядкомъ суда и торопился исполнить скорѣе всѣ формальности: снять допросъ и записать его.

На допросахъ подсудимые остались при своихъ прежнихъ показаніяхъ, добавивъ, что, убѣждаясь въ истинахъ слова Божія, несмотря на приказанія начальства, бородъ не бреютъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ихъ подвергнули всѣмъ мученіямъ. Служить же всегда готовы вѣрой и правдой.

Въ полку дѣло на этомъ и остановилось и скоро будетъ послано въ генералъ-аудиторіатъ. Трудно угадать, къ чему присудитъ ихъ генералъ-аудиторіатъ или синодъ (если дѣло туда поступитъ на рѣшеніе). Во всякомъ случаѣ, переведутъ ли этихъ людей въ армію, сошлютъ ли въ арестантскія роты, или въ каторжную работу,—вездѣ имъ брить нужно бороды. Судя же по ихъ рѣшимости и степени религіознаго фанатизма, который еще болѣе усилится отъ преслѣдованія, они никогда на это не согласятся.

Затѣмъ остаются двѣ мѣры: или брить ихъ насильно, или разстрѣлять. Многіе уже предлагали теперь же употребить первую мѣру. Но если бы, дѣйствительно, пришлось выбирать одну изъ этихъ мѣръ, полагаю, что гуманнѣе было бы выбрать вторую. Лучше убить человѣка, чѣмъ по праву сильнаго мучить его цѣлую жизнь и смѣяться на самыми дорогими убѣжденіями.

Вотъ съ какими встрѣчаемся мы случаями, уклоняясь отъ самыхъ незначительныхъ народныхъ обычаевъ. Мы принуждены разстрѣливать и отравлять жизнь лучшихъ солдатъ, честныхъ, съ твердой волей, болѣе другихъ развитыхъ и отъ всей души преданныхъ государю и отечеству. Мы принуждены наказывать ихъ за заблужденія, которыя раздѣляются большей половиной русскаго народа. На первыхъ порахъ службы молодой солдатъ покоряется; онъ сильно напуганъ и еще молодъ, убѣжденія не тверды, характеръ не установившійся. Но проходятъ года, онъ странствуетъ съ полкомъ по Россіи и видитъ, что цѣлые милліоны людей раздѣляютъ прежнія его мысли. На службѣ его выучили грамотѣ, и въ старыхъ книгахъ, которыя не у однихъ старообрядцевъ, а во всемъ нашемъ народѣ пользуются особымъ уваженіемъ, онъ читаетъ о тѣхъ страшныхъ мученіяхъ, которыя должны постигнуть преступившихъ заповѣдь Божью и обрившихъ бороду. Ужасъ охватываетъ его, онъ страшится погубить свою душу и попасть въ адъ, который такими ужасными картинами изображенъ въ тѣхъ же книгахъ. Онъ рѣшается на все. Характеръ его выработала тяжелая военная служба, и онъ готовъ на всѣ земныя страданія, лишь бы спасти свою душу. Конечно, въ такому рѣшенію приходятъ люди болѣе религіозные, съ твердымъ характеромъ, неспособнымъ на сдѣлки. Таковы именно подсудимые въ настоящемъ дѣлѣ; они жертвуютъ спокойствіемъ, 8-лѣтней безпорочной службой, надеждой на счастливую жизнь семьянина послѣ нея, готовы терпѣть всѣ мученія изъ-за такихъ, по нашему мнѣнію, пустяковъ, какъ ношеніе бороды.

Въ свое время это дѣло глубоко интересовало Ивана Сергѣевича Аксакова, и, благодаря его заступничеству за несчастныхъ солдатиковъ, послѣдніе, по словамъ П. Агапѣева, отдѣлались относительно легко: «они просидѣли 8 мѣсяцевъ подъ арестомъ, а потомъ были переведены на Кавказъ въ какія-то войска, въ которыхъ и въ то время было дозволено ношеніе бородъ». Въ томъ же 1863 году послѣдовала отмѣна стрижки головъ и бритья бородъ рекрутамъ въ рекрутскомъ присутствіи и бритья затылка неудостоенному къ пріему въ рекруты. Брить лбы приказано только тѣмъ изъ нихъ, которые отдаются въ военную службу за побѣгъ, членовредительство или иные проступки и преступленія. Въ 1874 году разрѣшено указомъ отъ 20 августа за № 241 носить бороды служащимъ во всѣхъ войскахъ, кромѣ гвардіи и гренадеръ; во всѣхъ

командахъ морского вѣдомства, кромѣ гвардейскаго экипажа, а также лицъ, состоящихъ въ свитѣ его величества, и чиновъ главныхъ управленій военнаго министерства и служащихъ въ учрежденіяхъ морского министерства. Изъятіе было только для корпуса жандармовъ отъ разрѣшенія носить бороды. Въ 1875 году послѣдовало запрещеніе фабрить усы и бороду въ тѣхъ войскахъ и командахъ, въ которыхъ разрѣшено носить бороду.

Такимъ образомъ, законы о бородѣ въ эпоху реформъ Александра II смягчены до послѣдней степени, но, тѣмъ не менѣе, и въ это время въ разстроенномъ воображеніи нѣкоторыхъ администраторовъ бороды нерѣдко казались признаками либерализма и неблагонадежности. Вспоминали старый законъ, запрещавшій носить чиновникамъ бороды. «Въ § 71 приложенія къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства воспрещается чиновникамъ вообще носить усы и бороду; ношеніе усовъ предписывается только въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ». Этотъ неотмѣненный законъ о чиновничьихъ бородахъ и усахъ въ эпоху реформъ Александра II-го вызвалъ серьезныя тревоги между губернаторами въ разныхъ провинціяхъ, съ одной стороны, и чиновниками съ другой. Особенно доставалось въ это время за бороду и усы чинамъ акцизнаго вѣдомства. Послѣдніе, по мнѣнію администраціи 60-хъ годовъ, носили демонстративно не только бороды и усы, но вели ёще ничѣмъ не объяснимый замкнутый образъ жизни по провинціямъ и имѣли въ своей средѣ много поляковъ. Дѣйствующія лица этой трагикомедіи страха изъ-за бороды и усовъ въ настоящее время всѣ успокоились вѣчнымъ сномъ, но сохранить о нихъ на память нѣсколько добрыхъ словъ представляется весьма желательнымъ для характиристики времени [1]).

Въ 1869 году, на имя управляющаго департаментомъ неокладныхъ сборовъ, барона Розена, неожиданно поступаетъ прошеніе управляющаго акцизными сборами Тверской губерніи, г. Юнга, въ

---

[1]) Извѣстно, что графъ М. Муравьевъ затребовалъ списки чиновниковъ изъ разныхъ вѣдомствъ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія, вносилъ докладъ о нихъ въ комитетъ министровъ. Въ числѣ многихъ неблагонамѣренныхъ лицъ онъ считалъ, напримѣръ, и управляющаго акцизными сборами Казанской губерніи, г. Соловьева, на томъ только основаніи, что у него служило нѣсколько поляковъ, и самъ онъ «не подчиняется принятымъ условіямъ, какъ въ отношеніи старшихъ въ городѣ, такъ и въ отношеніи равныхъ себѣ; чуждъ всякаго знакомства и живетъ совершенно замкнуто, будучи посѣщаемъ только подвѣдомственными ему чиновниками и лицами, имѣющими до него служебныя дѣла. Не только управляющій, но и всѣ лица, служащія въ акцизномъ управленіи, носятъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ и характеръ въ своихъ дѣйствіяхъ: всѣ они считаютъ себя и слывутъ за людей передовыхъ». Этотъ «особый отпечатокъ» заключался такимъ образомъ въ томъ, что казанскіе акцизники 1866 года были съ университетскими дипломами и, боясь провинціальной тины, сторонились банальныхъ знакомствъ и не находили нужнымъ скрывать своего нерасположенія къ нимъ.

которомъ послѣдній заявляетъ, что съ давняго времени онъ подвергался по два и по три раза въ годъ страданіямъ отъ флегмонозной жабы, и что объ этомъ помнитъ и Константинъ Карловичъ Гротъ еще по Самарѣ, гдѣ г. Юнгъ началъ при немъ службу лѣтъ 15 тому назадъ. Жаба была у него такъ сильна, что жизнь его много разъ, такъ сказать, висѣла на волоскѣ отъ грозившаго ему удушенія. Въ 1862 году, во время исполненія имъ порученія г. министра по заготовленію для Крыма казенныхъ запасовъ вина, онъ едва не умеръ въ Херсонѣ отъ жабы, что̀ можетъ припомнить и Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ, которому было тогда извѣстно объ этомъ, и что два года тому назадъ, представляясь государю наслѣднику, онъ сбрилъ бороду, но вскорѣ поплатился болѣзнью, принявшею свои обычные, ужасающіе размѣры. Только ношеніе бороды, по совѣту врачей, окончательно избавило его отъ часто повторявшейся опасной болѣзни, и потому онъ проситъ объ исходатайствованіи ему высочайшаго разрѣшенія носить бороду и усы.

Прошеніе г. Юнга было снабжено нѣсколькими врачебными свидѣтельствами о часто повторяющихся у него горловыхъ болѣзняхъ и необходимости носить ему сплошную бороду. Тѣмъ не менѣе департаментъ не безъ удивленія отнесся и къ тщательной аргументаціи управляющаго акцизными сборами, и къ самому существу его прошенія. Баронъ Розенъ положилъ на немъ собственноручную резолюцію: «Не видно изъ прошенія причины, почему г. Юнгъ желаетъ офиціально получить право носить бороду, которую онъ давно носитъ неофиціально, но безпрепятственно? Испрашивать на ношеніе бороды высочайшаго соизволенія не совсѣмъ удобно». Вскорѣ, однако, обнаружилось, что предусмотрительность г. Юнга объ офиціальномъ правѣ носить сплошную бороду не была празднымъ вопросомъ, за разрѣшеніемъ котораго въ законодательномъ порядкѣ министерство финансовъ стыдилось итти. А между тѣмъ нѣтъ дыма безъ огня, и вслѣдъ за прошеніемъ г. Юнга въ департаментъ неокладныхъ сборовъ въ томъ же году поступили новыя прошенія служащихъ лицъ по акцизному вѣдомству объ исходатайствованіи правъ на тѣ же сплошныя бороды. Такъ управляющій акцизными сборами Тульской губерніи доноситъ въ департаментъ, что тульскій губернаторъ, генералъ-майоръ Шидловскій, требуетъ обрить бороды всѣмъ акцизнымъ чиновникамъ ввѣреннаго ему управленія, несмотря на то, что запрещеніе гражданскимъ чиновникамъ носить усы и бороду основано на законѣ 30 марта 1834 года, относящемся къ тому времени, когда на службѣ отъ правительства состояли исключительно лица, пользующіяся правами государственной службы. Съ 1855 года законъ этотъ пересталъ быть общимъ правиломъ, допустивъ ношеніе гражданскими чиновниками усовъ по многимъ вѣдомствамъ: военному,

придворному, таможенному, горному, межевому, путей сообщенія и полицейскому. Родъ акцизной службы требовалъ безпрерывныхъ разъѣздовъ, при которыхъ бритье усовъ и бороды вело только къ обвѣтриванію обритыхъ частей и простудамъ. Поэтому требованіе 71-го пункта приложенія къ 975 статьѣ не было приводимо въ исполненіе въ акцизномъ управленіи съ самаго открытія его. Извѣстно, что, когда въ 1863 году гродненскимъ губернаторомъ возбуждалось требованіе исполненія 71-го пункта, то оно было устранено по сношенію министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Даже во время управленія сѣверо-западнымъ краемъ графа Муравьева не только не были преслѣдуемы усы и бороды въ акцизномъ вѣдомствѣ, но управляющій въ то время гражданскою частью всего края, генералъ-адъютантъ Потаповъ, положительно высказывался въ пользу права ношенія усовъ и бородъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, по составу его изъ лицъ всѣхъ сословій. Такой же составъ имѣли и земскія управы, члены которыхъ безпрепятственно носили усы и бороды, хотя служба ихъ не сопряжена съ разъѣздами. Если генералъ-майоръ Шидловскій, послѣ пятилѣтняго управленія Тульскою губерніею, требовалъ исполненія 71-го пункта приложенія къ 975 статьѣ, то нельзя предполагать, чтобы онъ и самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что требованіе это вытекаетъ изъ разума закона.

На основаніи этихъ соображеній, управляющій акцизными сборами, г. Меркуловъ, просилъ департаментъ неокладныхъ сборовъ отклонить требованіе тульскаго губернатора о неношеніи бороды и усовъ чиновниками.

Тотъ же баронъ Розенъ кладетъ на прошеніи г. Меркулова осторожную резолюцію: «напрасно управляющій вмѣшиваетъ департаментъ неокладныхъ сборовъ въ это дѣло». Между тѣмъ тотъ же управляющій акцизными сборами продолжаетъ писать въ департаментъ о томъ, что, получивъ отъ тульскаго губернатора требованіе о неношеніи акцизными чиновниками бородъ, онъ полагалъ, что такое же требованіе обращено и къ другимъ вѣдомствамъ, такъ какъ не могъ г. губернаторъ не замѣтить, что бороду носятъ не только чиновники, ему не подчиненные, какъ, напримѣръ, предсѣдатель окружнаго суда Ягнъ, прокуроръ того же суда Острозлазовъ и управляющій казенною палатою Щепкинъ, но даже лица, непосредственно ему подчиненныя, какъ, напримѣръ, чиновникъ особыхъ порученій Гульденбалькъ-де-Гійдль, операторъ при губернскомъ правленіи Коломійцевъ и совѣтникъ сего же правленія Хвощинскій. Но оказывается, что означенное требованіе обращено исключительно къ акцизному управленію. Подобное дѣйствіе болѣе нежели несправедливо. Оно оскорбительно для цѣлаго вѣдомства, которое законодатель заботился составить изъ способныхъ и надежныхъ къ охраненію казенныхъ интересовъ лицъ, къ

какому бы сословію они ни принадлежали. Не говоря уже о значеніи бороды для охраненія горла отъ простуды, акцизному чиновнику, проводящему большую часть времени въ разъѣздахъ, некогда заниматься бритьемъ и запасаться необходимыми для этого принадлежностями, когда ему не вездѣ возможно запастись даже необходимыми съѣстными припасами. Поэтому отъ акцизныхъ чиновниковъ менѣе, нежели отъ кого либо, можно требовать бритья бородъ. Принужденіе же къ тому ихъ однихъ, при безпрепятственномъ ношеніи бородъ по другимъ вѣдомствамъ, могло бы произвесть неблагопріятное на нихъ впечатлѣніе, предупрежденіе котораго желательно для пользы службы. Если указываемый г. губернаторомъ 71-й пунктъ приложенія къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства долженъ быть исполняемъ безусловно, то въ виду отступленій отъ этого закона по всѣмъ вѣдомствамъ, безпристрастіе требовало бы, чтобы подтвержденіе о соблюденіи этого закона было объявлено губернскою властью въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», безъ обращенія исключительно къ одному акцизному управленію.

Вслѣдъ за этими прошеніями, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1869 года, на имя министра финансовъ Рейтерна, поступила бумага и отъ тульскаго губернатора, въ которой послѣдній, между прочимъ, жалуется на то, что чиновники акцизнаго вѣдомства въ городѣ Тулѣ приписываютъ требованіе не носить бороды личной непріязни губернатора къ г. Меркулову, и поэтому въ городѣ ими возбуждается агитація. Губернаторъ настаиваетъ, чтобы его предложеніе о неношеніи бороды акцизными чиновниками было исполнено, ибо оно основано на 71-мъ пунктѣ приложенія къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства и дано имъ на основаніи 357 статьи II тома Св. Зак. и высочайше утвержденнаго 22 іюля 1866 года положенія комитета гг. министровъ и, кромѣ того, если дошедшіе до него слухи о томъ, что управляющій акцизными сборами въ представленіи своемъ въ министерство финансовъ заявилъ о непріязни къ нему губернатора, то онъ, губернаторъ, проситъ министра финансовъ дать заявленію сему законный ходъ, дабы разъяснено было, въ какой мѣрѣ заявленіе это справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Шидловскій потребовалъ и отъ самого управляющаго акцизными сборами копіи съ представленій послѣдняго въ департаментъ и копіи отвѣта изъ департамента.

Въ виду не отмѣненнаго закона о воспрещеніи чиновникамъ носить сплошныя бороды, министерство финансовъ приняло сторону тульскаго губернатора и приказало циркулярно всѣмъ акцизнымъ чиновникамъ сбрить бороды. Тѣмъ не менѣе въ декабрѣ того же года губернаторъ Шидловскій вновь пишетъ министру финансовъ о томъ, что чиновники акцизнаго вѣдомства Власовъ и Горчинскій

до сихъ поръ носятъ сплошныя бороды. Въ разъясненіе этого обстоятельства, управляющій акцизными сборами даетъ показаніе о томъ, что онъ «самъ лично видѣлъ этихъ чиновниковъ съ чисто обритыми подбородками, что̀ могутъ подтвердить многіе свидѣтели, и что, по всей вѣроятности, г. губернатора ввели въ ошибку носимыя означенными чиновниками бакенбарды, особенно густыя и черныя у г. Горчинскаго».

Борьба съ губернаторомъ изъ-за бороды чиновниковъ акцизнаго вѣдомства въ 1869—1870 годахъ доходила до того, что управляющій акцизными сборами Тульской губерніи, г. Меркуловъ, говорилъ о себѣ:

— Какъ только я не сойдусь съ Шидловскимъ на какомъ нибудь серьезномъ предметѣ въ интересѣ службы, сейчасъ начинаются разныя мелочныя притязанія подъ какимъ нибудь законнымъ предлогомъ, напримѣръ: чтобы въ бумагахъ къ нему я подписывалъ своею рукою слово управляющій, чтобы акцизные чиновники имѣли мундиры, чтобы они къ нему являлись, когда онъ пріѣзжаетъ въ уѣздные города, если въ то время они не въ разъѣздахъ. Все это исполнялось безпрекословно, но, будучи до крайности самолюбивымъ, онъ въ охранителѣ акцизнаго дохода видитъ противника его началамъ. Ему непріятны мои протесты на дѣйствія полиціи; но могу ли я молчать, когда становой, нашедши въ кабакѣ скамью не прибитою къ стѣнкѣ, отбираетъ патентъ и пріостанавливаетъ торговлю. Примѣровъ подобнаго безобразія много, и они чувствительны казнѣ. Болѣе всего его возмутила жалоба моя въ сенатъ на прямолинейное измѣреніе 250 саженъ отъ оружейнаго завода; но въ правѣ ли я былъ иначе поступить, когда въ этомъ районѣ существуютъ трактирныя заведенія безъ патентовъ, а виномъ торгуютъ тайно; вѣрность моего взгляда на этотъ законъ по одному возбужденному полиціею дѣлу признали и прокуроръ окружнаго суда и судебная палата, въ которую дѣло посылалось по разногласію членовъ суда. Результатомъ всего этого было требованіе о бородѣ — гора родила мышь. Теперь, послѣ отзыва моего о сдѣланномъ распоряженіи о брадобритіи, кажется, можно бы прекратить объ этомъ переписку; такъ нѣтъ: онъ спрашиваетъ, исполнено ли уже это всѣми, носившими бороды, и требуетъ копій съ представленія моего департаменту и его отвѣта. Во избѣжаніе новыхъ жалобъ, я исполнилъ и это требованіе. Вѣроятно, увлекаясь молвою, что вопросъ о бородѣ возбужденъ изъ личности ко мнѣ, онъ думаетъ, что я высказалъ это въ представленіи. Конечно, ему самому ближе извѣстно, насколько тутъ участвуетъ личность; другіе судятъ по неудовольствію, которое онъ самъ не затрудняется высказывать; я же обязанъ былъ представить моему начальству о несправедливости и оскорбительности требованія, обращеннаго къ одному управленію, когда ношеніе бо-

роды съ давняго времени вошло въ обычай по всѣмъ вѣдомствамъ и не преслѣдовалось даже въ вѣдомствѣ губернатора. Пожалуй, онъ и въ этомъ найдетъ предлогъ къ жалобѣ.

Такъ восторжествовалъ г. Шидловскій надъ чиновниками, заставивъ ихъ пробрить свои бороды или совсѣмъ снять ихъ съ лица. Необходимо упомянуть, что г. Шидловскій былъ тѣмъ самымъ губернаторомъ, съ которымъ энергично боролся и Салтыковъ-Щедринъ въ бытность свою въ Тулѣ на службѣ въ качествѣ предсѣдателя казенной палаты.

Не менѣе любопытно привести въ заключеніе нашей статьи о бородѣ распоряженіе приблизительно въ 1865 году о томъ, чтобы въ Варшавѣ и Ригѣ брить бороду евреямъ... Очевидцы разсказываютъ, что полицейскіе въ Варшавѣ хватали на улицахъ пріѣзжихъ бородатыхъ купцовъ русскаго происхожденія и, не находя въ ихъ паспортахъ прописки о вѣроисповѣданіи, брили имъ бороды или брали съ нихъ взятки. Для спасенія бородъ купцы должны были запасаться не только паспортомъ, но и метрическимъ свидѣтельствомъ. Той же участи подвергались и пріѣзжіе въ Ригу или Варшаву студенты, весьма безпечные насчетъ паспортовъ и метрикъ...

Въ кадетскихъ корпусахъ царило то же гардеробное пристрастіе.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, полковникъ В. А—нъ, уморительно разсказываетъ о своемъ пребываніи въ восьмидесятыхъ годахъ въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ ротнымъ командиромъ былъ тогда нѣкто К—чъ. Встрѣтитъ бывало и кричитъ на меня:

— Почему проборъ у васъ съ правой стороны?

— Такъ съ дѣтства,—отвѣчаю.—Почему ему быть слѣва?

— Извольте сдѣлать слѣва!

— Слушаюсь...

Но, чтобы на институтскихъ балахъ не имѣть солдатскаго вида, я сдѣлалъ себѣ прическу à la Capoul: одну часть волосъ гладко причесалъ, а другую взбилъ хохломъ... Это еще менѣе нравилось К—чу, чѣмъ проборъ справа.

— Другая прическа не выходитъ,—оправдывался я...

— Никакой прически не требуется! Волосы растутъ, а прическу не смѣть выдумывать... Никакой прихотливости! Вы и фуражку носите уланомъ... набекрень... Носите прямо!

Въ царствованіе императора Александра III, въ дополненіе къ распоряженію 1874 г. за № 241, высочайшимъ указомъ отъ 26 апрѣля 1881 г. за № 106, по военному вѣдомству, повелѣно:

1) предоставить вообще всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и классным чиновникамъ носить бороды по желанію и 2) нижнимъ чинамъ войскъ гвардіи и гренадеръ впредь бородъ не брить.

Введена также въ войскахъ и полурусская одежда.

Наконецъ приказъ по военному вѣдомству при нынѣ царствующемъ императорѣ Николаѣ II, отъ 10 марта 1901 г. за № 96, гласитъ: «Государь императоръ въ 20-й день февраля сего года высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить:

«1) юнкерамъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ носить: усы, бороду и бакенбарды;

«и 2) всѣмъ кадетамъ и воспитанникамъ Вольской военной школы носить усы, но бороду и бакенбарды брить».

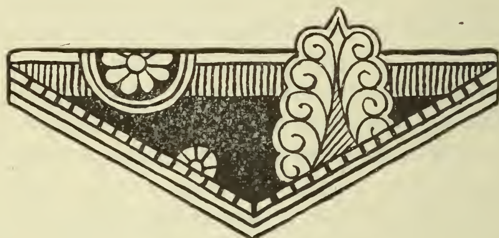
Юнкера, какъ находящіеся уже на дѣйствительной службѣ, могутъ въ настоящее время щеголять волосоращеніемъ лица; но кадеты, какъ воспитанники, имѣютъ право на одни усы. Придворная прислуга, за исключеніемъ кучеровъ, не носитъ и усовъ...

Надо думать, что наступилъ конецъ страданіямъ за невинныя украшенія мужского лица волосами... Борода потеряла какъ религіозное, такъ и податное значеніе; перестала быть знаменемъ консерватизма или либерализма. Но вся ея многострадальная исторія ярко характеризуетъ бытовыя особенности нашего прошлаго. «Съ нею,—говоритъ одинъ изслѣдователь старины,— связано все, чѣмъ нерадостна была жизнь народа: борода — это двойной подушный окладъ, ношеніе указнаго платья, преслѣдованіе, разореніе, острогъ»...

Останавливаясь на прошломъ русской бороды, невольно вспоминаешь различіе въ умственномъ ростѣ Западной Европы и Россіи. Тамъ защитники Платона спорятъ со сторонниками Аристотеля; номиналисты съ реалистами; католики съ дѣятелями гуманизма, «возрожденія» и реформаціи; протестанты съ евангелическими соціалистами въ родѣ Ѳомы Мюнцера и анабаптистовъ, и наконецъ изъ всего этого вырабатывается школа des libres penseurs. А у насъ исконно-русское творчество изощряется долгіе годы на столь ничтожныхъ для теоретическаго мышленія темахъ, какъ многословіе объ апостольскомъ образѣ съ бородой или «блудоносномъ» безъ бороды; какъ схоластическія распри изъ-за лѣтосчисленія не отъ сотворенія міра, 1-го сентября, какъ было принято, а отъ дня рождества Христова, «восемь дней спустя»; какъ споры о томъ, двоить или троить аллилуя; ходить по солонь или противъ; поклоняться восьмиконечному или четырехконечному кресту; церковь должна быть съ однимъ куполомъ или пятиглавая, какъ символъ Христа съ четырьмя евангелистами; писать Іисусъ или Исусъ; читать въ символѣ вѣры «нѣсть конца» или «не будетъ конца»; «Трисвятую пѣснь припѣвающе» или «Трисвятую пѣснь приносяще»; богоугоднѣе ли двуперстники или щепотники; «древлее благочестіе» или Никоновское рукоположеніе; апокалиптическое число 666 означаетъ ли петровскихъ сенаторовъ, если вести по славянскимъ буквамъ счетъ въ словахъ «сенатрі» и «императоръ», или это звѣриное число—пустой вымыселъ старо-еврейской книги, и на-

конецъ попадутъ ли въ царствіе небесное «табашники» и «брито-усы»? Сколько потрачено лучшихъ духовныхъ силъ въ этихъ безплодныхъ спорахъ... «Сколько несчастныхъ жертвъ,—замѣчаетъ Есиповъ,—пало подъ мечемъ Петровскаго закона о бритіи бородъ, о ношеніи нѣмецкаго платья, сколько истязаній вытерпѣли русскіе люди, сколько заплатили денегъ взяточникамъ, а русская борода и русскій кафтанъ съ лица земли Русской не исчезли»...

А. И. Фаресовъ.



ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ-САМОЗВАНЕЦЪ.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время въ газетахъ, журналахъ, судебныхъ хроникахъ и другихъ источникахъ все чаще и чаще встрѣчаются свѣдѣнія, что штундизмъ, пріостановившійся было въ своемъ развитіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начавшій даже исчезать, снова сталъ распространяться. Явленіе грустное, тѣмъ болѣе, что теперь штундизмъ уже не тотъ невѣдомый, свалившійся, какъ снѣгъ на голову, врагъ православія, какимъ казался онъ въ первое время своего появленія администраціи и нашему духовенству. Теперь уже болѣе или менѣе извѣстны и сущность его, и происхожденіе, и способы его распространенія, и обстоятельства, благопріятствовавшія этому распространенію, и тѣ мѣры, которыя наиболѣе удобны и цѣлесообразны въ борьбѣ съ нимъ.

Интересуясь вопросомъ о причинѣ неожиданнаго подъема силъ и энергіи у штундизма и зная по личнымъ даже наблюденіямъ, какъ много содѣйствовало успѣхамъ его прежде безпощадное преслѣдованіе за одну принадлежность къ нему, я по теоріи вѣроятности пришелъ къ заключенію, что та же причина вызвала и тѣ же послѣдствія. Мое предположеніе подтвердилось. Судебныя газеты сообщали, что штундисты привлекались къ отвѣтственности за то лишь, что собирались для общественной молитвы, безъ нарушенія благочинія и порядка. Не странно ли видѣть, что рядомъ съ мир-

ною дѣятельностію почтенныхъ миссіонеровъ въ родѣ іеромонаха, отца Арсенія, возвратившаго въ лоно православной церкви много заблуждавшихся, возобновляются и устарѣлыя, давно оказавшіяся негодными въ религіозной борьбѣ средства? И они дѣлаютъ свое дѣло, проще говоря, портятъ дѣло и мѣшаютъ оканчивать его дѣятелямъ умѣлымъ. Какъ бы то ни было, фактъ налицо: штундизмъ, походившій недавно на умирающій организмъ, началъ поправляться.

Въ силу этого интересно поближе присмотрѣться къ тѣмъ вожакамъ штундизма, которые являются наиболѣе фанатичными пропагандистами его и, присвоивъ себѣ званіе пресвитеровъ и даже протопресвитеровъ, ставятъ себя во главѣ секты.

Вотъ предо мною поднимается фигура одного изъ такихъ вожаковъ, нѣкоего «протопресвитера» Іоанна Козловскаго. Это былъ настоящій, чистокровный типъ авантюриста и проходимца, какъ читатели увидятъ изъ его біографіи. Столкнуться съ этой курьезной личностью мнѣ пришлось по службѣ, когда набралось уже достаточно матеріала для характеристики его дѣятельности, имѣвшей вызывающій, воинственный характеръ. Самое появленіе этого человѣка въ городѣ, гдѣ я служилъ судебнымъ слѣдователемъ, совершилось при не совсѣмъ обычныхъ обстоятельствахъ. Городъ этотъ, стоящій въ центрѣ одной изъ юго-западныхъ губерній, окруженъ хуторами, примкнувшими уже непосредственно къ нему и образовавшими его предмѣстья, населенныя мѣщанами. Въ одномъ изъ такихъ предмѣстій я засталъ небольшой кружокъ штундистовъ; но кружокъ этотъ не былъ фанатиченъ, не обнаруживалъ пропаганды, не производилъ никакихъ уличныхъ демонстрацій, въ родѣ торжественнаго погребенія покойниковъ, съ пѣніемъ на улицѣ гимновъ и т. п. Между тѣмъ мѣстныя условія для распространенія штундизма были въ этомъ уголкѣ, повидимому, самыя благопріятныя. Дома стоятъ въ глубинѣ садовъ и даже рощицъ, гдѣ ихъ и не видно, и гдѣ, слѣдовательно, собираться для общественной молитвы было вполнѣ безопасно. Полиція въ эту глухую мѣстность обыкновенно и не заглядывала. Народъ жилъ тамъ простой, темный, представлявшій весьма удобную почву для пропаганды. Но, какъ уже сказано, ея или вовсе не было, или она не имѣла успѣха, можетъ быть, потому именно, что штундистовъ никто не трогалъ, и о штундизмѣ никто изъ православныхъ тамошнихъ и не думалъ.

Но вотъ въ одну ночь въ домъ одного изъ тамошнихъ штундистовъ кто-то постучалъ. Въ домѣ этомъ жили старикъ съ женой и ихъ дочь съ зятемъ, или же сынъ съ невѣсткой. Двое послѣднихъ уже были совращены въ штундизмъ, но держались его, что называется, про себя, и мирно жили съ своими родными и съ православными сосѣдями. Когда ночному гостю отворили дверь, и онъ вошелъ въ комнату, оказалось, что это — молодой человѣкъ,

по костюму не изъ простонародія. Онъ назвалъ себя странникомъ и попросился на ночлегъ. Старуха, какъ будто предчувствуя что-то недоброе, сначала было не соглашалась, но, уступая просьбѣ молодыхъ супруговъ, позволила страннику помѣститься въ домѣ. Повидимому, онъ, стучась въ этотъ домъ, зналъ уже о религіозномъ раздвоеніи жившей здѣсь семьи и о томъ, кто именно изъ семьи совратился въ штундизмъ. Не теряя времени, онъ обнаружилъ цѣль своего прихода. Въ ту же ночь или на другой день, увидѣвъ въ домѣ иконы, онъ сталъ упрекать молодыхъ членовъ семьи за то, что они терпятъ у себя «идоловъ». Упреками онъ не ограничился и началъ настаивать, чтобы иконы были выброшены. Но тутъ онъ встрѣтилъ такой энергичный отпоръ, котораго онъ никакъ не ожидалъ. Старуха, мало возражавшая на его рѣчи, наполненныя текстами, услыхавъ, что дѣло идетъ о поруганіи святыхъ иконъ, не выдержала. Кровь взволновалась, и, не имѣя подъ руками болѣе удобнаго оружія, она быстро сбросила съ своей ноги тяжелый башмакъ (надѣвается онъ малороссіянками обыкновенно на босую ногу и поэтому легко снимается) и начала бить гостя по чему попало. За гостя вступился кто-то изъ молодыхъ, старуху поддержалъ старикъ, и пошла свалка. Крики, шумъ подняли на ноги сосѣдей. Узнавши, въ чемъ дѣло, православные вышли изъ себя и начали бить окна въ домахъ штундистовъ. Явилась полиція, остановила буйство, произвела дознаніе о происшествіи, вызванномъ таинственнымъ пришельцемъ, но его самого уже не нашла. Какъ только онъ увидѣлъ, что столкновеніе можетъ дурно для него окончиться, онъ куда-то убрался подобру-поздорову.

Появленіе его надолго, однако, оставило слѣды. Православные, узнавши объ иконоборческомъ направленіи штундистовъ, стали относиться къ нимъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ и ожесточеніемъ. Послѣдніе въ свою очередь начали злобно кощунствовать, съ цѣлью оскорбить религіозное чувство православныхъ. На улицѣ происходили религіозные споры и затѣмъ ссоры.

Поводомъ служили самыя разнообразныя обстоятельства. Приходитъ, напримѣръ, въ лавочку одинъ отставной солдатъ, отличавшійся среди штундистовъ особеннымъ озлобленіемъ ко всему православному, и проситъ деревяннаго масла. Зналъ ли купецъ, что покупатель штундистъ, и хотѣлъ его подразнить и вызвать на откровенность, или же просто по словоохотливости, отъ нечего дѣлать, отпуская масло, онъ спросилъ покупателя: «должно быть, для лампадки берешь, предъ иконами зажечь?» Солдатъ съ какою-то дикою яростью отвѣчалъ: «лампадку предъ иконами? Да я имъ, такимъ, сякимъ идоламъ, очи керосиномъ повыпекаю!» (повыжигаю). Фраза доходитъ до православныхъ, возмущаетъ ихъ. Солдата схватываютъ, бьютъ. Злоба въ немъ растетъ еще больше, и онъ то и дѣло, что кощунствуетъ.

Кстати упомянуть здѣсь, что личность этого ожесточеннаго кощуна, привлеченнаго мною къ отвѣтственности, по сообщеніямъ полиціи, невольно меня заинтересовала.

Откуда у него,—задавалъ я себѣ вопросъ,—это озлобленіе, эта страшная ненависть къ православію? Положимъ, раздули ее преслѣдованія, побои, насмѣшки и издѣвательства; но что же впервые вызвало ихъ? Ожидать отъ самого обвиняемаго искреннихъ отвѣтовъ на эти вопросы было невозможно. При первомъ же допросѣ онъ обнаружилъ самое упорное запирательство и отрицаніе всего, приписаннаго ему полиціей и подтвержденнаго свидѣтелями. Я пробовалъ было вывести его на задушевный, откровенный разговоръ простою рѣчью о томъ, что никто не думаетъ преслѣдовать его за то только, что онъ штундистъ, но что очень дурно онъ дѣлаетъ, что оскорбляетъ священные для православныхъ предметы. Если ему непріятно, когда начнутъ издѣваться хотя бы надъ гимнами, которые онъ распѣваетъ, то какъ же позволяетъ онъ себѣ издѣваться надъ святымъ крестомъ, святыми иконами и т. д.? На все это онъ отвѣчалъ упорно: «напрасно это на меня показываютъ. Знать ничего не знаю!».

Пришлось собирать свѣдѣнія на сторонѣ, и я узналъ нѣчто неожиданное. Солдатъ этотъ прежде служилъ при мѣстномъ исправникѣ старшимъ полицейскимъ, съ званіемъ разсыльнаго. Вмѣстѣ съ исправникомъ онъ часто ѣздилъ въ гнѣзда штундистовъ; при немъ и съ его участіемъ исправникъ и поселенный въ штундистскихъ селеніяхъ полицейскій чиновникъ разгоняли собиравшихся для общественной молитвы штундистовъ, арестовывали многихъ изъ нихъ. Эта постоянная травля видимо возмутила человѣчное чувство въ солдатѣ, человѣкѣ въ большинствѣ случаевъ весьма чувствительномъ, вызвала сожалѣніе и сочувствіе къ штундистамъ, а отсюда было недалеко уже и до сочувствія къ самому вѣроученію секты. Присоединившись же къ ней, онъ при первомъ же нападеніи православныхъ на штундистовъ, вызванномъ таинственнымъ странникомъ, вспомнилъ тѣ систематическія нападенія на нихъ, въ которыхъ самъ нѣкогда долженъ былъ принимать участіе по долгу службы, по приказанію начальства, и понятно, что ничего, кромѣ озлобленія, эти воспоминанія въ немъ и не могли вызвать.

Послѣ описаннаго мною столкновенія православныхъ съ штундой прошло нѣсколько времени. Былъ воскресный день. По этому случаю, а главнымъ образомъ вслѣдствіе ярмарки на торговой площади того самаго города, о которомъ и выше шла рѣчь, собралась масса народа. По площади проходилъ скромно одѣтый деревенскій священникъ, пожилой, съ кроткой наружностью. Въ толпѣ къ нему присталъ молодой человѣкъ въ поношенномъ, но не простонародномъ платьѣ, съ угрюмой и антипатичной физіономіей и началъ выкрикивать: «вотъ жрецъ длинноволосый, фарисей съ

широкими воскрыліями!» и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Священникъ былъ очень сконфуженъ публичнымъ оскорбленіемъ и спросилъ у буяна, что ему нужно, что онъ позволяетъ себѣ ругательства. Ихъ окружила тѣснѣе толпа, и это, повидимому, придало еще болѣе дерзости буяну. Отъ насмѣшекъ надъ священникомъ онъ перешелъ къ глумленію надъ православною церковью. Но тутъ не позволили ему долго разговаривать, призвали полицію, и онъ былъ арестованъ. Оказалось, что это—тотъ самый странникъ, который не задолго предъ тѣмъ попросился ночевать въ предмѣстьѣ города и вызвалъ столкновеніе штундистовъ съ православными. На допросѣ въ полиціи онъ назвалъ себя причетническимъ сыномъ, Іоанномъ Козловскимъ, а на требованіе объяснить, за что онъ оскорбилъ священника и кощунственно отзывался о православной церкви, онъ сначала отвѣчалъ отрицаніемъ всего, въ чемъ его обвиняли; затѣмъ, когда его уличили во лжи, онъ не только признался въ кощунствѣ, но вступилъ въ религіозную полемику съ производившимъ дознаніе полицейскимъ чиновникомъ и во время этой полемики довелъ свое кощунство до высшей степени. Такимъ образомъ къ прежнимъ двумъ обвиненіямъ присоединилось третье, и дѣло, въ которомъ были сгруппированы всѣ три обвиненія, полиція прислала мнѣ вмѣстѣ съ обвиняемымъ и найденнымъ у него мѣшкомъ съ разными вещами.

Я былъ судебнымъ слѣдователемъ уже нѣсколько лѣтъ, произвелъ немало самыхъ разнообразныхъ слѣдствій о всевозможныхъ преступленіяхъ, перевидалъ цѣлыя тысячи всякихъ людей и естественно не могъ не сдѣлаться физіогномистомъ и при первомъ же взглядѣ на обвиняемаго опредѣлять по большей части безошибочно свойства его натуры. Впечатлѣніе, произведенное на меня Козловскимъ, когда я пытливо взглянулъ на него, было крайне непріятное. Я увидѣлъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей той породы проходимцевъ, или, какъ выражаются малороссы, «пройдисвѣтовъ», гдѣ волчья смѣлость и жестокость соединяются съ лисьей хитростью и изворотливостью. Представьте себѣ здороваго, краснощекаго молодца лѣтъ около 30, съ бѣгающими, безпокойными глазами, съ мѣняющимся вообще выраженіемъ лица, съ переходами отъ наглости къ удрученному, жалкому виду и обратно. Нужно замѣтить, что я читалъ дознаніе о Козловскомъ при немъ же и во время чтенія имѣлъ возможность наблюдать за нимъ въ такіе моменты, когда онъ на меня не смотрѣлъ и не чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ. Вотъ въ эти-то моменты, когда онъ не имѣлъ надобности придавать своему лицу искусственное выраженіе, оно имѣло суровый, злой, волчій видъ. Но стоило лишь его глазамъ встрѣтиться съ моими, и онъ моментально принималъ другой видъ. Являлась угнетенная внѣшность, мелькало нѣчто заискивающее, молящее о жалости, слыша-

лись вздохи, глаза поднимались вверхъ, какъ бы ища неба. Словомъ, предо мною стоялъ интересный экземпляръ «пройдисвѣта».

Начался формальный допросъ обвиняемаго и прежде всего, конечно, о его происхожденіи, воспитаніи, прежней жизни. Оказалось, что видалъ онъ на своемъ вѣку немало. Родившись въ юго-западномъ краѣ отъ причетника церковнаго, онъ получилъ самое ничтожное образованіе и дальше первыхъ классовъ училища не пошелъ, а очутился монастырскимъ послушникомъ или служкой. Самому ли ему не понравилось это положеніе, или его прогнали, но только послѣ монастыря онъ появляется въ К. духовной академіи, не въ качествѣ студента, конечно, а въ роли служителя академическаго. Затѣмъ, сферу духовную онъ мѣняетъ на чиновничью и переходитъ въ письмоводители къ становому приставу. Не долго продержался онъ и здѣсь, очутился безъ мѣста и пошелъ странствовать. И вотъ однажды, по его словамъ, видитъ онъ небо отверзтое и на облакахъ Матерь Божію съ Іисусомъ Христомъ въ видѣ младенца на рукахъ и слышитъ неизвѣстно откуда голосъ: «иди и проповѣдуй мое ученіе, потому что его забыли на землѣ, и нѣтъ теперь истинной церкви». При этихъ словахъ разсказчика я внимательно взглянулъ на него. Онъ замѣтно смутился, покраснѣлъ, и лицо его приняло какое-то лукавое выраженіе. Въ уголкахъ его глазъ замѣтны были тѣ едва уловимыя искорки, которыя наблюдательный человѣкъ можетъ примѣтить у балагура, когда онъ разсказываетъ что нибудь забавное, а самъ старается сохранить серьезный видъ. Шарлатанство Козловскаго принимало слишкомъ нахальные размѣры, и мнѣ захотѣлось сейчасъ же изобличить его во лжи.

— Откуда же именно послышался таинственный голосъ? — спросилъ я его:—сверху, сбоку или снизу?

— Не знаю.

— Какъ не знаю? Вѣдь вы же слышали голосъ, значитъ, могли чувствовать и то, съ какой стороны онъ раздается!.. Ну, а каковъ былъ тонъ этого голоса, на что онъ походилъ?

Вмѣсто отвѣта Козловскій только вздохнулъ. Я не выдержалъ и разсмѣялся, говоря ему:

— Неужели вы думали, обморочите меня, какъ морочили уже, вѣроятно, мужичковъ? Какъ вамъ не стыдно выдумывать видѣнія и голоса! Ну, попробуйте посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза и сказать, что ваше видѣніе не вздоръ. Вѣдь ваши разсказы вызываютъ только смѣхъ.

И я опять разсмѣялся, глядя пристально на Козловскаго. Не удержался тутъ и онъ, и въ свою очередь фыркнулъ, но тотчасъ же спохватился, что выдалъ себя, и снова принялся вздыхать съ унылымъ видомъ.

Я продолжалъ допросъ, при чемъ старался выяснить, какое же собственно новое вѣроученіе, претендовавшее на «возобновленіе ис-

тинно Христовой церкви», проповѣдывалъ Козловскій. Оказалось, что все оно сводилось къ общеизвѣстнымъ штундистскимъ принципамъ: къ отрицанію церковно-обрядовой стороны христіанства, къ уничтоженію иконъ, крестовъ и духовенства, какъ сословія. Я вздумалъ проэкзаменовать этого проповѣдника новаго ученія и предложилъ ему объяснить, на чемъ онъ основываетъ свой отрицательный взглядъ на вышеуказанные предметы. Тутъ выразилось его полное невѣжество и неразвитость. Приводимыхъ имъ текстовъ Священнаго Писанія онъ совсѣмъ не понималъ и толковалъ ихъ крайне безсмысленно. Тѣмъ не менѣе онъ признался, что состоитъ «протопресвитеромъ» у штундистовъ, которыхъ онъ называлъ «новообращеннымъ русскимъ братствомъ». Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого малограмотнаго «протопресвитера» и не могъ не выразить ему своего негодованія на то, какъ онъ могъ позволить себѣ пробраться въ протопресвитеры и при отсутствіи всякихъ знаній и развитія быть не только учителемъ темнаго люда, но и наставникомъ пресвитеровъ штунды.

— Вѣрите ли вы въ Бога? Есть ли у васъ совѣсть, Козловскій? — говорилъ я ему: — вѣдь вы же сами хорошо знаете, что вы слѣпой, темный человѣкъ, что вы ровно ничего не понимаете въ священномъ писаніи. Какъ же вы беретесь учить народъ, вести другихъ слѣпцовъ? Куда, кромѣ заблужденія и погибели, можете вы привести? Вѣдь вы же должны понимать, какую тяжкую отвѣтственность предъ Богомъ вы на себя берете?

Помню, что мои слова сначала на него подѣйствовали такъ сильно, что онъ заплакалъ; но это продолжалось недолго. Натура авантюриста взяла свое, и онъ вмѣсто самозащиты перешелъ къ дерзкимъ нападкамъ на православное духовенство, которое будто бы ничему не учитъ народъ, а только обираетъ его. Рѣзкимъ звонкомъ находившагося въ камèрѣ колокольчика я прервалъ его изліянія и продолжалъ допросъ, перейдя, наконецъ, къ преступленіямъ, въ которыхъ онъ обвинялся. Здѣсь я встрѣтилъ въ немъ самое упорное запирательство, какъ относительно кощунства, такъ и относительно оскорбленія священника. Признаніе, сдѣланное имъ въ полиціи, онъ отвергалъ, какъ вынужденное.

Перейдя къ осмотру задержаннаго полиціей мѣшка Козловскаго съ разными вещами, я нашелъ тамъ два предмета, заслуживающіе вниманія: книгу или Новаго Завѣта, или Сборникъ гимновъ, распѣваемыхъ штундистами, съ надписью на ней, что она принадлежитъ «протопресвитеру Іоанну Козловскому», и, къ удивленію своему, изображеніе Божіей Матери на бумагѣ, изъ числа тѣхъ, которыя разносятся по деревнямъ коробейниками.

— Какъ же это такъ,—сказалъ я Козловскому:—вы отвергаете иконы, требуете ихъ уничтоженія, а сами зачѣмъ-то прячете у себя это изображеніе Божіей Матери? Что же за смыслъ въ вашихъ словахъ

и въ вашихъ дѣйствіяхъ, если вы и сами не вѣрите тому, что проповѣдуете другимъ? — Уличенный въ отсутствіи убѣжденій, шарлатанъ растерялся, но потомъ сталъ объяснять нахожденіе у него изображенія Богоматери тѣмъ, что въ такомъ самомъ видѣ, какъ она тамъ изображена, онъ видѣлъ ее на небѣ.

— Перестаньте повторять небылицы, которымъ вы сами не вѣрите! — прервалъ я его, и онъ въ смущеніи замолчалъ. По окончаніи осмотра и допроса мнѣ оставалось принять противъ обвиняемаго одну изъ такъ называемыхъ мѣръ для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Легчайшая изъ этихъ мѣръ — отобраніе вида на жительство или подписка о неотлучкѣ съ мѣста пребыванія; затѣмъ идутъ—отдача подъ особый надзоръ полиціи, поручительство, залогъ и, наконецъ, взятіе подъ стражу. Я задумался надъ вопросомъ, какая изъ этихъ мѣръ будетъ въ данномъ случаѣ наиболѣе пригодной. Мои размышленія были прерваны просьбой Козловскаго о томъ, чтобы я его посадилъ въ тюрьму. Сначала неожиданность этой просьбы поразила меня. Зачѣмъ онъ просится въ тюрьму, да еще въ тюрьму уѣздную, крайне неудобную?.. А вотъ зачѣмъ,—мелькнуло у меня въ головѣ: — вѣдь это — несомнѣнный шарлатанъ и опытный пройдоха, который ничѣмъ не брезгаетъ для достиженія цѣли; а цѣль у него очевидно та, чтобы пріобрѣсть побольше вліянія на темную штунду. Сказка о видѣніяхъ уже сослужила ему службу: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ протопресвитеры онъ и попалъ-то, благодаря этой сказкѣ, принятой съ вѣрою суевѣрной толпой штунды. Теперь онъ хочетъ попасть въ тюрьму, чтобы прослыть мученикомъ за свою вѣру, и тогда онъ войдетъ окончательно въ славу между штундистами, пріобрѣтетъ неограниченное вліяніе на нихъ. Въ тюрьму итти ему и не страшно. Онъ можетъ на-дняхъ же устроить себѣ освобожденіе, представивъ нѣсколько поручителей изъ штундистовъ же, а ореолъ мученика уже будетъ окружать его. Всѣ эти соображенія мигомъ пронеслись въ головѣ моей, и я высказалъ ихъ ему, прибавивъ, что, несмотря на все его желаніе, въ тюрьму я его не посажу и не дамъ возможности выдавать себя за мученика. Нужно было видѣть выраженіе лица Козловскаго въ это время, чтобы понять, какъ мѣтко я попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Злость, свирѣпая злоба изобличеннаго негодяя видѣлась явно въ его глазахъ.

— Что же вы со мной сдѣлаете?—сурово спросилъ онъ.

— Отдамъ подъ особый надзоръ полиціи, а она будетъ наблюдать, чтобы вы не проповѣдывали другимъ чепуху, которой сами не вѣрите, не дурачили бы глупцовъ и не обижали людей, которые вамъ ничего дурного не сдѣлали.

— А, и вы за духовенство? — прервалъ онъ меня и снова набросился на него. Своимъ звонкомъ я заставилъ его замолчать; за-

тѣмъ внушилъ, что не ему, жалкому недоучкѣ, праздношатающемуся и навѣрное обирающему штундистовъ-крестьянъ и живущему на ихъ счетъ, быть судьей духовенства,—и велѣлъ полицейскому увести его.

Слѣдствіе продолжалось; допрашивались лица, бывшія свидѣтелями преступленій, въ которыхъ обвинялся Козловскій, собирались свѣдѣнія о его прежней дѣятельности, а онъ въ это время жилъ подъ надзоромъ полиціи въ городѣ, гдѣ производилось слѣдствіе. Жизнь его очень интересовала меня, и мнѣ было весьма желательно знать подробно: что именно онъ дѣлаетъ, гдѣ бываетъ и т. д. Къ сожалѣнію, это было невозможно. Несмотря на отдачу его подъ «особый», т.-е. исключительный, усиленный надзоръ полиціи, этотъ надзоръ былъ почти фаиктивнымъ. Онъ давалъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ проводилъ свой день Козловскій. Оказалось, что онъ никакихъ постоянныхъ занятій не имѣлъ и, повидимому, не желалъ имѣть. По натурѣ ли, или по странническоі привычкѣ ничего не дѣлать, онъ былъ лѣнтяй и большею частію бродилъ по городу, изрѣдка занимаясь какою-то письменною работою. Заходя изрѣдка въ полицію по обязанности, «для явки», а иногда и по собственному желанію, онъ затѣвалъ религіозные споры съ солдатиками, служившими городовыми, въ спорахъ этихъ, конечно, забрасывалъ ихъ словами и этимъ страшно злилъ ихъ. Ихъ волновало, какъ волнуетъ всякаго простого человѣка съ здравымъ смысломъ и съ чувствомъ правды, то обстоятельство, что Козловскій говорилъ вздоръ очевидный, нелѣпости котораго онъ и самъ не могъ не сознавать, а между тѣмъ этотъ вздоръ онъ защищалъ, какъ истину, и неумолкаемымъ словоизверженіемъ отнималъ у нихъ возможность разоблачить вздоръ. По слухамъ, бывалъ Козловскій и у городскихъ штундистовъ, но или совсѣмъ не пропагандировалъ штундизма, или пропагандировалъ очень осторожно. Можетъ быть, онъ потерялъ и обаяніе въ глазахъ штундистовъ, которые, видя его на свободѣ, могли прійти къ заключенію, что онъ, должно быть,—не важный проповѣдникъ штундизма, если на него и вниманія не обращаютъ. Физіономія Козловскаго, часто со мной встрѣчавшагося, становилась все угрюмѣе.

Такъ прошло нѣсколько времени. Былъ конецъ Великаго поста. Весна уже настала, природа проснулась отъ зимняго сна и какъ бы праздновала свое пробужденіе усиленною жизнью. Стояли чудные дни той южной весны, которая бодритъ и оживляетъ всякаго человѣка. Чувствовались порывы къ чему-то особенному, тянуло изъ города куда-то, въ невѣдомую даль... Въ одинъ изъ такихъ дней, наканунѣ Пасхи, явился ко мнѣ Козловскій и сталъ убѣдительно просить позволенія отправиться на Пасху «къ братьямъ». «Къ какимъ братьямъ?»—спросилъ я его и узналъ, что подъ братьями онъ понимаетъ штундистовъ села К. Просьбу свою онъ

объяснилъ тѣмъ, что въ городѣ ему и разговѣться хорошенько не удастся, не у кого, а тамъ онъ и подкрѣпится хорошо и съ братьями повидается. Было не совсѣмъ осторожно отпустить Козловскаго въ К. Это значило въ нѣкоторомъ родѣ облегчить ему пропаганду. Но, съ другой стороны, не вѣкъ же будетъ онъ сидѣть въ городѣ, да притомъ же, сидя въ городѣ, развѣ не можетъ онъ дѣлать того же, что можетъ дѣлать въ селѣ К.? Наконецъ, оставлять его въ городѣ среди чужихъ, не дать ему въ великій и радостный день возможности повидаться съ людьми, болѣе или менѣе ему близкими, раздѣлить съ ними пасхальную трапезу было бы просто излишнею жестокостью. Вотъ почему я не рѣшился удерживать Козловскаго противъ его воли въ городѣ и позволилъ ему отправиться собственно на Пасху въ К. Для успокоенія себя я, впрочемъ, взялъ съ него обѣщаніе не проповѣдывать въ деревнѣ, не вступать въ споры съ православными, не возбуждать и штундистовъ къ тому и вообще держать себя смирно.

Отпуская его, я не могъ, однако, не пожалѣть о неимѣніи у себя порядочнаго представителя такъ называемой «сыскной» полиціи. Будь у меня подъ рукой такой человѣкъ, онъ если бы не опередилъ Козловскаго въ селѣ К., то, навѣрное, одновременно съ нимъ очутился бы тамъ, явился бы въ собраніе штундистовъ, прослѣдилъ бы за дѣйствіями Козловскаго, какъ въ этомъ собраніи, такъ и вообще въ той деревнѣ, и ко времени возвращенія «протопресвитера» въ городъ я могъ бы имѣть уже самыя обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности Козловскаго среди «братьевъ». Къ сожалѣнію, мнѣ оставалось только мечтать о такомъ систематическомъ наблюденіи надъ Козловскимъ, а поручить его было рѣшительно некому. Даже и представитель такъ называемой «наружной» полиціи, становой приставъ, жилъ въ городѣ, вдали отъ села К.

Пасха прошла. Во время праздника до меня доходили неясные слухи о томъ, что въ нѣкоторыхъ штундистскихъ селахъ на праздникахъ произошли столкновенія штундистовъ съ православными. Затѣмъ явился и Козловскій въ городъ, но онъ пришелъ не по доброй волѣ, а былъ приведенъ по этапу. Оказалось, что даннаго мнѣ обѣщанія воздержаться отъ пропаганды и отъ столкновенія съ православными онъ не сдержалъ. Явившись въ К., онъ пошелъ въ собраніе штундистовъ, знавшихъ его и раньше, занялъ тамъ первое мѣсто между ними, какъ учитель и протопресвитеръ, и началъ проповѣдывать. Вѣроятно, проповѣдь его имѣла озлобленный, воинственный характеръ, такъ какъ результатомъ ея явилась драка, чуть ли не вооруженная, между штундистами и православными. Насколько помнится, въ этой дракѣ сильно помяли бока и главному ея зачинщику, самозванцу-протопресвитеру, который, кажется, и въ городъ былъ доставленъ съ явными слѣдами ожесточенной борьбы, въ коей онъ принималъ участіе. Въ отвѣтъ на мои упреки

въ нарушеніи обѣщанія онъ представилъ себя невинною жертвою страшной злобы православнаго населенія. Какъ бы то ни было, но дальнѣйшія экскурсіи въ деревенскую глушь, гдѣ такъ удобно дурачить простой людъ [1]), были запрещены этому авантюристу.

Прошло два-три мѣсяца. Я сталъ уже забывать о Козловскомъ (за окончаніемъ слѣдствія о немъ), какъ вдругъ однажды исправникъ приноситъ мнѣ цѣлую рукопись, чуть-ли не на 10-ти листахъ, и говоритъ, что получилъ онъ ее отъ Козловскаго для доставленія начальнику края и не знаетъ, что съ нею дѣлать, такъ какъ въ ней есть очень серіозныя вещи, но и много чепухи, а главное—наносятся оскорбленія должностнымъ лицамъ. Я обѣщалъ просмотрѣть рукопись, и исправникъ оставилъ ее у меня. Вооружившись терпѣніемъ, принялся я за чтеніе ея, и чѣмъ больше я ее читалъ, тѣмъ большій интересъ получала она въ глазахъ моихъ. Среди массы малопонятныхъ и даже безсмысленныхъ фразъ, испещренныхъ совершенно неумѣстными вставками текстовъ священнаго писанія, попадались довольно толковыя выраженія, сквозилъ малороссійскій юморъ, мелькали рельефныя и живыя картины мѣстнаго быта. Тутъ увидѣлъ я, что Козловскій не даромъ прожилъ въ городѣ, подъ надзоромъ, нѣсколько мѣсяцевъ, что у него очень наблюдательная натура, и что онъ собралъ немало матеріаловъ для характеристики мѣстной жизни. Его особенно, повидимому, интересовалъ чиновничій кружокъ, и онъ изучилъ не только общія слабости и недостатки этого кружка, но даже и особенности отдѣльныхъ его представителей. Какимъ таинственнымъ способомъ могъ онъ подробнѣйшимъ образомъ узнать бытъ и характеръ, а особенно грѣшки чуть не каждаго чиновника въ городѣ, я никакъ не могъ себѣ уяснить. Я давно зналъ многихъ членовъ описаннаго Козловскимъ кружка, но до прочтенія его курьезной рукописи даже и не подозрѣвалъ того, на что она указывала, и, признаюсь, многому въ ней не вѣрилъ.

Общее содержаніе рукописи, написанной въ формѣ прошенія на имя генералъ-губернатора края, было таково. Въ настоящее время правды нѣтъ на свѣтѣ. Духовенство, обязанное просвѣщать народъ и учить его добру, совсѣмъ забыло и оставило эту обязанность. Оно все предалось страсти къ наживѣ, живетъ только для нея и безжалостно обираетъ народъ. Чиновничество дѣломъ не занимается, а только играетъ въ карты, пьянствуетъ и обираетъ народъ и всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Взятки берутся и деньгами, и лошадьми, и экипажами. Полиція давитъ народъ. Слѣдователь тому, кто къ нему попадается, не даетъ много разгова-

---

[1]) Не даромъ малороссы, видя какого нибудь ловкаго человѣка, говорятъ обыкновенно: «его бъ на село, людей дурить», давая понять, что нигдѣ такъ нельзя удачно дурачить людей, какъ въ селахъ.

ривать и звонкомъ заставляетъ молчать [1]). Суды судятъ неправильно. Народъ бѣдствуетъ. Въ виду своего бѣдственнаго положенія онъ ищетъ спасенія въ штундизмѣ, но съ штундизмомъ можно справиться. Нужно только дать значительное денежное пособіе составителю прошенія, Козловскому, да приказать полиціи исполнять его распоряженія, и онъ обязывается совершенно искоренить штундизмъ.

Можетъ быть, кто нибудь скажетъ, что предложеніе Козловскаго могло заставить сомнѣваться въ нормальности его умственной дѣятельности. Съ перваго взгляда такое предположеніе, пожалуй, возможно, но если вникнуть хорошо въ дѣло, то предположеніе это уничтожится само собой.

Человѣку, знакомому съ сферой полицейской дѣятельности, извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція бываетъ не въ состояніи разслѣдовать преступленіе, открыть и схватить преступниковъ, она обращается за помощью къ какому нибудь искусному сыщику, а иногда и просто къ какому нибудь частному человѣку, обладающему особенною ловкостью. Низшимъ полицейскимъ чинамъ дается въ такомъ случаѣ приказъ исполнять распоряженія человѣка, взявшагося за дѣло, а самъ онъ за свои услуги получаетъ обыкновенно немалое вознагражденіе. Если мы вспомнимъ, что Козловскій, прежде чѣмъ попасть въ штундисты, служилъ письмоводителемъ у станового пристава и, слѣдовательно, не могъ не знать только-что описанныхъ пріемовъ, употреблявшихся полиціей въ особенно важныхъ и исключительныхъ случаяхъ, то предложеніе его становится совершенно понятнымъ и характеризуетъ его скорѣе, какъ ловкаго проходимца, а не какъ сумасшедшаго или помѣшаннаго человѣка. И время для подачи его прошенія было выбрано довольно удачно. Козловскій видѣлъ, что администрація уже не игнорируетъ штундизма, какъ въ первое время его появленія; что, напротивъ, она серіозно берется за борьбу съ нимъ и даже прибѣгаетъ къ особеннымъ, исключительнымъ средствамъ въ этой борьбѣ, въ родѣ, напримѣръ, откомандированія особаго полицейскаго чиновника спеціально для наблюденія за штундистами. Отсюда онъ, совершенно понятно, могъ предполагать, что и его предложеніе имѣетъ нѣкоторые шансы на принятіе. По своей недоразвитости, онъ только не умѣлъ правильно его формулировать и нѣсколько, если можно такъ выразиться, пересолилъ въ опредѣленіи задачи, которую онъ себѣ ставилъ, но, повторяю, ничего безумнаго въ его предложеніи нельзя видѣть. Тѣ, мѣстами безсмысленныя, выраженія, которыя попадались въ его рукописи, и о которыхъ я уже упоминалъ, объяснялись никакъ не психическимъ

---

[1]) Хорошо помню, что другихъ обвиненій, кромѣ этого курьезнаго, онъ ко мнѣ не предъявлялъ.

разстройствомъ Козловскаго, а просто неумѣньемъ его письменно излагать свои мысли и, кромѣ того, стремленіемъ его выражаться фигурально, вычурно и щеголять словами и оборотами, которые ему казались красивыми, и которые онъ понималъ и употреблялъ посвоему. Итакъ, это не былъ умственно больной человѣкъ, но зато въ нравственномъ отношеніи это былъ не только больной, но даже мертвый, погибшій человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ низко нужно пасть, чтобы вести себя подобно Козловскому! Человѣкъ восторженно проповѣдуетъ штундизмъ, фанатически относится къ православію, фанатизируетъ и послѣдователей своихъ, увѣряетъ, что Самъ Христосъ послалъ его быть учителемъ штундизма, готовъ, повидимому, терпѣть даже тюремное заключеніе за свои религіозныя убѣжденія и, въ концѣ концовъ, предлагаетъ все это продать, если ему хорошо заплатятъ. Замѣтьте, что, дѣлая свое курьезное предложеніе, онъ даже не отрекался отъ штундизма, какъ человѣкъ, сознавшій искренно свое заблужденіе; нѣтъ, онъ говорилъ только объ усиленіи секты и о томъ, что онъ знаетъ средства уничтожить ее. И этого человѣка, ужасающаго отсутствіемъ всякихъ убѣжденій и всякихъ нравственныхъ правилъ, жалкіе темные люди, штундисты, называли своимъ пастыремъ! Вотъ истинный типъ волка, попавшаго въ пастыри!..

Скоро потерялъ я его изъ вида и не знаю, что сдѣлалъ съ нимъ судъ за кощунство и порицаніе вѣры и церкви православной. Его могли посадить въ тюрьму, но при болѣе строгомъ отношеніи къ его преступленію могли приговорить и къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста. Очень жаль, что я не могъ прослѣдить за дальнѣйшей его жизнью. А она не могла окончиться заурядно при тѣхъ свойствахъ авантюриста, которыми въ избыткѣ обладалъ Козловскій.

Заканчивая свой очеркъ, я не могу не вспомнить объ одномъ грустномъ и вмѣстѣ комичномъ эпизодѣ, гдѣ мнѣ пришлось очутиться безъ вины виноватымъ и испытать въ чужомъ пиру похмелье, благодаря рукописи Козловскаго. Какъ я уже сказалъ, описывая мѣстное общество, Козловскій не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ. Густота ихъ бросалась въ глаза и уже сама по себѣ вызывала недовѣріе, заставляла предполагать преувеличеніе. Во мнѣ недовѣріе было тѣмъ существеннѣе, что я уже зналъ Козловскаго, какъ человѣка озлобленнаго и вдобавокъ лгуна. Поэтому въ первое время по прочтеніи рукописи я многому въ ней не повѣрилъ и свободно, въ видѣ простого курьеза, передавалъ, какъ штундистскій протопресвитеръ отдѣлываетъ мѣстныхъ чиновниковъ. Случилось мнѣ однажды быть у знакомыхъ, гдѣ собрался почти исключительно чиновничій кружокъ. Я и говорю ему, между прочимъ, что Козловскій пишетъ ужасныя вещи о чиновникахъ, представляя ихъ пьяницами, картежниками и взяточниками и увѣряя, что взятки берутся не только деньгами, но чѣмъ попало: лошадьми, экипажами

и т. п. И вотъ съ тѣхъ поръ одинъ изъ видныхъ чиновниковъ (теперь уже сошелъ со сцены) сталъ замѣтно обнаруживать нерасположеніе ко мнѣ. Я могъ только удивляться, такъ какъ рѣшительно не могъ понять, въ чемъ дѣло. Уже долго спустя узналъ я, что, заговоривши, со словъ Козловскаго, о взяткахъ лошадьми и экипажами, я явился нечаяннымъ и невольнымъ обличителемъ бюрократа въ грѣшкахъ любостяжанія. Оказалось, что не задолго передъ моимъ случайнымъ обличеніемъ онъ за что-то получилъ въ подарокъ коляску, и, когда я заговорилъ о взяткахъ экипажами, онъ подумалъ, что я нарочно бросаю камень въ его огородъ. Этотъ фактъ показываетъ, насколько Козловскій былъ ловкій малый и обладалъ умѣньемъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ него творится. Къ сожалѣнію, вниманіе его привлекали, главнымъ образомъ, дурныя стороны человѣчества, которыя онъ и эксплуатировалъ; его тянуло не къ свѣту, а къ мраку, и только во мракѣ, въ глухой, непроглядной тьмѣ его могли принять за наставника вѣры и избрать протопресвитеромъ.

А. С. Шугаевскій.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ АЗОВСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

I.

Е ОЧЕНЬ давно я прочелъ въ газетахъ замѣтку о томъ, что крупные землевладѣльцы — наслѣдники Алфераки и княгиня З. Н. Юсупова,—стали распродавать мелкими участками свои богатыя землею пріазовскія имѣнія Дмитріаду и Ровеньки, когда-то славившіяся своимъ плодородіемъ и богатствомъ. Эта газетная замѣтка вызвала во мнѣ цѣлый рой воспоминаній о прошломъ Пріазовскаго края. Я здѣсь родился, и воспоминанія о городахъ Таганрогѣ, Маріуполѣ, Ейскѣ, Ростовѣ-на-Дону, отчасти о Новочеркасскѣ и о многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, селахъ, слободахъ и казачьихъ станицахъ относятся ко времени моего дѣтства и юношества. Земледѣльческую сторону дѣла я знаю отъ своего покойнаго дѣда, десятки лѣтъ служившаго управляющимъ въ имѣніи графа Платова, а бытовую и коммерческую— изъ разсказовъ покойнаго отца, торговавшаго въ Таганрогѣ бакалеей и заграничными винами. Большинство же описываемыхъ ниже событій, фактовъ, сценъ и положеній почерпнуто изъ моихъ личныхъ наблюденій, которыя, какъ извѣстно, глубоко западаютъ въ мозгъ въ пору впечатлительнаго юношескаго возраста и съ удивительной свѣжестью сохраняются до старости. Прислушивался я также съ самымъ живымъ интересомъ и къ разсказамъ мѣстныхъ, нынѣ уже покоящихся мирнымъ вѣчнымъ сномъ аборигеновъ, со-

общавшихъ о томъ добромъ старомъ времени, когда край еще только заселялся, когда въ камышахъ донскихъ гирлъ велась массовая фабрикація фальшивыхъ паспортовъ, въ Нахичевани открыто поддѣлывались кредитные билеты, и по всему побережью господствовало ухарски беззастѣнчивое водвореніе контрабанды.

Разсказы и повѣствованія вымершихъ аборигеновъ имѣли свою особую прелесть, благодаря своей фантастичности и богатству вымысла. Но въ то же время они прекрасно характеризовали и тогдашнюю вольницу, и безправіе, и захваты земель, и безтолковую раздачу ихъ пришельцамъ-колонистамъ—турецкимъ грекамъ (джалдосамъ) и нѣмцамъ. О фабрикаціи, напримѣръ, фальшивыхъ денегъ въ Нахичевани разсказывалось, что она явно и открыто велась въ одномъ изъ домовъ, и у дверей этой фабрики сидѣлъ на цѣпи свирѣпый медвѣдь, выказывавшій поползновеніе разорвать въ клочки всякаго любопытнаго, а въ особенности правительственнаго чиновника. Медвѣдь уводился съ своего поста лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжало начальство за полученіемъ своей «законной доли» за молчаніе и попустительство.

Джалдосы, положившіе основаніе городу Маріуполю и до сихъ поръ еще носящіе кличку: «маріупольскіе греки», говорили на смѣшанномъ турецко-греческомъ языкѣ, плохо понимали русскій и акклиматизировались на новомъ мѣстѣ съ большимъ трудомъ. Имъ, по разсказамъ аборигеновъ, выдавалась казенная субсидія деньгами и натурою—крупой и мукой. И до сихъ поръ еще на побережьѣ свѣжъ обидный для маріупольцевъ разсказъ о томъ, будто предки ихъ, привыкшіе на своей турецкой родинѣ къ пшеничной бѣлой мукѣ и рису, долго не могли понять, для чего русская казна отпустила имъ такіе незнакомые продукты, какъ темная ржаная мука и крупа. По зрѣломъ размышленіи они смѣшали съ водою и то и другое и стали замазывать щели въ домахъ. Страдая, благодаря такому хозяйству, недостаткомъ провіанта, они отрядили будто бы депутацію къ начальству. Начальство приняло будто бы эту депутацію милостиво и спросило:

— Что вы за люди?

— Ми нэ луди, ми — маріунполскіе грэкы, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Ми нэ прышлы, ми на лошадъ прыѣхалы...

Кромѣ фантастическихъ разсказовъ у сошедшихъ со сцены стариковъ въ большомъ ходу были юмористическія побасенки, сочиненныя въ пику нахичеванскимъ армянамъ. Нахичевань и Ростовъ-на-Дону теперь уже слились въ одинъ городъ, но тогда они представляли собою двѣ самостоятельныя единицы, расположенныя на разстояніи двухъ верстъ другъ отъ друга. Въ Нахичевани вспыхнулъ большой пожаръ. Своихъ силъ для тушенія не

хватило. Городской голова Хартумъ Ильичъ Халибовъ поскакалъ въ Ростовъ за помощью и сталъ просить ростовскаго голову:

— У насъ балшой поджаръ. Будь добрый человѣкъ, дай намъ лышній поджарный кишка. Когда, Богъ дастъ, у тебэ поджаръ будытъ, мы свои два кишка дадымъ...

Другіе разсказы стариковъ о привозѣ фальшивыхъ денегъ изъ Англіи, о контрабандѣ и т. п. я обхожу молчаніемъ, такъ какъ съ этими подвигами связаны имена, нынѣ очень почтенныя. Но главнымъ контрабандистомъ стоустая молва упорно называла нынѣ умершаго архимилліонера на югѣ, турецко-подданнаго купца Марка Вальяно, который, къ слову сказать, и фигурировалъ однимъ изъ первыхъ персонажей на скамьѣ подсудимыхъ въ 1885 году по громкому дѣлу о хищеніяхъ въ таганрогской таможнѣ.

Лѣтъ 50—40 тому назадъ Пріазовье было поистинѣ цвѣтущимъ краемъ, поражавшимъ своимъ плодородіемъ даже при тогдашней, сравнительно съ теперешнимъ, низкой земледѣльческой культурѣ. Этому много способствовали даровой крѣпостной трудъ, необычайная тучность степей, не знавшихъ удобреній, и удобство вывоза хлѣба черезъ азовскіе порты за границу. Я еще засталъ благословенныя времена, когда степи не были истощены и распаханы до послѣдняго вершка, и когда въ іюнѣ мѣсяцѣ въ произраставшей на нихъ травѣ могъ спрятаться съ головою взрослый человѣкъ. Я еще засталъ многіе участки степи заселенными сплошь некультурными, дикими травами, по вершинамъ которыхъ, при знойномъ южномъ вѣтрѣ, ходили, точно по морю, огромныя нѣжныя волны. Теперь этого уже нѣтъ. Теперь уже здѣсь работаютъ глубоко забирающіе плуги и всевозможныя земледѣльческія машины, но уже прежняго плодородія нѣтъ. Вся прежняя сила ушла за границу на иностранныхъ пароходахъ и судахъ вмѣстѣ съ нашимъ зерномъ и жмыхами...

Въ Дмитріадовкахъ, Аѳинахъ, Эпаминондовкахъ (хозяева—выходцы изъ Греціи), Ровенькахъ, Платовкахъ, Иловайскихъ, Княжихъ (хозяева—казаки) и другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, разбросанныхъ по берегу Азовскаго моря и по степямъ, избытокъ зернового хлѣба перекуривался въ спиртъ. Въ многочисленныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, винокуренныхъ заводахъ «гнались» всевозможныя водки, наливки и настойки, которыми сосѣди-помѣщики хвастали другъ передъ другомъ. Обиліе подножнаго корма давало возможность заводить и содержать табуны степныхъ лошадей и конскіе заводы съ облагороженною кровью. Въ степяхъ выпасались отары овецъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ у каждаго отдѣльнаго хозяина и выхаживались огромные гурты рогатаго мясного и рабочаго скота. На рабочемъ скотѣ чумаковали и производили сельскохозяйственныя работы, а мясной гоняли въ Москву черезъ Харьковъ и Курскъ. Азовское море давало обилч-

ные рыбные уловы: чебака (леща), сазана (родъ карпа), сулы (судака), чехони, тарани (воблы), всякой мелкой рыбы; въ большихъ количествахъ ловилась красная рыба—осетры, стерляди и бѣлуга. Полутороаршинная стерлядь была не въ рѣдкость, а осетровые и бѣлужьи балыки выдѣлывались огромной величины. Бѣлая рыба въ соленомъ, копченомъ и вяленомъ видѣ распространялась по всей Украйнѣ и Новороссіи, а въ зимнее время въ свѣжемъ видѣ доставлялась чумаками на волахъ до Харькова и Курска и оттуда направлялась гужомъ на лошадяхъ въ Москву.

Чумачество процвѣтало. Каждый мало-мальски исправный хохолъ-крестьянинъ, имѣлъ отъ одной до нѣкольких паръ круторогихъ мускулистыхъ, крѣпкихъ воловъ и бороздилъ ими степь по всѣмъ направленіямъ, вывозя изъ Крыма соль, доставляя въ города хлѣбъ и перевозя по шляхамъ разныя тяжести и товары. Шляхи (большія дороги) были шириною до тридцати саженъ и тянулись безконечными, гладкими лентами. Теперь большая часть ихъ уже распахана, но тогда ихъ берегли. По нимъ тянулись безпрерывныя вереницы чумацкихъ возовъ въ обѣ стороны. По сторонамъ шляховъ были разбросаны тамъ и сямъ постоялые дворы, харчевни и еврейскіе шинки. Но въ хорошую погоду чумаки миновали ихъ и предпочитали ночевать въ благоухающей степи подъ открытымъ небомъ, предварительно плотно повечерявъ (поужинавъ) традиціонными галушками и кулешомъ. Горілка (водка) была своя, собственнаго, домашняго куренія и возилась собою въ сжатыхъ, узенькихъ боченкахъ-баклагахъ, болтавшихся сбоку воза. Въ наше время желѣзныя дороги вытѣснили чумачество, какъ промыселъ, и оно почти совсѣмъ исчезло, какъ исчезъ и выродился типъ чумацкаго выносливаго вола. Теперь же рѣдко-рѣдко, да и то въ сотнѣ верстъ отъ рельсовой колеи, можно услышать чисто чумацкій юмористическій вопль при неудачѣ:

— Боже жъ мій вышній! Чімъ я тобі грішный? Чи я горілки не пью, чи я жинци не бью, чи я шинки минаю, чи я коли у церкви буваю? За що жъ ты мене такъ важно (тяжело) покаравъ?..

На Украйнѣ теперь сохранились только чумацкія пѣсни, но и тѣ помаленьку забываются.

Чумаки въ прежнее время представляли собою единственный способъ транспортировки кладей, съ помощью котораго доставлялись изъ экономій зерновой хлѣбъ и всякіе продукты въ приморскіе города: Таганрогъ, Маріуполь, Ейскъ и Ростовъ на Дону. Города эти назывались портовыми, но собственно портовъ въ нихъ, въ современномъ смыслѣ, никогда не бывало. Постоянно въ ихъ гаваняхъ царило мелководье. Въ одномъ только Таганрогѣ Петръ Великій сдѣлалъ попытку основать глубокую гавань и огородилъ небольшую часть моря двумя молами изъ свай; но эту гавань скоро занесло пескомъ, и она получила названіе «ковша». Въ

дѣтствѣ я со сверстниками, засучивъ штанишки немного повыше колѣнъ, гонялся за рыбою въ этой петровской «гавани». Въ Маріуполѣ, Ейскѣ и Бердянскѣ не было даже и этого. Во всѣхъ безъ исключенія портахъ Азовскаго моря торговыя сношенія съ иностранными судами велись съ помощью каботажа. Проходило иностранное судно, а позднѣе и пароходъ; останавливалось далеко въ морѣ, на такъ называемомъ рейдѣ и разгружалось и нагружалось съ помощью мелкихъ баркасовъ и лодокъ. Эти послѣдніе и составляли тогдашній каботажный флотъ.

Оборудованіе и устройство настоящихъ портовъ на Азовскомъ морѣ предпринято министерствомъ путей сообщенія лишь за послѣднія десятилѣтія. Деньги затрачиваются каждый годъ, и работы ведутся каждый годъ, но до сихъ поръ ни одинъ изъ этихъ портовъ не можетъ считаться ни глубокимъ, ни законченнымъ. Впереди предстоитъ еще много работъ и затратъ...

Но вернемся «къ милому, старому прошлому». Изобиліе лѣтъ 50 — 40 назадъ было во всемъ удивительное; дешевизна была тоже завидная. Я помню еще тѣ отошедшія въ область преданія времена, когда въ любомъ изъ пріазовскихъ городовъ домъ-особнякъ въ 4 — 5 комнатъ со службами, а иногда и съ садомъ, отдавался въ наймы за 50 — 80 рублей въ годъ. Помню также, какъ покойная моя бабушка, возвращаясь по утрамъ съ базара съ купленной провизіей, охала, жалуясь на то, что тяжело переполненная корзина оттянула ей ея старыя руки. Въ корзинѣ было и мясо, и рыба, и капуста, и всякій овощъ, и картофель, и бублики, и разные сдобные хохлацкіе книши и хлѣбы, и большая, бѣлая хохлацкая «пуховая» булка и, наконецъ, какая нибудь игрушка для меня. Словомъ, эта корзина съ избыткомъ обезпечивала обѣдъ, ужинъ и все дневное пропитаніе нашей многочисленной семьи. Притащивъ всю эту гору, бабушка садилась отдыхать и горько жаловалась на дороговизну.

— Охъ, дѣтки, какъ теперь на базарѣ все дорого стало: просто приступу нѣтъ. Сегодня я цѣлыя семь гривенъ ассигнаціями истратила. На серебро это выходитъ цѣлый двугривенный, цѣлыя двадцать копеекъ... Охъ!..

Населеніе городовъ Азовскаго побережья было, какъ и теперь, самое пестрое. Аборигеновъ и какого нибудь обособленнаго племени тамъ не бывало никогда въ силу уже самыхъ историческихъ причинъ. Населялся этотъ край по преимуществу бѣглецами изъ всѣхъ губерній, и картина этой пестрой смѣси весьма вѣрно нарисована въ романѣ: «Бѣглые въ Новороссіи». Въ то же время оживленныя торговыя сношенія съ заграницею вызвали сильный наплывъ иностранцевъ всѣхъ націй и вѣроисповѣданій. Итальянцы занимались фабрикаціей макаронъ, галетъ, морскихъ сухарей и мраморныхъ надгробныхъ памятниковъ; французы изощрялись въ ресторанномъ

дѣлѣ; нѣмцы содержали колбасныя и кондитерскія; небогатые, чумазые турки держали кофейни и булочныя, поляки славились танцклассами и фотографіями, чехи и разные братушки продавали въ разносъ мышеловки и жестяныя издѣлія; цыганы торговали лошадьми, ихъ жены и дщери ходили въ лохмотьяхъ, гадали, ворожили и воровали, а сыны Израиля сидѣли за стойками кабаковъ и ссужали деньги подъ мелкія домашнія вещи. Болѣе зажиточные изъ евреевъ—Безчинскіе, Бродскіе, Вишневскіе, Собсовичи и Моисевы—фабриковали въ крупныхъ размѣрахъ отдававшія страшной сивухой водки всевозможныхъ двойныхъ и тройныхъ очистокъ, поступавшія въ продажу бочками и боченками подъ названіемъ уголевокъ, свѣтланъ, сладкихъ и т. д. Всѣ эти водки имѣли желтый цвѣтъ и обладали далеко слышнымъ сивушнымъ запахомъ. Чумака или обывателя, хватившаго стаканчикъ, можно было узнать по запаху за версту.

Греки, турки и итальянцы покрупнѣе организовали по всѣмъ городамъ побережья, а преимущественно въ Таганрогѣ, богатыя коммерческія конторы, которыя вели привозную и отпускную торговлю самостоятельно, или же состояли повѣренными заграничныхъ фирмъ. Русскихъ купцовъ было очень мало. Когда они являлись со своей запоздалой, по русскому обычаю, предпріимчивостью, то всѣ мѣста и рынки сбыта оказывались уже занятыми иностранными капиталистами, и конкуренція являлась не подъ силу. Русскіе купцы или становились во вторую шеренгу, или же поневолѣ попадали со своей коммерціей въ подчиненное, зависимое положеніе. О томъ, когда именно началось это «иностранное плѣненіе» мѣстной торговли, — преданіе умалчиваетъ и даже старожилы разсказывали о немъ такимъ тономъ, какъ будто заграничный человѣкъ былъ испоконъ вѣка хозяиномъ, а русскій только позднѣйшимъ гостемъ. Безъ знаменитаго турецко-подданнаго Мари, или Марка Аѳанасьевича Вальяно, представить себѣ экономическую жизнь Пріазовскаго края въ прошломъ XIX вѣкѣ было невозможно, а этому архимилліонеру во время судебнаго разбирательства извѣстнаго таганрогскаго таможеннаго дѣла въ 1885 году было 74 года. Оперировалъ же онъ въ краѣ и подчинялъ его своей капиталистической зависимости никакъ не менѣе полустолѣтія. Рядомъ и одновременно съ нимъ вели крупную торговлю русскимъ хлѣбомъ фирмы: Кондоянаки, Скараманга, Муссури, Саккелариди, Сфаэло, Лупи, Писани, Дарженто и другіе пришельцы. Изъ англичанъ я помню имя нѣкоего купца Гойланда, имѣвшаго свою главную контору, кажется, въ Лондонѣ и оперировавшаго въ Таганрогѣ и сосѣднихъ городахъ черезъ своего повѣреннаго Кубаша, игравшаго въ городѣ довольно видную роль, но къ концу таможенной эпопеи навострившаго лыжи: не желая фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ среди прочихъ собратій по провозу контрабанды и утайкѣ пошлинъ, онъ благоразумно бѣжалъ за границу.

Около этихъ крупныхъ финансовыхъ свѣтилъ вращалась, кормилась и наживалась плеяда Аргиропуловъ, Попандопуловъ, Куманисовъ, Кокотисовъ, Ликудисовъ, Діамандидисовъ, Куцуписовъ, Продромосовъ, Звороно и всякой греческой, турецкой и итальянской мелочи, которая считала для себя за честь числиться въ иностранномъ подданствѣ, но жить на русскія деньги и состоять торговыми повѣренными, маклерами, комиссіонерами и подручными крупныхъ фирмъ. Весь этотъ народъ, державшій въ своихъ рукахъ торговлю Пріазовья и имѣвшій филіальныя отдѣленія конторъ въ нѣсколькихъ городахъ, говорилъ по-русски скверно, корреспонденцію велъ на языкахъ иностранныхъ, а Мари Вальяно былъ даже вовсе не грамотенъ, не умѣлъ ни читать, ни писать ни на какомъ языкѣ и всѣ свои огромныя и сложныя операціи велъ до мелочей исключительно на память. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкомъ поистинѣ геніальнымъ.

Теперь этотъ Вальяно уже сошелъ со сцены и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ, переведя предварительно всѣ свои милліоны въ одинъ изъ англійскихъ банковъ, гдѣ они послѣ его смерти и были распредѣлены—не безъ препирательствъ впрочемъ—между его иностранными наслѣдниками. Точно такъ же поступилъ и милліонеръ Скараманга. Нажившись въ Пріазовьѣ, онъ перевелъ капиталы за границу и самъ уѣхалъ вслѣдъ за ними куда-то въ Грецію на покой. Благодарное таганрогское и ростовское купечество чествовало его передъ отъѣздомъ подписнымъ параднымъ обѣдомъ, со спичами и рѣчами. Въ рѣчахъ проливались слезы и изливались благодарности за то, что «почтенный негоціантъ содѣйствовалъ росту и оживленію края»... Эти навсегда ускользнувшіе для Россіи, но несомнѣнно русскіе милліоны были собраны иностранными купцами съ плодородныхъ южныхъ степей, облегающихъ съ трехъ сторонъ Азовское море. Въ нихъ, въ этихъ милліонахъ, выразились мощь и продуктивность этого нѣкогда богатѣйшаго края. И эту нашу силу и богатство, въ видѣ зернового хлѣба, муки, отрубей и жмыховъ, наши дѣды и отцы за безцѣнокъ отдали Западной Европѣ, не подозрѣвая, что они неразумно истощаютъ благодатную почву и ведутъ весь край къ кризису, похожему на банкротство. Недавно еще бывшая тучной земля нынѣ уже не родитъ безъ удобреній, а послѣднихъ взять негдѣ, потому что не хватаетъ скота. Обездоленные дѣти и внуки, видя, что съ поверхности почвы взять уже нечего, стали копать ее въ глубь и взялись за металлургическое дѣло. Но такъ какъ ни денегъ, ни знаній у нихъ не было, то они позаимствовали и то и другое за высокіе проценты въ Бельгіи и мало-по-малу передали и нѣдра земли и самихъ себя во власть наводнившихъ край бельгійцевъ. Но объ этомъ—ниже.

Мари Вальяно въ финансово-экономической исторіи края былъ лицомъ очень интереснымъ. Прошлое его туманно, загадочно и съ

точностью никому не извѣстно. О немъ ходятъ однѣ только легенды. Передаю одну изъ нихъ съ оговоркою, что я ее въ такой именно версіи неоднократно слышалъ отъ лицъ разныхъ сословій и положеній, но, конечно, не провѣрялъ, такъ какъ это было немыслимо.

Задолго до Крымской войны къ берегамъ Азовскаго моря у самаго Таганрога бурею прибило иностранное парусное судно съ грузомъ. На всемъ суднѣ оказался только одинъ-единственный босой и раздѣтый матросъ, не имѣвшій ни родового, ни благопріобрѣтеннаго. Остальные во время шторма погибли. Матросъ объявилъ себя хозяиномъ груза, владѣльцемъ судна и шкиперомъ его, но ни судовыхъ, ни грузовыхъ документовъ не представилъ, ссылаясь на то, что они погибли въ морѣ. По законамъ, судно и грузъ были проданы съ торговъ, и купилъ ихъ какими-то невѣдомыми, но въ тѣ времена очень возможными судьбами, тотъ же подозрительный, раздѣтый матросъ неизвѣстнаго происхожденія. Распродавъ грузъ, онъ сѣлъ на свой корабль, подобравъ новую команду, и уплылъ въ море. Команда подбиралась не охотно, такъ какъ явилось предположеніе, что предыдущая команда была отравлена и выброшена въ море. Подъ начало незнакомаго шкипера пошли одни только отчаянные сорви-головы. Черезъ нѣсколько времени судно опять явилось съ новымъ, разнороднымъ грузомъ и съ очень сомнительными документами. Хотя шкиперъ и не могъ доказать съ точностью происхожденія своего товара, но все же расторговался успѣшно и снова ушелъ въ море. Вслѣдъ за этимъ стали ходить слухи о появившихся въ морѣ пиратахъ и о торговлѣ живымъ человѣческимъ грузомъ, который какой-то таинственный шкиперъ поставлялъ изъ Россіи въ турецкіе гаремы. Этотъ шкиперъ будто бы и былъ не кто иной, какъ Вальяно, въ то же время занявшійся и водвореніемъ контрабанды. Во время крымской войны онъ же будто бы наводнилъ край фальшивыми кредитными билетами заграничнаго происхожденія. Къ этому времени у него уже была цѣлая флотилія собственныхъ парусныхъ судовъ.

Въ этомъ родѣ ходило, да и теперь еще ходитъ, много разсказовъ, и особенность послѣднихъ заключалась въ томъ, что въ правдивости ихъ нисколько не сомнѣвались ни разсказчики, ни слушатели, но доказать фактами ни тотъ, ни другой ничего не могли. Послѣ войны Вальяно быстро пошелъ въ гору, поселился въ Таганрогѣ, занялся экспортомъ хлѣба и импортомъ иностранныхъ товаровъ, раскинулъ сѣть своихъ конторъ по всему побережью и, покупая все на наличныя деньги и открывая другимъ широкій и даже, по-мѣстному, колоссальный кредитъ, очень быстро поставилъ край въ экономическую зависимость отъ своей особы. Не было почти ни одного помѣщика, ни одного купца и ни одного шкипера, которые не были бы ему должны. Даже мелкіе мѣщане и тѣ

были у него по уши въ долгу и нерѣдко расплачивались съ нимъ своими дочерьми, которыхъ онъ потомъ выдавалъ замужъ, снабжая отъ себя небольшимъ приданымъ. И такихъ «осчастливленныхъ» имъ особъ насчитывалось немало. Многія бѣдныя мѣщаночки продавались ему сами для того, чтобы, получивъ приданое, устроить себѣ семейный очагъ. Щедрая плата сбивала съ пути и молодыхъ замужнихъ женщинъ. Вальяно до глубокой старости оставался въ этомъ отношеніи вѣренъ самому себѣ и вызывалъ этимъ всеобщее къ себѣ отвращеніе. Слава о немъ шла въ обществѣ самая неприглядная. Когда возникла послѣдняя русско-турецкая война, общественное мнѣніе громко обвиняло Вальяно въ томъ, что онъ будто бы скупалъ въ Россіи лошадей и теплые полушубки и снабжалъ ими турецкую армію. Вообще о немъ говорилось много разныхъ непривлекательныхъ вещей, характеризовавшихъ его, какъ человѣка не особенно высокихъ нравственныхъ качествъ. Послѣднее впрочемъ было доказано его главенствующею ролью въ водвореніи контрабанды черезъ таганрогскую таможню. Онъ болѣе всѣхъ своихъ единомышленниковъ наказалъ казну. При оцѣнкѣ его личности характерно то, что при семидесяти милліонахъ состоянія онъ все-таки не считалъ предосудительнымъ обманывать и грабить казну обогатившаго его государства. Полученная имъ грѣшная прибыль не могла чувствительно увеличить его и безъ того колоссальнаго богатства, но ужъ такова была у него натура. Онъ былъ признанъ по суду виновнымъ и былъ приговоренъ къ уплатѣ утаенныхъ пошлинъ въ сильно увеличенномъ размѣрѣ. Во время судебнаго слѣдствія онъ былъ посаженъ въ острогъ, но вскорѣ былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ безъ затрудненій внесъ очень крупный залогъ въ обезпеченіе исковъ казны, но на скамьѣ подсудимыхъ въ харьковской судебной палатѣ онъ фигурировалъ, какъ самый крупный по суммѣ контрабандистъ.

Повѣреннымъ департамента таможенныхъ сборовъ былъ чиновникъ таганрогской таможни, нынѣ покойный Николай Степановичъ Уманскій — честнѣйшій человѣкъ и очень образованный юристъ. Родомъ онъ былъ таганрожецъ, настоящій баринъ по происхожденію и по привычкамъ и прекрасный семьянинъ. Онъ превосходно владѣлъ греческимъ языкомъ и былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ со всѣми мѣстными коммерсантами, въ томъ числѣ и съ Вальяно. Онъ зналъ всѣ тайныя пружины и всю подноготную таганрогскихъ хищеній.

Съ покойнымъ Уманскимъ я былъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Въ одинъ изъ своихъ послѣднихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, не задолго до кончины, онъ, вспоминая объ этомъ дѣлѣ, разсказалъ мнѣ между прочимъ эпизодъ, удачно характеризующій Вальяно.

— По распоряженію департамента, — повѣствовалъ онъ, — я, какъ его повѣренный, поѣхалъ къ Вальяно, получилъ съ него залогъ,

что-то около 200.000, выдалъ ему отъ себя временную расписку и уѣхалъ въ таганрогское казначейство сдавать эти деньги. Сдалъ, получилъ форменную расписку, положилъ ее въ бумажникъ и отправился домой обѣдать. Казна и ея интересъ этой распискою были обезпечены, дѣло свое я сдѣлалъ и былъ совершенно спокоенъ. Послѣ обѣда получаю телеграмму, вызывающую меня въ Харьковъ. Дѣло было нетерпящее, отъѣзда откладывать было нельзя,—я кое-какъ собрался, наскоро простился съ семьею, сѣлъ на извозчика и махнулъ прямо на вокзалъ, не заѣзжая къ Марку Аѳанасьевичу Вальяно. Пріѣхалъ я въ Харьковъ, остановился въ гостиницѣ. Было уже поздно, и я улегся спать. На утро, этакъ часовъ въ шесть, просыпаюсь отъ какого-то шороха въ номерѣ. Открылъ я глаза не сразу и сообразилъ, гдѣ я, тоже не сразу. Приподнялся и вижу: въ утреннемъ полумракѣ стоитъ у моей постели какая-то фигура и, наклонившись надо мною, тихо и осторожно шепчетъ:

— Дусецка, отдай деньги! Возьми себѣ немнозецко,—тисяць пять-шесть, а остальныя отдай... Такъ нельзя, дусецка, обизать.

Протираю глаза и самъ себѣ не вѣрю: передо мною — Марко Аѳанасьевичъ.

— Отдай, дусецка, деньги...

Я сразу, знаешь, не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и подумалъ, что это кошмаръ. Все-таки окликнулъ:

— Марко Аѳанасьевичъ, это вы?

— Я, дусецка, я... Цѣлую ноць за тобою слѣдомъ гнался... Ты взялъ деньги и уѣхалъ отъ мене; я показалъ твою расписку одному целовѣку, а онъ говорить, цто она ницево не стоитъ, и цто ти взялъ 200 тысяць и убѣзалъ отъ мене у Харковъ... Отдай, дусецка, возьми себѣ немнозко... Всѣ взять будетъ много...

Я даже сплюнулъ. Вижу—старикъ самъ не свой и на мертвеца похожъ... Принужденъ былъ встать съ постели, достать бумажникъ и показать ему расписку казначейства. Тогда онъ успокоился, повѣрилъ, что я не укралъ, и тотчасъ уѣхалъ въ Таганрогъ съ первымъ же поѣздомъ. Вечеромъ много смѣялись надъ этимъ въ клубѣ... А у меня весь день болѣла голова: не выспался, благодаря Вальяно.

Н. С. Уманскій пользовался такою прочною репутаціей неподкупнаго и идеально честнаго человѣка, что ему довѣрялись огромныя суммы на слово, безъ всякихъ расписокъ. Тѣмъ не менѣе онъ въ послѣдніе годы своей жизни сильно нуждался и, умирая, не оставилъ своей семьѣ ничего, кромѣ микроскопической пенсіи и добраго имени.

Въ повседневной жизни Вальяно былъ очень нетребователенъ, ѣлъ плохо, одѣвался скверно, жилъ грязно и былъ скупъ. Но жена его была еще скупѣе: послѣ уборки обѣденнаго стола она

обнюхивала ротъ у прислуги, желая узнать, не хлебнула ли она, убирая, вина изъ бутылки. Когда она умерла, то въ запертой кладовой, которой она завѣдывала и куда никого не впускала, нашли цѣлыя горы протухшей, смрадной провизіи и всевозможныхъ, уже попортившихся консервовъ. Вина и консервы обязаны были ей привозить изъ-за границы контрабандою шкипера принадлежавшихъ ея мужу судовъ. Это была своего рода обязательная дань.

Марко Аѳанасьевичъ велъ жизнь замкнутую. Ворота его огромнаго желтаго дома были вѣчно на запорѣ, и окна нижняго этажа затянуты рѣшетками, а верхняго—закрыты жалюзи. Онъ не бывалъ ни въ греческой церкви, гдѣ собиралась вся финансовая аристократія, ни въ театрѣ, ни въ городскомъ саду. Его изрѣдка можно было видѣть прогуливающимся по тротуару около собственнаго дома съ оттопыренными назадъ локтями и просунутою сквозь нихъ за спиною палкою. Одни говорили, что онъ по самой натурѣ своей не любилъ людныхъ и публичныхъ мѣстъ, другіе же утверждали, что онъ боялся уходить далеко отъ дома, опасаясь мести мужей «осчастливленныхъ» имъ женъ. Я, будучи еще гимназистомъ, встрѣчалъ его неоднократно на этихъ одинокихъ прогулкахъ и, каюсь, испытывалъ сильнѣйшее мальчишеское побужденіе выхватить у него изъ-за спины палку и перетянуть его ею же, какъ можно сильнѣе. Выраженіе лица его казалось мнѣ всегда чувственно-отвратительнымъ...

Несмотря на все это и на плохую нравственную репутацію, Маркъ Вальяно считался все-таки благодѣтелемъ края и въ частности—благодѣтелемъ таганрожцевъ. Драгиля и мѣщане, жившіе нагрузкой и разгрузкой судовъ, говорили, что если бы не Марко Аѳанасьевичъ, то они давно «подохли бы» отъ голода и отъ безработицы... Вальяно никогда не протестовалъ просроченныхъ векселей; не судился съ должниками и не сажалъ ихъ въ долговую яму и за это его почитали добрымъ и сострадательнымъ человѣкомъ, хотя и сознавали, что достаточно этому богачу произнести одно слово, и любой купецъ за одну только навигацію окажется разореннымъ до тла, а драгиль-мѣщанинъ останется безъ куска хлѣба. Такіе примѣры, какъ говорятъ, и бывали въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвратительная слабость къ женщинамъ встрѣчала добродѣтельный отпоръ... Я же лично, какъ повѣствователь, не беру на себя смѣлости ни утверждать, ни отрицать этого. Я слышалъ много разсказовъ на эту тему, но былъ тогда еще слишкомъ юнъ для того, чтобы произвести имъ справедливую оцѣнку и провѣрку. Помню, что, слушая подобные разсказы, я страдалъ душею за угнетенныхъ, бѣшено сжималъ кулаки, неистово теребилъ пуговицы своего гимназическаго мундира и подговаривалъ товарищей по классу поколотить «гадкаго старикашку»,

хотя бы за это грозило даже исключеніе изъ гимназіи. Само собою разумѣется, что эти благородные рыцарскіе замыслы быстро остывали и никогда не приводились въ исполненіе. Страдали только однѣ ни въ чемъ неповинныя пуговицы мундира...

Большинство перечисленныхъ выше грековъ были выходцами не изъ самой Греціи, а съ плеяды окружающихъ ее острововъ—Кефалоніи, Родоса, Корфу, Занте, Сантурина и т. д. Настоящихъ аѳинянъ и спартанцевъ между ними не было ни въ древнемъ, ни въ современномъ смыслѣ слова. Теперешніе греки—какъ это ни обидно для ихъ національнаго самолюбія—вовсе не похожи ни по доблестямъ, ни по инымъ качествамъ на своихъ древнихъ предковъ и Ѳермопильскаго ущелья теперь навѣрное не защищали бы. Теперешній ихъ лозунгъ—торговля и нажива. Я сужу, конечно, по тѣмъ представителямъ островной Эллады, которые эмигрировали въ Россію и занимались и занимаются коммерціей. Представляли ли они собою избытокъ населенія, которому на родинѣ тѣсно, или же сама родина сдѣлала пребываніе всѣхъ этихъ Эпаминондовъ, Аристидовъ, Ѳемистокловъ и Мильтіадовъ на своемъ лонѣ не удобнымъ,—рѣшать не берусь.

Воспитанные на родинѣ на маслинахъ, деревянномъ маслѣ, орѣхахъ, изюмѣ и сантуринскомъ винѣ, они испоконъ вѣка пропагандировали эти продукты и въ Россіи, являясь на Азовскомъ побережьѣ посредниками между своими соотчичами—производителями и русскими рынками—потребителями. Не знаю, какъ было прежде, при гужевой транспортировкѣ, но за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія, когда на Таганрогъ и Ростовъ прошли желѣзныя дороги,—заграничные фундуки (орѣхи), лимоны, апельсины, винныя ягоды, рожки и оливковыя масла перегружаются съ греческихъ и турецкихъ судовъ почти прямо въ вагоны и направляются безъ замедленій въ Москву и Нижній. Особенно велика бываетъ такая отправка во время Макарьевской ярмарки. Кратковременная задержка полагается только для совершенія таможенныхъ обрядностей. Таможня этихъ товаровъ долго не задерживаетъ. Греческія сантуринскія вина тоже по большей части направляются въ Москву, гдѣ мѣстные фабриканты приготовляютъ изъ нихъ «настоящія натуральныя» вина. Много сантуринскаго потребляется и на югѣ Россіи. Къ нему привыкли здѣсь и пьютъ его охотно, но настоящіе знатоки не одобрили бы его, благодаря довольно высокому проценту заключающагося въ немъ спирта, прилитаго на мѣстѣ приготовленія на какомъ нибудь островѣ Родосѣ или Хіосѣ. Безъ этой прибавки алкоголя вино въ естественномъ его видѣ не выдержало бы перевозки и превратилось бы во время пути въ уксусъ.

Прибывающіе изъ-за границы товары складываются тутъ же въ гавани въ пакгаузахъ или такъ называемыхъ «магазахъ», гдѣ и подвергаются таможенному досмотру. Но на этихъ, не лишен-

ныхъ интереса магазахъ и товарахъ я остановлюсь позже, когда дойду до описанія старой таможни. Теперь же позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о доморощенной переработкѣ заграничныхъ винъ.

Я уже упомянулъ ранѣе, что покойный отецъ мой торговалъ въ Таганрогѣ бакалеей и винами. Бакалея помѣщалась въ лавкѣ, а вина—подъ лавкою, въ глубокомъ подвалѣ, по-мѣстному—въ погребѣ. Почва на бо̀льшей части Азовскаго побережья—плотная, глинистая, подземныя воды залегаютъ глубоко, а потому и подвалы можно было копать насколько угодно глубокіе. Въ нихъ обыкновенно температура держится круглый годъ почти одна и та же—умѣренно-прохладная и для храненія винъ очень удобная. Погребъ соединялся съ лавкою внутренней лѣстницей и имѣлъ, кромѣ того, широкіе выходы для вкатыванія бочекъ. Потолокъ въ немъ былъ каменный, сводчатый, съ крохотными наверху оконцами, благодаря чему не было недостатка въ полутьмѣ и затхлости воздуха. Таковы въ общихъ чертахъ подвалы на всемъ югѣ Россіи. Ихъ типъ выработался въ отдаленныя времена и сохранился и до сихъ поръ. Они почему-то называются также «выходами».

Въ погребѣ покойнаго отца вдоль стѣнъ на бревнахъ, въ полуаршинъ отъ земли, стояли огромныя бочки съ винами. На этихъ бочкахъ помѣщались боченки поменьше, такъ что получалось два яруса. Въ каждую бочку внизу былъ вбитъ деревянный кранъ. Тутъ же хранились и боченки съ водкой съ ввинченными въ днища ихъ мѣдными кранами. Одна изъ стѣнъ была занята полками, на которыхъ годами хранились влёжку вина, уже разлитыя въ бутылки. На бочкахъ мѣломъ были начертаны надписи: «Сантуринское № 00», «Бордо», «Смирнское», «Висантъ», «Бакшацкое», «Цимлянское» и проч. Инвентарь погреба состоялъ изъ лоханочекъ, подставленныхъ подъ краны, «коновокъ», т.-е. своеобразныхъ деревянныхъ посудинъ для переноски вина, изъ жестяныхъ насосовъ для перекачиванія, изъ «ливеровъ» для высасыванія вина изъ бочекъ ртомъ и изъ цѣлаго ряда мѣръ—мѣдныхъ, вылуженныхъ квартъ, полуквартъ, четвертокъ и осьмушекъ или шкаликовъ. Тутъ же на подставкѣ стояли и ряды стакановъ и стаканчиковъ для раздробительной продажи.

Само собою разумѣется, что «бордо» никогда не видѣло Франціи, а различные лафиты и «мускатъ-люнели» получались съ береговъ Тихаго Дона. Рѣдкое изъ этихъ винъ можно было употреблять въ его натуральномъ видѣ: они были или кислы или терпки или же добросовѣстно сдобрены еще въ Греціи спиртомъ. Задача купца заключалась въ томъ, чтобы, отмѣривая изъ разныхъ бочекъ разныя порціи, получить такія смѣси, которыя были бы и ароматны, и вкусны. Покойный отецъ періодически спускался вмѣстѣ со старшимъ приказчикомъ въ погребъ и торжественно приступалъ къ

священнодѣйствію. Въ блѣдно-розовое сантуринское вливалось черное бакшацкое или бордо, прибавлялось немного густого, сладкаго висанта (церковное вино), подпускалось для вкуса и аромата какое нибудь бѣленькое донское, и въ результатѣ получался новый сортъ вина, поступавшій въ продажу подъ какимъ нибудь опредѣленнымъ названіемъ. Такъ какъ комбинированіе смѣсей можно было варьировать до безконечности, то и сортовъ вина получалось многое множество. Каждый купецъ руководствовался при этомъ исключительно только собственнымъ вкусомъ: если у него языкъ былъ деревянный, то и вина его выходили плохи. Въ разныхъ погребахъ мадеры, лафиты и мускатъ-люнели получались разные. Но все это были настоящія виноградныя вина безъ какихъ бы то ни было вредныхъ примѣсей и красокъ. Салицилки, разныхъ эссенцій и анилиновъ тогда еще не знали, и потребитель былъ вполнѣ гарантированъ отъ отравленія аптекарскими снадобьями. Фальсификація, въ родѣ кашинской мадеры и борисоглѣбскаго хереса, появилась уже много лѣтъ позднѣе. Въ составъ кашинской мадеры входятъ, какъ извѣстно, настой чая, пережженный сахаръ, водка или спиртъ и только полрюмки настоящей мадеры; въ лафитахъ содержится уйма фуксина, а въ бѣлыхъ винахъ—пикриновая кислота для цвѣта и салициловая кислота для предупрежденія порчи. Ничего подобнаго при фабрикаціи винъ торговцами прежняго времени не было. Я даже помню, что покойный отецъ твердо вѣровалъ въ то, что если въ настоящее вино попадетъ хоть капля водки, то оно превращается въ отраву. Даже невинная примѣсь сахара не допускалась и преслѣдовалась.

Все только-что разсказанное о приготовленіи винъ покойнымъ отцомъ практиковалось по одному и тому же шаблону въ погребахъ всѣхъ городовъ побережья. Фабрикація велась на чистоту, и купецъ, желавшій соблазнить покупателя, чистосердечно и простодушно говорилъ ему:

— Этого вина я вамъ не отпущу: оно вамъ не понравится; а вотъ, если хотите, то я вамъ приготовлю. Будетъ такое винцо, что скажете спасибо...

Покупатель соглашался, а иногда даже прибавлялъ и свое кое-что, въ родѣ:

— Хорошо; приготовьте, только, чтобы было этакъ послаще, и чтобы легонькая терпкость была...

Вино фабриковалось, и обѣ стороны оставались довольны. Для свадебъ, крестинъ и иныхъ семейныхъ торжествъ изготовлялись «спеціальныя» вина, примѣнительно ко вкусамъ: отца протоіерея, кума, посаженнаго отца и т. д. О. протоіерей любилъ, напримѣръ, «кисленькое», а кумъ—покрѣпче. Этикетки на бутылкахъ были одинаковыя, а вина—разныя, но хозяинъ зналъ, какую бутылку передъ какимъ гостемъ поставить... Ни о нашихъ новѣйшихъ «ко-

ричкахъ, гвоздичкахъ и букетахъ» не было и помину. Являясь къ торговцу, покупатель излагалъ туманно, многословно и неопредѣленно вкусъ требуемаго вина. Торговецъ выслушивалъ его, комбинировалъ въ умѣ и рѣшалъ:

— Въ такомъ случаѣ мы возьмемъ сантуринскаго, подпустимъ висанту и чуточку цымлянскаго и донского, а для цвѣта подбавимъ бордо-съ.

Теперь подобныя простодушныя отношенія уже отошли въ область преданій, уступивъ мѣсто вредной и грубой фальсификаціи.

Операцію приготовленія винъ покойный отецъ всегда производилъ въ предобѣденное время и, по возможности, натощакъ, чтобы «пробовать на языкъ», еще не притупленный ѣдою. Пробованіе производилось изъ маленькаго стаканчика по каплямъ, съ причмокиваніями, чавканіями, споласкиваніями неба и десенъ и всяческими движеніями языка и губъ. Проба не проглатывалась, а обязательно сплевывалась. Присутствуя въ дѣтствѣ неоднократно при этихъ священнодѣйствіяхъ, я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ и въ глубинѣ души вѣрилъ въ тонкость и изощренность человѣческаго вкуса, но теперь, грѣшный человѣкъ, я думаю, что это былъ просто самообманъ. Я не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ, смакующій въ теченіе часа или двухъ десятки сортовъ разныхъ смѣсей, могъ давать себѣ ясный отчетъ о томъ, что у него на языкѣ. Извѣстно изъ физіологіи, что человѣческій вкусъ притупляется быстро. Но тогда люди вѣрили, да и теперь еще вѣрятъ. Существуетъ даже особая профессія купоровъ, оцѣнивающая для торговцевъ вина... По этому поводу, мнѣ кажется, можно сказать только одно: блаженъ, кто вѣруетъ... Но какъ бы тамъ ни было, а день фабрикаціи вина не проходилъ для моего отца безслѣдно: пробывъ часа два въ спиртуозной атмосферѣ погреба и внеся въ ротъ двадцать или тридцать пробъ, буквально по капелькамъ, онъ выходилъ оттуда, пошатываясь и съ ясными признаками одуренія въ глазахъ. Меня всякій разъ поражала эта особенность потому, что отецъ въ общежитіи пилъ и водку и вино, и картина охмѣлѣнія получалась совершенно иная.

Въ этомъ же погребѣ производилась и очистка. Если вино въ какой нибудь бочкѣ начинало мутиться и обнаруживало слѣды явнаго броженія, то отецъ бралъ извѣстное количество чистаго рыбьяго клея, расщепивъ его на мелкіе кусочки, варилъ въ винѣ въ большой кастрюлѣ на плитѣ и выливалъ въ горячемъ видѣ въ подозрительную бочку. Муть соединялась съ клеемъ и осѣдала на дно, и вино освѣтлялось, нисколько не теряя своего вкуса и качествъ. Не полныя бочки дезинфецировались сѣрою. Въ открытую втулку опускалась покрытая сѣрою и зажженная бумажка. Когда пространство между виномъ и стѣнками бочки заполнялось парами сѣрнистой кислоты, втулка заколачивалась наглухо. Сѣрнистая кислота

играла роль дезинфектора и убивала микроорганизмы. Такимъ же способомъ окуривался и самый погребъ. Для этого на серединѣ пола, при закрытыхъ, конечно, дверяхъ, сжигался кусокъ сѣры.

Водка также подвергалась очисткѣ. Тогда еще не были извѣстны нынѣшніе усовершенствованные способы удаленія сивушныхъ маслъ, и операція велась примитивно не столько для очистки самой водки, сколько для очистки совѣсти. Доставленная изъ еврейскаго склада водка подвергалась строгой экспертизѣ. Прежде всего она должна была обладать строго опредѣленной крѣпостью, за которою внимательно слѣдилъ акцизъ. Для того, чтобы лишить розничнаго торговца возможности разбавлять ее водою, тогдашній акцизъ придумалъ такую мѣру: оптовикъ, отпуская водку, нацѣживалъ изъ проданнаго боченка нѣкоторое количество ея въ шкаликъ и запечатывалъ пробки и въ боченкѣ, и въ шкаликѣ своей именной печатью. Акцизные контролеры, обходя отъ времени до времени мѣста розничной продажи питій, измѣряли крѣпость и въ боченкѣ, и въ шкаликѣ, и если получалась разность въ градусахъ, то это значило, что розничный торговецъ сфальшивилъ и подлилъ въ боченокъ воды. Торговца тащили на цугундеръ и подвергали штрафу. Но черезъ нѣкоторое время въ средѣ розничныхъ торговцевъ поднялся вопль: никто изъ нихъ не фальшивилъ, печати цѣлы-цѣлехоньки, а въ боченкахъ меньше градусовъ, чѣмъ въ шкаликахъ. Акцизъ тоже сталъ втупикъ. Начались изслѣдованія и изысканія. Акцизные при себѣ приказывали торговцамъ посылать на склады за водкою; отправляли при сей оказіи «вѣрныхъ свидѣтелей» и терпѣливо дожидались возвращенія боченка. Привезенная водка тотчасъ же измѣрялась по Траллесу—и разница все-таки получалась въ пользу шкалика. Обѣ стороны только руками разводили и недоумѣвали. Но ларчикъ, какъ оказалось потомъ, открывался очень просто. Боченокъ контролировалъ розничнаго торговца, а шкаликъ—оптовика. Поэтому сыны Израиля додумались до очень простой и даже остроумной вещи: передъ тѣмъ, какъ налить изъ боченка контрольную порцію, они, якобы для чистоты, собственноручно, на глазахъ у покупателя, ополаскивали шкаликъ, но ополаскивали не водою, какъ казалось со стороны, а чистымъ спиртомъ, который, прилипая къ стѣнкамъ сосуда, увеличивалъ крѣпость контрольной порціи. Довѣрчивымъ торговцамъ и въ голову не приходила такая «махинація», а когда акцизъ сталъ допрашивать оптовиковъ, зачѣмъ они прибѣгаютъ къ такой явно незаконной продѣлкѣ, то они въ одинъ голосъ отвѣтили:

— А чтобъ не выдыхалось...

Если доставленная изъ склада водка послѣ вкусовой экспертизы (обыкновенно въ компаніи для вящшаго контроля) оказывалась не вполнѣ удовлетворительной, то отецъ въ своемъ погребѣ подвергалъ ее «дистиллировкѣ», пропуская сквозь войлочный фильтръ

или же через фильтръ изъ древеснаго угля. При этой работѣ вонь сивухой разносилась чуть ли не на цѣлый кварталъ, но водка все-таки получалась скверная, съ привкусомъ и «съ гарью»; называлась же она послѣ такой обработки «уголевкой первый сортъ двойной очистки». Теперешніе потребители не похвалили бы такой водки, но старожилы чуть не плачутъ по ней и сдабриваютъ нынѣшнюю монопольную различными горькими травами въ родѣ полыни и деревея. Строгости по части распитія тогда еще не было, и водку можно было пить на улицахъ, на базарахъ и въ харчевняхъ. Лавки, трактиры, рестораны и клубы должны были, кромѣ патента, имѣть еще и «распивочное свидѣтельство».

Къ табаку относились одно время гораздо строже, чѣмъ къ водкѣ. Во всякой лавкѣ, ресторанахъ, харчевняхъ и клубахъ должны были висѣть на видныхъ мѣстахъ «раскурочныя» свидѣтельства; безъ нихъ въ этихъ помѣщеніяхъ курить не разрѣшалось. Безбандерольная продажа табаку преслѣдовалась строго и неумолимо. Одинъ только грубый и удушливый тютюнъ былъ свободенъ отъ акциза и продавался въ открытыхъ рогожаныхъ куляхъ безъ всякихъ бандеролей. Хорошія хозяйки перекладывали этимъ тютюномъ на лѣто мѣховыя вещи отъ моли, а чумаки набивали имъ свои кисеты и курили въ люлькахъ. Записные курильщики-старожилы, захлебываясь, разсказывали о томъ золотомъ времени, когда табакъ еще не былъ обложенъ акцизомъ. Тогда онъ продавался во всѣхъ лавкахъ и на базарахъ, тонко нарѣзанный и изящно уложенный волокнистой и путанной крошкой въ открытыхъ ящикахъ. Покупатель приходилъ, свертывалъ нѣсколько папиросъ изъ разныхъ сортовъ, выкуривалъ ихъ для пробы и тогда уже останавливался на какомъ нибудь одномъ сортѣ и покупалъ его на вѣсъ, какъ теперь покупаютъ крупу или макароны... Табакъ тогда былъ дешевъ. Впрочемъ въ первые годы акциза онъ тоже былъ не дорогъ. Оффиціально было установлено три сорта: третій сортъ стоилъ 40 копеекъ за фунтъ, второй—восемьдесятъ и первый начинался отъ 1 рубля 20 копеекъ и шелъ выше. Двухрублевый считался роскошью и не уступалъ теперешнимъ табакамъ въ 7 и 10 рублей за фунтъ. Въ большомъ ходу была укупорка въ осьмушкахъ, цѣликомъ входившихъ въ кисеты и тогдашніе, нынѣ уже исчезнувшіе «портъ-табаки». Но «то было раннею весной» моей тогда еще только распускавшейся сознательной жизни, когда за куреніе меня въ гимназіи оставляли безъ обѣда, а дома подвергали тѣлесному наказанію...

Табачная контрабанда все-таки процвѣтала. Табачныхъ фабрикъ въ каждомъ городѣ было по нѣскольку, и рѣдкая изъ нихъ не доставляла акцизному надзору хлопотъ, отпуская «по знакомству» необандероленный табакъ въ укупоркѣ, напоминавшей укупорку чая. Я самъ не разъ грѣшилъ въ этомъ отношеніи противъ

акциза и за всю мою юношескую пору нанесъ казнѣ убытка не менѣе, какъ рубля на два. Но тутъ была погоня не за экономіей, а за особымъ наслажденіемъ покурить именно контрабанды. Все же я не могу считать себя великимъ грѣшникомъ: окрестные помѣщики закупали въ городѣ для собственнаго обихода табакъ пудами и бандеролей никакихъ не признавали. Безбандерольная торговля особенно интенсивно процвѣтала въ Ростовѣ-на-Дону.

II.

Жизнь каждаго отдѣльнаго города носила свой особый характеръ. Ейскъ, совершенно лишенный гавани, влачилъ довольно безцвѣтное существованіе; Маріуполь, населенный джалдосами, торговалъ вяло и велъ будничную жизнь, но Ростовъ и Таганрогъ по временамъ проявляли довольно кипучую дѣятельность. Это были два врага, два антагониста, старавшіеся перещеголять другъ друга на разныхъ мелочахъ. Соперничество вызывалось, во-первыхъ, коммерческою конкурренцію, а, во-вторыхъ,—племеннымъ различіемъ населенія. Въ Ростовѣ преобладалъ и давалъ тонъ жизни русскій элементъ, а въ Таганрогѣ финансовую аристократію составляли иностранцы—по преимуществу греки и итальянцы. Здѣсь камертонъ общественной жизни держали они. И нужно имъ отдать справедливость, эстетическіе вкусы у нихъ были развиты довольно высоко, и одно время Таганрогъ сильно смахивалъ на любой европейскій городъ. Благодаря иностранцамъ, въ городскомъ саду лѣтомъ каждый вечеръ до полуночи игралъ великолѣпнѣйшій оркестръ, исполнявшій Бетховена, Гайдна, Моцарта и другихъ корифеевъ. Вальсы и польки не допускались. Аристократія являлась въ садъ въ изысканныхъ туалетахъ и служила законодательницею модъ для людей средняго достатка. Таганрогскія дамы старались копировать костюмы гречанокъ и итальянокъ, выписанные изъ-за границы. Благодаря тѣмъ же грекамъ, Таганрогъ славился по всему побережью своею итальянской оперой. Страстные любители музыки, греки не могли жить безъ оперы и щедро платили разнымъ импрессаріо за приглашеніе талантливыхъ и голосистыхъ примадоннъ. Въ Ростовѣ ставился «Левъ Гурычъ Синичкинъ» или «Жилецъ съ тромбономъ», а въ Таганрогѣ шли «Травіата», «Трубадуръ», «Фенелла» и «Разрушеніе Помпеи». Ростовъ поучалъ со сцены низшіе слои населенія, а таганрогскій театръ услаждалъ аристократію серьезной музыкой и развивалъ эстетическіе вкусы. Ростовскіе обыватели за работою пѣли: «Гдѣ ты, милый, скрылся, гдѣ тебя сыскать?— На гавань свалился чувалы (мѣшки съ хлѣбомъ) таскать», а въ Таганрогѣ горничныя и кухарки напѣвали аріи изъ оперъ.

Выдающихся примадоннъ бывало обыкновенно по двѣ, и таганрогская публика раздѣлялась на два лагеря. Помню, одно время

подвизались двѣ чистокровныя итальянки-примадонны: синьора Зангери и синьора Белати. Публика немедленно раздѣлилась на зангеристовъ и белатистовъ. Одни носили красные, а другіе—синіе шарфы. Дамы тоже не уступали своимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ и украшали свои туалеты красными или синими бантиками. Случалось, что въ одной и той же семьѣ были и зангеристы и белатисты, и тогда нерѣдко на почвѣ эстетическихъ разногласій возникали и разногласія болѣе серьезныя. Благодаря иностранцамъ же, въ городѣ на акціонерныхъ началахъ былъ выстроенъ на главной улицѣ прекрасный и помѣстительный театръ, только въ самое послѣднее время уступившій свое первенство въ краѣ одесскому театру. Городъ потомъ выкупилъ это сооруженіе и пользуется имъ и до сихъ поръ. Но итальянской оперы въ немъ давно уже нѣтъ. Греки-сыновья охладѣли къ музыкальнымъ затѣямъ своихъ отцовъ, забрасывавшихъ любимыхъ примадоннъ цвѣтами, стихотвореніями на итальянскомъ языкѣ и цвѣтными билетиками съ надписью: «Bravo!»

Таганрогскій городской садъ, расположенный тоже на главной улицѣ, былъ въ давнее время въ большой славѣ и служилъ единственнымъ мѣстомъ отдохновенія для горожанъ. Въ немъ было много тѣни, были бесѣдки и ротонды и была круглая аллея, по которой подъ звуки музыки кружилась фешенебельная публика, взметавшая длинными шлейфами цѣлыя облака мелкаго песку и пыли. Но на это не жаловались. На этомъ кругу возникали, расцвѣтали и увядали каждое лѣто тысячи романовъ. Здѣсь мы, гимназисты и гимназистки, впервые испытывали уколы стрѣлъ шаловливаго амура и жестоко влюблялись, предавая забвенію и науку и ненавистные учебники. Это я знаю по себѣ. У меня и до сихъ поръ еще сохранились таблички съ моими гимназическими отмѣтками. Въ этихъ табличкахъ стоитъ гораздо болѣе двоекъ, нежели троекъ; есть даже и единица по алгебрѣ. Эти отмѣтки были получены мною какъ разъ въ то время, когда я впервые восчувствовалъ и узналъ, что такое «пламенная любовь». Я жестоко и безнадежно страдалъ, жаждалъ подвиговъ и—получалъ единицы... Товарищи мои поступали точно такъ же. И всему виною были: городской садъ, прекрасная музыка, чарующія южныя ночи, раздражающій нервы воздухъ и... возрастъ... бываетъ такой возрастъ, когда въ голову ни за что не полѣзутъ ни Цицеронъ, ни Саллюстій, ни квадратъ суммы двухъ количествъ.

Этотъ кругъ обязанъ своимъ происхожденіемъ покойному наслѣднику Николаю Александровичу. Онъ посѣтилъ Таганрогъ проѣздомъ, кажется, къ казакамъ въ Новочеркасскъ. Для его пріема въ саду была расчищена круглая аллея и выстроена подлѣ нея замѣчательно милая въ архитектурномъ отношеніи деревянная ажурная бесѣдка. Въ ней наслѣдникъ принялъ отъ города трапезу.

Позднѣе эта бесѣдка заросла дикимъ виноградомъ и стала еще прелестнѣе. Но таганрожцы—плохіе мастера хранить историческіе памятники. Ротонда не ремонтировалась, понемножку разрушалась и одно время грозила даже полнымъ разрушеніемъ—кажется, въ 80-хъ годахъ. Что съ нею сталось потомъ, и въ какомъ положеніи она теперь,—не знаю. Я знаю, напримѣръ, что таганрожцы не уберегли тѣхъ трехъ деревьевъ, подъ которыми позади городского сада любилъ сидѣть въ полномъ уединеніи на каменной скамьѣ императоръ Александръ I. Даже самая скамья куда-то исчезла безъ слѣда...

Когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ садъ—какимъ изъ цѣлой плеяды смѣнявшихся начальствующихъ лицъ,—я, къ сожалѣнію, не знаю; но прямыя аллеи показываютъ, что это—не роща, а насажденный рукою человѣка садъ. Въ немъ, напримѣръ, есть длинная «гимназическая» аллея, состоящая изъ однихъ тутовыхъ деревьевъ, ясно указывающая на попытки завести шелководство. Должно быть, это было давно, потому что старожилы о шелководствѣ въ своихъ разсказахъ ничего не упоминали. «Гимназическою» же аллея называлась потому, что на ней происходили ожесточенные и даже кровопролитные бои между гимназистами и уѣздниками, т.-е. учениками уѣзднаго училища. Гимназія помѣщается недалеко отъ сада, и мы, бывало, успѣвали на большой перемѣнѣ, между латинскимъ extemporale и греческой диктовкой сбѣгать въ садъ, подраться съ нашими врагами и вернуться опять въ классъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Немало носовъ было разбито на этой аллеѣ, и, я думаю, немало моихъ однокашниковъ вспоминаютъ теперь объ этихъ сраженіяхъ... Но бывали походы въ эту же аллею совсѣмъ съ иною цѣлью. Когда на тутовыхъ деревьяхъ (шелковицахъ) поспѣвали сладкія бѣлыя и черныя ягоды, то гимназисты цѣлыми полками совершали нашествіе на эту часть сада и облѣпляли своими тѣлами всѣ вѣтви деревьевъ. Садовые сторожа, конечно, приходили въ неистовство, изрыгали на наши головы всяческія, не особенно приличныя по формѣ хулы и всѣми способами и мѣрами протестовали. Но такъ какъ численный перевѣсъ бывалъ всегда на нашей сторонѣ, то они благоразумно и своевременно ретировались...

Но громкая слава таганрогскаго сада продержалась недолго. Ее убилъ сначала Ростовъ, а потомъ добили и сами отцы города. Ростовцы, у которыхъ садъ былъ меньше и къ тому же перерѣзывался глубокимъ оврагомъ, проведя въ городъ воду изъ богатаго источника, устроили въ своемъ саду фонтанъ и пустили въ его резервуаръ золотыхъ рыбокъ... Это было страшною обидою для Таганрога. Чтобы отомстить Ростову, отцы города вырубили въ самомъ лучшемъ мѣстѣ сада самыя лучшія деревья и соорудили на образовавшейся плѣши неуклюжее и безобразное лѣтнее зданіе

для клуба. Городской садъ утратилъ свою прежнюю прелесть, а вмѣстѣ съ нею разсѣялась, какъ дымъ, и его слава...

Кромѣ наслѣдника Николая Александровича, этимъ садомъ любовался также и покойный великій князь Константинъ Николаевичъ, но о его пребываніи не осталось ровно никакихъ воспоминаній, и едва ли даже кто изъ теперешнихъ таганрожцевъ знаетъ объ этомъ посѣщеніи. Это впрочемъ—къ слову...

Садъ былъ доступенъ не одной только аристократіи: въ него могъ входить всякій, за исключеніемъ только пьяныхъ и безобразно одѣтыхъ людей. Дежурившая у воротъ полиція не впускала нищихъ, вымазанныхъ грязью и дегтемъ чумаковъ, шарманщиковъ, оборванныхъ цыганъ, водителей обезьянъ и т. п. Но и для этихъ лицъ входъ былъ вполнѣ доступенъ днемъ, когда аллеи были пусты. Дѣлалось это въ интересахъ благочинія. Но въ позднѣйшее время за входъ, по распоряженію городской управы, стали взимать плату—и огромное количество обывателей лишилось возможности пользоваться послѣ дневного труда отдыхомъ на свѣжемъ воздухѣ среди зелени. Начавъ взимать съ обывателей плату за пользованіе ихъ же собственностью, управа, однако, ровно ничего не сдѣлала въ смыслѣ предоставленія публикѣ удобствъ. Послѣднее обстоятельство, само по себѣ не важное и даже болѣе, чѣмъ мелочное, не заслуживало бы вовсе упоминанія, если бы оно не служило очень рельефнымъ указателемъ оскудѣнія городской кассы. По общему закону, городамъ свойственно съ теченіемъ времени развиваться и прогрессировать,—Таганрогъ же уже третій десятокъ лѣтъ идетъ назадъ, и благосостояніе его обитателей не возрастаетъ, а идетъ на убыль. Одно время обвиняли въ этомъ желѣзную дорогу, перетянувшую будто бы хлѣбную торговлю въ другіе города; но едва ли это справедливо. Вѣрнѣе было бы искать причину оскудѣнія въ истощеніи выпаханной почвы ближайшихъ степей. Земля, какъ я уже упомянулъ, болѣе не родитъ безъ удобренія, а удобренія взять негдѣ. Привозъ хлѣба въ Таганрогъ за послѣднія сорокъ лѣтъ сильно сократился!

Въ былыя времена весь городъ былъ усѣянъ хлѣбными амбарами, въ которые сваливался привозимый на продажу чумаками хлѣбъ. Мытарства, которыя приходилось претерпѣвать зерну, такъ характерны, что я позволю себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе, чтобы показать, сколько людей кормилось около одного зерна, пока оно докатывалось съ чумацкаго воза до трюма заграничнаго парохода или паруснаго судна.

Теплый лѣтній вечеръ. Въ воздухѣ хорошо и тихо. Отца нѣтъ дома; вмѣсто него, въ качествѣ недремлющаго хозяйскаго ока, сижу и торгую въ бакалейной лавкѣ я. Приказчики продаютъ, а я получаю деньги и даю сдачу. На мнѣ — гимназическій мундиръ, но это дѣлу не мѣшаетъ. Въ нашей семьѣ господствовалъ взглядъ,

что ученье—ученьемъ, гимназія—гимназіей, а дѣти все-таки должны помогать отцу. Возраженій не допускалось. Я сижу за прилавкомъ и лѣниво и устало слѣжу за торговлей. Сегодня повторяется то же самое, что было и вчера: отставной солдатъ Миронычъ купилъ на ужинъ большую селедку-астраханку; дѣвочка отъ Дракопуло взяла пару сальныхъ свѣчей и кусокъ мыла, потому что у нихъ завтра стирка; отъ учителя музыки прислали за фунтомъ стеариновыхъ свѣчей и попросили записать въ долгъ; старый еврей Шапирка пришелъ выпить на ночь свой обычный стаканчикъ сантуринскаго; таможенный чиновникъ купилъ двѣ колоды картъ... Все это старо, скучно и давно уже надоѣло...

Но вотъ приходитъ молодой Номикосъ, сынъ хлѣбнаго «маклера» Номикоса, съ пустой четвертной кубышкой и требуетъ четверть ведра сантуринскаго вина на наличныя деньги. Его появленіе нѣсколько оживляетъ меня. Номикосы—люди не богатые и если покупаютъ столько вина, то значитъ, навѣрное замышляютъ что нибудь. Пока приказчикъ возится въ погребѣ съ четвертной бутылью, Номикосъ заявляетъ мнѣ:

— Завтра рано утромъ отправляемся на выѣздъ... Рано-рано поѣдемъ: часовъ въ пять... Далеко поѣдемъ, верстъ за десять...

При этомъ извѣстіи меня начинаетъ точить червь зависти: Номикосъ увидитъ завтра безбрежную, благоухающую степь, а я все буду сидѣть въ четырехъ стѣнахъ скучной отцовской лавки...

— Возьмите и меня на выѣздъ,—робко напрашиваюсь я.

— А что же, поѣдемъ,—соглашается Номикосъ.—Дроги у насъ большія, а поѣдемъ всего папаша да я. Мѣста хватитъ. Только смотри, не опоздай... Къ обѣду уже дома будемъ.

По уходѣ Номикоса я начинаю волноваться: отпустятъ меня или не отпустятъ?.. Но судьба ко мнѣ на этотъ разъ милостива: отецъ возвращается домой въ хорошемъ расположеніи духа и, выслушавъ мою робкую просьбу, отпускаетъ меня почти безъ возраженій. Я—на седьмомъ небѣ, радостно укладываюсь спать, долго не могу заснуть отъ счастья, ночью вскакиваю нѣсколько разъ изъ боязни проспать, и въ пять часовъ утра я—уже у Номикоса.

Мы выѣзжаемъ на тощей лошаденкѣ, на длинныхъ дрогахъ втроемъ; въ задкѣ дрогъ покоится закутанная въ сѣно и прикрытая мѣшкомъ бутыль съ виномъ и рядомъ съ нею—бѣлая чайная чашка съ отбитою ручкой. Мы проѣзжаемъ двѣ улицы и оказываемся за городомъ, въ широкой, раздольной степи. Солнце взошло только недавно и не успѣло еще обсушить блестящихъ капель росы, повисшей на листьяхъ степныхъ травъ. Меня въ моемъ мундирчикѣ прохватываетъ утренняя свѣжесть, но мнѣ хорошо—все меня радуетъ: и просторъ степи, и голубое, безоблачное небо, и стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, и пыль, поднимаемая колесами, и древніе курганы, раскиданные на горизонтѣ... Лошаденка разо-

шлась и бѣжитъ бодро. Мы всѣ трое молчимъ: старикъ Номикосъ сосредоточенъ въ виду ожидаемаго дѣла, а мы, молодежь не можемъ произнести ни звука подъ обаяніемъ прелести утра. Мы ѣдемъ и счастливы тѣмъ, что ѣдемъ. Сколько верстъ мы уже проѣхали и сколько еще осталось ѣхать—насъ мало интересуетъ. Мы безконечно счастливы—и только... Старикъ Номикосъ неожиданно останавливаетъ лошадь, прикладываетъ ладонь къ глазамъ и начинаетъ всматриваться въ даль. Мы тоже всматриваемся и видимъ черныя точки.

— Слава Богу, ѣдутъ,—ворчитъ довольнымъ тономъ старикъ и оглядывается назадъ. Вдали, далеко за нами виденъ на дорогѣ столбъ пыли и тоже черная точка.

— А чтобъ вы скисли, треклятые!—бранится Номикосъ по адресу этой точки.—Тоже Сабсовичи анаѳемскіе вслѣдъ за нами пустились на выѣздъ. Надо ихъ, чертей, перенять...

Старикъ начинаетъ неистово погонять тощую лошаденку, и мы мчимся чуть не въ карьеръ. Это доставляетъ намъ удовольствіе. Точки на горизонтѣ мало-по-малу увеличиваются и черезъ нѣкоторое время превращаются въ чумацкіе возы съ хлѣбомъ. Мы сворачиваемъ, останавливаемся у края дороги и ждемъ. Возы подвигаются съ удивительной медленностью; волы идутъ съ размѣренной неторопливостью; подлѣ каждой пары идетъ чумакъ въ смушковой шапкѣ, сѣрой свиткѣ и въ широкихъ шароварахъ. Почти у каждаго во рту люлька...

Старый Номикосъ направляется къ нимъ навстрѣчу.

— Здоровы булы, мужички!..

— Драстуйте и вы...

— Въ городъ ѣдете? Хлѣбъ везете?

— Эге, хлібъ.

— Кому продавать будете?

— На базаръ веземо. Кто купыть, тому и продамо...

— Такъ давайте, я у васъ куплю... Що у васъ, гирка чи гарновка?

— Гирка... А ты хто? Маклеръ чи купецъ?

— Маклеръ... Только я — отъ хорошей конторы... Вы, братцы, не безпокойтесь.

— Ни, не треба... Маклерья одманують. Мы и сами до конторы доідемъ...

Номикосъ начинаетъ уламывать мужиковъ, клясться и божиться, что онъ—отъ богатой конторы, а чумаки упрямятся и выказываютъ недовѣріе. Разговоръ ведется долго и страстно. Кажется, что и конца ему не будетъ. Номикосъ съ каждою минутою все тревожнѣе и тревожнѣе поглядываетъ по тому направленію, гдѣ ѣдутъ «треклятые Сабсовичи»... Наконецъ, истощивъ всѣ средства, Номикосъ прибѣгаетъ къ послѣднему и самому вѣрному. Онъ до-

стаетъ бутыль, наполняетъ чашку виномъ и равнодушно произноситъ хохламъ:

— Не хотите продать — какъ знаете. Больше и говорить съ вами не стану. У меня отъ разговоровъ съ вами даже языкъ заболѣлъ и глотка пересохла. Надо хоть горло промочить...

Старикъ подноситъ чашку ко рту, но вдругъ отнимаетъ ее и, глядя искоса на хохловъ, говоритъ:

— Може, изъ васъ кому угодно съ дорожки винца покуштовать (отвѣдать) — такъ милости просимъ... Винцо доброе, прямо съ биржи изъ склада взято...

— Та вже кушайте сами перше (раньше); мы підождемъ,—отвѣчаютъ хохлы.

Лицо Номикоса начинаетъ сіять. Хохлы не отказались отъ вина—значитъ, дѣло налаживается. Онъ упорно отказывается выпить первый и подноситъ чашку самому старшему изъ чумаковъ. Тотъ долго отнѣкивается и, наконецъ, перекрестясь, выпиваетъ. За нимъ выпиваютъ и другіе чумаки. Меня это винопитіе нисколько не интересуетъ, и я съ молодымъ Номикосомъ убѣгаю въ степь въ погонѣ за какою-то пестрою бабочкой. Намъ хорошо и весело. Когда мы возвращаемся назадъ, нашимъ глазамъ представляется идиллическая картина: чумаки и старый Номикосъ сидятъ на травѣ у самой дороги и поочередно передаютъ чашку безъ ручки другъ другу. Старый Номикосъ клянется, божится и что-то старается втолковать чумакамъ. Мимо этой группы проѣзжаютъ на дрогахъ Сабсовичи и, сосчитавъ глазами чумацкіе возы, злорадно произносятъ:

— Увже ушпѣли перехватить партію хлѣба?

— А вы не спите,—побѣдоносно отвѣчаетъ Номикосъ, и, обращаясь къ чумакамъ, шепчетъ: — Тоже жиды пархатые встрѣчать вашего брата поѣхали. Хорошо, что вы ко мнѣ, а не къ нимъ въ лапы попались: они васъ обчистили бы...

Бутыль пустѣетъ, и обѣ стороны приступаютъ къ дѣлу. Номикосъ съ каждаго воза беретъ по горсти хлѣба и складываетъ въ клѣтчатый красный платокъ. Чумаки дѣлаютъ то же самое. Потомъ на номикосовскія дроги усаживается съ узелками столько чумаковъ, что мы, молодежь, кое-какъ, и то съ большимъ трудомъ устраиваемся назади, на какой-то жердочкѣ. Но на насъ не обращаютъ никакого вниманія: мы теперь уже лишніе. Тощая лошаденка еле въ силахъ снять дроги съ мѣста, и, несмотря на подхлестыванія, съ трудомъ плетется шагомъ. Возы съ хлѣбомъ, сопровождаемые мужиками, которымъ не хватило мѣста на дрогахъ, направились за нами. Мы все-таки нѣсколько опередили ихъ и прибыли въ городъ раньше. Я соскочилъ съ своего неудобнаго мѣста и побѣжалъ домой, а Номикосъ повезъ чумаковъ къ себѣ во дворъ, гдѣ потомъ волы были распряжены, напоены и получили по охабкѣ сѣна...

Дальнѣйшая исторія съ чумацкимъ хлѣбомъ была такова. Отдохнувъ немного, всѣ съ узелками въ рукахъ сѣли снова на дроги, и тощая лошаденка опять двинулась въ путь. Пріѣхали въ одну греческую контору, покупающую хлѣбъ для вывоза за границу. Номикосъ развернулъ свой узелокъ съ зерномъ; то же сдѣлали и хохлы. Черномазый молодой и съ иголочки одѣтый грекъ объявилъ на греческомъ языкѣ цѣну—одиннадцать рублей сорокъ копеекъ за четверть.

— А маклерскихъ сколько? — спросилъ Номикосъ тоже погречески.

— Гривенникъ.

— Маловато. Дайте пятіалтынный.

— Хорошо, если партія будетъ ровная.

Номикосъ переводитъ хохламъ, что контора даетъ по одиннадцати рублей ровно.

— Не желаемъ, мы сами продали бы дороже,— отвѣчаютъ чумаки.—Поідемъ у другую контору.

Номикосъ безпрекословно соглашается и даже выражаетъ увѣренность въ томъ, что въ другомъ мѣстѣ дадутъ больше. Тощая лошаденка опять получаетъ нѣсколько кнутовъ. Во второй конторѣ повторяется на греческомъ же языкѣ буквально тотъ же разговоръ, что и въ первой, и точно такъ же развязываются узелки. Цѣна та же—одиннадцать сорокъ; но Номикосъ дѣлаетъ недовольную гримасу и переводитъ хохламъ.

— Даютъ десять рублей девяносто пять копеекъ за четверть.

— Поідемъ у третью контору! Хиба-жъ (развѣ) мало конторъ? Поідемъ до Вальяна.

Злополучная лошаденка, надрываясь изо всѣхъ силъ, возитъ цѣлый десятокъ мужиковъ по городу изъ конторы въ контору, но продавцовъ вездѣ преслѣдуетъ неудача: въ каждой новой конторѣ хлѣбъ оцѣнивается все дешевле и дешевле.

— Я же вамъ еще въ степи говорилъ, что повезу васъ въ самую лучшую и самую богатую контору, а вы мнѣ не вѣрили,— обиженнымъ тономъ говоритъ Номикосъ.—Дороже той конторы и самъ Марко Аѳанасьевичъ Вальяно не дастъ.

Хохлы все-таки требуютъ поѣздки къ Вальяно, но тамъ дали еще меньше...

— Я же вамъ говорилъ, накажи меня Господь...—распинается Номикосъ.—Съ вами только намучишься...

Мужики держатъ между собою совѣтъ, долго чешутъ затылки, и, наконецъ, рѣшаютъ продать хлѣбъ въ первой конторѣ по одиннадцати рублей за четверть. Но тутъ ихъ ждетъ новая непріятность: контора, узнавъ, что другія фирмы даютъ за хлѣбъ дешевле, не желаетъ нести убытка, и вовсе отказывается отъ покупки партіи... Такъ, по крайней мѣрѣ, переводитъ Номикосъ, и теперь уже съ упрекомъ говоритъ:

— Я-жъ вамъ, накажи меня Богъ, говорилъ... Теперь вы сами виноваты... Везите хлѣбъ на базаръ: тамъ, можетъ, больше дадутъ...

Начинается длинная и утомительная процедура совѣщаній, уламываній и торговъ. Номикосъ въ десятый разъ вытираетъ потъ со лба. Въ заключеніе хохлы, искренно сожалѣя о томъ, что не согласились на первоначально предложенную имъ цѣну, сбавляютъ съ четверти по пятаку. Маклеръ сообщаетъ что-то черномазому греку и переводитъ:

— Только изъ уваженія ко мнѣ и по знакомству контора согласна принять хлѣбъ... Везите въ амбаръ. Запрягайте воловъ и гайда. А я туда впередъ поѣду.

Теперь уже Номикосъ не сажаетъ на свои дроги хохловъ и уѣзжаетъ одинъ, предварительно взявъ у конторы записку о томъ, чтобы хлѣбъ былъ взвѣшенъ и принятъ.

Во дворѣ того дома, гдѣ помѣщались лавка, погребъ и квартира покойнаго отца, былъ большой каменный амбаръ, арендуемый у домовладѣльца однимъ негоціантомъ-грекомъ. Этотъ негоціантъ былъ особый типъ, нѣчто въ родѣ посредника. Онъ скупалъ хлѣбъ малыми партіями, высушивалъ, провѣивалъ и очищалъ его, составлялъ крупныя партіи и затѣмъ въ свою очередь перепродавалъ его оптомъ какой нибудь крупной экспортной фирмѣ. Амбаръ этого посредника въ нашемъ дворѣ представлялъ собою длинное каменное зданіе съ тремя или четырьмя широкими дверями. Двери вели въ отдѣленія, разобщавшіяся деревянными досчатыми перегородками, которыя легко разбирались, если два отдѣленія нужно было соединить въ одно. На дворѣ, подъ открытымъ небомъ стоялъ огромный треногъ съ подвѣшенными къ нему вѣсами. Амбаромъ и вѣсами завѣдывалъ драгиль (нѣмецкое испорченное Träger). Нашъ дворъ періодически наполнялся то чумацкими возами, ссыпавшими хлѣбъ въ амбаръ, то длинными дрогами, увозившими на лошадяхъ этотъ же хлѣбъ въ гавань для погрузки на иностранныя суда. При обѣихъ операціяхъ хлѣбъ взвѣшивался, и этою работою занималось одновременно немало драгилей—грубыхъ, необразованныхъ и неотесанныхъ мѣщанъ, отличавшихся такою словесностью и такими пѣснями, которыя не всегда было удобно слушать. Это было нѣчто такое, отъ чего, какъ говорится, «уши вянутъ». Когда драгиля заводили одну изъ подобныхъ пѣсенъ, особенно же пресловутую «Дубинушку», то на нихъ нельзя было подѣйствовать ни просьбами, ни убѣжденіями, ни угрозами, и приходилось поневолѣ терпѣть. Ихъ могла исправить только одна могила, а ихъ подроставшее потомство —только грамота и школа. Но о школѣ въ тѣ времена думали мало и считали ее роскошью...

Хохлы, запродавшіе свой хлѣбъ съ помощью маклера Номикоса, запрягли своихъ воловъ и свезли въ одинъ изъ подобныхъ амба-

ровъ, гдѣ уже были въ сборѣ повѣренный конторы съ бумажкою и карандашомъ въ рукахъ и драгиля. Возы распаковали, пересыпали хлѣбъ въ мѣшки и, взвѣшивая каждые десять мѣшковъ, точно записывали вѣсъ, а мѣшки немедленно опорожняли въ амбарѣ, смѣшивая этотъ новый хлѣбъ съ хранившеюся тамъ уже ранѣе партіей. Одинъ изъ драгилей съ легкостью ворочалъ двухпудовыми гирями и выкрикивалъ во всю глотку вѣсъ, а хохлы, разинувъ рты, внимательно слѣдили за огромною стрѣлкою вѣсовъ. По какимъ-то необъяснимымъ причинамъ на доскѣ съ гирями все время стояла нога драгиля... Когда хлѣбъ былъ ссыпанъ, и вѣсъ подсчитанъ, то хохлы съ удивленіемъ узнали, что зерна оказалось нѣсколькими пудами меньше, чѣмъ они подсчитали у себя дома, но ихъ скоро успокоили.

— Вѣдь вы на стрѣлку смотрѣли?

— Смотрѣли...

— Такъ нечего и разговаривать...

Съ отвѣсами въ рукахъ, подписанными пріемщиками, хохлы отправились въ контору и немедленно получили разсчетъ по одиннадцати рублей безъ пятака за четверть, спрятали деньги въ кишени и отправились на базаръ за покупками, сопровождаемые возгласомъ Номикоса:

— Впередъ будьте знакомы... Хлѣбъ прямо ко мнѣ на дворъ везите.

Удовлетворивъ хохловъ, контора добросовѣстно разсчиталась и съ маклеромъ. Ему досталась вся разница между первоначально назначенной и покупною цѣною и по пятиалтынному съ четверти маклерскихъ. Онъ вернулся домой веселый и довольный, благословляя и выѣздъ на дорогу и четвертную кубышку вина. Остался доволенъ и драгиль-вѣсовщикъ: по обычаю, въ его пользу поступили тѣ пуды зерна, которые заработала его нога, стоявшая на доскѣ вѣсовъ, пока мужики смотрѣли на стрѣлку...

Только что описанный образецъ маклера, въ родѣ Номикоса, представлялъ собою вполнѣ законченный типъ. Это—мелкотравчатый перекупщикъ, не обладающій оборотнымъ капиталомъ и не имѣющій широкаго размаха для того, чтобы повести торговлю самостоятельно. По національности это—или обрусѣвшій грекъ, или потомокъ итальянца или же еврей. Среди маклеровъ евреевъ больше всего по количеству. Маклеръ постоянно пресмыкается въ хлѣбныхъ конторахъ, постоянно держитъ носъ по вѣтру и каждую минуту долженъ быть на чеку для того, чтобы не прозѣвать мужиковъ, везущихъ на продажу хлѣбъ. Его задача — перехватить мужика раньше, нежели тотъ попадетъ со своимъ хлѣбомъ на базаръ или въ контору. Какъ бы ни былъ честенъ и добросовѣстенъ маклеръ, но мужикъ всегда окажется обманутымъ, чему много способствуетъ веденіе переговоровъ съ конторами на греческомъ языкѣ.

Для этого маклеру вовсе не нужно знать этого языка: онъ долженъ знать наизусть только цифры и слѣдующія слова: «малиста»—да, «охи»—нѣтъ, «кала»—хорошо и «миситіа»—маклерскій куртажъ. Коммерческіе переговоры въ высокой степени лаконичны, и новички, поступившіе въ маклеры, усваивали ихъ быстро. Иной курскій паренекъ такъ хлестко объясняется въ конторѣ по-гречески, что со стороны покажется, будто онъ и знаетъ языкъ, а на дѣлѣ онъ—долбитъ, какъ попугай, одну только цыфирь.

Маклеры жили и оперировали главнымъ образомъ въ навигаціонный сезонъ и въ сезонъ подвоза хлѣба. Въ это короткое время они старались накопить благъ мірскихъ на цѣлый годъ: зимою и весною имъ нечего было дѣлать, и они, не зная никакихъ ремеслъ, били баклуши и околачивались праздными завсегдатаями въ бакалейныхъ лавкахъ и винныхъ погребахъ. Между прочимъ они служили прекрасными показателями состоянія хлѣбной торговли, ея процвѣтанія или упадка. Я помню цѣлый десятокъ Номикосовъ, которые покупали у отца въ лавкѣ табакъ по гривеннику за осьмушку, а потомъ вдругъ, точно сговорившись, начали курить третій сортъ по пятаку за осьмушку. Не нужно было справляться ни съ состояніемъ рынка, ни съ таблицами урожая, ни съ биржевыми котировками; одного этого признака было вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать вѣрный и безошибочный выводъ о застоѣ въ дѣлахъ и о сокращеніи подвоза хлѣба. Часто ничтожныя мелочи говорятъ больше, нежели крупные факты.

Выѣзды маклеровъ на большую дорогу, перехватываніе мужиковъ ранѣе, чѣмъ ихъ товаръ попадетъ на базаръ, были одно время признаны незаконными и вредными. Ихъ запретили, но это запрещеніе такъ и осталось грознымъ на одной только бумагѣ. Богатые помѣщики, доставлявшіе въ городъ крупныя партіи зерна—по тысячѣ четвертей и болѣе, также не обходились безъ услугъ маклеровъ, но послѣдніе держались въ решпектѣ и играли самую приниженную роль. На ихъ обязанности лежало отыскать контору покрупнѣе и уловить моментъ, когда цѣна на хлѣбъ стоитъ самая высокая. Чаще же всего крупные землевладѣльцы вели дѣло прямо съ Вальяно или со Скарамангой, забирая у нихъ деньги авансами, когда хлѣбъ стоялъ еще на корню.

Рѣдкій маклеръ жилъ сколько нибудь зажиточно — большая часть ихъ, при страшной конкуренціи, питалась съ огромными семьями впроголодь. Но встрѣчались между ними и такіе счастливцы, которые наживали себѣ домики — небольшіе въ три окна и 3—4 комнатки. Такимъ господамъ обыкновенно завидовали. Къ этому, однако, нужно добавить, что дома въ старыя времена были не дороги: тысячи за полторы—за двѣ можно было пріобрѣсти въ чертѣ города клочекъ земли и, не выходя изъ этого бюджета, воздвигнуть домикъ и даже завести при немъ лошадь и корову. Вся

задача заключалась въ томъ, чтобы сумѣть сколотить эту тысячу. Такими домиками изобилуютъ въ Ростовѣ мѣста по рѣчкѣ Тимернику, а въ Таганрогѣ—окраины города—Касперовка, Камбицовка и Новостроенка. Это были очень маленькіе полугородскіе, полудеревенскіе поселки съ невылазной глинистой грязью, но съ замѣчательно уютными домиками, обсаженными деревьями. Дворы при нихъ были большіе, просторные, у плохихъ хозяевъ пустовавшіе, а у хорошихъ — занятые огородами и садами, а иногда и цѣлыми плантаціями розъ, изъ лепестковъ которыхъ варилось любимое греками ароматное розовое варенье съ пріятнымъ вяжущимъ вкусомъ. Розы приносили своимъ хозяевамъ приличный по тогдашнему времени доходъ. Дома строились своеобразно: изъ барочныхъ досокъ и снаружи обкладывались однимъ слоемъ кирпича, который иногда штукатурился сверху, но чаще всего вымазывался глиною пополамъ съ коровьимъ пометомъ и соломою, а затѣмъ выбѣливался мѣломъ. Крыши были тесовыя, но чаще — соломенныя. Внутри эти маленькіе бѣленькіе домики были уютны, выбѣлены и нерѣдко вмѣсто деревяннаго пола имѣли полъ глиняный. Плита у хорошей хозяйки была всегда чисто выбѣлена мѣломъ и даже сверкала своей бѣлизной. Обстановка въ комнатахъ была чисто мѣщанская, съ вязанными салфеточками на столикахъ, съ ситцевыми одѣялами изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и съ треногими столами и стульями-инвалидами. Я очень любилъ эту полудеревенскую прелесть съ полуголыми ребятишками и стаями собакъ и свиней на улицахъ. Ото всего этого вѣяло идилліей, особенно въ жаркую лѣтнюю пору, когда улицы были пусты.

Таковы были эти окраины днемъ; вечеромъ же и ночью горожане заходили туда не безъ опаски. Населеніе этихъ красивыхъ уголковъ было грубо, невѣжественно и носило кличку «фараоновъ». Здѣсь зачастую происходили и драки, и грабежи. Населеніе состояло изъ мѣстныхъ мѣщанъ-драгилей, отличавшихся страшной несдержанностью въ рѣчахъ и поступкахъ.

Пріазовскій драгиль представлялъ собою типъ, о которомъ стоитъ сказать пару словъ. Невѣжественный, грубый, жестокій и лишь въ исключительныхъ случаяхъ грамотный, онъ явился историческимъ послѣдствіемъ жизни портоваго города. Его назначеніе—таскать тяжести—восьмипудовые мѣшки съ хлѣбомъ. Умственнаго развитія жизнь отъ него не требуетъ никакого. Религія для него состоитъ изъ однѣхъ только обрядностей, внутренняго же смысла ея онъ не только не понимаетъ, но даже и не подозрѣваетъ. Повседневная жизнь его протекаетъ очень однообразно: лѣтомъ въ четыре часа утра онъ просыпается, запрягаетъ въ длинныя дроги лошадь, если она у него есть, и выѣзжаетъ на работу либо въ гавань, либо къ какому нибудь хлѣбному амбару въ городъ. Въ гавани онъ на своихъ мускулистыхъ плечахъ вытаски-

ваетъ изъ глубокихъ судовыхъ трюмовъ тяжелыя мѣста съ заграничными товарами и отвозитъ ихъ на своихъ дрогахъ въ пакгаузы; въ амбарахъ же онъ забираетъ мѣшки съ хлѣбомъ (чувалы) и везетъ въ гавань, гдѣ на его же обязанности лежитъ взбѣжать съ тяжелою ношею по гибкой, качающейся доскѣ на палубу судна и высыпать зерно въ трюмъ. Безъ этого представителя грубой, ломовой физической силы портовая жизнь не существовала бы вовсе. Такой драгиль и его лошадь работаютъ отъ зари до зари и въ палящій зной и въ проливной дождь.

Тѣ драгиля, у которыхъ нѣтъ лошадей, а есть только руки и дюжая спина, тоже съ ранняго утра отправляются въ гавань или къ амбарамъ искать себѣ работы поденно. Въ горячее время они не остаются безъ дѣла: сушатъ, вѣютъ и лопатятъ зерно и занимаются нагрузкой и выгрузкой; но когда наступаетъ затишье, они гурьбами направляются въ нѣкогда извѣстный кабакъ еврея Бориски и сидятъ тамъ, ничего не дѣлая, въ ожиданіи случайнаго нанимателя. У кого есть деньги, тѣ пьянствуютъ, а прочіе изнываютъ отъ скуки и развлекаются, играя въ засаленныя карты и безобразничая. Къ числу ихъ любимыхъ занятій принадлежали истязанія животныхъ и глумленіе надъ людьми: они ловили, напримѣръ, пробѣгавшихъ мимо обывательскихъ собакъ, связывали ихъ хвостами вмѣстѣ и любовались тѣмъ, какъ несчастныя животныя, желая освободиться другъ отъ друга, вступали между собою въ драку. Еще больше удовольствія доставляло имъ привязать къ хвосту собаки на короткой веревкѣ обрубокъ дерева и съ крикомъ, гикомъ и свистомъ отпустить на волю. Испуганное животное удирало съ мѣста въ карьеръ, а привязанный къ хвосту обрубокъ, болтаясь на воздухѣ, начиналъ колотить безпощадно по заднимъ лапамъ. Собака съ страшнымъ визгомъ старалась удрать отъ этихъ ударовъ, но чѣмъ быстрѣе она бѣжала, тѣмъ безжалостнѣе и сильнѣе колотилъ ее обрубокъ. Забава кончалась обыкновенно тѣмъ, что несчастное животное при общемъ хохотѣ драгилей скрывалось съ воемъ изъ глазъ, а затѣмъ его находили гдѣ нибудь, на разстояніи четверти версты съ переломанными или изуродованными ногами. Обиліе арбузныхъ корокъ и пищевыхъ остатковъ привлекало къ кабаку Бориски бродячихъ свиней и поросятъ. Драгиля отъ нечего дѣлать перелавливали всю семью и, запрятавъ ее въ мѣшки, начинали жать и давить до тѣхъ поръ, пока свиньи не начинали неистово визжать всѣ разомъ. Получался оглушительнѣйшій и отвратительнѣйшій концертъ, дѣйствовавшій на нервы и заставлявшій владѣльцевъ свиней сбѣгаться къ кабаку. Начиналась плоская и возмутительная перебранка, во время которой драгиля дерзко требовали выкупа за своихъ визжавшихъ плѣнниковъ. Тогдашняя полиція не только не обращала на всѣ эти безобразія никакого вниманія, но даже старалась умы-

шленно не замѣчать ихъ изъ опасенія нарваться на непріятность Весь штатъ ея состоялъ тогда изъ грозной арміи въ пятнадцать человѣкъ городовыхъ-полуинвалидовъ, непригодныхъ болѣе ни къ какой иной службѣ.

Кабакъ еврея Бориски служилъ для драгилей одновременно и клубомъ и рынкомъ для найма рабочихъ рукъ. Онъ помѣщался на углу Ярмарочнаго переулка и Іерусалимской улицы и составлялъ грозу обывателей, особенно же дамъ: ни одна изъ нихъ не рисковала пройти мимо, не получивъ въ догонку краснаго словца. И чѣмъ женщина была стыдливѣе, тѣмъ словцо отпускалось забористѣе и крѣпче. Еврей Бориска являлся для этого народа благодѣтелемъ: онъ отпускалъ имъ въ кредитъ выпивку, а наиболѣе благонадежнымъ давалъ даже въ минуту жизни трудную взаймы и деньги за небольшіе впрочемъ проценты.

Зимою драгилямъ буквально нечего было дѣлать, и они, часто въ ущербъ семьямъ, проѣдали и пропивали въ кабакѣ у Бориски скопленныя за лѣто сбереженія; къ веснѣ же они всѣ поголовно оказывались должниками добродѣтельнаго еврея.

Неоцѣнимыми работниками были въ ясные солнечные дни драгиля для купцовъ, ссыпавшихъ въ свои амбары хлѣбъ небольшими партіями. По мѣрѣ накопленія зерно нужно было просушивать и перелопачивать, чтобы оно не слежалось и не «сгорѣло». Для этой цѣли по всему двору или же просто по улицѣ разстилалось огромной величины полотно—лантухъ, оставлявшее на дорогѣ узенькую, едва достаточную полоску для проѣзда экипажей и возовъ. На этихъ лантухахъ разсыпался слоемъ вершка въ полтора зерновой хлѣбъ и отъ времени до времени взбрасывался лопатами на воздухъ и падалъ обратно золотымъ дождемъ. Благодѣтельное солнце обсушивало залежавшееся зерно. Всѣ операціи надъ хлѣбомъ производили драгиля, сопровождая свою работу самыми скверными пѣснями. Патріархальность того времени оказывалась безсильною для борьбы съ этимъ циничнымъ зломъ: его просто старались не замѣчать.

Когда у купца-амбарщика накоплялась болѣе или менѣе крупная партія, и рыночная цѣна казалась ему подходящей, то онъ продавалъ ее какому нибудь крупному коммерсанту-экспортеру въ родѣ Вальяно, Скараманга и К°. Эти послѣдніе уже грузили его на суда и отправляли за границу, при чемъ таможенныя хлопоты по отпуску велъ новый посредникъ-экспедиторъ. Если теперь подвести итоги, то окажется, что пока хлѣбное зерно докатилось отъ мужицкаго воза до трюма иностраннаго судна,—около него наживались: маклеръ въ родѣ Номикоса, цѣлый полкъ драгилей, купецъ-амбарщикъ, негоціантъ Вальяно, экспедиторъ въ таможнѣ какой нибудь Ликудисъ и, наконецъ,

шкиперъ каботажнаго судна, доставившій зерно на рейдъ. Наименьшая доля прибыли доставалась при этомъ производителямъ—помѣщику и мужику.

Отправлять за границу хлѣбъ не въ видѣ зерна, а въ видѣ готовой муки—гораздо выгоднѣе и удобнѣе. Поэтому на югѣ Россіи чуть ли не полстолѣтія тому назадъ произведены были попытки молоть муку дома. Первымъ піонеромъ въ этомъ направленіи былъ Алфераки, построившій въ Таганрогѣ первую паровую мукомольную мельницу съ высоко поднимавшейся къ небу трубой. Это было огромное кирпичное зданіе, снабженное элеваторами, заграничными жерновами, вѣялками, обдирными машинами и всѣми доступными по тогдашнему времени механическими и техническими приспособленіями. Достаточно указать хотя бы и на то, что паровые котлы занимали сбоку зданія цѣлый этажъ подъ землею, а во дворѣ мельницы былъ устроенъ открытый резервуаръ съ горячей водою, вмѣстимостью въ нѣсколько десятковъ тысячъ ведеръ. Мельница стояла на высокомъ, крутомъ обрывѣ на берегу моря, и вода подавалась на эту кручу по особому водопроводу съ помощью отдѣльной водокачки, выстроенной у самаго прибоя волнъ. Своимъ фасадомъ зданіе мельницы выходило на большую дорогу, которая вела въ рядъ богатыхъ хлѣбородныхъ имѣній—Дмитріаду, Аѳины и Скарамангвку, затѣмъ въ степь и, наконецъ, въ Маріуполь. Словомъ, сооруженіе было построено, вѣроятно, не безъ расчета на привозъ хлѣба по этой дорогѣ. Не могу сказать съ точностью, каковы были дѣла этого предпріятія, но видно было, что они шли далеко не ровно: то изъ трубы валилъ густой каменноугольный дымъ, то работы на большіе промежутки времени прекращались. Отъ чего это зависѣло—не знаю. Будучи гимназистомъ, я видѣлъ эту мельницу въ полномъ ходу и былъ пораженъ ея грандіозностью. Можетъ быть, это впечатлѣніе получилось отъ того, что я тогда еще впервые въ жизни видѣлъ крупный паровой заводъ. Не могу сказать, сыграла ли эта огромная, милліонная мельница хоть какую нибудь экономическую роль въ жизни края, и развила ли она въ Таганрогѣ мукомольное дѣло въ крупныхъ размѣрахъ. Мельница эта сгорѣла до тла и была послѣ этого заброшена. Я посѣтилъ ея развалины, будучи уже взрослымъ человѣкомъ. Все кругомъ поросло густою травой и носило печать полнаго запустѣнія. Мнѣ стало какъ-то невольно грустно... Къ небу попрежнему высилась огромная труба. Но впослѣдствіи капиталъ и нажива подкопались и подъ этого колосса: трубу купилъ на кирпичъ одинъ изъ мелкихъ евреевъ и для сломки ея употребилъ довольно оригинальный въ техническомъ отношеніи пріемъ. Онъ обложилъ одну сторону основанія трубы дровами и зажегъ ихъ. Когда дрова сгорѣли, труба медленно наклонилась и плавно, стройной колонной рухнула на землю. Отъ

грандіознаго нѣкогда сооруженія остались однѣ только голыя, полуразрушенныя стѣны.

Послѣ этого пожара въ противоположномъ концѣ города, въ самой гавани, у моря и около рельсовъ портовой вѣтви желѣзной дороги была построена другая мельница, значительно меньшихъ размѣровъ. Она тоже носила названіе «Алферакинской».

А. Сѣдой (Ал. П. Чеховъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАНО УГАСШІЙ ТАЛАНТЪ.

(Изъ воспоминаній объ А. П. Рябушкинѣ).

Ъ НОВГОРОДСКОЙ губерніи, верстахъ въ двадцати отъ станціи Николаевской желѣзной дороги—Любани, находится мѣстность Доброе Село, извѣстное по новгородскимъ писцовымъ книгамъ еще въ 1499—1500 годахъ. Несмотря на громкое названіе Села, Доброе и до сихъ поръ остается вѣрнымъ данному ему писцовою книгою наименованію «селца», то-есть небольшого поселенія подлѣ церкви, и по типу болѣе всего напоминаетъ наши древніе погосты. Церковь, построенная болѣе полутораста лѣтъ назадъ, небольшое кладбище, домики причта, двѣ усадьбы и устроенная близъ церкви земская школа,—вотъ и все, что заключается въ этомъ Селѣ.

На скромномъ кладбищѣ покоятся старинные владѣльцы этой мѣстности—Бестужевы; здѣсь же погребенъ небезызвѣстный писатель и остроумный переводчикъ Гетевскаго Рейнеке-Лиса Я. Н. Бутковскій. На этомъ же кладбищѣ подъ зеленою сѣнью старыхъ деревьевъ въ послѣднее время прибавилась еще одна новая могила.

29 апрѣля 1904 года здѣсь схоронили такъ рано похищеннаго смертью симпатичнаго человѣка и талантливаго художника Андрея Петровича Рябушкина, произведенія котораго, вѣроятно, знакомы большинству читателей, какъ по выставкамъ, такъ и по художественнымъ изданіямъ. Не одинъ рисунокъ его былъ помѣщенъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Я въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ близко знакомъ съ Андреемъ Петровичемъ и считаю долгомъ хотя отчасти подѣлиться

воспоминаніями, которыя проносятся въ головѣ надъ свѣжею могилою покойнаго.

Родился онъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, въ 1861 году, въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи. Отецъ его былъ мѣстный иконописецъ, бравшій подряды и на украшеніе церквей стѣнною живописью. Андрей Петровичъ живо помнилъ одну изъ его работъ, изображавшую пиръ Ирода, которому приносятъ на блюдѣ голову Іоанна Крестителя. Иродъ держитъ въ рукѣ вилку и колетъ ею обличавшій его языкъ Предтечи.

Весьма вѣроятно, что и молодой Рябушкинъ, подобно своему старшему брату, пошелъ бы по стопамъ отца и заглохъ въ скромной роли провинціальнаго иконописца, какъ глохнутъ у насъ на Руси многія и многія дарованія; но судьба судила ему иное.

Въ числѣ знакомыхъ его отца былъ одинъ молодой человѣкъ, Андрей Харлампіевичъ Преображенскій, учившійся въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, а на лѣтнее время пріѣзжавшій погостить на родину. Замѣтивъ несомнѣнное дарованіе мальчика, онъ убѣдилъ его родныхъ отдать его въ Московское училище и взялся самъ отвезти его въ Москву и быть на первыхъ порахъ его хранителемъ и руководителемъ.

И вотъ Андрей Петровичъ внезапно очутился въ одномъ изъ нашихъ художественныхъ центровъ, гдѣ преподавателями были такіе художники, какъ Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ и братъ его Павелъ Семеновичъ, Василій Григорьевичъ Перовъ и Иларіонъ Михайловичъ Прянишниковъ (инспекторомъ былъ К. А. Трутовскій).

Выдающіяся способности Андрея Петровича были сразу же замѣчены преподавателями, и онъ сдѣлался любимцемъ обоихъ Сорокиныхъ и Перова. Перовъ даже предоставилъ ему право приходить къ нему ежедневно обѣдать, право, которымъ молодой художникъ по скромности не пользовался, Евграфъ же Семеновичъ жестоко распекалъ его въ классахъ, но это-то распеканье маститаго профессора и считалось завидною долей среди учениковъ. Всѣ знали, что онъ сторожитъ и распекаетъ только тѣхъ, кого считаетъ дѣйствительно талантливыми и на кого возлагаетъ надежды: съ менѣе даровитыми онъ былъ холодно вѣжливъ—и только. Эскизъ Рябушкина: «Крестьянская свадьба», появившійся въ 1880 году на ученической выставкѣ, былъ пріобрѣтенъ извѣстнымъ собирателемъ всего талантливаго въ русской живописи, П. М. Третьяковымъ.

Въ 1882 г., окончивъ курсъ въ училищѣ живописи, Андрей Петровичъ вмѣстѣ съ своими товарищами, Яновымъ, Навозовымъ, Коровинымъ, Павловымъ и др., поступилъ для завершенія художественнаго образованія въ Петербургъ въ академію художествъ.

Я въ то время былъ уже въ академіи и помню, что работы «москвичей» на экзаменѣ замѣтно выдѣлились изъ общаго уровня,

какъ по композиціи, такъ и по своеобразности техники; мы сразу же обратили на нихъ вниманіе и полюбили ихъ. Но съ Андреемъ Петровичемъ я познакомился только позднѣе.

Въ слѣдующемъ 1883 году, по инициативѣ незабвеннаго нашего инспектора, Павла Алексѣевича Черкасова, и при моихъ посильныхъ стараніяхъ образовался сначала хоръ, а потомъ и небольшой оркестръ изъ числа академистовъ. Съ этими товарищескими силами мы задумали отпраздновать, какъ умѣемъ, четырехсотлѣтіе со времени рожденія Рафаэля. Офиціальное чествованіе его памяти было справлено 28 марта, а нашъ скромный праздникъ былъ назначенъ на 10 апрѣля и предназначался не для публики, а для тѣснаго кружка своихъ товарищей академистовъ. Помимо чтенія біографіи съ туманными картинами, концерта изъ произведеній XV и XVI столѣтій, въ программу входило и чтеніе стихотвореній, написанныхъ въ честь великаго художника.

Въ числѣ нашихъ академическихъ поэтовъ, вдохновившихся памятью Рафаэля, былъ Андрей Павловичъ Мельниковъ (сынъ П. И. Мельникова, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго). Познакомившись по поводу Рафаэлевскаго празднества, мы вскорѣ довольно близко сошлись другъ съ другомъ.

Пріѣхавъ однажды навѣстить Мельникова въ занимаемой имъ на холостую ногу меблированной комнатѣ, я встрѣтилъ тамъ и его сожителя, котораго онъ отрекомендовалъ мнѣ Андреемъ Петровичемъ Рябушкинымъ.

Невысокаго роста, худенькій, тщедушный (онъ и умеръ отъ чахотки), съ густыми свѣтлыми волосами и еще болѣе свѣтлой небольшой бородкой, съ открытыми правильными чертами лица и тонкими изящными руками, онъ съ перваго же раза производилъ очень симпатичное впечатлѣніе.

Оказалось, что съ Мельниковымъ они знакомы уже давно, и Андрей Петровичъ даже провелъ у него цѣлое лѣто въ Нижегородской губерніи. Они показали мнѣ альбомъ карандашныхъ этюдовъ деревьевъ, кустарника, травъ и цвѣтовъ, нарисованныхъ Рябушкинымъ въ имѣніи Мельниковыхъ и подаренныхъ Андрею Павловичу. Разсматривая альбомъ, я не могъ скрыть своего восхищенія: до того тонко, добросовѣстно и изящно былъ выполненъ каждый этюдъ.

Черезъ нѣсколько времени Андрей Павловичъ уѣхалъ въ Нижній для отбыванія воинской повинности и въ академію уже болѣе не возвращался. Но съ его отъѣздомъ знакомство мое съ Рябушкинымъ не только не прекратилось, но мало-по-малу становилось все ближе и тѣснѣе.

Этому отчасти способствовали товарищескіе компановальные вечера, заведенные тѣмъ же П. А. Черкасовымъ. Въ нихъ могли участвовать всѣ академисты, выдержавшіе экзаменъ по компано-

ванію эскизовъ. На этихъ вечерахъ мы продолжали уже для себя упражняться въ композиціи, собираясь одинъ разъ въ недѣлю, послѣ вечернихъ классовъ, въ томъ же залѣ, гдѣ происходили по другимъ днямъ репетиціи хора и оркестра, и гдѣ стоялъ большой концертный рояль, подаренный нашему музыкальному классу великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Сюжетъ задавался каждымъ изъ товарищей по очереди. Задававшій, который у насъ назывался хозяиномъ вечера, самъ въ рисованіи участія не принималъ. На его обязанности лежало подготовить и прочесть намъ матеріалъ, служащій для выясненія заданнаго имъ сюжета, и въ продолженіе вечера хозяйничать у самовара, разносить по столамъ чай, булки и т. п. Выслушавъ сюжетъ и ознакомившись съ матеріаломъ, мы садились рядами за большими столами, раскрывали свои, выданные намъ Павломъ Алексѣевичемъ спеціально для этихъ вечеровъ альбомы и начинали «творить». Рисовали подъ рядъ часа три и болѣе. Мы съ Андреемъ Петровичемъ были ревностными посѣтителями этихъ вечеровъ.

Чтобы нѣсколько освѣжить утомленное вниманіе товарищей, я время отъ времени откидывалъ карандашъ и садился за рояль.

Андрей Петровичъ былъ едва ли не самымъ внимательнымъ изъ слушателей и на одномъ изъ вечеровъ выдалъ мнѣ даже родъ похвальнаго листа, подаривъ сдѣланный въ тотъ вечеръ эскизъ: «Похищеніе Елены Парисомъ», на которомъ собственноручно изобразилъ: «товарищу Тюменеву за прекрасную игру на фортепіано, на память».

Но если онъ былъ доволенъ моей игрой, то я, въ свою очередь, бывалъ порою въ совершенномъ восторгѣ отъ его эскизовъ: столько было въ нихъ присущей ему одному неуловимой тонкости и красоты въ чертѣ, столько изящества и вкуса въ распредѣленіи свѣтотѣни, или по-нашему «пятенъ». Не скажу, что бы ему одинаково удавался каждый эскизъ, но тѣ, которые удавались, могли дѣйствительно привести въ восторгъ каждаго, способнаго понимать и чувствовать. Особенно хороши бывали у него легкіе, незаконченные наброски, въ которыхъ онъ, не стѣсненный кропотливою выдѣлкою подробностей, бойко и свободно набрасывалъ воздушные образы, носившіеся въ его воображеніи.

Кромѣ «Похищенія Елены», у меня сохранилось нѣсколько его эскизовъ, сдѣланныхъ на этихъ вечерахъ.

Между тѣмъ наши хоровыя и оркестровыя занятія продолжались. Время отъ времени мы устраивали для товарищей концертныя собранія, на которыхъ рядомъ съ музыкой и пѣніемъ были введены и туманныя картины, иллюстрирующія содержаніе музыкальныхъ нумеровъ. Эти иллюстраціи компановались самими же академистами.

4-го января 1885 года мы устроили концертъ въ залѣ Рафаэля [1]). Концертъ былъ, что называется, gala и почтенъ присутствіемъ августѣйшаго президента академіи, великаго князя Владиміра Александровича. Въ первомъ отдѣленіи была исполнена ода-симфонія Фелисьена Давида «Пустыня», иллюстрированная туманными картинами талантливаго и также рано похищеннаго смертью Грейма, а во второмъ отдѣленіи, состоявшемъ изъ разныхъ нумеровъ, въ качествѣ автора туманной картины дебютировалъ Андрей Петровичъ съ большою композиціею къ хору гуляющихъ стрѣльцовъ изъ 3-го дѣйствія оперы «Хованщина». Картина имѣла большой успѣхъ; впослѣдствіи рисунокъ былъ помѣщенъ въ «Нивѣ».

Черезъ два мѣсяца Андрей Петровичъ уже опять компановалъ по нашему предложенію первую страницу программы ежегоднаго художественнаго вечера въ пользу недостаточныхъ академистовъ въ залѣ Кононова, а на костюмированномъ балѣ, слѣдовавшемъ за концертнымъ отдѣленіемъ, поставилъ живую картину и процессію изъ древне-греческой жизни подъ названіемъ «Пиѳія».

Изъ этихъ же временъ совмѣстной академической жизни мнѣ припоминается одинъ случай, характеризующій его задушевное отношеніе къ товарищамъ. Какъ-то, въ октябрѣ, во время вечернихъ классовъ зашли мы съ В. П. Павловымъ (однокашникомъ А. П. по Московскому училищу) къ академическую курилку, гдѣ большинство изъ насъ проводило время антрактовъ, пока натурщикъ отдыхалъ.

Къ намъ подошелъ Андрей Петровичъ. Поговоривъ немного, онъ сообщилъ, что сегодня онъ имениникъ. Мы разсыпались въ шутливыхъ поздравленіяхъ и благопожеланіяхъ. Онъ откланивался, благодарилъ, но все время видимо былъ чѣмъ-то смущенъ и какъ бы озабоченъ.

Наконецъ онъ рѣшился и отвелъ меня въ сторону.

— Сегодня мнѣ непремѣнно хотѣлось бы угостить васъ,— сказалъ онъ:—а денегъ, какъ на грѣхъ, ни копейки. Если есть у васъ три рубля, дайте мнѣ въ долгъ на нѣсколько дней. Это мнѣ будетъ большое удовольствіе.

Деньги у меня нашлись, и онъ съ торжествомъ, веселый и довольный, повелъ насъ къ себѣ, накупивъ по дорогѣ булокъ, сыру, колбасъ и т. п.

Все это вышло такъ безхитростно, такъ задушевно, что я былъ глубоко тронутъ, и весь вечеръ мы провели у имениника, какъ нельзя пріятнѣе.

---

[1]) Гдѣ устраиваются ежегодныя академическія выставки. Залъ этотъ находится направо отъ конференцъ-зала и названіе свое получилъ отъ находящихся въ немъ громадныхъ копій съ произведеній Рафаэля; лѣвый залъ называется Тиціановскимъ.

Рисунокъ А. П. Рябушкина.

Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

Годомъ позднѣе наша музыкальная капелла устроила безплатный вечеръ для товарищей въ томъ же залѣ Кононова. Хоръ и оркестръ, между прочимъ, исполняли произведеніе Бруха: «Тріумфальное шествіе Цезаря». Андрей Петровичъ воплотилъ все это шествіе въ образахъ, и въ то время, какъ хоръ пѣлъ хвалебныя пѣсни тріумфатору, передъ зрителями на экранѣ тянулась торжественная процессія: воины, плѣнники, женщины, жрецы, сенаторы, народъ, а въ заключеніе появилась и пышная колесница побѣдителя. Несмотря на то, что фонарь на этотъ разъ былъ далеко не на высотѣ своего назначенія, весь этотъ нумеръ имѣлъ большой успѣхъ среди нашей публики.

На слѣдующемъ вечерѣ, устроенномъ опять въ одной изъ залъ академіи, Андрей Петровичъ явился снова нашимъ сотрудникомъ, скомпановавъ виньетки для первой и послѣдней страницъ программы. Съ этою программою вышелъ маленькій курьезъ.

На послѣдней страницѣ онъ изобразилъ окончаніе концерта: на первомъ планѣ—покидающіе залу члены совѣта; я и Павелъ Алексѣевичъ провожаемъ ихъ, благодаря за посѣщеніе. (На самомъ-то дѣлѣ этого не бывало, но, какъ мотивъ для виньетки, такая группировка была возможна). Портреты конференцъ-секретаря и профессоровъ, несмотря на эскизность всего наброска, были схвачены довольно удачно. Вокругъ этой группы Андрей Петровичъ написалъ фигурными буквами наше обычное присловье, помѣщавшееся почти на всѣхъ программахъ: «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», при чемъ слова: «и рады», пришлись какъ разъ подъ конференцъ-секретаремъ и профессорами.

Вечеръ прошелъ благополучно; всѣ были очень довольны и благодарили.

Вдругъ на слѣдующій день Павелъ Алексѣевичъ, возвратясь изъ канцеляріи, гдѣ онъ ежедневно бывалъ по службѣ, призываетъ меня къ себѣ.

— Вы разсматривали послѣднюю страницу программы?

— Еще бы!—не одинъ разъ.

— Ничего не замѣтили?

— Особеннаго ничего. Конецъ вечера. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Вотъ въ томъ и дѣло, что оказалось не «рады».

— Что же?

— Въ канцеляріи стали присматриваться и, вообразите, нашли, что подъ уходящими членами совѣта помѣщена надпись: «ироды»!

Когда я сообщилъ объ этомъ Андрею Петровичу, тотъ только руками развелъ. Концы фигурнаго А были дѣйствительно нѣсколько закруглены внутрь, но принять его за О могъ развѣ только канцеляристъ, уже слишкомъ усердный въ обереганіи чести начальства.

Рисунокъ А. П. Рябушкина.

Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

Мы много смѣялись надъ этими «иродами», но высшія сферы нѣкоторое время вели себя по отношенію къ Павлу Алексѣевичу и намъ очень сдержанно, не зная, вѣрить или нѣтъ канцелярскому чтенію. Въ концѣ концовъ все обошлось благополучно.

Около этого времени Андрей Петровичъ уже началъ сотрудничать въ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ журналахъ и главнымъ образомъ во «Всемірной Иллюстраціи». Въ январьскихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1885 и 1886 годы помѣщены два его рисунка: «Марина Мнишекъ въ утро 17 мая 1606 г.» и «Поѣздъ Мароы Посадницы, отправляемой вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ въ Москву». Текстъ къ первому рисунку былъ написанъ Н. И. Костомаровымъ, а ко второму Д. Л. Мордовцевымъ.

Работая въ журналахъ, Андрей Петровичъ много рисовалъ и для себя, не пропуская малѣйшаго удобнаго къ тому случая. Узнавъ, что у меня бываетъ художникъ Н. П. Шаховской, съ которымъ мы дѣлаемъ наброски изъ «Князя Серебрянаго», онъ тотчасъ же примкнулъ къ намъ. Въ то время онъ вырабатывалъ технику рисованія перомъ, и всѣ наброски его къ роману сдѣланы лакомъ или чернилами.

Помимо компановальныхъ вечеровъ въ академіи мы составили еще свой маленькій кружокъ, собираясь по очереди другъ у друга. Въ составъ этого кружка входили Андрей Петровичъ и жившій вмѣстѣ съ нимъ А. Е. Архиповъ, В. П. Павловъ, я и нашъ талантливый товарищъ Топорковъ (также слишкомъ рано похищенный у искусства). Здѣсь композиціи дѣлались каждымъ на свой сюжетъ, и все, что было сдѣлано за вечеръ, составляло собственность того, у кого было собраніе. Отъ этихъ вечеровъ у меня сохранилось нѣсколько рисунковъ Андрея Петровича: «Свиданіе», сцена изъ «Боярина Орши», и др., исполненныхъ съ присущею ему талантливостью.

Лѣто 1886 года онъ провелъ съ А. Е. Архиповымъ въ Рязанской губерніи и привезъ оттуда нѣсколько альбомовъ этюдовъ и набросковъ деревенской жизни, изъ которыхъ многіе послужили ему потомъ матеріаломъ для рисунковъ, помѣщенныхъ во «Всемірной Иллюстраціи».

Зима 1886—1887 года была послѣднею, проведенною мною въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ.

Весною 1887 года я оставилъ академію и переселился со всею семьею въ пріобрѣтенное за годъ передъ тѣмъ небольшое имѣньице верстахъ въ четырехъ отъ Добраго Села, упомянутаго выше.

Андрей Петровичъ сдѣлался моимъ постояннымъ лѣтнимъ гостемъ, исключая только того времени, когда онъ, недѣли на двѣ, на три, на мѣсяцъ, уѣзжалъ въ Москву или въ провинцію. Время его пребыванія въ академіи также подходило къ концу. Онъ работалъ программу на малую золотую медаль: «Исцѣленіе слѣпого».

Рисунокъ А. П. Рябушкина.

Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

Не помню, была ли эта картина выставлена на экзаменъ или нѣтъ, но только онъ остался конкуррентомъ еще на годъ и малую золотую получилъ за программу: «Ангелъ выводитъ апостола Петра изъ темницы». По слухамъ «Исцѣленіе слѣпого» хранится у А. Х. Преображенскаго; гдѣ же находится вторая программа, мнѣ неизвѣстно. Эскизы какъ той, такъ и другой композицій, подаренные мнѣ, вошли въ составъ моей коллекціи его рисунковъ.

На весенней академической выставкѣ 1888 г. онъ помѣстилъ двѣ небольшія картинки: «Дача» (видъ моей усадьбы, подаренный мнѣ авторомъ) и «Ярмарка въ Рязанской губерніи» (по этюдамъ, написаннымъ въ селѣ Тумахъ лѣтомъ 1886 г.). Въ концѣ мая или началѣ іюня онъ снова пріѣхалъ въ мое «Приволье» и принялся за лѣтнія занятія.

Когда онъ работалъ въ своей комнатѣ, я часто сидѣлъ у него и читалъ ему былины по сборнику Гильфердинга. Слушать былины было для него истиннымъ наслажденіемъ, которое наконецъ выразилось въ большой композиціи: «Пиръ у ласковаго князя Владимира». Эту картину онъ предназначилъ, въ видѣ панно, для моей столовой. Вещь написана цѣликомъ отъ себя и мѣстами эскизно, но заключаетъ столько хорошаго и талантливаго, что разработай онъ ее въ еще большихъ размѣрахъ съ натуры, получилось бы замѣчательное произведеніе, достойное украсить любой изъ русскихъ музеевъ.

Но эта композиція была не единственнымъ доказательствомъ любви и уваженія Андрея Петровича къ произведеніямъ русскаго народнаго творчества. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ августѣ 1893 года, воображеніе его снова воспламенилось величавыми образами былинныхъ богатырей. Теперь онъ задумалъ изобразить ихъ каждаго особо, начиная со старшихъ: Святогора, Вольги и Микулы, и кончая младшими: Ильею, Добрыней и Алешей Поповичемъ. Неизвѣстно, сколько времени назрѣвала въ немъ эта мысль, но прорвалась она мгновенно.

Немедленно я былъ усаженъ за рояль съ предписаніемъ играть первый актъ «Руслана», и подъ могучіе звуки княжого пира въ тотъ же вечеръ, за одинъ присѣстъ, создались образы всѣхъ шести главныхъ богатырей. Черезъ день или два наброски были закончены и преподнесены мнѣ въ особой разукрашенной акварелью обложкѣ.

Однако и этимъ онъ не ограничился. Ему захотѣлось еще болѣе разработать свои любимые типы, и онъ сдѣлалъ новую серію уже вполнѣ обработанныхъ рисунковъ, которые были изданы особымъ альбомомъ въ видѣ приложенія къ «Всемірной Иллюстраціи».

Но и это еще не все. Получивъ приглашеніе сотрудничать въ обновленномъ художественно-юмористическомъ журналѣ «Шутъ» (воспроизведшемъ на своихъ страницахъ столько талантливаго,

какъ, напримѣръ, замѣчательныя иллюстраціи А. Ѳ. Аѳанасьева къ «Коньку Горбунку», карикатуры Old Judge и т. д.), Андрей Петровичъ выполнилъ цѣлый рядъ композицій къ новгородской былинѣ о «Васькѣ Буслаевѣ». Словомъ, я не знаю другого художника (развѣ только за исключеніемъ В. М. Васнецова), который бы сдѣлалъ столько для художественнаго воспроизведенія нашихъ былинъ и былинныхъ типовъ, какъ Андрей Петровичъ.

Въ 1890 году, онъ вмѣстѣ съ Н. Н. Харламовымъ и, кажется, еще Лукашевичемъ сталъ конкуррентомъ на большую золотую медаль. Сюжетомъ для картины было задано «Снятіе со креста».

Навѣстивъ Андрея Петровича въ Петербургѣ, я увидѣлъ у него прекрасную композицію этого сюжета и упрашивалъ его писать точь въ точь, какъ скомпановано; но онъ уже охладѣлъ къ ней. Въ головѣ его носился другой мотивъ: не самый моментъ снятія, а мгновенія, ему предшествующія. Чтобъ проникнуться духомъ событія, онъ много разъ читалъ и перечитывалъ Евангеліе и сдѣлалъ для себя цѣлый рядъ композицій, воспроизводящихъ послѣдніе дни земной жизни Спасителя. Композиціи эти я видѣлъ у него въ наброскахъ; кажется, онѣ не сохранились.

Обдумывая картину, онъ часто ходилъ по утрамъ на Смоленское кладбище, когда тамъ происходитъ отпѣваніе умершихъ, для изученія экспрессій при вѣчномъ разставаніи съ дорогимъ человѣкомъ. Пріѣхавъ ко мнѣ лѣтомъ, онъ старательно изучалъ вечерніе тона передъ закатомъ солнца, и одинъ разъ я даже былъ у него натурщикомъ для груди и рукъ Спасителя, освѣщенныхъ косыми золотистыми лучами. Съ меня же онъ сдѣлалъ набросокъ красками и для Іосифа Аримаѳейскаго.

Моментъ, которымъ задался Андрей Петровичъ, отличался полною самобытностью. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщаютъ голую, каменистую вершину Голгоѳы. На второмъ планѣ видны три креста. Одинъ изъ разбойниковъ уже снятъ, и исполнитель казни собираетъ веревки, которыми онъ былъ прикрученъ; другого снимаютъ. Спаситель еще остается на крестѣ. Вокругъ мѣста казни широкимъ кругомъ продолжаютъ стоять воины; сотникъ помѣщается въ центрѣ картины спиною къ зрителю. Онъ, повидимому, подошелъ, чтобы слѣдить за работою по снятію второго разбойника, но голова его невольно повертывается въ сторону успокоившагося отъ страданій, почившаго Праведника. Почти на границѣ линіи круга, образуемаго воинами, видна скорбная фигура Іосифа. Справа на первомъ планѣ — поясныя фигуры поднимающихся Никодима и мироносицъ, и нѣсколькихъ человѣкъ изъ народа, не ушедшихъ съ остальными и оставшихся въ благоговѣйномъ созерцаніи окончившаго жизнь пророка изъ Назарета.

Картина, на которой все какъ бы застыло въ грустномъ спокойствіи глубокаго раздумья, производила сильное впечатлѣніе.

Она была пріобрѣтена П. М. Третьяковымъ и находится въ его музеѣ въ Москвѣ.

Замѣчу, какъ курьезъ, что въ совѣтѣ, во время экзамена, разставленные симметрично воины и выдвинутый впередъ сотникъ показались одному изъ профессоровъ похожими на шахматныя фигуры, и онъ, подойдя къ картинѣ, воскликнулъ: «Шахъ королю!». Острота, которая впослѣдствіи вызывала только добродушную улыбку у автора.

За свою картину Андрей Петровичъ былъ награжденъ большою золотою медалью и получилъ отъ великаго князя Владимира Александровича денежную субсидію для поѣздки за границу.

Но здѣсь вполнѣ выказалась русская натура Андрея Петровича.

Всецѣло посвятившій себя своей родинѣ, направлявшій всѣ мысли и желанія къ изученію ея исторіи, народнаго творчества, быта, интересовавшійся въ этомъ отношеніи каждою мелкою подробностью, каждымъ старинньмъ костюмомъ, старинною пѣсней, старинною грамотою (нѣкоторыми почерками XVII и XVIII столѣтій онъ владѣлъ въ совершенствѣ), старинною утварью, рѣзьбою на избахъ, старинными узорами на тканяхъ, вышивками на полотенцахъ, запоминавшій каждую интересную мелодію, каждое мѣткое выраженіе, однимъ словомъ жившій и дышавшій только своимъ, народнымъ, русскимъ, онъ не могъ ѣхать къ нѣмцамъ, французамъ, итальянцамъ — и всю полученную сумму употребилъ на разъѣзды по любимой Россіи, оставшись и въ этомъ отношеніи вполнѣ самобытнымъ, такъ какъ, насколько помнится, ни до, ни послѣ него не было слышно о пансіонерѣ, который отказался бы отъ заманчивой возможности побывать въ заморскихъ краяхъ.

Время съ ноября 1890 по мартъ 1891 года Андрей Петровичъ большею частію провелъ у меня. Ему неоднократно случалось бывать въ качествѣ гостя на нашихъ деревенскихъ свадьбахъ, и по возвращеніи съ одной изъ нихъ онъ задумалъ написать картину: «Ожиданіе новобрачныхъ изъ церкви».

Изучать вечернее освѣщеніе въ избѣ онъ ходилъ въ деревню и каждый вечеръ возвращался съ новымъ этюдомъ. Затѣмъ приступилъ къ картинѣ, написалъ ее почти всю и... почему-то остался ею недоволенъ. Картину онъ подарилъ мнѣ, а самъ принялся за новую, совершенно измѣнивъ композицію. Для этой новой картины онъ нанялъ на все время писанія свободную избу у одного крестьянина и устроилъ въ ней временную мастерскую. Вся картина до малѣйшихъ деталей писалась на мѣстѣ и съ натуры.

Въ февралѣ картина была окончена и вызвала всеобщія похвалы. Въ ней не было ни какихъ либо особыхъ эффектовъ освѣщенія, ни бросающихся въ глаза рѣзкихъ, подчеркнутыхъ типовъ, ничего кричащаго. Все было скромно, просто, но все, до послѣдняго штриха, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало дѣйствительно-

«Новгородцы такали, такали, да и протакали».

Рисунокъ А. П. Рябушкина. (Помѣта: «1891 г., 31 декабря». Изъ собранія П. Ф. Тюменева).

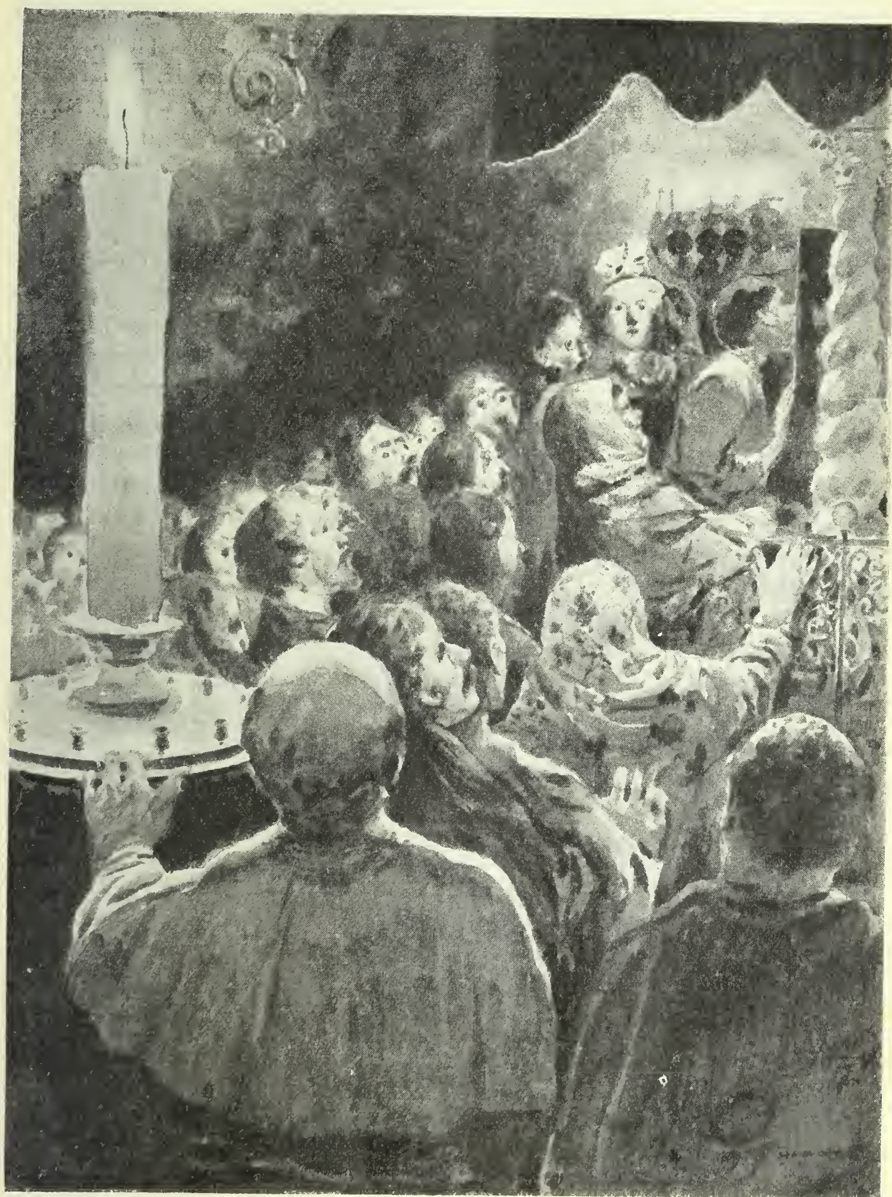
сти: и этотъ столъ, уставленный незатѣйливыми яствами, освѣщенный небольшою висячею лампою, и эти развѣшенныя надъ нимъ полотенца—рукодѣлья новобрачной, которыя она будетъ раздавать мужниной роднѣ, —и эти дѣвушки-подружки, молча сидящія рядкомъ у стѣны противъ стола, и мать новобрачнаго, присѣвшая къ столу на лавку съ рѣшетомъ, изъ котораго видны образъ съ восковою свѣчею и хлѣбъ для благословенія при встрѣчѣ и теряющаяся во醫 мракѣ у дверей толпа зрителей и общая тишина ожиданія, прекрасно выраженная въ картинѣ, — все это была сама, хорошо знакомая намъ, наша деревенская жизнь.

Картина была выставлена на передвижной выставкѣ 1891 года.

Одновременно съ нею Андрей Петровичъ, по просьбѣ какого-то дамскаго благотворительнаго кружка, написалъ для устраиваемой этимъ кружкомъ лотереи небольшую картину: «Деревенская нянька». На картинкѣ была изображена дѣвочка-подростокъ, лежащая на полу подлѣ играющаго ребенка. Кто выигралъ эту «Няньку», и у кого она въ настоящее время находится, мнѣ неизвѣстно. У меня хранится только небольшая фотографія, которую я снялъ съ нея передъ отсылкою въ Петербургъ. Что же касается до «Ожиданія новобрачныхъ», то картина эта по своей скромности и отсутствію эффектовъ была мало замѣчена публикою и по окончаніи выставки подарена мнѣ. Она составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній моей небольшой коллекціи картинъ.

Поживъ у меня и поработавъ въ деревнѣ, Андрей Петровичъ такъ полюбилъ нашъ народъ и жизнь въ постоянномъ общеніи съ природою, что у него явилась мысль прочно основаться въ здѣшней мѣстности. Онъ сталъ просить меня устроить ему у себя на дворѣ какую нибудь хибарочку, которую онъ могъ бы нанимать у меня. Нечего, конечно, и говорить, что я съ радостью согласился привести въ исполненіе его желаніе, но мнѣ было жаль поселять его на закрытомъ дворѣ, гдѣ онъ не имѣлъ бы передъ глазами ничего, кромѣ сараевъ, амбаровъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Саженяхъ въ полутораста отъ моей усадьбы есть очень красивое мѣстечко, расположенное на склонѣ холма, подъ которымъ внизу растетъ небольшая рощица, а за нею протекаетъ наша рѣчка Кородынька. Красивѣе и удобнѣе этого мѣстечка по близости усадьбы я не нашелъ; Андрею Петровичу оно также очень нравилось, и здѣсь мы рѣшили поставить ему мастерскую. Планъ мастерской, съ прилегающими къ ней спальнею и кухнею, былъ составленъ въ продолженіе какого нибудь часа. Андрей Петровичъ далъ мнѣ размѣры, желательные для будущаго помѣщенія, и передъ Пасхою уѣхалъ сначала въ Москву, а потомъ и далѣе въ лѣтнее путешествіе по Россіи, а я принялся за постройку, которую и закончилъ въ половинѣ іюня.

Въ сентябрѣ онъ вернулся «домой», и мы весело отпраздновали его новоселье. Мастерская была снабжена и верхнимъ и боковымъ



Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

свѣтомъ, но онъ большею частію пользовался только верхнимъ. Стѣны ея были сплошь обиты сѣроватымъ шведскимъ картономъ, на которомъ вскорѣ начали появляться разные наброски углемъ и карандашемъ. Онъ съѣздилъ въ Петербургъ за художественными принадлежностями и по возвращеніи съ удовольствіемъ разсказывалъ, что своею мастерскою возбудилъ зависть даже у И. И. Шишкина. Вскорѣ онъ принялся и за работу. Однимъ изъ первыхъ произведеній въ новой обстановкѣ былъ большой осенній этюдъ березовой рощи, съ покрывающею землю пожелтѣвшею листвою. Этюдъ написанъ почти въ натуру, при чемъ былъ тщательно выписанъ каждый листикъ, каждая травинка. Этотъ интересный этюдъ подаренъ, какъ кажется, А. Х. Преображенскому.

Выпалъ снѣгъ.

Зайдя какъ-то къ Андрею Петровичу, я увидѣлъ раскинувшійся во всю стѣну зимній видъ нашей деревни Кородыни, мастерски набросанный по сѣрому картону углемъ и мѣломъ. Потомъ этотъ набросокъ былъ стертъ, но въ продолженіе цѣлой зимы онъ красовался въ видѣ панно надъ помѣщавшеюся внизу оттоманкою.

Черезъ нѣсколько времени на двери, обитой также картономъ, появилось изображеніе какой-то дамы во весь ростъ, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Даму эту мы прозвали m-lle Marie. И не одинъ годъ, пока не обветшалъ картонъ, эта m-lle Marie неизмѣнно стояла на порогѣ, какъ бы не рѣшаясь войти въ мастерскую. Мы всѣ такъ къ ней приглядѣлись, что для насъ она составляла какъ бы неотъемлемую принадлежность самой мастерской.

Зимою онъ написалъ большую картину: «Потѣшные Петра I въ кружалѣ», въ которой задался цѣлью выразить контрастъ между старою и молодою Русью. Картина была на передвижной выставкѣ 1892 года и пріобрѣтена П. М. Третьяковымъ.

Сначала Андрей Петровичъ думалъ противопоставить потѣшнымъ компанію стрѣльцовъ и сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ стрѣлецкой кружальной бесѣды (одинъ изъ этихъ рисунковъ былъ помѣщенъ во «Всемірной Иллюстраціи»), но послѣ рѣшилъ ограничиться московскимъ простонародьемъ.

Приготовляясь къ картинѣ, онъ нѣсколько разъ, для типовъ и общаго впечатлѣнія, заходилъ дѣлать наблюденія въ московскихъ питейныхъ домахъ и, вернувшись въ Приволье, насмѣшилъ меня разсказомъ объ этихъ посѣщеніяхъ.

— Придешь въ такое заведеніе, — разсказывалъ онъ: — волей-неволей, конечно, приходится сѣсть и, чтобы не возбуждать недоумѣнія и подозрѣній, спросить рюмку водки. А водка скверная! Поморщишься, выпьешь; сидишь. Другой разъ интереснаго пока ничего нѣтъ; приходится ждать. Ждешь, ждешь. Изъ-за стойки ужъ начинаютъ поглядывать; чего, молъ, онъ сидитъ зря? Дѣлать нечего, надо спросить вторую рюмку. Выпьешь; сидишь, а въ го-

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

ловѣ отъ этой водки уже шумъ поднимается. Явится кто нибудь, какъ будто бы и на дѣло похоже. Станешь изучать, вглядываться, достанешь потихоньку альбомчикъ, а прислуга ужъ опять на меня косится. Приходится третью спросить, чтобы не мѣшали. А тотъ, какъ на грѣхъ, повернется и уйдетъ. Просто бѣда! У самого ужъ голова кружится, а уйти боишься: вдругъ, опять что нибудь интересное явится. И такимъ-то образомъ досидишься до того, что у самого въ глазахъ начинаетъ двоиться. Дѣлать нечего, пойдешь домой и ляжешь спать.

Собесѣдникъ онъ былъ пріятный. И самъ любилъ посмѣяться и другихъ посмѣшить умѣлъ. Комикомъ по натурѣ онъ не былъ, но въ его рѣчахъ бывало подчасъ столько искренней веселости, непосредственности и добродушія, что слушатели невольно разражались веселымъ и дружнымъ смѣхомъ. Становясь старше, онъ дѣлался постепенно задумчивѣе и молчаливѣе. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нами, не проронивъ ни слова, но стоило только его расшевелить, и въ немъ воскресалъ прежній Андрей Петровичъ.

Въ іюнѣ 1892 года мы задумали посѣтить верховья Волги и собрались туда вчетверомъ. Кромѣ Андрея Петровича и меня, въ поѣздкѣ участвовали нашъ общій старинный товарищъ В. П. Павловъ и младшій товарищъ Андрея Петровича по академіи—В. В. Бѣляевъ (котораго А. П. и принялъ въ сожители по мастерской). Маршрутъ нашъ былъ слѣдующій: Нева, Шлиссельбургъ, каналъ Александра II, Старая Ладога, Волховъ, Соснинская пристань, Новгородъ. Затѣмъ на лошадяхъ до Валдая, оттуда на озеро Селигеръ, въ Нилову пустынь, Осташковъ, на верховья Волги и во Ржевъ.

Поѣздка эта, въ свое время, была описана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]). Въ иллюстрированіи текста принималъ дѣятельное участіе и Андрей Петровичъ. Имъ исполнены рисунки: могила сектанта Шилова въ Шлиссельбургѣ, внутренній видъ крѣпости въ Старой Ладогѣ, ворота Староладожскаго Никольскаго монастыря, Кравотынское плесо на озерѣ Селигерѣ, часовня надъ истокомъ Волги, Ржевъ и другіе.

Когда мы достигли Ржева, тамъ временно находилась чудотворная Оковецкая икона Божіей Матери. Въ церкви, за всенощной, была масса молящихся. Въ продолженіе всей службы богомольцы безпрерывнымъ потокомъ тянулись прикладываться къ иконѣ. Андрей Петровичъ долго вглядывался въ это движеніе у иконы, и результатомъ его вглядыванья былъ сначала рисунокъ, а потомъ и картина: «Чудотворная икона», выставленная на передвижной выставкѣ 1894 года. Картина была пріобрѣтена какою-то балетною или драматическою артисткою.

---

[1]) Мартъ, апрѣль 1893 г. и апрѣли, май и іюнь 1894 г.

Помню, что, вернувшись въ Приволье, мы какъ-то гуляли съ Андреемъ Петровичемъ на опушкѣ рощи, неподалеку отъ его мастерской. Вечеръ былъ тихій. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Вершины березъ вдоль опушки горѣли золотистымъ багрянцемъ, съ рѣки чуть замѣтною дымкой поднимался туманъ.

Андрей Петровичъ остановился.

— Хорошо было бы,—заговорилъ онъ:—написать среди этого пейзажа прислонившагося къ дереву старичка-пустынника. Жизнь прошла. И для него наступилъ такой же вечеръ. Стоитъ онъ у дерева, смотритъ на солнышко, на деревья, на рѣку — любуется, а самъ тихонько шепчетъ молитву.

Эта мысль долго не оставляла его. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ наброски; принялся даже за картину (пустынникъ уже сидѣлъ подлѣ своей землянки, освѣщенный вечернимъ свѣтомъ), но, вѣроятно, то, что выходило, мало удовлетворяло его, и картина была оставлена.

Тѣмъ не менѣе, типъ пустынножителя, носившійся въ его воображеніи, имъ все-таки воспроизведенъ, и воспроизведенъ съ глубокимъ чувствомъ и выразительностью. Я говорю о написанной имъ въ даръ нашей Добросельской церкви иконѣ мѣстнаго угодника, преподобнаго Макарія Римлянина. Святой изображенъ въ схимѣ, съ молитвенно сложенными руками и глубоко прочувствованнымъ молитвеннымъ выраженіемъ въ изможденныхъ постомъ и лишеніями чертахъ блѣднаго серіознаго лица. Сѣроватый осенній пейзажъ, разстилающійся вокругъ подвижника, прекрасно завершаетъ общее настроеніе. На мой взглядъ, это—одно изъ удачнѣйшихъ его произведеній.

Заговоривъ о Добросельской церкви, не могу не вспомнить, съ какой любовью, особенно въ первые годы, онъ трудился вмѣстѣ съ нами надъ ея украшеніемъ. Помимо иконы преподобнаго Макарія, имъ реставрировано изображеніе Тайной вечери, сдѣланы пять копій двунадесятыхъ праздниковъ и написаны для парусовъ головы евангелистовъ Іоанна и Луки.

Между тѣмъ, дѣти мои успѣли подрости, и мнѣ пришлось для ихъ образованія переселиться въ Петербургъ. Съ этого времени я видѣлся съ Андреемъ Петровичемъ только по лѣтамъ и еще на святкахъ, когда онъ пріѣзжалъ въ имѣніе уже въ качествѣ гостя.

Оставаясь въ Привольѣ, онъ продолжалъ работать и написалъ большую картину: «Сидѣніе о дѣлахъ молодого Михаила Ѳеодоровича съ боярами», за которою слѣдовала другая: «Московскія женщины и дѣвушки въ церкви (XVII столѣтіе)». Эта послѣдняя пріобрѣтена въ Третьяковскій музей; относительно же «Сидѣнія съ боярами» могу замѣтить, что прежде она составляла собственность покойнаго С. К. Яковлева, въ настоящее время мѣстонахожденіе ея мнѣ неизвѣстно. Могу также прибавить, что сюжетъ моля-

щихся въ церкви женщинъ допетровской Руси очень долго занималъ Андрея Петровича. Онъ нѣсколько разъ принимался за него въ различныхъ композиціяхъ, но большею частью не заканчивалъ и отставлялъ въ сторону, а потомъ, по своему обыкновенію, записывалъ холсты другими сюжетами.

Въ началѣ 1895 года была устроена въ Москвѣ первая выставка основаннаго незадолго передъ тѣмъ, по иниціативѣ А. А. Корелина, общества художниковъ исторической живописи. Андрей Петровичъ былъ однимъ изъ учредителей общества, и на первой же выставкѣ помѣстилъ двѣ свои картины: вышеупомянутое «Сидѣніе съ боярами» и большое только что законченное полотно: «Московская улица до Петра Великаго въ праздничный день». Картина эта обратила на себя общее вниманіе и была пріобрѣтена А. А. Фроловымъ.

На исторической же выставкѣ въ слѣдующемъ году онъ выставилъ новую картину: «Типъ купеческой семьи XVII вѣка», съ слѣдующимъ примѣчаніемъ въ каталогѣ: «Авторъ задался цѣлью воспроизвести типы главныхъ слоевъ общества XVII вѣка. Въ будущемъ предполагаетъ написать боярина съ семьею, царя съ семьей и т. д.», и съ подробнымъ описаніемъ изображеннаго. По его словамъ, это должны были быть не картины, а «изслѣдованія», но, кажется, черезъ нѣсколько времени онъ охладѣлъ къ этой идеѣ; по крайней мѣрѣ, ни боярской, ни царской семьи онъ, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не выставлялъ («Типъ купеческой семьи», вмѣстѣ съ «Московскими женщинами въ церкви», былъ выставленъ на Парижской выставкѣ. Обѣ картины доставили автору почетный отзывъ жюри).

Работая надъ картинами, Андрей Петровичъ принималъ участіе и въ живописныхъ работахъ для мозаикъ храма Воскресенія въ Петербургѣ, на мѣстѣ кончины императора Александра II. Мастерская его была снизу до верху увѣшана громадными картонами съ изображеніями разныхъ святыхъ и композиціями сюжетовъ изъ Новаго Завѣта. Въ продолженіе этихъ годовъ имъ написаны въ колоссальныхъ размѣрахъ: «Хожденіе Іисуса Христа по водамъ», «Исцѣленіе бѣсноватаго», «Призваніе апостола Матѳея», «Бракъ въ Канѣ Галилейской», «Насыщеніе народа пятью хлѣбами» (для полукупола) и многое другое.

Въ 1896 году онъ былъ приглашенъ, въ числѣ другихъ художниковъ, въ Москву на торжество коронаціи для работъ по коронаціонному альбому и выполнилъ для него два акварельныхъ рисунка. Въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ сотрудничалъ и въ роскошномъ изданіи г. Кутепова: «Царская охота», исполнивъ для него нѣсколько акварелей: «Пиръ царя Алексѣя Михаиловича въ охотничьемъ шатрѣ», «Императрица Анна Іоанновна на охотѣ» и «Петръ I съ супругою въ шлюпкѣ на Невѣ». Послѣднія двѣ аква-

рели представляли рѣдкій случай, когда онъ покинулъ старинную Русь допетровскаго времени.

Но у себя въ тишинѣ мастерской онъ продолжалъ разрабатывать свои любимые сюжеты. Въ послѣднее время онъ трудился надъ двумя большими картинами: «Убіеніе волхва въ Новгородѣ рукою князя Глѣба Мстиславича» и «Мученическая кончина св. князя Глѣба Владимировича». Ни та, ни другая выставлены не были. Первую изъ нихъ пріобрѣлъ въ мастерской архитекторъ Д. А. Шагинъ; въ ней прекрасно разработана тянущаяся посмотрѣть на убитаго пораженная, недоумѣвающая толпа. Во второй картинѣ была особенно трогательна фигура юнаго князя, почти мальчика, робко прижавшагося къ досчатой стѣнкѣ насада, за которою онъ думаетъ найти убѣжище отъ убійцъ. Характерна была и фигура подходящаго торчина. Я видѣлъ картину въ несовсѣмъ оконченномъ видѣ, и гдѣ она теперь находится и сохранилась ли даже вообще, — сказать не могу.

Я перечисляю здѣсь только крупныя произведенія Андрея Петровича; что же касается до его мелкихъ работъ карандашомъ, перомъ, гуашью, акварелью, этюдовъ, эскизовъ, набросковъ, оконченныхъ и неоконченныхъ, ихъ трудно было бы и счесть. У меня одного ихъ хранится, не считая альбомовъ, болѣе сотни. Помѣщаю здѣсь нѣкоторые изъ болѣе доступныхъ для техническаго воспроизведенія.

Въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ по Россіи, которыя мы ежегодно предпринимали съ В. П. Павловымъ, Андрей Петровичъ, вѣчно занятый какими нибудь работами, не участвовалъ. Но когда, въ 1898 году, мы собрались въ Ярославль и на Волгу черезъ Москву, Троице-Сергіеву лавру, Александровъ и Переяславль-Залѣсскій, онъ не утерпѣлъ и, оставивъ работы, поѣхалъ съ нами. Андрей Петровичъ былъ очень доволенъ поѣздкою и впослѣдствіи часто съ удовольствіемъ вспоминалъ о ней.

Послѣдніе его рисунки для «Историческаго Вѣстника» были нарисованы къ моимъ путевымъ замѣткамъ, гдѣ описана часть нашего путешествія, именно посѣщеніе города Александрова (декабрьская книжка 1901 года).

Но нравственный обликъ этого симпатичнаго, добраго человѣка былъ бы не полонъ, если бы я не сказалъ нѣсколько словъ о его горячей любви къ музыкѣ и врожденной недюжинной музыкальности. Музыку онъ готовъ былъ слушать цѣлыми часами, цѣлыми днями, и нѣкоторыя произведенія Шопена, Бетховена и Шуберта приводили его буквально въ восторгъ. Но болѣе всего любилъ онъ музыку русскую. Глинка былъ его кумиромъ, а любимѣйшими операми, помимо, конечно, «Жизни за царя» и «Руслана», — «Русалка», «Псковитянка», «Борисъ» и «Хованщина». У меня посейчасъ хранятся два большихъ его эскиза масляными

красками, изображающихъ стрѣлецкій дозоръ надъ спящимъ Кузькою изъ «Хованщины» и появленіе пристава въ корчмѣ на литовской границѣ изъ «Бориса». Голова захмелѣвшаго Варлаама вышла до того экспрессивна, что по моей просьбѣ онъ еще разъ повторилъ ее на особомъ холстѣ. Свою любовь къ «Жизни за царя» и «Руслану» онъ выразилъ въ подаренныхъ мнѣ двухъ большихъ сборныхъ композиціяхъ гуашью, гдѣ собраны выдающіяся сцены этихъ безсмертныхъ произведеній. Помимо этого, онъ скомпановалъ еще цѣлый рядъ прекрасныхъ декорацій для моего маленькаго театра-миксита къ «Псковитянкѣ», «Хованщинѣ» и «Жизни за царя».

Выдающаяся музыкальность его была несомнѣнна. Обладая прекраснымъ слухомъ, онъ почти самоучкою выучился играть на скрипкѣ, на гитарѣ, на балалайкѣ и на деревенской гармоніи. Особенно хорошо игралъ онъ на балалайкѣ и гитарѣ. Съ балалайкою я и снялъ его лѣтомъ 1887 года.

Въ дѣтствѣ онъ пѣлъ на родинѣ въ церковномъ хорѣ, и до конца жизни владѣлъ небольшимъ, пріятнымъ теноркомъ, хотя, по скромности, пѣть рѣшался только въ ансамбляхъ. Въ компаніи съ нами онъ нерѣдко пѣвалъ и въ Добросельской церкви на клиросѣ и даже любилъ разсказывать, какъ сорвалъ себѣ голосъ во время «Ангелъ вопіяше» на пасхальной службѣ.

Сборники Римскаго-Корсакова и Балакирева, а также клавираусцугъ «Руслана» постоянно хранились въ его походномъ чемоданчикѣ (замѣнявшемъ у него библіотечный шкафъ), вмѣстѣ съ альбомами: Герберштейномъ, Олеаріемъ и Котошихинымъ.

Онъ нерѣдко пѣвалъ мнѣ мелодіи нѣкоторыхъ кантъ, которыя поютъ на его родинѣ «чернички». Такъ называются одинокія женщины и старыя дѣвушки, хотя и живущія въ міру, но ютящіяся въ сторонѣ отъ другихъ, въ особыхъ домикахъ-келейкахъ. Канты эти заинтересовали меня, и онъ въ одну изъ поѣздокъ въ Тамбовскую губернію нарочно посѣтилъ черничекъ, провѣрилъ у нихъ старые напѣвы и записалъ нѣсколько новыхъ. Изъ всего этого матеріала онъ составилъ небольшой сборникъ, который и преподнесъ мнѣ въ самодѣльномъ, остроумно разукрашенномъ съ помощью перочиннаго ножа, переплетѣ.

Однажды, будучи въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ, проходя по улицѣ, услышалъ изъ оконъ какого-то трактира пріятные звуки неизвѣстнаго ему до того инструмента. Черезъ минуту онъ былъ уже въ общемъ залѣ и увидѣлъ древняго старика, игравшаго на большихъ черемисскихъ гусляхъ. Ихъ тихій, нѣжный звукъ настолько понравился Андрею Петровичу, настолько повѣялъ на него отдаленною сѣдою стариною, что онъ предложилъ старику продать ему гусли. Но тотъ не могъ разстаться съ ними, такъ какъ игра на нихъ составляла его единственное средство къ пропитанію. Андрей Петро-

вичъ сдѣлалъ точный обмѣръ гуслей, зачертилъ ихъ устройство и, возвратясь въ Приволье, немедленно заказалъ столяру по чертежамъ деревянную основу, накупилъ струнъ, натянулъ ихъ, подстроилъ, и гусли были готовы. На этихъ гусляхъ Андрей Петровичъ, послѣ нѣкотораго упражненія, очень недурно исполнилъ прелюдію Баяна къ речитативу: «За благомъ вслѣдъ», изъ перваго дѣйствія «Руслана».

Я уже говорилъ, что онъ прекрасно игралъ на балалайкѣ и гитарѣ, но это не была игра виртуозная въ шаблонномъ смыслѣ слова. Въ ней не было ни сложныхъ пассажей, ни акробатическаго преодолѣванія техническихъ трудностей, но взамѣнъ этого она вся была проникнута глубокою поэзіей. Часто онъ въ звукахъ создавалъ передъ нами цѣлыя картины, напримѣръ, прогулку деревенскихъ парней по улицѣ съ балалайкою, при чемъ игралъ роль даже и уголъ избы, изъ-за котораго они появляются, или деревенскую пляску подъ балалайку, на той же улицѣ.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое я испыталъ, слушая передачу на гитарѣ одного эпизода изъ его путешествій.

Дѣло было гдѣ-то на югѣ. Андрей Петровичъ остановился въ какой-то степной деревенькѣ и вышелъ въ степь писать этюдъ. Во время работы мимо него шагомъ, лѣниво покачиваясь на сѣдлѣ и перебирая на струнахъ какую-то пѣсню, проѣхалъ казакъ. Вотъ и весь эпизодъ. Но надо было слышать его въ звуковой передачѣ Андрея Петровича, чтобы понять всю прелесть его музыкальныхъ красотъ. Среди глубокой тишины, несмотря на то, что онъ самъ сидѣлъ подлѣ насъ, изъ далекой дали, какъ бы доносимые легкимъ вѣтеркомъ, раздавались тихіе, еле уловимые звуки гитары. Мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія, они незамѣтно начинали крѣпнуть, и вдали какъ бы показывалась верховая фигура играющаго, переборы струнъ ясно отчеканивали топотъ приближающейся шагомъ лошади. Между тѣмъ, звуки все росли и росли. Гдѣ-то высоко вверху подъ аккордами аккомпанемента, какъ жаворонокъ въ небѣ, проносилась грустная, заунывная тема. Топотъ коня слышался все ближе и ближе. Онъ какъ бы выросталъ передъ слушателемъ. Вмѣстѣ съ нимъ выростала и самая пѣсня. Вотъ она уже гремитъ надъ самою головою. Но это былъ только одинъ моментъ. Такъ же плавно и незамѣтно, какъ приблизилась, пѣсня начинала удаляться. Гитара звенѣла глуше и глуше, и заунывные, хватающіе за сердце звуки пѣсни мало-по-малу таяли въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько секундъ они окончательно замирали въ дали, а слушатель все еще сидѣлъ, продолжая вслушиваться въ снова наступившую глубокую тишину.

Я убѣжденъ, что, если бы Андрей Петровичъ вмѣсто живописи всецѣло посвятилъ себя музыкѣ, то, обладая такимъ поэтическимъ чувствомъ, онъ создалъ бы и тамъ недюжинныя вещи.

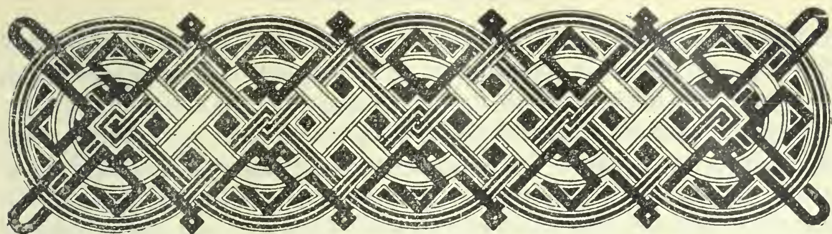
Много и другихъ цѣнныхъ для меня эпизодовъ и отдѣльныхъ подробностей сохранилось въ памяти, но я боюсь утомлять вниманіе читателя.

Въ 1901 году сожитель Андрея Петровича, В. В. Бѣляевъ, купилъ неподалеку имѣніе. Андрей Петровичъ, котораго въ послѣднее время начало тяготить веденіе самостоятельнаго хозяйства, перебрался жить къ нему, и наши свиданія сдѣлались болѣе рѣдкими [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ еще по временамъ заходилъ ко мнѣ, настроилъ, между прочимъ, мой рояль, начертилъ для моего сына большой планъ Москвы и написалъ на входныхъ дверяхъ моей библіотеки летящую фигуру Аполлона Музагета. Но это была уже послѣдняя его работа, оставленная имъ на память о нашей дружбѣ.

Въ послѣдніе два года, въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, мнѣ не случилось видѣться съ Андреемъ Петровичемъ. Я увидалъ его уже во время отпѣванія въ церкви Добраго Села. Въ гробу онъ лежалъ такой же бѣленькій, худенькій, такой же симпатичный, какимъ бывалъ и въ жизни, и на глаза навертывались слезы, когда пришлось провожать въ могилу этого талантливаго, милаго, задушевнаго человѣка.

И. Тюменевъ.

[1]) Въ новой мастерской онъ написалъ: «Ожиданіе посольства въ допетровской Москвѣ» и «Боярина въ жалованной съ царскаго плеча шубѣ». Первая изъ картинъ пріобрѣтена въ музей Александра III, вторая находится у В. В. Бѣляева.



ЗАДАЧИ РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ОТЗЫВАХЪ МѢСТНЫХЪ СВѢДУЩИХЪ ЛЮДЕЙ.

ЩЕ НЕ ТАКЪ далеки отъ насъ времена, когда важность просвѣщенія для русскаго народа во всемъ его цѣломъ опредѣлялась тѣмъ, что оно «украшаетъ умъ и облагораживаетъ сердце»,—практически цѣнилось лишь знаніе грамоты и ариѳметики. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка представители сословій, въ комиссіи о составленіи новаго уложенія въ отвѣтъ на заботы императрицы Екатерины II объ учрежденіи въ Россіи школъ, заявляли чистосердечно, что «училищъ для крестьянъ совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцамъ другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты», а грамоту «могутъ оные имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было». Когда все-таки училища были открыты, обыватели многихъ городовъ подавали слѣдующія заявленія правительству: «купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ, и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы». Большинство предпочитало пріучать дѣтей своихъ «къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются». Народъ отказывался отъ просвѣщенія, навязываемаго ему правительствомъ, и по-своему былъ правъ, по духу и потребностямъ вѣка, такъ какъ даже передовое

сословіе, дворянство, не видѣло въ то время особой пользы для себя въ просвѣщеніи. Далеко не всѣ дворяне — помѣщики были грамотны; ничтожное число ихъ, учившееся въ военныхъ и гражданскихъ школахъ для полученія бòльшихъ правъ по службѣ, считались уже «учеными». Въ царствованіе Александра I многіе офицеры едва умѣли подписывать свою фамилію или же писали безграмотно, даже достигнувъ высокихъ постовъ по службѣ; другіе же, «европейски образованные», не умѣли часто ни писать, ни говорить по-русски. Да и учиться собственно было некогда: на военную службу вступали очень рано, на 15-мъ, 16-мъ году; продолжали же свое образованіе самоучкою лишь немногіе богато одаренные отъ природы люди въ свободное отъ службы время, пользуясь счастливыми обстоятельствами. Мемуары русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣковъ даютъ безчисленныя этому доказательства. Въ военной средѣ знаніе фронта и уставовъ долго, долго, до начала царствованія императора Александра II, цѣнилось выше образованія, которое считалось достояніемъ «подьячихъ». И, въ самомъ дѣлѣ «неученый» графъ Аракчеевъ, управляя Россіей, иронически завидовалъ уму и образованію графа Кочубея, какъ позже «неученый» и безграмотный Сухозанетъ считалъ себя на мѣстѣ, начальствуя надъ военной академіей и занимая должность военнаго министра, довольствуясь спеціальными знаніями. И даже эти люди, безъ развитія и широкаго кругозора, были бы, быть можетъ, полезны Россіи въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ (Аракчеевъ, напримѣръ, въ устройствѣ артиллеріи), но та система, въ которой они могли играть и играли руководящую роль, должна была привести Россію къ крымской кампаніи, потому что въ половинѣ XIX вѣка культурная жизнь человѣчества развилась и осложнилась уже настолько, что старыя, ремесленныя силы «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма» оказались недостаточными даже для «великой и обильной» матушки Россіи.

Читателямъ, кажется, нѣтъ надобности подробно уяснять, почему Россія конца XVIII вѣка могла обходиться безъ просвѣщенія народной массы, не нанося этимъ особаго вреда своимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ, а Россія конца XIX и начала XX в., не заботясь о немъ, подписала бы себѣ смертный приговоръ, заранѣе отдавая себя экономически и политически въ рабство болѣе культурнымъ государствамъ. Намъ дико теперь читать заявленія нашихъ предковъ въ отвѣтъ на стремленія правительства къ насажденію просвѣщенія, но, съ исторической точки зрѣнія, заявленія эти были до извѣстной степени законны и понятны: экономическая и политическая жизнь человѣчества вообще была сравнительно такъ еще патріархальна, такъ несложна, а сырыя силы Россіи такъ относительно огромны, что образованіе даже въ высшихъ сословіяхъ казалось роскошью. И въ самомъ дѣлѣ, эко-

номически мы душили Европу своимъ вывозомъ, почти не нуждаясь въ] ввозѣ, политически побѣждали Наполеона и «освобождали» на свое горе Европу, несмотря на Аракчеевыхъ и Сухозанетовъ, несмотря на первобытное, даже хищническое хозяйство, несмотря на отсутствіе мысли и подавленіе личности, брали, если можно такъ выразиться, количествомъ силы, а не качествомъ ея. Россія была «самодовлѣющимъ» государствомъ даже для Петра Великаго и Екатерины II, а въ сознаніи коренного русскаго населенія все, что совершалось внѣ предѣловъ Россіи, даже внѣ предѣловъ какой либо губерніи, представлялось чѣмъ-то чуждымъ, отдаленнымъ: «хоть три года скачи—не доскачешь». Искусственно развивать потребность народа въ просвѣщеніи, въ сближеніи съ культурными народами, составляло задачу правительства, но народъ въ массѣ оставался равнодушенъ къ ней, обнаруживая ту «косность», которая приводила въ изумленіе всѣхъ иностранцевъ. Косность эта, однако, должна была исчезнуть, когда на сосавшаго свою лапу медвѣдя начали дѣлать облавы.

Мечтанія о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ люди всѣхъ націй будутъ составлять одну дружную семью, осуществятся, конечно, не совсѣмъ скоро, и, пока-то они еще осуществятся, навѣрно много народовъ будутъ стерты съ лица земли въ борьбѣ ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи XX вѣкъ едва ли будетъ рѣзко отличаться отъ XVIII и XIX вѣковъ. Но способы «стиранія» значительно измѣнились теперь сравнительно съ прежними. Ужасна, конечно, война съ сотнями тысячъ погибшихъ жизней, но еще ужаснѣе экономическое и духовное рабство, въ которое впадаютъ болѣе слабыя культурно націи безъ пушечныхъ выстрѣловъ, даже безъ всякаго подобія войны. Орловскій или рязанскій мужикъ и не думалъ раньше, что его благосостояніе зависитъ отъ урожаевъ въ Австраліи, отъ какихъ-то надбавокъ въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, отъ усовершенствованій земледѣльческихъ машинъ въ Америкѣ или вслѣдствіе проведенія какой либо международной желѣзнодорожной магистрали. Теперь ни одно государство не можетъ быть увѣрено, что при отсутствіи хорошо вооруженной силы его не сдѣлаютъ вѣчнымъ данникомъ другой державы путемъ навязаннаго и толково составленнаго торговаго договора. Наконецъ, что́, если не смерть, предрекаетъ странѣ и народу чуждая ему по духу и крови его умственная аристократія, его интеллигенція? Если русская интеллигенція до сихъ поръ, по выраженію И. С. Аксакова, «не сподобилась еще быть выразительницей думъ русскаго народа» вслѣдствіе сохранившагося еще разрыва съ нимъ, то заполненіе сплоченными инородческими массами интеллигентныхъ профессій въ Россіи грозитъ несомнѣнно, по меньшей мѣрѣ, обезличеніемъ русской народной души, если не духовнымъ ея рабствомъ. Но если бы даже возможность внутренняго завоеванія Россіи ино-

родцами и представлялась проблематичной, сама по себѣ, то едва ли кто будетъ спорить, что тѣсное единеніе ядра государства съ его разноплеменными окраинами значительно облегчается культурнымъ его превосходствомъ надъ ними.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія будетъ жива и сильна до тѣхъ только поръ, пока живъ и силенъ будетъ создавшій ее русскій народъ. Между тѣмъ, какъ ни стыдно сознаться въ этомъ, масса русскаго, преимущественно крестьянскаго люда въ образовательномъ смыслѣ стоитъ теперь даже ниже русскихъ евреевъ. Сознавая важность образованія для своихъ дѣтей, евреи не щадятъ усилій, чтобы провести ихъ чрезъ школу. И теперь уже, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, изъ лицъ свободныхъ интеллигентныхъ профессій, — евреевъ — около 30%, тогда какъ въ Россіи евреи составляютъ только 3% населенія. Хотя, конечно, всѣ они русскіе подданные, и стремленіе ихъ къ просвѣщенію заслуживаетъ уваженія, но было бы справедливо, чтобы русскіе люди догнали ихъ въ процентномъ отношеніи и на культурномъ поприщѣ. Процентное ограниченіе числа евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ не всегда строго примѣняется, да и не въ немъ дѣло: достойнѣе великому народу самому итти впереди по пути культурнаго развитія, а не ограждать своего сомнительнаго культурнаго первенства только урѣзками правъ инородцевъ на образованіе. Между тѣмъ, въ глазахъ образованныхъ инородцевъ русскій неграмотный, невѣжественный человѣкъ, безъ сомнѣнія, не будетъ даже той «святою скотиной», какой онъ былъ для многихъ русскихъ европейцевъ XVIII и начала XIX вѣка.

Уже послѣ крестьянской реформы лучшіе русскіе люди пришли къ сознанію, что судьба русскаго образованія есть въ то же время судьба Россіи и русскаго народа. О крайней необходимости развитія народнаго образованія писали и говорили безъ конца, а много ли мы для него сдѣлали? Забота о начальномъ народномъ образованіи сначала возложена была правительствомъ, главнымъ образомъ, на земство, и оно посильно оправдало его ожиданія. Земство успѣло организовать дотолѣ не существовавшую систему народнаго образованія въ Россіи, преобразовать соотвѣтственно старыя и открыть массу новыхъ училищъ; въ большинствѣ случаевъ на народное образованіе земства даже теперь тратятъ до 15% своей смѣты и, можетъ быть, тратили бы еще болѣе, если бы тормазомъ для нихъ не послужилъ недавно изданный законъ о предѣльности земскаго обложенія. Въ 1885 году начали открываться церковно-приходскія школы и школы грамотности, находящіяся въ вѣдѣніи святѣйшаго синода. Усилія правительства, земства и общества въ дѣлѣ народнаго образованія, однако, не привели къ желаемымъ результатамъ. Школъ для народа, а также низшихъ учебныхъ заведеній

во всей Россіи, по даннымъ 1897 года, было всего 71.528 съ 3.275.000 учащихся при населеніи въ 116.000.000, тогда какъ при всеобщемъ обязательномъ обученіи число учащихся могло бы быть, считая всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, въ семь разъ болѣе. Къ школамъ этимъ, правда, должно прибавить низшія школы вѣдомства императрицы Маріи (до 400 съ 67.000 учащихся) и начальныя школы военнаго вѣдомства (свыше 10.000 съ 300.000 учащихся).

Общая сумма государственныхъ и общественныхъ расходовъ на народныя школы, свыше 33.000.000 рублей, разумѣется, ничтожна для государства, обладающаго почти двухмилліарднымъ бюджетомъ, особенно если принять въ соображеніе, что расходы государственнаго казначейства на начальное народное образованіе въ общемъ едва достигаютъ 11.000.000 рублей. Содержаніе народныхъ учителей и учительницъ, въ большинствѣ случаевъ, нищенское; учительницы, напримѣръ, въ школахъ грамоты святѣйшаго синода получаютъ всего 10 рублей въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, возникавшій даже въ министерство графа Д. А. Толстого въ 1876 году, конечно, является неразрѣшимымъ. Объ обязательности обученія нельзя и разговаривать, когда нѣтъ въ наличности школъ и средствъ на ихъ открытіе. Въ восьмидесятые годы министерство народнаго просвѣщенія предложило земствамъ, въ случаѣ введенія ими обязательнаго обученія, принять на себя часть расходовъ на него, но на практикѣ эта прекрасная мѣра не осуществилась. Въ довершеніе всего тормазомъ для развитія народнаго просвѣщенія послужили пререканія между отдѣльными вѣдомствами, а также крайне неупорядоченная и потому стѣснительная регламентація по наблюденію за школами и дополняющими ихъ просвѣтительными учрежденіями: народными библіотеками, чтеніями и т. д. Въ то же время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія находилось до 100 приходскихъ училищъ, дѣйствующихъ по уставу 1828 года (!)— прямое доказательство быстроты и своевременности его законодательныхъ работъ. Вся дѣятельность министерства по отношенію къ начальному народному образованію, главнымъ образомъ, руководилась цѣлями контроля и наблюденія и отнюдь не носила творческаго, созидающаго характера. Ссылка на недостаточность финансовыхъ средствъ едва ли объяснитъ эту черту дѣятельности министерства, такъ какъ оно пассивно, чтобы не сказать болѣе, относилось къ просвѣтительнымъ начинаніямъ, возникавшимъ изъ среды общественной. Было бы также несправедливо оправдывать его указаніемъ на существовавшія якобы неблагопріятныя начальному образованію теченія во внутренней нашей политикѣ: они никогда не мѣшали дѣятельности въ этомъ направленіи воен-

наго министерства, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и святѣйшаго синода.

Но если народныя школы были пасынками министерства, то среднія и особенно высшія учебныя заведенія были излюбленными его дѣтищами, на которыя потрачено было относительно много денегъ, еще болѣе заботъ и чернилъ. Въ теченіе XIX вѣка система образованія мѣнялась очень часто, сообразно видамъ правительства, и постоянно въ единообразномъ духѣ, какъ будто потребности населенія шестой части свѣта можно было уложить въ шаблонную рамку. Въ этомъ отношеніи сказывалось и сказывается дѣйствіе рутины, наслѣдіе тѣхъ временъ, когда средняя и высшая школа имѣла цѣлью созданіе необходимыхъ для государства чиновниковъ, а объ общественныхъ потребностяхъ никто и не заикался. Самымъ яркимъ воплощеніемъ этой централизаціи и одноформенности образованія было министерство графа Д. А. Толстого, когда наши гимназіи были прокрустовыми ложами для жаждавшихъ образованія, а реальныя училища должны были наполняться искалѣченными отбросами гимназій. Конечной цѣлью средняго образованія являлся университетъ, всѣ «незрѣлые» отметались въ жизнь съ обрывками знаній, непригодныхъ къ жизни и практической дѣятельности, но зато съ изощренными аппетитами. Мы живо помнимъ, какъ въ семидесятые годы низшіе классы гимназій наполнялись дѣтьми купцовъ и мѣщанъ, при чемъ родители заранѣе объявляли, что они возьмутъ дѣтей изъ 3-го и даже 2-го класса по пріобрѣтеніи ими элементарнаго образованія; опредѣляли же ихъ въ гимназіи потому, что другихъ школъ не было: не вкусивъ древнихъ языковъ, нельзя было вкусить и ариѳметики. Разношерстный составъ учащихся въ гимназіи оказывалъ вредное вліяніе и на стремившихся къ «зрѣлости» и на не мечтавшихъ о ней, но всѣхъ одинаково подавлялъ форменный, бездушный духъ казенщины системы образованія. Не мечтавшіе о «зрѣлости», и по собственному разуму, и по внушенію родителей, уклонялись отъ классицизма, къ изученію мертвыхъ языковъ относились насмѣшливо, а по этому примѣру и стремившіеся въ университетъ и въ техническія заведенія также видѣли въ нихъ одинъ балластъ, въ изученіи ихъ — отбываніе повинности. Послѣдствіемъ исключительнаго господства классической системы въ русскомъ образованіи, ужасныхъ пріемовъ въ ея примѣненіи, явилось какъ разъ противное тому, чего добивался графъ Толстой: развитіе такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата, выходившаго изъ гимназій до окончанія курса безъ всякихъ знаній, примѣнимыхъ къ жизни, и наполненіе университетовъ «зрѣлыми» людьми, которыхъ гимназія почти насильно проводила въ храмъ науки, убивъ предварительно въ нихъ любовь къ знанію и изощривъ зато пріемы къ пріобрѣтенію дипломовъ. Уже въ восьми-

десятые годы система Толстого обнаружила свою несостоятельность. Начали понимать, что времена измѣнились, что въ образовательномъ дѣлѣ необходимо итти навстрѣчу осложнившимся потребностямъ населенія міровой державы, что созданіе благонадежныхъ чиновниковъ не есть привилегія однѣхъ классическихъ гимназій, ибо самое благонадежное, военное сословіе, въ лицѣ и низшихъ, и высшихъ широко образованныхъ своихъ представителей, никогда не вкушало отъ классическаго древа. Началось ослабленіе классическаго режима, дано было развитіе сѣти реальныхъ училищъ, по ходатайству городскихъ обществъ; положено было, наконецъ, при содѣйствіи другихъ вѣдомствъ начало открытія низшихъ и среднихъ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній. Реформа средней школы, однако, все еще вопросъ будущаго. Старыя язвы растравляются всѣми неудобствами переходнаго состоянія, мелочи затѣняютъ часто сущность зла. Главное зло—недостаточное число среднихъ учебныхъ заведеній для Россіи. Къ началу XX вѣка 140-милліонное населеніе имѣетъ, не считая военно-учебныхъ заведеній, до 200 гимназій съ 72.000 учениковъ, до 50-ти прогимназій съ 7.000 учащихся и до 100 реальныхъ училищъ. Заведенія эти не въ состояніи принять и половины желающихъ поступить въ нихъ, доводя, однако, число учащихся въ своихъ стѣнахъ до невозможности правильно вести образовательное дѣло. Небольшой клапанъ открытъ коммерческими училищами и торговыми школами министерства финансовъ, которыхъ въ девятидесятые годы открылось до 80-ти, такъ какъ общеобразовательный курсъ въ нихъ мало чѣмъ уступаетъ курсу реальныхъ училищъ. Общество съ охотой пошло своими средствами навстрѣчу министерству финансовъ въ дѣлѣ открытія общеобразовательныхъ заведеній, подъ флагомъ коммерческимъ, въ виду отсутствія формализма въ постановкѣ этихъ школъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе привлеченія общественныхъ силъ къ организаціи и управленію ихъ. Развитіе частныхъ учебныхъ заведеній едва ли можетъ помочь горю, такъ какъ по существу своему они дороже правительственныхъ и общественныхъ и потому доступны только болѣе состоятельнымъ лицамъ. Можно положительно сказать, что переполненіе учебныхъ заведеній и крайнее обремененіе педагогическаго персонала являются главнѣйшими причинами неудовлетворительнаго ихъ состоянія, такъ озабочивающаго правительство и общество, и пока онѣ не будутъ устранены, никакіе циркуляры о насажденіи «сердечности», а также о водвореніи порядка въ школѣ, не въ состояніи помочь дѣлу; увеличится лишь число «прослушавшихъ», но не усвоившихъ общеобразовательный курсъ и получившихъ аттестаты отъ педагогическаго персонала «страха ради іудейска»; попавшаго однажды въ гимназическую богадѣльню маль-

чика будутъ тянуть за уши до выпуска, чтобы не подвергнуться ради него непріятностямъ. Мы не думаемъ даже, чтобы слѣдовало очень увеличивать число гимназій и реальныхъ училищъ вслѣдствіе ихъ переполненія. Переполненіе это обусловливается продолжающимся отсутствіемъ достаточнаго количества техническихъ и спеціальныхъ заведеній съ низшимъ и среднимъ курсомъ. Для всей Россіи существуетъ 12 среднихъ техническихъ училищъ, 14 низшихъ и 25 ремесленныхъ училищъ, не считая 32 желѣзнодорожныхъ училищъ, учрежденныхъ министерствомъ путей сообщенія для удовлетворенія потребностей желѣзныхъ дорогъ; 11 сельскохозяйственныхъ среднихъ заведеній (лѣсного средняго заведенія нѣтъ вовсе), два техническаго рисованія, одинъ межевой институтъ и пять землемѣрныхъ училищъ, 24 фельдшерскихъ школы. Въ этотъ перечень не вошли военно-учебныя заведенія и нѣсколько школъ художественнаго и артистическаго характера. Разумѣется, что для 140-милліоннаго населенія Россіи это — капля въ морѣ, и неудивительно, всѣ эти заведенія также переполнены, при чемъ за флагомъ остается масса «неудачниковъ», не находящихъ себѣ мѣста и въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

Отрадную страницу въ исторіи русскаго образованія представляетъ быстрое развитіе открытыхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ по почину вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. За 40 лѣтъ открыто до 200 женскихъ гимназій и 180 женскихъ прогимназій съ 72.000 учащихся, кромѣ существующихъ 51 женскихъ епархіальныхъ училищъ съ 13.200 учащихся и 31 института съ 8.000 воспитанницъ. Эта женская армія, хотя для Россіи и небольшая, оказываетъ большія услуги дѣлу просвѣщенія: ни одна образованная, даже просто грамотная мать не потерпитъ у себя безграмотныхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, существующія женскія профессіональныя школы, числомъ до 200, до сихъ поръ мало примѣнялись къ потребностямъ русской жизни. И на поприщѣ женскаго труда всего ярче выступаетъ хаосъ русской интеллигентной жизни: сколько лицъ, жаждущихъ работы, и сколько отраслей народной и общественной жизни, требующихъ грамотныхъ или, еще болѣе, образованныхъ работницъ! Между тѣмъ, по рутинѣ, мы готовимъ или педагогичекъ, или домоводокъ съ кулинарками, или, наконецъ, мастерицъ по кройкѣ и шитью.

Для окончившихъ курсъ средней женской школы вовсе не существуетъ курсовъ прикладныхъ знаній, особенно въ провинціи, и онѣ вынуждены искать труда преимущественно на педагогическомъ поприщѣ, гдѣ плата за трудъ понижена до платы плохой кухарки и горничной, если не менѣе. Существуетъ только одно правительственное женское коммерческое училище въ Петербургѣ и четыре женскихъ сельско-хозяйственныхъ школы во всей Россіи и два смѣшаннаго типа—техническаго рисованія въ Петербургѣ

и Москвѣ, не считая нѣсколькихъ художественныхъ школъ также смѣшаннаго характера, 13 женскихъ фельдшерскихъ школъ, 8 школъ для приготовленія акушерокъ и 24 школы для образованія сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Необычное явленіе представляетъ Орловская женская гимназія (Вятской губерніи) для зажиточныхъ крестьянокъ Орловскаго уѣзда; она доказываетъ, что среди крестьянъ пробудилось сознаніе важности образованія для женщины. Въ общемъ одно мужское среднее учебное заведеніе въ Россіи (всѣхъ типовъ) приходится на 190.000 душъ населенія и одно женское—на 415.000 (!). Общіе расходы всѣхъ вѣдомствъ на среднюю школу въ Россіи простираются до 34.000.000, въ томъ числѣ министерства народнаго просвѣщенія—до 16.000.000, изъ которыхъ расходы государственнаго казначейства простираются лишь на 40%, т.-е. 6½ милліоновъ; остальная сумма покрывается платой за ученье и пособіями отъ общественныхъ учрежденій и лицъ. Любопытно замѣтить, что, вслѣдствіе указанныхъ выше историческихъ причинъ, среднее образованіе имѣетъ въ Россіи болѣе широкій правительственный фундаментъ, чѣмъ начальное, которое, казалось бы, должно было бы имѣть большій просторъ и большія средства. Но, давно признано, съ историческими причинами бороться трудно...

Меньшій хаосъ и большую цѣлесообразность представляетъ, повидимому, система высшихъ учебныхъ заведеній. Будучи, такъ сказать, завершеніемъ образовательнаго зданія, они, сами по себѣ, могли бы свидѣтельствовать, что въ среднемъ и низшемъ образованіи у насъ благополучнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

У насъ 9 университетовъ (не считая Гельсингфорсскаго) и масса спеціальныхъ высшихъ техническихъ заведеній: 4 технологическихъ института, 4 политехникума, институты электротехническій, горный, гражданскихъ инженеровъ и путей сообщенія, московское инженерное училище, 2 сельско-хозяйственныхъ и одинъ лѣсной институты, 2 историко-филологическихъ, военно-медицинская академія и рядъ прикладныхъ врачебныхъ курсовъ, высшее художественное училище при академіи художествъ, межевой институтъ, 2 ветеринарныхъ и юридическій лицей. И правительство, и общество всегда обращали особое вниманіе на высшія учебныя заведенія, этотъ первый показатель нашей культурности предъ Европой. Мы издавна, опять историческимъ путемъ, привыкли сначала сооружать зданіе, а потомъ уже подводить подъ него фундаментъ: Петръ Великій ранѣе, чѣмъ возникли у насъ университеты, учредилъ академію наукъ. У насъ есть технологи и инженеры, но нѣтъ мастеровъ, монтеровъ и чертежниковъ, есть доктора, но мало фельдшеровъ, и т. д. Мы должны имѣть дѣло или съ высшимъ спеціалистомъ, къ которому не каждый разъ обратишься, или предоставить себя собственной безпомощности. Но тѣмъ болѣе молодежь

и стремится въ спеціальныя заведенія, чѣмъ менѣе удовлетворена потребность техническихъ познаній въ среднемъ курсѣ образованія. И надо признаться, что туда идутъ люди болѣе подготовленные, болѣе работящіе, уже въ силу конкурсныхъ требованій, потому что и здѣсь наплывъ желающихъ вдвое или втрое болѣе числа вакансій; «раздвигать же стѣны» заведенія,—какъ совѣтовалъ одинъ эффектный администраторъ,—въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ ограниченнымъ поневолѣ числомъ работающихъ въ лабораторіяхъ, музеяхъ, невозможно, а надо строить новое. Въ университетъ, въ большинствѣ случаевъ, идутъ уже тѣ, кто не попалъ въ спеціальное заведеніе, ибо въ университетъ дорога торная: требуется лишь «зрѣлость». Такимъ образомъ, университетъ въ Россіи, оставаясь храмомъ науки, подорванъ въ своемъ значеніи и требованіями жизни и характеромъ средней школы, питомцы которой и въ университетѣ заполняютъ профессіональные факультеты: медицинскій и юридическій, наукой для науки мало кто интересуется: даже филологическій и математическій факультеты готовятъ спеціально учителей, если только питомцы ихъ, по окончаніи курса, не думаютъ о поступленіи опять таки въ спеціальное заведеніе. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, жестока потребность университетскаго студента въ дипломѣ: не сдавшій государственнаго экзамена студентъ является безпомощнымъ пролетаріемъ, такъ какъ гимназія украсила его умъ, но знаній, которыми могъ бы онъ зарабатывать хлѣбъ, она ему не дала, и въ перспективѣ для него—полуголодное прозябаніе въ погонѣ на перебой за перепиской и уроками. Изученіе науки для науки ради украшенія ума возможно было для дворянъ-помѣщиковъ, матеріально обезпеченныхъ. Мы не будемъ касаться здѣсь другихъ причинъ печальнаго положенія университетовъ въ настоящее время, скажемъ только, что и «жрецы науки», профессора университетовъ, должны проходить тяжелую матеріальную школу, если не имѣютъ постороннихъ заработковъ, и оттого профессорскій составъ пополняется далеко не всегда лучшими и болѣе талантливыми людьми изъ окончившихъ курсъ студентовъ. И, тѣмъ не менѣе, число студентовъ въ университетахъ растетъ непрерывно (въ настоящее время ихъ до 15 т.) по мѣрѣ развитія числа среднеучебныхъ заведеній безъ законченнаго курса знаній прикладного характера. Вслѣдствіе переполненія среднихъ учебныхъ заведеній, во избѣжаніе упрековъ въ безсердечности и для прикрытія неизбѣжныхъ прорѣхъ въ постановкѣ учебнаго дѣла, гимназіи не относятся строго къ раздачѣ аттестатовъ зрѣлости, и въ массѣ студентовъ встрѣчаются люди съ весьма слабой подготовкой. Это безконечно жаль, потому что каждый студентъ обходится государству и обществу столько же, сколько одна хорошая начальная народная школа. Но что значатъ эти недочеты съ необходимостью для Россіи увеличить число образованныхъ людей въ провинціи, на мѣстахъ тяжкаго,

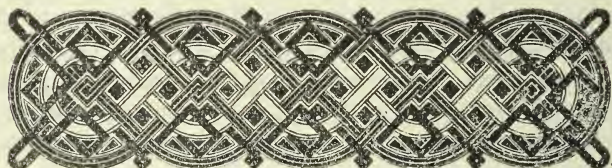
но часто мало осмысленнаго труда, гдѣ одинъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ приходится, если считать даже воспитанниковъ спеціальныхъ школъ, на 5 т. населенія? Деревня почти лишена юридической и медицинской помощи, повальное невѣжество дѣлаетъ возможными «холерные» и «земельные» бунты, а лицъ съ высшимъ образованіемъ такъ мало, что они остаются по губернскимъ и столичнымъ центрамъ въ надеждѣ какъ либо въ нихъ пристроиться. Казна затрачиваетъ на содержаніе университетовъ болѣе 3½ милл., почти вдвое болѣе стоитъ содержаніе спеціальныхъ заведеній, не считая военныхъ, и, между тѣмъ, чувствуется необходимость открытія новаго университета, который бывшій министръ, г. Зенгеръ, проектировалъ открыть въ Минскѣ. Не лишнее припомнить здѣсь, что западная окраина Россіи, съ еврейскимъ, польскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ, имѣетъ уже три университета: въ Варшавѣ, Кіевѣ и Юрьевѣ, не считая высшихъ спеціальныхъ заведеній въ Кіевѣ и Варшавѣ, между тѣмъ какъ коренная Россія, Великороссія, съ 70-милліоннымъ населеніемъ, имѣетъ только 2 университета: въ Москвѣ и Казани, и ни одного, внѣ Москвы, спеціальнаго высшаго техническаго учебнаго заведенія. Притомъ Московскій университетъ переполненъ (до 4 т. студентовъ), тогда какъ Варшавскій и Юрьевскій университеты, вмѣстѣ взятые, имѣютъ всего до 2½ т. слушателей. Любопытно было бы уяснить причины этого непонятнаго стремленія созидать образовательные центры внѣ ядра Россіи и заставлять русскихъ людей совершать образовательныя паломничества на окраины.

Что касается до высшихъ техническихъ заведеній, то ростъ ихъ въ Россіи созданъ былъ ростомъ фабричныхъ, заводскихъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій: всѣ они вызваны были къ жизни насущными потребностями совершавшагося промышленнаго оживленія. Дальнѣйшее ихъ процвѣтаніе едва ли подлежитъ сомнѣнію при энергичной поддержкѣ министерства финансовъ, но вопросъ, удовлетворены ли образовательныя нужды земледѣльческой Россіи, не могъ не обратить вниманія правительства, въ связи съ общимъ вопросомъ объ оскудѣніи центра и упадкѣ сельско-хозяйственной промышленности, и оно обратилось къ опросу мѣстныхъ свѣдущихъ людей, въ какой мѣрѣ «оскудѣніе» зависитъ отъ положенія просвѣщенія въ Россіи, отъ главнаго русла, по которому оно направляется, и какія именно просвѣтительныя мѣры способны были бы оживить русское земледѣліе и русскую жизнь. Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ отзывахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и на этотъ разъ они отнюдь не напоминаютъ отвѣтовъ депутатовъ Екатерининской комиссіи для составленія уложенія. Жаль только, что министерство народнаго просвѣщенія осталось какъ бы въ сторонѣ при возбу-

жденіи этого опроса, и разсмотрѣніе коренныхъ задачъ русскаго просвѣщенія, по старой привычкѣ ходить вокругъ да около, пріурочено лишь къ нуждамъ сельско-хозяйственной промышленности. Между тѣмъ, совершенно ясно, труды мѣстныхъ комитетовъ въ этомъ направленіи лишь дополняютъ кабинетные труды всевозможныхъ съѣздовъ и комиссій, собиравшихся въ послѣдніе годы при министерствѣ просвѣщенія и вовсе, кажется, не думавшихъ объ изученіи образовательныхъ пожеланій общества. Къ разсмотрѣнію этихъ пожеланій мы приступимъ къ слѣдующей статьѣ.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ.

ЕСНА и лѣто 1894 года въ Туркестанѣ были ознаменованы тѣмъ, что отряды подъ общимъ начальствомъ генералъ-майора Іонова, расползясь изъ Ферганы по Памирамъ, заканчивали свою боевую работу. Эта экспедиція, равно какъ и прежде бывшія подобныя ей, была направлена черезъ восточную часть Памира, Сары-Колъ, имѣющую холмистый характеръ. Дорога эта была давно извѣстна, и ею пробирались уже не разъ къ Гиндукушу. Между тѣмъ, съ запада, изъ Бухары къ этому хребту было не такъ легко попасть, вѣрнѣе, даже считалось, что отсюда на Памиры пути нѣтъ по причинѣ непроходимости Дарваза, самаго восточнаго изъ бухарскихъ бекствъ, отдѣляющаго Шугнанъ и Рошанъ отъ ханства. При томъ, кромѣ Дарваза, рѣка Пянджъ представляла изъ себя вторую не менѣе серьезную преграду на пути и отбивала всякую охоту у желающихъ попытаться пробраться на Памиры съ запада.

А между тѣмъ, афганскіе отряды, тѣснимые генераломъ Іоновымъ, все болѣе и болѣе придвигались къ Дарвазу, постепенно очищая Рошанъ, Ваханъ и Шугнанъ.

Въ такомъ положеніи былъ этотъ вопросъ въ концѣ іюня, когда въ Самаркандѣ формировалась рекогносцировочная партія изъ охотничьей команды второго туркестанскаго линейнаго батальона, цѣлью которой было попытать счастья пробраться именно черезъ бухарскія владѣнія на Памиры и тамъ соединиться съ отрядомъ генерала Іонова. Но, кромѣ того, чтобы взять съ этой экспедиціи все, что можно, со стороны высшаго начальства ей были даны еще двѣ са-

мостоятельныя задачи — изслѣдовать теченіе мало извѣстной рѣки Сангъ-Гардакъ и перерѣзать совершенно неизвѣстный районъ ханства — бассейнъ Тупалангъ-Дарьи, въ верховьяхъ которой, по предположенію, должны находиться обширные ледники.

Такъ какъ путь этой экспедиціи представляетъ изъ себя далеко не обычный маршрутъ по горнымъ дебрямъ Туркестана и захватываетъ собою Запянджскій Дарвазъ, по разграниченію 1895 года отданный Афганистану, и, значитъ, неизвѣстно, когда еще можно будетъ попасть кому либо изъ насъ европейцевъ, туда вторично, я и рѣшилъ, какъ участникъ этого похода, подѣлиться тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, съ людьми, интересующимися нашей такъ называемой Средней Азіей.

I.

4 іюля 1894 года въ лагерѣ второго баталіона была необычная суетливость. Бѣгали линейцы изъ барака въ баракъ въ то время, когда обыкновенно люди отдыхаютъ послѣ утомительной «стрѣльбы». На обозномъ дворѣ выводили и осматривали лошадей; болѣе крѣпкихъ отводили въ сторону, пригоняли имъ сѣдла и вьюки; болѣе слабыхъ возвращали въ стойла.

Возлѣ барака, гдѣ помѣщался я съ моимъ другомъ и начальникомъ предстоящей экспедиціи Н. Д., толпились охотники во главѣ со старшимъ, и между ними выглядывали изрѣдка физіономіи денщиковъ, любопытствующихъ взглянуть на пріѣхавшаго изъ Бухары отъ эмира чиновника, долженствующаго сопровождать насъ въ дальній, гадательный путь. Чиновникъ этотъ, необычайно породистый, красивый и дипломатичный таджикъ, лѣтъ 55, степенно распивалъ у насъ нашъ незатѣйливый оберъ-офицерскій чай — обязательное, офиціальное угощеніе въ Туркестанѣ, и, не торопясь, чинно велъ негромкій разговоръ съ Н. Д. черезъ бойкаго переводчика Подмосковнаго. Видно было, что опытному бухарцу не въ первый разъ приходилось выполнять разнаго рода отвѣтственныя порученія, и теперь онъ улыбался глазами, глядя на наши молодыя лица, которыя, должно быть, ясно говорили, что мы рады, очень рады предстоящему походу.

На общемъ совѣщаніи за чаемъ было рѣшено двинуться завтра, пятаго, и, сдѣлавъ небольшой переходъ, остановиться недалеко отъ Самарканда съ цѣлью испытанія обуви и пригонки вьюковъ. Весь этотъ день прошелъ въ хлопотахъ и сборахъ; надо было собрать охотниковъ, себя, перековать наново лошадей, получить экспедиціонныя вещи, оружіе, патроны, деньги и нескончаемыя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ весь успѣхъ похода.

На утро, въ шесть часовъ, команда была выстроена. Всего 16 человѣкъ и 2 конюха; кромѣ того, я не удержался и взялъ съ собою своего вѣстового — крѣпкаго, ловкаго и честнаго пермяка Ежова, съ спеціальной цѣлью ходить за моимъ воронымъ, кромѣ него, никого, не исключая и меня, къ себѣ не подпускавшимъ. Н. Д. взялъ своего киргиза «Мальчика», крѣпкую, отличную, но избалованную лошадь. На этихъ коней мы взвалили все свое офицерское добро; а вещи команды уложили на 6 вьючныхъ лошадей и, кромѣ того, взяли одну арбу до Пянджикента, небольшого чрезвычайно красиваго городка, отъ котораго къ Самарканду ведетъ старый, теперь уже брошенный почтовый трактъ.

Намъ надо было спѣшить, и хотя мы и получили указанія о томъ, что надо стараться не вступать съ афганцами въ непріязненныя дѣйствія, но приходилось скорѣе готовиться къ нимъ, нежели думать, что дѣло обойдется совершенно спокойно. Не знали мы при этомъ и тѣхъ пунктовъ, кромѣ Ша-джана, гдѣ находились въ то время наши памирскіе отряды. Впослѣдствіи же мы узнали, что и эти послѣдніе совершенно не знали о нашемъ движеніи, пока мы не вступили въ Дарвазъ. Подумали мы вдвоемъ, прикинули на карту, прочли двѣ—три статьи и рѣшили, что крѣпостца Ташъ-Курганъ въ Сѣверномъ Рошанѣ, занятая теперь казачьимъ разъѣздомъ, есть тотъ пунктъ, чрезъ который мы явимся къ генералу Іонову. Въ этомъ духѣ былъ составленъ и маршрутъ пути, представленный по начальству.

Подтянули ослабшія подпруги у коней, прочитали молитву, перекрестились... и тронулись.

Шествіе открывали Н. Д., я, за нами чиновникъ, Миръ-Ахуръ, на прекрасномъ карабаирѣ, покрытомъ великолѣпнымъ сплошь зашитымъ золотомъ чепракомъ; затѣмъ его слуга, взгромоздившійся на пѣгую съ сорочьимъ глазомъ лошадку, на которой былъ двухъаршинной высоты вьюкъ Миръ-Ахура, и за нимъ уже стройно выступала горсть линейцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ, за которой тянулись наши вьюки и арба.

Миръ-Ахуръ ѣхалъ, улыбался глазами и, похлопывая по бархатному чепраку нагайкой, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ: ему вѣдь все извѣстно—въ одномъ бекствѣ ему подарятъ лошадь и 200 тенегъ, въ другомъ — халатъ и лошадь, въ третьемъ еще что нибудь, и такъ будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А усталость—какая можетъ быть усталость у человѣка, съ пеленокъ ѣздящаго на конѣ, да еще такими покойными аллюрами, какъ хода да тропота́; сиди да похлопывай нагайкой, вотъ и все. Другое дѣло, зачѣмъ русскіе идутъ туда, въ такія трущобы, куда далеко не каждый и бухарецъ проберется, но тутъ же и отвѣтъ: должно быть, дорогу желѣзную проводить. Ну, что жъ, пускай проводятъ, вѣдь все равно эмиръ не будетъ сопротивляться, значитъ

«майли». А майли, значитъ и ему, Миръ-Ахуру, майли, что тожъ хорошо, или наплевать.

Совершенно незамѣтно перерѣзали мы весь Самаркандъ; захватили въ своихъ казармахъ еще кой-что изъ недостающихъ вещей, размѣняли на знаменитомъ Ригистанѣ русскіе рубли на сартовскія теньги, поругавшись при этомъ съ мѣнялами, и двинулись далѣе тѣми же безконечными садами по Пянджикентской дорогѣ къ первому нашему ночлегу въ Пейшамбе-Сіабъ.

Еще не было и двухъ часовъ, какъ мы расположились уже лагеремъ въ саду возлѣ мечети. Охотники пошли ловить рыбу въ многоводномъ арыкѣ Сіабѣ, не уступающемъ по количеству воды хорошей русской рѣкѣ. Подъ котломъ затрещали сучья, лошадямъ брошенъ клеверъ, намъ и командѣ постланы кошмы—и походная жизнь завязалась, влилась въ точныя рамки и такъ осталась въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ похода.

Вскорѣ явился къ намъ охотникъ, завѣдывающій артелью, и доложилъ, что за собранныя въ никому не принадлежащемъ саду мечети дрова сарты требуютъ баснословныя деньги, за простыя лепешки еще болѣе и такъ далѣе въ этомъ же родѣ. Н. Д., знакомый съ подобными явленіями, выразительно ворочалъ глазами и молчалъ. Миръ-Ахуръ торжествующе улыбался и тоже молчалъ. Я удивленно смотрѣлъ и соображалъ, что при такихъ цѣнахъ отпущенныхъ намъ весьма небольшихъ суммъ не хватитъ и на одну десятую предстоящаго пути. Наконецъ Н. Д. принялъ рѣшеніе и, выдавъ расписку старшему изъ сартовъ въ томъ, что офицерами взято для команды столько-то дровъ, лепешекъ и пр., и что по причинѣ непомѣрно запрашиваемыхъ цѣнъ ничего не заплачено; на словахъ же было объяснено, что съ этой распиской надлежитъ обратиться въ Самаркандъ къ хакиму (уѣздному начальнику), который уплатитъ за все, что взято. Эффектъ этой мѣры былъ поразителенъ: моментально явился аксакалъ (старшина), палками прогнавшій галдѣвшую оборванную и праздную толпу, и пугливо объяснилъ, что за дрова ничего не слѣдуетъ платить, и что по закону съ гостей денегъ брать нельзя, а мы—гости; притомъ и дрова-то казенныя; тутъ же была прочтена сура изъ корана, гласящая о томъ, что и за глотокъ воды, данный путнику, надо искать награду не въ этой земной жизни; тѣмъ не менѣе за лепешки и прочую снѣдь земная награда была взята, и нельзя сказать, чтобы награда эта была малая: но плата была все же хоть сколько нибудь подходящая.

Весь остатокъ дня провели мы въ кейфѣ и разнаго рода мелкихъ исправленіяхъ вьюковъ.

Намъ приходилось торопиться перевалить мощный Гиссарскій кряжъ и спѣшить соединиться съ Памирскимъ отрядомъ, послѣ чего можно было уже спокойно обратиться и къ выполненію дру-

гихъ порученій. Поэтому мы рѣшили дневокъ пока не дѣлать, а двинуться ускореннымъ маршемъ черезъ городокъ Пянджикентъ вверхъ по теченію рѣки Шинкъ-Дарьи и подняться на предполагаемый перевалъ Сія-Кухъ, ведущій въ бассейнъ искомой нами Тупалангъ-Дарьи; попутно рѣшено было обслѣдовать серію озеръ, носящихъ названіе Маргузарскихъ и питающихъ собою Зеравшанъ.

Въ пять часовъ утра всѣ были уже на ногахъ, а черезъ часъ отрядъ уже вытянулся по Пянджикентской дорогѣ подъ тѣнью густыхъ тополей и карагачей, длинными темными лентами убѣгающихъ вдаль вмѣстѣ съ многоводными шумящими арыками.

На полпути до ночлега, который былъ назначенъ въ кишлакѣ Саразмынѣ, встрѣтилось намъ брошенное зданіе почтовой станціи «Гульба». Бѣлый, довольно большой, хорошей постройки станціонный домикъ уныло глянулъ на насъ своими черными безъ рамъ окнами; садъ заброшенъ, небольшой виноградникъ тоже—лозы или повытасканы, или поломаны, заборъ разрушенъ, конюшня скоро завалится. При видѣ этой грустной картины и на душѣ какъ-то становится грустно. Невольно задаешь себѣ вопросъ: зачѣмъ заброшенъ этотъ почтовый трактъ, какая тому причина? Неужели въ новомъ, только что оживающемъ краѣ есть уже отслужившія свою службу, успѣвшія состариться учрежденія, будто въ молодомъ, сильномъ тѣлѣ есть старыя гнилыя жилы?

Въ Саразмынѣ съ насъ опять содрали за все невѣроятныя цѣны, что̀ возмутило даже Миръ-Ахура. Но таковы тогда были времена, что справедливо всѣми считалось за наказаніе ходить по глухимъ закоулкамъ русскаго Туркестана. Отношеніе къ русскимъ туземныхъ властей было подчасъ, по крайней мѣрѣ, странное; часто не только русскіе офицеры и чиновники, почему либо попадавшіе въ кишлаки изъ городовъ, не получали никакой помощи отъ старшинъ, аксакаловъ и минбашей, несмотря на предписанія администраціи, но встрѣчали явное недоброжелательство и разнаго рода препятствія. Жалобы не помогали, ибо дѣло сводилось въ концѣ концовъ ловкими баями и старшинами къ тому, что выходило, что они правы, а русскіе тюра [1]) виноваты. Приходилось смириться и махнуть на это рукой. А между тѣмъ, результаты вскорѣ обнаружились, вылившись въ форму всѣмъ извѣстнаго Андижанскаго возстанія 1898 г. Но до тѣхъ поръ въ грубость и явное недоброжелательство населенія съ его аксакалами и минбашами по адресу русскихъ вѣрили только тѣ, кто непосредственно приходилъ въ близость съ ними и такъ или иначе страдалъ.

7-го іюля мы были уже въ Пянджикентѣ, а оттуда, повернувъ круто направо по рѣкѣ Шинкъ-Дарьѣ, прибыли на другой день въ кишлакъ того же имени, сдѣлавъ въ этотъ день 35 верстъ уже чисто горнаго похода.

---

[1]) Тюра—офицеръ.

Тамъ насъ ждала все та же непріятность: волостной, не желая, должно быть, съ нами возиться, вопреки обычаю не только не встрѣтилъ насъ, но даже попросту приказалъ сказать, что онъ въ отъѣздѣ. Жители, конечно, тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сразу стали всячески препятствовать намъ въ пріобрѣтеніи необходимыхъ продуктовъ. Дѣлать нечего, пришлось послѣ долгихъ криковъ и брани занять самимъ одну изъ сакель возлѣ базарчика, добыть за невѣроятную цѣну клевера, ячменя, лепешекъ и дровъ.

Оставалось раздобыть мяса. Подмосковный со старшимъ выбивались изъ силъ, чтобы достать на ужинъ командѣ барана. Но никто изъ жителей не хотѣлъ продать русскимъ и фунта мяса. Наконецъ, видя все это, пришлось принять рѣшительныя мѣры по розыску власть имущихъ, и явился, конечно, нехотя и съ отговорками, аксакалъ. Дѣло кой-какъ уладилось послѣ получаса крика и ссоръ, и баранъ былъ купленъ. Его тутъ же зарѣзали, при чемъ бывшій его хозяинъ не преминулъ стянуть потихоньку шкуру и голову и былъ таковъ. Только послѣ ужина старшій, Осипцевъ, хватился шкуры, но было уже поздно. «Ну, ужъ и люди,—ворчалъ онъ,—просто аспиды»... Охотники молчаливо и съ недоброжелательствомъ поглядывали на сидящихъ на всѣхъ заборахъ и сакляхъ туземцевъ, безцеремонно разсматривающихъ насъ. Миръ-Ахуръ былъ внѣ себя, но держался въ сторонѣ отъ событій, чувствуя, что принять въ нихъ участіе и рискованно, и несвоевременно. Къ тому же видно было, что его сородичи (Миръ-Ахуръ оказался сыномъ наслѣдственнаго бывшаго Каратюбинскаго бека) явно не питали къ нему никакого почтенія; а мы при такой обстановкѣ не могли предоставить ему никакихъ удобствъ. Да и дневной зной, доходившій до 55 градусовъ, и усталость давали себя чувствовать. Бѣдный царедворецъ снялъ съ себя свою великолѣпную бѣлоснѣжную чалму, свой яркій шелковый халатъ, богатый серебряный поясъ съ старинной также богато украшенной шашкой и прилегъ на свой коврикъ. Его слуга снялъ съ лошади шитый золотомъ малиновый бархатный чепракъ—и вся обстановка изъ торжественной превратилась въ обыденно-походную.

Вскорѣ красные лучи заходящаго солнца перебѣжали съ нашего становища на скалу и, перебираясь все выше и выше, достигли самыхъ вершинъ, преслѣдуемые по пятамъ холоднымъ сырымъ мракомъ.

Отъ Шинка до перевала Сія-Кухъ, куда намъ надо было итти, и о которомъ во всемъ кишлакѣ знали лишь нѣсколько человѣкъ, насчитывалось около 40 верстъ, или, какъ считаютъ во всемъ Туркестанѣ, 5 ташей. Изъ разспросовъ пастуховъ выяснилось, что вьючной дороги по самой рѣкѣ и ея озерамъ нѣтъ, а есть опасная пѣшая тропа. Поэтому вызвавшіеся въ качествѣ проводниковъ два таджика категорически совѣтовали итти верхней дорогой по хребту

горъ Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. На картѣ этой тропы показано не было; но прикинувъ, что высота перевала по этой тропѣ не превыситъ 11.000 футовъ, мы рѣшили ввѣриться проводникамъ, въ чемъ впослѣдствіи и не раскаялись.

II.

Рано утромъ 9 числа небольшой отрядецъ нашъ вытянулся по рѣкѣ Шинку, оставивъ негостепріимныхъ его обитателей въ ихъ глиняныхъ сакляхъ, возлѣ которыхъ мы только что переночевали, выглядывающими на насъ изъ-за угловъ, оконъ и заборовъ. Болѣе всѣхъ были довольны тѣмъ, что намъ не встрѣтится болѣе ни нашихъ аксакаловъ, ни волостныхъ, нашъ Миръ-Ахуръ и кашеваръ, рыжій, добродушный, съ громадными усами пермякъ Храмцовъ, которому въ эту послѣднюю стоянку досталось отъ какой-то разсвирѣпѣвшей старухи-сартянки, внезапно появившейся на нашемъ становищѣ и съ дикимъ крикомъ бросившейся колотить рыжаго усача. Долго еще послѣ этого дразнили въ командѣ Храмцова этимъ происшествіемъ.

На четвертой верстѣ караванъ нашъ, предшествуемый проводникомъ-таджикомъ, перешелъ по мосту черезъ Шинкъ и сталъ подниматься контрфорсами и отсыпями по направленію къ вершинѣ Ляйлякъ-гоу, оставивъ гдѣ-то внизу и влѣво бурно шумящій потокъ съ его ущельемъ и порослями. Дорога сразу стала очень тяжелою. Постоянный крутой подъемъ, зигзаги, которые выдѣлывала тропа, необычайно утомляли и людей и лошадей. Лошади начали оступаться и падать; поднимать ихъ приходилось съ большимъ трудомъ, при чемъ приходилось развьючивать. Камень и острый, какъ ножи, щебень рѣзали всѣмъ ноги, особенно въ первую половину пути, пока мы не взобрались на гребень громадной сѣдловины между вершинами Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. Лошади видимо стали уставать и требовали отдыха. Впереди всѣхъ коней шелъ мой красавецъ вороной съ Ежовымъ, который гордился тѣмъ, что его лошадь, какъ горный карабаиръ, такъ бойко прыгала съ камня на камень. Къ 12 часамъ дня мы были уже на высотѣ 8 тысячъ футовъ, когда сдѣлали привалъ, съ цѣлью дать собраться растянувшимся вьюкамъ. Жара одолѣвала.

Но зато какіе виды открывались на каждомъ шагу! Трудно было предположить, чтобы этотъ, повидимому, голый непривлядный съ долины Зеравшана горный хребетъ былъ такъ дивно хорошъ. Уже съ первыхъ трехъ верстъ подъема стали попадаться сначала прекрасные луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ и барановъ, затѣмъ начались рѣдкіе кустарники жимолости, арчи и розовиднаго цвѣтущаго шиповника, потомъ все гуще и гуще; желтые

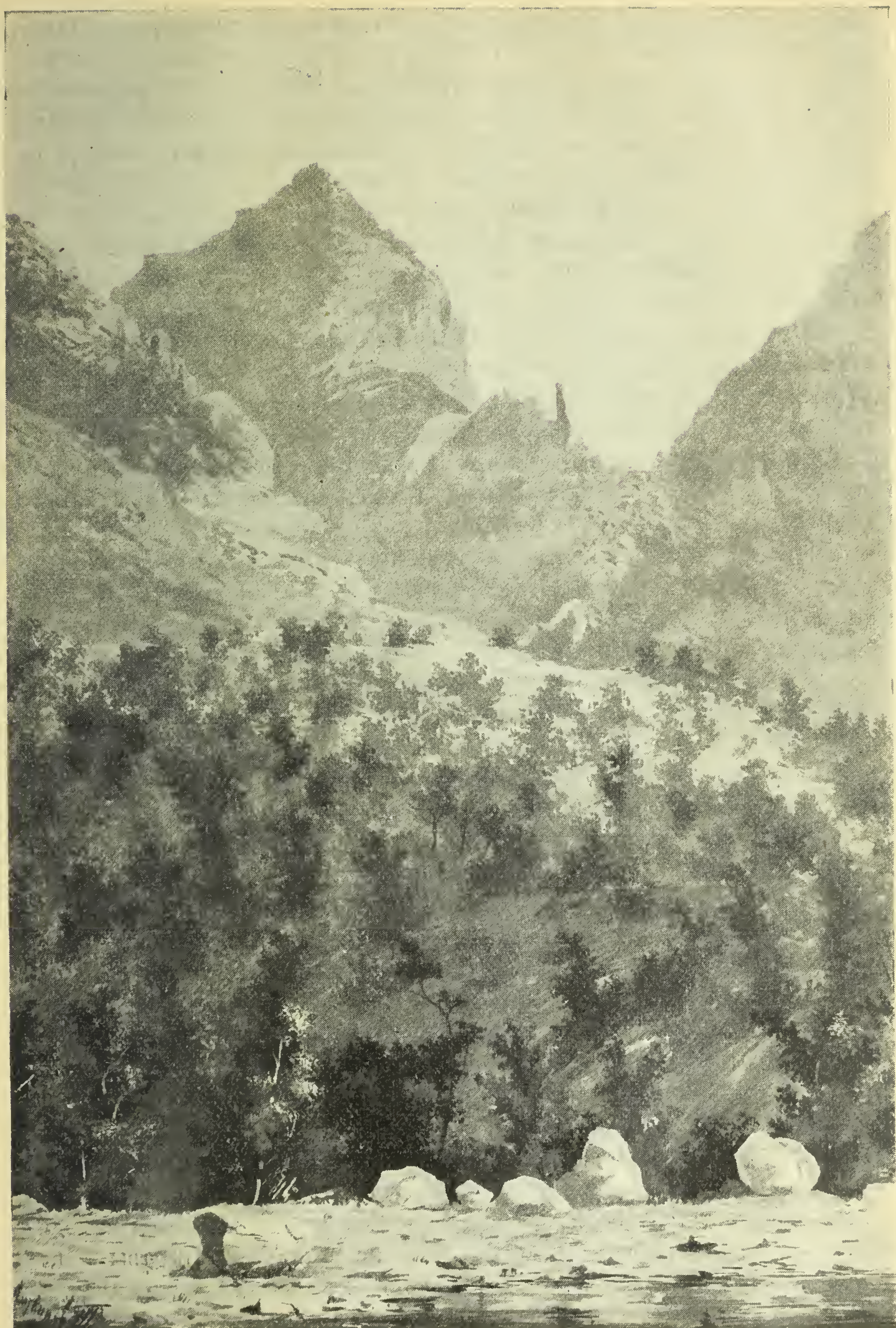
лепестки цвѣта чѣмъ выше, тѣмъ ярче пестрѣли передъ глазами. Наконецъ, арча поборола; потянулись крупныя ея заросли и перелѣски, забившіеся въ лога и ущелья. Ярко зеленая мурава стелется повсюду, наполняя медомъ воздухъ; ярко-красныя голыя вершины и скалы съ лѣпящимися у ихъ подножія рощами, густо синее небо надъ головами были дивно хороши. Начисто вымытыя росой и дождями вѣтви арчи, какъ кости, бѣлѣли и рѣяли въ дышащемъ воздухѣ. А внизу нѣтъ, нѣтъ да и засинѣетъ глубокая синева озеръ и ручьевъ, жилками перерѣзывающихъ зеленое поле безконечныхъ, падающихъ внизъ холмовъ и уваловъ. Такъ и кажется, что это не дѣйствительность, а талантливо исполненная красками рельефная карта.

За каждымъ камнемъ, за кустомъ высохшей травки слышенъ шелестъ и крикъ, своеобразный несмолкающій крикъ красноголовой горной куропатки, называемой туземцами «кекликъ». Гдѣ-то дальше и выше, со стороны сіяющихъ полей снѣга слышится выкрикъ улара [1]), а вверху парятъ беззвучно бѣлоголовые орлы.

По недостаточной втянутости кой-кто изъ охотниковъ немного подбился на ноги, благодаря нашимъ россійскимъ тяжелымъ сапогамъ. Гораздо тяжелѣе досталось бѣднымъ лошадямъ; кромѣ офицерскихъ, шедшихъ порожнякомъ, почти у всѣхъ коней ноги были избиты и поранены острыми камнями и щебнемъ; у многихъ изъ нихъ кровь струйками сбѣгала по ногамъ на траву. Просто жалко было видѣть непривычныхъ къ горнымъ тропамъ бѣдныхъ животныхъ, нагруженныхъ восьмипудовыми вьюками. А дальше, несомнѣнно, дорога будетъ неизмѣримо хуже, или, вѣрнѣе, дороги не будетъ, по большей части, никакой, какъ справедливо объяснили проводники-таджики, которыхъ набралось уже цѣлыхъ пять человѣкъ, откуда-то присоединившихся къ намъ.

Передохнувши и наскоро закусивъ, тронулись дальше, неизмѣнно взбираясь все выше и выше и переползая то на лѣвый Шинкскій, то на правый Рогичскій склоны Маслягатъ-тепе. Останавливаться, чтобы отдохнуть отъ одышки, приходилось все чаще и чаще. Снѣжные пики все рѣзче и ярче высовывались изъ-за сосѣднихъ голыхъ вершинъ; нижнія Маргузарскія озера, иногда показывающіяся сквозь чащу арчи между отроговъ, казались уже маленькими чудно голубыми лужицами. У нѣкоторыхъ изъ охотниковъ показалась носомъ кровь. Лошади уставали, вьюки перевьючивались—и снова движеніе. Солнце уже садилось за оставшуюся у насъ уже въ тылу вершину Ляйлякъ-гоу, когда мы по одиночкѣ потянулись по первому попавшемуся намъ балкону въ отвѣсной скалѣ, преградившей тропинкѣ дорогу. Жутко было итти, видя подъ собою пропасть на сотню саженъ и чувствуя, какъ ка-

[1]) Порода горной индѣйки.



Спускъ съ дороги отъ перевала,Чарага къ озеру Кабутакъ.

чается подъ ногами примитивно устроенное полотно дороги. Самая крупная и надежная лошадь «Сѣрый» легла, къ счастью, при выходѣ уже съ балкона на карнизъ. Долго пришлось съ ней провозиться, пока подняли ее; другія лошади, видя это, не шли и били; а вечеръ наступалъ, и темнота, зародившаяся гдѣ-то внизу, въ ущельяхъ, поднималась все выше и выше.

Наконецъ, повернувъ по отвратительной тропѣ налѣво въ ущелье ручейка Зиндовудъ и перейдя его вбродъ, мы стали взбираться на вершину давно ожидаемаго перевала Чарага, долженствовавшую быть нашимъ сегодняшнимъ становищемъ.

Было очень холодно, такъ какъ съ сосѣднихъ снѣжныхъ вершинъ тянулъ вѣтерокъ и обдавалъ насъ на голомъ холмистомъ перевалѣ, покрытомъ короткой травкой и залегшими въ складкахъ снѣжными полянами. Кругомъ ни куста, ни вѣтки, не было даже и обычнаго во всемъ горномъ Туркестанѣ высокаго зонтичнаго растенія, за свой отвратительный и сильный запахъ прозваннаго попросту вонючкой.

Благодаря догадливости добродушныхъ проводниковъ, захватившихъ съ собой нѣсколько вязанокъ арчи, намъ удалось развести огонь, пока охотники не принесли снизу арчевыхъ же вѣтокъ, за которыми пришлось итти версты за три внизъ въ сторону Рогича.

На утро, проснувшись чуть свѣтъ, я былъ пораженъ представившейся картиной. Мы находились подъ самой вершиной перевала, ведущаго изъ ущелья р. Рогича къ Маргузару. Передъ нами въ 3—5 верстахъ самоцвѣтными камнями искрилась своими снѣгами гора Тюльпе-тау, насчитывающая около 15 т. фут. высоты. За ней и кругомъ насъ высились то цѣлые снѣжные или скалистые хребты, то отдѣльно поднимающіеся къ небу пики: налѣво горделиво высилась громадная Акбаи-Вору, впереди за Тюльпе-тау и ея отдѣльными вершинами выглядывалъ Новорусъ, а направо поднимался изъ-за темнѣющаго ущелья Рогича массивъ Хазретъ-Султана съ ближайшею блистающею снѣгами и уже обнажающимися льдами Куги-Тархъ. Казавшаяся намъ недосягаемой по своей высотѣ вчера Маслягатъ-тепе представилась сегодня очень скромныхъ размѣровъ эллипсовидной вершиной, увѣнчанной красноватыми оголенными скалами. Кругомъ, ниже и наравнѣ съ нами, было царство горныхъ луговъ, покрытыхъ разнообразными цвѣтущими травами, съ значительными площадями зимняго снѣга; запахъ меда носился надъ холмами; чувствовалось какое-то дикое приволье. Мы находились на высотѣ 11 тысячъ футовъ, въ поясѣ короткой травы и послѣднихъ альпійскихъ луговъ, смѣнившихъ на восьми-девяти тысячахъ футъ голыя неприступныя скалы съ арчевыми перелѣсками, и въ свою очередь долженствующихъ быть смѣненными еще болѣе дикими и неприступными утесами вперемежку со снѣгами и фирномъ, граничащими на высотѣ 12.000 футъ съ царствомъ вѣчнаго бѣлаго покрова и льдовъ.

Куда мы должны сегодня прійти,—никто не зналъ; не знали и наши чумазые добродушные проводники, на всѣ разспросы твердившіе, что «юль ясманъ, бисіаръ сангъ, бисіаръ барфъ» [1]), и при этомъ упоминали какой-то пунктъ Туша-Пазонъ. Миръ-Ахуръ съ подведенными отъ вчерашняго перехода глазами, съ отчаяніемъ во взорѣ смотрѣлъ на скалистые отроги Тюльпе-тау и уныло покачивалъ головой; его важность исчезла; блестящія одежды давно уже были уложены во вьюки, съ его гнѣдого карабаира снятъ драгоцѣнный чепракъ, и бѣдный царедворецъ, попавшій въ такую непріятную передрягу, былъ только въ ситцевыхъ халатахъ, своей все же бѣлоснѣжной чалмѣ и мягкихъ красивыхъ туземныхъ сапогахъ, называемыхъ «тогоги».

Теперь намъ приходилось огибать слѣва главный массивъ Тюльпе-тау, то лѣпясь по голымъ контрфорсамъ, то углубляясь въ отдѣльныя боковыя вершины, отдѣляющія тропу отъ ущелья, на днѣ котораго иногда показывались дивнаго глубокаго синезеленаго цвѣта озера Маргузаръ и Кабутакъ. Путь весь состоялъ изъ ряда частыхъ подъемовъ и спусковъ съ преобладаніемъ все же подъема. Мы пересѣкали ручейки въ самыхъ ихъ истокахъ, пробирались между глетчерными камнями и переходили цѣлыя поляны грязнаго талаго снѣга и груды щебня отъ разрушившихся скалъ. Иногда тропа пропадала совсѣмъ, и наши вожаки, поводя своими головами направо и налѣво и внимательно разсматривая каждый камень, сворачивали куда нибудь за извѣстную только имъ скалу и выходили благополучно къ подорожнымъ знакамъ [2]). Встрѣчались опасныя и рискованныя мѣста, но мы миновали ихъ приблизительно благополучно, развѣ побьется лошадь или охотникъ, не разсчитавъ, скатится на нѣсколько шаговъ внизъ вмѣстѣ съ подавшимся подъ его ногами камнемъ.

Маргузаръ уже больше не показывался, но зато Кабутакъ все чаще и чаще ласкалъ нашъ глазъ своею дивно спокойною поверхностью. Наконецъ, ноги наши почувствовали, что дорога идетъ на спускъ, и вскорѣ мы подошли дѣйствительно къ самому спуску къ озеру Кабутакъ. Миръ-Ахуръ обмеръ, увидя такой спускъ. Съ самаго мѣста, гдѣ остановилась вся наша команда, съ рѣзко выраженной узкой сѣдловины, начиналось паденіе по уклону не менѣе 50—55 градусовъ въ долинку, сплошь заполненную зеленью.

---

[1]) «Дорога плоха, масса камней и снѣга».

[2]) Во всемъ горномъ Туркестанѣ, Бухарѣ и на Памирахъ перевалы и всѣ болѣе или менѣе замѣтные повороты и подъемы дорогъ обозначены столбами, сложенными изъ кусковъ тутъ же валяющихся камней или гальки. Дѣло сохраненія дорогъ считается у туземцевъ настолько святымъ, что почти вездѣ вошло въ обычай, чтобы каждый прохожій въ такихъ мѣстахъ бралъ хотя одинъ камень и клалъ на этотъ столбъ. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, и подорожные знаки сохраняются въ удивительной исправности и, благодаря хотя и такой незначительной расчисткѣ, тропа яснѣе видна путнику.

Головоломная тропа буквально опрокидывалась внизъ между громадными камнями, спускаясь словно по лѣстницѣ, ступени которой достигали мѣстами двухъ аршинъ высоты, все ниже и ниже, и наконецъ терялась въ тѣхъ же камняхъ.

Мы начали спускаться. Картина была восхитительна. Подъ нами въ широкомъ ущельѣ бѣжалъ ручей Азоръ-Чашма; все ущелье, его склоны и почти отвѣсные бока были сплошь покрыты густымъ арчевымъ лѣскомъ, лиственными деревьями и кустарниками разныхъ породъ. Ущелье на горизонтѣ замыкалось дѣвственно снѣжнымъ хребтомъ по всему горизонту картины. Озеро Кабутакъ, видимый нами его уголъ, какъ чистымъ изумрудомъ, красовалось своей поверхностью. Въ складкахъ скалъ и горныхъ массивовъ дрожали голубыя полупрозрачныя тѣни. Сейчасъ же, по ту сторону Азоръ-Чашмы, начинался отъ самаго Кабутака скалистый покрытый арчевымъ лѣсомъ гребень, поднимающійся по направленію блистающаго своимъ ледникомъ и снѣгами Сія-Куха; намъ сверху было видно, какъ полотно тропы, по которой намъ лежалъ дальнѣйшій путь, просвѣчивая сквозь зелень перелѣсковъ, взбиралось на этотъ гребень и, дойдя до его вершины, пропадало въ ущельѣ Туша-Пазона.

Спускъ къ Кабутаку начался около двѣнадцати часовъ, и около трехъ мы были уже на берегу озера. Тяжело было въ эти часы отрядцу. Лошади не шли; ихъ пришлось развьючивать и тяжести нести на себѣ; бѣдныя животныя бились и въ ужасѣ не хотѣли дѣлать тѣхъ гигантскихъ прыжковъ по этой поистинѣ чортовой лѣстницѣ; ногайки свистѣли и безжалостно работали по ихъ крупамъ; охотники надрывались, таща лошадей за веревки. Наконецъ, кое-какъ мы спустились къ озеру и остановились на роздыхъ.

Посмотрѣть диковинныхъ путниковъ собралось человѣкъ пять любопытныхъ горцевъ. Изъ разспросовъ ихъ оказалось, что они попали сюда изъ Маргузара той же дорогой, что и мы, со своими стадами; что на Туша-Пазонѣ есть также нѣсколько партій барановъ, пригнанныхъ изъ того же Маргузара, но другой, правой, стороной озеръ. Всѣ пастухи единодушно утверждали, что чрезъ перевалъ Пянджъ-объ (названіе Сія-Кухъ они произносили рѣже) дороги теперь въ Гиссарскій край, пожалуй, нѣтъ, а что недѣли черезъ три, когда ледникъ совершенно оголится отъ покрывающаго его снѣга, можно будетъ перевалить въ долину Тупаланга, или, какъ они называли, Хованъ-Дарьи.

Кабутакъ оказался озеромъ безъ одного живого существа, и всѣ пастухи въ одинъ голосъ показали, что во всѣхъ Маргузарскихъ озерахъ не найти ни одной рыбы. Зато, по ихъ словамъ, въ Кабутакѣ водятся страшныя водяныя чудовища, подъ названіемъ «кучуку-абы», что голова у нихъ, какъ у собаки, и тѣло все, какъ у собаки, только нѣтъ лапъ; эти кучуку-абы подплываютъ къ самому берегу, гдѣ поглубже, и хватаютъ и людей, и овецъ.

Вершина перевала Сія-Кухъ (послѣдняя снѣжная ступень).

— Мы поэтому и сакли строимъ повыше отъ воды,—закончилъ, вертя глазами, разсказъ одинъ изъ черномазыхъ таджиковъ.

— А ты видѣлъ ихъ когда нибудь?—спросилъ Н. Д.

— Нѣтъ, я не видалъ, и мои товарищи тоже не видѣли, а старики разсказывали въ Маргузарѣ, что одинъ мулла видѣлъ,—нехотя отвѣтилъ горецъ.

Около четырехъ часовъ поднялись мы снова въ путь и начали взбираться на лѣсистый контрфорсъ, благополучно, хотя и съ трудомъ, переваливъ черезъ него, очутились въ ущельѣ Туша-Пазонъ. Пройдя около трехъ верстъ, немного выше впаденія въ этотъ потокъ еще какого-то многоводнаго ручья, стремящагося сплошнымъ каскадомъ въ ущелье, мы остановились, застигнутые темнотой, на ночевку. Было очень холодно; отъ бурнаго многоводнаго потока вѣяло сыростью; рѣдкіе арчевые кусты не служили защитой отъ холоднаго рѣзкаго вѣтерка, тянущаго внизъ по ущелью и отъ виднѣющагося снѣжнаго контрфорса горы Новорусъ.

Совершенный путь былъ настолько труденъ, что за весь день, за 15 часовъ почти безпрерывной работы было пройдено всего лишь около 14 верстъ. Я лично чувствовалъ себя также порядочно разбитымъ, такъ какъ, благодаря съемкѣ, стремленію нанести побольше набросковъ и собрать матеріалъ, я не отдыхалъ и на привалѣ.

Мы были опять уже на высотѣ, нѣсколько большей 8 тысячъ футовъ.

На слѣдующій день, 11-го іюля, въ обычное, уже установившееся само собой время, караванъ нашъ былъ въ пути. Ущелье нѣсколько поворачивало вправо и снова принимало строго южное направленіе. Когда мы прошли верстъ пять, прекратились послѣдніе кусты арчи. Снѣгъ сталъ попадаться громадными залежами, которыя мѣстами приходилось переходить. Надо было спѣшить, чтобы засвѣтло перевалить главный хребетъ, иначе мы рисковали, по крайней мѣрѣ, поморозиться.

Подойдя къ небольшому болоту, окруженному мокрыми лужайками, мы увидѣли передъ собой ущелье заваленнымъ снѣгомъ толщею въ нѣсколько саженъ, изъ-подъ котораго вырывался нашъ ручей. Острые отвѣсные пики тѣснили другъ друга подъ ущельемъ. Тропа, какъ бы испугавшись, бросилась вправо на самыя отсыпи и скалы, лишь бы обойти эту громадную снѣжную поляну. Это былъ, вѣроятно, нижній конецъ ледниковой морены. Опять лошади начали спотыкаться и падать, снова посыпался лавинами щебень и камни, грозя засыпать идущихъ внизу. Приходилось переходить зигзаги, строго выжидая, пока впереди и вверху идущіе не уйдутъ настолько, чтобы не быть какъ разъ надъ отставшими внизу товарищами.

По небу стали прогуливаться бѣлыя облака. Было совсѣмъ не жарко; только при остановкахъ солнце нѣсколько припекало.

Всѣ встрѣчающіяся ущелья были положительно забиты снѣгомъ. Темно-коричневые утесы грозно стояли кругомъ, оставя обширную котловину, наполовину засыпанную снѣгомъ и обрушившимися съ сосѣднихъ скалъ камнями. Здѣсь, въ этой котловинѣ, пріютившись отъ солнца подъ защитой восточныхъ отроговъ, и находится часть ледника Сія-Кухъ. Нѣсколько ниже его саженъ на полтораста скромно синѣетъ озерцо, принимающее въ себя всѣ бѣгущіе въ котловину ручейки. Берега озера забросаны большихъ и малыхъ размѣровъ камнями и цѣлыми скалами лѣвой наружной морены. Нѣтъ никакой возможности разобраться въ хаосѣ каменныхъ грудъ. Далѣе, снѣжное поле кругомъ обступило озерцо. За нимъ высится громадная огибающая съ трехъ сторонъ котловину ступень, саженъ въ 150 высоты, также засыпанная снѣгомъ, а за ней опять снѣга и снѣга, и только отдѣльными небольшими, пирамидами чернѣютъ вѣнчающіе весь хребетъ унылые пики.

Вскорѣ добрались мы до этихъ пиковъ, между которыми сложенъ дорожный столбъ, и, раскатавъ наши шинели, всѣ ближе другъ къ другу и укрываясь отъ холоднаго вѣтра, вырывающагося изъ ущелья чрезъ сѣдловину, стали грызть кто сухарь, а кто уцѣлѣвшую еще отъ Шинка сартовскую лепешку. Лошади сбились въ кучу и, ставъ крупами къ вѣтру, дрожали отъ холода. Никакъ не ожидалъ я, что среди лѣта въ Туркестанѣ будетъ такъ холодно, при томъ сѣрыя облака смѣнили вѣчно синее южное небо, вслѣдствіе чего весь колоритъ пейзажа былъ непохожъ на вчерашній знойный, но яркій день.

Сапоги и одежда на насъ промокли насквозь; мы начинали дрожать; вѣтеръ сталъ усиливаться. Пришлось собираться и двигаться дальше. Н. Д. скомандовалъ подъемъ, и отрядъ потянулся къ перевалу. Подковообразная вершина Сія-Куха вѣнчалась всюду торчащими обнаженными почти черными пиками (Сія-Кухъ—въ переводѣ значитъ черныя горы). Между этими пиками проводники насчитали намъ три перевала; лѣвый, восточный, ведущій въ бассейнъ рѣки Киштутъ-Дарьи, или, вѣрнѣе, въ верховья Искандеръ-Дарьи (правильнѣе Кара-Куль), средній—въ ущелье Тупаланга и правый тоже въ Тупалангъ, но не прямо, а къ одному изъ притоковъ этой рѣки.

Какъ на наиболѣе доступный, проводникъ указалъ намъ на средній.

Подойдя къ подорожному знаку, я увидѣлъ крутой и рѣзкій спускъ куда-то внизъ. Передъ глазами разстилался цѣлый рядъ хребтовъ, замѣтно мѣняющихъ свое направленіе на западъ и также замѣтно понижающихся. Вѣроятно, мы вышли на вер-

ховье не главнаго ручья Тупаланга, а одного изъ его правыхъ притоковъ, такъ какъ слѣва въ наше, такъ сказать, ущелье вливалось другое еще болѣе обширное ущелье, отдѣленное отъ насъ лишь однимъ громаднымъ контрфорсомъ. Вверху по направленію этого второго ущелья проводникъ показалъ намъ сѣдловину-перевалъ, съ которой въ юго-западномъ направленіи, какъ можно было разобрать, спускалась едва замѣтная тропа.

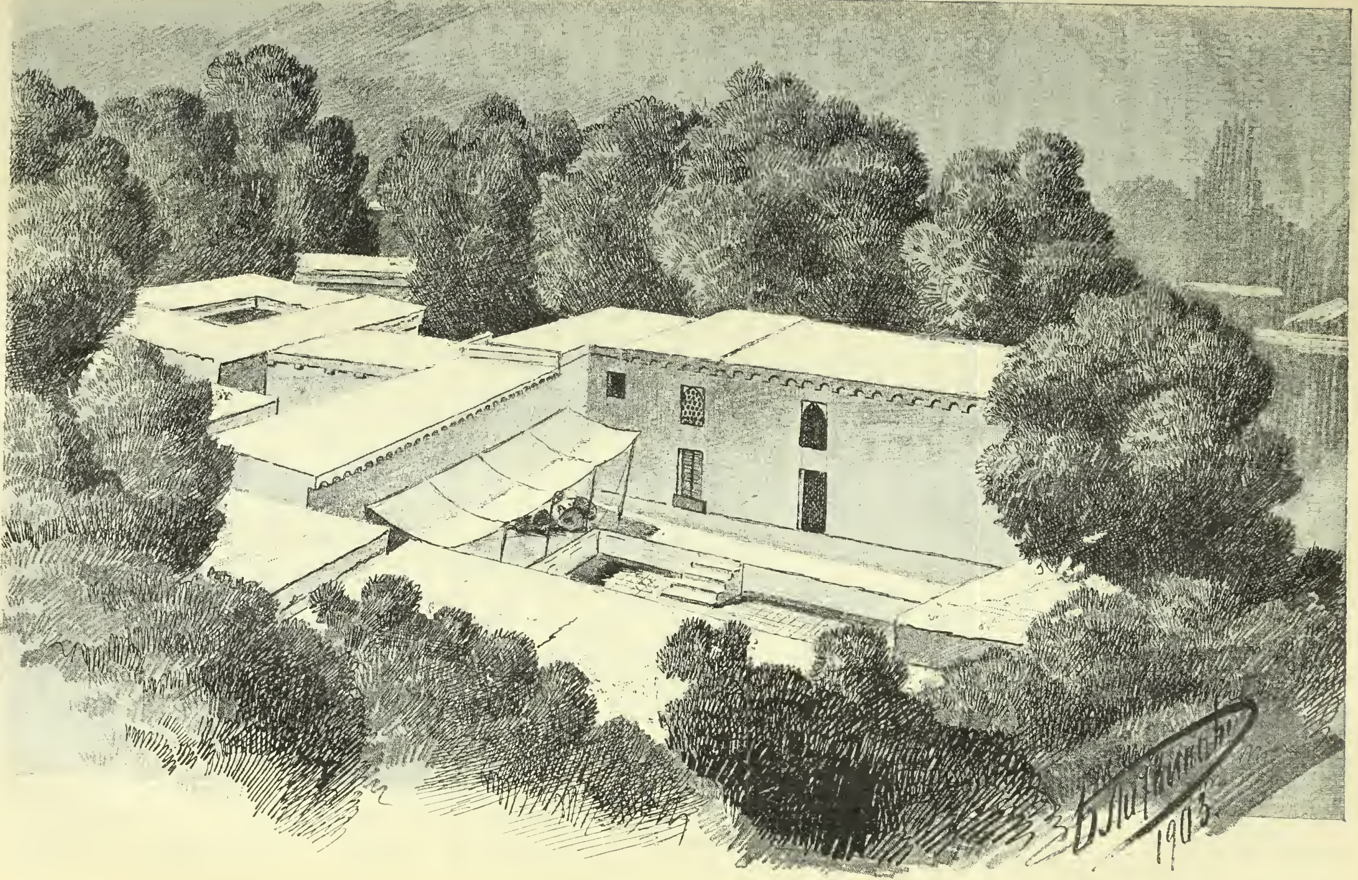
Мы были на высотѣ 15 тысячъ футовъ, на государственной границѣ, отдѣляющей Россію отъ Бухарскаго ханства. Почти всѣ хребты и отроги были ниже насъ; многія изъ вершинъ ихъ увѣнчаны снѣгами. Въ общемъ горы носили характеръ холмистыхъ громадъ съ выпятившимися, словно разорвавшимися, скалистыми вершинами, покрытыми снѣгами. Но все же рѣзко бросилось въ глаза, что южный склонъ Гиссарскаго хребта значительно круче сѣвернаго, и что запасы снѣговъ на этомъ склонѣ сравнительно невелики.

Съ какою-то радостью бросились мы внизъ, по необычайно крутымъ зигзагамъ тропинки, соскучившись за долгій и тяжелый подъемъ; казалось, что и лошади и собаки почуяли, что страдная пора приходитъ къ концу, и бойчѣе устремились внизъ. Такъ вотъ она, Тупалангъ-Дарья, о которой ходили только темные слухи! Проводники, указавъ намъ на сливающіеся подъ нашими ногами ручьи, назвали главный изъ нихъ Пянджъ-объ'омъ, то-есть пятирѣчьемъ.

Около двухъ верстъ шли мы снѣгомъ и наконецъ ступили на столь знакомую намъ уже травку. Внизу, какъ букашки, ползали и копошились стада. Съ нами вмѣстѣ бѣжалъ внизъ и ручей, забирая все болѣе и болѣе вправо. Попадались мочежины и мокрые луга; обиліе влаги было поразительное; вотъ если бы и осенью ледники питали такъ рѣки, какъ теперь, тогда, быть можетъ, добрая половина ихъ не терялась бы по арыкамъ въ садахъ и селеніяхъ или въ пескахъ, но доходила до Сурхана или Аму-Дарьи.

Вскорѣ повстрѣчали мы косякъ кобылицъ, затѣмъ другой, третій, и все ущелье запестрѣло стадами ишаковъ и лошадей узбековъ, перебравшихся сюда на лѣто пользоваться сочной травой обильныхъ богатыхъ луговъ верховьевъ Тупаланга. Рѣка имѣла уже до десяти шаговъ ширины и несла значительное количество воды, разливаясь по мокрымъ лугамъ довольно широкаго въ этомъ мѣстѣ ущелья. Но чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе, какъ ущелье это суживается, принявъ наконецъ южное направленіе.

Приблизительно на пятой верстѣ намъ встрѣтились кибитки кочевниковъ. Стая злѣйшихъ псовъ бросилась на насъ и нашихъ собакъ, видѣвшихъ, что бой будетъ неравный, и потому скромно прижавшихся къ намъ. Сдѣлали небольшой роздыхъ съ цѣлью



Каратагъ. Домъ Кушъ-Беги.

дать подтянуться разбившейся на кучки командѣ. Миръ-Ахуръ едва смогъ слѣзть съ сѣдла и въ изнеможенiи повалился на камень; около него засуетились проводники и его слуга.

Гурьба черныхъ полуголыхъ ребятишекъ высыпала изъ юртъ; за ними показались такiе же чумазые парни; намъ вынесли не безъ нѣкотораго замѣшательства катыку (кислое козье разбавленное водой молоко), завязался небойкiй разговоръ. Оказалось, мы попали въ узбекскую кочевку, одну изъ многихъ, разбросавшихся на привольныхъ мочежинахъ верховьевъ Тупаланга. При разспросахъ узбеки называли рѣку Хованъ-Дарьей, по имени кишлака, расположеннаго въ двухъ съ половиной ташахъ отсюда; нѣкоторые произносили даже «Хобакъ».

Было пять часовъ вечера, и мы тронулись далѣе, такъ какъ Миръ-Ахуръ, вошедшiй въ роль хозяина, не совѣтовалъ оставаться въ такихъ дикихъ аулахъ, находя для себя что-то неудобное.

Рѣка бурлила и въ своихъ низкихъ ярко-зеленыхъ мокрыхъ берегахъ дѣлала крутые петли и повороты. Въ нее почти на каждомъ шагу по уклону едва не въ 45° вливались спадавшiе съ обоихъ параллельныхъ рѣкѣ хребтовъ ручьи и рѣчки. Шумъ журчащей воды наполнялъ ущелье. Горы при своемъ стремленiи къ югу значительно понижались; снѣгъ на нихъ попадался все рѣже и рѣже; скалы уступали мѣсто холмистымъ отрогамъ. Арча, сначала едва видная на вершинахъ, все настойчивѣе спускалась внизъ, куда сбѣгала подъ конецъ густыми рощицами. Дорога, вѣрная разъ избранному ею направленiю, вилась по правому берегу, сначала по мокрымъ лугамъ, мимо кочевокъ и довольно основательно построенныхъ мостовъ, затѣмъ среди грудъ камня, въ лѣсѣ гигантской вонючки. Въ густой травѣ и подъ камнями не разъ переползали намъ дорогу темнозеленыя толстыя змѣи.

Было уже около одиннадцати часовъ ночи, когда мы наконецъ увидѣли огни нашего ночлега, оказавшагося группой кибитокъ, разбитыхъ подъ нѣсколькими широкими вязами.

Движенiе наше съ перевала было такъ стремительно, и мы такъ всѣ устали, что, не разставляя палатокъ, повалились на разложенную подъ открытымъ небомъ кошму. Всѣ члены мои ныли отъ переутомленiя, голова отказывалась работать. Даже самые крѣпкiе изъ охотниковъ просили Н. Д. разрѣшить имъ лечь, не поужинавъ. Рѣшено было подогрѣть мясные консервы, взятые въ путь, и напиться чая.

Въ сосѣдней кибиткѣ были слышны стоны несчастнаго Миръ-Ахура, растираемаго въ полубезсознательномъ состоянiи своимъ вѣрнымъ слугой.

III.

На слѣдующій день снова движеніе по отвратительнымъ тропинкамъ. Миновали пустой кишлакъ Хованъ и послѣ двѣнадцати часовъ безпрерывнаго пути по головоломнымъ балконамъ и карнизамъ надъ мощной бурной и полноводной рѣкой, послѣ ежечаснаго развьючиванія и навьючиванія измучившихся коней, падавшихъ вмѣстѣ съ помогающими охотниками, окруженные дикой, но величественной природой, среди рощицъ чернаго клена, боярышника и миндаля, мы добрались наконецъ до кишлака Заммакъ, довольно значительнаго и болѣе богатаго, нежели Хованъ, селенія.

Кромѣ Хована и Заммака, на всемъ протяженіи 16-ти верстъ пути мы видѣли нѣкоторые признаки осѣдлой жизни, въ видѣ часто попадавшихся багарныхъ полей на холмистыхъ отрогахъ горъ, а внизу, по рѣкѣ попадались урюковые [1]) сады и огороды. Каково достались намъ эти шестнадцать верстъ, показываетъ то, что для прохожденія ихъ мы потратили болѣе 12-ти часовъ времени почти непрерывнаго движенія.

Расположились мы въ прибрежномъ урюковомъ саду, позвали черезъ Миръ-Ахура кого нибудь изъ жителей; къ намъ тотчасъ же пришли человѣкъ десять здоровыхъ парней, съ которыми охотники не преминули сойтись на пріятельскую ногу. Купили барана, правда, очень дорого; спросили, увидя поспѣвающія довольно плохого сорта яблоки, почемъ стоитъ десятокъ ихъ. Парни посовѣтовались и заявили какую-то непомѣрную цѣну. Мы разсмѣялись, они тоже, но на цѣнѣ своей упорно стояли, и сдѣлка не состоялась. За сучки для согрѣванія чая заплатили очень дорого, и вообще всѣ наши торги носили тотъ же характеръ, что и въ кишлакахъ Самаркандской области, съ той лишь разницей, что въ нашихъ, россійскихъ владѣніяхъ мы встрѣчали еще, кромѣ того, злобные взгляды и затаенную злобу, а здѣсь здоровый, добродушный наивный смѣхъ если не друзей, то, по крайней мѣрѣ, людей, ничего дурного противъ насъ не имѣющухъ.

Миръ-Ахуръ, хотя и надѣлъ два-три щеголеватыхъ ситцевыхъ халата, но скромно молчалъ и велъ себя, какъ самый застѣнчивый гость, а отнюдь не какъ хозяинъ, какъ онъ не разъ заявлялъ намъ по ту сторону Сія-Куха. Я не преминулъ обратить вниманіе Н. Д. на это обстоятельство.

На утро снова поплелись въ путь. Но едва прошли мы двѣ версты по дну ушившагося ущелья, какъ горы снова, еще съ большой настойчивостью надвинулись на рѣку и загородили намъ дорогу. Въ этомъ мѣстѣ въ Хованъ-Дарью почти подъ прямымъ

---

[1]) Урюкъ—абрикосъ.

угломъ впадаетъ едва ли не болѣе многоводная, нежели она, рѣка Ша-турутъ, стремительно несущаяся справа по довольно широкой щели. Ша-турутъ можно признать даже за главную рѣку, а Хованъ за ея притокъ по той причинѣ, что первая не только несетъ большее количество воды, но при сліяніи не мѣняетъ своего направленія, а увлекаетъ съ собою и Хованъ на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, гдѣ уже по сліяніи, сдѣлавъ поворотъ къ югу, начинаетъ бурлить въ узкомъ, темномъ и глубокомъ коридорѣ.

Такъ удачно начавшійся маршъ долженъ былъ остановиться. Дойдя до этого поворота, мы очутились передъ тропой, шириной не болѣе полутора фута, въ отвѣсной стѣнѣ, поднимающейся на самую вершину ея. Лошади не шли, такъ какъ не помѣщались на ней; ихъ развьючили, думая провести порожнякомъ, но и это оказалось невозможно. Проводники, взятые въ Заммакѣ, торжественно заявили, что до сихъ поръ ни одна лошадь по этой тропѣ не проходила, и они отказываются итти дальше. Охотники остановились въ нерѣшимости; всѣмъ живо представился весь только что пройденный путь съ его лишеніями. Одинъ изъ проводниковъ незамѣтно скрылся. Къ остальнымъ пришлось приставить часовыхъ. Миръ-Ахуръ сначала что-то кричалъ и шумѣлъ, а потомъ стихъ и апатично глядѣлъ на насъ, выжидая, что мы предпримемъ.

Черномазые пріятели, увидя, что изъ-подъ караула никуда не уйдешь, предложили единственное, по ихъ мнѣнію, средство попытать переправить лошадей вплавь на правый берегъ, гдѣ какъ видно, шла довольно сносная полоска каменистой отмели. На рѣкѣ былъ островокъ, гдѣ можно было передохнуть.

Я видѣлъ, какъ безпокойно засуетился Н. Д. при этомъ предложеніи, съ какой любовью посмотрѣлъ онъ на своего необычайно любимаго имъ киргиза и наконецъ вопросительно уставился на меня.

— Что жъ, Н. Д.,—сказалъ я,—давайте пробовать что ли, не назадъ же итти въ самомъ дѣлѣ...

Тотъ круто повернулся и крикнулъ:

— Отводи лошадей внизъ, разсѣдлывай...

Послали за ишаками въ Заммакъ; посланные вернулись, доложивъ, что жители не даютъ.

— Взять,—скомандовалъ Н. Д. —Подмосковный, передай Миръ-Ахуру, что нужны ишаки, пускай распоряжается, иначе я силой возьму.

Миръ-Ахуръ понялъ, что какъ никакъ, а надо дѣйствовать, и подъ прикрытіемъ четырехъ охотниковъ со старшимъ отправился назадъ въ Заммакъ добывать перевязочныя средства.

Черезъ часъ штукъ восемь ишаковъ были, правда, не безъ брани и нагайки со стороны Миръ-Ахура, доставлены къ отряду.

Рѣшено было вьюки перетаскивать на рукахъ и, гдѣ можно,

везти на ишакахъ, и, дѣлая хотя бы по пяти верстъ въ день, итти впередъ къ Сары-джую.

Вскорѣ лошади были разсчитаны по лучшимъ охотникамъ и подведены къ самому берегу. Началась переправа. Я видѣлъ, какъ мой Ежовъ, подхваченный струей, сползъ съ вороного и поплылъ возлѣ. За нимъ желтѣла спина упрямаго киргиза—«Мальчика», а далѣе среди брызгъ и пѣны ревущей рѣки бились и остальныя лошади. Мы не спускали глазъ съ переправы, но вотъ одна за другой стали выбиваться лошади къ берегу; коноводы вылѣзали вслѣдъ за ними. Теперь можно было двигаться и намъ.

Нашъ путь лежалъ подъ отвѣсной скалой, нависшей такъ низко надъ тропой, что приходилось мѣстами сгибаться въ пояс- ницѣ. Миръ-Ахура волокомъ, полумертваго отъ страха, обвязаннаго веревками, протащили раньше всѣхъ вьюковъ; затѣмъ принялись такимъ же способомъ перетаскивать и грузы.

Но это было послѣднее опасное мѣсто на пути къ Сары-джую. Дальше дорога пошла нѣсколько лучше. Мы скоро миновали прелестный кишлакъ Міизотъ, обслѣдовали дальнѣйшее теченіе рѣки, которая приняла уже наименованіе Тупаланга, и снова очутились въ области орѣха и чинаръ.

Было уже около семи часовъ вечера, когда мы взобрались на послѣдній гигантскій контрфорсъ, перегородившій намъ дорогу и заставившій подняться болѣе чѣмъ на 2.000 футовъ надъ Тупалангомъ. Кое-какъ, опасливо косясь на черную пропасть, гдѣ должна была быть рѣка, мы перетащили измученныхъ животныхъ черезъ послѣдній опасный карнизъ и увидѣли подъ ногами темнѣющую долину съ группой садовъ. Это были кишлаки Гиссоракъ и Хардъруи—наше сегодняшнее становище. Отъ нихъ до Сары-джуя было всего лишь 12 верстъ отличной горной дороги. Всѣ ободрились и неудержимо устремились внизъ, усталости какъ не бывало.

Дойдя до становища, я увидѣлъ Миръ-Ахура, стоящаго съ длинной палкой въ рукахъ и грозно разносящаго толпу собравшихся жителей. Нѣсколько охотниковъ съ помощью самихъ хозяевъ разворачивали глиняный заборъ сада, куда надо было провести лошадей. Согнувшійся отъ усталости Миръ-Ахуръ самъ сталъ тыкать палкою по забору, какъ бы помогая солдатамъ.

— Гостей такъ встрѣчаете, мусульмане... Гости шли, большіе гости шли къ вамъ, а вы чашки холодной воды не вынесли имъ; или, быть можетъ, въ коранѣ не написано этого?.. Гостей самого эмира такъ встрѣчаете,—съ укоризной и не безъ угрозы въ голосѣ твердилъ нашъ дипломатъ. Возлѣ него стояли молчаливые слушатели и, должно быть, думали про себя: чортъ бы тебя побралъ съ твоимъ эміромъ и съ гостями-то; мы тутъ трудимся, насъ амлякдары обираютъ, а тутъ еще гости... Лошадей по одной вводили черезъ проломъ въ садъ; охотничьи собаки развалились

на самой клеверной площадкѣ. Храмцовъ съ мѣста побѣжалъ къ рѣкѣ мыть котелъ для пищи... Я съ легкимъ сердцемъ, совершенно счастливый, но изнемогая отъ усталости, пыльный и грязный, вошелъ также и повалился на кошму рядомъ съ растянувшимся уже на ней Н. Д.

IV.

Около двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня, т.-е. четырнадцатаго іюля, мы были уже въ Сары-джуѣ и, расположившись подъ колоссальнымъ чинаромъ, предавались кейфу. Всѣ заботы и сомнѣнія на время были оставлены, налицо было лишь одно хорошее, радостное.

Встрѣтили насъ, очевидно, благодаря внушенію Миръ-Ахура, съ необычайной торжественностью. Дальновидный дипломатъ еще прямо изъ Хардъ-руи отпросился поѣхать впередъ и, нарядившись снова въ свои пышныя дипломатическія одежды, снова сталъ прежнимъ тонкимъ и богато одѣтымъ Миръ-Ахуромъ, какимъ онъ предсталъ предъ нами въ Самаркандѣ. Только лицо его значительно похудѣло и потемнѣло, да лошадь носила на своемъ крупѣ и ногахъ глубокіе слѣды ранъ и забоинъ. Косоглазый Санхо-Пансо также отправился съ Миръ-Ахуромъ.

Какое-то особенно радостное чувство охватывало всѣхъ насъ при видѣ, какъ съ каждымъ поворотомъ дороги горы становились все ниже и, расплываясь какъ будто куда-то впередъ и внизъ, уступали свое мѣсто яркому ясному голубому горизонту. Съ каждымъ шагомъ, казалось, свѣта въ долинѣ прибывало, картина казалась намъ такою новою. И, странное дѣло, дѣлая теперь по шести верстъ въ часъ по прекрасной дорогѣ, намъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ и Н. Д., казалось, что мы идемъ медленно, и что надо прибавить шагу.

Наконецъ и массивные желтые покатые холмы, загораживавшіе намъ кругозоръ, окончательно разступились, и мы увидѣли Сары-джуй и часть давно желанной Гиссарской долины. Передъ нами, рѣя въ утреннемъ яркомъ свѣтѣ, стоялъ четыреугольникъ стѣнъ зданій и башенъ бухарскаго городка, точь въ точь, какъ часто изображаютъ въ дѣтскихъ книжкахъ типы палестинскихъ городовъ временъ Іисуса Христа. Ярко-красная глина, изъ которой были построены и крѣпость и городъ, положительно блестѣла на солнцѣ, придавая какой-то особенный колоритъ всей картинѣ.

Охотники были въ восторгѣ, слышался говоръ и смѣхъ; даже обыкновенно очень сдержанный Н. Д. при видѣ раскинувшагося города всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Вотъ такъ доходились, нечего сказать, попали прямо въ Палестину!

Не доходя верстъ двухъ отъ въѣзда въ зеленѣющіе передъ городкомъ сады, насъ встрѣтила разодѣтая пестрая, блестящая на яркомъ солнцѣ серебромъ своихъ поясовъ и шашекъ, толпа во главѣ съ самимъ амлякдаромъ. При видѣ красивыхъ лицъ, чисто и щегольски одѣтыхъ всадниковъ, на прекрасныхъ выхоленныхъ лошадяхъ, мы почувствовали себя и грязными и неодѣтыми. Команда построилась справа рядами, чтобы не ударить въ грязь. Амлякдаръ ловко соскочилъ съ сѣдла и, прижимая руки на животѣ въ знакъ уваженія, съ ужимками, даже застѣнчиво подошелъ къ намъ. За нимъ поспрыгивали съ коней и остальные. При помощи Подмосковнаго, почему-то вдругъ оробѣвшаго, послѣдовало чинное знакомство. Н. Д. и я совали свои загорѣлыя руки сначала въ холеныя бѣлыя аристократическія руки амлякдара и его чиновниковъ, а потомъ, въ порядкѣ постепенности, ладони, хватавшія наши руки, становились все темнѣй и грубѣй, и самая послѣдняя была уже положительно грязная и мозолистая, а у владѣтеля ея за поясомъ виднѣлась нагайка и «арканъ» (веревка). Миръ-Ахура въ толпѣ не было, что̀ не ускользнуло отъ опытнаго глаза Н. Д., который спросилъ, гдѣ тотъ.

— Миръ-Ахуръ дома, онъ занятъ приготовленіями по пріему на мѣстѣ такихъ почетныхъ гостей,—залепеталъ подобострастно амлякдаръ, хитро сверкнувшій глазами и понявшій, что нарушеніе восточнаго этикета со стороны Миръ-Ахура не прошло незамѣченнымъ [1]).

Мы двинулись далѣе; за нами, ковыляя такъ же, какъ и мы, пѣшкомъ, поползъ амлякдаръ съ видомъ самаго полнаго отчаянія по поводу того, что ему, никогда не ходившему пѣшкомъ, придется пройти цѣлыхъ двѣ версты. За нимъ потянулись пѣшкомъ и его слуги. Я замѣтилъ это Н. Д., и мы, не желая мучить такъ внимательно принявшихъ насъ хозяевъ, принуждены были сами сѣсть верхомъ и такъ въѣхали въ Сары-джуй.

Послѣ долгаго скитанія по горнымъ трущобамъ, пріемъ, оказанный намъ въ Сары-джуѣ, поразилъ насъ своею пышностью.

---

[1]) Въ Бухарѣ соблюденіе этикета является особой наукой, знаніе которой является, пожалуй, исключительно необходимымъ. При этомъ, благодаря обычной чрезвычайной дерзости бухарскихъ властей, ловко прикрываемой утонченной приниженностью, мы, русскіе, вначалѣ всегда становимся орудіемъ какихъ нибудь низкихъ продѣлокъ со стороны бухарскихъ чиновниковъ исключительно потому, что по нашему русскому благодушію упускаемъ и не считаемъ существеннымъ совершенно возстановить нарушаемый этикетъ. Толпа даже самаго захолустнаго горнаго аула Бухары до того воспитана въ этомъ этикетѣ, что замѣчаетъ малѣйшія тонкости въ его измѣненіи и уже дѣйствуетъ сообразно своему пониманію въ такихъ случаяхъ, часто далеко не въ нашу пользу. Мнѣ самому не разъ приходилось потомъ испытывать служебныя недоразумѣнія, родившіяся исключительно на почвѣ взгляда сквозь пальцы на невинное, повидимому, нарушеніе бухарскими чиновниками ихъ внѣшняго этикета.

Намъ отвели часть дома амлякдара съ садомъ, на самомъ берегу Тупаланга, т.-е., вѣрнѣе, съ обширной чистой площадкой, обнесенной деревянной рѣшеткой, въ одной сторонѣ которой росъ колоссальный вѣковой чинаръ. Подъ этимъ чинаромъ были поставлены намъ столы, покрытые бѣлою немытою скатертью и уставленные сплошь всякаго рода туземными яствами. Тутъ были и фисташки и всякаго рода орѣхи, миндаль, урюковыя косточки, жаренныя въ соли, халва, пастилы и конфеты, приготовленныя на бараньемъ салѣ; были разнаго рода и вкуса лепешки, стояли тарелки съ гранатами, разрѣзанныя по туземному этикету великолѣпныя дыни и пр., и главнымъ образомъ стояло съ одной стороны стола нѣсколько головъ сахара и лежало въ бумагѣ фунта два зеленаго («кокъ») чая. Это былъ извѣстный во всемъ Туркестанѣ «достарханъ», т.-е. подношенiе гостямъ, которое по обычаю должно завязываться въ скатерть и забираться гостями, какъ непремѣнный подарокъ.

Прифранченный Миръ-Ахуръ, торжествующiй и довольный, стоялъ у столовъ и съ поклономъ привѣтствовалъ насъ. Команда тутъ же, на этой же площадкѣ, но по другую сторону чинара расположилась на отдыхъ, людямъ варился обѣдъ и чай.

Подали чай, и мы съ жадностью стали утолять имъ жажду. Затѣмъ, когда мы немного такимъ образомъ отдохнули, къ намъ явился Миръ-Ахуръ съ амлякдаромъ и въ длинной тонкой дипломатичной рѣчи освѣдомились, какъ намъ чувствовалось въ пути, и довольны ли мы встрѣчей.

— Объ этомъ въ подробностяхъ разскажетъ Миръ-Ахуръ,— смѣясь сказалъ по-сартовски Н. Д. При этихъ словахъ лицо старика сдѣлало страшную гримасу, какъ то слѣдовало по этикету; при томъ, и на самомъ дѣлѣ Миръ-Ахуръ до того измучился за дорогу, что глаза у него ввалились, и воспоминанiе о путешествiи по горамъ врядъ ли могло вызвать у него веселыя воспоминанiя. Царедворецъ, забравъ въ легкiя побольше воздуху, заговорилъ пѣвучимъ голосомъ, то повышая, то понижая его, сообразно съ изложенiемъ событiй; при этомъ, когда глаза Миръ-Ахура начинали блестѣть испугомъ, лицо амлякдара прiобрѣтало то же выраженiе и, какъ зеркало, отражало въ себѣ все то, что было написано на лицѣ разсказчика. Тѣмъ не менѣе, какъ разсказчикъ, такъ и его слушатель не забывали взглядывать и на насъ, желая видѣть, какое впечатлѣнiе вынесли мы изъ всей этой сцены.

— Ахъ, лицемѣры,—полушепотомъ говорилъ мнѣ, по своему обычаю крутя глазами, Н. Д.,—вѣдь одинъ фокусникъ вретъ и вѣритъ въ то, что вретъ, а другой знаетъ, что слушаетъ чистѣйшiй вымыселъ, дѣлаетъ видъ, что это такъ интересно, и придумываетъ, что бы еще вставить въ эту ложь, когда уже онъ будетъ ее передавать своимъ женамъ и прiятелямъ...

Послѣдовали уговоры насъ остаться здѣсь погостить недѣлю, двѣ, и на нашъ отказъ и слова, что намъ надо торопиться, и что поэтому мы не можемъ воспользоваться такой любезностью, намъ отвѣчали покачиваніемъ головы въ знакъ сожалѣнія и кроткимъ, почти голубинымъ наклоненіемъ головы.

Наконецъ, хозяинъ, замѣтивъ, что онъ не смѣетъ своимъ присутствіемъ болѣе мѣшать дорогимъ гостямъ, какъ говорится, благородно ретировался вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ во второй дворъ своего помѣстья, а мы тотчасъ же попросту спустились къ рѣкѣ, разлившейся здѣсь на три рукава, и начали совершать свой туалетъ.

Городъ Сары-Джуй, если бы въ немъ не было старой полуразрушенной крѣпости и не сидѣлъ амлякдаръ, никоимъ образомъ не могъ бы почесться городомъ. Выгодно расположенный въ низовьяхъ Тупаланга въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды этой рѣки расходятся по цѣлой серіи арыковъ, онъ насчитываетъ всего лишь до 100 дворовъ; есть въ немъ убогій даже для Гиссарскаго края базаръ; прекрасные, какъ и вездѣ въ Гиссарѣ, сады—и болѣе ничего. Былая роль Сары-Джуя—запирать ущелья Тупаланга, а настоящая—быть дѣлителемъ водъ рѣки.

Сопоставляя всѣ данныя, собранныя за трудный семидневный путь, становится яснымъ, что многоводный Шинкъ и не менѣе многоводная Тупалангъ-Дарья никогда не служили тѣми нитями, придерживаясь которыхъ шли дороги, связывающія двѣ богатыя долины—Зеравшанскую и Гиссарскую. Существованіе же совершенно бѣлаго мѣста на нашихъ картахъ тамъ, гдѣ долженъ быть бассейнъ Тупаланга, и то обстоятельство, что весь этотъ обширный районъ до сихъ поръ не былъ ни разу пересѣченъ изслѣдователями, можно объяснить исключительно недоступностью горъ и, въ сущности, полнымъ отсутствіемъ дорогъ. На всемъ своемъ протяженіи въ самомъ кряжѣ Гиссаровскаго хребта въ 70 верстъ Тупалангъ, принимая въ себя четыре значительныхъ притока и цѣлую серію небольшихъ ручейковъ, течетъ въ такомъ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, которое не допускаетъ даже возможности бѣднякамъ-туземцамъ построить свои хижины на его берегахъ, а заставляетъ, въ большинствѣ случаевъ, ютиться небольшими общинами значительно выше. Даже вьючной ишачной тропѣ иногда нѣтъ мѣста въ ущельѣ, и она принуждена мѣстами значительно отходить отъ него въ сторону. Понятно, почему отъ самаго Шинка до Сары-Джуя мы не встрѣтили никакихъ слѣдовъ былой культуры; даже не напали на развалины хотя бы одного изъ многочисленныхъ во всемъ краѣ дорожныхъ сооруженій добраго генія былой Бухары, Абдуллахъ-хана. Значитъ, даже этотъ настойчивый и терпѣливый радѣтель о путяхъ сообщенія не счелъ возможнымъ бороться съ природой съ цѣлью соединить здѣсь, по Тупалангу, дорогой Гис-

саръ съ Самаркандомъ, а повелъ ее кружнымъ путемъ черезъ Сангъ-гардакъ и Кешъ (Шаршаузъ).

Дорого и намъ достался этотъ путь. Двѣ лошади сгоряча коекакъ дошли отъ Хардъ-руи до Сары-Джуя, но тутъ оказалось, что у одной изъ нихъ переломленъ выше крестца хребетъ, а другая, израненная и изнуренная, лежала теперь, не подавая никакой надежды. Особенно жалко было первую, хорошаго когда-то рыжаго жеребца. Несчастное животное, съ громадными усиліями поднятое на ноги, едва стояло и стремилось всѣми силами удержать валившійся то въ одну, то въ другую сторону задъ. Утромъ 15-го обѣихъ пришлось отдать на попеченіе любезному амлякдару, который вскорѣ сообщилъ намъ послѣ нашего выступленія, что оба коня сдохли черезъ два дня послѣ нашего ухода, и спрашивалъ, какъ поступить съ ихъ шкурами.

Остальныя лошади хотя и были пригодны для дальнѣйшей службы, но требовали немедленнаго отдыха и лѣченія ранъ и царапинъ. Обувь нижнихъ чиновъ требовала особеннаго ухода; большая половина сапогъ была или окончательно негодна къ употребленію или при носкѣ приносила немалыя страданія охотникамъ. Ни кавказскіе поршни, очевидно, разсчитанные на меньшую жару, ни наши форменные солдатскіе сапоги окончательно не годились для похода въ горахъ Туркестана. Одежда порвалась и требовала серьезной починки.

Осмотрѣвъ все подробно, мы стали раздумывать, остаться ли въ Сары-Джуѣ на отдыхъ или сдѣлать еще два перехода около 70 верстъ до Каратага. Рѣшено было итти въ Каратагъ и тамъ уже отдохнуть дня три и привести матеріальную часть въ порядокъ. Основаніемъ такому рѣшенію послужило то обстоятельство, что въ Каратагѣ въ настоящее время находился самъ Кушъ-беги, переѣхавшій туда изъ Гиссара на дачу, и при томъ этотъ городъ являлся самымъ крупнымъ центромъ всей долины, гдѣ можно было достать столь желанныя нами «мукки».

На утро выступленіе. Хлѣбосольный хозяинъ вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ и слышать ничего не хотѣли о какой либо платѣ за все, что взято было для команды и лошадей.

— Намъ брать не велѣно, вы—гости эмира; эмиръ уже распорядился заплатить тѣмъ, у кого взятъ для команды и ячмень, и клеверъ, и хлѣбъ, и все. Мы брать не смѣемъ, — твердилъ амлякдаръ. Вторя ему и вступивъ наконецъ въ давно желанныя права главнаго распорядителя и герольда, Миръ-Ахуръ волновался еще болѣе и, потрясая тоненькой, сложенной въ плоскую палочку бумажкой, утверждалъ, что въ Бухарѣ вездѣ порядки такіе, и что заплатить за что либо гость можетъ только, будучи чѣмъ либо особенно недоволенъ, чѣмъ, конечно, поставитъ хозяевъ въ необходимость довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

Мы не смѣли больше настаивать и ограничились тѣмъ, что одарили, какъ могли, прислугу амлякдара, да дали милостыню нищимъ. Впослѣдствіи мы дѣйствительно убѣдились въ справедливости словъ Миръ-Ахура, равно какъ и въ магическомъ дѣйствіи его сложенной въ плоскую палочку бумажки, которую онъ вынималъ изъ-за пазухи тщательно свернутою; онъ горделиво показывалъ всякаго рода сановникамъ имѣющуюся на ней таинственную печать.

Теперь же Миръ-Ахуръ, все еще съ подведенными, несмотря на отдыхъ въ Сары-Джуѣ, глазами, торжественно ѣхалъ передъ нами въ какомъ-то невиданномъ еще ни мной, ни Н. Д. красивомъ шелковомъ халатѣ.

— Уже получилъ первую мзду,—усмѣхнулся Н. Д., по обыкновенію поведя глазами въ сторону нашего дипломата.

Косоглазый слуга его ѣхалъ тоже какъ будто въ новомъ туалетѣ. Значитъ, тріумфъ нашихъ друзей уже начался.

Мы вступили въ плодородную Гиссарскую долину. Еще восемь часовъ утра, а солнце уже жжетъ изрядно. Впереди разстилается широкая невиданная нами долина, на востокѣ сливающаяся съ горизонтомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо изъ густо синяго и голубого становится почти молочно-бѣлымъ. Впереди и вправо виднѣются группы пышныхъ кишлачныхъ садовъ, разбросанныя по всей ширинѣ долины и постепенно убѣгающія вдаль подъ самую подошву хребта Баба-тагъ, едва показывающагося изъ общей синевы неба. Тупалангъ со своей дивной чистой водой ушла почти прямо на югъ къ городку Сары-Ассія. Мы идемъ холмами, сбѣжавшими съ Гиссарскаго кряжа, лѣвой стороной долины. Все такъ невиданно и ново: и низкіе домики уже не съ плоскими, какъ во всемъ Туркестанѣ, глиняными крышами, а съ стропильными кровлями, напоминающими нашу далекую Русь, крытыми камышомъ и кугой[1]) и обмазанными глиной же; и дивные сады, наполненные гранатами и смоквой или великолѣпными орѣхами и виноградомъ, который культивируется здѣсь не такъ, какъ въ Самаркандской области—низкими кустами, а переплетаетъ своими лозами и кровли домовъ, и дувалы, и стволы, и вѣтви деревьевъ. Бахчи съ дынями и арбузами окаймляютъ сады; гигантскія тыквы рдѣютъ на солнцѣ, перемѣшивая свою зелень съ зеленью винограда. Хлѣбъ, уже снятый, стоитъ сложенный кучами на обширныхъ, исчезающихъ на горизонтѣ поляхъ, почему общій тонъ долины уже является желтымъ; но подъ самымъ Баба-тагомъ во всю долину видимой нами долины протянулась ярко зеленая лента заливныхъ полей и камышей Каратагъ-Дарьи, стремящейся слиться съ Тупалангомъ и добѣжать до Аму. Встрѣчающіеся на дорогѣ жители также зна-

[1]) Особый родъ тростника.

чительно отличаются отъ видѣнныхъ ранѣе. Способъ повязки чалмы нѣсколько иной; у всѣхъ верхніе халаты изъ темной шерстяной самодѣльной сермяги, на ногахъ мукки, на которыя мы посматриваемъ съ завистью. Открытыя красивыя лица съ густыми черными бородами, смуглый цвѣтъ кожи изобличаютъ въ нихъ настоящихъ горныхъ таджиковъ. Плоскошейныя, часто двухцвѣтныя лошади славящейся въ краѣ Гиссарской породы, съ острыми холками, плоско-широкими, скакового типа, ногами съ длинными щетками подъ бабкой попадаются на каждомъ шагу. По широкой вьющейся черезъ холмы и саи дорогѣ ползутъ волы, запряженные въ самаго примитивнаго устройства сани съ широчайшими полозьями, грубо скрѣпленными между собой поперечинами, къ которымъ мочальными вицами привязано дышло. Арбъ нѣтъ и помину, а, значитъ, нѣтъ и арбяныхъ дорогъ. Встрѣчные путники добродушно привѣтствуютъ насъ и долго смотрятъ намъ вслѣдъ, очевидно впервые видя русскаго солдата въ бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ же широкихъ шароварахъ.

Жара становится все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ ручьи, бѣгущіе по многочисленнымъ саямъ среди желтыхъ уваловъ, сухи; каждый изъ насъ радъ остановкѣ на обычныя пять минутъ подъ тѣнью деревъ встрѣчающихся по пути кишлаковъ. Н. Д. и я идемъ пѣшкомъ и по очереди ведемъ съемку, удивляя этимъ Миръ-Ахура и его спутника, даннаго намъ сары-джуйскимъ амлякдаромъ въ проводники, красиваго молодого таджика. Ежовъ попрежнему ведетъ моего вороного, на котораго я иногда взглядываю съ необычайнымъ желаніемъ сѣсть. Но стойкость сухощаваго Н. Д. останавливаетъ меня отъ этого позорнаго намѣренія, при томъ снова настаетъ очередь съемки. Правда, мелькомъ я поймалъ и у Н. Д. такой же выразительный взглядъ, обращенный къ его «Мальчику», но все же мы пошли пѣшкомъ, подавая примѣръ командѣ.

Около 4 часовъ дня мы были уже на мѣстѣ ночлега въ кишлакѣ Чертакъ (Четтакъ), отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ городка Регаръ, бывшаго когда-то сильной Гиссарской крѣпостью, остатки которой красиво выдѣлялись изъ густыхъ шапокъ зелени окружающихъ его садовъ.

Не обошлось, конечно, безъ обычной торжественной встрѣчи съ достарханомъ, при чемъ въ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ устроенъ, насъ встрѣтили наши сары-джуйскіе знакомцы—два колченогихъ вѣнскихъ стула и нѣсколько эмальированныхъ тарелокъ. Оказалось, эти плоды цивилизаціи сопровождали насъ незамѣтно, конечно, отъ самаго Сары-Джуя.

По своему радушію и пышности пріемъ въ Чертакѣ превзошелъ первый. Вслѣдствіе этого охотники поголовно объѣлись; за нашими молодцами пришлось учредить строгій надзоръ, такъ какъ россійское обыкновеніе съѣдать все, что ни подадутъ, дочиста болѣе, чѣмъ гдѣ либо, практиковалось здѣсь солдатиками.

Тонкость обращенія чертакскихъ чиновниковъ дошла до того, что былъ немедленно посланъ нарочный въ Каратагъ къ Кушъ-беги съ нашимъ привѣтомъ по его адресу, выраженнымъ во время обмѣна церемоніальными любезностями съ управителемъ Чертака.

А на слѣдующій день около часа мы подъѣзжали уже къ столицѣ края, окруженные пышной кавалькадой бековскихъ чиновниковъ, блиставшихъ на солнцѣ своими причудливыми халатами и серебрянымъ убранствомъ холеныхъ породистыхъ коней. Мы чувствовали себя прескверно въ этой богатой толпѣ, но гордо, по этикету держали свои головы, стараясь забыть, что наши чембары во многихъ мѣстахъ носили уже слѣды солдатской иглы, и кителя были не первой свѣжести.

По довольно солидному мосту обычной для всего края системы, на которомъ были поставлены четыре преуморительныхъ бухарскихъ солдата, мы въѣхали въ городъ, поразившій насъ своими кривыми узкими улицами.

День былъ базарный, и потому густая толпа разношерстной публики съ любопытствомъ слѣдовала за нами. Изъ кузницъ и желѣзныхъ лавокъ несся стукъ молотовъ и шумъ колесъ и обдавало жаромъ и мелкою угольною пылью. Здѣсь, въ этихъ лавкахъ должны выдѣлываться знаменитые во всей Бухарѣ гиссарскіе клинки и ножи. Въ разношерстной толпѣ видны были несуразные однобортные мундиры бухарскихъ солдатъ, которыхъ насчитывается во всей столицѣ края всего лишь 50 человѣкъ; нѣсколько индѣйцевъ высунули свои красивыя головы изъ-за дверей мѣняльной лавки, шли женщины, бѣгали ребятишки.

Вскорѣ мы свернули въ какой-то очень узкій переулокъ и неожиданно попали въ чистый и широкій дворъ. Насъ почтительно, «какъ архіереевъ», сняли съ сѣдла наши расшитые золотомъ и серебромъ путники и повели въ слѣдующій дворъ, гдѣ наконецъ ввели въ приготовленное для насъ помѣщеніе. Войдя туда, я увидѣлъ четыре расположенныя одна за другою комнаты; первыя двѣ были пусты, а двѣ послѣднія обиты сплошь краснымъ кумачемъ: и стѣны, и полъ, и потолокъ. Чистота была поразительная, особенно въ сравненіи съ нашими сапогами и кителями. Въ каждой комнатѣ было поставлено по сартовской кровати съ массой шелковыхъ одѣялъ и мутакъ, а въ моей, такъ сказать, комнатѣ, во всю ея двѣнадцати-аршинную длину, стоялъ столъ, покрытый бѣлой немытой скатертью, сплошь уставленный туземными яствами, орѣхами и русскаго производства леденцами.

Мы не успѣли умыться, какъ вошли къ намъ бековскіе сановники съ фразами, уже знакомыми намъ. На этотъ разъ депутація эта была не просто актомъ вѣжливости, но носила еще въ себѣ и нѣчто политическое. Дѣло въ томъ, что кто-то изъ чиновниковъ Кушъ-беги замѣтилъ, должно быть, что мы въ пути звали

Кушъ-беги попросту бекомъ, въ наивности своей полагая, что по существу это вѣдь все равно. Поэтому, когда вся толпа чиновниковъ постепенно удалилась, къ намъ вошелъ этотъ юный сынъ хозяина и началъ разсказывать о Кушъ-беги, Каратагѣ, чиновникахъ, окружающихъ его высокостепенство.

— Они боятся, чтобы мы завтра во время визита не назвали Кушъ-беги бекомъ,—замѣтилъ мнѣ Н. Д., понявшій цѣль этого посѣщенія. Тѣмъ не менѣе словоохотливый и симпатичный юноша поразсказалъ намъ много интереснаго про край, и мы пригласили его къ себѣ зайти вечеромъ, а сами, отговорившись усталостью и необходимостью различныхъ распоряженій, постарались освободить его отъ его миссіи возможно скорѣе.

Вечеромъ пришелъ къ намъ нашъ новый молодой знакомецъ, и мы съ удовольствіемъ пробесѣдовали съ нимъ до девяти часовъ. Онъ оказался сыномъ перваго помощника Кушъ-беги по управленію краемъ и звали его Ширъ-али, (караулъ-беги [1]); имя же его отца и нашего хозяина было: Риджабъ-Али, эшинъ-аго-баши. Охотно отвѣчая на наши вопросы, онъ сообщилъ намъ, что Кушъ-беги вотъ уже девятый годъ управляетъ обширнымъ ввѣреннымъ ему эмиромъ краемъ, что онъ очень любитъ русскихъ и все русское (тутъ голосъ собесѣдника сдѣлался тише) и видитъ спасеніе всей Бухары въ одномъ лишь тѣсномъ общеніи съ русскими; иначе, закончилъ онъ, Гиссарскій край навѣрное будутъ разорять своими набѣгами афганцы, которые совершили послѣдній набѣгъ не далѣе, какъ въ 1885 году.

Каратагъ зимою пустѣетъ, такъ какъ, представляя собою лишь лѣтнюю резиденцію Гиссарскаго Кушъ-беги, онъ не имѣетъ почти своихъ, такъ сказать, жителей. Всѣ ремесленники и купцы, не говоря уже про чиновничій классъ, переселяются вслѣдъ за Кушъ-беги въ Гиссаръ, считающійся административнымъ центромъ страны. Въ свою очередь этотъ послѣдній пустъ лѣтомъ такъ же, какъ Каратагъ зимой. Страшныя лихорадки заставляютъ бѣжать на лѣто изъ Гиссара всѣхъ, кто можетъ это сдѣлать, и городъ, расположенный на самой низинѣ при сліяніи рѣкъ Кафирнигана и Ханака-су, заброшенный въ самую чащу исполинской травяной растительности, представляетъ собою заброшенное гнѣздо съ необычайно сырымъ, тепличнымъ климатомъ.

Въ Каратагѣ, какъ оказалось, вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ почтенный энтомологъ Вильдбергъ, собирающій коллекціи насѣкомыхъ и отправляющій ихъ черезъ Бухару за границу. Какъ можетъ образованный европеецъ цѣлые годы проводитъ одинъ среди совершенно непонимающихъ его и его работы мусульманъ, поло-

[1]) Караулъ-беги—чинъ, въ родѣ нашего штабсъ-капитана; это—первый чинъ, который дается эмиромъ.

жительно удивительно. По словамъ нашего молодого хозяина, Вильдбергъ человѣкъ—«дивона» (рехнувшійся), собираетъ какихъ-то жучковъ, ходитъ по окрестностямъ, кишлакамъ, ловитъ рыбъ и даже змѣй; научился хорошо говорить по-таджикски, со всѣми дружитъ и живетъ себѣ скромно въ своей хижинѣ.

На другой день, семнадцатаго, около одиннадцати часовъ дня Н. Д. и я отправились съ визитомъ къ Кушъ-беги. Долго мы ломали голову, какъ бы почище одѣться изъ того запаса платья, какой взяли мы съ собой, и наконецъ надѣли чистые кителя, серебряные шарфы, чембары (красныя кожаныя шаровары) и двинулись. Несмотря на то, что домъ Кушъ-беги былъ рядомъ, этикетъ требовалъ, чтобы мы ѣхали верхомъ; пришлось осѣдлать нашихъ коней; взяли съ собой, въ видѣ провожатыхъ, двухъ охотниковъ и третьяго Подмосковнаго, какъ переводчика. Миръ-Ахуръ, разумѣется, ѣхалъ съ нами и видимо волновался; его великолѣпный халатъ какъ-то особенно блестѣлъ на солнцѣ.

Едва выѣхали мы на улицу, какъ завизжали флейты и забили барабаны бухарской полуроты, выстроенной въ одну шеренгу въ видѣ почетнаго караула у казармы. Впереди всѣхъ стоялъ офицеръ, держа въ правой рукѣ опущенную шашку, а лѣвой отдавая честь подъ козырекъ. На правомъ флангѣ стоялъ ясаулъ[1]) съ палкою въ рукахъ. Солдаты были одѣты въ круглыя маленькія барашковыя шапки, однобортные мундиры съ красными воротниками и красныя чембары. На ногахъ были обычнаго типа сартовскіе сапоги съ неимовѣрно высокими каблуками, отчего всѣ воины принуждены стоять съ полусогнутыми колѣнями. Ружья или курковыя пистонныя или же кремневыя старинныхъ русскихъ системъ. На погонахъ было грубо намалевано желтой краской что-то въ родѣ 9 Б., т.-е. девятый бухарскій батальонъ.

Мы въ свою очередь взяли подъ козырекъ; бухарскій офицеръ сунулъ намъ свою руку; мы пожали ее и проѣхали далѣе къ воротамъ покоевъ Кушъ-беги. Здѣсь былъ устроенъ навѣсъ, подъ которымъ стояли 5 мѣдныхъ четырехъ-фунтовыхъ, вѣроятно, конныхъ, пушекъ на полусгнившихъ лафетахъ и колесахъ. Возлѣ нихъ стоялъ часовой съ шашкой. Рядомъ находилось караульное помѣщеніе и казарма для солдатъ. Подхваченные десяткомъ рукъ, мы слѣзли съ коней и двинулись, предшествуемые двумя ясаулъ-башами, введшими насъ во внутренній удивительно чистый мощеный дворъ, съ трехъ сторонъ котораго тянулась открытая терраса. Слѣва подъ расшитымъ бухарскимъ тентомъ стояла пестрая толпа придворныхъ, отвѣсившая намъ обычные кулдуки (поклоны); мы взяли подъ козырекъ. Миръ-Ахуръ и ясаулъ-баши двинулись дальше въ двери высокаго одноэтажнаго дома. Мы вошли и очутились

[1]) Что-то въ родѣ тамбуръ-мажора былыхъ временъ.

лицомъ къ лицу съ Кушъ-беги. Это былъ благообразный, бодрый старецъ съ умными, немного слезящимися глазами; блѣдное и худое лицо его обрамлялось негустой сѣдой бородою. На Кушъ-беги былъ сѣрый шелковый, словно стальной халатъ, дивной бѣлизны чалма, и на лѣвой сторонѣ груди сіялъ великолѣпный брилліантовый вензель, котораго я никакъ не могъ разобрать. Почтенный старецъ подошелъ къ намъ и, дружелюбно взявъ насъ за руки, поздоровался и повелъ за столъ, обильно уставленный достарханомъ. Посадивъ насъ по обѣ стороны себя, а Миръ-Ахура противъ и немного сбоку, какъ лицо второстепенное, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, приказавъ подать чаю, началъ просто, безъ особаго этикета, справляться о томъ, какъ мы совершили нашъ путь. Оробѣвшій Подмосковный переводилъ не совсѣмъ спокойно, и Н. Д. долженъ былъ ему замѣтить, чтобы тотъ слушалъ внимательно. Кушъ-беги улыбнулся, оказалось впослѣдствіи, что онъ порядочно понимаетъ по-русски, и только этикетъ не позволялъ ему говорить не по-персидски. Къ счастью, мы не сдѣлали промаха въ смыслѣ свободы изъясненія на своемъ родномъ діалектѣ.

— Слышалъ я, что вы прошли черезъ Сія-Кухъ и вдоль Тупалангъ-Дарьи; этотъ путь у насъ считается совершенно непроходимымъ; даже не всѣ пастухи рискуютъ ходить тамъ. Какъ же вы прошли съ лошадьми?

— Съ большимъ трудомъ; мы потеряли двѣ лошади изъ восьми,— отвѣтилъ Н. Д.,—благодаря заботамъ Миръ-Ахура, мы имѣли все, что только можно было достать въ той странѣ.

Миръ-Ахуръ подпрыгнулъ отъ восторга и, даже и сидя, дѣлая кулдуки, что-то съ жаромъ заговорилъ по-персидски.

— Ваше благородіе, Миръ-Ахуръ говоритъ,—перевелъ Подмосковный,—что мы перетаскивали его самого и лошадей на какихъ-то машинахъ; говоритъ, будто у насъ есть такіе крючья съ колесами, съ которыми можно перейти черезъ любую скалу.

Мы улыбнулись; я посмотрѣлъ на Кушъ-беги. Его лицо выражало собою олицетвореніе вниманія; одинъ лишь взглядъ, брошенный имъ на немогшаго скрыть улыбку Подмосковнаго, былъ какъ будто бы не безъ признаковъ недовѣрія.

— Куда же вы теперь держите путь, если это не составляетъ вашей тайны?—спросилъ сановникъ.

— Мы думаемъ соединиться съ войсками Памирскаго отряда черезъ Рошанъ,—отвѣтилъ Н. Д.,—отъ друзей у насъ секретовъ нѣтъ, и наоборотъ намъ очень пріятно, что его высокостепенство такъ участливо спрашиваетъ насъ объ этомъ.

— Да, это путь далекій,—подумавъ сказалъ тотъ.—Я давно не получалъ изъ Дарваза свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на Памирахъ, но кажется, что Рошанъ занятъ войсками афганцевъ.

Кушъ-беги сдѣлалъ знакъ кому-то, по которому вошелъ его помощникъ и нашъ хозяинъ Риджабъ-Али. Они поговорили что-то между собою, и вошедшій снова удалился въ сосѣднюю комнату.

— Да,—обратился къ намъ Кушъ-беги,—врядъ ли вамъ удастся легко сдѣлать это движеніе; вѣдь, кромѣ горъ и дурныхъ дорогъ, тамъ вамъ будутъ мѣшать афганцы. Вы черезъ какіе пункты хотите итти?

— Черезъ Калаи-Хумбъ и Ташъ-Курганъ.

— Не знаю, кажется, Ташъ-Курганъ занятъ афганцами; я слышалъ, будто ихъ войска въ большомъ числѣ стягиваются въ Рошанѣ.

Мы переглянулись съ Н. Д. Слова правителя всей восточной половины ханства, очевидно, были сказаны не на вѣтеръ.

— Во всякомъ случаѣ, все, что надо и что можно, я прикажу вамъ приготовить. Я дамъ вамъ въ провожатые двухъ надежныхъ чиновниковъ, которые доставятъ васъ и вашу команду до Калаи-Хумба, а тамъ вамъ видно будетъ самимъ, что дѣлать. Бекъ дарвазскій, конечно, поможетъ вамъ и людьми, и средствами, объ этомъ я уже сдѣлалъ распоряженіе.

Мы поблагодарили. Бесѣда затянулась болѣе, чѣмъ на полчаса. Кушъ-беги такъ внимательно и сердечно разспрашивалъ насъ обо всемъ, и я, и Н. Д. въ душѣ вполнѣ согласились съ тѣмъ, что этотъ недюжинный бухарскій сановникъ, не разъ побывавшій и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣйствительно есть нашъ искренній другъ и сторонникъ.

Едва вернулись мы къ себѣ, какъ къ намъ прибылъ съ отвѣтнымъ визитомъ отъ имени Кушъ-беги Риджабъ-Али. Онъ, какъ оказалось, является правою рукою Кушъ-беги, побывалъ съ нимъ въ свитѣ эмира въ Петербургѣ и потому представляетъ собою также пріятное исключеніе среду крупныхъ чиновниковъ Гиссарскаго края. Съ удовольствіемъ пустился нашъ хозяинъ въ разсказы о Петербургѣ, балетѣ и оперѣ; съ увлеченіемъ вспоминалъ, какъ свитѣ эмира показывали въ Кронштадтѣ стрѣльбу изъ береговыхъ орудій, при чемъ не безъ курьеза говорилъ, какъ всѣ они, при громѣ орудійныхъ залповъ, думали, что оглохнутъ, и съ удовольствіемъ поспѣшили поскорѣй уѣхать обратно въ Петербургъ.

Принесли на нѣсколькихъ подносахъ отъ Кушъ-беги подарки для нижнихъ чиновъ, въ видѣ чая, сахара и леденцовъ. Отказаться было невозможно; мы просили передать Кушъ-беги свою благодарность. Весь этотъ день прошелъ въ визитахъ и офиціальныхъ разговорахъ. Любезность хозяина дошла до того, что онъ приставилъ къ намъ своего сына, юнаго караулъ-беги, который почелъ своей обязанностью отгонять туземнымъ вѣеромъ налетѣвшихъ на достарханъ громадныхъ шершней. При этомъ молодой человѣкъ, чтобы показать, должно быть, свои симпатіи ко всему русскому,

при каждомъ ударѣ по насѣкомому произносилъ отборнѣйшія русскія ругательства. Мы какъ ни просили его и его отца не утруждать себя такой работой, но тѣ и слышать не хотѣли; такъ юноша до поздняго вечера и упражнялся въ своемъ знаніи россійской уличной литературы. Повидимому, онъ не понималъ, что говорилъ, такъ какъ наряду съ такими фразами у него тѣмъ же тономъ прорывались: «очень благодаренъ», «спасибо», «какъ здоровъ», и даже разъ послышалось «мерси».

Охотники отлеживались и горланили пѣсни. Къ нимъ нашла толпа бухарскихъ солдатъ, и Н. Д. распорядился угощеніемъ ихъ.

На утро 18-го числа, поискавъ въ лавкахъ ножей гиссарской стали, но не найдя ни одного, въ виду того, какъ объяснили купцы, что главный мастеръ еще не вернулся изъ Денау, и накупивъ на всю команду «мукки», я и Н. Д. въ сопровожденіи Миръ-Ахура, не пожелавшаго пустить насъ однихъ, поѣхали по городу. Завернули на базаръ, который оказался, сравнительно съ важностью города, небольшимъ. Десятковъ пять всевозможныхъ лавокъ, по преимуществу желѣзныхъ и ситцевыхъ, двѣ-три мѣняльныхъ лавки, вотъ и весь базаръ. На площадкѣ, гдѣ стоятъ подъ навѣсомъ пушки, играла бухарская музыка, по всей вѣроятности, съ цѣлью отпраздновать дни нашего прибытія.

Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго зданія, ни одной крупной мечети и значительнаго медрессе. Дома или каркасные или глинобитные, за исключеніемъ немногихъ, построенныхъ изъ сырца и частью изъ жженаго кирпича. Этотъ послѣдній, очевидно, добывается изъ какихъ-то развалинъ, такъ какъ кирпичеобжигательныхъ печей не было видно ни одной, при томъ и размѣръ кирпича (квадратный по $5^1/_2$ в.) показываетъ уже прошедшую эпоху.

Вернувшись на мѣсто стоянки, мы были непріятно поражены тѣмъ, что дѣлалось въ командѣ; число лихорадочныхъ больныхъ возросло сразу до шести; почти всѣ были больны чѣмъ-то близкимъ къ дезинтеріи. Особенно плохо чувствовалъ себя мой Ежовъ. Немедленно же было приказано отобрать всѣ бухарскія сласти и зелень подъ особый надзоръ дежурнаго. Людямъ выдали по полчаркѣ спирту. По всему было видно, что больные, лежа здѣсь, не поправятся; здоровые же уже отдохнули и въ дальнѣйшемъ покоѣ не нуждались. Правда, лошадямъ надо было еще дать отдыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, особенно сильный и умный «сѣрый», стояли съ подвязанными ногами.

— Я думаю завтра же немедленно выступать,—сказалъ мнѣ Н. Д., когда мы вошли въ свое помѣщеніе.

— Да, по-моему тоже, единственно движеніе и при томъ здоровый переходъ могутъ сразу поставить на ноги больныхъ; вѣдь больна почти вся команда,—отвѣтилъ я.

Рѣшено было съ разсвѣтомъ продолжать путь. Призвали старшаго и Миръ-Ахура. Осинцевъ сразу доложилъ:

— Ваше благородіе, выступить бы намъ отсюда поскорѣе, а то я думаю, что солдаты сильно животами болѣютъ отъ здѣшней воды. Какъ ни останавливай, а хоть потихоньку да пьютъ въ этакую жару, а потомъ безъ движенія валяются на кошмѣ цѣлый день. При томъ же и дыни...

Миръ-Ахуръ сталъ было уговаривать остаться, но ему категорически было объявлено, что завтра ночевать будемъ въ Дюшамбе. Разочарованный чиновникъ покорно сказалъ: «хопъ», и вышелъ. Мы стали приготовляться въ путь, чувствуя, что сдѣлали все, за чѣмъ пришли въ Каратагъ. Одно насъ безпокоило—это отсутствіе бани, но съ этимъ пришлось мириться.

Утромъ девятнадцатаго іюля, чуть свѣтъ, рожокъ проигралъ сборъ, и началась обычная суматоха сборовъ въ путь.

Б. Литвиновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ КОЛЕСОВЪ.

(Некрологъ).

СЕНТЯБРЯ 8-го тихо скончался въ своей скромной квартирѣ, на Ямской улицѣ, патріархъ столичнаго книготорговаго дѣла, Ѳедоръ Ивановичъ Колесовъ, популярнѣйшій старожилъ Петербурга. Уже его 50-ти-лѣтній юбилей, задушевно отпразднованный въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», засталъ почтеннаго старика сильно недомогавшимъ, съ непрестанными ревматическими и невральгическими болями во всемъ тѣлѣ, не препятствовавшими ему, однако, несмотря на болѣзненность ощущеній, оставаться на своемъ посту, у книжнаго прилавка, въ роли командующаго обширной арміей приказчиковъ, разсыльныхъ, комиссіонеровъ. Болѣзнь съ годами усиливалась, а привѣтливый и добродушный старикъ, страдая отъ злыхъ недуговъ, все оставался на своемъ мѣстѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ особеннаго обостренія болѣзни соглашаясь провести нѣсколько дней дома, на отдыхѣ. И чуть только становилось легче, какъ онъ снова плелся къ своему мѣсту, столь знакомому столичнымъ обывателямъ, за стеклянной ширмочкой, въ углу книжнаго магазина, откуда онъ зорко оглядывалъ прибывающія и отливающія волны публики, посѣщавшей магазинъ. Это боковое мѣстечко, гдѣ за прилавкомъ возсѣдалъ Ѳедоръ Ивановичъ, съ теченіемъ времени стало очень популярнымъ; оно сдѣлалось своего рода маленькимъ клубомъ, куда сходились люди, чтобы потолковать между собою о столичныхъ и политическихъ новостяхъ, перекинуться съ старикомъ словечкомъ, посовѣтоваться съ нимъ по житейскимъ вопросамъ, посудачить или просто отдохнуть на прогулкѣ по Невскому проспекту. Молодежь сравнительно мало знала этого книжнаго дѣятеля, но люди пожилые, подчасъ достигшіе на жи-

зненномъ пути степеней извѣстныхъ и высокаго положенія,—для тѣхъ Θедоръ Ивановичъ былъ свой человѣкъ. Молодыми еще, въ магазинахъ Исакова, Вольфа, Колесова и Михина, они въ свое время встрѣчались съ нимъ, пользовались его указаніями по книжнымъ вопросамъ, а подчасъ прибѣгали и къ его услугамъ по части издательства и руководства чтеніемъ. Эти отдаленныя воспо-

Θедоръ Ивановичъ Колесовъ.

минанія молодости послѣдовали за ними и въ дальнѣйшій періодъ ихъ жизни, когда послѣдняя принесла имъ карьеру, извѣстность, знатность и богатство. Для нихъ Θедоръ Ивановичъ остался старымъ другомъ, къ которому они отъ времени до времени заходили за совѣтами или просто ради удовольствія пожать ему руку и съ нимъ поболтать. Видный военный генералъ, членъ государственнаго совѣта, извѣстный провинціальный администраторъ, профес-

соръ какого нибудь высшаго учебнаго заведенія, заходя въ магазинъ «Новаго Времени», не миновали личнымъ привѣтствіемъ старика, управляющаго магазиномъ, справлялись о его здоровьѣ, и вспоминали тотъ или иной эпизодъ своей молодой жизни, когда имъ приходилось соприкасаться съ молодымъ еще Колесовымъ. А было это давно — 57 лѣтъ тому назадъ!

Еще 13-тилѣтнимъ мальчикомъ началъ Колесовъ свою книжную службу въ извѣстномъ магазинѣ Исакова и вскорѣ выдѣлился среди сотоварищей по службѣ, какъ расторопный приказчикъ и юноша, любящій и понимающій дѣло, къ коему былъ приставленъ. Почти 23 года проработалъ онъ у Исакова и, въ видѣ «поощренія», а также съ дѣловыми цѣлями, былъ командированъ послѣднимъ въ крупные центры умственной западно-европейской жизни для изученія постановки тамъ книжнаго дѣла и способовъ издательства.

Вскорѣ по возвращеніи на родину, Колесову пришлось разстаться со своимъ старымъ хозяиномъ, и онъ, въ сообществѣ съ Михинымъ, открылъ въ Гостиномъ дворѣ собственный книжный магазинъ, коимъ и руководилъ 10 лѣтъ. Но поскольку Ѳедоръ Ивановичъ былъ хорошимъ и умѣлымъ хранителемъ чужого добра, настолько въ личной жизни и личныхъ дѣлахъ онъ былъ не практиченъ, излишне довѣрчивъ и недостаточно оборотливъ. Собственная торговля, поэтому, у него не пошла, онъ запутался въ кредитахъ, обанкрутился и ликвидировалъ свое дѣло, понеся громадные убытки и принявъ на себя значительные долги, съ коими, къ слову сказать, не могъ разсчитаться до конца своей жизни. Послѣ этого періода мы снова встрѣчаемъ его въ роли управляющаго русскаго отдѣла книжнаго магазина М. О. Вольфа, гдѣ онъ и оставался въ теченіе 13-ти лѣтъ, пользуясь уваженіемъ и довѣріемъ покойнаго старика Вольфа.

Когда г. Зандрокъ покинулъ завѣдываніе книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени», и торговое дѣло потребовало энергичнаго и умѣлаго руководителя для своего упорядоченія, то, по рекомендаціи редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго, А. С. Суворинъ обратился именно къ Колесову, предложивъ ему хорошій окладъ жалованья и широкій просторъ для самостоятельной работы. Колесовъ принялъ сдѣланное предложеніе, распростился съ Вольфомъ и сталъ во главѣ книжнаго дѣла г. Суворина, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдѣленіяхъ. За книжнымъ прилавкомъ магазина «Новаго Времени», на углу Невскаго и Михайловской улицы, засталъ его въ 1897 году пятидесятилѣтній юбилей служенія книжному дѣлу. Привѣтствуя съ этимъ днемъ Ѳедора Ивановича, «Историческій Вѣстникъ», въ отдѣлѣ «Смѣси», въ августовской книжкѣ, сдѣлалъ такую его характеристику: «Одинъ изъ старѣйшихъ гражданъ столицы, стоящихъ бодро и понынѣ у из-

браннаго дѣла, г. Колесовъ представляетъ собою воистину живое справочное литературное пособіе для публики и лицъ, причастныхъ литературѣ. Обладая обширною памятью, начитанностью и освѣдомленностью по части издательскаго дѣла, онъ охотно дѣлится съ людьми, къ нему обращающимися, своими знаніями, опытомъ и наблюденіями. Этимъ въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что около г. Колесова въ магазинѣ вы всегда найдете кого нибудь забѣжавшаго на перепутьѣ побесѣдовать и посовѣтоваться съ патріархомъ книжной торговли. Къ нему чрезвычайно подходятъ стихи, сказанные А. Измайловымъ издателю Смирдину, съ коимъ, къ слову сказать, у г. Колесова много общаго по его любви къ литературѣ и писательскому міру:

«... Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ».

«Но за дружескою бесѣдою г. Колесовъ никогда не забываетъ своего главнаго дѣла. Онъ зорко слѣдитъ за движеніемъ въ магазинѣ, и озабоченный покупатель, не могущій найти или вспомнить названіе нужнаго ему изданія, вскорѣ оказывается выученнымъ г. Колесовымъ, считающимъ для себя положительно немыслимымъ выпустить покупателя изъ магазина съ пустыми руками. Эта близость завѣдующаго торговлей магазина съ публикой чрезвычайно характерна и могла бы для наблюдательнаго беллетриста послужить темой для живого очерка столичной жизни. Предупредительность, изысканная вѣжливость обращенія, съ сохраненіемъ полнаго собственнаго достоинства, способность прійти удачно на помощь замѣшкавшейся памяти—вотъ та притягательная сила г. Колесова, которая такъ охотно шлетъ къ нему въ магазинъ съ бойкой улицы публику и которая побуждаетъ и элегантную даму, и сановника, и представителей учащаго и учащагося міра, а также міра писательскаго, дружески пожимать руку добродушнаго и всегда привѣтливаго старика, спѣшащаго навстрѣчу своему покупателю и посѣтителю».

Къ этой характеристикѣ, довольно полной, мало есть, что прибавить. Въ частной жизни покойный былъ удивительно умѣренный, нетребовательный и скромный человѣкъ. Да въ сущности онъ этою частною жизнью мало и пользовался, уходя изъ дома до 9 час. утра и возвращаясь къ 10 час. вечера; даже обѣдать и завтракать онъ домой не заходилъ, предпочитая перекусить то у гостинодворскаго саешника, то приноснымъ обѣдомъ изъ кухмистерской. Такъ протекла вся жизнь у старика. Главною его личною радостью была удачная карьера сына, служащаго на Дальнемъ

Востокѣ на дипломатическомъ поприщѣ: имъ онъ гордился, и всякая вѣсточка отъ него составляла для него истинное счастье.

Съ умилительной любовью относился онъ и къ своему «хозяину», А. С. Суворину, высоко почитая его литературный талантъ и несказанно восхищаясь каждымъ его «маленькимъ письмомъ». Появленіе такого «письма» въ № «Новаго Времени» было для старика какимъ-то праздникомъ и радостью, коею онъ дѣлился въ этотъ день со всѣми близкими.

Неожиданнымъ торжествомъ для него, въ преизбыткѣ его удовлетворявшимъ, было празднованіе 50-ти-лѣтія его книготорговой дѣятельности, когда магазинъ заполнили собою депутаціи съ подарками и подношеніями, представители столичной интеллигенціи, сослуживцы и сотоварищи по профессіи, знакомые и друзья. Когда растроганный старикъ скромно спѣшилъ заявить, что его свыше мѣры оцѣнили, то покойный Д. В. Григоровичъ справедливо на это отвѣтилъ:

«Недостаточно еще оцѣнили, добрѣйшій Өедоръ Ивановичъ, ибо вы своего рода уника, и съ вами вмѣстѣ исчезаетъ изъ нашей жизни послѣдній представитель стараго добраго времени по его любви къ книгѣ и писателю».

Текущій годъ проходилъ для Өедора Ивановича въ непрерывныхъ болѣзняхъ, которыя онъ съ трудомъ перенемогалъ, не покидая, однако, своего поста.

Еще за два дня до смерти его можно было видѣть, блѣднаго и похудѣвшаго, въ магазинѣ, и, на совѣтъ пойти домой и отдохнуть, онъ шуткою отвѣчалъ, что переможется. Но судьбѣ угодно было другое, и 8-го сентября быстро послѣдовавшій отекъ легкаго положилъ навсегда конецъ его долгимъ страданіямъ и многолѣтней службѣ на поприщѣ книжнаго дѣла. Похороненъ Өедоръ Ивановичъ съ почестями и торжественно на Волковомъ кладбищѣ.

Б. Г.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

K. Waliszewski. Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne. Paris. 1904.

ЛЕСКЪ СЛАВЫ Ивана IV увеличилъ Петръ Великій, но популярности его не удалось достичь ни одному изъ его преемниковъ. Побѣдитель ислама, законодатель, входящій въ самые мелкіе интересы, судья страшный, но для сильныхъ только, Иванъ внушалъ къ себѣ удивленіе самимъ иностранцамъ. Ни одинъ христіанскій государь,—писалъ о немъ въ 1557 году одинъ англійскій путешественникъ,—не былъ для своихъ подданныхъ въ одно и то же время предметомъ такого страха и такой любви. Отзываясь съ похвалой объ отправленіи этимъ несравненнымъ государемъ правосудія при помощи законовъ простыхъ и приноровленныхъ къ жизни, прославляя его самого, его доступность, его человѣколюбіе, разнообразіе его дарованій, блескъ двора, могущество арміи, посолъ Венеціи Фоскарини въ то же самое время помѣстилъ будущаго противника Баторія въ первомъ ряду среди современныхъ ему государей» (стр. 233). «Если я и поставилъ въ заглавіи своей книги слово le Terrible, то это только для того, чтобы читатель зналъ, о комъ идетъ рѣчь. На самомъ дѣлѣ это слово противорѣчитъ здѣсь здравому смыслу. Одинаково ложны и оба нѣмецкія названія Ивана der Schreckliche или der Grausame. Въ Москвѣ XVI вѣка никогда «грозный» не значило «ужасный». Когда Баторій въ пылу своей полемики съ Иваномъ упрекалъ его за то, что онъ окружаетъ себя передъ королевскими послами свитою изъ рындъ, вооруженныхъ сѣкирами,

Иванъ ему отвѣтилъ: «Это—чины государскіе, да и гроза: этого требуютъ мой санъ и уваженіе, которое я долженъ внушать». Вотъ истинный смыслъ слова «гроза». Справьтесь съ Домостроемъ, и въ главѣ объ обязанностяхъ отца семейства вы прочтете, что отъ него требуется быть грознымъ. Это значитъ: уважаемымъ и достойнымъ уваженія» (р. III—IV).

Такими словами начинаетъ г. Валишевскій свою историческую работу. Трудно было бы Ивану Грозному найти лучшаго для себя адвоката. Съ блестящей общей эрудиціей, съ всестороннимъ изученіемъ источниковъ, съ широтою взгляда, захватывающаго далекіе кругозоры, г. Валишевскій соединяетъ несомнѣнный даръ слова, умѣніе представить предметъ живо, ясно, сжато и красиво, писать легко и занимательно о самыхъ сложныхъ вопросахъ,—свойство, которымъ особенно обладаютъ французскіе писатели, а среди славянъ польскіе. Французъ по воспитанію и полякъ по происхожденію и собственному признанію, авторъ новой монографіи объ Иванѣ надѣленъ этимъ свойствомъ, такъ сказать, сугубо,—и въ результатѣ мы имѣемъ въ его трудѣ одну изъ занимательнѣйшихъ историческихъ книгъ, а въ то же время и серьезное научное изслѣдованіе.

Доказано ли выставленное авторомъ въ началѣ работы положеніе? И да, и нѣтъ.

Давно уже было замѣчено сходство между Иваномъ Грознымъ и Петромъ Великимъ. Г. Валишевскому удалось выставить его особенно ярко и, хотя имя Петра остается еще доселѣ само по себѣ пререкаемымъ, указать на тѣсное духовное родство Ивана съ нимъ—это значитъ сказать многое въ пользу Грознаго. Всего легче было это сдѣлать г. Валишевскому въ области внѣшней политики. Здѣсь Иванъ съ его покореніемъ татарскихъ ханствъ, съ его мечтами сперва объ Азовѣ и Крымѣ, а потомъ о Ливоніи—прямой предшественникъ Петра: онъ не только намѣтилъ будущую петровскую политику, но и сталъ ее уже осуществлять, и не его вина, если вмѣсто слабаго Сигизмунда-Августа и ничтожнаго Генриха Валуа на польскомъ престолѣ неожиданно появился энергичный и талантливый Баторій и отрѣзалъ своего противника отъ моря, а русскій народъ отстранилъ отъ Европы на цѣлые два вѣка. Въ самыхъ неудачахъ своихъ Иванъ выказалъ здѣсь гибкій и дальновидный умъ первокласснаго политика, и нельзя не отдать этому прозорливому уму дани уваженія.

Но и въ области политики внутренней Иванъ въ изображеніи г. Валишевскаго является преобразователемъ замѣчательнымъ, государственнымъ дѣятелемъ, неизмѣнно ищущимъ новыхъ путей и находящимъ ихъ. Взглядъ на первые годы царствованія Ивана, какъ на «время добраго совѣта», окончательно, кажется, поколебленъ г. Валишевскимъ: онъ весьма удачно, на основаніи анализа работъ Ивана, показалъ, что всѣ мѣры, принятыя Грознымъ во второй половинѣ царствованія, не исключая и опричнины, суть не что иное, какъ логическое развитіе и продолженіе раньше при Сильвестрѣ еще, но не Сильвестромъ, задуманныхъ и осуществленныхъ преобразованій. И Сильвестръ и Адашевъ—лица второстепенныя. Все держитъ въ своихъ рукахъ государь. У него въ головѣ создался своеобразный планъ преобразованій, и строго-логичное и неуклонное осуществленіе этого плана въ теченіе всего царствованія

одно могло бы, по мнѣнію г. Валишевскаго, обезпечить Ивана отъ обвиненій въ безуміи. Установленіе опричнины—не укоръ грозному царю. Напротивъ, это—его заслуга. Слѣдуя отчасти Платонову и Милюкову, авторъ проводитъ новый и своеобразный взглядъ на это учрежденіе, видя въ немъ лишь естественное расширеніе реформы 1551 года, направленное противъ разрушительной силы еще живыхъ тогда удѣльныхъ традицій и произвола бояръ-вотчинниковъ. Въ историческомъ процессѣ Грознаго съ Курбскимъ онъ не колеблясь становится на сторону перваго, показывая перебѣжавшаго въ Литву боярина въ его настоящемъ свѣтѣ. Тотъ, кто сумѣлъ въ Польшѣ своими угнетеніями вызвать противъ себя всеобщую ненависть своихъ крестьянъ, не въ правѣ былъ обвинять въ жестокости Ивана. Если такъ обращались съ населеніемъ просвѣщеннѣйшіе изъ бояръ, какимъ несомнѣнно былъ Курбскій, то чего же можно было ожидать отъ другихъ, и не оправдываетъ ли уже это одно до извѣстной степени мѣръ, употребленныхъ противъ бояръ Грознымъ? Тотъ фактъ, что и былины неизмѣнно выставляютъ царя въ привлекательномъ свѣтѣ, и лѣтопись повѣствуетъ, что народъ взвылъ при извѣстіи о его смерти,—самъ по себѣ высоко знаменателенъ. Г. Валишевскій объясняетъ его въ своей книгѣ и объясняетъ не безъ основательности.

Но какое бы благопріятное сужденіе мы ни составили объ Иванѣ Грозномъ, какъ политикѣ и преобразователѣ, можно ли оправдать тѣ способы, которыми онъ осуществлялъ задуманныя имъ мѣры? У насъ были люди, которые безусловно его оправдывали и здѣсь: «онъ мучилъ и казнилъ; такъ и слѣдовало: заслужили». Г. Валишевскій не пошелъ этимъ путемъ. Онъ употребилъ иной, болѣе тонкій и безконечно лучшій пріемъ: онъ показалъ намъ Грознаго среди его современниковъ въ Западной Европѣ. Жестокости Грознаго несомнѣнны и ужасны; съ нравственной точки зрѣнія онѣ непозволительны, но для того времени въ нихъ нѣтъ ничего необычнаго. Во Франціи еще не забылась тогда память о Людовикѣ XI. Почти одновременно съ погромомъ Новгорода на улицахъ Парижа разыгрывалась Варѳоломеевская ночь. Въ Испаніи горѣли инквизиціонные костры. Въ Нидерландахъ неистовствовалъ посланный Филиппомъ II Альба. Въ Англіи царилъ Генрихъ VIII; Швеція была окровавлена злодѣйствами Эрика XIV, а въ Римѣ на папскомъ престолѣ сидѣлъ Александръ VI. Въ этомъ обществѣ Іоаннъ не представлялъ собою ничего выдающагося: онъ былъ, какъ всѣ, съ тою только разницей, что правилъ онъ не на просвѣщенномъ Западѣ, а въ далекой Московіи, но это въ глазахъ Запада могло бы служить для него только оправданіемъ. Все это такъ, но, какъ бы далеко мы ни шли по этому пути вслѣдъ за г. Валишевскимъ, на днѣ души все же остается протестующее противъ его заключеній чувство. На Ивана Грознаго, какъ на человѣка, можно смотрѣть только глазами Пушкина. Несравненный знатокъ мѣры, онъ и здѣсь нашелъ надлежащую мѣру, когда вложилъ въ уста монаховъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря молитву о Грозномъ, заставивъ ихъ просить, «чтобъ ниспослалъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной». Эта молитва «за грѣхъ царя-святоубійцы» прозвучала потомъ еще разъ въ стихахъ Хомякова, и едва ли для потомковъ Грознаго она станетъ когда либо лишней.

«Вѣкъ живи, вѣкъ учись», говоритъ пословица. Это не значитъ, что предметовъ ученія такъ много, что на изученіе ихъ не хватитъ жизни. Наша пословица указываетъ только на существованіе безконечнаго количества разныхъ точекъ зрѣнія, которыя могутъ освѣщать одинъ и тотъ же предметъ, показывая его съ новой и совершенно неизвѣстной намъ раньше стороны. Книга г. Валишевскаго служитъ тому подтвержденіемъ: мы читаемъ въ ней о старыхъ и давно знакомыхъ вещахъ, но онѣ являются намъ въ совершенно новомъ и иногда существенно измѣняющемъ дѣло видѣ. Мы не сомнѣваемся, что книга польско-французскаго писателя не пройдетъ безслѣдно въ нашей исторіографіи. На Западѣ такія добросовѣстныя и обстоятельныя книги о Россіи рѣдкость. Но и для насъ она важна. Судить самимъ о себѣ не всегда легко. Наблюденія со стороны открываютъ намъ въ насъ же самихъ новыя и раньше незамѣченныя черты. Читатели не раскаются, если прочтутъ занимательную и важную книгу г. Валишевскаго. Андрей Сиротининъ.

П. А. Шафрановъ. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (историческій очеркъ устройства и составъ дѣлъ). Спб. 1904.

Вышеназванная книга—плодъ кропотливаго и продолжительнаго труда,—принадлежащая перу начальника архива министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, П. А. Шафранова, уже давно извѣстнаго въ нашей исторической литературѣ по своимъ довольно многочисленнымъ статьямъ и изслѣдованіямъ, основаннымъ по преимуществу на архивныхъ матеріалахъ,—представляетъ собою весьма цѣнное пріобрѣтеніе какъ по своему высоко-научному, такъ и практическому значенію. Поставивъ себѣ главною цѣлью, съ одной стороны, дать «исторію самаго архива—его учрежденіе и штаты, помѣщеніе, способы храненія архивныхъ дѣлъ, и исторію уничтоженія ихъ, а также мѣры, предпринятыя для упорядоченія архива», и, съ другой, представить «по возможности полное обозрѣніе состава архивныхъ дѣлъ по отдѣльнымъ группамъ»,—авторъ съ большимъ успѣхомъ достигъ намѣченныхъ имъ путей, открылъ для всѣхъ интересующихся нашимъ историческимъ прошлымъ множество цѣннѣйшаго архивнаго матеріала, приведеннаго имъ же изъ хаотическаго состоянія въ систематическій порядокъ и точную извѣстность, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ много новаго и цѣннаго въ область нашего архивовѣдѣнія, которое до появленія труда П. А. Шафранова въ своихъ сообщеніяхъ объ архивахъ нашихъ министерствъ должно было ограничиваться самыми скудными свѣдѣніями. Нечего и говорить, что архивисты найдутъ здѣсь рядъ важнѣйшихъ указаній и образцовыхъ примѣровъ.

Хотя образованіе архива и относится къ 1838 году, времени возникновенія самаго министерства государственныхъ имуществъ, но хранящіяся въ немъ дѣла и документы гораздо болѣе ранняго времени. Древнѣйшими изъ нихъ являются документы и бумаги XVI и XVII вѣковъ, относящіеся къ фундушевымъ или поіезуитскимъ имѣніямъ и капиталамъ, каковы—жалованныя

грамоты польскихъ королей на имѣнія, дарственныя записи, завѣщанія, выписки изъ городскихъ книгъ, закладныя, инвентари, различные судебные акты и т. п. «Случайно, повидимому, сохранились между ними и погодныя записки іезуитовъ объ ихъ миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности и нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ, приходившихся на извѣстный годъ».

Начиная съ 1763 года, времени учрежденія императрицею Екатериною II канцеляріи опекунства иностранныхъ, идутъ дѣла объ иностранныхъ колонистахъ, которыя также представляютъ собою интереснѣйшій во многихъ отношеніяхъ матеріалъ.

Вся же остальная масса дѣлъ начинается лишь нѣсколькими годами ранѣе образованія въ 1802 году министерствъ и по своему составу строго соотвѣтствуетъ назначенію самаго министерства. Основанное въ 1838 году министерство государственныхъ имуществъ имѣло своею цѣлію, кромѣ управленія государственными имуществами, т.-е. лѣсами, землями и оброчными статьями, еще и попеченіе о развитіи сельскаго хозяйства и въ особенности попечительствъ надъ государственными крестьянами, поэтому и большая часть дѣлъ касается послѣднихъ, представляя собою основной и почти единственный источникъ для исторіи государственныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ ними инородцевъ и колонистовъ. Свѣдѣнія, имѣющіяся въ этихъ дѣлахъ, касаются разнообразныхъ сторонъ жизни и быта крестьянъ: происхожденія названій различныхъ группъ крестьянъ, управленія ими, волненій среди нихъ, земельнаго устройства, ихъ быта, духовной жизни (образованія, нравственности и религіи), отношенія къ духовенству и церкви, уклоненій въ расколъ и ереси, распространенія среди нихъ грамотности и спеціальныхъ знаній и проч.

Такъ какъ съ 1838 г. всѣ дѣла о сектантствѣ среди государственныхъ крестьянъ вѣдались также министерствомъ государственныхъ имуществъ, и графъ Киселевъ, кромѣ того, былъ членомъ секретнаго комитета о раскольникахъ, то въ архивѣ министерства составился значительный и весьма интересный матеріалъ по расколу, особенно по исторіи безпоповцевъ Даниловскаго согласія, по исторіи Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ въ Москвѣ, о духоборахъ, молоканахъ, странникахъ, скакунахъ, хлыстахъ, некрасовцахъ, нѣмецкихъ менонитахъ и др.

Значительная часть дѣлъ относится также и до положенія крѣпостныхъ крестьянъ и особенно исторіи освободительнаго движенія крестьянъ. Дѣла эти сосредоточились въ архивѣ министерства, главнымъ образомъ потому, что первый министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, былъ ближайшимъ сотрудникомъ и какъ бы «начальникомъ штаба по крестьянскому вопросу», а его личныя бумаги хранились въ архивѣ, и потому еще, что освободительная реформа неминуемо должна была отразиться и на положеніи казенныхъ крестьянъ и колонистовъ, для устройства которыхъ примѣнительно къ положенію 19-го февраля 1861 года учреждались при министерствѣ государственныхъ имуществъ особыя комиссіи.

Наконецъ, помимо дѣлъ, касающихся исторіи казенныхъ земель, являющейся за XIX вѣкъ попреимуществу исторіею присоединенія и заселенія нашихъ окраинъ,—рядъ дѣлъ представляетъ немаловажный матеріалъ и для об-

щей исторіи Россіи. Войны 1812, 1828—1829, 1854—1855 годовъ, польскія возстанія 1831 и 1863 годовъ могутъ получить освѣщеніе нѣкоторыхъ деталей и по дѣламъ, хранящимся въ архивѣ министерства, поскольку, конечно, эти событія касались казенныхъ крестьянъ или имуществъ; имѣются свѣдѣнія объ Аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ, о цѣломъ рядѣ вновь учреждаемыхъ учебныхъ заведеній для поднятія и развитія сельскаго хозяйства и проч.

«Однимъ словомъ,—заключаетъ свое введеніе П. А. Шафрановъ,—можно сказать, что ни одинъ важный вопросъ изъ внутренней жизни Россіи, касающійся государственнаго и народнаго хозяйства, образованія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго, не проходилъ, чтобы не оставить какого либо слѣда въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ, а слѣдовательно, и въ его архивѣ».

Разсказавъ въ первыхъ двухъ главахъ объ учрежденіи, штатахъ и помѣщеніи архива, составленнаго изъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ министерства финансовъ и нѣкоторыхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и правительствующаго сената (дѣла канцеляріи опекунства иностранцевъ), хранившихся до устройства новаго помѣщенія частью въ зданіи главнаго штаба, частью въ Соляномъ Городкѣ и другихъ мѣстахъ,—авторъ подробнѣе затѣмъ останавливается на исторіи уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Послѣдняя весьма печальна и въ то же время поучительна. Обыкновенно, и главнымъ образомъ, недостатокъ въ помѣщеніи, а затѣмъ также сокращеніе штатовъ по поводу какихъ либо преобразованій по департаментамъ вызывали представленіе начальника архива объ уничтоженіи столькихъ-то дѣлъ. Руководствовался послѣдній при разборѣ дѣлъ обыкновенно однимъ соображеніемъ: «дѣла, кои не требуются для справокъ, уничтожить». Подробнѣе же мотивировали такъ: «нѣтъ въ коихъ ни указовъ сената, ни переписки министра, ни другой какой либо важности, и кои не требуются для справокъ въ отдѣленія»; или «отобранныя къ уничтоженію дѣла не заключаютъ въ себѣ переписки или актовъ какой либо важности; по содержанію и давнишнему времени (болѣе 20 лѣтъ) не могутъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій».

А кому же не извѣстно, что кругъ дѣлъ, требуемыхъ для справокъ, большей частью ограничивается однимъ, много двумя десятками лѣтъ, да и требуются-то по преимуществу личныя дѣла... Послѣ начальника архива къ разбору приступила еще особая комиссія изъ департаментскихъ чиновниковъ, обыкновенно не превышавшихъ перваго своею компетенціею, да и относившихся къ своему дѣлу довольно поверхностно, ограничиваясь просмотромъ лишь однѣхъ описей, сплошь и рядомъ не точныхъ и не соотвѣтствующихъ самому содержанію дѣлъ. Результатомъ такихъ мѣропріятій и были настоящія опустошенія архива. Въ 1845 году изъ дѣлъ лѣсного департамента уничтожили одну пятую часть ихъ, въ количествѣ 5.699 дѣлъ, выручивъ отъ продажи ихъ 14 рублей 70 копеекъ въ пользу казны (сумма эта образовалась отъ продажи дѣлъ, вѣсившихъ 49 пудовъ, по 30 копеекъ за пудъ); въ 1849 году изъ дѣлъ перваго департамента — 2.924 дѣла, доставившихъ казнѣ дохода 32 рубля (по 1 рублю за пудъ). Въ 1858—1859 годахъ подвергли уничтоженію свыше 60.000 дѣлъ (за время до 1838 года), а въ 1872 году уничтожили 226.111

дѣлъ, болѣе 75% всего количества дѣлъ въ архивѣ; наконецъ, въ 1881 году— 62.393 дѣла. И только послѣ этого, благодаря вмѣшательству покойныхъ директоровъ археологическаго института: Н. В. Калачова и Н. Е. Андреевскаго, и высоко просвѣщенному взгляду на значеніе архивныхъ дѣлъ самого товарища министра В. И. Вешнякова, началась новая эра въ исторіи уничтоженія дѣлъ, внесшая и детальный разборъ самыхъ дѣлъ, и болѣе широкій историческій взглядъ на значеніе послѣднихъ, съ порученіемъ этой работы опытнымъ и свѣдущимъ архивистамъ.

Въ слѣдующей IV главѣ говорится о приведеніи архива въ порядокъ, т.-е. объ описаніи дѣлъ, изданіи документовъ, составленіи «карточнаго алфавита, валового нумера и проч.». Здѣсь же находимъ и указаніе на то, что въ 1891 году, подъ наблюденіемъ В. И. Вешнякова, былъ изданъ I-й выпускъ «Историческихъ матеріаловъ изъ архива министерства государственныхъ имуществъ», въ который вошли статьи: «Высочайше утвержденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи»—В. И. Вешнякова; «Черногорскіе переселенцы въ Россіи»—П. О. Морозова; «Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и Уннипахтъ въ Лифляндской губерніи»—П. А. Шафранова; «Баронъ Августъ Гакстгаузенъ и его сочиненіе о Россіи»—П. О. Морозова; «О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 году»,—П. А. Шафранова, и др.,—и что матеріалами архива пользовались для своихъ ученыхъ работъ: В. И. Вешняковъ, профессоръ Вереха, профессоръ Довнаръ-Запольскій, В. И. Семевскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, В. Н. Никитинъ, П. О. Морозовъ, П. А. Шафрановъ и друг.

Въ пятой, самой обширной и весьма цѣнной по своимъ сообщеніямъ, главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ тѣхъ учрежденій, изъ которыхъ дѣла постепенно перешли въ министерство государственныхъ имуществъ, попутно въ общихъ чертахъ указывая и содержаніе каждой группы дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обзоръ составныхъ частей министерства и всѣхъ послѣдующихъ измѣненій, происшедшихъ въ составѣ и распредѣленіи дѣлъ. Наконецъ, въ послѣдней шестой главѣ говорится объ архивахъ учрежденій, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Вслѣдъ за этимъ идутъ «приложенія»: 1) Положеніе 3-го іюля 1838 года объ устройствѣ архивовъ министерства государственныхъ имуществъ; 2) Правила 14-го марта 1862 года о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по министерству государственныхъ имуществъ и учрежденіямъ его вѣдомства; 3) Правила 12-го октября 1889 года о порядкѣ сдачи дѣлъ въ общій архивъ министерства; 4) Правила 7-го октября 1896 года для приготовленія дѣлъ къ сдачѣ въ архивъ и 5) предметы занятій департаментовъ,—и въ заключеніе помѣщенъ указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ.

Таково-то содержаніе весьма цѣннаго труда П. А. Шафранова, по поводу котораго мы еще надѣемся поговорить подробнѣе, въ виду важности и своевременности затронутаго имъ вопроса о нашихъ архивахъ.

В. Рудаковъ.

Главное военно-медицинское управленіе. Историческій очеркъ. Составили В. С. Кручекъ-Голубовъ и Н. И. Кульбинъ. Спб. 1904.

Настоящій очеркъ входитъ, какъ составная часть, въ серію историческихъ очерковъ, изданныхъ къ столѣтію военнаго министерства подъ редакціей Д. А. Скалона, и имѣетъ цѣлью прослѣдить исторію развитія у насъ медицинскаго управленія въ арміи. Трудъ доведенъ до эпохи Николая I.

Въ книгѣ имѣется много любопытныхъ данныхъ. Такъ, разсматривая законодательства Петра Великаго, авторы указываютъ, что доктору въ ту эпоху предписывалось быть «трезвымъ, умѣреннымъ, содержать себя доброхотнымъ», а, въ случаѣ необходимости, исполнять свою обязанность надлежащимъ образомъ какъ днемъ, такъ и ночью; полевой штабъ-лѣкарь долженъ быть весьма искусный, на театрѣ военныхъ дѣйствій онъ долженъ самъ наложить первую повязку высшимъ офицерамъ, если рука или нога у кого отстрѣлится; полковые лѣкари учили солдатъ бритью и обязаны были лѣчить воинскихъ чиновъ безвозмездно, за исключеніемъ офицеровъ, одержимыхъ «французскою болѣзнью или получившихъ раны и увѣчья въ дракѣ»; кромѣ медицинскихъ обязанностей, ротный лѣкарь долженъ былъ брить солдатъ одинъ разъ въ недѣлю, а полковой лѣкарь—брить полковника, подполковника и майора. Вмѣстѣ съ этими любопытными данными авторы знакомятъ читателей съ различными интересными сторонами тогдашняго медицинскаго управленія.

Изъ эпохи царствованія Александра I, наиболѣе полно и всесторонне разработанной въ разбираемомъ трудѣ, мы считаемъ необходимымъ указать нѣсколько интересныхъ свѣдѣній литературнаго свойства, добытыхъ авторами изъ архивовъ или какихъ либо историческихъ катакомбъ.

Такъ, напримѣръ, изучая дѣло постановки медицинскаго управленія у насъ, авторы проводятъ параллель; оказывается, что въ Австріи военно-медицинское управленіе находилось въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, врачебныя учрежденія военнаго вѣдомства были въ пренебреженіи, личный составъ медицинской части арміи отличался очень слабой научной подготовкой, такъ какъ его государственныя права и матеріальное обезпеченіе были настолько недостаточны, что врачи, служившіе въ войскахъ, не получали за свою службу почти никакого содержанія. Благодаря всему этому, въ 1823 году, когда въ Пруссіи уже выяснились благіе результаты преобразованій, введенныхъ Я. В. Вилліе, австрійское правительство обратилось въ Россію черезъ своего посланника, графа Лебцельтерна, съ письмомъ, въ которомъ обращалось къ Вилліе со словами: «Ваша благодѣтельность и стремленіе ко благу человѣчества, столь извѣстныя, ободряютъ меня просить васъ о предметѣ, явствующемъ въ приложенной бумагѣ. Высокая степень совершенства, отличающая всѣ заведенія для здравія, находящіяся при русской арміи, основанныя отеческою попечительностью, которую его императорское величество посвящалъ всегда сему предмету, и поддерживаемыя вашимъ стараніемъ, побудила наше правительство узнать всѣ подробности, относящіяся къ сему столь важному предмету». Главный медицинскій инспекторъ спросилъ у барона Дибича разрѣшенія о возможности удовлетворить желанія австрійскаго правительства; раз-

рѣшеніе было дано, и въ Австрію сообщили не только существовавшія положенія о военно-врачебномъ дѣлѣ, но и разработывавшіеся тогда проекты (стр. 58—60).

Говоря о пополненіи личнаго состава военно-медицинскаго вѣдомства, авторы, на основаніи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ, устанавливаютъ, что въ эпоху Александра I во врачахъ чувствовался недостатокъ, но онъ не сознавался. При низкомъ уровнѣ общаго образованія и при очень маломъ развитіи государственности, подавляющее большинство населенія, не исключая и верхнихъ его слоевъ, очень дешево цѣнило собственное здоровье и еще дешевле— здоровье своихъ ближнихъ. Поэтому руководящіе классы не сознавали особенной нужды во врачахъ, а простому народу было не до сбереженія здоровья, да онъ не имѣлъ и представленія о врачебномъ искусствѣ. Вѣрный историческому преданію, онъ боялся врачей-иновѣрцевъ больше, чѣмъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней. А въ то же время общество возлагало на врачей отвѣтственность за пробѣлы во врачебныхъ наукахъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей являлось отсутствіе заботъ о врачахъ и несправедливое отношеніе къ нимъ. Положеніе врачебнаго сословія было ужаснымъ: лишенные самыхъ естественныхъ правъ, лишенные необходимыхъ для прокормленія средствъ, врачи не встрѣчали даже уваженія, котораго вполнѣ заслуживали по своему образованію и полезной дѣятельности. Естественно, что въ корпорацію врачей немногіе желали вступить, тѣмъ болѣе, что возможно было добиться несравненно лучшаго положенія въ обществѣ съ меньшей затратой силъ. Еще болѣе это относилось къ врачамъ ветеринарамъ, которыхъ сначала вовсе даже не было.

Одною изъ главнѣйшихъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ для устраненія недостатка въ чинахъ военно-медицинскаго вѣдомства, было приглашеніе иностранцевъ. Хотя довѣрія къ иностраннымъ врачамъ въ Россіи не было, хотя самъ Вилліе весьма неохотно допускалъ ихъ въ вѣдомство, тѣмъ не менѣе природныхъ русскихъ врачей недоставало, и въ войскахъ служило много иноземцевъ. Но и иностранные врачи не приносили осязательной пользы; по незнанію русскаго языка, обычаевъ и жизни русскаго народа, дѣятельность этихъ врачей въ теченіе 2—3 лѣтъ, пока они могли освоиться въ Россіи, была ограниченная, а когда потомъ, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, могли бы быть полезными, они выходили въ отставку, благодаря тому, что контракты ихъ съ правительствомъ, заключавшіеся по тогдашнимъ правиламъ на шесть лѣтъ, оканчивались. Интересно отмѣтить, что выписка такихъ врачей стоила до 300 тысячъ рублей.

Въ царствованіе Александра I смертность въ войскахъ была очень велика, что при отсутствіи эпидемическихъ болѣзней въ войскахъ указываетъ на крайне неудовлетворительное ихъ состояніе. Государь неоднократно обращалъ вниманіе на «неумѣренную смертность» нижнихъ чиновъ, которая впослѣдствіи еще болѣе увеличилась, подъ вліяніемъ многочисленныхъ войнъ и эпидемій. Войны той эпохи унесли много жизней; и эта огромная масса труповъ— человѣческихъ и лошадиныхъ—усѣивала путь движенія французской и русской арміи, и такъ велико было это количество, что народное здоровье страны

стало подвергаться большой опасности. Все это заставило энергичнаго Виллie выступить съ небывалымъ до тѣхъ поръ на Руси проектомъ: въ своей запискѣ онъ настаивалъ (мы сохраняемъ орѳографію подлинника), чтобы «l'ordre supreme soit donné le plutot possible aux gouverneurs de ces provinces de ramasser tous les cadavres des hommes et les charognes et de les faire bruler, autrement il yaura la peste le printems ci». Мысль Виллie о сожиганіи труповъ была осуществлена, вѣроятно, только потому, что угроза появленіемъ чумы была слишкомъ дѣйствительна. Въ ноябрѣ 1812 г. послѣдовало повелѣніе о сожженіи труповъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія, но и всюду, гдѣ проходила непріятельская армія. Наибольшее число сожженныхъ и частью зарытыхъ труповъ было въ Виленской губерніи—72.203 человѣческихъ трупа, наименьшее число приходилось на Калужскую губернію—1.027; въ Московской губерніи число труповъ было—49.754 человѣческихъ и 27.849 лошадиныхъ. Всего погребено и сожжено труповъ—243.622 человѣческихъ и 122.132 лошадиныхъ, т.-е. въ два раза менѣе.

Изъ числа мѣръ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ войскахъ заслуживаютъ вниманія мѣры полицейскаго надзора за проституціей. Такъ, въ 1825 г. въ Динабургѣ великій князь Николай Павловичъ приказалъ сначала выслать изъ города проститутокъ, но и «затѣмъ число одержимыхъ таковыми болѣзнями (венерическими) нижнихъ чиновъ, поступающихъ въ госпиталь, превышаетъ всякую соразмѣрность»; при такихъ условіяхъ приказано было за женщинами, «жительствующими въ городѣ, имѣть наблюденіе, дабы въ развратъ не впадали»; при этомъ было назначено еженедѣльное освидѣтельствованіе проститутокъ, но все-таки при каждомъ освидѣтельствованіи между ними оказывались больныя. Тогда было испрошено разрѣшеніе лѣчить этихъ этихъ женщинъ на казенный счетъ, для чего былъ установленъ особый отпускъ лѣкарствъ.

Сказаннымъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться для характеристики труда. Къ очерку приложено нѣсколько фототипій, изящно исполненныхъ. Одна изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченной. Дѣло въ томъ, что въ 1813 г. министерство полиціи издало и разослало по губерніямъ наставленіе о прививіи оспы и 50.000 «карикатуръ», приготовленныхъ въ московской медицинской типографіи, для раздачи народу. Естественно, что такое ничтожное количество для нашего многомилліоннаго населенія ровно ничего не значило; тѣмъ не менѣе эти «карикатуры» крайне характерны для своего времени. Одна изъ карикатуръ была добыта авторами, и копія съ нея приложена къ очерку.

Карикатура эта должна была наглядно изображать пользу оспопрививанія. По своему исполненію—это былъ лубокъ самой грубой внѣшности. На картинѣ изображена стѣна избы, въ дали виднѣется церковь. На переднемъ планѣ молодая, красивая мать; у нея на рукахъ маленькій ребенокъ, другой здоровый ребенокъ играетъ около нея на землѣ. Мать съ ужасомъ глядитъ на происходящую рядомъ сцену: отецъ, изрытый оспою, несетъ гробъ, въ которомъ лежитъ ребенокъ, весь истыканный точками отъ оспы; двѣ бабы заливаются плачемъ; у отца изъ-подъ лохмотьевъ платья видно тѣло, изрытое

осппнами, у женщинъ оспенныя точки на рукахъ, на ногахъ. Страшное зрѣлище, отъ котораго съ ужасомъ и сильной экспрессіей даже отклонилось дерево своими листьями. Подъ картиною стихотворная подпись, которая вкладывается въ уста молодой и здоровой матери: «Спасибо, добрыхъ я послушала людей, коровьей воспою спасла моихъ дѣтей; наносной воспою сплошь дѣти помираютъ, въ коровьей — рѣзвятся и кубари гоняютъ и рябы не бываютъ, и хвори никакой не знаютъ. Спаси Господь Господъ (оба слова съ заглавныхъ буквъ), которые народъ отъ гибели спасаютъ». Эти риѳмованныя строки стоятъ на правой сторонѣ лубка подъ изображеніемъ здоровой матери. Подъ изображеніемъ похоронъ оспеннаго ребенка значится: «Рябой отецъ и мать, да бабушка грызунья, рябая, какъ они, старинныхъ бредней врунья, надъ дѣтищемъ своимъ бѣлугою ревутъ—за то, что на дѣтей наносной воспы ждутъ и вѣрить не хотятъ, что воспою коровьей жизнь дѣтямъ сберегутъ и имъ дадутъ здоровье. Послушайте, отцы и матери глупухи, а пуще всѣхъ—карги, упрямыя старухи! возмитеся за умъ, не бойтеся коровъ: кто воспу ихъ привьетъ, тотъ—живъ, цѣлъ и здоровъ».

Такъ боролись въ началѣ прошлаго столѣтія съ заразными болѣзнями и съ темнотою народною.

Книга издана хорошо и содержитъ въ себѣ много любопытнаго. Авторы очень удачно справились съ принятой на себя задачей; намъ остается лишь пожелать имъ дальнѣйшей разработки начатаго очерка. Н. Ф.

Профессоръ Г. Г. Скориченко. Императорская военно-медицинская академія. Историческій очеркъ къ столѣтію военнаго министерства. Спб. 1904.

Въ 1898 г. къ столѣтнему юбилею военно-медицинской академіи было издано два тома исторіи ея. Несмотря на это, профессоръ Скориченко, по порученію военнаго министерства, написалъ теперь новый историческій очеркъ академіи, что, по его словамъ, было вызвано совершенно особою цѣлью разбираемаго нами очерка. Авторъ имѣлъ въ виду изобразить постепенныя улучшенія въ различныхъ частяхъ, въ связи съ изложеніемъ мѣръ, направленныхъ къ этому улучшенію. Поэтому авторъ выдвинулъ на первый планъ пересказъ распоряженій, реформъ и затѣмъ перечень наблюдавшихся послѣ того перемѣнъ.

Само собой разумѣется, изображеніе бытовыхъ сторонъ, передача отдѣльныхъ эпизодовъ, подробныя біографіи дѣятелей—все это не имѣетъ мѣста въ очеркѣ, зато авторъ пытается провести параллель между постановкою медицинскаго образованія у насъ въ Россіи и между подготовкою врачей въ Западной Европѣ. Особенно эти параллели приводятся при разборѣ первоначальной эпохи существованія академіи.

Настоящій очеркъ заканчивается 1854 годомъ; тѣмъ не менѣе авторъ уже приходитъ къ выводу, что своимъ современнымъ состояніемъ академія обязана заботамъ о ней военнаго министерства; другія учрежденія создали ее, обезпечили ей дальнѣйшее развитіе, но въ узкихъ рамкахъ, и чтобы поставить школу на надлежащую высоту, потребовалось энергичное вмѣшательство военнаго

министерства, что̀ и создало для академіи такую обстановку, о которой раньше нельзя было и мечтать.

Очеркъ раздѣляется на три части. Въ первой изъ нихъ авторъ останавливается на изложеніи состоянія медицинскаго образованія до воцаренія Александра I. Здѣсь можно встрѣтить данныя о доисторической медицинѣ, о медицинѣ у классическихъ народовъ, о военной медицинѣ въ средніе и новые вѣка, о медицинѣ въ Московской Руси; далѣе авторъ излагаетъ историческія данныя объ устройствѣ у насъ первыхъ врачебныхъ школъ, хирургическихъ училищъ, а рядомъ останавливается на вопросѣ о медицинскомъ преподаваніи въ Западной Европѣ въ XVIII столѣтіи. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ «отрадному» выводу, что въ изучаемую имъ эпоху по сравненію съ Западомъ у насъ было уже сдѣлано немало, но на Западѣ оказались готовые образцы, которымъ и надо было подражать при желаніи поставить отечественныя школы на должную высоту; плодомъ усилій нашихъ реформаторовъ явилось созданіе у насъ медико-хирургической академіи, первоначальнымъ устройствомъ которой заканчивается первая часть очерка.

Во второй части очерка авторъ касается исторіи академіи въ эпоху Александра I. Наиболѣе интересными являются тѣ страницы очерка, которыя касаются внутренней жизни академіи. Авторъ утверждаетъ, что среди учащихся преобладали воспитанники духовныхъ семинарій; по указу 1797 г. ежегодно изъ разныхъ семинарій доставлялось 50 учениковъ. Предварительно они подвергались во врачебныхъ управахъ испытаніямъ въ знаніи латинскаго языка и словесныхъ наукъ. За проѣздъ въ Москву уплачивалось каждому по 30 рублей, въ Петербургъ 70 рублей. Поповичи съѣзжались въ академію въ сентябрѣ, представляли свои аттестаты и подвергались экзаменамъ. Принятые давали подписки въ томъ, что если пожелаютъ уйти до производства въ лѣкаря, то обязаны внести всю истраченную на нихъ сумму; затѣмъ приносили присягу. Непринятые отсылались обратно въ провинцію.

Составъ учащихся отражался и въ нравахъ студентовъ. Казеннокоштные были представителями голодной бурсы. Воспитаніе въ семинаріи не способствовало мягкости характера; бурсакъ отличался наклонностями къ насиліямъ, пьянству и, поступивши въ академію, не мѣнялъ своего характера.

Въ отмѣткахъ о поведеніи академическихъ учащихся встрѣчаются такія выраженія: «грубъ, дерется, часто пьетъ»; наказанія назначаются за такіе, напримѣръ, проступки, какъ «буйство», «междоусобную драку» и т. п.; иногда происходили бунты, и тогда учащіеся били посуду, стекла въ окнахъ. Приходилось арестовывать всѣхъ воспитанниковъ и прекращать на время чтеніе лекцій. Такіе случаи, къ счастью, бывали очень рѣдко. Уроженцы южныхъ губерній отличались болѣе мягкими нравами, не были склонны къ пьянству, имѣли лучшую подготовку; поэтому не странно, что изъ ихъ среды выходили лучшіе врачи и профессора; особенно это относится къ воспитанникамъ Кіевской духовной академіи.

Провинившіеся подвергались различнымъ наказаніямъ, а иногда и вовсе увольнялись изъ академіи.

Впрочемъ, нѣкоторые, даже не замѣченные въ дурномъ поведеніи, сами просили объ увольненіи, при чемъ большинство ссылалось на отвращеніе къ

анатоміи. Отъ казеннокоштныхъ въ подобныхъ случаяхъ, конечно, требовали возвращенія денегъ, истраченныхъ на нихъ. Но, говоря вообще, уходившихъ изъ академіи до окончанія курса было очень мало.

Всѣ учащіеся казеннокоштные жили въ академическомъ зданіи и были размѣщены по камерамъ; послѣднія отапливались плохо. На содержаніе учащагося полагалось по штату сначала 120 рублей, потомъ эта сумма была увеличена до 147 рублей; но деньги имѣли «странную наклонность застревать въ карманахъ разныхъ экономовъ». Поэтому несчастные воспитанники жили впроголодь, а получавшееся ими лично жалованье истрачивалось на пріобрѣтеніе книгъ и одежды. Своекоштные назывались волонтерами. Они были почти исключительно нѣмцы; при открывшейся вакансіи они могли переводиться въ казеннокоштные, разумѣется, по личному желанію.

Не лучше обстояло дѣло и съ академическими постройками, которыя начались въ 1799 г.; императоръ торопилъ строителей, они были крайне точны въ расходахъ, но злые языки утверждали, что у строителей идетъ воровство, въ результатѣ чего архитекторъ съ помощникомъ были отданы подъ судъ; архитекторъ скоро повѣсился. Академія сначала освѣщалась... лучинами, послѣ пожара 1803 г. были введены свѣчи въ фонаряхъ, а затѣмъ лампады съ постнымъ масломъ. При вечернихъ занятіяхъ зажигались сальныя свѣчи.

Авторъ разсказываетъ также интересную исторію созданія и гибели академическаго журнала «Всеобщій журналъ врачебной науки», который аккуратно выходилъ только въ 1811 году; въ слѣдующемъ году вышло уже три книги, затѣмъ журналъ прекратился, хотя въ 1816 г. была сдѣлана попытка къ его возрожденію. Причиной неуспѣха считали огромный дефицитъ, вслѣдствіе недостатка подписчиковъ, да и отсутствія, вѣроятно, интереса къ такому изданію на русскомъ языкѣ.

Въ послѣдней части своего труда г. Скориченко даетъ грустную характеристику Николаевской эпохи. Онъ находитъ, что администрація находилась подъ вліяніемъ реакціи и чуждалась всего новаго, свѣжаго, въ то время, какъ въ Европѣ замѣчался подъемъ силъ, въ наукахъ пробивались новыя направленія, дѣлались важныя открытія и изобрѣтенія. Немногіе изъ образованныхъ русскихъ, побывавши за границей, знакомились съ послѣдними явленіями въ области науки и завозили новыя вѣянія въ Россію. Но здѣсь они наталкивались на всеобщую отсталость, апатію и сами вовлекались въ нее. Поэтому въ эпоху Николая I исторія академіи даетъ мало отраднаго: это—глухое время отсталости, упадка; дѣлались нѣкоторыя улучшенія, зашивались старыя прорѣхи, но въ общемъ старались оставить все постарому.

Авторъ не отнимаетъ у эпохи нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ, но онѣ были мало замѣтны; подготовка академическихъ воспитанниковъ заставляла желать многаго, хотя и превосходила подготовку учившихся въ другихъ русскихъ врачебныхъ школахъ; не всѣ преподаватели стояли на уровнѣ современной имъ науки, нѣкоторые долго сидѣли на своихъ мѣстахъ и вносили застой туда, гдѣ жизнь должна бить ключемъ; учебныя пособія порою находились въ безобразно плохомъ состояніи, отъ чего сильно страдало преподаваніе. Но всѣ эти недочеты не всегда зависѣли исключительно отъ академіи: они нерѣдко вызывались печальнымъ состояніемъ культуры въ нашемъ отечествѣ.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что «общество... переживало періоды тяжелой реакціи, глубокаго застоя, растерянности, и такое настроеніе отражалось и на академіи. Личность у насъ никогда не находила простора. Самодѣятельность, страстное исканіе лучшихъ формъ мысли и жизни наталкивалось на окаменѣлыя воззрѣнія. Такія условія угнетали и принижали академическихъ дѣятелей, да и не ихъ однихъ».

Въ приложеніи къ очерку помѣщены нѣкоторые сырые матеріалы: различные указы, доклады и уставы.

Очеркъ г. Скориченка читается легко и съ интересомъ. Жаль лишь, что авторъ иногда не дѣлаетъ ссылокъ на источники, что̀ является не только полезнымъ, но прямо-таки необходимымъ для справокъ.

Въ концѣ книги приложенъ «указатель именъ и предметовъ»; мы дѣлали провѣрку указателю, и онъ при всѣхъ нашихъ опытахъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности: явленіе—слишкомъ рѣдкое у нашихъ составителей предметныхъ и поименныхъ указателей. Н. Ф.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Съ портретомъ В. А. Спб. 1904.

Настоящая книга является роскошнымъ вѣнкомъ, возложеннымъ любящими руками на могилу извѣстнаго дѣятеля административнаго и судебнаго вѣдомства, Арцимовича, въ одиннадцатую годовщину его кончины. Здѣсь нѣтъ претензіи на біографію—даны «воспоминанія» и «характеристики», и при томъ сдѣлано это удивительно просто, задушевно, но вмѣстѣ съ тѣмъ мастерски и полно. Слова введенія говорятъ: «родныя ему (т.-е. Арцимовичу) руки съ усердіемъ, согрѣтымъ неувядающею къ нему любовью, собрали въ настоящей книгѣ все относящееся къ его памяти и имъ доступное. Полагая, такимъ образомъ, нѣкоторую преграду столь обычному у насъ забвенію о служителяхъ высшихъ общественныхъ потребностей, этотъ сборникъ не можетъ, однако, назваться полнымъ. Есть, конечно, люди, въ душѣ которыхъ живутъ воспоминанія о встрѣчахъ съ Викторомъ Антоновичемъ на жизненномъ пути, не вылившіяся лишь въ опредѣленную форму. Быть можетъ, предлагаемое изданіе послужитъ для нихъ призывомъ подѣлиться этими воспоминаніями съ русскимъ обществомъ». Хотя составитель сборника скромно и утверждаетъ, что матеріалъ, здѣсь заключенный, не совсѣмъ полонъ, но слова его должны быть истолковываемы, какъ актъ скромности, ибо врядъ ли въ встрѣчающихся обычныхъ біографіяхъ общественныхъ дѣятелей можно собрать столь полно данныя о дѣятельности сошедшаго съ арены человѣка, какъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ. Конечно, въ жизнеописаніяхъ геніальныхъ людей, людей міроваго историческаго значенія, важна каждая черточка, каждый моментъ ихъ жизни и работы, но покойный Арцимовичъ на такое значеніе претендовать не можетъ. Сфера его дѣятельности, площадь его жизненнаго поприща были болѣе или менѣе ограничены, и вотъ въ этихъ-то предѣлахъ составители книги сдѣлали все, отъ нихъ зависящее. Передъ читателями не только возстаетъ во всю величину, въ общественномъ и государственномъ отношеніи, покойный дѣятель административнаго и судебнаго вѣдомства, но на нихъ живымъ дыханіемъ вѣетъ и та бы-

товая и историческая эпоха, та спеціальная обстановка, въ которой ему суждено было жить и дѣйствовать. Такимъ образомъ передъ ними обрисовывается не только образъ въ живыхъ краскахъ, но и общій фонъ, въ который его поставила сама жизнь. Для будущаго изслѣдователя провинціальной жизни нашего отечества во второй половинѣ прошедшаго столѣтія настоящая книга даетъ богатый матеріалъ, предоставляя въ его распоряженіе немало фактовъ изъ жизни западно-сибирской, серединной и западной Россіи. Въ отдѣлѣ первомъ книги мы знакомимся съ Арцимовичемъ въ роли губернатора Тобольской губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ познаемъ общія условія тогдашней неупорядоченной сибирской жизни во многихъ ея любопытныхъ моментахъ, не потерявшихъ значенія и для нашихъ дней. Во второмъ—статьи и воспоминанія гг. Обнинскаго, Корнилова, Сахарова, Муромцева и Гренищева раскрываютъ передъ нами дѣятельность Арцимовича, какъ калужскаго губернатора, въ знаменательные дни освобожденія крестьянъ и, наконецъ, третій отдѣлъ рисуетъ передъ нами покойнаго, какъ участника въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ царства Польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія (1863—1866 гг.). Такова была разносторонняя дѣятельность энергичнаго администратора, находившая себѣ примѣненіе въ разныхъ концахъ нашего отечества. Въ послѣдней жизненной фазѣ мы видимъ Арцимовича дѣятелемъ сначала кассаціоннаго, потомъ перваго департамента въ сенатѣ, гдѣ онъ въ теченіе 12 лѣтъ исполнялъ многотрудныя обязанности первоприсутствующаго. Изъ этого нами сжатаго curriculum vitae, широко разработаннаго въ нѣсколькихъ отдѣлахъ книги, легко усматривается, что покойный являлся живымъ дѣятелемъ и участникомъ важнѣйшихъ моментовъ «эпохи великихъ реформъ», горячимъ поборникомъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу этихъ реформъ, а потому, если къ кому въ полной мѣрѣ и можно примѣнить ходячій эпитетъ «шестидесятникъ» въ лучшемъ и активномъ значеніи этого слова, то это былъ именно—онъ, Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, столь много поработавшій на пользу реформируемой Россіи.

Отдѣлы четвертый и пятый книги составители посвятили юбилейнымъ служебнымъ днямъ Арцимовича и посмертнымъ о немъ некрологическимъ памятованіямъ. Въ приложеніи даны нѣкоторыя очень интересныя письма покойнаго, рисующія его взгляды на многія явленія внутренней административной жизни нашего отечества. Самое начало книги открывается мастерски написанною характеристикою Арцимовича, принадлежащею перу виртуоза русскаго слова—А. Ѳ. Кони, гдѣ въ гармоничныхъ фразахъ, сжатыхъ и блестяще отдѣланныхъ, сказано такъ много говорящаго и уму и сердцу читателей, которымъ дороги устои русской обновленной жизни въ «эпоху великихъ реформъ».

Б. Гл—скій.

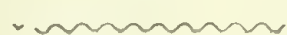
Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины. Спб. 1904.

«Историческій Вѣстникъ» былъ первымъ большимъ органомъ печати, который вслѣдъ за кончиною извѣстнаго сибирскаго патріота, Н. М. Ядринцева, почтилъ его память на своихъ страницахъ достаточно полною для своего

времени біографіей, которая, вскорѣ спустя, и поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ съ приложеніемъ вступительной статьи тоже нынѣ покойнаго В. П. Острогорскаго и воспоминаній о Ядринцевѣ его личнаго друга и сотоварища по дѣятельности на пользу Сибири, Г. Н. Потанина. Какъ статья, такъ и брошюра были благосклонно встрѣчены критикою и въ особенности писателями изъ числа сибиряковъ, но, тѣмъ не менѣе, изданіе большого распространенія не имѣло. Авторъ, въ интересахъ популяризаціи имени Ядринцева и запечатлѣнія его памяти среди подрастающихъ поколѣній, дѣлалъ довольно выгодныя предложенія нѣкоторымъ сибирякамъ-меценатамъ, устраняя себя при томъ отъ матеріальной заинтересованности, но, увы, кромѣ платоническаго сочувствія своимъ благимъ намѣреніямъ, ничего не увидалъ, и его намѣренія остались неосуществленными. Тѣмъ временемъ и на своей родинѣ, на мѣстѣ своего вѣчнаго упокоенія, покойный Ядринцевъ немногимъ былъ почтенъ своими неблагодарными земляками. Такъ, «Восточное Обозрѣніе», поминая 5-ю годовщину смерти сибирскаго патріота, сообщило, «что могила Ядринцева въ настоящее время представляетъ изъ себя почти полное запустѣніе: простая ограда, земляная насыпь, сплошь поросшая бурьяномъ, полинялый желтый крестъ, расшатанный вѣтромъ, съ нѣсколькими тоже отцвѣтшими вѣнками, съ надписью на нихъ и всевидящимъ окомъ—все это, взятое вмѣстѣ, навѣваетъ грустныя размышленія». Памятникъ былъ поставленъ лишь на слѣдующій годъ (слишкомъ 5 лѣтъ нетароватые на деньги сибиряки собирались съ силами!), но зато съ научно-литературною оцѣнкою и общественною характеристикою Ядринцева его земляки тоже не торопились (по поговоркѣ—вылежится, зрѣлѣе станетъ!); очевидно, для сего не находилось ни подходящихъ силъ, ни... настоящаго желанія. Правда, въ Петербургѣ слышались разговоры, что нужно во что бы то ни стало приступить къ составленію обширной и полной біографіи Николая Михайловича, со включеніемъ сюда его многочисленныхъ писемъ, ненапечатанныхъ стихотвореній, мемуаровъ и пр.; называли даже одну женскую фамилію, собственницѣ коей эта работа должна была быть поручена подъ редакціей одного извѣстнаго писателя, но опять-таки и тутъ у сибиряковъ дальше праздныхъ разговоровъ дѣло не двигалось, и имя Ядринцева такимъ образомъ постепенно забывалось и въ журналистикѣ, и среди новыхъ грядущихъ поколѣній. Эта маленькая историческая справка о чествованіи памяти сибирскаго патріота довольно поучительна для иллюстраціи извѣстныхъ словъ поэта «суждены намъ благіе порывы»... и для характеристики продуктивныхъ силъ русской интеллигенціи. Дальнѣйшая судьба этого чествованія тоже довольно-таки назидательна и любопытна. Только въ октябрѣ 1903 г. нынѣшній редакторъ-издатель «Восточнаго Обозрѣнія», г. Поповъ, взялъ на себя иниціативу подвинуть впередъ дѣло о біографіи Ядринцева. Въ этихъ видахъ онъ пожаловалъ въ Петербургъ и здѣсь поручилъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ приготовить литературный памятникъ Ядринцеву ко дню десятилѣтія его кончины, каковую работу и принялъ на себя г. Лемке. И дѣйствительно, г. Лемке оправдалъ возложенныя на него надежды: онъ «подалъ къ сроку заказъ» и тѣмъ спасъ сибиряковъ и редакцію «Восточнаго Обозрѣнія» отъ немалаго конфуза. Десятилѣтіе со смерти Ядринцева было почтено такимъ образомъ—изданіемъ его біографіи. Каково ея качество—вопросъ другой, а, дабы этотъ вопросъ особенно рѣзко не былъ поставленъ критикою, г. Поповъ поспѣшилъ заслонить г. Лемке своею спиною: онъ снабдилъ изданіе введеніемъ, гдѣ счелъ долгомъ кратко повѣдать читателямъ, почему Ядринцевъ удо-

станвается біографіи, и тутъ же попутно сообщить, изъ какого матеріала она составлялась, и каковъ былъ ея общественный антуражъ. Нѣсколько сконфуженныя признанія г. Попова столь любопытны, что ихъ стоитъ процитировать. Онъ говоритъ: «мы не претендуемъ дать всестороннюю оцѣнку и біографію Н. М., исчерпать всю глубину таланта, все, чѣмъ жилъ такой замѣчательный человѣкъ, какимъ былъ Н. М. Ядринцевъ. Быть можетъ, доля вины лежитъ въ насъ самихъ[1]): мы не сумѣли съ достаточной убѣдительностью обратиться къ сибирякамъ, отнесшимся индифферентно къ нашему предложенію издать первую обширную біографію Н. М. Ядринцева, въ которой должны быть сведены и систематизированы всѣ матеріалы, всѣ данныя, могущія полно охарактеризовать личность замѣчательнаго сибиряка. На наше обращеніе подѣлиться письмами, матеріалами Ядринцева, свѣдѣніями о немъ откликнулись очень и очень немногіе. Архивъ покойнаго, заключающій въ себѣ много цѣнныхъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, еще не разработанъ. Отправить его къ составителю біографіи мы не могли, потому что онъ не въ нашемъ распоряженіи. Изъ него мы временами извлекали очень цѣнныя данныя для характеристики личности Н. М. Ядринцева, и онъ, конечно, пролилъ бы много свѣта на личность Н. М. и облегчилъ бы трудъ составителя біографіи. Такимъ образомъ біографія составлялась на основаніи многочисленныхъ печатныхъ трудовъ покойнаго, отзывовъ о немъ и немногочисленныхъ, относительно, рукописныхъ матеріаловъ и писемъ, имѣвшихся въ редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе», и тѣхъ рукописей и писемъ, которыми подѣлились немногія частныя лица, главнымъ образомъ, В. И. Семидаловъ, отнесшійся съ большимъ сочувствіемъ къ проекту ознаменовать десятилѣтіе смерти Ядринцева составленіемъ біографіи. При этомъ мы должны замѣтить, что авторъ біографіи, М. К. Лемке, вынужденъ былъ составить біографическій очеркъ въ сравнительно короткое время: въ его распоряженіи было всего пять мѣсяцевъ. Указанныя выше обстоятельства, препятствующія до извѣстной степени успѣшному выполненію проекта составить біографическій очеркъ Н. М. Ядринцева, не могли остановить редакцію газеты «Восточное Обозрѣніе», кровно связанную съ Николаемъ Михайловичемъ, ея основателемъ, редакторомъ и издателемъ, давшимъ тонъ газетѣ и направившимъ ее». Повинную голову мечъ не сѣчетъ: г. Поповъ извинился и за себя и за г. Лемке, произнеся какъ бы и судъ надъ его работою. Она скороспѣла, не полна и чего нибудь существенно новаго къ тому, что извѣстно въ литературѣ о Ядринцевѣ, не прибавила. Самое любопытное въ ней—отрывки изъ писемъ къ г. Семидалову, гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя біографическія данныя, доселѣ мало извѣстныя въ литературѣ. Г. Лемке, пожалуй, сдѣлалъ все, что могъ въ столь короткій срокъ и какъ умѣлъ, на основаніи скуднаго матеріала, но литераторы-то сибиряки, редакція «Восточнаго Обозрѣнія», друзья и сотоварищи Ядринцева, какъ они хорошо обрисовываются во всѣхъ этихъ исторіяхъ съ біографіями покойнаго сибирскаго патріота!...

Б. Гл.



[1]) Совершенно вѣрно, г. Поповъ!

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АКЛИНАНІЯ отъ болѣзней въ Вавилонѣ. На-дняхъ помощникъ хранителя Британскаго музея, Томпсонъ, выпустилъ въ свѣтъ второй томъ своего ученаго труда по изслѣдованію и переводу клинообразныхъ письменъ, хранящихся въ этомъ музеѣ [1]). Содержаніе этихъ таинственныхъ текстовъ касается врачеванія вавилонянами различныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, лихорадки и головной боли, навѣваемыхъ бѣсами и злыми духами. Эти начертанные на глиняныхъ дощечкахъ тексты взяты изъ Ассурбанипаловой библіотеки, находящейся въ Куюнджукѣ. Основательно изслѣдовавъ ихъ, Томпсонъ приходитъ къ убѣжденію, что они написаны на древнемъ, или сумерійскомъ нарѣчіи Месопотаміи шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Средства врачеванія заключались въ опредѣленныхъ обрядахъ и нѣкоторыхъ врачебныхъ травахъ, употреблявшихся для припарокъ. Лѣченіе принимало форму разговора между божествомъ волшебства, Эа, и его сыномъ, Мардукомъ. Вотъ что говорится на вавилонскихъ клинообразныхъ дощечкахъ: «Лихорадка, какъ ураганъ, налетѣла на этого человѣка и совершенно его сразила. Онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни стать и не зналъ покоя, такъ наказалъ его богъ. Мардукъ его видѣлъ и, придя въ домъ своего отца, сказалъ: «Отецъ, лихорадка распространилась изъ подземнаго міра: что дѣлать несчастному?» — Эа отвѣчалъ Мардуку: «Развѣ ты не знаешь, что все мнѣ извѣстное — тебѣ извѣстно: къ этому я ничего не могу прибавить. Пойди сынъ мой, Мардукъ, возьми бѣлаго агнца и положи его противъ больного; потомъ вырви изъ агнца сердце и дай его въ руки больного, произнося заклинаніе Эриду. Агнецъ, изъ котораго ты

---

[1]) The Devils and Evil Spirits of Babylonia; by R. Campbell Thompson. Vol. II. London. 1904.

вынеть сердце, будетъ принесенъ въ жертву ради искупленія несчастнаго. Возьми курильницу и факелъ, положи ихъ на улицу и наложи перевязку на больного. Произнеси снова заклинаніе Эриду и обратись съ воззваніемъ къ великимъ божествамъ, чтобы злой духъ, бѣсъ, лихорадка или тяжелая болѣзнь, находящіеся въ больномъ, покинули его. Сдѣлавъ все это, уйди изъ того дома». Такова общая формула заклинаній, и, прочитавъ цѣлый рядъ ихъ на глиняныхъ дощечкахъ, вы невольно удивляетесь однообразію врачебныхъ средствъ въ Вавилонѣ. Замѣчательно, что встрѣчаемыя въ сумерійское время врачебныя средства или, вѣрнѣе, врачебныя суевѣрія были распространены и въ послѣдующія времена; они сохранились въ Шотландіи даже до XIX столѣтія. Такъ, напримѣръ, болѣзни передавались отъ людей къ домашнимъ животнымъ, которыхъ убивали; дѣлались восковыя изображенія больныхъ, и имъ передавали болѣзнь и т. д. Томпсонъ указываетъ, что и въ священномъ писаніи говорится о злыхъ духахъ, переходившихъ изъ прокаженныхъ въ стадо свиней.

— Римскія виллы во времена республики и имперіи. П. Гюсманъ издалъ въ Парижѣ новую историческую книгу [1]) «La villa impériale de Tibur», въ которой знакомитъ читателя съ оригинальнымъ устройствомъ одной изъ римскихъ виллъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ. Авторъ остановился на одной изъ императорскихъ виллъ, подобной которой не найдется въ древнемъ Римѣ, устроенной самымъ оригинальнымъ римскимъ императоромъ. Онъ осуществилъ свою фантазію—собрать изо всѣхъ уголковъ своихъ обширныхъ владѣній все, что плѣняло его взоры,—не только собрать копіи образцовыхъ произведеній искусства и памятниковъ, но и воспроизвести цѣлыя мѣстности, поразившія его своею грандіозностью или очаровавшія его своей прелестью. Этотъ императоръ былъ преемникъ Траяна, Адріанъ, родившійся въ 76 г. и умершій въ 38 г., который оказалъ немало услугъ своему государству. Извѣстно, что Адріанъ страстно любилъ путешествія; онъ стремился ознакомиться со всей принадлежавшей ему обширной имперіей и обошелъ пѣшкомъ почти всю страну. Во время этого странствованія онъ приказалъ сдѣлать копіи съ замѣчательныхъ образцовъ искусства и памятниковъ. Мало того, не имѣя возможности посѣщать понравившіяся ему мѣстности, онъ приказалъ точно воспроизвесть ихъ въ своихъ садахъ. У Египта онъ заимствовалъ Канопъ, у Аѳинъ—Пританей, Академію и Лицей, у Ѳессаліи—Темпейскую долину и т. д. Вокругъ всѣхъ памятниковъ и пейзажей онъ задумалъ устроить греческій и римскій театры, одеонъ, портики, библіотеки и даже таинственное подземелье, названное адомъ. Для скорѣйшаго осуществленія этой затѣи художникъ-императоръ—такъ какъ онъ самъ владѣлъ кистью и даже былъ архитекторомъ—приказалъ собрать цѣлыя артели рабочихъ и художниковъ. Ихъ было такое множество, что пришлось организовать изъ нихъ по-военному когорты и центуріи. Вилла Адріана была расположена у подножья холма Тиволи, среди оливковыхъ деревьевъ, тонущихъ въ синеватомъ туманѣ черныхъ тисовъ, лавровъ, миртъ. Отъ громадныхъ входныхъ воротъ къ ней ведетъ аллея, окаймленная тисами. Мѣстность, на которой находится вилла, живописна: волнистая до-

---

[1]) La villa impériale de Tibur, par P. Gusman. Paris. 1904.

лина съ протекавшими на ней водами представляетъ плодородную почву, покрытую богатой растительностью, усѣянную цвѣтами; пространный горизонтъ открывалъ разомъ Римъ, море и горы и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ грандіозному Адріанову плану, который былъ смѣло и художественно исполненъ. Всѣ скопированные предметы не носятъ на себѣ характера рабскаго подражанія, а имѣютъ своеобразный розмахъ. Такъ Адріанъ взелъ повсюду куполы и своды, рѣдко попадающіеся въ греческой архитектурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ сохранить точное воспоминаніе объ оригиналахъ, что видно въ стилѣ аксессуаровъ и въ приспособленіи внутренняго зданія. Исполненіе всѣхъ этихъ копій отличается вполнѣ правильнымъ, нѣсколько холоднымъ изяществомъ, говорящимъ объ утонченности и тонкой изысканности любителя, жившаго въ эпоху науки, а не о вдохновеніи. Въ глазахъ историка за Адріаномъ есть еще заслуга. Адріанъ своимъ воодушевленіемъ и волей на время удержалъ искусство отъ паденія. Царствованіе Траяна было для римлянъ эпохой возрожденія, но уже чувствовался закатъ, и даже техника слабѣла; Адріанъ же принудилъ искусство бросить «послѣдній снопъ блестящихъ искръ». Кромѣ того, только благодаря своеобразной фантазіи этого государя, собравшаго на своей виллѣ копіи со статуй и барельефовъ, навсегда для насъ потерянныхъ въ оригиналѣ, европейскіе музеи имѣютъ ихъ копіи.

Книга Гюсмана вызвала появленіе статьи [1]) о римскихъ виллахъ Эдмона Курбо, въ первомъ сентябрьскомъ нумерѣ «Revue des deux mondes». Въ концѣ республики и въ началѣ имперіи въ Италіи распространилась мода на загородныя виллы. До тѣхъ поръ у римлянъ не было свободнаго времени отправляться на дачи во время лѣтнихъ каникулъ: ихъ болѣе занимали государственныя дѣла и завоеванія. Если они и покидали городъ, то лишь ради того, чтобы стать во главѣ легіоновъ или занять мѣсто въ провинціальной администраціи. Единственнымъ исключеніемъ былъ Сципіонъ, удалившійся въ Литерну и упорно рѣшившійся умереть вдали отъ Рима. Римляне же, владѣвшіе землями, среди сельскихъ заботъ не забывали обязанностей, налагаемыхъ на нихъ городской жизнью. Если они и оставались среди красотъ природы, то совсѣмъ не для того, чтобы ими наслаждаться, а съ единственною цѣлью эксплоатировать свои владѣнія, заставлять работать рабовъ и наблюдать за выжимкою винограда и оливокъ. Такимъ образомъ, загородныя виллы служили фермами, и слово villa означало какъ дачи, такъ и фермы. Но со времени Катона послѣдовала перемѣна: Греція и особенно «изнѣженная Іонія», безпрестанно посѣщаемыя римлянами, пріучили ихъ къ роскоши, развили вкусъ ко всему изящному и къ прекраснымъ вилламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ военные и чиновники богатѣли, и новыя богатства дали средства удовлетворять новыя желанія. Не охладѣвая къ общественнымъ дѣламъ, они почувствовали желаніе жить для себя и для своихъ друзей. У нихъ явилось стремленіе къ прекрасному и красивому, и римлянинъ не считался болѣе человѣкомъ хорошаго происхожденія, если онъ не могъ бесѣдовать о поэзіи, краснорѣчіи и философіи. Явилась необходимость, до тѣхъ поръ неизвѣстная,

---

[1]) Les maisons de campagne romaines sous la république et l'empire, par Edmond Courbaud. «Revue des deux mondes», 1—15 Septembre 1904.

удѣлять на ученіе часть своего существованія, а для этого потребовался укромный, пріятный уголокъ, куда не проникала бы политика, и гдѣ можно было бы оставаться «самимъ собой». Еще болѣе требовала такого уединеннаго мѣстечка литература, и Цицеронъ, когда хотѣлъ дать рамку своимъ разсужденіямъ о краснорѣчіи или своимъ философскимъ спорамъ, то переносилъ сцены своихъ діалоговъ на виллы. Но не одинъ Цицеронъ работалъ въ уединенной виллѣ: ораторъ Крассъ составилъ теорію своего искусства въ горахъ, куда онъ удалялся въ сопровожденіи Антонія и другихъ друзей. Всѣ занимавшіеся литературой обладали сельскими домами, куда любили удаляться при первомъ удобномъ случаѣ. Менѣе культурные, но богатые римляне тоже строили себѣ виллы, хотя не изъ желанія сельскаго уединенія, а изъ любви къ роскоши и расточительности. Эта перемѣна въ настроеніи римлянъ вызвала появленіе многочисленныхъ виллъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ республики. Каждый частный человѣкъ стремился пріобрѣсть ихъ, какъ можно болѣе. Лучшими по великолѣпію считались въ ту эпоху виллы Лукулла и Гортензія. Цицеронъ чрезмѣрно увлекался страстью пріобрѣтать виллы и украшать ихъ. Когда въ концѣ его жизни, послѣ смерти Цезаря, ему пришлось удалиться изъ Рима, гдѣ онъ не былъ въ безопасности, то величайшій ораторъ не могъ утѣшиться, думая о томъ, что болѣе не увидитъ своихъ «прекрасно устроенныхъ и очаровательныхъ виллъ, перловъ Италіи». Онъ сожалѣлъ произведенія искусствъ, которыми онъ щедро ихъ украшалъ, напримѣръ, картинныя галлереи, садовыя статуи греческихъ художниковъ; книги своей библіотеки, утѣшавшія его въ минуту политическихъ невзгодъ; прекрасныя тѣнистыя аллеи, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ друзьями о философіи и краснорѣчіи; наконецъ, поля, которыя какъ нельзя болѣе благопріятствовали ученію, доставляя Цицерону самое полное счастье. Его страсть доходила до того, что, истративъ всѣ свои небольшія средства на покупку статуй, картинъ и книгъ, онъ сталъ дѣлать долги. У него было восемь виллъ въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи. Самая отдаленная вилла находилась въ Помпеѣ, недалеко отъ Неаполитанскаго залива. Затѣмъ онъ владѣлъ виллами на морскомъ берегу въ Пуццоло и Кумахъ, а также близъ Лукринскаго озера. Въ Пуццоло онъ вкушалъ полное спокойствіе, но не чувствовалъ себя вполнѣ дома, какъ на другихъ виллахъ, находившихся близъ Байи, очень опаснаго мѣста, «гостиницы всѣхъ пороковъ», какъ Сенека называлъ впослѣдствіи этотъ уголокъ. Байи служили мѣстомъ сборища всѣхъ модниковъ и модницъ; тамъ устраивались всевозможныя увеселенія и завязывались тысячи любовныхъ интригъ. Оставаясь долго среди этого водоворота удовольствій, легко было потерять репутацію серіознаго человѣка, тогда какъ въ Форміи или Анціумѣ Цицеронъ могъ жить въ свое удовольствіе, не вызывая упрековъ Катона или грубыхъ обвиненій Клодія. На виллѣ близъ Лаціумскаго моря Цицеронъ лѣниво читалъ или гулялъ, любуясь на волны; хотя Формія казалась ему пріятнымъ уголкомъ, но это впечатлѣніе портили надоѣдливые гости, являвшіеся туда и, несмотря на его просьбы, отказывавшіеся вернуться въ Римъ, желая остаться съ нимъ, чтобы вмѣстѣ философствовать. Публика ему надоѣдала, и онъ пускался въ путь къ Арпинамъ, находившимся при входѣ въ Абруццкія горы. Сначала дикая природа его очаровывала,

и онъ мечталъ только о скалахъ, но необычайная подвижность впечатлѣнія скоро брала верхъ, и ему казалось, что здѣсь онъ слишкомъ одинокъ, такъ какъ даже въ Форміи онъ жаловался, что находился какъ бы на концѣ свѣта и не имѣлъ извѣстій о событіяхъ въ Римѣ, а поэтому, покинувъ и эту виллу, онъ отправлялся на Тускуланскую виллу, находившуюся близъ Рима. Онъ охотно бы купилъ себѣ виллу близъ самаго Рима, чтобы его садъ соприкасался съ городской заставой, но земля тамъ стоила слишкомъ дорого, и вмѣсто береговъ Тибра онъ довольствовался Альбанскими горами, ежедневно получая всѣ извѣстія о римскихъ дѣлахъ, а потому оставался здѣсь долѣе, чѣмъ на другихъ виллахъ. Послѣ паденія республики онъ удалился туда и проживалъ тамъ вмѣстѣ съ братомъ Квинтомъ: здѣсь онъ узналъ, что Октавій отдалъ его голову Антонію. Тамъ онъ жилъ все время и оттуда отправился въ Римъ, гдѣ, нѣсколько дней спустя, его умертвили. Но не одинъ Цицеронъ имѣлъ столько виллъ: богатые римляне владѣли еще большимъ количествомъ виллъ. Въ эпоху имперіи общество сильнѣе, чѣмъ прежде, стало заниматься литературой, и общественная жизнь еще болѣе развивалась. Все сильнѣе и сильнѣе возростала потребность видѣться другъ съ другомъ и прочесть вмѣстѣ пьесу въ стихахъ, обмѣняться мыслями, или просто поговорить о различныхъ предметахъ. Съ этою цѣлью римляне отправлялись на дачи, и вскорѣ весь берегъ Тибра до моря покрылся виллами, сады которыхъ оканчивались террасами, выходившими на Тибръ. На Тибрѣ было столько виллъ, что, по словамъ Плинія, «всѣ вмѣстѣ взятыя рѣки не могли выставить столько». Это было мѣстомъ сборища всего изящнаго римскаго общества. По вечерамъ веселые гости, возлежа на ложахъ за столами, попивали Лиссабонское вино изъ кубковъ, вычеканенныхъ Менто-ромъ, въ то время какъ предъ ихъ глазами плыли легкія лодочки. Дачи устраивались у устья рѣки, вблизи Остіи, сдѣлавшейся хлѣбнымъ складомъ Рима, ежедневно изъ Африки доставлялось хлѣбное зерно. Какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ, здѣсь находились богатые купцы и банкиры, которые устраивали богатыя, роскошныя виллы и блестящія празднества. Римскіе горожане, соблазнившись прелестью загородной жизни, тоже пожелали проводить нѣкоторое время въ этихъ мѣстностяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, можно было считать за «мѣстожительство Венеры, столько было тамъ зелени и цвѣтовъ, а воздухъ благоухалъ розами». Эта похвала относилась не только къ Остіи, но ко всему побережью, по направленію къ Анціуму, который былъ не менѣе заселенъ. Остія въ сущности представляла нездоровую болотистую мѣстность, но, благодаря обработкѣ земли и устроеннымъ каналамъ, почва осушалась и лихорадка появлялась рѣже; виллы же, расположенныя выше, на склонахъ Апеннинъ, находились въ здоровой, защищенной отъ южныхъ вѣтровъ сторонѣ, а во время Цезаря поэтъ Катуллъ благодарилъ Тибръ за исцѣленіе отъ кашля. Мода на виллы во время Августа быстро развилась. Съ тѣхъ поръ и въ теченіе двухъ вѣковъ имперіи считалось хорошимъ тономъ проводить осень на берегахъ залива, въ Пуццоло, и всѣ богачи, уважающіе себя, владѣли тамъ виллами. Этотъ берегъ прозвалъ «Беззаботнымъ» развратникъ Ведій Поліонъ, откармливавшій въ своихъ садкахъ муреновъ и бросавшій имъ на съѣденіе рабовъ. Отъ Неаполя до Мисенскаго мыса потяну-

лись великолѣпныя виллы. Устраивая виллы, богатые римляне хотѣли удивить и ослѣпить своей роскошью. Берега имъ было не достаточно для ихъ затѣй: вилла на берегу—это было такъ обыкновенно. И вотъ среди моря устраивалась громадная плотина, и изъ волнъ возвышался дворецъ. Но быстрая впечатлительность римлянъ звала на смѣну новую фантазію, и едва только вилла показывалась изъ воды, какъ уже надоѣдала хозяину, и рабочіе отсылались въ горы для постройки другой виллы. Виллы въ горахъ обыкновенно строились амфитеатромъ на холмахъ. Особенно громадной устраивалась подземная часть фундамента; поверхность земли тщательно сравнивалась. Первое было необходимо для большей устойчивости, въ виду того, что виллы строились сбоку холмовъ; такимъ образомъ, нижній этажъ находился на уровнѣ съ землею. Вообще римляне старались предупредить почвенныя несчастія. Насколько въ наше время стремятся сохранить неровности земной поверхности, настолько римляне любили пространныя поверхности, составлявшія террасы. Судя по существующимъ развалинамъ, видно, что часто одна вилла состояла изъ нѣсколькихъ. Эти террасы возвышались одна надъ другою, этажами, перерѣзывая холмы какъ бы ступенями. Такихъ этажей бывало три и четыре, и всѣ они сообщались между собою ступенями. Самый верхній былъ настоящей наблюдательной платформой, такъ какъ съ него можно было видѣть на большее разстояніе всю мѣстность по направленію къ Риму, и этого превосходства домогался всякій. Горацій возмущался при мысли, что такія пышныя виллы съ громадными садками для рыбъ, болѣе, чѣмъ Лукринское озеро, съ непроизводящими плодовъ деревьями, какъ лавры и мирты, съ цвѣтниками, полными фіалокъ, пріятными лишь для обонянія, вытѣснили оливковыя деревья и оставили для сохи лишь незначительный участокъ земли. Вообще виллы занимали столь обширные участки, что Тиверій жаловался въ сенатъ на чрезмѣрное расширеніе виллъ. Вотъ какъ Стацій описываетъ виллу знакомыхъ. Вилла состояла изъ двухъ корпусовъ, которые такъ выдавались надъ рѣкою, что, казалось, хотѣли соединиться; онѣ настолько сближались, что можно было видѣть другъ друга, разговаривать и даже пожать другъ другу руку; ихъ соединялъ перекинутый чрезъ рѣку мостъ, что̀ дѣлало изъ двухъ строеній какъ бы одно. Тамъ, гдѣ стояла вилла, была устроена каменная набережная. Волны бились о скалы, покрывая ихъ пѣной; цѣлый лѣсъ старыхъ дубовъ отражалъ свои вѣтви въ прозрачныхъ водахъ. На рѣкѣ же были устроены термы, т.-е. теплыя бани, посредствомъ подземной духовой печи. Столовыя выходили тоже на рѣку, чтобы хозяинъ могъ завтракать, если хотѣлъ, убаюкиваемый шепотомъ рѣки Аніо; огородъ, въ одно и то же время озаренный солнцемъ и влажный, былъ такъ плодородenъ, что вызывалъ бы зависть въ волшебницѣ Цирцеѣ. Внутреннее устройство виллы было богато. Стѣны были выложены великолѣпной инкрустаціей, это стоило дорого и было принято въ эпоху македонской монархіи въ городахъ Египта, Малой Азіи и Антіохіи. Инкрустація облицовки стѣнъ залы состояла изъ пластинокъ мрамора, золотыхъ, серебряныхъ или мѣдныхъ полосъ, слоновой кости, стеклянныхъ или мозаическихъ плитокъ, и все это было въ оправѣ, сдѣланной изъ цѣннаго матеріала. Потолки и перекладины были покрыты позолотой, а дверные косяки дѣлались изъ мавританскаго дерева, фри-

гійскаго мрамора, фіолетоваго или розоватаго, усѣяннаго блестящими пятнами, естественная пестрота котораго еще болѣе выдавалась, благодаря подрисованнымъ жилкамъ; полъ былъ богато выстланъ каменной мозаикой. Но всего богаче была инкрустація въ термахъ. Въ ту эпоху термы были не только одной необходимостью, какъ во время республики, а сдѣлались, кромѣ того, роскошью и устраивались съ необыкновенной пышностью, такъ что Сенека, осмотрѣвъ скромные, полутемные термы Сципіона Африканскаго въ Литернѣ, говоритъ: «теперь никто не рѣшился бы купаться въ такихъ баняхъ. У кого стѣны бань не блещутъ драгоцѣнными пластинами; у кого къ александрійскому мрамору не примѣшивается нумидійская инкрустація; у кого мозаика не соперничаетъ съ живописью; у кого потолокъ не обшитъ стекломъ; у кого умывальницы не изъ тазосскаго камня; у кого вода льется не чрезъ серебряный кранъ, — тотъ бѣдный, несчастный человѣкъ». Кромѣ этого, требовалось переполнить баню ненужными статуями, колоннами, ничего не поддерживавшими, но зато дорого стоившими. Въ нѣкоторыхъ виллахъ термы состояли изъ двухъ залъ—одного съ соленой водой, другого съ прѣсной. Вообще бани отчасти были причиной, что римляне выбирали мѣстность для виллы около воды. Многія виллы устраивались, ради красиваго вида, на самой вершинѣ горы. Для каждаго часа дня была особая комната; то устраивался павильонъ на востокѣ виллы тамъ, гдѣ первые лучи солнца совмѣщались съ утренней прохладой; то на западѣ, гдѣ можно было любоваться, какъ умираетъ день, и тѣнь лѣсистыхъ горъ удлиняется на морѣ, а дворецъ, кажется, плаваетъ во влажномъ хрусталѣ». Римляне старались, чтобы изъ каждой комнаты былъ виденъ особый пейзажъ. Такъ какъ окна были очень высокія и узкія, то глазъ не могъ окинуть широко горизонтъ. Зато, изъ каждаго окна можно было любоваться различной панорамой. Всѣ эти виллы были украшены картинами, статуями и различнѣйшими произведеніями искусствъ. Виллы средняго класса, конечно, уступали въ роскоши, но въ общемъ расположеніе виллъ было одинаково. Количество спаленъ на небогатой виллѣ было одинаково велико, и хозяинъ не довольствовался одной спальной: ему требовалась то маленькая, то большая спальня, то теплая для осени, то прохладная для лѣта, мало открытая въ садъ и съ темной прихожей, что давало еще большую прохладу, то уединенная, куда не проникалъ ни звукъ, ни голосъ, то оживленная шопотомъ фонтана. Также многочисленны были столовыя различныхъ размѣровъ для разнообразныхъ назначеній, были столовыя для каждаго дня, для празднествъ; даже для ежедневнаго обѣда служили различныя столовыя, ради разнообразныхъ пейзажей; онѣ устраивались даже въ башняхъ. Были такіе павильоны изъ трехъ комнатъ гдѣ, переходя изъ одной комнаты въ другую слѣдовали за солнцемъ. Но мало этого—римляне устраивали комнаты круглыя, чтобы, не мѣняя мѣста, пользоваться все время солнечными лучами. Плиній болѣе всего любилъ работать въ такой комнатѣ. Не забыты были и галлереи съ различными приспособленіями: открытыя и закрытыя стеклянными рамами, гдѣ сидѣли въ дождливые и вѣтреные дни, а также многоэтажныя башни, гдѣ вѣтеръ былъ болѣе рѣзокъ, и веранды съ вьющимся виноградникомъ, гдѣ можно было укрыться отъ солнца. Римляне,

очевидно, не придерживались симметріи, что очень удивительно у народа, любящаго во всемъ порядокъ, но они художеству предпочитали удобства. Плиній отказался жить въ Лоренціи на берегу моря потому, что тамъ не было естественныхъ источниковъ, въ горахъ же Тифернума ихъ было вдоволь. Скромная вилла Плинія своимъ расположеніемъ не отличалась отъ богатыхъ виллъ, и въ ней имѣлись термы, состоявшія изъ раздѣвальной, холодной бани, теплой и горячей, залы для растиранія и паровой бани. Теперь ничего не осталось отъ всей этой роскоши, кромѣ развалинъ; на Тибрѣ уже нѣтъ болѣе садовъ, нѣтъ болѣе шумныхъ празднествъ. Остія превратилась въ развалины, а изящный берегъ Лоренціи обратился въ пустыню. Въ этихъ мѣстностяхъ свирѣпствуетъ малярія, и несчастные жители въ желтыми лицами и ввалившимися глазами совсѣмъ не напоминаютъ прежнихъ веселыхъ римлянъ. Sic transit gloria mundi!

— Новая біографія Тиціана. Недавно появилась въ Лондонѣ новая, прекрасная біографія знаменитаго итальянскаго живописца Тиціана, написанная Джорджемъ Гронау [1]). Этотъ серьезный историкъ и тонкій критикъ, на основаніи долговременнаго и добросовѣстнаго изученія жизни и творчества Тиціана, далъ основательную характеристику послѣдняго. До сихъ поръ всѣ біографы Тиціана старались выяснить ту или другую черту его характера, но ни одинъ изъ нихъ не потрудился подмѣтить, какое вліяніе на развитіе таланта имѣли его современники-художники, и когда именно эти различныя вліянія начали дѣйствовать на него. Гронау, хотя и далъ болѣе полную біографію изъ всѣхъ существующихъ біографій Тиціана, но онъ все-таки не пополнилъ пробѣла, который встрѣчается во всѣхъ біографіяхъ великаго художника. Съ интимной жизнью Тиціана знакомитъ венеціанецъ Франческо Притіанезе въ письмѣ, служащемъ предисловіемъ къ его «Латинской грамматикѣ». Онъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Тиціана во время одного пиршества въ его роскошномъ домѣ, гдѣ онъ жилъ съ 1-го сентября 1531 г. до своей смерти, 45 лѣтъ спустя. «Я былъ приглашенъ,—пишетъ Притіанезе,—на пиршество въ очаровательный садъ, принадлежавшій превосходному и знаменитому художнику Тиціану. Хотя мѣсто было тѣнистое, но солнце очень грѣло; пока столы не были вынесены въ садъ, мы занялись разсматриваніемъ его какъ бы живыхъ картинъ, наполнявшихъ домъ, потомъ мы наслаждались красотою и прелестью его сада, тянувшагося вдоль морского берега, въ концѣ Венеціи. Едва солнце закатилось, какъ вода покрылась роемъ гондолъ, переполненныхъ граціозными молодыми женщинами. Пѣніе и музыка доносились до насъ и аккомпанировали до полуночи нашему веселому ужину въ этомъ роскошномъ, восхищавшемъ всѣхъ саду. Ужинъ былъ очень хорошъ, богатый, состоявшій изъ тонкихъ блюдъ и винъ, и придававшій еще болѣе удовольствія тому наслажденію, какое сезонъ и хозяева предоставляли намъ». Изъ писемъ поэта Аретино мы узнаемъ еще другія подробности домашней жизни Тиціана. Такъ намъ представляется Тиціанъ въ своей мастерской за работой. Онъ сидитъ выпрямившись, съ достоинствомъ въ своей вѣчной черной, бархатной ша-

[1]) Titian, by G. Gronau. London. 1904.

почкѣ; возлѣ него стоитъ Аретино, съ своей бычьей физіономіей, «произнося ругательства» или разсказывая двусмысленные анекдоты. Иногда кто нибудь изъ учениковъ садится за органъ, великолѣпный инструментъ, когда-то построенный для Тиціана знаменитымъ инструментальнымъ мастеромъ Александро дели-Органи, взамѣнъ сдѣланнаго художникомъ портрета. Иногда Аретино или Сансовино приводили съ собою одну изъ тѣхъ граціозныхъ молодыхъ женщинъ, какія катались въ гондолахъ съ пѣніемъ и смѣхомъ. Тиціанъ съ восторгомъ ихъ принималъ, но этотъ восторгъ былъ иного рода, чѣмъ у Аретино и Сансовино. «Тиціанъ обнималъ ихъ и охотно съ ними шутилъ,— пишетъ Аретино Сансовину,—но никогда онъ не заходилъ далѣе этого. По правдѣ мы должны, я и вы, взять примѣръ съ него». Гронау дѣлаетъ выводъ, что такое отношеніе Тиціана къ женщинѣ указываетъ не на благоразуміе и цѣломудріе, а просто на любовь Тиціана къ искусству: въ своей мастерской художникъ видѣлъ въ женщинѣ лишь объектъ для живописи. Истинное наслажденіе и истинное страданіе давало ему лишь искусство. Тиціанъ, вопреки теоріи Ломброзо о ненормальности генія, если судить по его двумъ портретамъ: въ Берлинскомъ музеѣ и Мадридскомъ Прадо, отличался цвѣтущимъ здоровьемъ тѣла и души. Вазари называлъ его: «E stato Tiziano sanissimo!» Біографы познакомили читателей съ общественной и дѣловой жизнью Тиціана, пользуясь письмами художника къ различнымъ принцамъ и вельможамъ, его заказчикамъ. Эти письма отравляютъ впечатлѣніе, оставленное въ читателѣ Притіанезе, Долче и Аретино, такъ какъ переполнены низкой лестью и торгашествомъ. «Этотъ старый художникъ—самый жадный, какого когда либо сотворила природа,—пишетъ въ 1564 г. венеціанскій агентъ герцога Урбино,—и ради денегъ онъ продастъ все до своей шкуры». Оказывается, единственной заботой Тиціана были деньги, и не было предѣловъ его алчности. Онъ прибѣгалъ ради денегъ ко всякимъ средствамъ: отъ безстыдной лести до жалобъ на нищету, отъ угрозъ уничтожить заказанную работу до продажи картинъ другимъ. Причину этой некрасивой черты въ великомъ художникѣ Гронау нашелъ въ семейной обстановкѣ Тиціана и скрасилъ ее другой чертой его характера—отеческой любовью и нѣжнымъ сердцемъ. Не было другого мужа и отца, обладавшаго такимъ нѣжнымъ, заботливымъ сердцемъ, какъ Тиціанъ. Вся его алчность къ деньгамъ истекала изъ желанія обезпечить будущность жены и дѣтей, ради которыхъ онъ усидчиво работалъ. Великій художникъ давно имѣлъ любовницей нѣкую Цецилію, дочь одного брадобрея, отъ которой у него было два сына. Видя ее больной, Тиціанъ рѣшилъ узаконить свою связь и женился на Цециліи въ ноябрѣ 1525 года. Послѣ брака она выздоровѣла и подарила ему еще одну дочь, его любимицу Лавинію. Когда же, пять лѣтъ спустя, умерла его жена, то Тиціанъ былъ въ такомъ горѣ, что единственный разъ въ жизни на время пріостановилъ всѣ начатыя работы. Въ утѣшеніе ему осталась дочь, и по большому количеству ея портретовъ видно, какъ горячо онъ ее любилъ. Насталъ день, когда Тиціану пришлось съ нею разстаться, выдавъ ее замужъ въ другой городъ, а, немного времени спустя, новое горе постигло художника: его любимая дочь умерла отъ родовъ. Едва ли не сильнѣе любилъ онъ своего старшаго сына Помпоніо, за котораго худож-

никъ не переставалъ хлопотать, страдать и дрожать въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ своей жизни. Помпоніо вступилъ въ орденъ и сдѣлался отвратительнымъ патеромъ, сквернымъ человѣкомъ, развратникомъ, пьяницей и жестокосердымъ человѣкомъ, думавшимъ лишь объ одномъ: какъ бы извлечь побольше пользы изъ любви отца. Въ то время, какъ Тиціанъ вымаливалъ милости у Филиппа II, Помпоніо съ такимъ же упорствомъ выманивалъ у него деньги. Этими ударами судьбы и сердечными огорченіями стараются объяснить странную печаль и тоску, терзавшія Тиціану душу, что особенно бросается въ глаза на двухъ вышеупомянутыхъ портретрахъ, хотя Вазари и говорилъ, что Тиціанъ былъ «совершенно счастливъ, такъ, какъ никто, и не имѣлъ отъ неба ничего другого, кромѣ счастія и благоденствія». Критикъ же біографіи Гронау, извѣстный французскій публицистъ Визева, въ своей прекрасной статьѣ [1]) даетъ иное объясненіе этому скорбному выраженію лица, говоря, что настоящая драма жизни Тиціана скрывалась не въ семейныхъ невзгодахъ, а въ страстной любви къ своему искусству, въ вѣчномъ преслѣдованіи все нарождающихся въ его умѣ красотъ, въ постоянномъ стремленіи къ ихъ воплощенію, боязни сбиться съ пути, въ огорченіи старостью и своею слабостью. По мнѣнію Визева, стоитъ только просмотрѣть полное собраніе его работъ, въ изданіи нѣмца Кадора, и тогда можно замѣтить, какъ совершенствуется стиль Тиціана. Глядя на его произведенія въ хронологическомъ порядкѣ, трудно уловить эту разницу, и, только просмотрѣвъ въ хронологическомъ безпорядкѣ его картины, приходишь къ мысли, что ихъ писали три различные художника. Всматриваясь въ нихъ и вспомнивъ о другихъ художникахъ эпохи возрожденія, замѣчаешь, что многіе изъ нихъ послѣдовательно возбуждали въ немъ желаніе ввести въ свое искусство нѣчто, присущее ихъ таланту, чѣмъ объясняется послѣдовательное преобразованіе его стиля. Его подвижной геній возбуждался новыми красотами, открытыми Тиціаномъ въ произведеніяхъ другихъ художниковъ, и съ этого момента обогащался новыми элементами. Какъ Рафаэль и Моцартъ, Тиціанъ принадлежалъ, по мнѣнію Визева, къ разряду геніевъ-подражателей, которые, оставаясь все-таки великими, кончаютъ тѣмъ, что кажутся намъ самоличными. Они стремятся лишь къ усовершенствованію и мечтаютъ реализировать ту красоту, образъ которой считаютъ такъ близко къ нимъ, въ самомъ ихъ сердцѣ. Но лишь только они попробуютъ его реализировать, какъ этотъ образъ начинаетъ измѣняться и преобразовываться подъ вліяніемъ ихъ же собственнаго вкуса и произведеній другихъ художниковъ. Обладая болѣе возвышенной душою, чѣмъ ихъ даже самые наиталантливые собратья, они добиваются высшаго и воодушевляютъ свои произведенія высшей красотой. Подобные люди болѣе другихъ подвержены страданіямъ. Идеалу Микель-Анджело или Веронези ничто не мѣшаетъ свободно развиваться, разъ онъ опредѣлился, и распространять въ сердцѣ артиста гордую радость отъ своего созданія. Идеалъ же Тиціана или Рафаэля вѣчно ускользаетъ предъ ихъ объятіями,

[1]) «Revue des deux mondes» 15 Août 1904: Revues étrangères.—A propos d'une nouvelle biographie de Titien, par M. T. de Wizewa.

и оконченное ими произведеніе тотчасъ теряетъ власть удовлетворить ихъ. Счастье Рафаэля и Моцарта, что они умерли молодыми, и преслѣдованіе усовершенствованія могло казаться имъ какъ бы игрою, пріятной погоней съ надеждой достичь успѣха. Но у Тиціана такое преслѣдованіе длилось семьдесятъ лѣтъ. Когда старикъ почувствовалъ, что рука его начинаетъ дрожать, глаза заволакиваться туманомъ, въ то время, какъ въ немъ продолжали возникать все новые и новые образы красоты, то понятнымъ дѣлается, что даже съ его свѣтлымъ умомъ Тиціанъ почувствовалъ себя усталымъ, и его охватило отчаяніе—вотъ почему на его лицѣ отпечаталась безконечная скорбь, какъ и на лицѣ Рембрандта, такого же упорнаго преслѣдователя идеала совершенства. Общность ихъ стремленій выразилась въ замѣчательномъ сходствѣ стилей въ концѣ ихъ долгой борьбы. Согласно легендѣ, основанной на собственныхъ признаніяхъ Тиціана, сдѣланныхъ Филиппу II, художнику было въ 1571 году девяносто пять лѣтъ, а слѣдовательно, когда онъ умеръ въ 1576 г., ему было сто одинъ годъ. Послѣднія же изслѣдованія показали, что онъ умеръ 90 лѣтъ, такъ какъ родился десятью годами позже, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. Эта загадка остается до сихъ поръ не рѣшенной: одни предполагаютъ, что прекрасно сохранившаяся наружность старика обманула его друзей; другіе, что онъ забылъ вслѣдствіе старости своей возрастъ, а третьи—будто онъ преднамѣренно старилъ себя, съ цѣлью разжалобить своего августѣйшаго покровителя.

— Воспоминанія Кауница о Версальскомъ дворѣ. Въ августовскихъ нумерахъ «Revue de Paris» помѣщены отрывки изъ первой части воспоминаній австрійскаго посланника при французскомъ дворѣ, графа Кауница Ритберга [1]). Рукопись мемуаровъ съ собственноручными исправленіями Кауница хранится въ вѣнскомъ архивѣ императорскаго дома въ Вѣнѣ и была найдена нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Виконту Дренэ удалось получить отъ ученаго доктора Шлеттера отрывки только изъ первой части; вторая часть содержитъ описаніе различныхъ придворныхъ партій и ихъ интригъ, а также характеристики лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ партіямъ. На рукописи этихъ мемуаровъ написано: «Maximi momenti. Воспоминанія о Версальскомъ дворѣ, составленныя графомъ Кауницомъ въ концѣ его посольства во Франціи». Во время своего двухлѣтняго посольства во Франціи графъ преслѣдовалъ двѣ цѣли—сближеніе обоихъ враждебныхъ дворовъ и уничтоженіе союзовъ Франціи съ другими государствами, а потому, среди своихъ легкомысленныхъ любовныхъ развлеченій, онъ не забывалъ собирать сплетни и анекдоты, по которымъ можно судить о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ Версальскаго двора, гдѣ ему лично, какъ враждебному австрійцу, не приходилось играть большой роли. Впрочемъ, Людовикъ XV и маркиза Помпадуръ относились къ нему благосклонно, благодаря его «обворожительнымъ манерамъ и гибкой славянской натурѣ, смягчавшимъ неровности германскаго воспитанія». Но этимъ только и ограничивался успѣхъ Кауница у Людовика XV, и послѣдній не пускалъ его въ свой интимный кружокъ. Но если Кауницъ и не добился успѣха во время своего посольства, то все-таки собралъ матеріалъ, который могъ служить въ

[1]) Mémoires sur la cour de France.

будущемъ руководствомъ. Располагая этимъ матеріаломъ, Кауницъ могъ даже влiять на судьбу Францiи во второй половинѣ XVIII вѣка, когда онъ былъ министромъ: какъ дипломатъ, Кауницъ не пожалѣлъ красокъ для изображенiя августѣйшихъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, а какъ человѣкъ, не расположенный къ Францiи, онъ съ особымъ усердiемъ выдвинулъ на первое мѣсто недостатки короля. «Людовикъ XV,—пишетъ Кауницъ,—стройный и съ благородной осанкой, какъ говорится, король съ самой колыбели. У него было красивое лицо и большiе черные глаза, отъ природы печальные. Его взглядъ былъ бы гордъ, если бы его не смягчала сердечная доброта. Говорятъ, что въ молодости его голова была наикрасивѣйшая во всемъ королевствѣ. Теперь цвѣтъ его лица мертвенно-блѣдный, почти оливковый. Въ иные дни онъ проворный и легкiй, но обыкновенно его находятъ изнуреннымъ и вялымъ. Однако, его здоровье очень крѣпко. Никто лучше его не переноситъ утомленiя. Сильныя упражненiя ему необходимы: поэтому онъ съ удовольствiемъ охотится четыре раза въ недѣлю, не взирая на погоду. Онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для честнаго и любезнаго человѣка. Основное качество—религiя; онъ добросовѣстно соблюдаетъ обряды. Нѣтъ дня, когда онъ не слушаетъ обѣдни: онъ слушаетъ съ благоговѣнiемъ мессу, всегда на колѣняхъ, произнося молитвы по своей книжкѣ. Онъ держитъ строгiй постъ: въ постные дни скоромное совершенно изгнано съ его стола, и онъ требуетъ такого же поведенiя отъ царедворцевъ. Одинъ изъ нихъ, будучи боленъ, попросилъ у него однажды разрѣшенiя ѣсть скоромное: король сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, а на его настоянiя сухо отвѣтилъ: «Почему вы не кушаете въ своей комнатѣ?» При королѣ не смѣли говорить о вольности въ религiи, и атеизму не было мѣста при его дворѣ такъ же, какъ и янсенизму». Посланникъ предвидѣлъ, что король кончитъ ханжествомъ, но затруднялся опредѣлить время этой перемѣны. Людовикъ XV былъ самый нѣжный отецъ и добрую половину дня проводилъ среди своихъ дѣтей, «для которыхъ составлялъ отраду и пользовался ихъ полнымъ довѣрiемъ». «Чувства дружбы, презираемыя большинствомъ принцевъ, — говоритъ Кауницъ,—не чужды Людовику XV. Короля знали за вѣрнаго друга. Тайны Куаньи, даже любовныя, были для него священны». Однако, расхваливая сердце короля, хитрый дипломатъ говоритъ, что Людовикъ XV бывалъ и не терпимъ, особенно къ соперникамъ, и не прощалъ тому, кто нравился его любовницѣ, будь это даже раньше связи съ нимъ. «Маркизъ Эгильонъ,—говоритъ Кауницъ,—еще и теперь испытываетъ его холодность за то, что когда-то заслужилъ предпочтенiе со стороны г-жи Шатору». Отношенiя къ окружающимъ у Людовика XV были, по словамъ Кауница, самыми человѣчными и нѣжными. Онъ не выносилъ злыхъ людей, хотя бы они были умны, а потому окружалъ себя людьми добрыми, даже ограниченнаго ума. Рядомъ съ этими хорошими качествами у короля были и недостатки, которые являлись, по мнѣнiю Кауница, слѣдствiемъ дурного воспитанiя. Кауницъ разсказываетъ, какъ одна дама, мужъ которой былъ не изъ старинной аристократiи, добилась чести, благодаря маркизѣ Помпадуръ, представиться королю. Но когда она приблизилась съ привѣтствiемъ, то Людовикъ XV повернулся и ушелъ. Дама едва не умерла отъ огорченiя. Когда его упрекнули за жестокость, король отвѣтилъ, что позволилъ ей пред-

ставиться, но не обязывался ее привѣтствовать. Людовикъ XV не терпѣлъ обидъ; виновный дорого платился. Указывали на отсутствіе въ немъ великодушія и обвиняли въ томъ, что, наигрывая на его слабостяхъ, у него можно было вырвать то, въ чемъ онъ отказывалъ по темпераменту. Его любовница, графиня Майльи, тонула въ роскоши, а другая, болѣе гордая, умерла, оставивъ небольшое состояніе. Онъ не давалъ послѣдней брильянтовъ. Чтобы имѣть пару брильянтовыхъ серегъ, она условилась съ брильянтщикомъ выплачивать ежемѣсячно тысячу франковъ. Однажды она проиграла въ ланскнехтъ, и король вышучивалъ ее, говоря: «Плохо будутъ оплачены въ этотъ мѣсяцъ брильянтовыя серьги!»: онъ не заплатилъ за нихъ ни одного сантима. Людовикъ XV, по мнѣнію Кауница, получилъ самое небрежное воспитаніе: воспитателями были люди, совсѣмъ неспособные для такого важнаго поста, какъ, напримѣръ, кардиналъ Флёри, внушившій королю отвращеніе къ дѣламъ. Ему же король былъ обязанъ отличительной чертой своего характера—недовѣріемъ ко всѣмъ и привычкой думать дурно обо всѣхъ. Онъ довѣрялъ лишь тѣмъ, которые, по мнѣнію короля, его любили: вотъ почему онъ давалъ безграничную власть всѣмъ своимъ любовницамъ. Послѣ смерти кардинала Флёри король рѣшился вести дѣла самъ и присутствовалъ на всѣхъ совѣтахъ; онъ безконечно зѣвалъ, и ради этого сокращали доклады. Проводя все свое время въ удовольствіяхъ, онъ не имѣлъ представленія о томъ, что̀ такое управленіе королевствомъ. Самъ недостаточно образованный, онъ не могъ заимствовать знанія у своихъ министровъ. Однажды, напримѣръ, въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ о больничномъ законодательствѣ, и король, ничего не понявъ, обратился за объясненіемъ къ канцлеру, прося объяснить, что это за законы. Однако, министръ зналъ не болѣе и ничего не могъ отвѣтить: онъ сослался на то, что давно вышелъ изъ парламента, и не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Людовикъ XV читалъ парижскія и голландскія газеты, и министры были принуждены ихъ читать, чтобы подготовить отвѣты королю. Онѣ же служили темой для бесѣдъ съ посланниками. На аудіенціяхъ посланниковъ онъ ограничивался тѣмъ, что шевелилъ губами въ отвѣтъ, и это ему стоило двадцатилѣтней борьбы съ природной застѣнчивостью, доходившей до того, что за него долженъ былъ отвѣчать кардиналъ или государственный секретарь. Въ тѣсномъ кружкѣ онъ выражался плавно, а стиль его письма былъ непринужденный и полонъ здраваго смысла. Постороннихъ онъ никогда не удостаивалъ разговора, и когда они представлялись, онъ едва ихъ привѣтствовалъ, а чаще ходилъ мимо, даже не взглянувъ на нихъ; ихъ жалобы не доходили до его ушей, и никто не смѣлъ просить у него милости. О маркизѣ Помпадуръ Кауницъ отзывался, какъ о самой красивой женщинѣ въ королевствѣ. По его словамъ, ея голубые глаза были красивой формы, а взглядъ очарователенъ, лицо овальное, ротъ маленькій, лобъ красивый, но въ особенности посланнику нравился ея носъ. Цвѣтъ лица у маркизы былъ прекрасный и выигралъ бы болѣе, если бы она не накладывала столько румянъ. Ея густые, пепельнаго оттѣнка волосы доходили до пояса. Маркиза тщательно скрывала грудь и руки, что̀, по словамъ Кауница, служило доказательствомъ ихъ несовершенства; ея излюбленнымъ нарядомъ былъ родъ греческаго платья, доходившаго до

горла, съ длинными рукавами. Она была скорѣе высокаго роста, худа; ея осанка отличалась благородствомъ, а грація ея движеній была трогательна. Въ ея фигурѣ посланникъ находилъ что-то изящное: «даже женщины признавали въ ней сходство съ нимфой». Кауницъ находилъ у нея болѣе широкіе взгляды, чѣмъ у ея предшественницъ, умѣвшихъ господствовать лишь надъ сердцемъ короля, тогда какъ маркиза Помпадуръ въ теченіе шести лѣтъ повелѣвала самимъ королемъ. «Графиня Майли,—говоритъ Кауницъ,—всегда находила недостаточными доказательства нѣжности короля. При малѣйшемъ замедленіи она приходила въ дурное настроеніе. Тогда она плакала, приходила въ отчаяніе, а король, съ которымъ она начинала обращаться хуже, чѣмъ когда либо, убѣждалъ всѣхъ потерпѣть, говоря: «Графиня сегодня въ дурномъ настроеніи, надо ее оставить». Далеко не требовательная,—пишетъ Кауницъ,—она изъ нѣжной заботливости о здоровьѣ короля жертвовала тѣмъ, что любовь предлагала ей самаго сладкаго. Роль, впрочемъ, не изъ пріятныхъ. Король требователенъ относительно своихъ любовницъ. Онъ всегда жалуется, что не можетъ найти достаточно чувствительной женщины. Нужно больше искусства, чѣмъ думаютъ, чтобы притворяться пылкой, не дѣлаясь докучливой. Всѣ признавали у маркизы превосходное сердце, нѣжность, благотворительность, услужливость, и вся Франція, по словамъ дипломата, молилась объ ея успѣхѣ. Она управляла королемъ деспотически, и министры, прежде чѣмъ говорить о чемъ либо съ Людовикомъ XV, предупреждали ее, какъ она того требовала сама, иначе она погубила бы ихъ. Она обладала способностью держать все переданное ей въ глубокой тайнѣ: благодаря этому, она завладѣла довѣріемъ короля въ такой степени, что онъ чувствовалъ неотложную необходимость передавать ей тотчасъ же все, что услышитъ особенно важнаго. Во время послѣдней фландрской кампаніи къ ней ежедневно являлся курьеръ изъ арміи; безъ ея совѣта не предпринимали рѣшеній; она проводила цѣлыя ночи за отвѣтными письмами. Король былъ въ то время въ арміи, и маркиза переѣхала въ Шуази; за ея поведеніемъ поручено было слѣдить маркизу Гонто, котораго по этому случаю прозвали «первымъ евнухомъ». Маркиза въ это время почти никого не видѣла, только принцессы королевской крови пріѣзжали къ ней ужинать, но ночевать возвращались къ себѣ. Такая жизнь ей скоро надоѣла, и, кромѣ того, ее оскорбляло, что герцогиня Шатору сопровождала короля въ его походахъ—она нѣтъ; при этомъ маркиза еще стала опасаться соперницы. Эти обстоятельства до нѣкоторой степени ускорили заключеніе мира. Недостаткомъ ея Кауницъ признавалъ алчность. Выраженіе почтенія къ маркизѣ было необычайное. Въ тѣ дни, когда состоялся совѣтъ, она одѣвалась въ присутствіи всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, не исключая посланниковъ, при этомъ всѣ должны были стоять. Кауницъ отдаетъ должную справедливость ея умѣнью играть свою роль: ея вѣжливость была вполнѣ выдержана, она казалась веселой и почти одна поддерживала разговоръ. При ея одѣваніи никогда не присутствовали женщины высшаго общества, и вообще онѣ не были расположены видѣть ее въ обществѣ. «Если бы она была изъ высшаго общества,—пишетъ Кауницъ,—всѣ преклонили бы предъ нею колѣно, но онѣ очень горды, чтобы унижаться предъ капиталисткой. Быть можетъ, нѣтъ другой страны, гдѣ такъ горди-

лись бы происхожденіемъ, какъ здѣсь». Впрочемъ, это мнѣніе касается лишь дамъ высшаго общества, мужчины же, по словамъ Кауница, доходили до низости въ своихъ ухаживаніяхъ за маркизой: они пили за здоровье ея лакея, Курбильона, какъ это сдѣлалъ баронъ Монморанси. «Маркиза добилась чести сдѣлаться любовницей короля, благодаря чрезмѣрной щекотливости другой кандидатки,—пишетъ Кауницъ.—Послѣ смерти герцогини Шатору, Людовикъ XV очень тосковалъ; скорбь отразилась даже на его здоровьѣ, и царедворцы, желая отвлечь его отъ грустныхъ мыслей, рѣшили отыскать для него новую фаворитку. За это дѣло взялся Ришелье, и его выборъ палъ на госпожу Форкалькье, самую красивую парижанку и даму высшаго общества. Но это не привело къ желаннымъ результатамъ. Другіе, въ свою очередь, предложили г-жу Портайль, а лакей короля вмѣстѣ съ конюхомъ мечтали предложить г-жу Этіоль. Въ это время были празднества по случаю бракосочетанія инфанты, и въ городской ратушѣ былъ устроенъ балъ. Обѣ кандидатки присутствовали тамъ и сидѣли между другими масками, такъ что возлѣ нихъ не было свободнаго мѣста. Король сначала обратился къ г-жѣ Портайль, заявивъ, что онъ сядетъ къ ней на колѣни; хотя она узнала короля, но опасалась испортить дѣло поспѣшностью и гордо отвѣтила ему, что если онъ осмѣлится это сдѣлать, то она дастъ ему пинка. Однако король все-таки осмѣлился и получилъ отъ нея обѣщанный пинокъ. Такой выходкой г-жа Портайль оттолкнула короля, тогда какъ г-жа Этіоль была снисходительнѣе, и одержала побѣду. Король провелъ ее въ маленькую комнату, предназначенную для переодѣванія короля, «въ которой предусмотрительный лакей приготовилъ всѣ необходимыя удобства». Король былъ доволенъ новымъ знакомствомъ и назначилъ г-жѣ Этіоль черезъ нѣсколько дней свиданіе въ Версалѣ. Эти свиданія долго оставались въ тайнѣ, и о нихъ зналъ только маркизъ Гонто, братъ Бирона. По вечерамъ будущая маркиза Помпадуръ пріѣзжала въ Версаль, а утромъ уѣзжала. Вскорѣ эта таинственность надоѣла Людовику XV, и новая фаворитка стала появляться среди тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ удалось сблизиться съ королемъ. Обладая музыкальнымъ талантомъ, умѣньемъ танцовать, г-жа Этіоль, переодѣтая то Арлекиномъ, то Полишинелемъ, появлялась въ тѣсномъ кружкѣ короля, гдѣ пѣла и играла. Но не долго оставалась она въ тѣни, такъ какъ милости короля къ ней мало-по-малу возрастали. Въ концѣ концовъ ей отвели помѣщеніе въ Версальскомъ замкѣ. Первое время новая фаворитка, по словамъ дипломата, была несносна: то ее безпокоила вечерняя роса, то запахъ трюфелей, но король ничего ей не спускалъ: заставлялъ ее гулять по вечерамъ и приказывалъ ставить передъ нею за столомъ трюфели. Иногда въ присутствіи короля она вдругъ начинала говорить вполголоса, и Людовикъ XV громко спрашивалъ: «Какія тамъ старыя сказки она разсказываетъ?» Это выводило его изъ терпѣнія. Однажды она вздумала горько сожалѣть, что родилась не мальчикомъ, прибавляя: «Я путешествовала бы, отправилась бы на войну и сводила бы съ ума всѣхъ женщинъ».—«Ничего вы этого сдѣлали бы,—сухо отвѣтилъ король,—а остались бы мелкимъ Пуассономъ» (poisson, т.-е. мелкой рыбой). Обыкновенно историки представляли маркизу Помпадуръ уже привыкшей къ роскоши, когда она сдѣлалась любовницей Людовика,

но Кауницъ пишетъ: «Не привыкшая носить кружева, изъ опасенія ихъ смять, Помпадуръ не позволяла пришивать украшенія къ рубашкамъ и прикрѣпляла ихъ, когда была уже одѣта. Морепа узналъ объ этомъ и разгласилъ. Вышучиванія достигли ушей маркизы, которая ихъ не забыла. Но она скоро отвыкла отъ этихъ мѣщанскихъ замашекъ, и теперь она работаетъ съ министрами». У маркизы вначалѣ закружилась голова: она впутывала имя короля во всякую болтовню; такъ на вопросъ герцогини Шартрской, отчего она не носитъ колецъ, маркиза отвѣчала: «Потому что они безпокоятъ короля». Нѣсколько дней спустя, герцогиня, недобрая и вѣтреная, увидя приближавшагося короля, сняла свое кольцо и отдала герцогинѣ Люксанбургъ, громко сказавъ въ присутствіи маркизы: «Кольца безпокоятъ короля; прошу васъ подержать мое». «Если судить о будущемъ,—говоритъ Кауницъ,—по настоящему положенію вещей, то можно смѣло утверждать, что власть маркизы выше всѣхъ событій. Только одна религія споритъ съ ней за сердце короля; зато она уже причинила ей смертельный страхъ. Прошедшую зиму былъ такой критическій моментъ». Эти припадки ханжества не разъ заставляли дрожать маркизу, но, какъ практичная женщина, она предложила королю остаться съ ней лишь въ дружескихъ отношеніяхъ, и свѣдущіе люди говорили, что въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ отношенія не переходили этой границы. Однако, маркиза поняла всю опасность подобныхъ отношеній, и боязнь скандала не позволила продолжать ихъ долѣе. Но къ чести маркизы она не опьянѣла, по словамъ Кауница, отъ своего успѣха, какъ это можно было ожидать; она прекрасно чувствовала лесть и ненавидѣла ее. Кто-то, говоря объ ея отцѣ, замѣтилъ, что его надо женить, на что̀ она холодно отвѣтила: «Если родъ Пуассоновъ и прекратится, то зло не будетъ такъ велико». Ея страсть къ постройкамъ была чрезмѣрна и выражалась въ тратѣ неимовѣрныхъ суммъ; въ одинъ годъ король подписалъ на 13 милліоновъ требованій на этотъ предметъ. Чтобы быть увѣренной въ правильномъ управленіи постройками, маркиза добилась для своей креатуры, Торнеема, должности главнаго инспектора построекъ и права на занятіе этой должности, когда она окажется свободной, для своего брата, маркиза Вандіера, прозваннаго обществомъ маркизомъ d'avant'hier. Готовясь къ своему будущему положенію, онъ путешествовалъ по Италіи для развитія своего вкуса. Старикъ Пуассонъ, человѣкъ причудливый, котораго нисколько не трогала слава, выпавшая на долю его семьи, замѣтилъ по этому поводу: «Пусть моя дочь ужинаетъ съ королемъ, это меня нисколько не удивляетъ, потому что она съ нимъ находится въ связи, но относительно Николя Вандьера я иного мнѣнія». Всего болѣе маркиза тратила на свой замокъ Бельвю, полученный ею въ даръ отъ короля. Домъ самъ по себѣ не большой, какъ игрушка, но по изяществу и богатству отдѣлки онъ былъ несравненъ. Вся кухонная посуда была тамъ изъ чистаго серебра. Громадный садъ, устроенный террасами, стоилъ очень дорого. Король посѣщалъ Бельвю нѣсколько разъ въ недѣлю; сопровождать его туда было большой честью. Чтобы еще больше отмѣтить эту честь, былъ придуманъ особый мундиръ изъ краснаго сукна, вышитый золотомъ, вызывавшій зависть въ царедворцахъ. Тамъ же былъ выстроенъ маленькій театръ на 150 человѣкъ, гдѣ давались оперы и комедіи,

разыгрываемыя маркизой, г-жею Бранка, графиней Эстрадъ и царедворцами. Говорили, что маркиза прекрасно играла, и вообще вся труппа была превосходна. Въ Бельвю все было предусмотрѣно, даже невинныя забавы во время святой недѣли, которую обыкновенно король проводилъ тамъ. Онѣ состояли въ томъ, что приглашенные любовались, какъ въ фарфоровыхъ клѣткахъ неслись куры, выкармливаемыя цѣлый годъ на изящномъ птичьемъ дворѣ. Короля это очень забавляло. По словамъ Кауница, среди придворныхъ ходили смутные слухи о симпатіи Людовика XV къ хорошенькой Шуазель, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ, попавшей въ кабинетъ короля въ качествѣ родственницы маркизы и племянницы графини Эстрадъ. Эти слухи подтверждались еще тѣмъ, что обѣ дамы охладѣли другъ къ другу и дошли даже чуть не до ссоры. Но если бы король былъ только влюбленнымъ въ маркизу, то ей грозила бы серіозная опасность со стороны соперницъ, благодаря же дружбѣ и заслуженному довѣрію, ихъ отношенія сдѣлались еще крѣпче. «Съ того самаго момента, какъ король привязался къ маркизѣ Помпадуръ,—писалъ Кауницъ,—онъ не покидалъ ея ни на минуту. Его болѣе не видали ни на балахъ ни въ Оперѣ, ни на одномъ парижскомъ спектаклѣ. Время отъ времени маркиза ухаживала за королевой, которая ее очень хорошо принимала. «Эта бѣдная принцесса,—пишетъ Кауницъ,—была такъ мало злопамятна, что прошедшей зимой оплакивала смерть графини Майльи; она была не такая, какъ ея мать, польская королева, которая жаждала выпить крови соперницъ ея дочери изъ ихъ череповъ». По словамъ посланника, королева никогда не была красива, но могла нравиться, если бъ ея женихъ не былъ шестнадцати лѣтъ и не былъ красивъ, какъ амуръ. Это сознавала сама королева, и въ брачную ночь, подойдя къ зеркалу, она произнесла: «Никто не будетъ жаловаться, что молодая слишкомъ красива». Впрочемъ, первые годы ихъ брака были самые счастливые, и она всецѣло обладала сердцемъ Людовика XV; но частые роды разстроили ея здоровье, и его ласки стали приниматься ею съ досадой, что возбудило холодность въ молодомъ мужѣ. Онъ сталъ устраивать ужины въ своихъ кабинетахъ безъ королевы, хотя только въ мужскомъ обществѣ, на которыхъ пили много вина и король больше другихъ. Царствовавшее на нихъ свободное обращеніе съ королемъ не нравилось кардиналу, предпочитавшему для короля фаворитку, а не фаворита. Вскорѣ представился удобный случай: несчастные роды королевы принудили докторовъ объявить ей, что она рискуетъ жизнью, если опять подвергнется такой опасности. Теперь королевѣ предстояло, по словамъ Кауница, укрываться «отъ рвенія супруга, опасавшагося выказать себя слишкомъ равнодушнымъ». Съ этой цѣлью у постели королевы всегда находилась горничная, подъ предлогомъ гладить ей пятки противъ безсонницы. Въ концѣ концовъ пришлось объясниться. По словамъ Кауница, король былъ глубоко огорченъ, но, предавшись горю, онъ его скрывалъ съ себѣ. Кардинала это безпокоило; съ помощью одного царедворца у короля допытались причины его горя, и первый устроилъ свиданіе Людовика XV съ графиней Майльи, женщиной не красивой, но подходившей къ требованіямъ кардинала. «Первая попытка,—пишетъ Кауницъ,—была безплодна: сердце короля не было порочно; онъ былъ застѣнчивъ, и г-жа Майльи, хотя и очень опытная, не осмѣ-

ливалась начать первая; но ей сказали, что это необходимо; она стала дѣйствовать, и можно сказать, что добродѣтель короля поддалась, лишь благодаря множеству разставленныхъ ловушекъ. Королева перенесла свою опалу съ большой твердостью. Она видѣла короля только въ обществѣ; они разговаривали непринужденно, не ища другъ друга и не избѣгая. Не смотря на любовницъ, Людовикъ XV всегда ночевалъ у королевы, и, согласно французскому этикету ложиться послѣдней, она часто должна была ожидать короля до 4-хъ часовъ утра. Часть дня проходила у королевы въ благочестивыхъ занятіяхъ, хотя она мало свѣдуща въ религіи. Очень вѣроятно,—прибавляетъ Кауницъ,—что она была бы кокетлива, если бы случай не помѣстилъ ея на тронъ. Находились люди, которые даже при ея глубокомъ униженіи осмѣливались выставлять на видъ ея совершенства. Епископъ Реннскій, герцогъ Люинь и президентъ Эно были очень влюблены въ нее. Она забавляется ихъ почтительными вздохами и первая очень мило шутитъ надъ этимъ. Хотя она перестала румяниться, но не совсѣмъ отказалась отъ украшеній. Она великолѣпна въ нарядѣ и носитъ иногда рискованные цвѣта. Она очень жаловалась на обычай рано оставлять розовый цвѣтъ. Единственное удовольствіе, къ которому она привязана,—каваньоль. Такъ какъ она не очень богата, то дофинъ и вся семья присоединяются къ ея игрѣ. Невозможно себѣ представить чего нибудь болѣе скучнаго. Въ другіе дни королева ужинаетъ съ другими дамами у герцогини Люинь, своей придворной дамы, и онѣ долго за полночь играютъ. Говорятъ, что въ частной жизни она капризна; ея горничныя иногда жалуются на нее. Вначалѣ самъ король испытывалъ на себѣ ея дурное настроеніе духа. Онъ часто жаловался на ея нелюбезность. Такъ какъ она опасалась болѣе всего воздуха, то версальскіе сады для нея не существовали, и въ самые жаркіе дни ея окна были закрыты. Говоря о дофинѣ, Кауницъ находилъ у него красивое выраженіе лица, предвѣщавшее большія дарованія, и даже величественность. Ростомъ онъ былъ выше короля, не очень хорошо сложенъ и расположенъ къ толщинѣ, что̀, однако, его не безобразило. Отъ него ожидали государственныхъ преобразованій и облегченія народныхъ бѣдствій. Его наклонности представляли совершенную противоположность отцовскимъ: онъ ненавидѣлъ охоту, любилъ вести сидячую жизнь, увлекаясь чтеніемъ, и имѣлъ способность къ ученію; увѣряли, что онъ многому научился. «Нѣтъ ничего сомнительнаго въ томъ, что онъ захочетъ царствовать самостоятельно, и принципы его, а также его министровъ, будутъ иные, чѣмъ теперь. Впрочемъ его не допускали до дѣлъ, но онъ благоразумно скрывалъ свою досаду, а послѣ болѣзни короля ихъ отношенія стали холодны, такъ какъ прошелъ слухъ, что онъ вступилъ въ заговоръ противъ герцогини Шатору. Къ маркизѣ Помпадуръ дофинъ питалъ отвращеніе и обращался съ нею нелюбезно. Короля эта непріязнь сердила и мѣшала предоставить маркизѣ постъ главной надзирательницы при дворѣ жены дофина, который прежде занимала герцогиня Шатору, а во время Людовика XIV—маркиза Монтеспанъ. Въ обществѣ дофинъ стѣснялся, но въ домашней жизни онъ выказывалъ умъ и остроуміе: его даже находили немного злымъ; напримѣръ, узнавъ о новомъ назначеніи Аржансона, онъ спросилъ: «О которомъ Аржансонѣ вы говорите? о глупомъ или мошенникѣ?» Подъ первымъ

онъ подразумѣвалъ Аржансона, у котораго отняли постъ министра иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе его неспособности, а подъ вторымъ — военнаго министра. «Всѣ эти качества,—пишетъ Кауницъ,—обѣщаютъ Франціи хорошаго короля, но сама нація, кажется, не вѣритъ въ эти блестящія качества, которыя дѣлаютъ королей хорошими. Расположеніе къ полнотѣ выказываетъ его флегматическій характеръ. Онъ слишкомъ любитъ отдыхъ въ двадцать лѣтъ, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ въ сорокъ. Жизнь этого принца столь однообразна, что ужаснула бы простого человѣка. Онъ безусловно преданъ своей семьѣ и нѣжно ее любитъ, но она доставляетъ ему мало разнообразія. Недавно онъ сказалъ одному лицу, которому оказывалъ честь своимъ довѣріемъ: «Какъ вы счастливы, зная, что у васъ есть друзья и наслажденья въ обществѣ; безъ моей семьи я былъ бы одинокъ на свѣтѣ». О женѣ дофина Кауницъ говоритъ, что она похожа на польскую королеву, но полнѣе послѣдней. Цвѣтъ ея лица измѣнился, и въ одинъ прекрасный день, по его предположенію, оно покроется прыщами. Ее находили глупой, она стѣснялась въ обществѣ и мало говорила, хотя по своемъ пріѣздѣ выказала себя слишкомъ разговорчивой. У нея была одна мысль—нравиться дофину, котораго она нѣжно любила. Во время ея родовъ, случившихся внезапно, дофинъ, услыша ея крики, принялся плакать; а когда ему объявили о рожденіи сына, герцога Бургундскаго, то онъ сказалъ: «Я этому радъ только потому, что спасена мать». Между прочимъ посланникъ говоритъ, что согласно обычаю при родахъ королевы и жены дофина имѣли право присутствовать болѣе ста лицъ, которыя занимали указанныя мѣста. При родахъ должны были находиться по праву принцы, принцессы королевской крови, государственный канцлеръ, первый президентъ и четыре государственныхъ секретаря. Двери комнаты должны были оставаться открытыми, а занавѣсы—поднятыми, и нельзя было никому запрещать доступъ въ комнату. Такъ какъ необходимы были свидѣтели, то при появленіи на свѣтъ герцога Бургундскаго дофинъ едва имѣлъ время приказать войти отряду тѣлохранителей, стоявшему на караулѣ, который съ трудомъ согласился подняться, носильщику паланкина и лакею г-жи Форкалькьеръ, которые видѣли, какъ явился на свѣтъ герцогъ Бургундскій. Не будучи грамотнымъ, носильщикъ поставилъ крестъ. Хотя покойная дофина была очень некрасива, но обладала умомъ. Если бы она осталась жива, то управляла бы всѣми. Дофинъ о ней очень сожалѣлъ и въ брачную ночь, находясь со второю женою, заливался слезами. Когда она спросила его о причинѣ, то онъ отвѣтилъ, что вспомнилъ о первой женѣ, которая умерла въ той же самой постели. Смерть принцессы Генріеты, старшей дочери Людовика XV, повергла въ уныніе всю королевскую семью. «Она была для короля не только дорогой дочерью,—пишетъ Кауницъ,— но и другомъ, заслуживающимъ довѣрія, и если въ одинъ прекрасный день любовница была бы оставлена, то принцесса сдѣлалась бы единственнымъ прибѣжищемъ короля, который искалъ болѣе дружбы, чѣмъ удовольствій». Для дофина это было еще болѣе незамѣнимой потерей. «Рѣшили, что злокачественная лихорадка, отъ которой она умерла, имѣетъ свое происхожденіе отъ чесотки, съ которою она родилась,—пишетъ Кауницъ,—и которую считали излѣченной, но, къ несчастію, она возвратилась. По поводу ея похоронъ былъ

поднятъ вопросъ: должно ли положить ее въ траурномъ одѣяніи по случаю смерти герцога Орлеанскаго, или нѣтъ; когда было рѣшено утвердительно, то ее украсили черными лентами». Кауницъ сообщаетъ о довольно своеобразномъ обычаѣ, принятомъ при французскомъ дворѣ при поклоненіи тѣлу высочайшихъ особъ. Лицо, явившееся для поклоненія покойной принцессѣ, требовало для переговоровъ придворную даму. Послѣдняя, выслушавъ привѣтъ, отправлялась какъ бы за приказаніями къ принцессѣ. Затѣмъ, возвратясь чрезъ минуту, она вводила его въ залъ, гдѣ лежалъ покойникъ, и громко докладывала: «г-нъ дофинъ, явился такой-то... или такая-то...». Отдавъ глубокій поклонъ, явившійся выслушивалъ возвѣщеніе герольда о смерти принцессы; послѣ этого посѣтителю подавали святую воду, и онъ, сдѣлавъ одинъ глубокій поклонъ покойной принцессѣ, а другой—придворной дамѣ, удалялся. Парламентъ узнавалъ о смерти принцессы отъ глашатая, который входилъ туда со спрятаннымъ въ рукавѣ колокольчикомъ и звонилъ. Его спрашивали о причинѣ звона, и онъ отвѣчалъ: «Принцесса умерла». По словамъ Кауница, принцесса Аделаида была красива, весела, говорила прекрасно по-итальянски, рисовала, прекрасно играла на скрипкѣ, ловко ѣздила верхомъ и правила лошадьми-цугомъ. Ей былъ отданъ домъ покойной принцессы. Король не очень ей довѣрялъ вслѣдствіе ея легкомыслія. Кауницъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Однажды дофинъ—въ то время еще не женатый—разсказывалъ о такихъ вещахъ, которыя ему еще не слѣдовало знать. Королю сообщили о томъ, что въ это его посвятила принцесса Аделаида. Обыскъ у принцессы обнаружилъ книги самаго грязнаго содержанія, да еще съ такими же эстампами, которыя она получала отъ одной изъ компаніонокъ. Выслушавъ выговоръ, принцесса Аделаида потребовала, чтобы дама попросила отставки. Дама была со скандаломъ изгнана, принцесса же сдѣлалась басней всей Европы, и одинъ англійскій книгопродавецъ имѣлъ дерзость напечатать одно произведеніе съ надписью: «для принцессы Аделаиды». Она однажды высидѣла нѣсколько дней подъ арестомъ въ своей комнатѣ за дерзкій отвѣтъ королю. Купивъ у ювелира въ кредитъ брильянтовое кольцо, принцесса стала просить короля уплатить за него; получивъ отказъ, она сказала: «Если бы это было для маркизы, у васъ нашлось бы и болѣе денегъ». Король разсердился и посадилъ ее подъ арестъ. Принцесса Викторія, по словамъ Кауница, очень походила на короля: она была небольшого роста и толстая. Мало заботясь о своей наружности, она доходила до небрежности, но ее всѣ любили за доброту; съ нею жили двѣ младшія принцессы: принцесса Софія—угрюмая и религіозная, и принцесса Луиза. Послѣдняя была небольшого роста, но очень хорошо сложена. Посланникъ находилъ, что у нея самые красивые черные глаза, а выраженіе ея лица полно граціи. Будучи моложе всѣхъ, она не имѣла права разговаривать, но достаточно было едва замѣтнаго кивка головы и улыбки, чтобы очаровать всѣхъ. Величіемъ и великолѣпіемъ версальскаго дворца Кауницъ былъ пораженъ. Само зданіе, несмотря на нѣкоторые недостатки, удивляло своей обширностью. Содержаніе двора Людовика XIV,—пишетъ Кауницъ,—стоило триста милліоновъ ливровъ, что̀ равняется по нашему курсу шестистамъ милліоновъ. Королевскій штатъ состоялъ изъ девяти тысячъ человѣкъ тѣлохранителей въ золотомъ и серебряномъ шитьѣ, одѣтыхъ богаче всѣхъ

при европейскихъ дворахъ; лошади ихъ стоили тысячу франковъ каждая. При королѣ всегда находился караулъ въ 200 человѣкъ и около девяти сотъ человѣкъ французской и швейцарской гвардіи. Дворъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ штатовъ: короля, королевы и жены дофина; дофинъ и его сестры не имѣютъ своего особаго штата: имъ полагаются слуги, отдѣленные отъ королевскаго штата. Даже ливреи совершенно различныя: у короля голубыя, а у королевы и дофина — красныя, только съ различными галунами. Въ королевскихъ конюшняхъ 2.300 лошадей; у Людовика XIV было ихъ только шестьсотъ, а Людовикъ XIII довольствовался четырьмя запряжками; у Генриха IX была только одна карета; однажды, одолживъ ее королевѣ, онъ принужденъ былъ просить у Сюлли его экипажа. «Поразительна пропорція, — пишетъ Кауницъ, — съ которой увеличилась за это время роскошь». Но самыми значительными были непредвидѣнные расходы. Почти все имѣло свою особую таксу, согласно мѣсту, гдѣ находился дворъ, и было извѣстно, что такое-то блюдо обходилось столько-то въ Версалѣ, столько-то въ Компьенѣ и столько-то въ Фонтенбло. Непредвидѣнные же расходы доходили до чудовищной цифры, такъ какъ каждый дворецъ имѣлъ свой особый штатъ прислуги, расходами на него завѣдывалъ свой особый управляющій дворца и сдавалъ отчетъ прямо въ руки короля; а потому каждый изъ нихъ, желая перещеголять другого, придумывалъ новые способы сдѣлать побольше затратъ. «Говорятъ, что хранитель печатей хочетъ упорядочить эти чрезвычайные расходы,— пишетъ Кауницъ,—но объ этомъ говорятъ уже два года». Однѣ салфетки дочерей короля, когда ихъ было еще двѣ, стоили десять тысячъ экю въ годъ, такъ какъ обычай требовалъ, чтобы къ каждому парадному прибору подавались новыя салфетки. Кофе обходился въ годъ сто тысячъ франковъ. Когда давалось кому нибудь помѣщеніе во дворцѣ, то онъ былъ полнымъ властелиномъ дѣлать за счетъ короля всевозможныя перемѣны въ обстановкѣ. Свѣчи для служанокъ королевы и жены дофина стоили сорокъ пять тысячъ ливровъ. «Надо отдать справедливость,—пишетъ Кауницъ,—что тонъ придворныхъ самый учтивый, относительно же придворныхъ дамъ можно сказать, что королева постаралась собрать все, что было самаго некрасиваго во Франціи. Изъ пятидесяти двухъ женщинъ, составляющихъ штатъ, едва ли найдется сносныхъ три. Особенно позаботились дать уродовъ принцессамъ».

У короля было шесть пріемовъ: пріемъ близкихъ лицъ, большой пріемъ, первый пріемъ палаты, пріемъ кабинета. Пріемъ начинался при процессѣ одѣванія короля; для каждаго былъ опредѣленъ извѣстный моментъ. Когда король былъ обутъ—допускались посланники; при нихъ онъ надѣвалъ рубашку, которую ему подавалъ дофинъ или другой присутствующій принцъ королевской крови; оберъ-гофмейстеръ подавалъ ему шпагу, кафтанъ и голубую орденскую ленту. Когда король былъ готовъ, то входилъ въ проходъ между кроватью и стѣной и преклонялъ колѣно для молитвы на четыреугольную подушку, положенную на полъ предъ кресломъ возлѣ кровати. Въ то время какъ онъ произносилъ молитву въ присутствіи всѣхъ, главный исповѣдникъ короля вмѣстѣ съ шталмейстерами и патерами входилъ на балюстраду и тихимъ голосомъ повторялъ молитвы. При отходѣ ко сну повторялось почти то же самое, только при-

бавлялась церемонія гашенія свѣчи и разуванія ногъ. Для перваго король призывалъ не своего офицера, а одно изъ присутствующихъ лицъ, лично имъ избираемое, которое онъ хотѣлъ особенно отличить, а второе предоставлялось лицамъ, которыя исполняли утреннюю церемонію обуванія. Послѣ «вставанія» король отправлялся въ большую часовню, гдѣ присутствовалъ дофинъ и вся семья. Главный исповѣдникъ короля помѣщался съ правой стороны и подавалъ королю его часословъ и, принявъ отъ него шляпу, передавалъ ее на сбереженіе первому патеру. Три раза въ недѣлю король ужиналъ въ своей семьѣ съ соблюденіемъ полнаго этикета, начиная съ пробованія кушанья и до подачи на столъ поднесеннаго королямъ въ XVI вѣкѣ городомъ Парижемъ золоченнаго корабля безъ мачтъ, въ которомъ хранились между благовонными подушками салфетки короля. Этотъ корабль пользовался такимъ почетомъ, что даже принцессы, проходя мимо него, кланялись предъ нимъ. Рядомъ съ этимъ этикетомъ проглядывали обычаи, мало подходящіе къ нему; напримѣръ, въ ожиданіи выхода короля придворные толпились по всѣмъ комнатамъ, а царедворцы, ухаживающіе за королевой, входили даже въ ея комнату. Въ Фонтенбло кардиналы и посланники всѣ ожидали выхода короля въ той же комнатѣ, гдѣ и лакеи. Въ прихожей королевы ея горничныя сидѣли вмѣстѣ съ придворными дамами, и отличить ихъ можно было, лишь благодаря шлейфамъ. Церемонія принятія прошеній совершалась каждую субботу. Кауницъ находилъ ее довольно странной. По этому случаю накрывался столъ бархатной скатертью, за которымъ ставилось кресло, остававшееся все время пустымъ; прошенія же принималъ государственный секретарь стоя. Царедворцы раздѣлялись на четыре различные класса. Къ первой категоріи принадлежали тѣ изъ нихъ, которые пользовались милостями короля, сопровождая его въ Бельвю; ко второй—имѣющіе разрѣшеніе записаться на путешествія въ Тріанонъ, Кресси, Шуази и Мюэтъ: ихъ было человѣкъ двѣнадцать; къ третьей—участвовавшіе съ королемъ на охотѣ и ужинающіе съ нимъ въ кабинетахъ. Послѣднихъ набиралось болѣе ста человѣкъ. Къ четвертому разряду относились лица, показывавшіяся только въ Версалѣ: ихъ было болѣе всѣхъ. Для принятія участія въ кабинетныхъ ужинахъ надо было охотиться съ королемъ, а для этого требовалось лишь приглашеніе и доказательство трехсотлѣтней давности дворянскаго званія. Въ этомъ разрядѣ находились всѣ восемнадцатилѣтніе полковники, которыхъ не принимали въ хорошемъ парижскомъ обществѣ. Разговоръ на этихъ ужинахъ велся «убійственно скучный», но вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденность, царившая на нихъ, доходила до непристойностей и могла быть принята за недостатокъ уваженія къ королю. «Не такъ давно герцогиня Шуазель,—пишетъ Кауницъ,—не имѣя желанія кушать, вынула изъ кармана итальянскую грамматику и, положивъ на колѣни, читала ее во все время ужина, хотя только два человѣка отдѣляли ее отъ короля». Ришелье сравнилъ эти «кабинетные ужины» съ неприличными заведеніями. Часто гости, уставъ на охотѣ, засыпали за столомъ, и король первый надъ этимъ смѣялся. Желая оживить эти ужины, маркиза увеличила число приглашенныхъ, но они отъ этого не стали веселѣе. Возвратясь съ охоты, всѣ отправлялись на церемонію разуванія короля. При этомъ онъ составлялъ спи-

сокъ ужинающихъ и просматривалъ этотъ листъ два раза, чтобы убѣдиться, не увеличенъ ли списокъ. Кабинетами назывались комнаты, предназначенныя для ужиновъ, и такъ какъ онѣ находились въ антресоляхъ, то были низки и душны. Украшеніе ихъ было очень просто, а на крышѣ устраивались террасы, покрытыя рѣшетками; этими террасами не пользовались. Всѣ жаловались на дурную кухню, но король не внималъ этимъ жалобамъ, хотя въ молодости былъ хорошимъ поваромъ и даже имѣлъ свою собственную кухню, гдѣ самъ и каждый приглашенный готовили особое блюдо; при этомъ они одѣвались въ поварскіе куртки и передники. Кушанья подавали пажи и король, по словамъ Кауница, стѣснявшійся, когда въ его парадныхъ аппартаментахъ собирались четверо, и съ удовольствіемъ принимавшій тридцать человѣкъ, приглашенныхъ на ужинъ. Послѣ ужина всѣ отправлялись играть. Король обыкновенно игралъ въ пикетъ съ Субизомъ и Лавальеромъ. Самый веселый моментъ этихъ ужиновъ былъ, когда удалялись домой, такъ какъ весь вечеръ никто не могъ начать разговора, а король не давалъ себѣ этого труда, такъ что по четверть часа царило глубокое молчаніе. Этими подробностями оканчивается вышедшая въ свѣтъ часть воспоминаній Кауница.

— Столѣтіе смерти герцога Энгіенскаго. Ровно сто лѣтъ тому назадъ герцогъ Энгіенскій [1]), принцъ французскаго королевскаго дома отъ отрасли Кондэ, былъ захваченъ на Баденской территоріи, по приказанію Наполеона, и отвезенъ въ Парижъ, гдѣ его разстрѣляли въ Венсенскомъ замкѣ. Хотя объ этомъ печальномъ событіи много писали, но настоящая причина его смерти до сихъ поръ не опредѣлена. По общему мнѣнію, эта смерть, приписываемая Наполеону, была безпричинная, такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы покойный герцогъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ Кадудаля противъ перваго консула. По поводу наступившаго столѣтія смерти герцога, Тео Бержера напечаталъ въ первомъ сентябрьскомъ нумерѣ «Nouvelle Revue» любопытную статью о новыхъ данныхъ относительно герцога Энгіенскаго. Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ внучкой капитана Шарло, которому было поручено арестовать герцога въ Эттенгеймѣ. Во время трагическаго событія Шарло служилъ начальникомъ мѣстной полиціи въ Страсбургѣ и умеръ въ чинѣ полковника въ 1845 году, оставивъ сыну свои мемуары, письма и копіи нѣсколькихъ донесеній, касающихся ареста герцога Энгіенскаго. Въ настоящее время всѣ эти документы хранятся у нѣкіихъ Липмановъ, другихъ внуковъ Шарло. Неизвѣстно, почему они не печатаютъ этихъ интересныхъ семейныхъ бумагъ, такъ какъ пріятельница автора статьи, внучка Шарло, знающая всю исторію почти наизусть, потому что слышала разсказы дѣда и чтеніе мемуаровъ, не скрываетъ ихъ и передала Бержера всѣ интересныя подробности объ арестѣ принца почти въ подлинномъ текстѣ. Изъ разсказа этой почтенной дамы видно, что въ первыхъ числахъ марта 1804 года капитанъ Шарло получилъ изъ Парижа отъ генералъ-инспектора полиціи, Монсея, слѣдующаго рода приказъ: «Удостовѣрьтесь, живетъ ли въ Эттенгеймѣ принцъ, котораго считаютъ родственникомъ Бурбоновъ, находящійся въ сношеніяхъ съ главными генералами

[1]) Le duc d'Enghien, par Théo Bergerat. «La Nouvelle Revue». Septembre 1904.

республики». Тотчасъ же Шарло позвалъ полицейскаго сержанта Пферцдоффа и поручилъ ему исполнить приказаніе начальства. Селеніе Эттенгеймъ находилось въ четырехъ миляхъ отъ французской границы, и ловкій полицейскій агентъ отправился туда, выдавая себя за лошадинаго барышника: для отвода глазъ онъ захватилъ съ собою нѣсколькихъ лошадей. Очутившись въ баденскомъ селеніи, онъ узналъ, что въ замкѣ живетъ важный господинъ, въ то время отправившійся на охоту. Пферцдоффъ провелъ весь вечеръ въ гостиницѣ и завелъ разговоръ съ однимъ изъ лакеевъ. Послѣдній въ разговорѣ проболтался, что его господина зовутъ герцогъ Энгіенскій. На другой же день полицейскій агентъ отправился въ замокъ продавать лошадей. Одну изъ нихъ герцогъ купилъ. При видѣ замѣчательнаго сходства молодого герцога съ Бурбонами, Пферцдоффъ убѣдился, что лакей сообщилъ ему справедливое извѣстіе. По возвращеніи въ Страсбургъ полицейскій агентъ донесъ начальству объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Часъ спустя, извѣстіе было послано въ Парижъ съ нарочнымъ, а 10-го марта Наполеонъ получилъ желанную справку и тотчасъ сказалъ Реалю: «Ну! господинъ Реаль, вы не сказали мнѣ, что герцогъ Энгіенскій живетъ въ четырехъ миляхъ отъ моей границы и организуетъ военный заговоръ». Четыре дня спустя въ Страсбургъ прибылъ курьеръ съ новымъ приказомъ Монсея къ капитану Шарло. «Вы тотчасъ, ночью,—говорилось въ немъ,—отправитесь въ Эттенгеймъ, арестуете герцога Энгіенскаго и захватите всѣ его бумаги. Вы отвѣчаете за него своею головою». Шарло въ ту же ночь взялъ свою полицейскую бригаду и окружилъ замокъ. Большинство историковъ увѣряетъ, что этой экспедиціей командовалъ полковникъ Орденеръ, но это не вѣрно: все дѣло было поручено Шарло. Въ Эттенгеймѣ жилъ молодой тридцатидвухлѣтній герцогъ Энгіенскій съ своей тайно обвѣнчанной женой Шарлоттой, племянницей кардинала Рогана. Когда предъ замкомъ появились французскіе жандармы, то герцогъ готовился къ охотѣ, а потому былъ совершенно одѣтъ. Онъ открылъ окно и спросилъ, что имъ надо. Шарло тотчасъ же узналъ его и, сдѣлавъ подъ козырекъ, сказалъ: «Принцъ, именемъ консула, моего главы, я прибылъ васъ арестовать». Принцъ схватилъ ружье и прицѣлился въ Шарло, но кто-то, скрытый за оконной занавѣсью, схватилъ ружье и промолвилъ: «Не стрѣляйте, мы окружены!» Тогда самъ герцогъ и всѣ его друзья и слуги были арестованы, а въ домѣ произведенъ немедленный обыскъ. Всѣ найденныя бумаги были завернуты въ медвѣжью шкуру, привезенную Шарло, связаны веревкой и запечатаны. Затѣмъ всѣхъ отпустили на свободу, исключая герцога, котораго посадили въ лодку вмѣстѣ съ Шарло и двумя жандармами. Когда они отчалили отъ нѣмецкаго берега, герцогъ, все время молчавшій, неожиданно сказалъ, пристально взглянувъ на Шарло: «Сударь, богаты вы?» — «Нѣтъ, принцъ»,—отвѣчалъ Шарло. — «Вы женаты?» — «Да, герцогъ». — «Есть ли у васъ дѣти?» — «Трое». — «Такъ выслушайте меня,—сказалъ герцогъ Энгіенскій,—высадите меня съ этимъ (и онъ коснулся ногой до медвѣжьей шкуры съ документами) на нѣмецкій берегъ, и чрезъ два мѣсяца король Франціи сдѣлаетъ васъ генераломъ и назначитъ вамъ жалованье въ тридцать тысячъ ливровъ въ годъ». Шарло поблѣднѣлъ; видя его смущеніе, герцогъ повторилъ свое предложеніе. Для бѣднаго офицера искушеніе было

велико, но Шарло исполнилъ свой долгъ и переправился на французскій берегъ. «Жаль, что я васъ не убилъ»,—сказалъ герцогъ со сверкающими глазами. Прибывъ въ Страсбургъ и помѣстивъ герцога въ крѣпость, Шарло не зналъ, что съ нимъ дѣлать, такъ какъ въ полученномъ имъ приказѣ не упоминалось объ этомъ. Наконецъ, не желая взвалить на себя столь тяжелую отвѣтственность, онъ отвезъ его въ Верденъ и сдалъ поручику Петерману, который доставилъ его въ Парижъ. Петерманъ былъ задержанъ у Виллетской заставы, такъ какъ никто не ожидалъ герцога. Только черезъ пять часовъ получили отъ Наполеона изъ Мальмэзона инструкцію и приказъ отвезти герцога Энгіенскаго въ Венсенскій замокъ. Первый консулъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ приказалъ содержать герцога въ Страсбургѣ. Но разъ герцога привезли въ Парижъ, то Наполеонъ порѣшилъ тотчасъ съ нимъ покончить и въ тотъ же день увѣдомилъ Реаля, чтобы венсенскій военный судъ покончилъ все въ ту же ночь. Справедливость подобнаго объясненія этого рокового событія доказываютъ записки Констана, камердинера Наполеона, который пишетъ: «На другой день послѣ смерти герцога Энгіенскаго, Жозефина вошла въ комнату Бонапарта. Она была въ ужасномъ положеніи: ее душили рыданія, и все ея лицо было мокро отъ слезъ. Поблѣднѣвшее лицо Наполеона было вытянуто. Жозефина въ отчаяніи бросилась въ его объятія, громко восклицая: «Что ты надѣлалъ! Что ты надѣлалъ!» Первый консулъ тщетно старался ее успокоить. Наконецъ, гнѣвно топнувъ ногой, онъ произнесъ: «Несчастные слишкомъ поторопились!» Очевидно, Наполеонъ подъ этими словами подразумѣвалъ не судъ, который исполнилъ его ясное приказаніе, но Монсея и Шарло, не понявшихъ его приказанія. Чрезъ двѣ недѣли послѣ смерти герцога Энгіенскаго первый консулъ пригласилъ своихъ главныхъ генераловъ и велѣлъ принести бумаги, находившіяся въ медвѣжьей шкурѣ. На ней была нетронутая печать страсбургскихъ жандармовъ, и Наполеонъ приказалъ раскрыть бумаги и, не читавъ ихъ, сжечь въ каминѣ. Когда все было кончено, онъ сказалъ, обращаясь къ генераламъ: «Morte le bête, mort le venin!» Присутствующіе поняли и молча поклонились. Такимъ образомъ, доказано, по словамъ Бержера, что смерть герцога Энгіенскаго не была предумышленнымъ убійствомъ со стороны Наполеона, а была слѣдствіемъ непонятаго приказанія Наполеона. Вотъ все новое, что разсказала Бержера внучка Шарло.

— Французскій герой греческой войны за освобожденіе. Бывшій профессоръ Нантскаго университета, Дебидуръ, написалъ исторію французскаго генерала, барона Шарля-Николя Фабвье, сражавшагося между прочимъ и при Бородинѣ[1]). Фабвье былъ интересный человѣкъ, съ темпераментомъ заговорщика и геніемъ авантюриста; битва была радостью его жизни. Онъ родился въ Понтъ-а-Муссонѣ въ 1782 г. и былъ другомъ Байрона. Посвятивъ себя военной службѣ, онъ въ чинѣ артиллерійскаго поручика участвовалъ въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, но въ Аустерлицкой битвѣ не былъ. Еще юнымъ офицеромъ находясь въ Далмаціи подъ начальствомъ Мармона съ цѣлью защиты

---

[1]) Le général Fabvier, sa vie militaire et politique, par A. Debidour. Paris. 1904.

турецкаго султана противъ англичанъ, онъ выходилъ изъ себя, что не сражается съ утра до ночи. «Нѣтъ другого мученія, какъ оставаться съ этимъ адомъ въ головѣ, въ то время какъ другіе сражаются,—писалъ онъ брату.—Только одно сдѣлало бы меня счастливымъ,—это вторженіе въ Турцію и какая нибудь война». Отправляясь въ Константинополь къ султану Селиму III, онъ замѣтилъ: «Я могу отправиться и въ Китай, если хотятъ». Французскій посланникъ въ Персіи, генералъ Гарданъ, увезъ его съ Босфора въ Испагань. «Изъ Персіи,—писалъ онъ отцу,—мы отправимся въ Индію и, вѣроятно, тамъ поработаемъ. Такъ угодно Богу». Въ Никеѣ онъ сидѣлъ на тронѣ Константина; близъ Эрзерума онъ курилъ чубукъ съ капитаномъ разбойниковъ и вручилъ ему, какъ залогъ дружбы, портретъ Наполеона на сорока-франковой монетѣ; онъ побывалъ и въ Арменіи, опустошенной курдами и чумою. Въ Тегеранѣ и Испагани онъ исправилъ недочеты персидской арміи и основалъ арсеналъ. «Всѣ канальи кругомъ,—говорилъ онъ.—Пока предвижу кусокъ красной ленты мнѣ на грудь, я не буду жаловаться. Я здѣсь полезенъ для моей страны». Возвращаясь въ Европу чрезъ Тавриду и Тифлисъ, онъ попалъ въ Польшу и сражался на Вислѣ съ Понятовскимъ. Битву при Ваграмѣ онъ пропустилъ, а сражался въ Испаніи, Португаліи и Россіи. Во время перваго отреченія императора Фабвье былъ въ чинѣ полковника; присоединясь къ Людовику XVIII, онъ сопровождалъ его въ Бельгію по возвращеніи императора. Онъ отказался возвратиться на службу императора, вернулъ свои полковничьи привилегіи и отправился въ Лотарингію устраивать отрядъ добровольцевъ Вогезъ и Меца, который спасъ отъ вторженія пруссаковъ Мецъ, Монмеди и Лонгви. Мѣсяцъ спустя послѣ Ватерлоо, онъ еще воевалъ вокругъ Меца. По возвращеніи Людовика XVIII въ Тюильри, онъ подвергся опалѣ и окончательно порвалъ съ правительствомъ, обнаруживъ вѣроломство генерала Канюэля, командовавшаго въ Ліонѣ во время безпорядковъ 1816 года. Такимъ образомъ съ 1-го іюля 1818 г. онъ получалъ половинный окладъ. Въ это время Фабвье былъ тридцатишестилѣтнимъ широкоплечимъ здоровякомъ, съ веселой душей бросившимся въ оппозицію: онъ вступалъ въ заговоры, присоединялся къ плану Лафайета и вообще превратился въ «виртуоза революціонныхъ и военныхъ козней 1820 года». Арестованный и посаженный въ тюрьму, онъ чрезъ четыре мѣсяца долженъ былъ предстать предъ палатой. Благодаря защитѣ Манюэля, онъ былъ оправданъ. Но Фабвье уже вошелъ во вкусъ жизни съ приключеніями, и съ тѣхъ поръ его имя встрѣчается во всѣхъ заговорахъ Лафайета. Онъ сталъ мечтать о возвращеніи свободы всѣмъ порабощеннымъ народамъ: Венеціи, Неаполю, Милану, а прежде всего Испаніи. Съ этою цѣлью онъ переправился чрезъ Пиренеи, присоединился къ конституціоннымъ кортесамъ противъ Фердинанда XII, привлекъ французскихъ бѣглецовъ, испанскихъ и космополитическихъ либераловъ и организовалъ на Бидассоа отрядъ, который предназначался соблазнять армію герцога Ангулемскаго, показавъ ей трехцвѣтное знамя. Но его успѣхи свелись къ тому, что разстрѣляли нѣсколько честныхъ людей, и было ускорено вторженіе французовъ въ Испанію. Изъ Португаліи онъ направился въ Лондонъ, потомъ въ Бельгію, все еще озабоченный освобожденіемъ страны Сида. Когда онъ понялъ тщетность своихъ усилій, то рѣшилъ отправиться въ Грецію для освобожденія греческаго народа.

Съ этой цѣлью онъ отплылъ въ Наваринъ въ декабрѣ 1823 года. Грецію онъ нашелъ въ ужасномъ состояніи: голодную и полуварварскую. «Онъ упалъ, какъ съ луны, къ этому народу, у котораго каждый начальникъ, каждая группа ненавидѣли сосѣдняго согражданина или общину,—говоритъ Дебидуръ:—городскіе примасы возставали противъ горныхъ поликаровъ, Морея, Румелія и континентальная Греція—противъ островомъ, солдаты—противъ моряковъ, Колокотронисъ—противъ Кондуріотиса и Одиссевса, великаго предводителя банды, который продался туркамъ въ 1824 году и разстрѣлянъ въ Аѳинахъ своимъ адъютантомъ Гурасомъ въ іюлѣ 1825 года. Съ перваго взгляда это національное движеніе выражалось прежде всего въ безпорядкахъ, неурядицахъ и грабежахъ, производимыхъ на сушѣ—разбойниками-клефтами, а на морѣ—пиратами. На скалистыхъ же берегахъ Пелопонеза высадилась египетская армія Мехмеда-Али, организованная на европейскій ладъ; занявъ стратегическое положеніе, она оттѣснила возмутившихся грековъ назадъ къ Аркадійскимъ пустынямъ. Европа въ это время относилась къ греческой революціи не только равнодушно, а даже враждебно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Фабвье отправился въ Бельгію и Лондонъ, чтобы наконецъ вызвать въ европейцахъ симпатіи къ грекамъ и поддержать старанія филэллиновъ. Въ маѣ 1825 года Фабвье снова отправился въ Грецію, а, нѣсколько дней спустя, Ибрагимъ овладѣлъ Навариномъ. Временное греческое правительство, находившееся въ Навпліи, дѣлало неимовѣрныя усилія, чтобы выбраться изъ этого хаоса и поручило Фабвье собрать регулярный отрядъ и быть его генераломъ. Онъ собралъ въ два мѣсяца до тысячи человѣкъ; послѣ неудачнаго дѣла противъ египетскаго отряда ему удалось провести войско на Аттическую территорію. Вопреки враждебнымъ отношеніямъ партизанскихъ начальниковъ, онъ командовалъ въ концѣ года отрядомъ въ три тысячи семьсотъ человѣкъ, состоявшимъ изъ артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи. Онъ сдѣлалъ неосторожность, поспѣшивъ произвести нападеніе на Каристо, цитадель Негропонта, и потерялъ свою кавалерію и почти всю артиллерію, а главное свою славу. Въ Аттику онъ вернулся лишь съ небольшимъ остаткомъ арміи: его солдаты дезертировали въ банды Гураса. Тѣмъ временемъ армія Решида-паши подошла къ Аѳинамъ, и жители въ ужасѣ бѣжали на Саламинъ. Они нѣсколько успокоились, когда встала на якорь французская эскадра подъ командою Риньи. Тогда греческое правительство поручило Фабвье пробиться сквозь турецкія линіи и доставить съѣстные припасы акропольскому гарнизону. Темной ночью Фабвье поднялся въ священный замокъ, но назадъ не могъ вернуться и оказался запертымъ въ крѣпости. Аѳинскіе начальники, расположившіеся въ храмѣ Минервы, получили приказъ удержать его для защиты крѣпости. Со своей стороны гарнизонъ объявилъ свое рѣшеніе оставить Акрополь. Въ то время какъ клефты, одѣтые въ теплую одежду, находились подъ кровомъ, солдаты Фабвье дрожали отъ стужи. Вскорѣ не стало хватать ни дровъ, ни воды, ни говядины; приходилось ѣсть конину. Внѣ крѣпости всѣ попытки снять осаду не удались. Положеніе еще болѣе усложнилось, благодаря двумъ враждебнымъ другъ другу національнымъ собраніямъ—Эгинскому и Герміонскому. 1-го апрѣля 1827 года они слились въ одинъ парламентъ, преданный разомъ Россіи и Англіи. Пока въ немъ ве-

лись переговоры и обдумывались стратегическіе планы, на Акрополь сыпались турецкія бомбы, солдатскіе полки уменьшались, и солдаты пили дождевую воду. Среди нихъ распространилась лихорадка, пушки уже не дѣйствовали, а измученный гарнизонъ не хотѣлъ больше сражаться. Со словъ одного сотоварища Фабвье, когда послѣдній среди ночи пытался выйти изъ ловушки, то эллинскіе бродяги, толкавшіеся у подножья холма, кричали: «Франкъ убѣгаетъ!»—и тѣмъ будили турокъ, дремавшихъ вокругъ огня. Наконецъ, послѣ тщетныхъ переговоровъ защитникамъ крѣпости была предложена почетная капитуляція при посредничествѣ адмирала Рииьи, и Фабвье могъ выйти во главѣ остатка своей арміи. Акрополь сопротивлялся шесть мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ Европа подготовила спасеніе Греціи, а затѣмъ и свободу греческой расы. Наваринъ и Морейская экспедиція окончили работу, начатую Фабвье. Во время іюльской монархіи послѣдній былъ сдѣланъ пэромъ Франціи и генералъ-лейтенантомъ. Онъ умеръ въ 1855 году.

— Англійская газета въ Парижѣ. Недавно прекратилось изданіе «Galignani's Messenger», ежедневной англійской газеты, издававшейся въ Парижѣ въ продолженіе девяноста лѣтъ. Всякому, кто бывалъ въ Парижѣ или Ниццѣ, извѣстенъ обширный англійскій книжный магазинъ въ улицѣ Риволи и его же великолѣпное отдѣленіе въ Ниццѣ, на площади Массены. Оба магазина были популярнѣйшими учрежденіями во Франціи и пользовались извѣстностью во всей Европѣ. Поэтому исчезновеніе стариннаго органа печати составляетъ замѣчательное общественное явленіе. Задолго до начала изданія Галиньяни своей газеты, въ Парижѣ существовали періодическія англійскія изданія, но они были посвящены Англіи, хотя печатались на французскомъ языкѣ. Таковы были: «Journal anglais»—въ 1775—1778 гг. и «Analyse de papiers anglais», который выходилъ въ 1787—1788 гг., подъ редакціей Мирабо. Они имѣли скорѣе характеръ журнала, чѣмъ газеты. Также исключительно объ Англіи трактовала газета «Argus», впервые издаваемая на англійскомъ языкѣ Сэмпсономъ Пэри, въ 1809 году, подъ покровительствомъ Наполеона. Она враждебно относилась ко всему англійскому, и часто статьи, помѣщаемыя въ ней, внушались самимъ императоромъ. Съ паденіемъ Наполеона исчезла и эта газета. Впрочемъ, въ томъ же 1814 году появилась «Galignani's Messenger». Ее создалъ итальянецъ Джіованни Галиньяни, который долго жилъ въ Англіи, а съ 1800 года основалъ англійскую библіотеку для чтенія въ Парижѣ. Первый нумеръ этой извѣстной газеты вышелъ 2-го іюля, и редакція ея сорокъ лѣтъ пребывала въ улицѣ Вивьенъ, а оттуда перешла въ улицу Риволи, гдѣ и оставалась до послѣдняго дня своего существованія. Съ самаго начала она издавалась, главнымъ образомъ, съ помощью ножницъ, и въ ней помѣщались статьи изъ лондонскихъ газетъ и переводы французскихъ новостей. Первымъ ея редакторомъ былъ Сайрусъ Реддингъ, но его работа была не трудная, и онъ самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Ежедневная рутина моей жизни была не многосложна; каждое утро въ 7 часовъ мнѣ приносили французскія и англійскія газеты, и я въ нихъ отмѣчалъ то, что надо было перепечатать или перенести». Остальную часть дня онъ проводилъ въ Булонскомъ лѣсу и въ посѣщеніяхъ пріятелей, которыхъ у него было очень много. Въ числѣ послѣ-

дующихъ редакторовъ находился К. Граттанъ, а помѣщали въ «Galignani's Messenger» свои статьи лордъ Лингурстъ, маркизъ Норманби, сэръ Генри Бульверъ, О'Коннель, лордъ Бругамъ, Маколей, Энсвортъ и проч. Такимъ образомъ «Galignani's Messenger» сдѣлалась самостоятельной газетой и стала помѣщать оригинальныя статьи. Самымъ знаменитымъ ея сотрудникомъ былъ Теккерей въ молодости. «Мы пишемъ въ газетѣ «Galignani's»,—говоритъ онъ въ 1848 году,—за десять франковъ въ день, и это продолжается уже десять лѣтъ». Успѣхъ англійской газеты, главнымъ образомъ, зависѣлъ оттого, что она постоянно измѣняла свое направленіе вмѣстѣ съ перемѣною французскаго правительства; такъ она была то бурбонской, то орлеанской, то республиканской, то бонапартистской, то снова республиканской. Старшій Галиньяни умеръ въ 1822 году, и ему наслѣдовали его сыновья, Джонъ и Вилльямсъ Галиньяни. Они не только послѣдовательно завѣдывали газетой и увеличили ея успѣхъ, но основали въ Корбейлѣ больницу для англичанъ. Младшій изъ братьевъ былъ нѣкоторое время мэромъ Суази, и при немъ «Galignani's Messenger» превратился въ ежедневную газету, чрезвычайно распространенную въ Европѣ. Однако, у него было немало соперниковъ, но всѣ эти газеты выходили еженедѣльно и существовали недолго. Въ 1822 году начало появляться «Парижское мѣсячное обозрѣніе», на англійскомъ языкѣ, подъ редакціей Граттана, но, просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, перешло въ руки Галиньяни. Однако, и въ ихъ опытныхъ рукахъ этотъ журналъ не долго просуществовалъ. Золотые дни «Galignani's Messenger»'а продолжались до 1848 года: онъ много пострадалъ отъ введенія дешевыхъ газетъ, но въ этомъ онъ не послѣдовалъ примѣру даже «Times»'а, уменьшившаго свою цѣну, и сохранилъ свою прежнюю плату 50 сантимовъ. Вскорѣ послѣ смерти послѣдняго изъ братьевъ Галиньяни въ 1882 году вліяніе и распространеніе этой газеты стало падать, и въ 1895 году она получила новое названіе «Daily Messenger». Новые издатели старались всѣми силами улучшить газету, но напрасно: старая газета никакъ не могла вынести соперничества новаго парижскаго изданія, американскаго «New-York-Herald»'а.

СМѢСЬ.

Памятникъ Александру II въ Кіевѣ. Въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ городского головы В. Н. Проценко образованъ комитетъ по сооруженію въ Кіевѣ памятника императору Александру II. Почетное предсѣдательство въ комитетѣ принялъ на себя начальникъ края, генералъ-адъютантъ Н. В. Клейгельсъ. Вопросъ о желательности сооруженія памятника Царю-Освободителю въ Кіевѣ былъ возбужденъ городскимъ головой В. Н. Проценко, который 24-го февраля 1901 г. внесъ соотвѣтствующе предложеніе въ городскую думу. Предложеніе было принято думой единогласно, при чемъ постановлено вносить ежегодно на сооруженіе памятника по пяти тысячъ рублей; одновременно съ этимъ дума постановила вносить ежегодно по пяти тысячъ рублей на сооруженіе народнаго дома имени Царя-Освободителя. Открытіе памятника предположено пріурочить къ 19-му февраля 1911 года, когда исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ. Памятникъ предполагается соорудить на одной изъ площадей города Кіева. Мѣсто пока не избрано. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ, повидимому, является Царская площадь, лежащая въ концѣ главной городской улицы -- Крещатика, откуда идетъ Александровская улица по направленію къ Императорскому дворцу. Нѣкоторые указываютъ, какъ на мѣсто для памятника, небольшой скверъ противъ реальнаго училища, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ судебными учрежденіями. Но выборъ этого мѣста едва ли желателенъ, такъ какъ тутъ же по сосѣдству находится площадь передъ Софійскимъ соборомъ, на которой воздвигнутъ памятникъ Богдану Хмельницкому. По проекту памятникъ долженъ изображать императора полной стоящей фигурой на пьедесталѣ, въ общемъ высотой отъ 12 до 20 аршинъ. Въ виду того, что памятникъ предполагается соорудить ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ, этотъ мо-

ментъ царствованія желательно было бы особенно рельефно выразить въ памятникѣ, хотя, конечно, и другія дѣянія императора должны найти соотвѣтствующее изображеніе. По приблизительному подсчету на сооруженіе памятника предполагается израсходовать до 180 тысячъ рублей, т.-е. такую же сумму, какую израсходовали на постановку памятника императору Николаю Павловичу, въ скверѣ передъ университетомъ св. Владиміра. Средствами для покрытія расходовъ по сооруженію памятника должны служить суммы, ассигнованныя городомъ, ежегодный взносъ по 5 тысячъ рублей, а также ежегодныя отчисленія по 5 тысячъ на народный домъ, постройка котораго отложена. Такимъ образомъ, составляется сумма около 70.000 рублей. Остальную сумму предполагается покрыть подпиской среди населенія Юго-Западнаго края и прилегающихъ губерній. Въ непродолжительномъ времени будетъ объявленъ конкурсъ на проектъ памятника. Творчество авторовъ проектовъ не предполагается стѣснять слишкомъ подробными условіями. Кіевъ, несмотря на свое историческое прошлое и на то, что онъ является крупнымъ административнымъ центромъ района съ населеніемъ болѣе 10.000,000 душъ, не богатъ памятниками. Въ городѣ имѣется всего четыре памятника: великому князю св. Владиміру въ память крещенія Руси, Богдану Хмельницкому, императору Николаю Павловичу и графу А. А. Бобринскому, какъ инициатору соединенія Кіева рельсовой сѣтью съ Одессой и Петербургомъ.

Въ защиту старины. Подъ этимъ заглавіемъ въ № 240 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано слѣдующее интересное «Открытое письмо правленію общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги» г. С. Краснодубровскаго. «Астраханскій Листокъ» (отъ 8 августа, № 176) сообщаетъ, что въ недалекомъ будущемъ начнутся работы по постройкѣ Астраханской желѣзной дороги. Астраханскій край очень богатъ археологическими памятниками. Онъ былъ колыбелью славнаго Хазарскаго царства, а затѣмъ Золотой орды. Въ предѣлахъ его находятся городища столицъ орды—Стараго и Новаго Сарая. Въ 16-ти верстахъ отъ Астрахани находится городище знаменитаго Хазарскаго Итиля. Русская археологія много сдѣлала для изслѣдованія края, но далеко не все. Обстоятельно изслѣдованы только городища двухъ Сараевъ; между тѣмъ, арабскіе историки (главнымъ образомъ Ибнъ-Батута) единогласно утверждаютъ, что въ XIV и XV вв. у татаръ было «много городовъ» съ «безчисленнымъ количествомъ» мечетей, школъ, больницъ, страннопріимныхъ домовъ, богадѣленъ и т. д. Отъ этихъ городовъ остались городища или малоизвѣстныя, или совершенно неизвѣстныя для науки. Одно изъ такихъ городищъ находится на лѣвомъ берегу Ахтубы, въ 8 верстахъ отъ деревни Сеитовки, гдѣ въ сентябрѣ предположено приступить къ желѣзнодорожнымъ работамъ. Въ концѣ марта прошлаго года, по порученію Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, я сдѣлалъ осмотръ этого городища. Отъ муллъ сосѣднихъ татарскихъ деревень—Верхней, Средней и Нижней Ералеекъ, я узналъ, что городище находится на лѣвомъ берегу Ахтубы, что на мѣстѣ его когда-то стоялъ священный городъ Акъ-Сарай, а на югъ отъ городища находятся могилы святыхъ, къ которымъ мусульмане за много верстъ кругомъ ходятъ на поклоненіе. Руководствуясь указаніями муллъ, я направился отъ хутора ера-

леевскаго крестьянина Иралеева по лѣвому берегу Ахтубы вверхъ по теченію, разсчитывая найти городище по его отложеніямъ на берегу рѣки, ежегодно оставляемымъ весенними разливами, и не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Городище находится верстахъ въ 8 отъ Сентовки и въ $2^{1}/_{2}$ отъ хутора Иралеева. По берегу Ахтубы оно тянется версты на полторы. Опредѣлить его размѣры въ другія стороны невозможно, такъ какъ оно сплошь засыпано песками. По берегу Ахтубы на всемъ протяженіи городища находится много прекрасно обожженнаго татарскаго квадратнаго кирпича, древеснаго угля, обломковъ домашней посуды и другихъ вещей домашняго обихода. Безъ особенно тщательныхъ розысковъ я собралъ на берегу около 20 серебряныхъ и мѣдныхъ татарскихъ монетъ, замокъ, часть подковы (несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ татары лошадей не ковали) и нѣсколько другихъ вещей. Городище, насколько оно обнаружено размывами Ахтубы, приводитъ къ неопровержимому заключенію, что на мѣстѣ его былъ не малый поселокъ, не деревня, а городъ, и городъ очень большой[1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ: во-первыхъ, обиліе кирпича, во-вторыхъ,—относительная роскошь отдѣлки предметовъ домашняго быта и, въ-третьихъ,—обиліе монетъ. Меня очень интересовали «могилы святыхъ». Послѣ долгихъ скитаній по пескамъ верстахъ въ двухъ отъ городища[2]) я нашелъ двѣ каменныя могильныя плиты съ арабскими надписями. По ту и другую сторону отъ плитъ стояли вѣхи, обозначавшія направленіе линіи желѣзной дороги. Дѣло ясное, что полотно дороги будетъ проложено или по старому татарскому кладбищу, или очень близко отъ него. Монеты и вещи, найденныя на городищѣ, я передалъ Петровскому обществу изслѣдователей Астраханскаго края. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій его историко-этнографической секціи я сдѣлалъ сообщеніе о городищѣ и тогда же просилъ общество войти въ сношенія съ правленіемъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги относительно сохраненія памятниковъ старины, которые будутъ извлечены изъ земли при желѣзнодорожныхъ работахъ. Въ томъ же засѣданіи была избрана комиссія, которой секція поручила все дѣло охраны памятниковъ. Я почти полтора года не былъ въ Астрахани, протоколовъ общества въ это время не получалъ (едва ли они и печатались), поэтому не знаю,

---

[1]) Общераспространенное мнѣніе, что татары, какъ народъ кочевой, жили только въ кибиткахъ и деревень не имѣли,—ошибочно. Въ 1888 году я производилъ раскопки одной изъ такихъ деревень—Бельджамана, верстахъ въ двухъ отъ посада Дубовки, Царицынскаго уѣзда. Изъ географовъ XIV и XV вв. о Бельджаманѣ говоритъ только Абульфеда. Я сравнивалъ три перевода его географіи—нѣмецкій Френа, французскій Рейске и латинскій Рейно (Reinaud), и у всѣхъ переводчиковъ (подлиннаго текста Абульфеды я не видѣлъ) Бельджаманъ называется именно «деревней»—Dorf, village, pagus.

[2]) Точно опредѣлить разстояніе затрудняюсь. Путь отъ городища къ кладбищу я сдѣлалъ въ сильную песочную бурю съ компасомъ въ рукахъ. Итти было очень трудно. Путь туда и обратно былъ сдѣланъ въ $3^{1}/_{2}$ часа. Если бы кто либо изъ русскихъ ученыхъ пожелалъ ознакомиться съ кладбищемъ, пусть онъ предварительно запасется компасомъ. Въ сильный вѣтеръ на пескахъ отъ массы песочной пыли въ пяти саженяхъ ничего не видно, и заблудиться на нихъ очень легко.

что сдѣлала комиссія, но въ репортерскихъ отчетахъ «Астраханскаго Листка» о дѣятельности комиссіи за истекшіе полтора года ничего не говорилось, а отчеты газетой составляются обстоятельные. Астраханская желѣзная дорога пройдетъ мѣстами становищъ Золотой орды. Въ картахъ Поволжья XIII—XV вв. Фра-Мауро, Франциско и Доминико Пицигани и Каталонской (авторъ ея не извѣстенъ), въ заволжской степи за Ахтубой указаны «Sepulchra Regum, Sepulchra Imperatorum». Наука до сихъ поръ не знаетъ мѣстонахожденіе этихъ царскихъ могилъ. Не поможетъ ли ей въ этомъ отношеніи случай, то-есть не нападутъ ли на нихъ землекопы при прокладкѣ углубленій? Открытіе этихъ могилъ было бы прямо сокровищемъ для науки. У многихъ изъ арабскихъ хронографовъ (Ибнъ-Батута, Эломари, Ибнъ-эль-Ассиръ), у Рубриквиса, Контарини и другихъ путешественниковъ есть указанія, что весною изъ своихъ метрополій ханы уѣзжали въ степь, въ «дачныя мѣста». Метрополіями хановъ служили до Джанибека Старый Сарай, при немъ и послѣдующихъ ханахъ Новый, Укекъ близъ Саратова и Укекъ въ Крыму. Можно предполагать, что ханскія дачи находились неподалеку отъ приволжскихъ столицъ, слѣдовательно должны бы быть въ мѣстности, по которой пройдетъ желѣзная дорога. Между 1393 и 1395 годами Тамерланъ «въ прахъ и пепелъ обратилъ Золотую орду, уничтоживъ въ ней все живое отъ человѣка до курицы». Грандіознѣйшія по тому времени битвы происходили въ заволжской степи, которая въ своихъ нѣдрахъ сохранила намъ отъ нихъ оружіе, шлемы, латы, принадлежности воинскихъ становъ, обозовъ и т. п. Несомнѣнно, что все это въ изобиліи будетъ встрѣчаться при выемкѣ желѣзнодорожныхъ углубленій. Я пишу не научный трактатъ, а небольшую газетную статью и все-таки полагаю, что и безъ обильныхъ и строго провѣренныхъ цитатъ можно согласиться со мною, что Астраханская дорога на всемъ своемъ протяженіи пройдетъ по мертвымъ страницамъ исторіи Золотой орды. Пока не поздно, необходимо использовать эти страницы и взять съ нихъ все, что имѣетъ цѣнность для науки. А теперь пусть не упрекаютъ меня за нѣсколько энергичное заглавіе настоящей статьи. Оно, такъ сказать, вынуждено у меня слѣдующею весьма поучительною исторіей, разсказать которую въ данномъ случаѣ и необходимо и полезно. Въ 12 верстахъ отъ Саратова находится обширное городище татарскаго Укека, которое въ теченіе многихъ лѣтъ расхищалось какъ крестьянами сосѣдней деревни Увекъ, строившими изъ татарскаго кирпича фундаменты для избъ и печи, такъ и просвѣщенными гласными Саратовской городской думы, распорядившейся камень и кирпичъ съ Укека вывозить на забутовку подъ саратовскія мостовыя. Нужно замѣтить, что какъ разъ въ то время, когда совершался этотъ денной грабежъ научныхъ сокровищъ, въ Саратовѣ строился Радищевскій музей съ историко-археологическимъ отдѣленіемъ. Въ городѣ и деревнѣ Увекъ была широко организована торговля старыми татарскими вещами и особенно «бѣшляками» (серебряными монетами), которые на городищѣ находили тысячами. Какъ ни безпощадно расхищалось городище, но къ 1890 году на немъ все еще оставалось многое, что заслуживало и вниманія и сбереженія. Съ почтеннымъ предсѣдателемъ Саратовской ученой архивной комиссіи, княземъ Л. Л. Голицынымъ, мы рѣшили положить конецъ этому

грабежу. Въ томъ же году послѣ долгихъ усилій при посредствѣ императорской археологической комиссіи намъ удалось отдать городище подъ охрану полиціи; затѣмъ было рѣшено обратиться къ русскимъ ученымъ обществамъ съ просьбою о раскопкахъ городища. Съ этою цѣлью князь предпринялъ ученое паломничество въ Москву и Петербургъ и, по его словамъ, «поднялъ на ноги» графиню П. С. Уварову и графа А. А. Бобринскаго, а я занялся скромною работой собиранія всего, что было сказано о Саратовскомъ Поволжьѣ греками, римлянами, арабами, армянами и позднѣйшими европейскими писателями отъ Гомера, указавшаго на глактофаговъ и гиппомолговъ, какъ на первобытныхъ обитателей заволжской степи[1]), и до 1890 года. Въ началѣ 1891 года вышла моя книжка объ Укекѣ. Въ іюнѣ того же года князь Л. Л. Голицынъ отъ императорской археологической комиссіи получилъ деньги на развѣдочныя раскопки, а я немедленно приступилъ къ ихъ производству. Раскопки дали превосходные результаты. На городищѣ подъ наслоеніями татарской культуры оказались слѣды доисторической жизни человѣка, попадались вещи греческой работы, косвенно подтверждавшія гипотезу И. Е. Забѣлина о томъ, что Укекъ въ IV вѣкѣ до Рождества Христова былъ мѣстонахожденіемъ Гелона, о которомъ говоритъ Геродотъ въ VIII главѣ четвертой книги своей Исторіи, открыты были фундаменты обширныхъ зданій и единственный въ своемъ родѣ выложенный изъ цоколя и кирпича могильникъ, въ которомъ было найдено 17 совмѣстныхъ погребеній со всѣми принадлежностями татарскаго погребальнаго ритуала. Наша завѣтная мечта исполнилась. Объ Укекѣ заговорили въ Россіи (помнится, «Московскія Вѣдомости» первыя) и за границей. Покойный Труворовъ для его раскопокъ со страницъ «Русскаго Архива» призывалъ «второго Шлимана». Раскопки посѣтилъ и тщательно осмотрѣлъ все въ нихъ добытое французскій оріенталистъ, баронъ Артуръ де-Бай. Ознакомившись съ находками, онъ замѣтилъ, что по красотѣ и изяществу онѣ превосходятъ все, что онъ до сихъ поръ видѣлъ изъ добытаго на татарскихъ городищахъ въ Россіи, а въ Россіи де-Бай видѣлъ рѣшительно все. Дѣло было, что называется, налажено. Мы ждали и не безъ основанія пріѣзда въ Саратовъ членовъ нашихъ археологическихъ обществъ. Во время этихъ «ожиданій» Рязанско-Уральское желѣзнодорожное общество получило концессію на постройку желѣзной дороги отъ Саратова до Уральска. Вскорѣ вмѣсто ожидаемыхъ археологовъ пріѣхали на Укекъ инженеры съ цѣлою арміей рабочихъ. Начались раскопки другого сорта. На мѣстѣ татарскихъ дворцовъ и храмовъ вскорѣ выросли вокзалъ и другія желѣзнодорожныя постройки, а на мѣстѣ знаменитаго могильника Нобель, Манташевъ, братья Четверговы и К° поставили огромныя цистерны для мазута и керосина. Такъ навсегда погибло для науки одно изъ замѣчательнѣйшихъ городищъ, на которое еще въ XVIII-мъ столѣтіи обращали вниманіе академіи наукъ наши ученые путешественники Палласъ, Лепехинъ и другіе. То же самое можетъ повториться на всемъ протяженіи Астраханской дороги и главнымъ образомъ около

[1]) См. XIII рапсодію Иліады.

Сентовки. Если нельзя сохранить памятники старины во всей полнотѣ на земляхъ, отчужденныхъ подъ дорогу, то все-таки многіе изъ нихъ можно сберечь для науки. Для этого, какъ я полагаю, пока работы еще не начаты (а начнутся онѣ въ будущемъ сентябрѣ), необходимо всѣмъ нашимъ ученымъ обществамъ, заботящимся о сохраненіи памятниковъ старины, то-есть императорской археологической комиссіи, Московскому археологическому обществу, Казанскому обществу археологіи, исторіи и этнографіи, Саратовской ученой архивной комиссіи и Петровскому обществу изслѣдователей Астраханскаго края войти въ сношеніе съ правленіемъ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги и просить его приложить особыя заботы къ сохраненію памятниковъ старины, которые встрѣтятся при работахъ. Руководящую роль въ этомъ дѣлѣ, конечно, должна принять на себя императорская археологическая комиссія. Но что же можно сдѣлать? Вѣдь инженеръ не обязанъ быть археологомъ: дѣлая выемку въ землѣ и встрѣчаясь, положимъ, хоть съ могилой, фундаментомъ зданія, наконецъ, съ цѣлымъ рядомъ остатковъ отъ старыхъ построекъ, онъ постарается не сохранить ихъ, а какъ можно скорѣе удалить съ пути, какъ препятствія для успѣшнаго хода работъ. Такъ, конечно, и будетъ, но ни главный строитель дороги, г. Холодецкій, ни начальникъ наиболѣе интереснаго строительнаго участка, г. Филипповъ, ни другіе начальники участковъ не сочтутъ въ трудъ отмѣтить хотя бы въ своей записной книжкѣ, что на такой-то верстѣ и въ такомъ-то мѣстѣ ими встрѣчено то-то и то-то, а затѣмъ сообщить объ этомъ императорской археологической комиссіи. И это уже очень важно. Можно сдѣлать и больше. Передъ раскопками Укека, Муранскаго городища (Симбирской губ.), Бельджамана и многочисленныхъ кургановъ въ Саратовской губерніи я дѣлалъ такъ: землекоповъ, съ которыми мнѣ предстояло производить работы, я или предварительно велъ въ музей ученой архивной комиссіи и наглядно знакомилъ ихъ съ памятниками старины, или, если этого сдѣлать было невозможно (гдѣ нибудь въ уѣздѣ, напримѣръ), я читалъ имъ обстоятельную лекцію о тѣхъ же памятникахъ, обильно иллюстрируя ее рисунками изъ «Археологіи Россіи» графа А. С. Уварова и изъ прекрасныхъ изданій нашихъ археологическихъ обществѣ. Результаты получались всегда вполнѣ хорошіе. Еще до производства работъ рабочіе знали, что̀ и при какихъ условіяхъ они найдутъ. Работы велись осторожно. Ни одна найденная вещь не оставлялась безъ должнаго вниманія. Въ средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ теперь много грамотныхъ. Нашимъ археологическимъ обществамъ необходимо теперь же издать краткій популярный очеркъ внѣшняго быта татаръ, обильно снабдить его иллюстраціями и въ самомъ очеркѣ, или въ приложеніи къ нему показать, какъ находить и какъ обращаться съ найденными археологическими памятниками. По обстоятельствамъ дѣла требуется, чтобы, во-первыхъ, очеркъ появился какъ можно скорѣе, такъ какъ къ работамъ дороги будетъ приступлено въ сентябрѣ, во-вторыхъ, чтобъ онъ былъ интересенъ, иначе рабочіе его не будутъ читать, и, въ-третьихъ, чтобы онъ былъ популяренъ. Такія популярныя брошюры чрезъ начальниковъ строительныхъ участковъ необходимо раздать всѣмъ грамотнымъ и даже неграмотнымъ (рисунки) рабочимъ. Онѣ принесутъ большую пользу. По моему

долгому опыту я знаю, что въ каждомъ рабочемъ, едва только онъ узнаетъ, что въ землѣ что-то есть, просыпается инстинктъ кладоискательства, и онъ работаетъ съ удвоеннымъ интересомъ. Наконецъ, самое главное: археологическія общества Москвы и Петербурга и Астраханское Петровское общество поступили бы вполнѣ цѣлесообразно, если бы пригласили строителей дороги въ одно изъ своихъ засѣданій, спеціально посвятивъ его археологіи и исторіи Золотой орды. Можно надѣяться, что правленіе общества Рязанско-Уральской дороги не останется безучастнымъ къ интересамъ науки. Несмотря на свою сравнительную молодость, русская археологія успѣла занять относительно исторіи и другихъ соціальныхъ наукъ почти такое же мѣсто, какъ анатомія для медицины вообще. Содѣйствіе ея успѣхамъ—задача каждаго образованнаго человѣка.

Раскопки въ Севастополѣ. Членъ С.-Петербургскаго археологическаго института Н. М. Печенкинъ производилъ археологическія раскопки въ окрестностяхъ города Севастополя, въ 4½ верстахъ отъ устья р. Бельбека, гдѣ имъ изслѣдованъ могильникъ I—III вѣка нашей эры, открытый г. Печенкинымъ въ минувшемъ году. Могильники римскаго времени представляютъ вообще большой интересъ, такъ какъ доставляютъ изслѣдователю богатый археологическій матеріалъ, интересъ котораго еще возрастаетъ отъ рѣдкости находокъ могильниковъ этого времени вообще въ Крыму, и въ особенности не потревоженныхъ грабителями еще въ давнее время. Бельбекскій могильникъ, расположенный на склонѣ возвышенности лѣваго берега Бельбека, оказался также потревоженнымъ грабителями, оставившими въ могилахъ предметы, не имѣющіе матеріальной цѣны. Однако удалось открыть и не разграбленную могилу ребенка, которая вмѣстѣ съ другими потревоженными позволила установить обрядъ погребенія. Найдена глиняная и стеклянная посуда, желѣзное оружіе, бусы, фибулы и др. предметы, которые поступятъ въ императорскую археологическую коммиссію.

Иностранные археологи въ Кіевѣ. Въ концѣ августа уѣхали изъ Кіева прогостившіе тамъ около двухъ недѣль иностранные ученые, проф. Л. Пичъ изъ Праги, одинъ изъ выдающихся чешскихъ археологовъ, и докторъ Губертъ Шмидтъ изъ Берлина, извѣстный продолжатель раскопокъ Шлимана въ Троѣ и Микенахъ и участникъ американской экспедиціи въ Среднюю Азію. Цѣлью пріѣзда обоихъ ученыхъ послужило желаніе ихъ изучить на мѣстѣ въ высшей степени интересную древне-арійскую (Трипольскую) культуру, открытую В. В. Хвойко, а также древне-скиѳскую эпоху въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена раскопками нашихъ южно-русскихъ изслѣдователей. Проф. Пичъ, желая лично видѣть памятники первой изъ упомянутыхъ эпохъ, выѣзжалъ съ г. Хвойко въ Триполье, гдѣ были открыты при с. Красномъ два мѣста, заключающія площадки, и осмотрѣны мѣста предыдущихъ раскопокъ. Остальное время оба ученые по цѣлымъ днямъ проводили безвыходно въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ, изучая его коллекціи, въ особенности скиѳскія, и собраніе Б. И. Ханенко.

НЕКРОЛОГИ.

АГОСКИНЪ, М. В. † 11 го сентября въ Иркутскѣ скончался на 75 году жизни извѣстный въ газетномъ мірѣ писатель-публицистъ Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ. Покойный происходилъ изъ духовной семьи, былъ сыномъ дьякона города Иркутска. Начавъ свое образованіе въ иркутской духовной семинаріи, онъ закончилъ его въ Казанской духовной академіи со степенью магистра богословія. М. В. былъ профессоромъ духовной семинаріи въ Иркутскѣ, затѣмъ тамъ же инспекторомъ военнаго училища и инспекторомъ 1-го техническаго училища. Литературная дѣятельность М. В. начинается съ 60-хъ годовъ. Онъ былъ первымъ редакторомъ первой неофиціальной газеты въ Сибири «Амуръ», 10 лѣтъ редактировалъ газету «Сибирь», сотрудничалъ въ «Восточномъ Обозрѣніи». Работалъ онъ и въ «Дѣлѣ»; былъ въ дружныхъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ критикомъ Шелгуновымъ. Какъ убѣжденный публицистъ-либералъ, М. В. пользовался популярностью. Благодаря его публицистической дѣятельности, въ его родномъ краѣ немало осуществлено высокихъ идей устройства улучшеній крестьянскаго быта. Ни одно важное засѣданіе у генералъ-губернатора края или губернатора Иркутска, по разработкѣ вопроса о землеустройствѣ, не проходило безъ М. В. Въ 80-хъ годахъ М. В. написалъ романъ подъ заглавіемъ «Магистръ». Въ свѣтъ вышла лишь первая часть. Вторая (по желанію автора) находится въ рукописи. Подобно Помяловскому, онъ описываетъ бурсацкое «житье-бытье» во всей его неприглядной красотѣ. Въ 1880 году онъ удалился въ уединеніе своей деревеньки «Грановщина», гдѣ проводилъ жизнь въ духѣ Л. Н. Толстого. Безгранично любя родную Сибирь, покойный, живя въ глуши, не оставался бездѣятельнымъ. Въ собственномъ кабинетѣ онъ устроилъ нѣчто въ родѣ сельской школы, куда собирались 10—15 деревенскихъ дѣтишекъ и изучали гра-

моту. За гуманное отношеніе къ крестьянамъ М. В. пользовался у нихъ такой широкой популярностью, что за 100 верстъ крестьяне пріѣзжали къ М. В., какъ къ своему законному и непреложному мировому посреднику и судьѣ. Помогалъ онъ мужику и матеріально. Такъ прожилъ М. В. болѣе 20 лѣтъ и скончался въ крайней бѣдности, оставивъ послѣ себя старушку-жену. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 473).

† **Лопухинъ, А. П.** 22-го августа скончался профессоръ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ всеобщей гражданской исторіи статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Лопухинъ. Сынъ священника Саратовской епархіи, онъ родился 10-го октября 1852 года; высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1878 году со степенью кандидата богословія. Съ 1879 по 1882 годъ покойный состоялъ псаломщикомъ при русской православной церкви въ Нью-Іоркѣ. Защитивъ въ 1881 году диссертацію подъ заглавіемъ: «Римскій католицизмъ въ Сѣверной Америкѣ», онъ исправлялъ нѣкоторое время должность секретаря совѣта и правленія С.-Петербургской духовной академіи, съ 1883 года состоялъ доцентомъ по сравнительному богословію, затѣмъ читалъ лекціи по всеобщей гражданской исторіи и въ 1890 году былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Покойному принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ научныхъ трудовъ и рядъ переводовъ, преимущественно сочиненій извѣстнаго духовнаго писателя Фаррара. Еще будучи студентомъ, Л. П. помѣстилъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» свое изслѣдованіе «О ветхозавѣтныхъ пророкахъ». Затѣмъ онъ напечаталъ: «Законодательство Моисея» (Спб., 1882 г.)—первое сочиненіе въ русской литературѣ по данному вопросу, «Религія въ Америкѣ» (Спб., 1884 г.), «Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завѣта», «Руководство къ библейской исторіи Новаго Завѣта», «Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій» (Спб., 1892—1895 гг.). Съ 1892 года А. П. редактировалъ журналы: «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе», а съ 1899 года состоялъ редакторомъ-издателемъ духовнаго журнала «Странникъ», при чемъ въ качествѣ приложенія къ этому журналу выпустилъ 4 тома изданной подъ его редакціей «Православной богословской энциклопедіи». Изъ переводныхъ сочиненій покойнаго, доставившихъ ему наибольшую извѣстность, наиболѣе крупными являются сочиненія Фаррара: «Жизнь Іисуса Христа», «Жизнь и труды св. апостола Павла», «Жизнь и труды святыхъ отцовъ и учителей церкви», новооткрытое сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго: «Размышленіе о жизни, страданіяхъ и воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа» (переводъ съ латинскаго подлинника), и др. Въ свои переводы инославныхъ авторовъ, всегда высоколитературные, Лопухинъ вносилъ освѣщеніе событій и мнѣній съ точки зрѣнія православнаго богослова, стоящаго на истинной высотѣ историко-научнаго пониманія. Въ редактируемыхъ имъ журналахъ Лопухинъ разсѣялъ сотни своихъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ вѣры и церкви, богословской науки и общественной жизни. Положительно невѣроятна была его кипучая продуктивность. При вѣчной огромной литературной работѣ—творческой, переводной и редакторской, А. П. еще успѣвалъ читать лекціи въ Петербургской академіи. Смерть застигла его, когда онъ только что

еще перешагнулъ за рубежъ полувѣка, и подсѣкла, несомнѣнно, не одинъ полезный для отечественной церковно-исторической науки замыселъ этого неутомимаго и горячаго работника пера. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 194; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 431; «Тифлисскій Листокъ», 1904 г., № 208; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 373; «Одесскія Новости», 1904 г.; № 6402; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 235, и «Новости Дня», 1904 г., № 7625).

† **Массенъ, В. Н.** 6-го сентября въ Одессѣ скончался неожиданно одинъ изъ наиболѣе видныхъ русскихъ гинекологовъ, профессоръ Новороссійскаго университета, Василій Николаевичъ Массенъ. Покойный окончилъ курсъ наукъ въ императорской военно-медицинской академіи, которую окончилъ со званіемъ лѣкаря и съ отличіемъ; въ 1887 г. конференціей академіи оставленъ при оной для усовершенствованія на три года. Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ былъ въ клиническій военный госпиталь. Въ слѣдующемъ году командированъ былъ съ высочайшаго разрѣшенія съ ученой цѣлью на одинъ годъ за границу. Въ Петербургѣ же состоялъ врачемъ-консультантомъ больницы и клинической лѣчебницы для приходящихъ больныхъ при покровской общинѣ сестеръ милосердія. За свои продолжительные труды и заслуги въ этой общинѣ профессоръ Василій Николаевичъ былъ разновременно всемилостивѣйше пожалованъ орденами св. Анны 2 и 3 степени и св. Станислава 2 и 3 степени. Въ 1890 г. конференціей императорской военно-медицинской академіи по защитѣ диссертаціи, признанъ достойнымъ званія доктора медицины. Въ томъ же году назначенъ былъ младшимъ ординаторомъ въ Новогеоргіевскій военный госпиталь, а черезъ два года начначенъ былъ помощникомъ завѣдующаго научнымъ отдѣломъ императорскаго института экспериментальной медицины, утвержденъ въ званіи приватъ-доцента военно-медицинской академіи по акушерству и женскимъ болѣзнямъ. 1-го іюля 1902 г. В. Н. Массенъ переведенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ, гдѣ сталъ читать лекціи по акушерству, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Уже въ бытность профессоромъ Новороссійскаго университета Василій Николаевичъ получилъ двѣ командировки съ научной цѣлью за границу. Перу покойнаго профессора принадлежалъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по гинекологіи, изъ которыхъ особенно извѣстна книга: «Акушерскіе вопросы. По матеріалу Гаваньскаго родильнаго пріюта въ С.-Петербургѣ» (Спб., 1899 г., съ рисунками). (Некрологи его: «Южное Обозрѣніе», 1904 г., № 2601; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6415; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 233; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 250, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 463).

† **Михайловскій, М. Н.** 28-го августа скончался за Волгой, противъ Костромы, въ с. Селищѣ, въ усадьбѣ А. В. Перелешина (на 28-мъ году жизни) отъ туберкулеза Маркъ Николаевичъ Михайловскій, сынъ Н. К. Михайловскаго. Покойный окончилъ С.-Петербургскій университетъ по естественному факультету. Участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, между прочимъ на Мурманъ, Новую Землю и Шпицбергенъ (въ экспедиціи Чернышова). Принималъ участіе въ Большомъ Энциклопедическомъ Словарѣ (Брокгауза и Ефрона) по отдѣлу естественныхъ наукъ. Послѣднее время онъ состоялъ въ качествѣ младшаго

зоолога при зоологическомъ музеѣ академіи наукъ. Кромѣ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ, имъ выпущены нѣсколько работъ по ихтіологіи и другимъ отраслямъ естественныхъ наукъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Некрологи его: «Кіевская Газета», 1904 г., № 245; «Вѣстникъ Юга», 1904 г., № 708, и «Донская Рѣчь», 1904 г., № 235).

† **Нейдингъ, И. И.** 7-го сентября въ Москвѣ скончался на 66 году жизни заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета и секретарь медицинскаго факультета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Нейдингъ. Покойный окончилъ курсъ Московскаго университета по медицинскому факультету въ 1860 г. первымъ лѣкаремъ съ отличіемъ. Поступивъ на слѣдующій годъ на службу, онъ состоялъ сначала врачемъ при полицейской (нынѣ Александровской) больницѣ въ Москвѣ, а по полученіи въ 1866 году степени доктора медицины за диссертацію «Объ атеромазіи артерій» (Москва, 1864 г.) былъ назначенъ въ университетъ ассистентомъ при каѳедрѣ судебной медицины. Съ 1869 г. И. И. состоялъ прозекторомъ при каѳедрѣ патологической анатоміи, съ 1878 г. доцентомъ и съ 1879 г. профессоромъ судебной медицины. Кромѣ того, въ теченіе около двадцати лѣтъ покойный занималъ должность секретаря медицинскаго факультета и, сверхъ лекцій, напечаталъ рядъ спеціальныхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 207; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 250, и «Новое Время», 1904 г., № 10248).

† **Радичъ, В. А.** Близъ Кіева, въ мѣстечкѣ Фастово, скончался небезызвѣстный литераторъ, Василій Андреевичъ Радичъ. Покойный принадлежалъ къ сравнительно молодымъ дѣятелямъ литературы и журналистики — ему было развѣ съ небольшимъ 40 лѣтъ. Тяжелая, хотя и кратковременная болѣзнь свела его въ могилу; подорванныя упорной многолѣтней журнальной и газетной работой силы не могли возстановить ни тщательный уходъ за нимъ близкихъ и родныхъ ему людей, ни отдыхъ на благодатномъ родномъ югѣ. Литературная дѣятельность его началась еще въ старшихъ классахъ 2-й кіевской гимназіи. Василій Андреевичъ уже тогда печаталъ свои поэтическіе разсказы и «думки» въ мѣстныхъ газетахъ, и теплота настоящей поэтической души согрѣвала большую часть того, что выходило изъ-подъ его пера, а писалъ онъ много — и чистой беллетристики, и журнальныхъ статей разнаго рода. Ему принадлежитъ немало интересно-разумныхъ бытовыхъ и историческихъ романовъ, множество повѣстей и разсказовъ. Въ послѣдніе годы въ особенности любимымъ полемъ его дѣятельности стала дѣтская литература. Онъ много работалъ во «Всходахъ», въ «Дѣтскомъ отдыхѣ» и др. Большая часть романовъ посвящены горячо любимой имъ Украинѣ, старинѣ Запорожья. Его украинскіе очерки лучшее, что написано имъ, а дѣтскіе разсказы дышатъ необыкновенной нѣжностью и любовью къ «дѣтворѣ», которую онъ очень любилъ. Одни изъ послѣднихъ разсказовъ его помѣщены въ «Природѣ и Жизни». Скромный, всегда благодушный, съ ярко сказывавшеюся въ немъ комической жилкой, нѣсколько флегматикъ по темпераменту, Василій Андреевичъ производилъ самое доброе впечатлѣніе на людей, лично съ нимъ соприкасавшихся, и знавшіе его не только

по его сочиненіямъ теряють съ нимъ милаго и сердечнаго человѣка. Покойный напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» рядъ корреспонденцій. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 405).

† **Рейтцъ, В. Н.** 28 августа скончался очень извѣстный въ Петербургѣ дѣтскій врачъ, директоръ и главный докторъ Елисаветинской клинической больницы для малолѣтнихъ, тайный совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Рейтцъ. В. Н. родился въ 1838 году, медицинское образованіе получилъ въ военно-медицинской академіи и въ 1863 году защитилъ диссертацію «Значеніе термометріи въ дѣтскихъ болѣзняхъ», представленную имъ для полученія степени доктора медицины. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ Владиміръ Николаевичъ провелъ въ заграничныхъ клиникахъ для усовершенствованія въ медицинѣ, работалъ между прочимъ въ лабораторіи проф. Штриккера и написалъ рядъ изслѣдованій по дѣтскимъ болѣзнямъ. Кромѣ многихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ, изъ трудовъ покойнаго, появившихся на русскомъ языкѣ, слѣдуетъ упомянуть: «Критическій взглядъ на оспопрививаніе», «Къ вопросу о прививаніи коровьей оспы», «Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста», монографію «Дифтерія» и др. Въ 1890 году Владиміръ Николаевичъ былъ избранъ почетнымъ профессоромъ императорскаго Еленинскаго клиническаго института по дѣтскимъ болѣзнямъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10236).

† **Свѣдомскій, П. А.** 27-го августа за границей скончался извѣстный художникъ Павелъ Александровичъ Свѣдомскій. Почившій по праву считался однимъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ историческихъ живописцевъ и жанристовъ, тогда какъ его старшій братъ, тоже очень даровитый,—Александръ Александровичъ, который почти всегда жилъ съ нимъ вмѣстѣ, славился, главнымъ образомъ, въ качествѣ хорошаго жанриста. П. А. Свѣдомскій появился на свѣтъ въ Петербургѣ въ 1849 году. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, онъ со своимъ братомъ поступилъ въ ученики Дюссельдорфской академіи художествъ. Но система преподаванія этой академіи не удовлетворила будущихъ живописцевъ, и братья Свѣдомскіе, пробывъ въ ея стѣнахъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ, стали потомъ заниматься въ Мюнхенѣ, главнымъ образомъ подъ руководствомъ знаменитаго І. Мункачи. Въ 1873 году покойный удостоился уже получить отъ императорской академіи художествъ званіе почетнаго вольнаго общника. Страстно любя классическую древность, изъ которой онъ преимущественно и черпалъ сюжеты для своихъ созданій, П. А. Свѣдомскій не могъ, однако, долго жить на родинѣ. Его постоянно тянуло въ милый ему вѣчный городъ. Съ 1875 года покойный окончательно уже поселился въ Римѣ и съ тѣхъ поръ пріѣзжалъ въ Россію очень рѣдко и на очень короткое время. Изъ многихъ даровитыхъ картинъ П. А. Свѣдомскаго нельзя не упомянуть слѣдующихъ, которыя прославили его имя не только въ Россіи, но и за границей. Это: «Крестьянскій дворъ» (1876 г.), «Москва горитъ» (1879 г.), «Юлія въ ссылкѣ» (1882 г.), «Медуза» (1882 г.), «Evoe Bacche!» (1884 г., собственность великаго князя Константина Константиновича), «Жертвоприношеніе (1886 г.), а также длинная вереница изображеній на сюжеты изъ земной жизни Спасителя, которыя написаны на стѣнахъ боковыхъ придѣловъ Владимирскаго собора въ Кіевѣ: «Воскрешеніе Лазаря», «Входъ во Іеру-

салимъ», «Тайная Вечеря», «Моленіе о чашѣ», «Христосъ передъ Пилатомъ», «Распятіе» и «Вознесеніе». Послѣдніе годы своей жизни П. А. Свѣдомскій являлся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ С.-Петербургскаго общества художествъ. Многія его произведенія предстали впервые передъ публикой именно на выставкахъ этого общества, какъ, напримѣръ: «Добрые Совѣты» и «Средиземное море» (1898 г.), «Фульвія съ головою Цицерона» (1899 г.), «Сократъ и Ксантиппа» (1901 г.), «Поцѣлуй» (1902 г.) и другіе. Двѣ картины П. А. Свѣдомскаго («Крестьянскій дворъ» и «Медуза») хранятся въ Третьяковской галлереѣ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 240; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 446; «Новое Время», 1904 г., № 10235, и «Кіевское Слово», 1904 г., № 5990).

† **Уманецъ, А. А.** 6-го сентября въ Симферополѣ скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Уманецъ, на 63-мъ году жизни. Покойный окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету. До послѣдняго времени покойный занималъ должность попечителя «пріюта Фабра» и въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ трехлѣтій былъ несмѣняемымъ почетнымъ мировымъ судьей. Въ литературномъ мірѣ А. А. Уманецъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ «Историческихъ записокъ Крыма», вышедшихъ большимъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1881 году, и другихъ работъ историческаго характера по изслѣдованіямъ крымской старины. А. Уманецъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Таврической губерніи, гдѣ началъ службу по выборамъ. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 460).

† **Хойнацкій, А. И.** 20-го августа послѣ продолжительной болѣзни скончался настоятель церкви святой великомученицы Екатерины, протоіерей Антоній Игнатьевичъ Хойницкій. Покойный былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ. А. И. образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, по окончаніи курса которой нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ сперва псковской, а потомъ петербургской духовныхъ семинарій. Въ 1869 году былъ священникомъ въ Боголюбской церкви Александро-Невскаго дома призрѣнія и въ Князь-Владимирскомъ соборѣ. Вскорѣ назначенъ настоятелемъ Преображенской церкви на Аптекарскомъ островѣ, а отсюда въ 1874 году перемѣщенъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви строительнаго училища, гдѣ оставался больше 20 лѣтъ. Съ 1894 года состоялъ настоятелемъ Екатерининской церкви и благочиннымъ. Покойный напечаталъ много статей церковно-историческаго характера. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10230).

† **Четыркинъ, Ѳ. В.** 19-го августа скончался въ Обуховской больницѣ, около 60 лѣтъ отъ роду, Ѳедоръ Васильевичъ Четыркинъ. Покойный по окончаніи курса С.-Петербургской духовной академіи въ 1867 г., былъ опредѣленъ преподавателемъ общей и русской исторіи въ волынскую духовную семинарію. За диссертацію: «Синкретизмъ въ средніе вѣка», былъ удостоенъ степени магистра богословія. Оставивъ службу по духовно-учебному вѣдомству, Ѳ. В. перешелъ чиновникомъ въ государственный контроль въ Петербургѣ. Какъ на службѣ въ Волыни, такъ и въ Петербургѣ Ѳ. В. принималъ дѣятельное участіе въ литературѣ. Кромѣ диссертаціи, имъ напечатана книга: «О русскихъ патріархахъ», и нѣсколько книжекъ для народнаго чтенія. Ѳ. В. сотрудничалъ

въ «Паломникѣ», «Петербургской Газетѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ, гдѣ печатались его работы по церковно-историческимъ вопросамъ. Послѣдней его работой была книжка «Минувшія судьбы Петербургскаго края», церковно-историческій очеркъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10229).

† **Яновскій, П. Я.** 26-го августа, въ Алуштѣ скончался отъ чахотки преподаватель церковной исторіи въ Екатеринославской духовной семинаріи, Павелъ Яковлевичъ Яновскій. Несмотря на свою молодость (скончался 26½ лѣтъ), покойный успѣлъ уже заявить себя въ церковно-археологической наукѣ талантливымъ и усерднымъ работникомъ. Трудъ покойнаго: «Описаніе рукописей новгородскаго архіерейскаго дома» (около 200 страницъ), заслужилъ со стороны церковныхъ археологовъ полное одобреніе. Отъ начинающаго археолога въ правѣ были ожидать многаго, въ виду его солидной исторической подготовки: покойный, кромѣ С.-Петербургской духовной академіи, окончилъ и С.-Петербургскій археологическій институтъ, совѣтомъ котораго удостоенъ званія дѣйствительнаго члена института. Работникъ, достойный быть въ первыхъ рядахъ истинныхъ тружениковъ науки, Павелъ Яковлевичъ отличался рѣдкою въ наши дни скромностью. Любя свою науку не словомъ, а дѣломъ, онъ сторонился научныхъ собраній, на которыхъ люди разнаго званія многоглаголили. Онъ работалъ безъ шума, не ища себѣ дешевой извѣстности. (Некрологъ его: «Приднѣпровскій край», 1904 г., № 2273).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Русскія историческія могилы на Повонзковскомъ кладбищѣ въ Варшавѣ.

Варшавское римско-католическое кладбище на Повонзкахъ по площади, имъ занимаемой, и по количеству лицъ, на немъ погребенныхъ, принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ въ Европѣ. Открыто оно въ 1790 году. Начало кладбищу положилъ староста кленовскій Мельхіоръ Шимановскій. Онъ подарилъ 6.902 кв. саж. земли. На этомъ участкѣ первоначально погребали исключительно прихожанъ костеловъ: св. Яна, Пресв. Дѣвы Маріи и св. Георгія. До послѣдняго времени (до открытія новаго католическаго кладбища на Бруднѣ) Повонзковское кладбище было единственнымъ мѣстомъ погребенія варшавянъ-католиковъ. Участокъ, подаренный Шимановскимъ, черезъ сто лѣтъ оказался недостаточнымъ, несмотря на то, что городское управленіе неоднократно увеличивало его посредствомъ прикупки сосѣднихъ земель, и пришлось открыть второе римско-католическое кладбище по другую сторону Вислы.

Среди множества могилъ на Повонзковскомъ кладбищѣ есть нѣсколько могилъ русскихъ. Онѣ находятся около третьихъ воротъ со стороны Дзикой

улицы, почти подлѣ обширной часовни, поставленной надъ могилою семьи Эпштейновъ. Подлѣ самой дорожки лежитъ каменная, окрашенная масляною краскою желто-сѣраго цвѣта, большая плита. Вверху ея эмблема вѣчности — песочные часы, съ крыльями. Крылья и помѣщенныя ниже слова вызолочены.

Здѣсь погребено
тѣло на брани
убиеннаго Лейбъ
Гвардіи Гусарскаго
полка Ротмистра
Николая
Сергѣевича
Слѣпцова.

Ниже вмурована доска изъ бѣлаго мрамора съ надписью (буквы черныя):

возобновленъ
товарищами Лейбъ-Гусарами
Его Величества
1904 г.

Могила окружена металлическою рѣшеткою, верхніе концы прутьевъ которой, имѣющіе форму пикъ, густо вызолочены. На рѣшеткѣ, въ верхней части плиты («въ головахъ») укрѣплена металлическая доска, въ видѣ щита, съ надписью:

Сестра Г. Н.
брату своему
Храброму Ротмистру
Слѣпцову 1853 года
Падшему на полѣ чести
1831 года Августа 25 дня.

У самой рѣшетки, окружающей могилу Слѣпцова, въ головахъ, лежитъ на землѣ каменная небольшая, почти квадратной формы, плита. На ней сохранились слѣды русской надписи. Послѣдняя уже стерлась. Можно еще прочитать отдѣльныя слова: «Егерскаго»... «полка»... «прахъ»... «камнемъ»... «1831».

По лѣвую руку отъ могилы ротмистра Слѣпцова стоитъ каменный памятникъ, окрашенный въ такой же цвѣтъ, какъ и предыдущій.

Памятникъ имѣетъ видъ четырехграннаго обелиска, увѣнчаннаго крестомъ. На цоколѣ эмблема вѣчности—песочные часы съ крыльями. Крылья вызолочены. Передняя сторона памятника занята надписью. Слова вырѣзаны и позолочены.

Здѣсь погребено
тѣло на брани
убіеннаго Л. Гв.

Гусарскаго полка
корнета
Петра
Степановича
Киреевскаго
Сент. 18 дня
1831 Года.

Ниже у основанія обелиска—доска изъ бѣлаго мрамора. На ней черными буквами написано:

возобновленъ
товарищами Лейбъ Гусарами
Его Величества
1904 г.

Памятникъ огражденъ такою же рѣшеткою, какъ и предыдущій.

Рядомъ съ надгробнымъ памятникомъ Кирѣевскаго помѣщается небольшая (около 2 арш. высоты) круглая каменная колонна, выкрашенная масляною краскою желто-сѣраго цвѣта, на тройномъ четырехугольномъ пьедесталѣ изъ камня. На верху колонны подушка изъ камня, окруженная лавровымъ вѣнкомъ. Листья вѣнка выкрашены въ зеленый цвѣтъ. На подушкѣ старый гусарскій киверъ съ золотымъ орломъ и знакъ военнаго ордена. Къ подушкѣ прицѣплены и свѣшиваются по бокамъ колонны офицерская лядунка и сабля. Вся поверхность колонны спереди занята надписями на греческомъ и французскомъ языкахъ, которыя я привожу съ сохраненіемъ орѳографіи.

ἘΠΌΛΔΕ ΚΕΙ͂=[1] ΤΛΙΟ͂ ΔΥ͂ΛΟΣ
ΤΟ͂Υ ΘΕΥ͂ ΠΡΙΓΓΙΨ ΤΩ͂ΓΕΝΕΙΩΝ
ΓΕΩ͂ΡΓΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΥ ΜΟΥΡΟΥΖΗΣ
ΤΟΠΟΤΗΡΗΤΗΣ ΗΟ͂ ΑΡΧΩΝ ΤΟΥ͂ ΤΑΙ
ΝΑΤΟΣ ΤΩ͂Ν ΓΟΥΣΣΆΡΩΝ ΤΗ͂Σ ΑΥΤΟ͂Υ
ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΗ͂Σ ΜΕΓΆ ΓΕΙΌΤΗΤΟΣ ΑΎΤ.
ΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΠΑΣΩ͂Ν ΤΩΝ ῬΩΣΣΕΙΩΝ ΚΑΙ
Ι͂ΠΠΕΥΣ ΤΟΥ͂ ΤΑΓΜΑΤΟΣ ΤΗ͂Σ ἉΓΙΆΣ ἌΝΝΗΣ
ΓΕΝΝΕΘῈΙΣ ΤΗ͂ 16 ΔΕΚΕΜΒΡΙΌΥ 1804 ΚΑΙ
ΤΕΛΣΥ ΤΉΣΑΣ ΤΗ͂ 13 ΣΕΠΤΕΜΒΡΊΟΥ 1831 ἜΤΟΥΣ.

La reposent les cendres du
Prince Georges Mourousy lieute—
nant au regiment des Hussards de
la Garde Imperiale de Sa Majesté
l'Empereur de toutes les Russies et
chevalier de l'ordre de St. Anne.
Né le 16 Decem. 1804 et mort le 13 Septem, 1831.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ свѣшивается на колонну изображеніе знака военнаго ордена.

Дальше бѣломраморная доска съ обозначеніемъ, что памятникъ возобновленъ товарищами, лейбъ-гусарами въ 1904 году. Многихъ интересуетъ вопросъ: почему поименованныя «православныя» могилы находятся на католическомъ кладбищѣ? Да просто, думаю, потому, что въ то время русскіе, православные, не имѣли своего кладбища. Русское кладбище на Волѣ возникло послѣ 1831 года. Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется нахожденіе другихъ русскихъ могилъ на томъ же Повонзковскомъ кладбищѣ, напримѣръ, могилы Лидіи и Надежды Багговутъ († 1834 г.), погребенныхъ о бокъ памятника кн. Мурузи, и обиліе ихъ на лютеранскомъ кладбищѣ на Волѣ.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Могилы декабристовъ.

Лѣтомъ прошлаго года я былъ въ Ялуторовскѣ. Это—маленькій, захудалый городъ Тобольской губерніи, рѣшительно ничѣмъ не замѣчательный. Лишь одну онъ имѣетъ особенность: политическія бури и волненія прошлаго вѣка неизмѣнно присылали сюда своихъ представителей однихъ на нѣсколько лѣтъ, другихъ на много, иныхъ навсегда.

Первыми такими невольными колонистами были декабристы: Оболенскій, Муравьевъ-Апостолъ, Якушкинъ, Пущинъ, Кюхельбекеръ и Ентальцевъ. Существуютъ еще нѣкоторые изъ домовъ, гдѣ они жили, да и вообще городъ съ тѣхъ поръ измѣнился мало. Окруженный съ трехъ сторонъ рощами, а съ четвертой—рѣкою Тоболомъ, онъ полонъ ненарушимой тишины и покоя. Послѣ тяжелыхъ утратъ, многолѣтнихъ мукъ каторги и тюрьмы декабристы чувствовали себя тутъ хорошо. Они устроились своими домами, окружены были товариществомъ; городское общество искало съ ними общенія; они были ближе къ Россіи и «свободны» въ предѣлахъ городской черты. Они устраиваютъ женскую школу, учительствуютъ, лѣчатъ.

Такъ проходитъ двадцать лѣтъ.

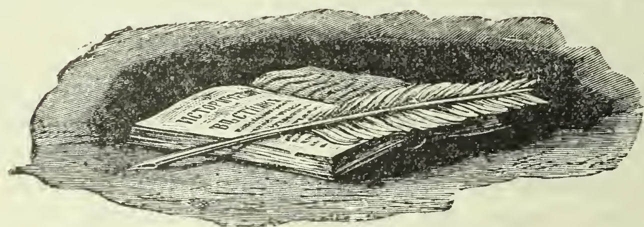
26-го августа 1856 года коронаціонный манифестъ императора Александра II возстановилъ ихъ въ правахъ и далъ имъ свободу. И вотъ черезъ тридцать лѣтъ, сѣдыми стариками, они возвращаются въ Россію, но не всѣ...

Иду на кладбище. Оно знакомо мнѣ съ дѣтства. Оно расширилось и еще пуще заросло деревьями. Миную церковь и направо, около большого мраморнаго памятника безъ надписи нахожу чугунную плиту, совсѣмъ вросшую въ землю. На плитѣ читаю: «Здѣсь покоится младенецъ Анна Оболенская. Родилась 1847 года, апрѣля 26-го. Скончалась 1848 года, мая 26-го. Таковыхъ есть царствіе Божіе». Надъ плитою молодая, стройная береза. Эта Анна Оболенская, безъ сомнѣнія, дочь извѣстнаго декабриста Евгенія Оболенскаго.

Немного правѣе—другая желѣзная плита. Эта обнесена чугунною рѣшеткой, одна стѣнка которой, впрочемъ, уже рухнула. На плитѣ надпись: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Здѣсь погребено тѣло Андрея Васильевича Ен-

тальцева, умершаго 1847 года 27-го января на 57 году отъ рожденія. Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою васъ». Надъ плитою, совсѣмъ ее закрывая, растутъ никѣмъ не посаженные кусты малины и акацій. Кругомъ также все заросло. Видно, что никто сюда не ходитъ. Забытая могила! А еще не такъ давно, лѣтъ 15 назадъ, сюда ходилъ сѣдой старикъ. Это—бывшій крѣпостной Ентальцева, вольно дѣлившій его горестную судьбу въ каторгѣ и ссылкѣ. Умеръ его баринъ, уѣхали декабристы, а онъ сжился съ мѣстомъ ссылки и остался тутъ навсегда. Теперь и онъ на этомъ же кладбищѣ. И могилы Андрея Васильевича Ентальцева уже никто не посѣщаетъ. Долго я надъ нею стоялъ. На кладбищѣ я былъ одинъ. Тишина ничѣмъ ненарушимая. Думы тутъ свои, особенныя. И невыразимо утѣшительными казались мнѣ эти слова: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою васъ».

А. Ө. Кожевниковъ.



ОРЕСТЪ.

Говорятъ, ея
На свѣтѣ нѣтъ.

ИФИГЕНІЯ.

Достойна состраданья
Она не менѣй своего отца,
Обрекшаго ее на смерть.

ОРЕСТЪ.

Погибла
Она изъ-за Елены.

ИФИГЕНІЯ.

Гдѣ же сынъ
Агамемнона? Въ Аргосѣ живетъ?

ОРЕСТЪ.

Живетъ вездѣ онъ и нигдѣ—несчастнымъ
Изгнанникомъ.

ИФИГЕНІЯ.

О мой печальный сонъ,
Ты обманулъ меня. [Задумывается. Пауза].
Мнѣ жаль глубоко
Васъ, юноши. Послушайте, что вамъ
Я предложу: одинъ изъ васъ отъ смерти
Избавится, коль онъ окажетъ мнѣ
Услугу добрую... [Оресту].
Ты съ виду честенъ,
И знаешь ты Микены хорошо.
Я дамъ тебѣ свободу, ты вернешься
Въ родимый городъ, и отыщешь тамъ
Ты родственника моего: ему я
Вѣсть о себѣ желаю передать.
Но твой товарищъ не пойдетъ съ тобою:
Какъ требуетъ обычай древній скиѳовъ,
Его богинѣ въ жертву принесутъ.

ОРЕСТЪ.

Въ томъ, что я слышу отъ тебя, одно лишь
Не по сердцу мнѣ, жрица... [Указываетъ на Пилада].
Смерть его:
Она легла бы тяжко мнѣ на совѣсть.

Вѣдь кормчій горя я, а онъ со мной
Поплылъ затѣмъ, чтобы дѣлить невзгоды,
И низко было бы его сгубить,
Чтобъ самому спастись... Твое желанье
Пусть онъ исполнитъ, въ Аргосъ возвратясь,
А я умру здѣсь, если это нужно
Кому нибудь. Нѣтъ ничего подлѣй,
Какъ собственную жизнь спасать цѣною
Погибели другого. Онъ мнѣ другъ,
И жизнь его мнѣ такъ же драгоцѣнна,
Какъ и моя.

ИФИГЕНІЯ.

Я вижу: надѣленъ
Ты чуднымъ сердцемъ, и по крови вѣрно
Ты благороденъ. Другъ своихъ друзей
Ты истинный... О, какъ бы я хотѣла,
Чтобъ родственникъ мой, что живетъ въ Микенахъ,
Былъ на тебя похожъ... Да, у меня
Есть братъ на родинѣ, но не видались
Давно, давно мы... Если хочешь ты,
Пускай твой другъ въ родной вернется Аргосъ,
Но здѣсь тебѣ придется умереть.

ОРЕСТЪ.

Кто жъ въ жертву принесетъ меня? Ужасный
Обрядъ исполнитъ?

ИФИГЕНІЯ.

Я. То жрицы долгъ.

ОРЕСТЪ.

Печальный долгъ для дѣвы.

ИФИГЕНІЯ.

Что же дѣлать!
Необходимость требуетъ, чтобы я
Повиновалась.

ОРЕСТЪ.

Неужели въ тѣло
Мнѣ, женщина, ты мечъ вонзишь сама?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, окроплю лишь жертвенной водою
Я голову твою.

ОРЕСТЪ.

Гдѣ буду я
Похороненъ?

ИФИГЕНІЯ.

Твой прахъ сожгутъ въ пещерѣ
Въ огнѣ священномъ.

ОРЕСТЪ.

Если бы могла
Моя сестра навѣкъ закрыть глаза мнѣ!..

ИФИГЕНІЯ.

Напрасное желаніе! Несчастный,
Кто бы ни былъ ты, здѣсь не живетъ она.
Но такъ какъ ты аргосецъ, окажу я
Услугу эту для тебя. На одръ
Твой погребальный я цвѣты разсыплю,
Умащу ароматами твой трупъ,
Полью костеръ я медомъ, что́ сбираютъ
Здѣсь пчелы золотистыя...

ПИЛАДЪ.

Его
Ты хоронить сбираешься, такъ вмѣстѣ
Похорони ужъ и меня... [Оресту].
Съ тобой
Пріѣхалъ я сюда, съ тобою долженъ
И умереть, иначе подлымъ трусомъ
На родинѣ всѣ назовутъ меня,
А многіе подумаютъ, быть можетъ,
Что я предатель, что убилъ тебя
Измѣннически я, чтобъ, возвратившись
Въ родную землю, завладѣть твоимъ
Престоломъ царскимъ, какъ женихъ Электры...

ИФИГЕНІЯ [въ изумленіи].

Женихъ Электры?! Ты ея женихъ?
Иль я ослышалася, чужеземецъ,
Не поняла?..

ПИЛАДЪ.

Нѣтъ, поняла ты вѣрно
Мои слова. Но непонятно мнѣ
Твое волненіе и удивленье...

ИФИГЕНІЯ.

Но вѣдь къ Электрѣ и Оресту я
Хочу послать тебя отсюда съ вѣстью,
Что Ифигенія, сестра ихъ, здѣсь
Живетъ, о нихъ грустя и вспоминая...

ПИЛАДЪ.

Здѣсь Ифигенія? Такъ гдѣ жъ она?!

ИФИГЕНІЯ.

Она передъ тобою!

ПИЛАДЪ.

Если правду
Сказала ты, исполнить можешь ты
Сама свое желанье: вотъ Орестъ!

ИФИГЕНІЯ.

Возможно ль это—онъ?!

ОРЕСТЪ.

О дорогая
Моя сестра! Глазамъ не вѣрю я:
Такъ ты жива?..

ИФИГЕНІЯ.

Ты—братъ мой?.. Перестань:
Онъ въ Аргосѣ живетъ...

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, онъ покинулъ
Родную землю, бѣдная...

ИФИГЕНІЯ.

Ужель
Ты сынъ спартанки Клитемнестры? Можешь
Ты это доказать мнѣ?

ОРЕСТЪ.

Докажу.
Спроси меня о чемъ нибудь изъ нашей
Домашней жизни?

ИФИГЕНІЯ.

Говори. Тебя
Я буду слушать.

ОРЕСТЪ.

Разскажу сперва я
Про то, что слышалъ отъ Электры... Помнишь:
Ты выткала на тонкомъ полотнѣ
Атрея и Тіэста?

ИФИГЕНІЯ.

Помню, помню!..

ОРЕСТЪ.

Изобразила ты искусно солнца
Закатъ пурпурный...

ИФИГЕНІЯ.

Милый, ты
Воспоминанья дней счастливыхъ будишь
Въ моей душѣ... На ткани тонкой я
Тотъ сдѣлала рисунокъ...

ОРЕСТЪ.

Въ день отъѣзда
Въ Авлиду, помнишь, повели тебя
Купаться передъ свадьбой...

ИФИГЕНІЯ [горько].

Не забуду
Я эту свадьбу...

ОРЕСТЪ.

Помнишь: прядь волосъ
Отрѣзанныхъ ты матери послала?

ИФИГЕНІЯ.

На память, чтобъ могла она воздать
Имъ почесть погребальную...

ОРЕСТЪ.

Теперь я
Тебѣ напомню то, что видѣлъ самъ
Я во дворцѣ отца: копье, которымъ

Онъ Эномая поразилъ, въ бою
За Гипподамію: оно хранилось
Надъ ложемъ у царя...

ИФИГЕНІЯ [обнимая его].

Мой милый, милый,
Желанный братъ мой, дорогой Орестъ!...
Вдали отъ Аргоса тебя нежданно
Я встрѣтила...

ОРЕСТЪ.

Какъ я тебя: вѣдь всѣ
Тебя считали мертвой... Видишь: слезы
Я не могу сдержать...

ИФИГЕНІЯ.

И я.

ОРЕСТЪ.

Но это
Не слезы горя: плачемъ мы отъ счастья,
Отъ радости.

ИФИГЕНІЯ.

Когда я домъ родной
Покинула, ты былъ еще ребенкомъ,
Ты крошкой былъ... Держала на рукахъ
Тебя кормилица... Ахъ, мнѣ словами
Не высказать, что чувствую въ душѣ...
Вѣдь наша встрѣча—болѣе чѣмъ чудо!
Ты волею тайною боговъ сюда
Былъ приведенъ... Дай на тебя взглянуть мнѣ...
Родной мой городъ! Милыя Микены!
Вамъ шлю я благодарности привѣтъ:
Вы мнѣ взростили, воспитали брата,—
Семью Атридовъ гордость...

ОРЕСТЪ.

Ты, сестра,
Увлечена свиданьемъ и забыла
Несчастья рода нашего, свои
Страданія въ Авлидѣ. Я тамъ не былъ,
Но съ дѣтскихъ лѣтъ я съ горечью внималъ
Разсказъ о страшномъ жертвоприношеньѣ...

ИФИГЕНІЯ.

Да, злую муку вынесла я тамъ...
Безъ пѣсенъ свадебныхъ, меня обманомъ
Въ палатку Ахиллеса привели
И въ храмъ оттуда повлекли... Донынѣ
Невольно содрогаюсь я, когда
Припомню страшный мигъ... рыданья, вопли
Несчастной матери... и ножъ жреца...
Отецъ со мною поступилъ жестоко,
И вотъ теперь изъ той бѣды едва
Не вышла худшая еще: невольно
Могла я сдѣлаться убійцей брата!...

ПИЛАДЪ.

Друзья мои, вы радостью полны:
Воспоминанья и объятья ваши
И жалобы понятны такъ... Но всежъ
Пора о томъ подумать, чтобъ спасенья
Намъ засвѣтилъ отрадный, яркій лучъ:
Счастливый случай выпалъ намъ на долю,
И надобно воспользоваться имъ,
Волненіе восторга успокоивъ.

ИФИГЕНІЯ.

Ты правъ, прекрасный юноша... Но дай
Мнѣ объ одномъ спросить... [Оресту].
Зачѣмъ покинулъ
Ты милый Аргосъ и приплылъ сюда?

ОРЕСТЪ.

Такъ повелѣлъ оракулъ Аполлона...
Я изгнанъ изъ моей отчизны былъ
За преступленье, и куда ни шелъ я,
За мной гнались Эринніи, грозя
Мнѣ ужасомъ и муками Аида.
Истерзанный проклятіями ихъ,
Я впалъ въ недугъ жестокаго безумья.
Изъ края въ край скитался я, томимый
Преступной совѣстью, и наконецъ
Я въ Дельфы воротился и съ мольбою
Предъ жертвенникомъ Аполлона я
Припалъ, поклявшись умереть на мѣстѣ,
Коль не проститъ меня всесильный богъ!

И онъ меня услышалъ и велѣлъ мнѣ
Итти сюда, изъ храма Артемиды
Изображеніе богини взять
И перенесть его въ Аѳины: этимъ
Я искуплю свою вину, недугъ
Безумья исцѣлю... О дорогая
Сестра моя, спаси, спаси меня
И помоги мнѣ. Если я добуду
Кумиръ богини,—вновь я ворочусь
На кораблѣ многовесельномъ въ Аргосъ
Съ тобою вмѣстѣ. Не удастся мнѣ
Исполнить это,—весь нашъ домъ и всѣ мы,
Потомки рода древняго, погибнемъ!

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю: не далеко конецъ
Твоихъ страданій и несчастій нашей
Семьи печальной... Если Аполлонъ
Оракула устами повелѣнье
Такое далъ, что долженъ ты унесть
Кумиръ богини,—значитъ, Артемида
Желаетъ этого, и мнѣ она,
Какъ жрицѣ, средство вѣрное укажетъ
Исполнить это дѣло... Мнѣ пришла
Мысль тайная... ее потомъ обсудимъ...
Теперь васъ отведутъ подъ стражей въ храмъ.
Тамъ ждите вы... Клянусь: иль я погибну,
Иль—солнце не закатится еще
За эти горы—мы по волнамъ моря
Въ родимый Аргосъ уплывемъ, чтобъ вновь
Жить радостью и счастьемъ и свободой! [Зоветъ громко].
Ей, стража! [Стража выходитъ идъ-за скалы].
Отвести ихъ и стеречь
Въ притворѣ храма.

Стража окружаетъ Ореста и Пилада и уводитъ ихъ къ храму. На верхней площадкѣ лѣстницы выходятъ рабыни. Онѣ провожаютъ обреченныхъ на жертву печальнымъ взоромъ и запѣваютъ прощальную пѣснь.

РАБЫНИ.

Вотъ идутъ они, грустныя, блѣдныя
Дѣти Греціи, края родного,
Обреченныя смерти Судьбою...
Скоро, скоро проститесь вы, бѣдные,
Съ свѣтомъ радостнымъ дня золотого,
Вѣчной ночи объятыя тьмою.

[Занавѣсъ медленно падаетъ].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорація.—Вечеръ.

СЦЕНА I.

Ифигенія, Орестъ.

ИФИГЕНІЯ.

Я вѣрю, замыселъ удастся мой.

ОРЕСТЪ.

А я, сестра, не вѣрю. Царь суровый
Не склонится къ моленіямъ твоимъ,
И жертвы онъ кровавой не отложитъ...

ИФИГЕНІЯ.

Тогда рѣшусь на дѣло то, что мнѣ
Внушаетъ разумъ и необходимость,
И хитростью прикрою нашъ побѣгъ.

ОРЕСТЪ.

Ты думаешь, что скиѳъ такъ прямодушенъ?
Проникнетъ хитрость онъ—и выйдетъ такъ:
Погибнемъ мы, и ты за насъ погибнешь!

ИФИГЕНІЯ.

Зачѣмъ предсказывать заранѣй зло,
Не испытавъ всѣ средства для спасенья?

Не отдавай себя, мой братъ, во власть
Сомнѣнію: оно въ душѣ рождаетъ
Отчаянье...

ОРЕСТЪ.

Въ моей душѣ давно
Отчаянье живетъ... Людьми и небомъ
Отвергнутъ я. Тѣнь матери меня
Преслѣдуетъ... Она изъ мрака ночи
Зоветъ Эринній и кричитъ: «онъ вашъ!»...
Напрасно я, покорный повелѣнью
Оракула, бѣжалъ сюда: я вновь
И здѣсь увидѣлъ ихъ, онѣ сверкали
Глазами алчными, грозили мнѣ
Неумолимымъ мщеньемъ... Вѣчный призракъ
Ужаснаго убійства предо мной
И днемъ, и ночью... Я припоминаю
Невольно все... какъ будто снова я
Свершаю преступленіе... Я вижу
И взоръ молящій матери, и рукъ
Ея поднятыхъ трепетъ, и проклятья
Ея предсмертнаго я слышу вопль...
Да! прокляла она и обрекла
Меня Эринніямъ... Съ предсмертнымъ хрипомъ
Ея слова смѣшались: «предаю
Тебя я вѣчной мукѣ: въ часъ вечерній,
Въ часъ утренней зари, во тьмѣ ночной,
Въ сіяньѣ дня,—всегда передъ тобою
Убитой матери да будетъ тѣнь!»...
Мнѣ нѣтъ спасенья, и никто не можетъ
Меня избавить отъ грызущихъ мукъ
Раскаянья. Горитъ въ огнѣ страданья
Моя душа, и жгучій тотъ огонь
Эринніи злорадно раздуваютъ...

ИФИГЕНІЯ.

Твои мученья раздѣливъ съ тобой,
Я погашу его любви дыханьемъ.

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сестра! Пусть казнь одинъ несу
За преступленіе: покровомъ свѣтлымъ
Твоей любви не прикрывай меня,
Богини жрица, чистая душою.
Мнѣ путь одинъ: въ обитель черной смерти!

И если бы туда я за собой
Повлекъ тебя—я большее страданье
Прибавилъ бы къ страданью моему.
Вотъ почему тебя я умоляю:
Оставь меня. Я долженъ умереть,
Уйти изъ міра жертвою кровавой
Въ возмездье за великую вину!

ИФИГЕНІЯ.

Не самъ ли здѣсь, когда послали боги
Нежданную свиданья радость намъ,
Молилъ меня ты о своемъ спасеньѣ?..
Не самъ ли видѣлъ впереди конецъ
Всѣмъ бѣдствіямъ судьбы своей?... И что же!..
Теперь твой духъ возставшій ослабѣлъ,
И скорбь мрачитъ и разумъ твой, и волю...

ОРЕСТЪ.

Тогда при встрѣчѣ радостной съ тобой
Въ душѣ мелькнула тайная надежда,
Что правый гнѣвъ боговъ ты укротишь
Молитвою одной. Но для спасенья
Меня отъ гибели должна ли ты
Итти сама на гибель?.. Вижу ясно
Теперь я заблужденіе свое:
Свиданіемъ съ тобой еще сильнѣе
Хотѣли боги наказать меня...
Небесъ велѣньемъ роковымъ обманутъ
Твой братъ несчастный... [Рыдаетъ].
Да, меня привелъ
Судьбы жестокой приговоръ къ предѣлу
Моихъ мученій... но предѣлъ тотъ—смерть!..
Я мать казнилъ. Теперь на казнь сестрою
Я буду приведенъ. Такъ суждено
И такъ свершится. Передъ властью рока
Ничтожна наша воля... Ты должна
Оставить скрытый замыселъ.

ИФИГЕНІЯ.

Когда бы
Я этого хотѣла—не могу
Такъ поступить теперь: вѣдь я открыла
Рабынямъ то, что сдѣлать я хочу
Съ ихъ вѣрной помощью. Онѣ сюда подходятъ...

Ты долженъ удалиться. Успокой
Свое истерзанное мукой сердце
Надеждой на прощеніе небесъ
И вѣрь, какъ я, что близокъ часъ спасенья
И для тебя и для меня. Будь твердъ,
Какъ я, душой... Розстанемся на время.

[Орестъ уходитъ на скалу къ храму, откуда спускаются рабыни].

СЦЕНА II.

Ифигенія, рабыни.

ИФИГЕНІЯ.

Я вамъ свое намѣренье открыла:
Теперь моя судьба у васъ въ рукахъ,
Вы можете меня счастливой сдѣлать,
Иль погубить, лишивъ меня отчизны
И дорогого брата и сестры
Моей любимой. Вспомните: другъ друга
Мы, женщины, не выдаемъ, всегда
Хранимъ мы тайны общія.

РАБЫНИ.

Не бойся,
Мы будемъ молчаливы, госпожа,
И замыселъ твой тайный не откроемъ...

ИФИГЕНІЯ.

Троихъ насъ ждетъ одна судьба: иль смерть,
Или возвратъ на родину... Молю васъ
Помочь мнѣ въ бѣгствѣ.

[Подходитъ къ нѣкоторымъ женщинамъ].

Матерью твоей
Тебя я заклинаю!.. А тебя твоими
Дѣтьми любимыми!.. Тебя сестрою!..
Васъ всѣхъ святынею того, что вамъ
На свѣтѣ дорого! Когда вы помощь
Мнѣ не окажете, — мой бѣдный братъ
И я погибнемъ.

РАБЫНИ.

Госпожа, что можемъ—
Все сдѣлаемъ мы для тебя. — Смѣлѣй

Берись за дѣло и заботься только
Ты о своемъ спасеніи, а мы—
Въ свидѣтели Зевеса призываемъ —
Тебѣ поможемъ.

ИФИГЕНІЯ.

Пусть благословятъ
Васъ небеса и вамъ даруютъ радость
И счастье въ жизни. [Преклоняется передъ жертвенникомъ].
Ты меня спасла,
Богиня свѣтоносная, въ Авлидѣ
Отъ страшной смерти. Я молюсь теперь:
Прославь себя! Велѣнье Аполлона
Дай совершить мнѣ: я перенесу
Кумиръ твой, небомъ посланный, въ Аѳины.
Здѣсь недостойно пребывать тебѣ:
Изъ чуждой стороны переселися
Подъ небо Греціи, въ родимый край!

[Звуки роговъ].

ОДНА ИЗЪ РАБЫНЬ.

Ты слышишь, жрица? Царь сюда подходитъ
И съ нимъ вожди и воины его.

ИФИГЕНІЯ.

Часъ роковой приблизился. Богиня,
Пошли мнѣ силы, просвѣти меня
Небеснымъ разумомъ!

[Входятъ: Тоантъ, воины].

СЦЕНА III.

Ифигенія, Тоантъ, старый воинъ, рабыни, воины.

ТОАНТЪ.

Готова ль, жрица,
Ты къ жертвоприношенью приступить?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь.

ТОАНТЪ.

Зачѣмъ же замедляешь
Обрядъ священный?

ИФИГЕНІЯ.

Божество принять
Не можетъ въ жертву плѣнныхъ чужеземцевъ,
Которыхъ привели мнѣ.

ТОАНТЪ.

Почему?

ИФИГЕНІЯ.

Позволь мнѣ прежде, чѣмъ тебѣ открою
Причину эту, просьбу обратить
Къ великодушью твоему. Донынѣ
Меня ты слушалъ, царь, и отмѣнялъ
Не разъ обычай древности кровавый...
Такъ поступи же кротко и теперь
Съ несчастными, что̀ бѣдственной судьбою
Приведены сюда... Повѣрь, боговъ
Тотъ ложно чтитъ, кто думаетъ, что въ жертву
Нужна имъ человѣческая кровь:
Онъ неразумно придаетъ безсмертнымъ
Желанія жестокія людей...
Сама богиня развѣ не явила
Завѣтъ благой, когда меня спасла
У жертвенника своего отъ смерти?..

ЦАРЬ.

Быть можетъ, ты права, но всежъ нельзя
Намъ нарушать исконные уставы,
Которые издревле чтитъ народъ.
Обвѣянъ чарами любви, я долго
Покоренъ былъ внушеніямъ твоимъ
И вызывалъ народа громкій ропотъ...
Но во̀-время очнулся я: пора
Мнѣ вспомнить, что я царь, и что согласьемъ
Съ народнымъ духомъ власть царя сильна.
Хоть мнѣ и жалко юныхъ чужеземцевъ,—
Я долженъ въ просьбѣ отказать твоей.

ИФИГЕНІЯ.

Такъ преклонить тебя нельзя на милость
Къ несчастнымъ?

ТОАНТЪ.

Нѣтъ.

ИФИГЕНІЯ.

Рѣшеніе свое
Кровавое ты отмѣнить не хочешь?

ТОАНТЪ.

Я не могу. Ты—-жрица, отъ боговъ
Надѣлена ты мудростью. Пойми же,
Что у царей, порою, волю ихъ
Необходимость сковываетъ цѣпью...
Откуда родомъ эти чужеземцы?

ИФИГЕНІЯ.

Изъ Греціи.

ТОАНТЪ.

Понятно мнѣ
Твое участье къ нимъ. Но все же въ жертву
Ты принести должна ихъ. Поспѣши
Свершить обрядъ печальный. Я желаю
Присутствовать при жертвоприношеньѣ.

ИФИГЕНІЯ.

Но къ жертвѣ приступить нельзя сейчасъ:
Проклятіе лежитъ на чужеземцахъ,
Богини воля отвергаетъ ихъ.
Они—убійцы. Преступленьемъ страшнымъ
Осквернены...

ТОАНТЪ.

Какъ! развѣ здѣсь,
Когда ихъ стража захватила ночью,
Убитъ былъ юношами кто нибудь
Изъ воиновъ моихъ?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, совершили
Они не здѣсь ужасное злодѣйство,
А въ Аргосѣ: пролита ими кровь
Ихъ матери.

ТОАНТЪ.

О праведные боги!
На это даже варваръ не рѣшится.
Ужели тамъ, въ странѣ твоей родной,
Гдѣ люди чтутъ законъ, ихъ злое дѣло
Осталось безъ достойнаго возмездья?

ИФИГЕНІЯ.

Страна родная отказала имъ
Въ убѣжищѣ—и вотъ, скитаясь всюду,
Они приплыли къ этимъ берегамъ,
Мечтая, что найдутъ пріютъ спокойный
Въ странѣ чужой. Одинъ изъ нихъ недугомъ
Безумья пораженъ. Когда во храмъ
Ихъ привели, къ подножію кумира
Священнаго онъ съ дикимъ воплемъ палъ
И осквернилъ своимъ прикосновеньемъ
Ликъ божества: кумиръ заколебался
И съ мѣста сдвинулся... [Въ толпѣ воиновъ выраженіе ужаса].
Оскорблена
Святыня храма... И не приметъ жертвы
Разгнѣванная Артемида!

ТОАНТЪ.

Что жъ
Намъ должно сдѣлать, чтобъ богиню снова
На милость преклонить?

ИФИГЕНІЯ.

Омыть водою
Ея кумиръ священный по обряду
Исконному.

ТОАНТЪ.

Въ рѣкѣ?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, въ волнахъ моря.
Волной соленой моря очищаетъ
Людскіе всѣ грѣхи: такой завѣтъ
Издревле установленъ... Чужеземцы,
На жертву обреченные богинѣ,
Очиститься должны водою также.

ТОАНТЪ.

Когда же очищенія обрядъ
Ты совершишь?

ИФИГЕНІЯ.

Сейчасъ. Смотри: къ закату
Склоняется свѣтило дня. Въ волнахъ,

Послѣдними лучами озаренныхъ,
Омоются и жертвы и кумиръ,
При пѣніи святыхъ молитвъ богинѣ.

ТОАНТЪ.

Ты здѣсь все сдѣлаешь?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь,
На берегу, въ уединенномъ мѣстѣ,
Близъ той пещеры смерти, гдѣ въ огнѣ
Священномъ трупы жертвъ сжигаютъ тайно.

ТОАНТЪ.

Пусть будетъ такъ. Иди туда. Возьми
Съ собой прислужницъ. Чужеземцевъ стража
Вслѣдъ за тобою отведетъ.

ИФИГЕНІЯ.

Прошу
Я, государь, чтобъ воины, которыхъ
Назначишь ты сопровождать меня,
На время удалилися, покуда
Не совершу я тайну очищенья:
Не подобаетъ видѣть взорамъ ихъ
Обрядъ святой. Вели на чужеземцевъ
Надѣть оковы или ихъ связать...

ТОАНТЪ.

Зачѣмъ же? Убѣжать имъ невозможно.

ИФИГЕНІЯ.

Они вѣдь — греки. Грекамъ довѣряться
Нельзя, ты знаешь.

СТАРЫЙ ВОИНЪ [выступаетъ впередъ].

Царь, дозволь сказать
Мнѣ слово правды. Если не разумнымъ
Оно тебѣ покажется—прости:
Я старъ, а старость любитъ осторожность...
Сказала жрица вѣрно: довѣрять
Не слѣдуетъ коварнымъ, хитрымъ грекамъ.

Она ихъ знаетъ хорошо: сама
Изъ ихъ земли... Сдается, будто этотъ
Безумный чужеземецъ, что̀ кумиръ
Прикосновеньемъ осквернилъ, затѣялъ
Обманъ лукавый... И другое ложь:
Чтобъ жизнь спасти, убійцами нарочно
Себя назвали юноши... И жрица
Напрасно вѣру вымыслу даетъ:
Они ее, какъ видно, умолили
Слезами горестными... жалость въ ней
Къ соотчичамъ невольно пробудилась,
И втайнѣ, можетъ быть, сама она
Желаетъ, чтобъ они спаслися бѣгствомъ...

ТОАНТЪ.

Старикъ, довольно! Могъ ты это думать,
Но здѣсь, передъ служительницей храма
Ты говорить не долженъ такъ царю!
Пойми, что если бы я даже правду
Прозрѣлъ въ твоихъ словахъ,—я и тогда
Все такъ же поступилъ бы, какъ велитъ мнѣ
Довѣрье къ той, что̀ небомъ избрана
Провозвѣщать для насъ завѣты неба. [Ифигеніи].
Иди и сдѣлай такъ, какъ жрицы долгъ
Велитъ тебѣ. Возьми кумиръ богини.
Когда же вновь его внесешь ты въ храмъ,—
Кровавую воздай богинѣ жертву. [Старому воину].
А ты, старикъ, со стражей отведешь
На берегъ чужеземцевъ и оставишь
Ихъ съ жрицей тамъ, гдѣ повелитъ она.
Ты самъ и воины твои—должны вы
Конца обряда ждать вдали отъ той
Пещеры, гдѣ свершится очищенье.

[Уходитъ въ сопровожденіи воиновъ. Старый воинъ съ отрядомъ стражи идетъ на скалу къ храму].

ИФИГЕНІЯ [рабынямъ].

Снимите бережно кумиръ богини
Съ подножія, священнымъ покрываломъ
Его закройте и подъ звуки лиръ
И гимновъ умоляющихъ несите
Къ пещерѣ тайной...

[Рабыни уходятъ къ храму вслѣдъ за воинами].

СЦЕНА IV.

Ифигенія [одна].

Дрогнуло въ груди
Отъ страха сердце въ мигъ, когда въ лицо мнѣ
Тотъ старый воинъ заглянулъ своимъ
Суровымъ взоромъ и пытливой рѣчью
Смущать сталъ душу гордаго царя:
Мой замыселъ погибнуть могъ... Дочь Леты!
Прости, прости невольный мой обманъ!
Вѣдь своего божественнаго брата
Ты любишь, такъ дозволь и мнѣ любить
Несчастнаго Ореста и Электру,
Сестру мою! Страдала долго я
Здѣсь, на чужбинѣ: ниспошли мнѣ радость
Желанную—возвратъ въ родимый край!..

СЦЕНА V.

Звуки лиръ. Со скалы отъ храма спускается процессія: рабыни несутъ на убранныхъ цвѣтами носилкахъ статую Артемиды; однѣ держатъ дымящіяся курильницы; другія—лиры, золотыя чаши, сосуды; третьи осѣняютъ статую вѣтвями. За рабынями идетъ стража, окружающая Ореста и Пилада, въ оковахъ. Предшествуемая Ифигеніей, процессія проходитъ черезъ всю сцену, медленно, подъ звуки лиръ и пѣнія гимна рабынь.

РАБЫНИ.

Артемида, дочь Зевеса,
Храмъ покинь многоколонный
Въ часъ таинственный заката.

Неба алая завѣса
Надъ волной спустилась сонной,
Тишиною все объято...

Гаснетъ солнца блескъ огнистый,
Скоро сумракъ ночи тьмою
Скалъ вершины отуманитъ,

И, омытъ волною чистой,
Съ лаской неба золотою
Твой привѣтный ликъ проглянетъ...

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же декорація.—Ночь. Буря. Молнія и удары грома.

СЦЕНА I.

Тоантъ, старый воинъ.

[Тоантъ входитъ въ сопровожденіи воиновъ съ факелами].

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Я остерегалъ тебя, царь. Но ты не хотѣлъ меня послушать. Вотъ и вышло то, что я предвидѣлъ: жрица и два хитрыхъ грека обманомъ захватили кумиръ богини и бѣжали... Если бы ты повѣрилъ мнѣ тогда...

ТОАНТЪ.

Оставь пустыя слова. Говори, какъ было дѣло.

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Исполняя твое велѣнье, я привелъ подъ стражей чужеземцовъ къ той скалѣ, у подножія которой входъ въ пещеру, гдѣ сожигаютъ трупы. Тутъ жрица приказала мнѣ оставить ее и дожидаться на берегу, въ ближнемъ лѣсу, а сама она, ея рабыни и чужеземцы пошли тайною тропою къ морю. Я удалился съ моими воинами. Долго мы ждали въ лѣсу. Солнце скрылось за скалами, настала ночь, тьма легла на землю, и небо заволокла черная туча. Время шло, а жрица не возвращалась. Напрасно мы прислушивались: на берегу все было тихо... Тогда меня взяло сомнѣніе. Оставивъ стражу въ лѣсу, я пробрался на вершину скалы. Въ это время луна выглянула изъ-за тучи и освѣтила море. И что же я

увидѣлъ: по волнамъ бѣжалъ корабль, быстро мелькали длинныя весла... на высокой кормѣ его, освященной луною, стоялъ кумиръ богини, и передъ нимъ, воздѣвая руки къ небесамъ, молилась жрица, ея рабыни и чужеземцы. Вѣтеръ, подувшій съ моря, донесъ ко мнѣ слова ихъ молитвы. Они пѣли благодарный гимнъ богинѣ за свое спасенье и просили властителя моря, бога Посейдона, о счастливомъ пути въ ихъ родную страну... Они радовались.

ТОАНТЪ.

Прежде времени... Владыка моря не услышалъ ихъ молитву. Въ такую бурю они не уплывутъ настолько, чтобы я ихъ не досталъ моимъ копьемъ. Ихъ корабль поглотятъ волны, или прибьетъ его обратно къ скаламъ... [За сценой гулъ голосовъ].

Что такое тамъ? Я слышу крики народа?

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Въ тревогѣ бѣжитъ толпа... Съ нею воины...

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Царь покинулъ дворецъ. Онъ здѣсь, на берегу у храма. Сюда идите, сюда!..

[Вбѣгаетъ толпа народа и воины].

СЦЕНА II.

Тѣ же, начальникъ стражи, воины, народъ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Царь, я приношу тебѣ вѣсть. Мы захватили корабль грековъ, которые хотѣли увезти кумиръ богини и ея жрицу. Буря пригнала его къ скалѣ, гдѣ стоялъ мой сторожевой отрядъ...

ТОАНТЪ.

Я зналъ, что это будетъ такъ. Чужеземцы сопротивлялись? Былъ бой?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Когда волны бросили судно на прибрежную мель, мы быстро окружили его. Людей на немъ было немного, они измучились борьбой съ бурею, но все-таки не хотѣли сдаваться и грозили намъ оружіемъ. Въ небольшой схваткѣ мы осилили ихъ и взяли всѣхъ. Только двое юношей—ихъ вожди—не сдались: они бились, какъ бѣшеные, и видя, что мы одолѣваемъ, и имъ не миновать плѣна, бросились съ корабля въ волны и скрылись въ ночной темнотѣ...

ТОАНТЪ.

Они погибли въ морѣ?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Думаю, что такъ, царь. Мы обшарили прибрежныя скалы и не нашли чужеземцевъ.

ТОАНТЪ.

А жрица богини? Она бѣжала съ ними?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Нѣтъ, государь. Жрица и рабыни-гречанки спасены. Мы привели ихъ. Вотъ онѣ здѣсь.

Онъ дѣлаетъ знакъ воинамъ, которые раздвигаютъ толпу народа и выводятъ Ифигенію].

СЦЕНА III.

Тѣ же, Ифигенія.

ТОАНТЪ.

Отъ гордой дочери Агамемнона,
Отъ жрицы избранной богини, я
За доброе мое гостепріимство
Не ждалъ коварства. Дѣвою святой
Я почиталъ тебя. Я думалъ—боги
Тебѣ внушаютъ мудрость. Но теперь
Я вижу, что безумію покорно
Твое измѣнчивое сердце... Какъ
Пойти могла ты на такое дѣло?
Хранительница алтаря богини
Рѣшилася обманомъ увезти
Ея кумиръ священный, чужеземцамъ
Предать народную святыню!..

[Въ толпѣ движенье, ужаса и негодованія].

ГОЛОСА.

Боги,
Возможно ль беззаконіе такое!

ТОАНТЪ.

Ты видишь—содрогается народъ
И даже предъ лицомъ царя не можетъ

Негодованья ропотъ удержать...
Они, сердца простыя, разумѣютъ,
Какъ небеса оскорблены твоимъ
Дѣяніемъ преступнымъ и коварнымъ,
А ты, служительница неба, ты,
Предстательница ихъ передъ богами,
Склонилася душой на святотатство!.. [Ифигенія молчитъ].
Молчишь ты? Уменьши свою вину
Хоть словомъ оправданья предо мною
И предъ народомъ. Говори.

ИФИГЕНІЯ.

Не стану
Оправдываться я. Да, я виновна
Передъ тобой, передъ людьми... Но боги
Меня простятъ: ихъ волей я была
Подвигнута на то, что совершила...

ТОАНТЪ.

Ты въ гордомъ заблужденьѣ на боговъ
Свои желанія легко слагаешь...
Не для боговъ ты бросилась безумно
На преступленье и обманъ. Тебя
Соблазномъ увлекли два хитрыхъ грека,
Которымъ жизнь хотѣла ты спасти,
Чтобъ съ ними, можетъ быть, въ краю родимомъ
Узнать то счастье, что отвергла ты
Съ холодностью, когда здѣсь, на чужбинѣ,
Его тебѣ властитель предлагалъ.
Ты предпочла съ бродягами побѣгъ
Вѣнцу царицы... Для боговъ все это
Ты сдѣлала?.. Нѣтъ, если бъ небеса
Хотѣли этого,—успѣхъ счастливый
Послали бы они. Но кара ихъ
Обрушилася надъ тобой: открылся
Твой замыселъ, обманъ преступный твой;
Тѣ, для кого ты санъ священной жрицы
Забыла въ увлеченіи,—нашли
Смерть горькую въ волнахъ соленыхъ моря...
Ихъ боги погубили. И тебя
Они погубятъ...

ИФИГЕНІЯ.

Царь, твои укоры
Ревнивые не праведны. Когда бы

Ты зналъ, кого хотѣла я спасти,—
Ты иначе судилъ бы о несчастныхъ
И обо мнѣ... Ты правъ въ одномъ: судьба
Неумолимая все погубила,
Что дорогимъ считала въ жизни я.
Я умереть должна, и я готова
Безъ сожалѣнья встрѣтить свой конецъ...
Молю тебя: суди за преступленье
Меня судомъ земнымъ. Я знаю: смерть
Положена у васъ за святотатство—
Таковъ законъ страны.

ТОАНТЪ.

Какъ человѣкъ,
Жалѣю я тебя... И если долженъ,
Какъ царь, судить передъ моимъ народомъ,—
Скажи мнѣ оправданія твои:
Я казнь жестокую смѣню на милость...

ГОЛОСА НАРОДА.

— Нѣтъ оправданья той, что предала,
Забывши жрицы долгъ святой, богиню!
— Нѣтъ милости!—Къ намъ изъ страны чужой
Пришла она и жрицы санъ обманомъ
Присвоила себѣ!—Кровавыхъ жертвъ
Обычай древній отмѣнить хотѣла...
— Она преступница и казнь принять
Должна за преступленье по закону!..

ТОАНТЪ.

Ты слышишь?

ИФИГЕНІЯ.

Слышу... и безъ страха жду,
Чтобы свершилось то, что властнымъ рокомъ
Назначено: погибнуть я должна,
Какъ дочь семьи Атрида, осужденной
Проклятіемъ небесъ...

ГОЛОСА НАРОДА.

Царь, не внимай
Ея рѣчамъ. — Она колдунья: властью
Волшебныхъ чаръ твой отуманитъ умъ
И волю. — Положи свое рѣшенье,

Будь твердъ.—На казнь, на смерть святыни
Предательницу лживую!—Съ утеса
Ее низвергнуть, какъ велитъ законъ
Отцовъ и предковъ!

ТОАНТЪ.

Оправдайся, жрица—
Еще разъ говорю—передъ народомъ... [Ифигенія молчитъ].
Молчишь?.. Ты хочешь погубить себя...
Въ безумной гордости своей виною
На смерть, на казнь ужасную сама
Идешь покорно... Власть моя безсильна
Передъ народомъ, если ты его
Мольбой раскаянья не тронешь...

ИФИГЕНІЯ.

Къ небу
Моя мольба обращена... Прошу
Тебя я, царь: не дли напрасно муку
Предсмертную... [Къ народу съ сильнымъ порывомъ].
Народъ! виновна я,
О казни я молю за преступленье!

[Движеніе въ толпѣ. Гулъ голосовъ].

ГОЛОСА НАРОДА.

Сама себя винитъ она и казни
За грѣхъ свой молитъ.—Что же медлишь, царь?
Казни ее!

ИФИГЕНІЯ.

Ты видишь: нѣтъ спасенья.
Осуждена я и людьми и небомъ...

ТОАНТЪ.

Тогда... пусть совершится. Смерть твою
Не я призвалъ... [Даетъ знакъ воинамъ].
Возьмите
Преступницу и совершите казнь.

[Двое воиновъ связываютъ Ифигеніи руки и ведутъ на вершину скалы. Общее напряженное молчаніе. Всѣ взоры устремлены на Ифигенію. Она стоитъ на вершинѣ скалы, съ мольбой поднявъ глаза къ небу].

ИФИГЕНІЯ.

Умираю,
Покорная велѣньемъ вашимъ, боги...

Мой милый братъ, любимый мой Орестъ,
Послѣдній лучъ угаснувшаго рода
Погасъ, и пусть навѣки съ нимъ погаснетъ
Жизнь бѣдная моя...

[Одинъ изъ воиновъ кладетъ руку на плечо Ифигеніи, чтобы столкнуть ее съ утеса. Орестъ, раздвинувъ толпу, съ воплемъ бросился впередъ].

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Орестъ.

ОРЕСТЪ.

Сестра! сестра! [Бросается къ Тоанту].
Останови убійство, заклинаю
Тебя я небомъ, царь, — останови!

ТОАНТЪ.

Какъ смѣешь, дерзкій грекъ, безумнымъ словомъ
Ты нарушать народа правый судъ
И приговоръ царя?... Здѣсь нѣтъ убійства,
А праведная казнь за преступленье.

ОРЕСТЪ.

Невинная на казнь осуждена
Тобою и народомъ... Я — преступникъ,
А не она! Казни меня!.. Ты видишь:
Я самъ пришелъ въ твои отдаться руки,
Хотя могъ бѣжать бы я... Изъ-за меня
Она, сестра несчастнаго, богами
Отверженнаго брата, умираетъ...

ТОАНТЪ [въ изумленіи].

Ты—жрицы братъ?!.. Что говоришь ты, грекъ?
Такъ предо мною сынъ Агамемнона,
Властителя великаго?..

ОРЕСТЪ.

Онъ былъ
Властителемъ великимъ въ этомъ мірѣ,
Покуда въ вѣчный мракъ не отошелъ..

ТОАНТЪ.

И ты, столь славнаго царя наслѣдникъ,
Скитаешься здѣсь въ чуждой сторонѣ?
Что привело тебя?

ОРЕСТЪ.

Небесъ проклятье
И ихъ велѣнье.

ТОАНТЪ.

Теменъ твой отвѣтъ...
Твоимъ словамъ я могъ не дать бы вѣры,
Но кажется мнѣ, юноша, въ тебѣ
Достоинство есть царственное предковъ...
И съ жрицею лицомъ ты сходенъ...

ОРЕСТЪ.

Царь,
Вотъ мечъ Агамемнона! онъ подъ Троей
Сражался имъ, и отнятъ этотъ мечъ
Изъ рукъ убійцы мною. Я клянуся
Мечомъ отца священнымъ: я—Орестъ,
Атрида сынъ... Я знаю, что обманомъ
Казаться можетъ людямъ дѣло то,
Къ которому мою сестру склонилъ я,
Но все жъ оно—внушеніе боговъ...
Не спрашивай, за что меня постигло
Проклятіе небесъ: мнѣ тяжело
Ужасное о томъ воспоминанье,
Но въ искупленье моего грѣха
Мнѣ боги повелѣли изъ отчизны
Итти въ твою далекую страну
И хитростью иль силою изъ храма
Богини Артемиды взять кумиръ
И перенесть его въ родимый Аргосъ.
Нежданно въ жрицѣ я нашелъ сестру,
Которую считалъ давно умершей,
И умолилъ ее бѣжать со мной
И сдѣлать то для моего спасенья,
Что сдѣлала она... Я все сказалъ.
Суди же, царь, кто истинный виновникъ
Преступнаго дѣянья. Отдаюсь

Тебѣ во власть: меня казнить ты долженъ,
А не сестру невинную мою...

ТОАНТЪ [послѣ краткаго молчанія].

Нѣтъ, замѣнять одну несправедливость
Другой не стану я. Мой царскій долгъ,
Законъ народа мнѣ повелѣваютъ
Карать людей за преступленья тѣ,
Что волей внушены людской, но воля
Безсмертныхъ для меня и для народа
Священна. Если бы тебѣ и жрицѣ
Я воспрепятствовалъ свершить завѣтъ,
Что̀ небомъ возвѣщенъ, — проклятье неба
Мой домъ постигнетъ и мою страну...
Но да не будетъ этого вовѣки!

[Къ воинамъ, которые держатъ Ифигенію, повелительно].

Снимите узы!.. Жрица, ты свободна!
Иди и брата обними. Его
Спасла ты кроткою своей любовью,
Вернувъ ему прощеніе боговъ:
Онъ отъ суда людей тебя спасаетъ...

ОРЕСТЪ.

Какъ намъ почтить и правоту и мудрость
Великодушья твоего, властитель?

ИФИГЕНІЯ [подходитъ къ Тоанту].

Чѣмъ отплатить за доброту твою?

ТОАНТЪ.

Когда вернетесь вы въ родимый Аргосъ,
Скажите тамъ, что въ дикой сторонѣ
Средь племени суровыхъ скиѳовъ
Сіяетъ свѣтъ прощенья и любви...

ИФИГЕНІЯ.

Хранить мы въ сердцѣ будемъ благодарность,
Покуда Парка нашей жизни нить

Не перерветъ, и о царѣ Тоантѣ
Воспоминанье будетъ свято намъ
Навѣки...

ТОАНТЪ.

Дочь Агамемнона, этимъ
Утѣшенъ я, насколько можетъ быть
Утѣшенъ человѣкъ, который счастья
Желаннаго лишился... Но — довольно...
Разстанемся. [Оресту].
Гдѣ спутникъ твой? Его
Не вижу я.

ОРЕСТЪ.

Онъ, государь, остался
На берегу: онъ ослабѣлъ отъ ранъ,
Не въ силахъ былъ итти сюда со мною,
Когда рѣшились мы отдаться въ плѣнъ.

ТОАНТЪ.

Онъ родственникъ твой?

ОРЕСТЪ.

Да и другъ мой,
Вѣрнѣйшій изъ друзей: дѣлилъ со мною
Мои несчастья онъ...

ТОАНТЪ.

Такъ пусть теперь
Раздѣлитъ радость счастья и свободу.
Я отпускаю съ миромъ васъ. [Начальнику стражи].
Ладью
Сейчасъ же снарядить, и пусть доставитъ
Ихъ на корабль. [Начальникъ стражи и его воины уходятъ].
Часъ утра недалекъ:
Съ зарею повѣетъ вамъ попутный вѣтеръ,
И, парусъ распустивши, въ край родной
Направите вы бѣгъ свой... Путь счастливый!
Прощайте.

ИФИГЕНІЯ.

Пусть небесъ благословенье
Да будетъ надъ тобою, царь!.. Прости!

[Тоантъ, воины, народъ уходятъ. Къ берегу причаливаютъ лодки съ гребцами. Загорается заря].

СЦЕНА V.

Ифигенія, Орестъ, рабыни.

ИФИГЕНІЯ [окружающимъ ея рабынямъ].

Прощайте, бѣдныя мои подруги,
Дѣлившія со мной неволи плѣнъ
На чуждомъ берегу. Васъ покидая,
Тоскую я душою объ одномъ:
Мнѣ небомъ не дано вашъ рабскій жребій
Смѣнить свободою въ родномъ краю.
Въ мигъ счастья своего невольно лью
Я слезы сожалѣнья и печали...
Любовью, ласкою своей не разъ
Меня вы въ горѣ тяжкомъ утѣшали:
Чѣмъ я теперь могу утѣшить васъ?..

[Прощается съ рабынями и входитъ на лодку. Орестъ входитъ вслѣдъ за нею].

РАБЫНИ.

На аргосскомъ кораблѣ
Поплывешь ты черезъ море.
Ты, приставъ къ родной землѣ,
Тамъ забудешь слезы, горе...

Если бъ слѣдомъ за тобой
Мы летѣть могли, какъ птицы,
Надъ волною голубой,
Что блеститъ въ лучахъ денницы!

Въ царскій домъ свой ты войдешь,
Какъ въ былые дни когда-то,
Пѣснь веселья запоешь,
Пѣснь счастливаго возврата.

Намъ родной не видѣть край,
Намъ тебя не видѣть болѣ...
Здѣсь увянемъ мы въ неволѣ...
Навсегда прощай, прощай!..

[Лодка уплываетъ подъ пѣніе рабынь. Ифигенія, освѣщенная лучами восхода, стоитъ на кормѣ, протягивая руки къ плачущимъ рабынямъ. Занавѣсъ медленно опускается].

В. П. Буренинъ.